

Свт. Димитрий Ростовский

Жития святых

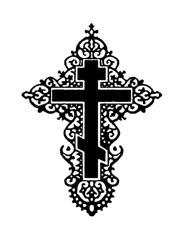
VII

март

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА СЕДЬМАЯ

МАРТ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга седьмая. Март. — М.: «Ковчег», 2010. — 720 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-156-9

Подписано в печать 16.03.10. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 45 п. л. Усл. печ. л. 58,05.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз. Заказ № 1481.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

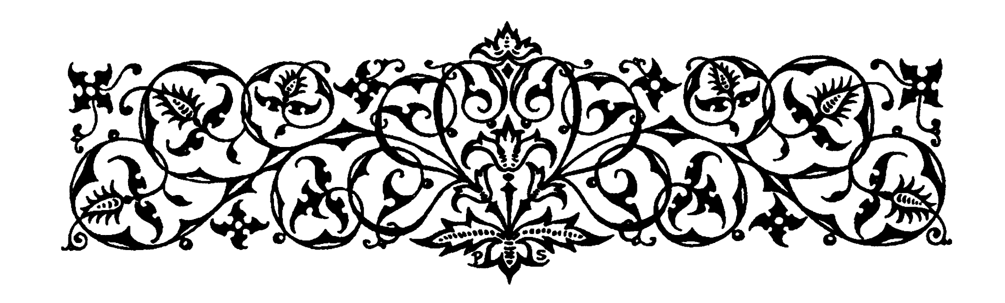
НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо чести́ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.

День первый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕВДОКИИ

В царствование Траяна[1] в городе Илиополе[2], что в Келесирии[3], в области Финикии Ливанской[4], сопредельной с иудейской страной, жила девица, по имени Евдокия. По происхождению и по вере она была самарянка[5]. Прельщая своей великой красотой, она мно-

[1] *Римский император Траян* царствовал с 98 по 117 год по Рождеству Христова.

[2] *Илиополь — Илиополис* — город солнца.

[3] *Келесирия* — «углубленная Сирия» — низменная полоса земли в Ливанских горах на севере Палестины.

[4] *Финикия Ливанская* — восточная часть Финикии, примыкающая к Ливанским горам, а самая Финикия занимает северо-западную часть Палестины, примыкающую к Средиземному морю. Главные ее города — Тир, Сидон, Сарепта — упоминаются в Евангелии.

[5] *Самария* — средняя часть Палестины, граничащая на севере с Галилеей и Финикией, на юге — с Иудеей и примыкающая к Средиземному морю. Население ее составляли десять колен Израилевых, кроме колен Иудина и Вениаминова.

Вера самарянская — самарянский раскол. Первоначально обитатели Самарии ничем не отличались от иудеев, следуя тому же Моисееву Закону. Потом, вследствие сношений с язычниками-инородцами, они утратили чистоту иудейской религии и мало-помалу разошлись с иудеями, так что около 335 года до Рождества Христова построили даже особый от иудеев храм на горе Гаризин и учредили в нем особое богослужение, имевшее нечто общее с богослужением Иерусалимского храма. С этого времени главным пунктом вероучения, разделявшим иудеев и самарян, было учение о месте истинного богослужения (см.: Ин. 4, 19–20). Кроме того, из

гих безжалостно увлекала к погибели, собирая посредством плотской нечистоты, этого легкого способа приобретения, свое постыдное достояние от богатства тех стран. Лицо ее было настолько красиво, что и художник затруднился бы изобразить эту красоту. Повсюду шла о ней молва, и множество благородных юношей и даже представителей власти из других стран и городов стекались в Илиополь, — как будто бы за другой надобностью, на самом же деле только для того, чтобы видеть и насладиться красотой Евдокии, греховными делами собравшей богатство, чуть ли не равное царской казне. И через это продолжительное собирание сокровищ, Евдокия так омертвела душой в своей нечистой жизни и окаменела в сердечном ожесточении, что никакая сила, кроме Божественной, не исцелила бы безнадежной душевной болезни этой отчаянной грешницы. Однако настало время, когда избавляющая от погибели рука доброго пастыря, ищущего заблудшей овцы, поспешила и к ней: воззрел Творец на Свое создание, растленное злобой диавола, и восхотел обновить его. Истинный Домохозяин позаботился о плодах Своего виноградника, подвергавшихся вражескому расхищению. Владыка небесных сокровищ поспешил принять в вечную сокровищницу валявшуюся на земле в грязи и гибнущую драхму. Хранитель благ, ожидаемых праведными, призвал эту отчаянную са-

---

всех книг Ветхого Завета они признавали священным только одно Пятикнижие Моисеево, которое притом было по местам изменено против подлинника. Все остальные книги Ветхого Завета они отвергали, хотя и имели какую-то свою летопись, под названием «книга Иисуса» — переделка книги Иисуса Навина.

марянку к Своей совершенной надежде, а диавола оставил посрамленным. Он сделал то, что валявшаяся некогда в болоте, как скот, стала нескверною, как агница; прежний сосуд нечистоты наполнился чистотою; навозный ров сделался вечным, невозмутимым источником; грязный поток преобразился в благовонное озеро; смрад прогнившего и засмердевшего колодца оказался алавастром многоценного мира; та, что для многих людей являлась духовной смертью, та самая для многих же оказалась виновницей спасения. Вот как началось обращение к Богу этой великой грешницы.

Один инок, по имени Герман, возвращался через Илиополь из путешествия в свою обитель. Он пришел в город вечером и остановился у одного знакомого христианина, жившего близ городских ворот, причем комната его была смежной со стеной дома той девицы, о которой идет речь. Инок, уснув немного, ночью встал по обыкновению своему для пения псалмов и, по окончании положенного правила, сел и, взяв книжку, которую носил с собой за пазухой, надолго углубился в чтение. В книжке было написано о страшном суде Божием и о том, что праведные просветятся, подобно солнцу, в Царстве небесном, а грешные пойдут в огонь неугасимый, где будут преданы навеки лютым мучениям. В эту самую ночь Евдокия, по Божественному смотрению, была одна. Спальня, в которой она затворилась, примыкала к той стене, за которой инок подвизался в молитве и чтении. Когда начал инок свое псалмопение, Евдокия тотчас же проснулась и, лежа на постели, слушала все до самого конца чтения. Ей слышно было все, что читал инок, ибо одна только стена, и та не толстая, разделяла их, тем более, что инок читал громко. Слушая чтение, грешница пришла в великое умиление и не спала до самого рассвета, с трепетом сердечным размышляя о множестве своих грехов, о страшном суде и нестерпимой муке грешников. Как только настал день, она (под действием Божественной благодати, возбуждавшей ее к покаянию) велела позвать к ней того, кто читал ночью книгу, и, когда он пришел, спросила его:

— Что ты за человек и откуда? Как ты живешь и какая твоя вера? Умоляю тебя, скажи мне всю правду. Услышав, что ты читал ночью, я смущена, и душа моя истомилась, ибо я слышала что-то страшное и удивительное, до сих пор мне неизвестное. И если правда, что грешники предаются огню, то кто же может спастись?

Блаженный Герман сказал ей:

— Госпожа! Какой же ты веры, если ты никогда не слыхала о страшном суде Божием и не понимаешь значения читанных мной слов?

— По своему отечеству и по вере, — сказала Евдокия, — я самарянка; богатство мое безмерно, и меня особенно смущает и устрашает то горе и тот вечный и неугасимый огонь, которыми угрожает богатым читанная тобой книга. В книгах нашей веры я таких слов никогда не встречала и поэтому немало встревожилась, услышав что-то новое и неожиданное.

Блаженный Герман спросил:

— Есть ли у тебя муж, госпожа? И откуда у тебя безмерное, как ты говоришь, богатство?

— Законного мужа не имею, — ответила она, — а богатство мое собрано от многих мужей. И вот, если богатые осуждены будут по смерти на такую тяжкую и вечную муку, то какая же мне польза от моего богатства?

Герман сказал ей:

— Поведай мне истинную правду (ибо и Христос мой, Коему я служу, неложен и истинен), хочешь ли ты быть спасенной без богатств и жить благополучно, в веселии и в радости, бесконечные века? Или хочешь с богатством своим жестоко мучиться в вечном огне?

— Гораздо лучше мне без богатства получить жизнь вечную, — ответила Евдокия, — чем с богатством погибнуть однажды навеки. Но я удивляюсь, за что богатый будет так казнен по смерти? Ужели Бог ваш питает такую жестокую и неумолимую ненависть к богатым?

— Нет, — сказал Герман, — не отвращается от богатых Бог и не запрещает им быть и богатыми, но ненавидит неправедное приобретение богатства и употребление богатства на жизнь в наслаждениях и похотях греховных; потому, если кто приобретает богатство законным путем и приобретенное тратит на добрые дела, тот безгрешен и праведен пред Богом, а кто собирает богатство хищением, грабежом и неправдою или вообще каким-либо греховным делом, кто бережет богатство в своих сокровищницах, не милосердуя о нищих, не подавая просящим, не одевая нагих, не насыщая алчущих, — тому будет мука без милости.

Евдокия спросила:

— А мое богатство не кажется тебе неправедным?

Герман отвечал:

— Поистине оно неправедно и противнее Богу всякого греха.

Тогда она сказала:

— Почему же так? Ведь я многих нагих одела, многих алчущих накормила досыта, а некоторым немного и золотом помогла. Как же ты богатство называешь злом?

— Госпожа, — сказал Герман, — послушай меня со вниманием: ведь никто, пойдя в баню мыться, не захочет погрузить свое тело в воду нечистую, мутную, противную и вонючую, но омывается там, где окажется чистая вода. Как же ты можешь некоторыми только делами милосердия очиститься от смрадной и мерзкой скверны греховной, когда ты валяешься в ней добровольно и в то же время презираешь чистую воду Божия милосердия? Во всяком случае, это болото скверны греховной, как потоп, с великой силой ввергнет тебя в пропасть серную и смоляную, горящую вечным пламенем гнева Божия. Ибо богатство, которое у тебя так велико, противно великому Владыке и вечному Судии и уже осуждено раньше страшного суда, как нажитое в прелести и блуде. И нисколько тебе не поможет то, что ты из этого большого, но скверного и греховного богатства уделяла иногда частицу немногим убогим, — ибо награду за эту малую добродетель уничтожает безмерное множество злых деяний, подобно тому, как тонкое благоухание заглушается сильным зловонием. Нет, никогда ты не получишь никакой благодати, пока будешь добровольно пребывать в нечистоте, и не иначе сподобишься милосердия Божия, как только отвергнув безмерный греховный свой смрад, омыв себя слезами покаяния и украсившись праведными делами. Как у того, кто ходит босой по тернию, много острых заноз, так что если некоторые и вытащить, все же много их останется в теле и будут причинять мучения; так и сделанная тобой когда-нибудь маленькая милостыня нищему если и поможет тебе уничтожить какой-либо небольшой грех, то самое большое терние греховное остается на совести твоей и приведет тебя на тягчайшее мучение. Страшен и праведен мздовоздатель — Бог, прогневанный тобой и угрожающий тебе вечными и нестерпимыми муками, уготованными для грешников нераскаянных. Но если ты захочешь

меня выслушать, то можешь спастись от ожидающих тебя мучений и получить радость вечную.

Евдокия сказала:

— Раб Бога живого, умоляю тебя: побудь немного со мной, расскажи мне подробно о тех делах, коими можно сподобиться милости Божией, дабы и я, следуя этому образцу, могла получить спасение. Я готова употребить свое богатство на добрые дела. Ты сказал, что Бог любит справедливое и добродетельное распределение богатства: мне же ничто не мешает, даже и с некоторым уменьшением домашнего имущества, избавить себя от тех мучений, которые, по твоим словам, должны принять в день суда ненавидимые Богом. Вот, честный отче, у меня немало рабов. Под твоим предводительством поведу я их, нагруженных золотом, серебром и драгоценными вещами, к твоему Богу, если только Он, по твоему ходатайству, благоизволит принять мое приношение и даровать мне спасение.

— Не суди о Боге, — сказал ей Герман, — по нравам человеческим, не думай, что Ему нужны те ничтожные вещи, которые драгоценны для людей; ибо Он, будучи несравненно богаче всех царей земных, по Своей воле обнищал для нас, чтобы этой скорбной нищетой купить нам вечное спасение. Дочь моя, раздай свое богатство больным и убогим, ибо они любезны Богу: данное им кем-либо Он считает данным Себе и за временное имение, розданное нищим, воздает небесными, никогда не оскудевающими сокровищами. Сделай так и потом приступи к святой и спасительной купели крещения, и, омывшись от скверны всех своих грехов, будешь чиста и непорочна, возродишься благодатью Святого Духа и получишь блаженный удел, где будешь наслаждаться нетленным вечным светом, где нет ни печалей, ни болезней, ни злодеяний. Будешь ты святой агницей, пасомой на небесных пажитях Иисусом Христом, Спасителем нашим. Одним словом: если хочешь ты спастись, дочь моя, сделай, как я тебе советую, и будешь блаженна вовеки.

Евдокия отвечала:

— Если бы не запечатлелись в моем уме читанные тобой слова, которые я так ясно слышала в прошедшую ночь, я и не позвала бы тебя сюда. Возьми же у меня, отче, сколько хочешь золота и побудь

здесь несколько дней, поучая меня вашей христианской вере и наставляя в добродетели, чтобы я, раздав мои богатства и имение и все, как следует, устроив, могла следовать за тобой, куда бы ты ни пошел.

Блаженный Герман на это сказал:

— Не надо мне золота: довольно для меня и надежды на твое спасение, и это для меня — уважительная причина замедлить здесь несколько дней, если я найду погибшую овцу и приведу ее в ограду Христову. Поэтому, хотя я и спешил в свою обитель, однако пробуду здесь немного дней ради твоего обращения к Богу. Ты же сделай все, что я говорю, — призови одного из христианских пресвитеров, которые живут в этом городе, и пусть он, научив тебя, крестит по церковному чину, ибо в этом начало и основание спасения, а затем все другие богоугодные занятия пойдут своим порядком.

Услышав это от блаженного старца, Евдокия призвала одного из слуг своего дома и велела ему сейчас же идти в церковь христианскую и просить пресвитера немедленно прийти к требующему его; при этом запретила говорить, кто именно требует и зачем. Пресвитер скоро пришел. Увидев его, Евдокия поклонилась ему до земли, облобызала его ноги и сказала:

— Умоляю тебя, господин мой, поведай мне о вашей вере: хочу и я сделаться христианкой.

Пресвитер, удивленный такою речью, спросил Евдокию:

— Какая же твоя вера, что ты желаешь перейти в благоверие христианское?

Она ответила:

— Я самарянка, как по происхождению, так и по вере, и была я супругой всего мира. Исповедаю перед тобой в одном слове всю истину. Я — море многих зол, когда же я услышала, что грешники, если не покаются и не сделаются христианами, то будут по смерти мучиться в вечном огне, тогда я решила в уме своем стать христианкой.

Пресвитер на это сказал:

— Если ты была морем грехов, будь теперь пристанищем спасения; если ты была колеблема многими ветрами, войди ныне в тихую пристань; и если ты подвергалась сильному волнению, ищи теперь утренней росы, с неба сходящей; если ты долгим наводнением была

затоплена, ищи отныне доброго кормчего, да направит он тебя безопасно в свою тихую пристань, где сокровища всякой правды; приложи старание, чтобы сделаться наследницей находящихся там благ. Земное свое богатство раздай нуждающимся и освободи себя от печали греховной, а вместе и от тьмы и от огня неугасимого, ожидающего тебя, если не раскаешься.

Евдокия, слыша это, прослезилась и, ударив себя в грудь, сказала:

— Правда ли, что у вашего Бога нет милости к грешникам?

Пресвитер ответил:

— Кающимся грешникам, по принятии ими знамения веры, то есть святого крещения, Господь прощает все грехи прежней жизни, жизни неверия, а остающимся в грехах и не думающим о покаянии нет прощения, и таковые без милости будут мучимы.

— Скажи мне, пресвитер, — спросила Евдокия, — думаешь ли ты, что на небе есть нечто большее и лучшее того, что находится на земле? Ведь у нас воистину много сокровищ золота, серебра и дорогих каменьев, всякого рода удовольствий и наслаждений, к тому же есть изобилие рыб и птиц и безмерное количество всяких снедей и напитков. Что же больше всего этого найдется там, на небе?

— Если не отвлечешь ума своего от прелести этого мира, — сказал ей пресвитер, — и не проникнешься презрением к временным наслаждениям, то и не сможешь устремить взор к вечной жизни и познать те невыразимые наслаждения и несказанные богатства, которые там есть. Но если хочешь их получить, забудь гордость и радости этой жизни, не вспоминай сладостей этого мира.

Евдокия отвечала:

— Да не будет, господин мой, того, чтобы я возлюбила что-нибудь временное и скоро погибающее больше бессмертной и блаженной жизни, но вот в чем я хочу увериться, отче: ужели, приняв христианскую веру, я могу иметь твердую и несомненную надежду на то, что приду к той бессмертной жизни, о которой ты говоришь? И какое ты мне дашь доказательство, чтобы увериться мне в справедливости твоих слов? Каким, наконец, образом узнаю я о прощении множества моих грехов вашим Богом? Ибо если имеющиеся у меня богатства, которых с избытком хватит на всякие удовольствия и наслаждения в течение многих лет моей жизни, я раздам нужда-

ющимся, как ты мне советуешь, а потом не получу обещанного тобой, — тогда что может быть прискорбнее и затруднительнее этого последнего бедственного положения, из которого у меня уже не будет никакого выхода? Ведь люди, которых я оскорбила дурным к ним отношением, если б я вздумала у них попросить помощи в своем несчастии, с презрением отвернулись бы от меня. Потому я и печалюсь и смущаюсь, что недостаточно уверена в будущем. Мне хотелось бы большего знания и уверенности в том, что ты с таким великодушием обещаешь, ссылаясь на милосердие Бога вашего, легко прощающего грехи кающимся. Если я уверюсь в этом вполне, то спокойно уже стану раздавать все свое имение и пойду, куда ты зовешь меня, и буду служить Единому Богу все дни моей жизни и, как прежде я для многих служила образцом беззакония, так теперь буду лучшим образцом покаяния. И не удивляйся, отче, моим сомнениям: я впервые слышу все это, новое и неожиданное, чего в наших книгах и вере самарийской, в которой я воспитана, я никогда не только не слыхала, но даже и следа такого учения не находила.

Пресвитер сказал ей:

— Не смущайся, не колеблись мыслями, Евдокия! Не давай рассеиваться уму своему: то, что тебя смущает, есть ухищрение начальника злобы и завистника твоего спасения — диавола. Этот злобный дух, как только увидел, что ты пробуждаешься для служения Христу, тотчас же, чтоб уничтожить это доброе намерение, поднял в сердце твоем такие сомнения. Он надеется чрез страх отвратить тебя от правого пути и опять укрепить в прежней греховной жизни для того, чтобы, позорно связав тебя пристрастием к мирским наслаждениям и похотям и совершенно поработив себе, увлечь тебя к смерти и погибели. Ибо его коварный замысел, его единственное и усердное старание — отвлекать людей от доброго пути, вести их к развращению и тем сделать их сообщниками своего вечного мучения в неугасимом огне. Господь Бог же наш, в благости, неизреченной милости и человеколюбии Коего ты желаешь увериться, готов, как ты уже слыхала, издали, принять кающихся по-отечески, с распростертыми объятиями, и, простив грехи, даровать им жизнь вечную. В этом ты уверишься, если устремишь ум свой от земли горе, если, оставив временные заботы, будешь размышлять о вечной жизни. Но для

этого нужна сосредоточенная и смиренная молитва, ибо только таким образом Бог примиряется с душою, в душе замечается Божественный свет, открывающий всю истину, и человек ясно видит, в чем ничтожество этого кратковременного мира и что такое век будущий, насколько пагубны наслаждения этой жизни и насколько благ Господь и безмерно Его милосердие. Итак, если только хочешь спастись, послушай меня, отбрось свои драгоценные одежды, оденься в плохие и, затворившись в уединенной горнице твоего дома, пробудь там семь дней, вспоминая свои грехи и исповедуя их со слезами пред Богом, Создателем твоим. Постись и моли Господа нашего Иисуса Христа просветить тебя и наставить, что должна ты делать, чтобы благоугодить Ему. Поверь мне, не напрасно сделаешь ты все, что я советую тебе: милосерд и безмерно благоутробен наш Владыка и еще издали встречает Своею благодатью заботящихся об обращении к Нему, ибо всегда Он радуется покаянию грешника.

Видя, что Евдокия согласна на его советы, пресвитер встал и пошел, говоря ей на прощанье, как бы пророчески, такие утешительные слова:

— Христос Бог, оправдавший мытаря и помиловавший грешницу, плакавшую у ног Его, да оправдает и помилует и тебя, и сделает имя твое славным по всей земле. Аминь.

Как только пресвитер ушел, блаженная Евдокия тотчас призвала рабыню и сказала ей:

— Если кто-либо пожелает видеть меня и придет сюда с намерением войти ко мне, позаботься, чтобы он не узнал, что я дома; пусть никто и ни в каком случае не говорит ему обо мне; скажите, что я по некоторому делу ушла в дальнее селение и пробуду там немалое время; строго прикажи и привратнику никого не впускать сюда; пусть прекратятся все обычные работы и занятия в моем доме, и те, что готовят мне ежедневно кушанья для обеда, отныне пусть не вносят их сюда; затворите также большие ворота при доме, пока я не велю опять открыть их, и сделайте вообще все так, как будто меня нет дома.

Отдав рабыне такие приказания, она сказала блаженному Герману:

— Умоляю тебя, отче, объясни мне, о чем я тебя спрошу: зачем вы, монахи, живете в пустынных местах, уклоняясь от удовольствий

общественной жизни? Ужели вы находите в пустынях больше наслаждения?

— Нет, чадо мое, — отвечал блаженный Герман, — ничего такого, что ты считаешь наслаждением, мы в пустынях не находим; оставляем же города и мирские наслаждения и удаляемся в пустыни единственно для того, чтобы избегнуть суетной гордыни и умертвить плотские похоти голодом, жаждою, трудом, худыми рубищами и недостатком всего нужного, вообще — чтоб быть подальше от всех мест, представляющих удобства для греха. Живущий в городе очень легко подвергается греховному падению, либо одолеваемый слабостью природы, либо прельщаемый диаволом, или же соблазняясь видом красивых лиц и слыша блудные речи: отсюда и возникают нечистые помыслы и сквернят душу. А для оскверненной души уже закрыт вход в Царство небесное до тех пор, пока она не очистится покаянием, ибо на небе — престол только вечного света, истинного веселья и необманчивых наслаждений, престол, не имеющий никакой тьмы, печалей и скорбей, ни злых дел. Вот видишь, почему мы в пустыни уходим: мы хотим сохраниться от греха в предстоящие дни жизни нашей, а прежние наши прегрешения очистить суровостью пребывания в пустыне и, таким образом, облегчить себе путь к указанному блаженству. Все старания и заботы наши устремлены на то, чтобы сохранить тела наши неоскверненными, а ум — неповрежденным злыми помыслами и чуждым всяческой злобы, лукавства, лицемерия, ропота и клеветы, зависти, ярости и гнева. И таким-то образом мы уподобимся Ангелам, как возвестил нам святыми Своими устами Христос в Евангелии. Богатство, как бы ни был к нему привержен человек и как бы ненасытно его не собирал, нисколько не поможет в получении небесного Царства: оно, как мертвец, лежащий в гробу, не окажет содействия. Поэтому, если мы хотим получить прощение грехов своих, то постараемся в остальное время жизни нашей идти путем заповедей Господних, по стезям правды и истины, растерзаем, как одежду, сердца свои сокрушением о грехах и станем непрестанно взывать к Богу; таким образом мы и очистим греховную грязь, о которой говорит Давид: *Смердят, гноятся раны мои от безумия моего* (Пс. 37, 6). А чтобы мы всегда воспевали в молитве словеса Господни, тот же Давид вспоминает: *Как сладки гортани моей слова твои! Лучше меда устам моим* (Пс. 118, 103).

Настолько сладки словеса Господни, что превосходят всякую сладость всех самых сладких яств и самых дорогих напитков и гораздо более укрепляют душу, нежели пища тело. Поэтому и говорит о них Божественное Писание: *Вино веселит сердце человека, и хлеб укрепляет сердце человека* (Пс. 103, 15), обозначая тем вином и хлебом заповеди Господа нашего Иисуса Христа. Они поистине являются как бы хлебом и вином для души человеческой, ибо если человек прилежно и неустанно поучается в них, то он и, давая крепость и веселье сердцу, освобождают грешника от всех скверных дел и оправдывают пред Господом. Поэтому, сняв с себя красивую одежду и одевшись в наиболее скромную, всей мыслью устремись к покаянию чрез добрые дела, сей на земле обильные слезы, чтобы пожать на небе радость и вечное веселье; загаси слезами пламень грехов твоих, и сподобишься утешения от Господа и войдешь в радость праведных. Плачь о беззакониях своих, которые диавол сделал сладкими для твоего сердца, и пусть ради слез твоих Ангел, ходатай о спасении, приблизится к тебе; высуши зловонную грязь тления, в которой ты долго валялась, ту грязь, что засосала и удерживала тебя во власти творца всякого зла, дабы стать тебе с этого времени участницей райского наслаждения; отплати и отяготи унынием того, кто, соблазняя тебя похотями, обременил грехами. Потрудись усердно для Бога, чтобы явиться наследницей немеркнущего света и, как пчела, будь доброй делательницей, собирая правду со многих святых дел и непрестанно заботясь об угождении Богу.

Эта речь Германа глубоко запала в сердце Евдокии, уже приготовленное тем, что он говорил ей прежде. Скорбя о грехах, в умилении повергласъ она пред ногами его, говоря:

— Умоляю тебя, человек Божий, заверши то дело, что ты начал для меня, с подобающей честью и представь меня чистой Богу твоему, чтобы не стать мне посмешищем для желающих прельстить меня, а совершив начатое дело, сподобиться блаженства чрез твое спасительное учение. Не отнимай искусной руки от приготовленной доски, пока не изобразишь во мне Христа вполне.

Герман отвечал ей:

— Пребывай, чадо мое, в страхе Господнем и, затворившись в своей горнице, молись Ему неустанно со слезами, пока Он истребит и очистит все грехи твои и даст тебе несомненную уверенность в

Своей милости: благ и милосерд Господь наш Иисус Христос, скоро Он окажет тебе Свою милость и не замедлит утешить тебя Своею благодатью.

Сказав это, блаженный Герман помолился Богу, осенил Евдокию крестным знамением и затворил ее в ее спальне, обещав остаться в Илиополе для нее семь дней.

Когда Евдокия провела семь дней в посте и молитве, блаженный Герман пришел к ней и, отворив двери, велел ей выйти из спальни. Увидев, что она стала лицом бледна, телом исхудала, имеет смиренный взор и вообще вид ее далеко разнится от прежнего, он взял ее за руку и велел сесть. Потом, помолившись Богу, сам сел с ней и стал спрашивать ее:

— Скажи мне, чадо мое, о чем размышляла ты в эти семь дней, что ты узнала, что видела, что тебе было открыто?

Она сказала:

— Все расскажу, отче святой. Я усердно молилась все семь дней, как ты научил меня. В прошедшую ночь, когда я так же, лежа крестообразно ниц на земле, молилась и плакала о грехах своих, осиял меня великий свет, превосходящий свет лучей солнечных. Я подумала, что это взошло солнце, встала с земли и вдруг увидела светлого и страшного юношу, одежды которого были белее снега. Он, взяв меня за правую руку, поднял на воздух и, поставив на облако, повел меня к небу. И был там великий и пречудный свет, и видела я бесчисленное множество белоризцев, радующихся и улыбающихся друг другу и несказанно веселящихся. Они, увидев, что я направляюсь к ним, встречали меня с ликованием и радостно приветствовали, как сестру. Когда же я, окруженная ими и сопровождаемая, хотела войти в эту светлую область, несравненно превосходящую светом лучи солнечные, вдруг на воздухе явился некто, страшный видом, черный как сажа, уголь и смола. Это было страшилище, превосходящее всякую черноту и тьму. Устремив на меня ужаснейший и яростнейший взор, скрежеща зубами и бесстыдно нападая, он пытался вырвать меня из рук моего провожатого; при этом он сильно закричал, так что голос его разнесся по всему воздуху:

— Ужели вы, — кричал он, — хотите ввести ее в Царство небесное? За что же я, усердно занимаясь на земле уловлением людей, на-

прасно трачу труд? Вот эта, например, всю землю осквернила блудодеянием и всех людей развратила мерзостью своего прелюбодейства. Все, что у меня было хитрости и силы, все я потратил на нее одну: я достал для нее любовников из людей благороднейших и богатейших, и притом бесчисленное множество, и из растраченных на любовь ее богатств она собрала такое множество золота и серебра, какое едва ли найдется и в царских сокровищницах. Я с гордостью думал, что имею ее в своих руках, как свое победоносное знамя и непобедимое оружие, при посредстве коего я могу торжествовать над людьми, отпадающими от Бога и попадающими в мои сети. И что же теперь? Ужели ты до такой ярости на меня дошел, архистратиг Божиих сил, что повергаешь меня под ноги этой блудницы? Разве гнев твой на меня еще не утолился тем, что ты мстишь мне все больше и безжалостнее с каждым днем? Ужели даже и эту мою истинную рабу, купленную мной столь дорогой ценой, ты хочешь у меня отнять? Должно быть, ничего уж не остается на земле истинно и неотъемлемо моего! Я боюсь, что ты и всех, что доселе живут, грешных, исторгнешь из рук моих, представишь Богу, как достойных быть наследниками Царства небесного! Тщетны мои заботы! Напрасен мой труд! За что ты так свирепо нападаешь на меня? Оставь ярость и ослабь немного узы, коими я связан, и ты увидишь, как я в мгновение ока истреблю с земли род человеческий и даже наследников у него не оставлю. Я свержен с неба за одно только неповиновение, а ты злейших грешников, дерзнувших посмеяться над Богом и многими годами тяжко Его прогневляющих, вводишь в Царствие небесное! Если тебе это так приятно, так собери лучше в один час со всех концов земли всех людей, проводящих не человеческую, а скотскую, звериную жизнь, и приведи их всех к Богу, а я скроюсь в тьму и совсем погружусь в бездну уготованных мне вечных мук.

Когда он гневно и с великою яростью говорил такие и им подобные речи, водящий меня грозно взирал на него, а обращаясь ко мне, ободряюще улыбался. И послышался голос из оного света, говорящий:

— Так угодно Богу, милосердующему о сынах человеческих, дабы грешники, если принесут покаяние, были приняты на лоно Авраамово.

И снова был голос к водящему меня:

— Тебе говорю, Михаил, хранитель Моего Завета, отведи сию жену туда, откуда ты взял ее, — пусть совершит свой подвиг: ибо я Сам буду с нею во все дни ее жизни.

И он тотчас же поставил меня в моей спальне и сказал мне:

— Мир тебе, раба Божия Евдокия! Мужайся и крепись, благодать Божия теперь с тобой и всегда будет во всяком месте.

Ободренная этими словами, я спросила:

— Господин мой, кто ты? Скажи мне, чтобы я знала, как веровать истинному Богу и как мне получить истинную жизнь?

— Я, — ответил он, — начальник Ангелов Божиих, и обязан заботиться о кающихся грешниках, принимать их и вводить в блаженную и бесконечную жизнь. И велика радость бывает на небе в ангельском лике всякий раз, как какой-нибудь грешник обращается к чистому свету покаяния, ибо Бог, Отец всех, не хочет, чтобы погибла душа человеческая, которую Он издревле Своими пречистыми руками создал по подобию Своего образа. Потому и Ангелы все сорадуются, когда видят человеческую душу, украшенную правдой, поклоняющуюся вечному Отцу, и все приветствуют ее, как сестру свою, ибо, отвергнув греховную тьму, она обращается к живому Богу, общему Отцу всех сынов света, и безвозвратно к Нему присоединяется.

Сказав это, он осенил меня крестным знамением; я поклонилась ему до земли, и, когда я кланялась, он отошел на небеса.

Блаженный Герман сказал ей:

— Уверься отныне, дочь моя, и более не сомневайся, что есть на небе истинный Бог, готовый принимать кающихся во грехах своих и вводить их в Свой вечный свет, где Он царствует, окруженный служителями Своего царства — святыми Ангелами. Ты видела этих Ангелов в том небесном свете, где ты созерцала царскую и бессмертную славу Господа нашего Иисуса Христа и убедилась, как Он предупредителен в милосердии и прощении грехов, как скоро подает Свою благодать желающим примириться с Ним; ты познала Его Божественную славу и видела Его небесный двор, полный несказанной красоты, где Он пребывает; поняла ты, как мал и ничтожен свет этого мира против небесного сияния. Что же ты еще думаешь, о чем размышляешь, скажи мне!

Блаженная Евдокия, имея непреклонное намерение служить от всего сердца своего Единому Богу, Царю славы, ответила:

— Веровала я и верую, что нет иного Бога, спасающего грешных человеков, кроме Того, небесные врата Коего, блистающие неизреченным светом, я видела.

Герман сказал:

— Приготовься, дочь моя, к усердному служению Богу, тщательно заботься, чтобы плоды твоего покаяния, положенные на весах, перетянули грехи твоей прежней жизни, и самое себя принеси бессмертному и вечному Богу, как благоприятный дар; плачь и рыдай, пока все твои скверны совсем омоешь слезами и таким образом сподобишься стать чистой невестой Христовой. Забудь о прежней своей гордости, о вредоносной и лютой вожделениями своей юности, дабы и Христос взаимно забыл грехи твои; освободи шею свою из-под тяжкого ярма постыдной работы, которое наложил на тебя диавол через грехи, возьми на себя благое и легкое бремя оживотворяющего покаяния и будь отселе свободна от греха и знаемой для всех праведников и святых Ангелов. Итак, укрепи себя для истинной веры и целомудрия и, имея отселе чистую совесть, смело говори в лицо диаволу: теперь уже нет у меня с тобой ничего общего, ни у тебя со мной, ибо я нашла моего истинного Владыку и Ему я отдала себя в вечное владение; окончательно уже оставила я и отбросила мою прежнюю растлительницу — плотскую любовь и облеклась в новую нетленную и светлую одежду правды. В этой одежде я обрету благодать Божию, спасающую меня вовеки; нет уже у меня ни одного земного пристрастия, нет влечения к мирским наслаждениям, ничтожество и скоропреходимость коих я узнала; желаю я теперь и усердно стараюсь о приобретении благ небесных. Поэтому владей, диавол, тем, что имеешь, а от меня, чуждый обольститель, вор и раб вечной тьмы, иди дальше.

Евдокия, укрепленная еще больше этими словами, сказала иноку:

— Отче честный, что теперь повелишь мне сделать?

— Хочу, — ответил он, — чтобы ты прежде всего приняла знамение веры — святое крещение, которое сохранит тебя невредимой во все дни жизни твоей, а я, с Божией помощью, пойду в свой монастырь и возвращусь к тебе опять, если Господу будет угодно.

Она со слезами стала умолять его:

— Не оставляй меня, господин мой, не оставляй до тех пор, пока я не буду в состоянии совершенно обратиться к Богу и не получу ожидаемой мной Его благодати, чтобы исконный обольститель, увидя меня оставленной и беспомощной, не отвлек как-нибудь опять, куда ему захочется, и не возвратил меня к прежней блудной жизни.

И сказал ей блаженный Герман:

— Вот это настойчивое стремление к лучшей жизни, которое в тебе пробудил Сам Бог, и благая надежда твоя и сохранят тебя от вражеских сетей, коих ты боишься. Побудь же еще некоторое время в смиренной молитве к Богу и исповедании грехов своих и позаботься о принятии святого крещения. Я же вскоре возвращусь к тебе, поискав, с помощью Святого Духа, полезного для твоей жизни.

Поручив ее Богу, блаженный Герман пошел своей дорогой.

По уходе Германа, блаженная Евдокия пробыла еще несколько дней в посте, ничего не имея на своей трапезе, кроме хлеба, масла и воды; днем и ночью она молилась и плакала. Потом, отправившись к епископу того города, она приняла от него крещение во имя Святой Единосущной Троицы. Спустя несколько дней после своего просвещения она написала молитвенное послание к тому же епископу; она извещала его о своем богатстве, подробно перечислив его, и просила, чтобы епископ взял его Христу. Епископ, прочитав присланное письмо, призвал блаженную Евдокию к себе и спросил:

— Ты, дочь моя, писала эту грамоту мне, грешному?

— Я писала, — отвечала Евдокия, — и теперь снова умоляю твою святыню: прикажи эконому церковному принять мой дар, раздайте его нищим и убогим, сиротам и вдовам, как сами знаете, ибо я уверилась, что эти мои богатства неправедны, как приобретенные через беззакония.

Тогда епископ, которого звали Феодотом, видя ее доброе намерение, а также веру и любовь к Богу, взглянув на нее и прозрев духом ее будущее житие, сказал:

— Молись обо мне, сестра моя о Господе, сподобившаяся наречься невестой Христовой, ты, возненавидевшая нечистую любовь

плотскую, возлюбившая чистоту и отвергнувшая блудную жизнь; ты, которая стала подражать девственному целомудрию и продала ничтожный мир, чтобы купить себе единую небесную жемчужину; ты, прожившая небольшое время в греховной прелести и покаянием исходатайствовавшая себе бесконечные веки небесной жизни, смерть уже имевшая пред глазами и бессмертие приобретшая; ты, которая прежде многих влекла к погибели и ныне через Христа многих же оживотворишь! Из мрачной тьмы облекшись в свет веры, достойна ты именоваться агницей Христовой. Истинно, ты Евдокия, что значит благоволение: благоволил Господь к тебе, отнесшейся с презрением к сладострастным людям и возлюбившей лик ангельский. Молись обо мне, снова умоляю тебя, раба и друг Божий, и помяни меня в Царстве небесном.

Побеседовав с ней о многом со слезами, епископ сказал своему диакону:

— Позови ко мне поскорее заведующего церковной странноприимницей.

Когда тот явился, епископ обратился к нему с такими словами:

— Я знаю тебя как благочестивого и богобоязненного мужа, имеющего попечение о многих душах. Поручаю тебе поэтому и эту рабу Божию, стремящуюся к лучшему, чтобы ты о ее спасении позаботился, а все, что она отдает, ты через руки нищих передашь Богу.

Муж этот был саном пресвитер; с самой юности сохранял он чистое девство, все свое имение, оставшееся после родителей, отдал святой Божией церкви и себя самого посвятил на служение Господу. Взяв с собой Евдокию, он пошел к ней в дом, и, когда они взошли туда, Евдокия призвала управляющих своим домом и сказала им:

— Принесите мне каждый из вас все, что кому вверено.

Они тотчас же принесли к ней золота две тьмы, то есть двадцать тысяч; посуды хорошей всякой бесчисленное множество; драгоценных каменьев и жемчуга царского без числа; сундуков с шелковыми одеждами двести семьдесят пять; одежд белых льняных четыреста десять сундуков; одежд, затканных золотом, шестьдесят сундуков; других одежд, украшенных дорогими камнями и золотым шитьем, сто пятьдесят два сундука; чеканного золота двадцать пять тем, то есть двести пятьдесят тысяч; благовонных ароматических веществ двадцать ящиков; настоящих индийских мастей тридцать три ков-

чега; серебра в различных сосудах восемь тысяч литр[1]; шелковых, шитых золотом, тканей сто тридцать две литры; тканей просто шелковых семьдесят литр; других же одежд и вещей менее ценных было бесчисленное множество. Кроме этих движимых богатств у Евдокии были еще и недвижимые: земли, села, целые волости, с которых ежегодно собиралось до восьмисот двух тысяч[2]. Положив все эти богатства пред ногами пресвитера, который был заведующим церковной странноприимницей, блаженная Евдокия призвала всех своих рабов и рабынь и раздала им взятые из сундука две тысячи монет, а также и сосуды, занавеси, ценные постели, позолоченную мебель и все красивое в дому, что было вне сундуков, она подарила им и разделила. Наконец, произнесла последнее приветствие:

— Я освобождаю вас, — сказала Евдокия, — от этой кратковременной работы, вы же, если хотите, поспешите еще освободиться от работы бесовской. Освободитесь же, если послушаете меня и приступите ко Христу, истинному Богу, — и Он дарует вам вечную свободу, которую имеют сыны Божии, и запишет вас в Свои воинства.

---

[1] *Литра* — мера веса, равная семидесяти двум золотникам. В серебре стоила до сорока двух рублей, в золоте — до пятисот шести рублей.

[2] Пусть читающему и слушающему, — говорится в Минеях-Четьих, — не представляется удивительным и невероятным то, что жена грешница посредством любодеяния приобрела столь большое богатство, как рассказано, потому что у греков, еще не познавших истинного Бога и кланявшихся идолам, блудниц не только не презирали, но даже очень почитали, как, например, Афродиту, которую они причислили даже к своим суетным богам. О богатствах же эллинских блудниц у древних историков мы находим следующее. Фрина, афинская блудница, по разорении Александром Великим каменных стен знаменитого эллинского города Фебе или Фивы, предлагала на свой счет возобновить эти стены и устроить город лучше прежнего, только чтобы на стенах этих было написано: «Александр разрушил, а Фрина блудница выстроила». Лаиса, блудница коринфская, была столь богата и знаменита, что, по уверению некоторых, одно время вся земля Греческая лежала при ее дверях. Фаис, другая афинская блудница, была так красива, знаменита и богата, что Птоломей, первый после Александра Великого царь египетский, не постыдился сделать ее своей законной женой. Родоне из Фракии, египетская блудница, имела такое богатство, что, подражая славе царей Египетских, сама для своего прославления воздвигла пирамиду, нисколько не худшую пирамид царских. И Евдокия была подобна им по жизни и по богатству, но когда она оставила это, обнищала духом и телом и угодила Богу покаянием, то стала подобна девам святым, вступила в общение с Ангелами и сделалась наследницей богатств вечных, которых и око не видело.

Потом, обратившись к пресвитеру, Евдокия сказала:

— Теперь, господин мой, уже тебе следует заботиться о всем предложенном тебе и распорядиться, как ты хочешь, ибо я ищу ищущего меня Владыки.

Пресвитер, удивляясь такой быстрой и неожиданной в ней перемене, раскаянию и столь великой любви к Богу, сказал ей:

— Блаженна ты, Евдокия, что сделалась достойной быть записанной в число девиц чертога Христова: не безвестен тебе час пришествия Жениха, не находишься ты в неведении относительно того, каким путем следует войти во двор брачный. Воистину, ты тщательно озаботилась, чтоб не остаться вне чертога: ты наполнила светильник елеем, и не осилит тебя тьма. Преуспевай же в этой силе добродетельной, и Бог поможет тебе, а обо мне грешном молись, ибо ты достойна быть в лике святых.

В это время пришел и честный Герман, просвещенный благодатью Святого Духа, и, увидев, что Евдокия отдала Богу своему имение, освободила рабов и рабынь и стала нища и духовно и вещественно Христа ради, взял ее и повел в женский монастырь, который имел в своей стране недалеко от своего мужского монастыря, и там постриг ее в инокини; и она пребывала в трудах и подвигах иноческой жизни, день и ночь служа Богу.

Блаженный Герман имел в своей киновии[1] братии семьдесят иноков, а в пустынном женском монастыре тридцать инокинь, в числе коих была и святая Евдокия. По прошествии тринадцати месяцев умерла игуменья этого монастыря, по имени Харитина, проводившая святую жизнь. Под ее руководством Евдокия значительно преуспела в подвигах, выучила наизусть Псалтирь, и, просвещаемая Святым Духом, все Священное Писание, прочитав однажды со вниманием, хорошо уразумела. Так как она подвигом постничества превзошла всех сестер, то всеми единогласно была избрана в игуменьи. И Бог не замедлил засвидетельствовать ее достоинство и избрание ее утвердить чудом.

Один юноша из прежде ее любивших, по имени Филострат, человек богатый, вспомнил прежнюю любовь к Евдокии и, разжигаясь, по бесовскому наущению, похотью, стал думать, как бы возвра-

[1] *Киновия* — монастырь с общежительным уставом, где все живут вместе, имея общее содержание от обители.

тить ее к прежнему любодеянию. Долго размышляя об этом и день ото дня распаляясь большею любовью к ней, он, наконец, придумал такую хитрость. Одевшись в иноческое одеяние и взяв, сколько мог нести, золота, отправился пешком в монастырь Евдокии в твердой надежде исполнить свое намерение.

Когда он постучался в ворота монастыря, привратница, выглянув в окошко, спросила:

— Чего здесь ищешь, человек?

Он ответвил:

— Я, грешник, пришел, чтобы вы помолились обо мне и благословили меня.

Привратница сказала:

— Мужчинам нельзя входить в это место, брат, но неподалеку отсюда ты найдешь монастырь господина Германа: там получишь молитву и благословение, а здесь не беспокой нас стуком: все равно — не войдешь.

Сказав это, девица затворила окно. Полный стыда и сожаления, горящий любовью к Евдокии, Филострат отправился в монастырь Германа и пришел туда в удобное время. Встретившись с блаженным Германом, сидящим у ворот монастыря и читающим книгу, он поклонился ему до земли. Святой старец по монастырскому обычаю сотворил молитву и Филострат принял у него благословение. Преподобный Герман сказал:

— Сядь, брат, и скажи: из какой ты страны и из какого монастыря?

Он ответил:

— Я — единственный сын у родителей, недавно умерших; не пожелал я вступить в брак, но восхотел служить Богу в иноческом чине и тотчас надел знак иноческого образа — эти одежды и намереваюсь найти место и наставника, который поучил бы меня монашеской жизни. Услышав о твоей святости, честный отче, я долго шел сюда, желая припасть к стопам твоим и умолять принять меня, желающего покаяться в прежних грехах, в твой монастырь.

Во время этой речи блаженный Герман пристально глядел на него и, замечая его сладострастный нрав, сказал:

— К великому труду хочешь ты приступить, чадо; не знаю, будет ли это тебе по силам. Мы — старцы и то едва можем противостоять

диавольским искушениям, влекущим к нечистоте; что же будет с тобой, цветущим юношею, в годах жгучей пламенной страсти?

Филострат возразил:

— Отче! Разве нет примеров добродетельной жизни подобных мне юношей, мужественно преодолевших искушения? Ваша Евдокия, о которой я так много слышал, потому что слава ее добродетельной жизни распространяется повсюду, — разве она не молода и не жила в роскоши? А вняла она вашему наставлению и теперь постоянно и непоколебимо пребывает в иночестве, победив свою плоть. Не хочу скрывать, отче, я особенно ее примером и возбужден и желаю подражать ей. Вспоминаю я о ней, как она была прекрасна, как богата, в каких удовольствиях проводила время, а потом мгновенно изменилась и начала служить Христу путем тесным и прискорбным. Если она могла всем этим пренебречь и умертвить свои похоти ради любви ко Христу, то почему же, отче, ты не надеешься на меня, мужчину, более сильного, чем женщина? Если бы я однажды увидел ее, то, надеюсь, из ее беседы и наставления я почерпнул бы столько горячего усердия к Богу и силы на подвиг, что этого достаточно было бы мне на всю жизнь для победы и отражения всех диавольских искушений.

Раб Божий Герман, слыша такие речи, принял ложь за истину и, думая, что он истинно хочет работать Богу, сказал ему:

— Не будем тебе препятствовать, чадо, видеть Евдокию и слышать от нее полезное наставление, так как ты по ее примеру хочешь идти путем добродетели.

После этого игумен Герман призвал почтенного старца монаха, который носил в женский монастырь фимиам и часто посылался туда для исправления необходимых дел. Ему Герман сказал:

— Когда пойдешь в женский монастырь, возьми с собою этого брата: пусть увидит Евдокию, потому что хочет получить от нее душевную пользу и подражать ее богоугодной жизни.

Спустя некоторое время тому монаху нужно было идти в женский монастырь, и он, по приказанию игумена, взял с собою юного брата. Филострат, одетый в иноческую одежду, как волк в овечьей шкуре, вошел в женский монастырь и, увидев невесту Христову, святую Евдокию, изумился ее смиренному виду, нищете и изнуренному телу. Ее лицо было бледно, очи опущены вниз, на устах — молчание,

одежды — худы, постель — на земле рогожа, а на ней колючая власяница. Найдя удобное время, он тихим голосом (другие инокини стояли вдали) начал говорить ей:

— Что это значит, Евдокия? Кто тебя, жившую в палатах, подобных дворцу, изобиловавшую богатством и всякою роскошью, пребывавшую постоянно в веселии и радости, обольстил и привел в эти жалкие места? Кто лишил тебя великого города, где ты ходила украшенная прекраснейшими одеждами и все почитали тебя, удивлялись твоей красоте и прославляли тебя всякими похвалами? Какой обольститель от такого блаженства привел тебя в крайнюю нищету и убожество, в эту бедную и гнусную жизнь? И теперь весь Илиополь ищет тебя, все желают тебя видеть, самые стены твоих прекрасных палат плачут о тебе. Я высказываю народное желание, я от имени всех послан к тебе умолять тебя возвратиться в город и своим приходом прекратить народную скорбь. Послушай меня, госпожа, последуй за мной, уйди из этого жалкого монастыря, уйди от голода, смрадных одежд, от жесткой власяничной постели и возвратись опять в твои палаты, к прежним увеселениям, к прежним удовольствиям, бывшим у тебя в изобилии. Если ты и расточила свое богатство, напрасно раздав его чужим людям, — то все готовы вновь обогатить тебя. Зачем медлишь и колеблешься? Зачем, когда все тебя любят и желают тебе добра, ты сама делаешься себе врагом и мучителем? Не напрасно ли, не стыдно ли такую красоту лица скрывать в этой тьме иночества? Не напрасно ли такие очи, подобно солнечным лучам, испортить ненужным плачем и слезами? Какая польза изнурять голодом и жаждой и другими страданиями это прекрасное юное тело? Где теперь твои благовония, которыми ты наполняла воздух в городе и всем казалась богиней?[1] И вот этим благовониям ты добровольно предпочла смрад нищенской и презренной жизни! Кто увлек тебя в это заблуждение? Какая ложная надежда отвлекает тебя от таких великих богатств, которые могли еще увеличиться?

---

[1] Язычники наделяли своих богов и богинь всеми человеческими качествами, и даже недостатками, только в превосходной степени. Поэтому и в дар им они приносили то, что считалось самым ценным и лучшим в человеческой жизни: изысканные яства, дорогие напитки, благовонные вещества и пр. Отсюда Евдокия, утопавшая в роскоши, красивая, всегда богато одетая и благоухающая, действительно могла казаться современникам чем-то вроде богини.

Кто из богачей отвергает свое богатство или понапрасну раздает его, как сделала ты? Но мы знаем, где находятся отверженные тобой богатства, и легко можем возвратить их тебе — вернись только в город наш, госпожа Евдокия! Я принес достаточно золота на дорогу, а остальное, растраченное тобой, вернем, придя в Илиополь.

Когда он произносил эти безумные речи, Евдокия гневно смотрела на него и, не будучи в состоянии более слушать его лукавые и льстивые слова, с гневом сказала ему:

— Бог отмщений да запретит тебе! Господь наш Иисус Христос, Праведный Судия, Которого я раба, хота и недостойная, не допустит тебя, пришедшего сюда с злым умыслом, возвратиться к себе, потому что ты — сын диавола.

Сказав это, она дунула в лицо ему, и тотчас мнимый инок и окаянный обольститель упал мертвым на землю. Сестры, видевшие их беседующими и не слыша их разговора, сильно ужаснулись, когда увидели, что собеседник Евдокии пал на землю от ее дуновения и мертвым лежит у ее ног. Сначала они удивлялись такому сверхъестественному событию и уразумевали в нем Божественное действие, но потом начали бояться, как бы мирские люди и судьи не узнали об этом случае и не произвели бы расследования, как об убийстве, и не сожгли бы монастырь, потому что идолопоклонники эллины ненавидели христиан и монастыри. Не смея спросить Евдокию, они между собою рассуждали о случившемся. И сказала одна из них:

— Подождем пока: уже начинается ночь, помолимся ночью, может быть, Господь и откроет нам причину смерти этого инока и наставит, что нам делать.

Наступила полночь. Перед началом обычного полуночного пения Господь явился во сне Евдокии и сказал:

— Встань, Евдокия, прославь Бога твоего. Помолись коленопреклоненно близ мертвого тела посланного тебе диаволом искусителя, и Я повелю ему встать; и он восстанет и узнает, кто Я, в Которого ты веруешь, и преизобильна будет на тебе благодать Моя.

Пробудившись, Евдокия сотворила молитву своему Владыке и воскресила умершего. Филострат, восстав от смерти, как от сна, познал истинного Бога, помиловавшего его, пал к ногам блаженной и сказал:

— Умоляю тебя, блаженная Евдокия, истинная раба истинного Бога, прими меня, кающегося, прости меня, огорчившего тебя лукавыми и нечистыми словами. Теперь я понял, сколь Великому и Милосердому Владыке ты служишь.

И сказала ему блаженная Евдокия:

— Иди к себе с миром, не забывай благодеяний Божиих, явленных на тебе, не отступай от познанного тобой истинного пути святой веры, которую ты обещаешь принять.

Тогда страной управлял царь Аврилиан (не римский кесарь, но другой того же имени, бывший под властью римских кесарей), и перед ним была оклеветана Евдокия. Собрались прежние ее поклонники и, посоветовавшись между собою, написали царю письмо, донося, что Евдокия отнесла с собою в пустыню множество золота, равняющееся царской казне. Они просили царя дать им отряд воинов, чтобы, найдя бежавшую, возвратить ее в город, а золото взять в царскую казну, потому что она приняла галилейскую веру в некоего Христа и отвергла богов, которым поклоняются и цари. Услышав о множестве золота, Аврилиан легко согласился на их просьбу и, призвав одного комита[1], велел ему взять воинов, захватить Евдокию вместе с ее золотом и привести к нему. Взяв триста воинов, комит направился в пустыню, в женский монастырь, где жила Евдокия. Когда они шли, Господь явился ночью Евдокии и сказал:

— Царь разгневался на тебя, но не бойся: Я всегда с тобой.

Когда комит с отрядом воинов увидел монастырские стены, то приостановился в ожидании темноты, ибо день склонялся к вечеру, и он разделил свой отряд на части, чтобы ночью со всех сторон напасть на монастырь. И когда уже они хотели произвести нападение, всемогущая сила невидимой руки Божией воспрепятствовала им, и всю ночь не могли они ни на шаг подступить к монастырю. Настал день. Они видели монастырские стены, но не могли к ним подойти, и три дня и три ночи их попытки оставались безуспешными. И они недоумевали, что им предпринять дальше.

И вот напал на них внезапно страшный громадный змий, и они, побросав оружие, в ужасе бежали. Но, хотя они спаслись от зубов змия, не избежали его яда. Пораженные смертоносным дыханием

[1] *Комитом* назывался особый чиновник, заведовавший сбором царских даней. Этим же именем назывались вообще градоначальники.

змия, одни из них внезапно пали мертвыми, другие еле живые валялись на дороге, и только с тремя воинами возвратился комит к царю. Разгневанный царь сказал своим вельможам:

— Как нам поступить с этой волшебницей, умертвившей своими чарами такое множество воинов? Что посоветуете? Нельзя оставить без наказания такого злодеяния.

После совещания царский сын сказал:

— Я пойду с многочисленным войском, сровняю с землей эту обитель блудниц и приведу сюда Евдокию.

Царь и все согласились, и на другой день царский сын с воинами отправился разорить пустынную обитель и схватить Евдокию. По дороге он приблизился к селу, принадлежавшему его отцу, и, ввиду наступления ночи, захотел остановиться на ночлег в этом удобном для отдыха месте. По юношеской живости он быстро соскочил с коня, ударился о камень и сильно разбил себе ногу, так что на руках воинов отнесен был в постель. Ночью болезнь его усилилась, и он умер; и возвратились воины к царю, везя с собою его мертвого сына. При виде внезапно умершего сына царь упал замертво. Собрался весь город, и плакал народ, сожалея царского сына и самого царя, умирающего от скорби. Среди народа был и Филострат. Подойдя к царским приближенным, он говорил им, что Евдокия — раба Божия, и никто не может причинить ей вреда, ибо ее охраняет небесная сила. Но если царь хочет видеть сына живым, то пусть пошлет к ней почтительную просьбу, чтобы она умолила Бога оживить мертвеца.

— Я сам, — говорил Филострат, — на себе испытал силу ее молитвы и Божие милосердие.

Услышав это, царь немного пришел в себя и, точнее узнав от Филострата о случившемся с ним, поверил словам его и тотчас послал к Евдокии трибуна[1] Вавилу с почтительным, смиренным и просительным письмом. Когда он прибыл в обитель, святая Евдокия, смиренно поклонившись, приняла царское письмо и сказала:

— Зачем царь посылает свое письмо мне, убогой и недостойной грешнице?

В ожидании, пока святая прочтет царское письмо, трибун вошел в одну из монастырских комнат и, увидев там открытую книгу, на-

[1] *Трибун* — представитель военной власти, командир небольшого отряда, вроде современного полковника.

клонился и прочитал: *Блаженны, хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его* (Пс. 118, 2). И, дочитав до конца псалма, задремал и, положив голову на книгу, заснул. Во сне явился ему некий светлый юноша и, толкнув его в бок жезлом, бывшим у него в руке, сказал:

— Вавила, встань! Мертвый дожидается тебя.

Пробудившись, Вавила пришел в ужас от явления Ангела и рассказал об этом блаженной Евдокии, прося скорее отпустить его. Она, созвав всех сестер, сказала им:

— Как вы посоветуете мне поступить относительно того, о чем пишет царь моему ничтожеству?

Сестры единогласно ответили:

— Благодать Святого Духа наставляет тебя: пиши царю, что угодно Богу.

После довольной молитвы, святая села и написала царю так: «Я, ничтожная женщина, не знаю, по какому случаю твое величество изволил прислать мне послание. Я, женщина недостойная и полная грехов, обличаемая совестью во многих и ужасных беззакониях, я не имею дерзновения умолять Христа Бога моего, да смилуется над тобой и возвратит тебе сына живым. Но надеюсь на известную благость и силу Господа моего, что Он явит на тебе и на сыне твоем великое Свое милосердие, если ты всем сердцем уверуешь в истинного Бога, воскрешающего мертвых, и будешь надеяться на Него. Невозможно призывать святое и страшное имя Его и молить Его о чем-либо, если предварительно не уверуешь в Него всею душою. Итак, если ты всею душою веруешь, то увидишь великую славу бессмертного Бога, сподобишься Его милости и насладишься Его благодеяниями».

Написав и троекратно запечатлев письмо крестным знамением, она отдала посланному и отпустила его. Возвратившись к царю, трибун не отдал ему послания святой Евдокии, но положил его на грудь умершего, призвав громогласно имя Христово. Тотчас мертвец ожил, открыл глаза, заговорил и встал, как после сна, живым и здоровым. Все изумлялись и ужасались такому необыкновенному зрелищу. И громогласно воскликнул царь:

— Велик Бог христианки Евдокии! Бог истинный и праведный — Бог христианский! Справедливо многие к Тебе прибегают и

благочестиво поступают верующие в Тебя, Христа Господа! Прими и меня, грядущего к Тебе, ибо я верую Твоему святому имени и признаю, что Един истинный Бог, святой и благословенный вовеки!

Уверовав во Христа Бога, царь крещен был городским епископом вместе с женою и сыном, воскресшим из мертвых, и с дочерью Геласией. После этого, раздав щедрую милостыню нищим и убогим, он послал много золота святой Евдокии на сооружение святой церкви. Кроме того, он повелел построить город на том месте, где жила Евдокия, и часто писал ей, прося ее святых молитв. В скором времени царь, преуспев в святой вере и добрых делах, почил о Господе, а за ним умерла и жена. Сын был поставлен диаконом, а потом, когда скончался епископ, был посвящен во епископа. А сестра его Геласия, презирая суету мира и избегая брачной жизни, но желая послужить Господу, тайно удалилась в монастырь святой Евдокии и в нем жила до смерти, усердно служа и благоугождая Господу.

В это время господствовало языческое нечестие и многие тайно служившие Господу были открываемы богоненавистными и принуждались к той же погибели. Тогда в городе Илиополе был наместником Диоген, ревнитель скверных богов, усерднейший их служитель и гонитель отказывающихся от поклонения идолам. Он хотел взять за себя в замужество вышеупомянутую царскую дочь Геласию, на что был согласен, пока находился в неверии, и отец ее, Аврилиан. Когда же он был просвещен святым крещением, то не захотел отдать ее за неверного мужа, если только он не примет христианской веры. Скоро Аврилиан скончался, и Геласия, боясь, что насильно будет взята Диогеном, убежала, как было сказано, в монастырь святой Евдокии, но никто не знал точно, где она скрылась. Носился только слух, что скрывается где-то у Евдокии. Наместник Диоген послал пятьдесят воинов взять Евдокию как христианку для расследования. Когда воины шли за ней, Господь явился ночью Евдокии и сказал:

— Дщерь Евдокия! Бодрствуй и стой мужественно в вере. Пришло для тебя время исповедать Мое имя и прославить Мою славу. Приблизился подвиг, который ты совершишь. Вот сейчас нападут на тебя люди, страшные, как звери, но ты не смущайся и не ужасайся,

потому что Я буду с тобой близким спутником и крепким помощником во всех твоих подвигах и трудах.

Когда видение окончилось, воины ночью перелезли через монастырскую стену. Преподобная, узнав об этом духом, вышла к ним и спросила:

— Что вам здесь надобно? Кого ищете?

Воины схватили ее и спрашивали об Евдокии. Она обещалась предать им Евдокию, если только они на малое время освободят ее. И, придя в церковь, она взошла в святой алтарь, открыла ковчежец с Пречистыми животворящими Христовыми Таинами и, взяв часть этой великой святыни, скрыла у себя на груди. После этого она вышла и сказала воинам:

— Я — Евдокия, возьмите меня и ведите к пославшему вас.

Они взяли и повели ее с собою. Была безлунная и темная ночь, и вот явился светлый и прекрасный юноша, неся перед ней свечу и освещая путь. Это был Ангел Господень, видимый только Евдокиею, а воины ни его, ни света не видели. Воины хотели посадить Евдокию на осла, но она не пожелала и сказала:

— *Иные — колесницами, иные — конями* (Пс. 19, 8), а я, надеясь на Христа, дойду и пешком.

По прибытии в город, наместник велел заключить Евдокию на два дня в темницу, а на третий день призвал темничного стража и спросил его:

— Не давал ли кто той волшебнице пищи или питья?

Страж ответил:

— Клянусь твоею милостью, господин мой, что ни пищи, ни питья ей никто не давал, и сколько раз я ни смотрел на нее, всегда видел ее распростертой на земле и молящейся (как думаю) своему Богу.

Наместник сказал:

— Завтра я произведу расследование и суд о ней, а ныне я занят другими делами.

На четвертый день наместник Диоген сел на судилище и велел привести Евдокию. Увидев ее, смиренную видом, в плохой одежде, с опущенной головой, он приказал слугам открыть ей лицо, и оно тотчас заблистало, как молния. Изумился Диоген и долго молчал,

удивляясь неизреченному благородству и красоте ее лица, сияющего Божественною благодатью. Долго созерцая ее красоту, он смутился духом и, обратившись к судьям, сказал:

— Клянусь моим богом солнцем! Нельзя предать смерти такую, подобную солнцу, красоту. Не знаю, как поступить?

Один из судей сказал:

— Не думает ли твое величество, что такая красота естественна? Нет, это волшебный призрак. Разве ты не знаешь, какой силой обладают чародеи? А когда разрушено будет волшебное очарование, сейчас же явится ее природное безобразие.

Наместник обратился к блаженной:

— Прежде всего, скажи нам свое имя, происхождение и жизнь.

Оградив себя крестным знамением, святая сказала:

— Мое имя — Евдокия, а о моем происхождении и образе жизни нет нужды меня спрашивать, поэтому прошу тебя, наместник, не трать времени на праздные речи, но делай со мной то, что вы обычно делаете с христианами. Суди меня, мучай меня, как тебе угодно, предай меня смерти, а я надеюсь на Христа истинного Бога моего, что Он не презрит меня и не оставит.

Наместник сказал:

— На краткий вопрос ты так много отвечаешь, сколько же ты наговоришь, когда начнем терзать тебя? Скажи же нам: зачем, оставив город и отвергнув богов, ты ушла в пустыню, унеся с собою народное имущество, лукавым образом опустошив городскую казну?

Святая ответила:

— Почему я оставила город — скажу одним словом: я была свободна, и что захотела, то сделала. Какой закон запрещает свободному человеку идти, куда он хочет? А что касается обвинения в похищении золота, то желаю, чтобы стал предо мной клеветник и тогда обличена будет клевета и ложь исчезнет пред истиною. Ужели я ушла, похитив чужое?

После долгого препирательства святая осталась неодоленной в слове и непреклонной в вере. Тогда наместник велел повесить ее на дереве и четырем воинам жестоко бичевать. Воины взяли ее, обнажили до пояса и повесили. Когда ее раздевали, то с груди ее спала часть пречистого и животворящего Тела Господня, взятая ею при вы-

ходе из монастыря. Слуги, не зная, что это такое, подняли и принесли наместнику. Протянув руку, он хотел взять ее, и тотчас часть Пречистого Тела Владыки превратилась в огонь, и великий пламень попалил слуг мучителя и повредил левое плечо самому наместнику. Он упал от боли на землю и взывал к солнцу, почитаемому им за Бога:

— Владыка солнце! Исцели меня, и я тотчас предам огню эту волшебницу. Я знаю, что ты наказываешь меня за то, что я до сих пор не погубил ее!

При этих словах ниспал на него огонь, как молния, и умертвил его, опалив тело, как головню. Страх и ужас напал на всех. А один воин видел, что светлый Ангел Божий стоял близ святой, говорил ей на ухо и утешал ее, покрывая тело полотном белее снега. Увидев это, воин приблизился к святой и сказал:

— Верую и я в Бога твоего, прими меня кающегося, раба Бога живого.

Святая ответила ему:

— Благодать искреннего обращения да придет на тебя, чадо. Вижу, что начинаешь ты новую жизнь, как вновь рожденный, — если хочешь спастись, избегай прежнего неверия.

Воин сказал:

— Умоляю тебя, раба Господня, смилуйся над наместником, испроси ему у Бога твоего возвращение к жизни, чтобы многие познали истинного Бога и уверовали в Него.

После этих слов он, подойдя к дереву, освободил святую мученицу и она, преклонив колена, долго молилась. Затем встала и громко воскликнула:

— Господи Иисусе Христе, ведающий тайны человека, утвердивший небеса словом и все премудро создавший! Повели, да по Твоей всесильной и всемогущей воле оживут все попаленные ниспосланным от Тебя огнем, чтобы многие верные утвердились в святой вере, а неверные обратились к Тебе, Богу Вечному, и тем прославилось пресвятое имя Твое во веки веков!

После этого она подошла к мертвым и, взяв каждого за руку, произнесла:

— Во имя Господа Иисуса Христа Воскресшего встань и будь здоров по-прежнему.

И так всех по одному оживила, поднимая и пробуждая, как бы ото сна. Когда все с изумлением и ужасом смотрели на происходящие дивные чудеса, внезапно послышался вопль и плач: к комиту Диодору, бывшему там с воинами, пришло известие о внезапной смерти его жены Фирмины, угоревшей в бане. Пораженный нечаянною вестью, Диодор растерзал свою одежду и, объятый жалостью, со слезами устремился туда, где умерла его жена. За ним побежали многие из народа, и наместник Диоген, восставший из мертвых, также направился туда. Увидав, что жена комита действительно умерла, он возвратился к святой Евдокии и сказал ей:

— Воистину верую, что Бог твой безмерно выше и могущественнее наших богов, но если ты хочешь усилить и укрепить мою начинающуюся и еще слабую веру, то, умоляю тебя, пойдем со мной к умершей Фирмине. Если ты воскресишь ее, тогда без замедления и сомнения окончательно уверую в твоего Бога.

Святая Евдокия сказала ему:

— Не только ради тебя Бог явит Свою волю в безмерном милосердии, но и ради всех, желающих войти в Его Царство. Итак, пойдем, при Божией помощи, туда, куда меня зовешь.

Когда они шли вместе с народом, встретились им несущие мертвое тело. Святая повелела остановить носилки, прослезилась, помолилась некоторое время и, взяв умершую за руку, сказала громким голосом:

— Боже Великий и вечный, Господи Иисусе Христе, Сущее Слово Отчее, Воскрешающий мертвых! Молимся Тебе: во уверение предстоящих благоволи сотворить великое чудо, повели ожить Фирмине и даруй ей дух покаяния, да обратится к тебе, всегда живому и вечному Богу.

После этой молитвы Фирмина тотчас встала с носилок, и весь народ громким голосом единогласно воскликнул:

— Велик Бог Евдокии, Истинен и Праведен Бог христианский! Умоляем тебя, раба Бога живого, спаси нас, потому что и мы веруем в твоего Бога.

А Диодор, увидя свою жену живой, чрезвычайно обрадовался и, пав к ногам преподобной, говорил:

— Умоляю тебя, раба Христова, сделай и меня христианином, потому что ныне я истинно познал, Кто есть Всемогущий Бог, Которому ты служишь.

И крестился Диодор с женою и со всем домом своим во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — и множество народа, также и Диоген наместник с домом своим крестились и до смерти пребывали во святой вере.

После этого святая Евдокия по просьбе Диодора жила в его доме, поучая Божественному слову новопросвещенных христиан. Один отрок Зинон, работая в близлежащем саду, был умерщвлен смертоносным дыханием змия, и неутешно плакала о нем мать его, вдова. Узнав об этом, агница Христова Евдокия сказала Диодору:

— Пойдем утешить плачущую вдову, и увидишь дивное милосердие Бога нашего.

Придя, они увидели, что отрок опух, раздулся и почернел от змеиного яда. Святая сказала Диодору:

— Настало время показать, сколь великую веру имеешь ты в Бога. Итак, помолись, возведя на небо душевные очи, и воскреси умершего.

Диодор сказал:

— Госпожа моя, раба Христова! Я еще недавно уверовал — не могу богомыслием утвердить очи сердца в Боге.

Святая сказала ему:

— Несомненно верую, что Бог слушает кающихся грешников и скоро исполняет их прошения. Итак, призови от всей души Всемогущего Господа, и Он явит нам Свое милосердие.

Тогда Диодор, преклонив свою выю и ударяя себя в грудь, начал со слезами вслух молиться:

— Господи Боже, благоволивший призвать меня, недостойного грешника и неверного, ко святой вере, пославший сию честную рабу во спасение наших душ! Зная мою неизменную и непоколебимую веру, услыши мою грешную и недостойную молитву и повели отроку, убиенному змием, ожить для славы Твоей, чтобы и он, и всякая душа прославляли вовеки Твое Пресвятое имя.

После молитвы Диодор сказал мертвецу:

— Зинон! Во имя Иисуса Христа, распятого при Понтии Пилате, встань!

И тотчас мертвый встал, отер черноту, стало тело его здоровым, как прежде, и все уверовали и прославили Бога, Творца неба и земли.

Когда народ стал расходиться, блаженная агница Христова Евдокия сказала:

— Братья! Подождите немного. Еще раз прославится Христос Спас наш.

Народ остановился. Святая помолилась, и вот змий, умертвивший отрока, приполз со страшным свистом, гонимый чудесным огнем, и стал перед глазами всех метаться и извиваться, расторгнулся и издох. Тогда все, видевшие это, вместе с женами и детьми отправились к епископу Илиополя и приняли святое крещение. А преподобная Евдокия возвратилась в свою обитель и проводила жизнь в обычных иноческих трудах. Иногда приходила она в город, утверждая верных и приводя неверных к вере во Христа Бога. После своего крещения она прожила пятьдесят шесть лет и скончалась мученическою смертью следующим образом.

После кончины наместника Диогена, умершего в христианской вере, его должность занял Викентий, человек жестокий и враг христиан. Он, услышав о преподобной Евдокии, послал воинов отсечь ее честную голову.

И так, святая преподобномученица Евдокия в первый день месяца марта скончалась от меча о Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава со Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
НЕСТОРА и ТРИВИМИЯ

Святые Нестор и Тривимий жили в царствование нечестивого Декия[1] и были родом из города Пергии[2]. Будучи христианами, они безбоязненно проповедовали о Христе, и за это язычники сделали на них донос правителю области. Последний немедленно же

[1] Римский император *Декий* царствовал с 249 по 251 год и был жестоким гонителем христиан.

[2] Город *Пергия* находился в малоазийской области Памфилии, расположенной в южной части Малой Азии на берегу Средиземного моря.

послал большой отряд воинов с приказанием связать их и привести к нему для суда. Когда святые мученики были представлены на суд, то правитель, чтобы устрашить их, велел разложить пред ними все орудия мучений, но они, видя эту угрозу, громким голосом стали проповедовать о Христе. Тогда правитель велел раздеть их и без пощады бить сухими воловьими жилами, после чего их повесили на дерево и строгали тела их до тех пор, пока не обнажились их внутренности. Убедившись, наконец, что святые непоколебимы в своей вере во Христа, Бога нашего, правитель приказал палачам снять их с дерева и отрезать им головы ножами. Благодаря Господа, так скончались святые мученики, и Христос Бог принял их в Царство Свое.

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ АНТОНИНЫ

Святая мученица Христова Антонина пострадала в городе Никее[1], в царствование Диоклетиана и Максимиана[2]. Так как она веровала во Христа, то Максимиану донесли на нее, что она — христианка. Приведенная в Никею и представ перед императором, она безбоязненно исповедала свою веру. Чтобы принудить ее отречься от Христа и принести жертву идолам, ее подвергли жестоким мучениям, но она не покорилась желанию мучителей и была заключена в темницу. Вскоре после этого Максимиан повелел вывести ее из темницы и стал снова принуждать ее к отречению от Христа, но и

[1] Город *Никея* находился в малоазийской области Вифинии, лежавшей в северной части Малой Азии по берегам Мраморного и Черного морей. Известен в истории тем, что в нем происходили I и VII Вселенские соборы.

[2] В 284 году Римская империя разделилась на восточную, которою правил Диоклетиан, и западную, с 285 года находившуюся под властью августа Максимиана Геркула. Но здесь надо разуметь не Максимиана Геркула, а Максимиана Галерия, бывшего соправителем Диоклетиана на Востоке, зятя и впоследствии преемника его (305–311 гг.). Хотя открытое гонение на христиан началось с 303 года, но еще за несколько лет до этого Галерий преследовал христиан частным образом.

на этот раз она не послушалась императора. Тогда Максимиан приказал повесить ее и строгать по ребрам. Среди мучений святая Антонина все время обличала заблуждение императора и проповедовала о Христе. Видя это, Максимиан велел палачам снять с нее одежду и бить ее по голому телу. Но когда палачи хотели исполнить повеление императора, то явились Ангелы и, охраняя святую мученицу, подвергли мучениям самих мучителей. После этого святую положили на раскаленный железный одр, но она осталась невредимою. Тогда ее в мешке бросили в Никейское озеро.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ ДОМНИНЫ

Преподобная дева Домнина подвизалась в Сирии. Живя в палатке, ею самой устроенной в саду при доме ее матери, она непрестанно источала слезы, питалась только чечевицею, смоченною водой, и каждые утро и вечер ходила в храм Божий для молитвы, покрытая с головы до колен покрывалом, чтобы никто не видел ее лица. Она скончалась в мире между 450 и 460 годами.

В тот же день **память святых мучеников Маркелла и Антония**, огнем за Христа сожженных.

День второй

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ФЕОДОТА,
епископа Киринийского

Святой священномученик Феодот, по происхождению галатянин[1], был епископом города Киринии на острове Кипре[2]. Сын христианских родителей, он научен был грамоте и с юных лет преуспевал в премудрости и добродетели. Он пришел на остров Кипр с проповедью Слова Божия и поучал язычников, чтобы они оставили свое заблуждение и идолопоклонство и веровали во Христа. Своею проповедью он многих отвратил от языческого нечестия и наставил на путь спасения и поэтому был поставлен епископом кипрского города Киринии. В это время царствовал нечестивый Ликиний[3], а наместником острова Кипра был Савин, и тогда происходило сильное гонение против христиан. Святой Феодот, желая пострадать за Христа, смело спорил с язычниками, обличая их заблуждения, и открыто проповедовал о Христе. Услышав об этом, наместник Савин велел взять святого на мучения, но служитель Божий, узнав об этом, не

---

[1] *Галатия*, иначе *Галло-Греция*, малоазийская область, получившая свое название от галлов, обитателей нынешней Франции, переселенных в Азию в III веке до Рождества Христова. Христианство насаждено в Галатии апостолом Павлом во время первого и второго его путешествий.

[2] Остров *Кипр* лежит в северо-восточной части Средиземного моря, в углу между берегами Киликии и Сирии. Здесь проповедовал Евангелие святой апостол Павел.

[3] *Ликиний* царствовал с 311 по 324 год.

дожидаясь посланных, сам немедленно явился к наместнику и сказал:

— Я — тот, которого ты ищешь. Я ни скрылся от тебя, ни силой приведен к тебе, но добровольно явился, чтобы проповедовать Христа Бога моего — истину, которую не до́лжно скрывать, и обличить ничтожество и бессилие вашего нечестия. Не нужно много говорить о вашем бессилии: само дело ясно показывает, что вы трусливее жаб. Из-за одного христианина смутился весь город и войско, потому что бесы трепещут и одного раба Христова и стараются погубить его, боясь, чтобы он, избегнув мучений, не посрамил их бессилия, победив их слуг, всуе уповающих на них.

Наместник не мог стерпеть такого обличения и повелел бить святого твердыми жилами без пощады, а он, во время долгих истязаний, восклицал словами Давида:

— *На хребте моем дѐлаша грешницы, продолжи́ша беззаконие свое* (слав. Пс. 128, 3)[1].

Когда слуги перестали бить мученика, наместник сказал:

— Видишь, какую пользу принесла тебе твоя дерзкая речь?

Святой ответил:

— Если бы твои душевные очи были просвещены, я показал бы тебе, какую пользу принесло мне мое мужество, называемое тобой дерзостью. Но ты слеп и не можешь видеть ожидающего меня блаженства. Обрати внимание хотя на то, что я, взирая душой на небесные воздаяния, уготованные мученикам за Христа, непоколебим в страданиях и не чувствую мучения, потому что моя душевная радость преодолевает все страдания тела.

Савин сказал:

— Напрасно ты гордишься, Феодот, и обольщаешь слушателей; меня ты не прельстишь своими словами: я буду тебя мучить до тех пор, пока ты не признаешь владычество наших Богов.

---

[1] Русский перевод: «на хребте моем орали оратаи, проводили длинные борозды свои». Блаженный Феодорит объясняет: «пророческое слово разумеет бичи и язвы, какие злочестивыми наложены на победоносных мучеников».

Святой ответил:

— Мучай меня, как хочешь, употреби все твое искусство — и узнай силу воина Христова. Увидишь, кто победит: мученик ли или мучащие!

Наместник сказал:

— Разве ты не знаешь, что я, по царскому повелению, могу раздробить твое тело и совершенно погубить тебя?

Святой ответил:

— Бог, Которому я служу, сделал меня могущественнее царей и сильнее князей, — поэтому я говорю с тобой, как с рабом, и считаю тебя ничтожнее пленника. При помощи Бога моего, научившего презирать все блага жизни, как сено, мякину, помет, я пренебрегаю всеми мучениями. Не думай устрашить меня твоими горделивыми угрозами. Ты хвалишься, что имеешь власть над моим телом, но ведь и разбойники в пустынях имеют такую же власть, когда нападают на путников и мучают их. Ты считаешь себя могущественным, надеясь на твой меч, меч беззаконный, потому что законную власть ты заменил тиранством: прелюбодеев и мужеубийц ты освобождаешь от наказания, подвергая ему людей невинных и благочестивых.

Сильно разгневанный наместник велел повесить обнаженного мученика на дерево и строгать его бока острыми орудиями. Терпя эти лютые мучения, Христов страдалец молился так:

«Господи Иисусе Христе, Творец всего видимого и невидимого, пленивший смерть, разрушивший ад, умертвивший на кресте начала и власти преисподней, осудивший князя века этого, даровавший свыше силу святым Твоим апостолам и соблюдший их от искушения, даровавший некогда отроку Давиду победу на гиганта Голиафа, укротивший пламень Вавилонской пещи, остудив огонь росою, так что он не повредил телам святых отроков, укрепи и меня в этих муках. Ты знаешь человеческую немощь, знаешь, что ничтожнее сора наша крепость и сила наша отцветает скорее цветка. Даждь славу имени Твоему, Господи, и подай силу моему бессилию. Разрушь крепость восстающих на святую Твою паству, да разумеет вся вселенная, что Ты Един Бог Вышний, дающий крепость и силу надеющимся на Тебя!»

Во время молитвы палачи настолько истерзали тело святого, что обнажились кости его, и наместник велел отвести его в темницу.

По дороге к темнице святой громогласно восклицал:

— Разумейте видящие мои мучения, что я страдаю не без надежды. Есть награда за мученические подвиги у Христа, на Которого я и уповаю. Если земной, временный царь своих храбрых воинов, проливающих кровь, чествует и награждает, убитых прославляет в книгах, делает их изображения и старается о сохранении памяти о них, — тем более наш Подвигоположник, Вечный, небесный Царь подает Своим воинам и подвижникам славу в нынешней жизни, а по воскресении — участие в Своем Царстве. Свидетели сему — честные кости прежде подвизавшихся святых мучеников. Эти кости благоговейно почитаются всеми христианами и считаются дороже всех земных драгоценностей и богатств. Сим почитанием ясно изображается небесная слава душ мучеников, воздаваемая им от Бога и Его Ангелов.

Много и другого говорил мученик, сопровождаемый всем народом до темницы, где и пробыл пять дней, а потом вновь был приведен на суд к наместнику.

И сказал наместник мученику:

— Я думаю, тебя не надо более наказывать, чтобы ты одумался: испытав тяжесть первых мучений, ты почтишь наших богов, не желая повторения страданий. Но если не покоришься, то принудишь меня еще сильнее мучить тебя. Поэтому послушайся меня и избавь себя от готовящихся тебе мучений.

Святой Феодот ответил:

— Неужели ты не понимаешь, треокаянный, что хотя тело мое разбито мучениями и мои бока истерзаны, однако я и ныне с мужеством явился к тебе, готовый принять все страдания, пока окончу подвиг моего течения и приму приготовленный мне венец от Господа моего Иисуса Христа.

— Не произноси здесь имени Распятого, потому что оскверняешь им место суда, — прервал его наместник.

— Безумный и полный всякой нечистоты! — сказал Феодот. — По твоему мнению, ты не оскверняешь этого места, произнося имена твоих скверных и нечестивых богов, а когда я произношу имя Пречистого Владыки моего Христа, Царя и Господа всего, ты негодуешь, богохульствуешь и скорбишь, как бы об осквернении

судилища именем Христовым? Так мучается твой ум, когда я произношу Его пречистое имя. Так вот и чтимые вами бесы страдали, не перенося мук от лицезрения Христа, и вопияли: Ч*то Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас* (Мф. 8, 29). Не удивительно, что и ты не можешь слышать имени Христа, ибо ты подобен бесам, подражая и служа им, как и твои предки.

Савин сказал:

— Я думал, что после прежних мучений ты будешь уступчивее и послушаешь меня, предлагающего тебе спасение, но ты стал еще хуже и все споришь с нами, обольщаясь надеждой, что терпишь за Христа. За это я предам тебя новым мучениям и покажу, что надежда твоя на Христа тщетна. Не поможет тебе этот льстец, в надежде на которого ты идешь на страдания.

И ответил святой мученик:

— Если бы я терпел ради человека, то был бы несчастнее вас, безбожных, и не имел бы никакой надежды на будущую жизнь. Если бы я не взирал на небесное Царство, где Христос награждает выше заслуг, то не мог бы и страдать до конца, не в состоянии был бы переносить таких мучений. Поэтому, при помощи Христовой, не перенесу ли я большие муки ради обещанного вечного блаженства? Узри же во мне помощь Христову и убедись, что я надеюсь на Него. Под защитой Его руки я не боюсь твоих мучений и даже не страдаю. Пусть страдает бренное тело, но непоколебимо намерение, утвержденное в Боге.

Тогда наместник Савин велел положить мученика на железный одр и зажечь под ним хворост и солому. Когда и это мучение претерпел страдалец, наместник удивился и сказал:

— Откуда у вас, христиан, такое немилосердие? Кого вы можете миловать, будучи так немилостивы к себе? К кому вы будете добры, не будучи добры к себе?

Святой Феодот ответил:

— Не знаешь ты истинного человеколюбия, а говоришь о милосердии. Тогда я буду тебе благодарен, когда ты осудишь меня на смерть, избавишь от временной жизни и отпустишь в небесное Царство. Ведь ты хочешь меня возвысить, ибо чем больше мучаешь

меня, тем большую приготовляешь мне награду. Если ты действительно желаешь оказать мне милость, то избавь меня страданиями от временной жизни. Умножь здесь мои мучения: они присоединятся там к моему венцу правды. Замучай меня до смерти, чтобы совершенным подвижником отошел я к Подвигоположнику моему Христу, чтобы с радостью и весельем приняли меня все ангельские лики.

Наместник сказал:

— Изобрету лютейшие мучения и сделаю тебя совершенным подвижником.

И ответил Христов мученик:

— О, если бы ты знал милосердие Бога моего, на Которого я надеюсь, что за эти маловременные муки сподоблюсь вечной жизни у Него! Ты сам бы восхотел страдать так, как страдаю я, но ожесточили ваши сердца чтимые вами бесы, и нет у вас надежды после смерти. Поэтому вы погрязли в мирской суете, предпочитая временное и мимоидущее вечному.

Услышав эти слова, наместник с изумлением сказал:

— Мне говорили о тебе, что ты — человек простой, но я вижу, что ты великий мудрец!

Святой Феодот ответил:

— Если во мне говорит Христос, то какие ораторы могут противостоять мне? Знай, что правду тебе сказали, что — я человек простой, но помогающая мне благодать Христа моего и говорить научает меня, и в муках укрепляет, облегчая мои страдания.

— Не помилую тебя, Феодот, — сказал наместник.

— Делай, что хочешь, я готов, — ответил святой.

Тогда Савин велел воинам вбить ему в ноги гвозди и заставить его идти. И когда вбивали ему гвозди, он, подняв руки к небу, говорил:

— Благодарю Тебя, Господи мой Иисусе Христе, что Ты сподобил меня, недостойного, быть участником Твоих страданий. Откуда мне, отверженному, столь великая благодать — вот, я уже как бы на небе?! Благодарю Тебя, Спаситель мой, ибо Ты избавил от гонителей душу мою. Да прославится, Владыко Христе, имя Твое в теле моем! Сыне Божий! Ты — моя жизнь, и смерть за Тебя — мне приобрете-

ние! Тебе вручаю страждущих за имя Твое, будь им помощником. Повели прекратиться этой буре, рассей восстающих на Церковь Твою святую, да в мире прославляют Тебя люди вовеки!

Также окружающим его христианам сказал:

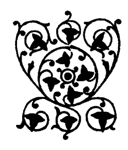
— Братие! Мой подвиг кончается, близок венец, залог моей правды, который подаст мне Иисус Христос. Он распялся за меня, я ради Него отдал мое тело на мучения. Он умер за меня, чтобы избавить меня от истления, я умираю за Него, чтобы сподобиться Его Царства. О великая благодать Христова! За кратковременное страдание ради Него — Он свыше заслуг награждает вечным и неизреченным блаженством: *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18).

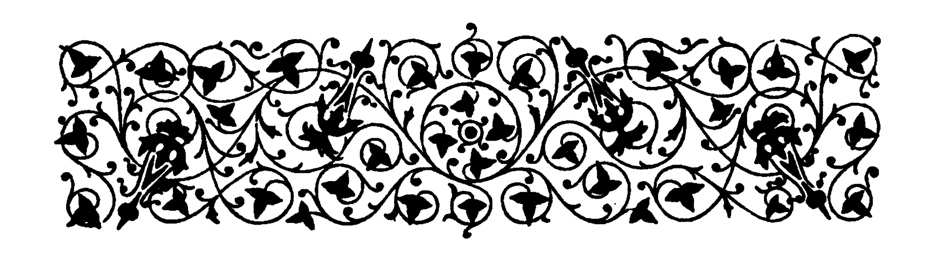
И так говоря, он шел, понуждаемый воинами, ступая нагвожденными ногами. Видя его терпение и слыша медоточные речи, многие язычники уверовали во Христа, поругали скверных идолов, укоряли мучителя и прославляли имя Христово. Узнав об этом, Савин повелел опять ввергнуть святого в темницу, чтобы не обольщался народ его волшебным (как он говорил) учением, а начал обдумывать со своими советниками, какой смертью погубить святого мученика. Спустя несколько времени, раны мученика начали гнить и приходящие благочестивые христиане чистыми платками отирали его струпы.

Когда же Константин Великий силою креста победил Максентия и даровал свободу веры всем христианам, то пришел от него указ прекратить гонение и освободить всех содержащихся за Христа в узах. Святой Феодот, услышав, что его хотят освободить, весьма опечалился, ибо желал в муках умереть за Христа. После своего освобождения он отправился в свой город Киринию и, пробыв два года на епископском престоле, почил о Господе и сугубый венец святительства и мученичества получил от Христа Господа, венчающего Своих подвижников вечною славой, которой и мы да сподобимся молитвами святого священномученика Феодота и благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ЕВФАЛИИ

Святая Евфалия жила в III веке и была родом из Сицилии. Мать ее была язычница и страдала кровотечением. Ей явились во сне святые мученики Алфий Филадельф и Киприн (память их празднуется 10 мая) и обещали исцеление, если она уверует во Христа. Она крестилась и исцелилась; потом крестила и дочь свою. Сын ее Сермилиан, узнав об этом, хотел убить мать свою, а сестру Евфалию жестоко бил и отдал слуге на растление. Молитвою своею святая Евфалия ослепила слугу, а сама усечена мечом от брата.

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
АРСЕНИЯ,
епископа Тверского[1]

Святой Арсений родился в городе Твери от благочестивых, благородных и зажиточных родителей. Ни год его рождения, ни имена родителей неизвестны. Испросив у Бога себе сына, родители блаженного всего более заботились о том, чтобы насадить в сердце его страх Божий. Спустя несколько времени они отдали отрока для обучения грамоте. С Божией помощью он скоро обнаружил такие успехи, что превзошел всех своих сверстников. Арсений был юн возрастом, но хорошо понимал, что все блага этой жизни непостоянны и скоропроходящи. Он помышлял и заботился лишь о том, чтобы угодить Богу и спасти свою душу. По прошествии некоторого времени родители преподобного скончались, перед кончиной заповедав сыну жить свято и богоугодно, твердо хранить заповеди Господни и соблюдать веру христианскую, и оставили ему все свое имение. Предав погребению своих родителей, святой еще чаще стал помышлять о спасении своей души. Он думал:

— Знаю, что я пришлец и странник на земле. Кратка и недолговременна жизнь здесь, а будущая жизнь бесконечна. Большое имение оставили мне родители, но душа моя не радуется о том. Ибо сказано в Писании: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф. 16, 26).

---

[1] Древнее житие святого Арсения написано в конце XV века иноком Феодосием. Чудеса святителя описаны во второй половине XVI и в XVII столетиях.

Размышляя так, он стал раздавать свое имение бедным: одевал нагих, посещал больных, помогал вдовам и сиротам, заступался за обиженных. Но завистник рода человеческого, видя благочестивую жизнь святого Арсения, воздвиг на него брань. Он вложил некоторым сродникам блаженного мысль, что юноша не хорошо делает, щедро раздавая родительское имение. Сродники святого то советовали ему вступить в брак, то поносили и укоряли его, говоря:

— Смотрите, этот святоша разорил весь дом родительский и без дела проводит свою жизнь.

Но такие слова не смущали благочестивого юношу. Господь вложил ему мысль — отправиться в Киево-Печерскую обитель, где некогда подвизались и просияли своими добродетелями преподобные Антоний и Феодосий. Отпустив на волю всех рабов и раздав нищим свое имение, юный подвижник тайно покинул родной город и направился в Киево-Печерскую обитель, куда его звал голос, услышанный им во сне. Придя в монастырь, святой упал на колена пред настоятелем и просил его:

— Помилуй меня, отче, помилуй грешного. Не удаляй меня из святой обители; вспомни, что и Христос не отвергает кающихся грешников.

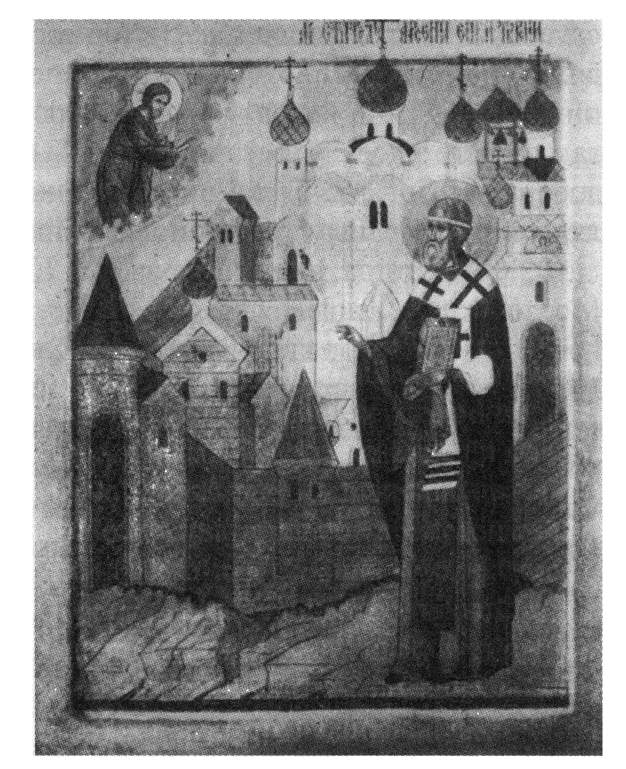
Так усердно просил святой игумена Печерского. Игумен удивился и спросил его:

— Почему, чадо, ты так сильно сокрушаешься о грехах своих, ведь ты еще молод возрастом?

— Я — великий грешник, — отвечал святой Арсений, — ибо нет человека, кто бы не согрешил, если даже он прожил всего один день. Помилуй меня, отче, и не отгоняй от святой обители. Знаю, что и мне некогда предстоит явиться на страшное судилище Христово, — какой ответ я дам тогда нелицеприятному Судии?

Удивился игумен ответу юноши. Он прозрел своими духовными очами, что на отроке почивает особенная благодать Божия. Но видя, что Арсений еще молод, игумен Печерский сказал ему:

— Трудна жизнь иноческая, много в ней лишений и скорбей. Нелегко тебе будет в таких молодых годах переносить все подвиги монашеские. Но много стезей указал Господь для спасения людей. Избери себе другой путь, более легкий.

— Не страшусь я трудов иноческих, — отвечал святой, — сладки и приятны они для меня. Об одном прошу тебя: сделай меня последним рабом в святой обители, и с благодарностью я буду исполнять все. Бог да будет моим покровителем и да помогут мне твои святые молитвы. Твердо помню я слова Писания: *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62). Только приими меня, отче.

Удивленный благочестием юноши, игумен принял Арсения в монастырь и облек его в иноческое одеяние. Новоначальный инок был отдан для руководства добродетельному старцу, опытному в духовных подвигах.

Много подвижников, как яркие звезды, сияли только в Киево-Печерской обители. Добрый пример показывали они благочестивому юноше: один отличался твердой верой, другой — на Единого Господа возлагал все свое упование, тот процветал безмолвием и послушанием, иной вел победоносную брань со своей плотью и покорял ее духу. Святой Арсений видел эти подвиги благочестия и начал подражать каждому из них, стараясь не оставлять ни одного доброго примера. С величайшим смирением он исполнял все повеления игумена и других иноков, непрестанно работал, не пропускал ни одной Божественной службы, довольствовался самой скудной пищей, лишь на самое короткое время забывался сном.

В Киево-Печерской обители было принято, чтобы всякий инок проходил все степени послушания, начиная с самых низших до более высоких. Подобно прочим и святой Арсений исполнял все по-

слушания, и проходил он их с великой ревностью. День и ночь трудился, не оставляя рук своих в праздности ни на один час: готовил пищу для братии, колол дрова и носил воду; никто никогда не слыхал от него слова ропотного или праздного. Он так украсил себя добродетелями, что был выше всех иноков в обители. Братия удивлялись его усердным трудам и незлобию.

В Киеве тогда проживал святой Киприан, будущий святитель Московский[1]. Увидев, что Арсений отличается острым разумом и преуспевает в добродетелях, он приблизил к себе и полюбил молодого инока, часто беседовал с ним, наставляя его в заповедях Божиих. И когда святой Киприан занял престол Московской митрополии, он не пожелал разлучаться со святым Арсением. Святитель взял его с собою в Москву, поставил во архидиаконы и поручил ему заведовать письмоводством[2]. Сначала святой Арсений просил не налагать на него бремени, говорил, что хотел бы в тишине молиться и подвизаться в добродетелях. Но потом, убежденный святителем, он согласился, — только просил не возводить его на высшие степени священства.

Между тем на родине блаженного Арсения — в Твери, возникли нестроения. Тверской епископ Евфимий[3] внес немалое смущение в свою паству; отличаясь неуступчивым характером, вступался он в мирские дела; не имея смирения христианского, он отличался великою гордостью и тщеславным высокоумием. Своим поведением епископ вооружил против себя не только князя и бояр, но и духовенство, монахов и простых мирян. Тверской князь Михаил Александрович[4], видя, что раздор умножается, отправил в Москву посольство и звал митрополита Киприана приехать в Тверь, чтобы рассудить дело. Святой митрополит Киприан отправился в Тверь, пригласив с собою двух греческих митрополитов Михаила и Ни-

---

[1] *Святой Киприан* поставлен митрополитом Киевским и всея Руси 2 декабря 1375 года. В Киев он приехал в следующем, 1376 году, и проживал здесь до утверждения на Московской кафедре в мае 1381 года.

[2] Другими словами: митрополит Киприан сделал святого Арсения своим секретарем.

[3] *Евфимий* (по прозванию Вислень) поставлен епископом Тверским 9 марта 1374 года.

[4] *Михаил Александрович* был великим князем Тверским с 1339-го по 1399 год. Пред смертью он принял иночество с именем Матфея.

кандра, святого Стефана, епископа Пермского, епископа Смоленского Михаила, взял святого Арсения, многих архимандритов и игуменов. Когда Освященный собор приближался к Твери, сам князь Михаил со множеством народа вышел ему навстречу и с честью принял прибывших. Лишь только Киприан с прочими отцами достиг города, тотчас же отправился в церковь во имя честного и славного Преображения, совершил здесь сначала молебен, потом Божественную литургию и преподал всем свое благословение.

Четыре дня спустя митрополит со всем Освященным собором разбирал дело Тверского епископа. Евфимий сначала защищался. Но отцы собора обличили его неправые деяния; его лишили сана и послали на заточение в Московский Чудов монастырь.

Уже давно в Твери знали о добродетельной жизни святого Арсения. Теперь же князь Михаил просил митрополита поставить его епископом в свой город.

— Я думаю, что Арсений может утвердить мир и тишину в нашем городе, — говорил князь митрополиту. — Другого мужа, более добродетельного и более достойного, я не знаю. К тому же он и родился здесь. Не только я, но многие граждане знают его и его благочестивых родителей.

Преосвященный Киприан одобрил намерение князя и призвал Арсения. Когда святой услышал о желании князя, он решительно отказался:

— Простите мне, господа мои, я человек грешный и недостоин такого сана. Призываю Господа в свидетели, что я никогда не имел и ныне не имею другого желания, кроме того, чтобы в уединении оплакивать грехи свои. Поэтому я и ранее отказался от сана пресвитерского; об епископстве же мне грешно и помышлять.

Долго еще отказывался святой, но наконец князь и митрополит сказали ему:

— Если не хочешь повиноваться нашей воле, то мы с Освященным собором имеем власть наложить на тебя запрещение.

Святой Арсений не захотел более противиться и дал свое согласие. Так он был избран епископом (24 июля 1390 года), но страшился бремени управления, боялся раздоров и мятежей, которые не успели утихнуть в Твери после удаления епископа Евфимия, и всей душой желал подвизаться наедине. Поэтому, спустя некоторое время, свя-

той Арсений вторично обратился с просьбой к митрополиту Киприану, чтобы снял с него столь тяжелое бремя. Но митрополит ободрил и снова уговорил его. Видя в сем промысл Божий, Арсений покорился воле митрополита и 15 августа 1390 года был рукоположен в епископа Тверского.

Вступив на архипастырский престол, святой Арсений более всего старался утвердить мир и согласие в своем духовном стаде, истребить мятеж. Ревностно проповедовал он слово Божие: всех, кто приходил к нему, святой Арсений поучал, как чадолюбивый отец; в храме Божием назидал свою паству, как заботливый пастырь. Он всегда помнил слова пророка Иезекииля: *И тебя, сын человеческий, Я поставил стражем дому Израилеву, и ты будешь слышать из уст Моих слово и вразумлять их от Меня* (Иез. 33, 7). Так поучал всех святитель и своим словом привлекал к себе всех. Граждане тверские с великим усердием стремились слушать своего учительного пастыря. В самой своей жизни святой Арсений подавал всем добрый пример: со вступлением на престол он стал вести еще более суровую и строгую жизнь, совершенно подчинил плоть свою духу. Все удивлялись чистоте его жизни и непрестанному бдению. Строгий к самому себе, он кротко обращался с другими и был милостив к бедным: защищал притесняемых, раздавал одеяния и пищу неимущим, выкупал рабов и пленных. Слава о его добродетельной жизни далеко распространялась повсюду; многие приходили издалека, прося его молитв и благословения.

За свою добрую жизнь святой удостоился восприять от Господа дар чудотворений. Много народа стекалось к нему; все, кто был одержим каким-либо недугом, обращались к святому, и, по милости Божией, он подавал различные исцеления. На одних больных возлагал руки, над другими читал молитвы, иных благословлял и окроплял святой водой или помазывал елеем — всех исцелял он усердной молитвой к Господу.

Находясь в Твери, святой Арсений не забывал и обители Печерской, где положил начало своим иноческим трудам, и постоянно памятовал о жизни ее преподобных основателей — Антония и Феодосия. Святитель помыслил основать свой монастырь, напоминающий ему печерский, и желал, чтобы в нем было положено его тело. О своем намерении святой Арсений сказал князю Тверскому. Князь

похвалил доброе желание святителя и сам обещался помогать ему во время постройки монастыря, снабдить его земельными угодиями, необходимыми для его содержания. Тогда святитель избрал на реке Тмаке, в 4 верстах от города Твери, одно место, которое ему сильно понравилось. Оно называлось Желтиково. Призвав Божие благословение, он повелел построить здесь деревянную церковь во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских, своих великих наставников. Устроив келии, святой собрал братию, поставил им игумена. Это произошло в 1394 году. Спустя десять лет святитель заложил в Желтиковом монастыре каменный храм и освятил его во имя Пречистой Богоматери, честного и славного Ее Успения, конечно помня Успенский храм Печерского монастыря. Церковь освящена 30 августа 1405 года; она была благолепно украшена и расписана живописью. Великий князь Тверской исполнил свое обещание — пожертвовал монастырю несколько вотчин. Святитель часто приезжал в свою обитель и принимал участие в трудах братии, показывая всем пример монашеской жизни. Он не искал среди братии чести и славы, но в монастыре, устроенном им самим, желал быть простым иноком. Великий своими добродетелями, он наставлял и просвещал всю братию: как месяц сияет между звездами, так и святой Арсений блистал своим благочестием среди иноков обители. Желтиков монастырь святитель желал сделать местом своего упокоения. Своими руками он вытесал себе здесь из белого камня гробницу, а из другого — крышку к ней.

Желая, чтобы иноки новой обители всегда назидались подвигами Печерских отцов, святой Арсений повелел списать древний Патерик Печерский[1] — книгу, в которой изложены были подвиги и великие труды святых Киево-Печерских подвижников. Отсюда видно, что святитель старался и делом, и словом, и назидательными писаниями просвещать и поучать свою паству; он непрестанно носил в своем

---

[1] Слово «Патерик» значит «Отечник», то есть книга об отцах. Книга Патерик представляет собрание кратких рассказов о подвижниках или их изречений. В состав Печерского Патерика, списанного по повелению святого Арсения, входят: Житие преподобного Феодосия Печерского, написанное преподобным Нестором; Сказание летописи об основании Печерского монастыря; Собрание сказаний Симона, епископа Владимирского, и Поликарпа, инока Печерского, о Печерских подвижниках.

сердце слова Писания: *Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым* (2 Тим. 2, 24). Таким пастырем и был святой Арсений. Немало церквей Божиих построил он в самом городе и в его окрестностях; он же возобновил и главный Спасо-Преображенский собор в Твери.

Князь Тверской Михаил искренно уважал достойного пастыря. Он часто беседовал со святым Арсением и получал немалую душевную пользу от этих бесед. Кроткие слова святителя глубоко западали в сердце князя. Наставляемый святителем, великий князь строил храмы Божии, творил дела милосердия, помогал неимущим в своем княжестве и посылал милостыню в Царьград. Чувствуя приближение своей кончины, князь изъявил желание воспринять иноческий образ. Святой Арсений одобрил его благое намерение, постриг князя, причем нарек его в иночестве Матфеем, и вскоре после того, напутствуемый святителем, инок-князь отошел из этой временной жизни.

Любя мир, святой Арсений старался всегда примирять враждовавших. В то время часто происходили раздоры между князьями, и святитель всегда старался положить конец княжеским распрям. С Божией помощью ему удалось в 1403 году примирить Тверского князя Иоанна Михайловича с братом его, Кашинским князем Василием Михайловичем, которого Тверской князь обидел. Но спустя некоторое время вражда между князьями-братьями снова возгорелась. Тогда святитель, грозя страшным Божиим гневом и вечным осуждением, положил конец этой вражде в день праздника Животворящей Троицы 1406 года.

Примиряя враждующих, святитель старался обходиться со всеми тихо и кротко: никого не позволял обидеть, всякий приходивший к нему находил защиту и прибежище; святой был защитником сирот и вдов, с любовью обходился с нищими и убогими, ободрял ослабевших, всем помогал добрым советом, деньгами или отеческим наставлением. Подражая небесному Пастырю Христу, он всегда заботился о заблуждавшихся овцах своего стада и вводил их в ограду покаяния.

Святитель Киприан не раз вызывал святого Арсения в Москву для соборных совещаний.

Блаженная кончина святителя Арсения последовала великим постом 1409 года. К сборному воскресенью духовенство Тверской епар-

хии съехалось в Тверь на обычный, ежегодный собор[1]. В воскресенье оно приветствовало своего владыку; во вторник святой Арсений произносил поучение к пастырям, наставлял их в делах пастырского служения и решал дела; в тот же день он благословил собравшихся пастырей, простился с ними и распустил собор. В четверг Второй седмицы святитель тяжко заболел и лишился языка. Утром в пяток (1 марта) пришел к нему великий князь Иоанн Михайлович[2] с братией и боярами; он созвал архимандритов, игуменов и священников, чтобы совершить елеосвящение над заболевшим святителем. У одра больного сидели десять чернецов, которые желали услышать от своего епископа прощальное слово. Но он был безмолвен. Следующей ночью святой Арсений скончался. Девятнадцать лет и семь месяцев с великой ревностью он пас врученное ему Богом словесное стадо. Услышав о кончине праведного святителя, князь Иоанн Михайлович со множеством народа пришел к его мощам. Все скорбели и плакали: «померкло солнце наше, лишились мы доброго пастыря и отца».

На другой день мощи святого Арсения были вынесены из архиерейского дома в соборную церковь, где граждане тверские прощались со своим пастырем, и погребены в Желтиковом монастыре, в притворе правого придела Успенской церкви (в честь Нерукотворенного образа), в той самой каменной гробнице, которую святитель изготовил своими руками.

При погребении его было много недужных. Они просили святого об исцелении — и получали облегчение от своих недугов. Таково было житие святого Арсения, такова была его блаженная кончина; ныне же он предстоит пред престолом Господним вместе с Ангелами, славя Пресвятую Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа.

По смерти святого Арсения, граждане не переставали чтить его память. Видя чудеса, проистекавшие от его гроба, благочестивые жители Твери призывали в молитвах святителя Арсения и получали

---

[1] «Сборным воскресеньем» (или короче — «сбор», «збор», «честной сбор») в древности называлось воскресенье после Первой седмицы Великого поста, неделя Православия, и это потому, что в этот день ежегодно съезжались к епископу священники и составляли епархиальный собор.

[2] *Иоанн Михайлович* был великим князем Тверским с 1499-го по 1525 год. Пред кончиной принял иноческое пострижение с именем Иова.

помощь и заступление в бедах. По истечении семидесяти четырех лет после его преставления (в 1483 году) епископ Тверской Вассиан[1], по повелению царя Иоанна Васильевича, восхотел открыть его мощи. Собрав собор со множеством народа, он направился к Желтикову монастырю. Гроб, в котором почивали мощи угодника Божиего, был вынут из земли и внесен в соборный храм. Когда открыли крышку, вся церковь наполнилась благоуханием. Тление не коснулось мощей святого Арсения, даже самые ризы оставались совершенно целыми. Тогда епископ повелел снова покрыть гроб крышкой, приказал написать образ святого (он цел и доныне) и поставил его у Гроба на поклонение приходящим. На гроб был возложен покров с изображением чудотворца. По благословению епископа Вассиана составлена была и служба святому Арсению. Тогда было установлено местное празднование ему в Желтиковом монастыре. С того времени еще более чудес стало совершаться при его гробе. Местное празднование святителя Арсения в Твери установлено Московским собором 1547 года.

Наиболее замечательное и разительное из чудес святого Арсения произошло в 1566 году. В то время в Твери проживал один рыболов, по имени Терентий. Сначала он имел великую веру ко святому Арсению, а потом впал в неверие и подвергся исступлению ума. Родители привезли его в Желтикову обитель, надеясь, что сын их здесь получит исцеление. Но он умер. Спустя два дня внесли его тело в храм Пречистой Богородицы, где почивали святые мощи. Родители сильно скорбели, даже роптали на святителя:

— Мы надеялись получить от тебя милость, а сын наш умер. Погасает у нас усердие к тебе, и вера наша оскудевает.

Не потерпел Господь таких укорительных речей на Своего угодника. Во время чтения Евангелия мертвец вдруг поднялся и стал горько плакать о своем прегрешении. Каялись и родители Терентия в своем ропоте на святого.

Акакий, бывший тогда епископом Тверским[2], муж праведный и благочестивый, сам видел воскресшего и удостоверился в действительности происшествия.

---

[1] Епископ *Вассиан* (в миру князь Стригин-Оболенский) управлял Тверской епархией с 1477-го по 1508 год.

[2] Епископ *Акакий* управлял Тверской епархией с 1522-го по 1567 год.

В 1606 году, когда Русская земля страдала от нашествия поляков и литовцев, неприятели силою опустошили многие области русского государства, и в том числе Тверскую обитель. Не пощадили враги и Желтиковой обители. Они ворвались в нее, думая найти много сокровищ. Но иноки заблаговременно успели скрыть монастырские сокровища и сами удалились в Тверь. Только на мощах святого оставался шитый золотом покров с его изображением. Не найдя ничего в обители, враги были сильно обмануты в своих ожиданиях. Один из неприятелей, досадуя на неудачу, схватил с мощей святого покров и положил на своего коня. Но лишь только он сел на лошадь, как вдруг неведомой силой лошадь и всадник были приподняты на воздух, потом низвергнуты на землю. От сильного удара они умерли, а покров дивным образом поднялся на крышу Успенского храма. Покров этот и доныне сохраняется в монастыре.

В 1637 году в обители строили новый соборный каменный храм. Поэтому мощи святителя были перенесены на время в деревянную церковь преподобных Антония и Феодосия Печерских. Один из братии, по имени Гермоген, в нетрезвом состоянии зашел после вечерни в церковь и заснул недалеко от мощей святителя. Проснувшись ночью, он был поражен дивным видением. Храм был ярко освещен; святой Арсений приподнялся и сел на своей каменной гробнице. Гермоген, объятый ужасом, хотел было бежать. Но святой Арсений, взглянув на него, грозно сказал:

— Зачем ты, дерзновенный, нетрезвым вошел в храм Божий?

Гермоген упал как мертвый. Долго лежал он, но потом, придя в себя, с большим трудом вышел из храма северными дверями, которые запирались изнутри. После того долго был он болен. Но святитель хотел только вразумить неразумного и избавить от порока. Когда Гермоген, чистосердечно исповедав пред всеми свой грех, просил у святителя прощения, он получил исцеление от своего недуга пред мощами святого Арсения.

Часто святой угодник Божий являл страждущим свою дивную помощь, и по его молитвам болящие получали исцеление. Из многих чудотворений упомянем о следующем.

В Твери проживал отрок Герасим, сын священника Василия. На свадебном пиру Герасима напоили вином, смешанным с ядовитым зельем. Он сильно заболел и уже помышлял о смерти. Страдая, Гера-

сим обратился к безмездному целителю — святому Арсению, пришел к его мощам в день его памяти (2 марта), усердно молился, и угодник Божий дивным образом исцелил болящего отрока.

Спустя много лет Герасим, сделавшись клириком, переселился на жительство в Москву. В его доме проживала племянница его, Дарья, которая долго страдала болезнью глаз. Чем больше проходило времени, тем более болезнь усиливалась, так что Дарья не могла даже спать по ночам и все время стонала. Смотреть на свет она была не в силах. Наконец, в день памяти святого Арсения священник из храма, посвященного его имени, пришел в дом Герасима со святою водою и омыл ею глаза Дарьи. Она тотчас исцелилась.

Велико было изумление Герасима, когда он увидел свою племянницу здоровой. И ранее питал он благодарность к своему небесному заступнику. Видя же новую милость его, Герасим пожелал иметь у себя дома службу и житие его. Но в Москве жития святого Арсения не нашлось. По просьбе Герасима, архимандрит Желтиковой обители прислал ему житие и канон святителя и просил, по прочтении, обратно прислать их в монастырь. Герасим поспешно начал переписывать житие. Но с ним случилось несчастие. Когда перед началом своей работы он молился, то, поклонившись в землю, попал правым глазом на торчавший на полу гвоздь. Он едва мог подняться на ноги и громко возопил:

— О Владыко, Господи, смилуйся надо мной грешным!

В доме Герасима проживали тогда иноки из Желтиковой обители Иона и Феофил, которые привезли житие святого Арсения. Видя мучение Герасима, они стали обтирать кровь, струившуюся из раны, и советовали Герасиму помолиться Арсению. Лишь только Герасим стал просить святителя о своем исцелении, кровь тотчас же перестала течь. Тогда все увидели, что Герасим раздробил себе веко и бровь, но самый глаз по милости Божией остался цел. Вскоре рана зажила совершенно, и Герасим с благодарностью и умиленным сердцем дописал житие святителя, по молитвам которого так скоро получил исцеление.

При архимандрите Савватии[1] произошло следующее дивное чудо. Один крестьянин, живший близ обители святого Арсения, закопал в

[1] Архимандритов с именем *Савватия* известно два: первый поступил в 1566 году, второй упоминается в 1650 году. Здесь разумеется второй.

лесу свое сокровище, желая сохранить его. Спустя несколько времени этот человек пришел опять туда, где были спрятаны его деньги, начал отыскивать их, но не мог найти. Крестьянин впал в великую скорбь, начал тужить и плакать. Он хотел даже повеситься и уже накинул петлю на дерево. Вдруг пред ним предстал благообразный муж и сказал:

— Зачем ты, чадо, умыслил злое в сердце своем? Зачем хочешь ты погубить свою душу и обречь себя на вечное мучение?

На крестьянина напал трепет: он начал плакать. На вопрос дивного мужа, почему он так горько плачет, крестьянин сказал, что он спрятал свои деньги и не может отыскать.

Благообразный муж ударил жезлом в землю и сказал:

— В этом месте ты найдешь то, что ищешь.

Крестьянин, раскопав землю, нашел свое сокровище. Пораженный этим, он стал благодарить явившегося и спросил его:

— Откуда ты, честный отче, и как твое имя, чтобы я мог возблагодарить тебя за свое спасение и за нахождение сокровища!

— Я — Арсений и живу в обители, построенной моими трудами. Ступай туда и воздай достойное благодарение Богу.

Крестьянин хотел было пасть на колени пред старцем, но он стал невидим. Тогда крестьянин понял, что благообразный муж был сам святой Арсений; придя в Желтикову обитель, он благодарил Бога и Его угодника и рассказал все, что с ним произошло.

В 1657 году у раки святого Арсения произошло новое чудо. В Желтиковой обители проживал тогда диакон Иоанн. Наущаемый диаволом, он замыслил украсть серебряную и золотую утварь из храма, где почивали мощи святителя. Однажды в полдень он испросил у пономаря ключи от храма, вошел в церковь и взял всю утварь серебряную и золотую, которая стояла недалеко от раки преподобного. Побуждаемый жадностью, он хотел еще взять с мощей и серебряную панагию, которую святой носил на себе во время своей жизни. Вдруг неведомой силой вора так далеко отбросило от святых мощей, что он ударился о церковный помост и лишился чувств. Через несколько времени вошедшие в храм иноки увидели, что Иоанн лежит посреди церкви как мертвый. Поняв случившееся, они вынесли его из церкви, отправили в Тверь к архиепископу Иоасафу[1] и рассказали

[1] Архиепископ *Иоасаф* управлял Тверской епархией с 1657-го по 1676 год.

все, что видели. Сам же Иоанн ничего не мог говорить: не владел языком и весь был расслаблен. По повелению епископа, расслабленного диакона опять отвезли в монастырь и затем приводили в церковь. Мало-помалу он начал приходить в себя и, наконец, раскаявшись, совершенно выздоровел.

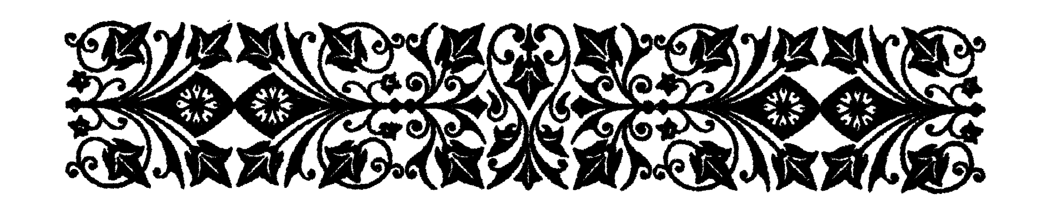
Много других чудотворений проистекало от святых мощей славного святителя и пастыря стада Христова по благодати Господа нашего Иисуса Христа[1]. Слава Богу вовеки. Аминь.

В тот же день **память преподобного Агафона**, пустынника Египетского, скончавшегося в V веке.

В тот же день **память мученика Троадия**, юноши, пострадавшего при царе Декии в городе Неокесарии.

[1] После обретения мощи святого Арсения лежали в белокаменной гробнице, вытесанной его руками; потом при патриархе Никоне в 1655 году они были переложены в раку святого Филиппа и на этот праздник составлена была служба. В 1734 году тверские граждане Иван и Максим Янковские и Василий Волчанинов устроили для мощей чудотворца серебряную раку, в которой они почивают и доныне.

День третий

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ЕВТРОПИЯ, КЛЕОНИКА и ВАСИЛИСКА

После страданий и мученической кончины святого великомученика Феодора Тирона[1] в городе Амасии[2] в темнице остались заключенные за Христа его соратники и близкие друзья Евтропий, Клеоник и племянник его Василиск. Правитель города Публий, мучивший святого Феодора, уже погиб, пораженный Божиим гневом. На его место был назначен другой, по имени Асклипиодот, родом из Фригии, человек жестокий и безбожный. Много зла причинил он христианам, ибо получил от императора Максимиана[3] власть принуждать христиан к принесению жертв идолам, и тех, кто не повинуется, погублять в жестоких муках.

Однажды, заседая на судилище со своими советниками, он призвал книгохранителя Евласия и приказал ему читать прежние судебные дела. Когда Евласий читал о страданиях Феодора Тирона, то все дивились терпению святого мученика, а правитель спросил:

— Где друзья Феодора, упоминаемые в книге?

Евласий отвечал:

— Они содержатся в темнице с прочими узниками.

Видя сожженное Тироном капище скверной их богини Юноны, именуемой матерью богов, правитель зарычал, как лев, и тотчас повелел послать воинов в темницу, чтобы привести к нему святых мучеников Евтропия, Клеоника и Василиска.

---

[1] Память его празднуется 17 февраля.

[2] Город этот находится в Малой Азии, на берегу Черного моря.

[3] Римский император с 285 по 310 год, соправитель императора Диоклетиана.

Евтропий и Клеоник были родными братьями, родом из Каппадокии, а Василиск, племянник святого Феодора, родился в Амасии, но все трое, вследствие взаимной любви, называли друг друга братьями.

Пришедя к темнице, воины сказали темничному сторожу:

— Выдай нам друзей Феодора.

Тогда сторож вошел к святым и сказал:

— Вставайте! Пришло время, которого вы ждали с нетерпением день и ночь; вас зовет правитель. Но умоляю вас, помяните и меня в своих молитвах.

Так говорил темничный сторож, так как видел их день и ночь на молитве и происходившие с ними чудеса: необыкновенный свет сиял среди них, темница много раз сама собою отверзалась. Поэтому он и уверовал, что Господь пребывает с ними. На призыв правителя святые пошли с радостью, а оставшиеся узники печалились, что лишались дружеского общения со святыми мучениками. Тогда святой Евтропий сказал им:

— Не плачьте, друзья, ибо мы снова увидимся, но молитесь ко Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он даровал нам страдание и кончину за Него и чтобы прекратилось бесовское язычество, а вселенная исполнилась Божией благодати.

Утешив такими словами узников, святые вышли с воинами. Святой Евтропий пел: *Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!* (Пс. 132, 1).

И вот раздался глас с неба:

— Не разлучу тебя с твоей братией, пока не придете все к Феодору и не почиете на лоне патриархов, живущих в Божественном свете.

Евтропий был очень красив и премудр. Когда святые были приведены и стали перед правителем, то он спросил их:

— Почему лица ваши не сумрачны от долгого пребывания в темнице, а радостны, как будто от постоянного веселия?

Блаженный Евтропий ответил:

— Воистину, правитель, наш Христос всегда нам дает радость, посещая нас Своей благодатью, и сбываются на нас слова Писания: *Веселое сердце делает лицо веселым* (Притч. 15, 13).

Правитель спросил:

— Как твое имя?

— Первое мое имя, — отвечал святой, — христианин, а родители меня назвали Евтропием.

Тогда правитель с ласкою сказал:

— Вижу, что ты так же благонравен, как и красив; думаю, давно уже ты сделался таким мудрецом.

Святой отвечал:

— Духовной мудрости я научился от Господа моего Иисуса Христа; на Него я возлагаю надежду, что Он поможет мне мудро ответить на ваши вопросы.

Правитель сказал:

— Послушай меня, Евтропий, и убеди свою братию повиноваться царскому повелению принести жертвы богам. За это я напишу о тебе царям, и они назначат тебя в этой стране воеводою, почтут тебя как князя и осыплют тебя большими богатствами. Тогда ты на деле увидишь, как хорошо слушаться царей и повиноваться их приказаниям. А если не убедишься моими словами, то я рассеку твое тело на части и брошу на съедение псам и зверям. Что от твоих костей останется, то все сожгу на огне и прах брошу в реку. Не надейся, что христиане соберут твои останки и, как святыню, помажут миром. Итак, покорись, принеси жертвы богам или только скажи при народе, что покоряешься и хочешь принести жертву: все смотрят на тебя, ожидая твоего решения. Не отвращай от богов тех, кто хочет приносить им жертвы, чтобы не запятнать свое имя, подвергаясь позорным и жестоким мучениям.

На это Евтропий ответил правителю:

— Перестань пустословить, сын диавола, наследник геенны! Перестань прельщать слуг Божиих, враг Бога, отринутый от нетленных

благ и райского блаженства, вечный узник ада преисподнего! Перестань говорить неподобные речи, ты, заграждающий путь к добрым делам, учитель и начальник нечестия! Не знаю, что и сказать еще тебе, лукавый соблазнитель! Ты обещаешь мне временную честь и богатство, оставляемые здесь, на земле. Какая мне польза от того, что вызывает душевредные страсти, приводит к хвастовству, любодеянию, грабежу, убийству и другим преступлениям? Какую пользу получил от временной славы и богатства прежний князь Публий, мучивший святого Феодора? Теперь он погребен в земле, снедаем червями и мучится в аду, в огне неугасимом. И тебя не замедлит постигнуть гнев Божий, и погибнешь ты, беззаконник нечестивый. Ты угрожаешь мне жестокими мучениями, мечом, огнем и зверями, но не надейся устрашить меня такими угрозами и муками принудить меня к безбожию: пострадать за Христа Бога моего, — это мое первое желание, так как Он есть наше богатство, честь, сила и слава. Нет, не отступим от Него ни я, ни моя братия, но пострадаем за Спасителя нашего: в Его руках наша жизнь, Он — воевода непобедимый, избавляющий от бед призывающих Его; Он и нас может избавить от рук твоих.

Услышав это, правитель исполнился гнева и приказал бить святого по лицу, говоря:

— Негодный! Ты призван сюда, чтобы принести жертву богам, а не укорять нас!

Но когда начали сильно бить святого, то руки бьющих высохли.

По приказу правителя все, что делалось и говорилось на суде, подробно записывалось. И вот когда писцы увидели, что руки истязателей высохли, то в ужасе бросили писать. Однако, один христианин, стоявший среди народа, записал происходившее.

Правитель обратился к мученику с такими словами:

— Поклонишься ли ты, наконец, богам, чтобы сохранить свою жизнь, или хочешь, чтобы я предал тебя смерти?

— Нет, — отвечал святой Евтропий, — не поклонюсь богам бесчувственным. Ты и сам бесчувственный, если так поступаешь. Но поклонюсь я Богу моему и Ему принесу в жертву свою хвалебную песнь. Так говорит блаженный Давид, и его устами Сам Христос: *их идолы — серебро и золото, дело рук человеческих. Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят* (Пс. 113, 12–13). И прибавляет к этому: *Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на*

них (Пс. 113, 16). Ты глух и слеп, и не хочешь ли и меня сделать таким же? Но я не отступлю от Господа моего Иисуса Христа.

Тогда правитель обратился к святым Клеонику и Василиску:

— А вы что скажете: принесете ли вы жертвы богам, чтобы сохранить свою жизнь или, как Евтропий, будете упорствовать и тогда подвергнетесь таким же мукам?

Святые Клеоник и Василиск отвечали:

— Как верует наш брат и господин Евтропий в Иисуса Христа, так и мы веруем в Бога Отца, Сына и Святого Духа. Как страдает Евтропий за Христа, так и мы хотим страдать, и диавол не может разлучить нас, соединенных святой верой во Христа и взаимной любовью. Как трижды сплетенная веревка не разорвется, так и мы трое будем крепки, и как Пресвятая Троица нераздельна, так и мы соединены верой и любовью. Так мучай нас еще более жестоко, — мы пойдем на эти муки во славу Господа нашего Иисуса Христа, Которому ты враг.

Когда они это сказали, правитель приказал, чтобы четыре воина растянули каждого и били крепкими жилами без всякой пощады. Святых били так сильно, что на землю падали куски тела, обагренные кровью. Но они мужественно терпели и молились Богу. Жестоко было мучение, но при помощи Божией страстотерпцы, казалось, совершенно не страдали. Святой Евтропий молился такими словами:

— Боже Вседержителю, благий и милостивый! Не презри нас, Владыка, Ты, Который спасаешь праведных, вразумляешь нечестивых, исправляешь строптивых, охраняешь мудрых и наставляешь безумных. Ты связал диавола и освободил человека. Ты — помощник заключенных в узы, заступник мучимых, источник благости, Спаситель душ наших. Ты насылаешь страдания и подаешь мужество претерпеть муки. Дай и нам претерпеть страдания ради мученического венца. Приди нам на помощь, как помог рабу Твоему Феодору. Покажи людям злобу диавола, Твою милость и всесильной Твоей помощью яви всем, что мы Тебя одного почитаем царем нашим Иисусом Христом, славя Тебя с Отцом и Святым Духом вовеки.

Святые Клеоник и Василиск произнесли:

— Аминь.

Вдруг сделалось страшное землетрясение, так что потряслось все судилище, утомленные и испуганные палачи отошли, а святые, осво-

божденные невидимой силой, остались целы. И вот им явился Господь с Ангелами и со святым Феодором. Святой Евтропий обратился к Господу:

— Слава Тебе, Владыка мой Христос, что так скоро меня услышал! И кто такой я, что ко мне пришел Сам Господь мой?

А святым Клеонику и Василиску святой Евтропий сказал:

— Видите ли вы, вот Царь наш Иисус Христос стоит с Феодором во всей славе?

— Видим, — отвечали они.

Святой Феодор, явившийся с Господом, сказал:

— Брат Евтропий! Твоя молитва услышана, и пришел к вам на помощь Спаситель с возвещением о вечном блаженстве.

Сам Господь сказал им:

— Когда вас мучили, то Я стоял перед вами, глядя на терпение ваше. Так как вы мужественно перенесли первые страдания, то Я буду вашим помощником, пока не окончите ваш подвиг, и впишутся имена ваши в книгу жизни.

После этих слов Господь сделался невидим со святым Феодором.

Воины же, мучившие святых, стали просить правителя:

— Умоляем тебя, господин, освободи нас от этого дела, мы не можем мучить этих людей.

Указывая на святых, правитель сказал:

— Эти волхвы делают заклинания и тем устрашают воинов.

Многие из народа, сподобившиеся видеть Божественное явление, воскликнули:

— Нет, не заклинания и не волхвования, а Бог христианский помогает Своим рабам: сейчас мы видели Царя их Христа и слышали глас ангельский.

— Ничего я не видел, — сказал правитель, — никакого голоса не слышал.

Святой Евтропий обратился к нему с такими словами:

— Правильно говоришь, что не видел Божественного явления и не слышал небесного гласа: ты не видишь душевными очами, потому что тебя ослепил диавол, и на тебе сбывается пророчество Исаии: *Ушами с трудом слышат и очи свои сомкнули* (Ис. 6, 10).

Услышав это и увидев, что народ волнуется, правитель приказал связать святых и отвести их в темницу. Когда святые вошли туда,

то узники очень обрадовались, а Христовы страдальцы воспели песнь: *Помощь наша — в имени Господа, сотворившего небо и землю* (Пс. 123, 8).

Обедая уже поздно в этот день со своими советниками, правитель так говорил им:

— Не знаю, что делать с этими людьми: весь город волнуется из-за них. Как вы думаете?

Один из советников сказал:

— Умоляю тебя, поскорее убей их. Если же замедлишь казнить их, то весь город отступит от богов и пойдет за этими людьми. Особенно не позволяй столько говорить многоречивому Евтропию.

— Я его увещевал поклониться богам, — сказал правитель, — и просьбами и угрозами, а он и богов, и царя похулил, да и мне досадил своими укорами. Но позовем его одного и будем убеждать просьбами. Если он нас послушает, то будет слава милостивым богам, а если нет, то предам их смерти.

Так сказав, он послал воинов привести к нему Евтропия из темницы. Евтропий вошел, и правитель, сидя за обедом, обратился к нему:

— Хочешь, я сам с честью введу тебя в храм богов наших, и ты принесешь им жертвы?

Святой Евтропий отвечал:

— Жив Господь Бог мой! У меня и в помышлении нет отступить от веры Христовой, утвержденной на камени непоколебимом.

Правитель приглашал мученика сесть с ними обедать, но он отказался. И другие сидящие убеждали его:

— Садись с нами, Евтропий, ешь и пей, покорись начальнику!

Святой отвечал:

— Нет, я, раб Христов, не сяду со скверными, как говорит блаженный пророк Давид: *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не сидит в собрании развратителей* (Пс. 1, 1). И в другом месте: *Не сидел я с людьми лживыми, и с коварными не пойду* (Пс. 25, 4). Другой пророк возвещает: *Выходите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и нечистот их не касайтесь, и Я приму вас* (Ис. 52, 11).

В Писании написано: тот, кто находится в общении со святыми, освятится, а кто с нечестивыми — будет сопричастен им (см.: слав. Пс. 17, 26).

Правитель сказал:

— Прежде ты был добронравен, Евтропий, а теперь кажешься злонравным.

— Я не злонравен, — отвечал святой, — но соблюдаю заповеди Божии. Если ты стараешься исполнить приказания царей земных, то я еще более стараюсь исполнить повеления Царя небесного и бессмертного, Коему служу.

Правитель продолжал убеждать святого:

— Ты один без своей братии принеси завтра жертвы богам, чтобы народ, видя это, убедился не отступать от богов, но почитать их жертвами.

Святой Евтропий отказался:

— Нечестивец! Не хочешь ли ты сделать из меня совратителя стада Христова? Нет, этого не будет, ибо говорит Господь мой: *кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской* (Мф. 18, 6). А в другом месте говорит: *Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6, 24). *Что общего у света с тьмою? Какая совместность храма Божия с идолами?* (2 Кор. 6, 14, 16).

Услышав это, правитель приказал принести золото, разные дорогие одежды и сто пятьдесят литр[1] серебра и сказал:

— Все это я дам тебе и даже больше, только скажи завтра народу, что покорился правителю, а потом молись своему Богу, сколько хочешь.

— Лукавый соблазнитель! — воскликнул святой Евтропий. — Нет, ты не искусишь раба Божия! Я твердо помню слова Писания: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф. 16, 26). Как брат твой Иуда, возлюбивший серебро, погубил свою душу, так и ты погибнешь с ним. Но чего ты медлишь убить нас? Знай, что ничто не отвратит нас от любви ко Христу.

Долго спорил с ним правитель, но мученик не только не повиновался ему, но все более укорял его и бесчестил богов. Наступила уже полночь, пора была ложиться спать, и правитель сказал слугам:

---

[1] *Литр* (греч. λίτρα, лат. libra) равняется двум третьим русского фунта. Следовательно, сто пятьдесят литров серебра составляют сто фунтов серебра или, при теперешней цене на серебро, около двух тысяч двухсот рублей.

— Уведите Евтропия в темницу и там свяжите его и его друзей. Видно, злое никогда не изменится и нельзя ждать от него добра.

Уходя, святой сказал правителю:

— Ты, сад лукавства, не приносящий плода правды, скоро погибнешь и будешь ввержен в огонь. Ты — негодная земля, произрастающая не пшеницу, а сорные травы! Твоею душою завладел сатана и засеял ее семенами зла.

Так сказав, он вышел. Когда он пришел в темницу, то нашел святых Клеоника и Василиска горячо молящимися: всю ночь они за него молились.

На следующее утро правитель пожелал всенародно принести богам жертву и приказал глашатаям кричать на улицах, чтобы все собрались с жертвами в храм Артемиды. Когда там собрался народ и пришел правитель, то, по его повелению, были приведены и святые мученики Евтропий, Клеоник и Василиск. Все поклонялись идолам и приносили в жертву кто ладан, кто животных.

— Евтропий, — сказал правитель, — иди и ты со своей братией и принеси жертву богам, а то умрешь злой смертью.

Святой Евтропий и его друзья стали так говорить:

— Господи, Боже Вседержителю, вечный, нескверный, пречистый, неизменный, живущий на небе, славимый на земле! Ты утвердил небо, поставил землю на основания, устроил горы, сосчитал бесчисленные звезды и всем им дал названия, дивно проливаешь на нас Свой свет. Ты некогда избавил трех святых отроков из печи Вавилонской, спас святого Даниила от пасти льва, освободил от смерти рабу Твою Сусанну, святую Феклу сохранил от огня и зверей, был со святым Феодором при его страданиях. Будь и с нами и, прия на место это, покажи силу Свою и уничтожь все языческое беснование. Даруй, чтобы на этом месте христиане приносили Тебе, истинному Богу, бескровные жертвы, ибо Ты — Отец Господа нашего Иисуса Христа. Слава Тебе, единородному Твоему Сыну и Святому Твоему Духу ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Когда святые произнесли эти слова, загремел гром и поколебалась земля, так что сотряслось капище, и правитель со всеми присутствовавшими выбежал из храма, боясь, чтобы не погибнуть. Идол Артемиды упал и разбился на мелкие части. Среди шума землетрясения раздался глас свыше:

— Молитва ваша услышана, и на этом месте будет дом для молитвы христиан.

Святые возрадовались о Господе.

Когда землетрясение прекратилось и все понемногу оправились от страха, правитель воссел на судилище и, скрежеща зубами от ярости на святых, приказал принести серу и смолу, растопить их в трех котлах и поливать на тела святых. Правитель приказал также вбить в землю крепкие колья, между ними поставить святых нагими и распять их, привязав руки к разным кольям. Когда это было исполнено и смола в котлах стала сильно кипеть, святой Клеоник обратился к святому Евтропию:

— Брат, помолимся Господу, предстоит нам великое страдание.

Святые стали молиться:

— Господи Иисусе Христе, приди нам на помощь и покажи силу Твою: мы немощны, укрепи нас претерпеть муки.

Слуги принесли котлы, кипящие серой и смолой, держа их железными клещами. Блаженный Евтропий сказал слугам:

— Господь да обратит дело ваше на вас самих.

Вдруг с помощью силы Божией мученики отвязали свои руки от кольев, сами взяли руками кипящие котлы и вылили смолу на спины друг другу. Стекая с их тела, смола полилась, как вода, по мраморному полу, настигла слуг и обожгла их до костей. Увидав это, правитель ужаснулся, но приписал это волхвованию христиан. Он приказал другим слугам обдирать тела святых железными когтями, а раны поливать горчицей и солью, разведенной в уксусе. Все это святые доблестно претерпели. Среди мучений святой Евтропий сказал правителю:

— Нечестивец, ненавистный для славы Божией! Придумывай мучения еще большие, чтобы нам за большее страдание с большей славой принять мученический венец.

Раздраженный этими словами, мучитель приказал своим слугам сильнее мучить святых, а те говорили:

— Постарайся, всескверный, скорее разделаться с нами: мы стремимся, избавившись от тебя, увидеть лицо Господа нашего Иисуса Христа.

Долго мучили святых, и только при закате солнца правитель приказал снова бросить их в темницу и заковать в оковы. Святые так молились в темнице:

— Господи Боже! Не оставь нас, пока мы не претерпим всех страданий и, освободившись от мучителя нашего, не достигнем тихого пристанища, где нет ни болезней, ни скорби, ни печали, ни воздыхания.

Когда они так молились, в полночь явился Господь, сказав им:

— Истинно говорю вам: так как вы за Меня идете на смерть, то получите от Меня вечную жизнь со святыми.

Утешенные посещением Господа, мученики еще укрепились в вере.

Утром правитель опять воссел на судилище и, призвав святых, сказал:

— Ну что же? Надумали вы поклониться богам и принести им жертвы или хотите умереть злою смертью?

Святой Евтропий отвечал:

— Разве ты, омраченный, ослепленный и нечувственный губитель, не слыхал от нас, что мы не поклонимся твоим богам — глухим и немым бесам, и не принесем им жертвы?!

Услышав это, правитель осудил святых Евтропия и Клеоника на распятие, издав такое постановление:

— Учитель волхвов Евтропий и другой волхв, Клеоник, не послушавшие повелений вечных царей, но исповедующие христианскую веру, по приговору всечестнейшего суда да будут распяты. Василиск же да будет заключен в темнице с прочими узниками.

Услышав это, святой Василиск возопил к правителю:

— Осуди и меня на смерть; я не хочу отстать от моих друзей, но стремлюсь вместе с ними предстать пред Христом, Богом нашим.

— Нет, — сказал правитель, — мне так внушили боги: вы дали обет не покидать друг друга; но я не погублю вас всех вместе, чтобы обет был нарушен и желание ваше не было исполнено.

— Воистину, — воскликнул Евтропий, — ты свирепее всех зверей, из всех животных самый лютый! Ты разделяешь дружину, нераздельную по вере и любви. Но скоро Бог тебе отомстит, процветут цветы Божией благодати и дадут плод церквам Божиим.

После этих слов святой Евтропий был выведен со святым Клеоником за город, где стояли кресты. Весь город пошел за ними — не только христиане, но и язычники. Увидев свои кресты, святые мученики сказали:

— Господи Боже наш, Иисусе Христе! Хвалим и благодарим Тебя, что сделал нас достойными смерти на кресте подобно Твоему вольному страданию. Сподоби нас венца правды, чтобы, страдая с Тобой, мы прославились в Царствии Твоем. Молим Тебя о святой Церкви; смири восстающих на рабов Твоих и даруй мир роду христианскому.

Во время этой молитвы воины пригвоздили мучеников к крестам. И вот послышался глас с неба, призывающий святых к вечному покою. Святые Евтропий и Клеоник предали души свои Господу с молитвою: «В руки твои, Владыко, предаем души наши».

Так скончались они марта в 3-й день. Два благочестивых мужа, граждане города Амасии, Коинт и Велоник, просили правителя, чтобы он позволил им взять тела мучеников. Правитель не отказал в просьбе. Тогда Велоник взял тело святого Евтропия и, помазав его миром, с честию похоронил его в своем селе, отстоящем на восемнадцать стадий[1] от города. Тело Клеоника взял Коинт и с такою же честию положил в селе Киме. В этих местах при гробах мучеников во славу Божию совершались многочисленные исцеления.

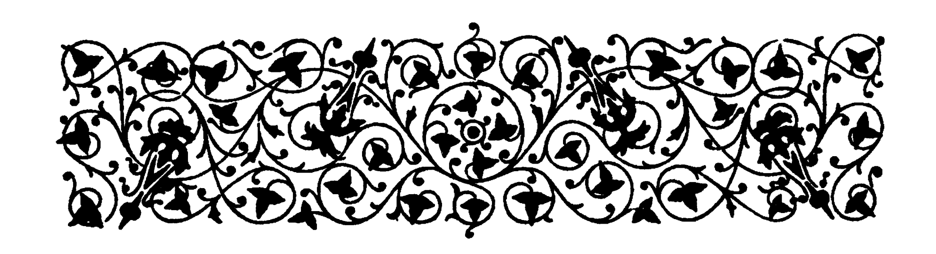
Оставшийся в темнице святой Василиск содержался в узах еще долгое время. Правитель Асклипиодот погиб; при преемнике его Агриппе святой Василиск был обезглавлен 22 мая. В этот день почитается его память во славу Христа, Бога нашего, славимого с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

В тот же день **память святых Зинона и Зоила**, в мире скончавшихся.

В тот же день **память преподобной Пиамы девы**, жившей в стране Египетской и имевшей дар прозрения; скончалась в 337 году.

[1] *Стадия* (στάδιον) — греческая мера длины, равна приблизительно семидесяти четырем саженям. Следовательно, восемнадцать стадий — несколько более двух с половиной верст.

День четвертый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ГЕРАСИМА,
жившего на Иордане

Великий постник преподобный Герасим был родом из Ликии[1]. Еще с молодости он воспитал себя в страхе Божием и, приняв монашеский сан, удалился в пустыню в глубь египетской страны Фиваиды. Проведя там некоторое время в подвигах благочестия, он снова возвратился в свое отечество в Ликию. Затем он пришел в Палестину (в конце царствования Феодосия Младшего[2]) и поселился в Иорданской пустыне, где, как светлая звезда, блистал своею добродетельною жизнью. Там при реке Иордане он устроил обитель. Во время его пребывания в Палестине, в царствование Маркиана и Пульхерии[3], был в Халкидоне IV Вселенский собор святых отцов против нечестивого Диоскора, патриарха Александрийского, и архимандрита Евтихия, учивших, что во Христе только одно естество — Божеское; святые отцы осудили их. После появились некото-

---

[1] *Ликия* — область, находившаяся в южной части Малой Азии.

[2] *Феодосий II*, в житии названный Младшим, был внук Феодосия Великого. Родился в 400 году, в 408 году наследовал после отца своего Аркадия Восточную Римскую империю. Воспитанный в строгой набожности, Феодосий старался искоренить последние следы язычества в империи. Скончался в 450 году.

[3] Император Восточной Римской империи с 450 по 457 год. Женат был на сестре своего предшественника Феодосия II, Пульхерии, которая принимала близкое участие в религиозных спорах своего времени. — IV Вселенский собор был созван в 451 году.

рые еретики, хулившие собор и утверждавшие, будто на нем отвергнуты догматы истинной веры и восстановлено учение Нестория[1]. Таков был один инок Феодосий, зараженный нечестием Евтихия. Придя в Иерусалим, он смутил всю Палестину, прельстив не только простых людей, но даже многих святых и царицу Евдокию, вдову царя Феодосия Младшего, жившую в то время в Иерусалиме. С помощью последней и многих, им совращенных, палестинских иноков он согнал блаженного Ювеналия, патриарха Иерусалимского, с престола и сам занял его. Оставшиеся верными правоверию много терпели от лжепатриарха Феодосия и уходили в самую глубь пустыни. Первый удалился преподобный Евфимий Великий[2]; за ним последовали и другие святые отцы. В это время, по попущению Божиему, совращен был и преподобной Герасим, но скоро раскаялся, как пишет Кирилл Иерусалимский[3] в житии преподобного Евфимия. Был тогда, говорит он, в Иорданской пустыни один отшельник, недавно пришедший из Ликии, по имени Герасим. Он прошел все уставы иноческого жития и доблестно боролся с нечистым духом; но, побеждая и прогоняя невидимых бесов, он был прельщен видимыми бесами — еретиками и впал в ересь Евтихия. В это время слава добродетельной

---

[1] *Несторий*, епископ Константинопольский, учил, что Иисус Христос не есть истинный Бог, а только простой человек, сын Иосифа и Марии, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божией. По учению Нестория, Иисус Христос спасает нас не Своими искупительными заслугами, а примером доброй жизни. Учение Нестория было осуждено на III Вселенском соборе, бывшем в 431 году.

[2] Память его — 20 января.

[3] Епископ Иерусалимский с 315 по 386 год, то есть раньше деятельности преподобного Герасима. В житии, по-видимому, автор указан неправильно; может быть, надо читать Кирилл Александрийский (архиепископ с 412 по 444 год), много писавший против еретиков.

жизни Евфимия распространилась повсюду. К нему и пошел преподобный Герасим в пустыню, называемую Рува, и поселился там надолго. Насытившись сладостью поучений и вразумлений святого, он отвергнул лжеучение еретиков, обратился к правой вере и горько каялся в своем заблуждении. Так рассказывает Кирилл.

Наконец святейший Ювеналий снова занял патриарший престол: благочестивый царь Маркиан послал схватить лжепатриарха Феодосия, чтобы отдать его под суд за его дела. Но Феодосий, узнав об этом, бежал на Синайскую гору и скрылся неизвестно куда. Таким образом в Иерусалиме и во всей Палестине вновь воссияла правая вера, и многие, совращенные в ересь, снова обратились к благочестию. Также и царица Евдокия, познав свое заблуждение, воссоединилась к Православной Церкви.

Обитель преподобного Герасима отстояла от святого града Иерусалима на расстоянии 35 стадий, а от реки Иордана — на одну стадию. Сюда он принимал вновь поступающих, а прошедшим искус давал отшельнические келии в пустыне. Всего у него было не менее семидесяти пустынножителей, для которых преподобный Герасим установил следующий устав. Пять дней в неделе каждой проводил в своей уединенной келии в молчании, за какой-либо работой, вкушал немного сухого хлеба, принесенного из монастыря, воды и кореньев. В эти пять дней не позволялось есть ничего вареного и даже не допускалось разводить огонь, чтобы и мысли не было о варении пищи. На субботу и воскресенье все приходили в монастырь, собирались в церковь на Божественную литургию и причащались пречистых и животворящих Христовых Таин, потом на трапезе вкушали вареной пищи и немного вина во славу Божию и представляли настоятелю работу, исполненную в продолжение пяти дней. В воскресенье после полудня снова каждый удалялся в свою уединенную келию в пустыню, взяв с собой немного хлеба, кореньев, сосуд с водой и финиковые ветви для плетения корзин. Нестяжание и нищета были у них таковы, что никто из них ничего не имел, кроме одной ветхой одежды, рогожи для спанья и малого сосуда с водой. Настоятель даже запретил им, выходя из келии, затворять дверь, чтобы всякий мог войти и невозбранно взять, что хотел, из этих убогих вещей. И вот они жили по апостольскому правилу: «едино сердце и едина душа», и никто не называл ничего своим, но все было общее. Рас-

сказывают, что некоторые из пустынников просили у преподобного Герасима позволения зажечь иногда ночью свечу для чтения или развести огонь, чтобы в случае нужды согреть воду. Но святой Герасим говорил им на это:

— Если хотите иметь огонь в пустыне, то живите в монастыре с новоначальными: я, пока жив, никогда не попущу, чтобы у пустынножителей был огонь!

Жители города Иерихона, услышав о таком строгом подвижничестве под руководством святого Герасима, приняли за правило каждую субботу и воскресенье приходить в обитель преподобного и приносить в изобилии пищи, вина и всего потребного для монастыря.

Преподобный Герасим так строго соблюдал посты, что в святую и великую Четыредесятницу совершенно ничего не вкушал до самого Светлого дня и подкреплял свои телесные и душевные силы только причащением Божественных Таин. У этого благочестивого наставника подвизался и блаженный Кириак, как о том написано в житии его: «Дружелюбно приняв пришедшего к нему Кириака и провидя в нем Божественную славу, преподобный Евфимий сам облек его в схиму и послал на Иордан к святому Герасиму. Святой Герасим, видя юность Кириака, приказал ему жить в монастыре и нести послушания. Готовый исполнить всякую работу, Кириак целый день проводил среди монастырских трудов, а всю ночь стоял на молитве, иногда только предаваясь сну на короткое время. Он наложил на себя пост и только через два дня вкушал хлеба и воды. Видя такое воздержание Кириака, несмотря на юные годы его, преподобный Герасим изумлялся и полюбил его. Святой Герасим имел обычай на Четыредесятницу уходить в отдаленнейшую часть пустыни, называемую Рува, где некогда жил преподобный Евфимий; любя блаженного Кириака за его великое воздержание, он брал его с собою, и там Кириак каждую неделю причащался святых Таин из рук святого Герасима, пребывал в безмолвии до Вербного воскресенья и возвращался в обитель, получив великую пользу душевную.

Через некоторое время преставился преподобный отец наш Евфимий, и об его кончине преподобный Герасим узнал, находясь в своей келии: он видел, как Ангелы Божии радостно возносили на небо душу преподобного Евфимия. Взяв с собою Кириака, он по-

шел в обитель Евфимия и нашел его уже умершим. Предав погребению честное его тело, он возвратился вместе с любимым учеником своим Кириаком в свою келию.

Великому угоднику Божию Герасиму даже бессловесный зверь служил, как разумный человек, как пишут в Лимонаре[1] блаженные отцы Иоанн Евират и Софроний Софист: «Пришли мы в обитель отца Герасима, отстоящую на расстоянии одного поприща от Иордана, и жившие там иноки рассказывали нам об отце Герасиме. Однажды шел он по Иорданской пустыне и встретил льва, показывавшего ему свою ногу, опухшую и наполненную гноем от вонзившегося шипа. Лев кротко глядел на старца и, не умея выразить свою просьбу словами, умолял об исцелении своим смиренным видом. Старец, видя льва в такой беде, сел, взял ногу зверя и вытащил из нее шип. Когда вытек гной, он хорошо очистил рану и обвязал платком. Исцеленный лев с тех пор не покидал старца, а ходил за ним, как ученик, так что святой Герасим дивился уму и кротости зверя. Старец питал его, давая ему хлеб или иную пищу. У иноков был осел, на котором они привозили для братии воду из святого Иордана. Старец поручил льву сопровождать осла и охранять его, когда тот пасется на берегах Иордана. Случилось однажды, что лев отошел от пасшегося осла на значительное расстояние и уснул на солнце. В это время шел мимо с верблюдами один человек из Аравии и, увидев, что осел пасется один, взял его и увел с собою. Проснувшись, лев стал искать осла и, не найдя его, с унылым и печальным видом пошел в обитель к отцу Герасиму. Старец подумал, что лев съел осла, и спросил:

— Где осел?

Лев стоял молча, опустив глаза вниз, как человек. Старец тогда сказал:

— Ты его съел! Но благословен Господь, ты не уйдешь отсюда, а будешь делать для обители все то, что делал осел.

По повелению старца с тех пор на льва стали навьючивать, как прежде на осла, бочонок, мерою в четыре меха[2], и посылать на Иордан за водой для монастыря.

---

[1] *Лимонарь* («Луг духовный») — сочинение греческого инока Иоанна Мосха и его ученика Софрония, будущео святителя Иерусалимского; написано в начале VII века и содержит в себе краткие сказания о жизни и подвигах святых.

[2] *Мех* (ἀσκός, uter) — кожаный мешок, служивший мерою жидкостей.

Однажды пришел к старцу помолиться один воин и, увидев льва, носящего воду, сжалился над ним. Чтобы купить нового осла, а льва освободить от работы, он дал инокам три золотые монеты. Осел для монастырской службы был куплен, а лев освобожден от работы.

Через некоторое время купец из Аравии, уведший осла, пошел в Иерусалим с верблюдами продать пшеницу; с ним был и осел. Около Иордана с караваном случайно встретился лев; узнав осла, он зарычал и бросился к нему. Купец и его спутники в ужасе убежали, а лев, схватив узду зубами, как делал прежде, повел осла с тремя привязанными один за другим верблюдами, обремененными пшеницей. Выражая ревом свою радость, что нашел потерянного осла, лев привел его к старцу. Преподобной старец тихо улыбнулся и сказал братии:

— Напрасно мы бранили льва, думая, что он съел нашего осла.

Льву дано было имя „Иордан". После этого он часто приходил к старцу, принимал от него пищу и не отлучался из обители более пяти лет. Когда преподобный отец Герасим отошел ко Господу[1] и был погребен братией, по устроению Божиему, лев тогда не оказался в обители, а пришел через некоторое время и стал искать своего старца. Отец Савватий и один из учеников отца Герасима, увидев льва, сказали ему:

— Иордан! Старец наш оставил нас сиротами: отошел ко Господу!

Они стали давать ему пищу, но лев пищи не принял, а озирался во все стороны, ища преподобного отца Герасима, и скорбно рычал. Отец Савватий и другие старцы гладили его по спине и повторяли:

— Отошел старец ко Господу, оставил нас!

Но этими словами они не могли удержать льва от вопля и скорбного рычания, и чем больше они старались утешить его словами, тем печальнее он рычал, и голосом, и лицом, и глазами выражая скорбь, что не видит старца. Тогда отец Савватий сказал:

— Если не веришь нам, то иди с нами; мы покажем тебе место, где покоится старец.

И пошли с ним в гробницу, где был погребен преподобный Герасим. Гробница находилась около самой церкви. Став над гробницей, отец Савватий сказал льву:

[1] В 475 году.

— Вот здесь погребен наш старец.

И, преклонив колена, стал плакать. Услышав это и увидев, что Савватий плачет, лев ударялся головой о землю и страшно ревел. Сильно рыкнув, он умер над гробницей старца. Не мог ничего выразить лев словами, но все-таки, волею Божией, прославил старца и при его жизни, и после смерти, показав нам, как послушны были звери Адаму до его грехопадения и изгнания из Рая».

Так повествуют Иоанн и Софроний. Из этого рассказа видно, как преподобной Герасим был угоден Богу, работая во славу Его от юности до старости. Ко Господу он и отошел в жизнь вечную, где со святыми славит Отца, и Сына, и Святого Духа вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ПАВЛА и сестры его ИУЛИАНИИ
и прочих с ними

Римский император Аврелиан[1] издал повеление по всей империи, чтобы все христиане приносили жертвы богам. Сопротивляющихся этому повелению приказано было лишать жизни в жестоких мучениях. Сам царь, пройдя Исаврию, прибыл в финикийский город Птолемаиду[2], дабы принудить там всех христиан к принесению идольской жертвы. При въезде царя в город находились блаженный Павел с сестрой Иулианией. Павел, видя въезжающего царя, осенил лицо свое крестным знамением и сказал Иулиании:

— Дерзай, сестра моя, и не устрашись, ибо великое бедствие приходит на христиан.

Аврелиан, увидав, что Павел перекрестился, повелел взять его и держать в оковах до утра. Утром, приказав поставить себе трон на

---

[1] Царствовал с 270 по 275 год.

[2] *Птолемаида* — город в Финикии, к югу от Тира, на север от горы Кармила. Здесь апостол Павел останавливался во время своего последнего путешествия в Иерусалим и целый день провел среди христиан (Деян. 21, 7).

видном месте, царь сел в присутствии всего народа и приказал привести на мучение блаженного Павла. Когда его привели, царь сказал:

— Дерзкий человек, как ты осмелился во время въезда моего в город сделать на лице своем христианское знамение? Разве ты не слыхал о нашем царском указе, изданном против христиан?

Блаженный Павел ответил царю:

— Я слышал твой указ, но нас, христиан, никто и никогда не может так устрашить, чтобы мы ради страха решили отречься от истинного Бога и перестали исповедовать веру во Христа Сына Божия. Мучения, причиняемые нам тобой, кратковременны, тогда как муки, назначенные по нелицемерному суду Божию, будут вечны, равно как и прославление, которое дает Бог христианам, также вечно. Кто же из нас будет настолько безумен, что оставит живого Бога и поклонится глухим и немым идолам? Сам Спаситель наш Иисус Христос в Евангелии говорит: *Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим небесным* (Мф. 10, 33).

Аврелиан сказал Павлу:

— Вижу, что долго я терплю твои дерзкие слова, подойди и принеси жертву богам, дабы я не предал тебя жестокой смерти.

Блаженный Павел снова сказал:

— Я не знаю иного Бога, кроме Господа нашего Иисуса Христа, Коему с детства служу в чистоте сердца.

Тогда царь Аврелиан сказал воинам:

— Повесьте его и жестоко мучьте, пока не придет его Христос и не освободит его из ваших рук.

Воины тотчас привели в исполнение царское повеление: повесив блаженного Павла нагим на дереве, они мучили его. А святой громким голосом молился Богу:

— Господи Иисусе Христе, истинного Бога Отца истинный Сын, рождества Коего никто не может уразуметь: ни Ангелы, ни Архангелы, ни Престолы, ни Господства, ни Начала, ни Власти, ни Силы, ни Херувимы, ни Серафимы[1], а только Один Бог Отец, — помоги мне смиренному и отверженному Твоему рабу и избавь меня из рук Аврелиана.

По молитве его, Господь Иисус Христос облегчил его жестокие мучения, так что святой не чувствовал боли от причиненных ему ран. В это время святая невеста Христова Иулиания, увидав, что брат ее предан мучениям, пришла на судилище и громко сказала мучителю:

— Мучитель Аврелиан, за что ты так жестоко мучаешь моего невинного брата?

Разгневанный ее словами, Аврелиан сказал слугам:

— Откройте голову этой женщины и бейте ее по лицу, дабы она не говорила с нами так дерзко, а нечестивого мужа мучьте еще суровее, и увидим, защитит ли и поможет ли ему Христос.

Блаженная Иулиания, насмеявшись над царскими словами, сказала:

— Удивляюсь я, как ты, царь, безумствуешь и не разумеешь силы Христа, облегчающего мучения призывающих Его с верою.

Аврелиан, обратившись к стоящим вокруг него, сказал:

— Моя кротость, с которою говорю с этой женщиной, приводит ее в бешенство.

И, посмотрев яростно на святую, сказал ей:

— Приблизься к богам и поклонись им, ибо не избегнешь моих рук.

Но святая Иулиания с твердостью отвечала:

— Я не боюсь твоих мук и не обращаю внимания на твои угрозы, ибо есть на небе Бог, Который может избавить нас от твоих нечести-

---

[1] Священное Писание различает в Ангелах различные чины, или степени, которых указывает девять (Быт. 3, 24; Ис. 6, 2; Кол. 1, 16; Еф. 1, 20–21; Рим. 8, 38; 1 Сол. 14, 16; Иуд. 4 ст.). В «Небесной иерархии» святого Дионисия Ареопагита первое место среди чинов ангельских занимают Серафимы.

вых рук. Предай меня всем мучениям и увидишь помощь, оказанную мне среди них Господом моим Иисусом Христом.

Тогда Аврелиан с хитростью стал говорить святой:

— Вижу твою красоту и ради нее хочу пощадить тебя; умоляю тебя послушаться моих увещаний и принести жертву богам; я сделаю тебя своею законною женою, и ты во все время нашей жизни будешь царствовать вместе со мной. Твоему брату я дам большую награду за его страдания и почту его высшим саном.

В ответ на лукавые слова святая Иулиания, возведя свои глаза к небу и осенив свое лицо крестным знамением, засмеялась.

— Своим смехом, — сказал Аврелиан, — ты оскорбляешь мою великую снисходительность к тебе.

Но святая отвечала:

— Нет, я не оскорбляю тебя, а радостно засмеялась потому, что созерцаю сейчас духовными очами Божественную красоту моего небесного Жениха, восседающего на Своем святом престоле и желающего спасения всех людей. Он говорил мне, чтобы я добровольно совершила подвиг страданий, а тебя — лукавого и пустословного человека — презирала, так как ты, хотя и называешься царем, но поклоняешься дереву и камню.

Такой ответ мученицы привел Аврелиана в сильную ярость, и он сказал воинам:

— Повесьте эту женщину и жестоко мучьте ее, дабы она уразумела, что находится на царском суде.

Когда воины начали мучить святую, то брат ее, святой Павел, взглянул на нее и сказал ей:

— Не страшись мучений, сестра моя, налагаемых мучителем, и не бойся его угроз, ибо, немного пострадав здесь, получим вечную награду у Христа Бога нашего.

Между тем Аврелиан говорил воинам, мучившим святую:

— Мучьте ее суровее, убеждая оставить гордость и безумие.

Святая Иулиания, мучимая без милосердия, услышав царские слова, снова рассмеялась и сказала:

— Аврелиан мучитель! Ты думаешь, что мучишь меня, но я при помощи Христа моего не чувствую мук.

На это Аврелиан сказал ей:

— Хотя ты и лжешь, будто не чувствуешь мучений, но я преодолею твое упрямство и буду продолжать мучить тебя.

Святая сказала:

— Не оставит меня Господь мой Иисус Христос и не допустит быть побежденной тобой, ибо Он — помощник мне теперь и всегда и поможет мне до конца, дабы ты познал силу Его и мое христианское терпение. Тебя же Бог мой повелит мучить вечным негасимым огнем и потребует от тебя те человеческие души, которые ты погубил своими коварными прельщениями.

Слова святой привели Аврелиана в сильную ярость. Он повелел принести котел со смолой и развести под ним сильный огонь. Когда смола в котле закипела так, что нельзя было подойти к нему, мучитель повелел бросить в котел святых мучеников Павла и Иулианию. Брошенные туда, они, возводя глаза к небу, как бы одними устами молились:

— Господи Боже отец наших, Авраама, Исаака и Иакова, сошедший в Вавилонскую огненную пещь к Седраху, Мисаху и Авденаго и не допустивший им быть поврежденным от огня (см.: Дан. 3), Ты Владыка Иисусе Христе, непостижимый свет, отчее таинство и прославление, денница Бога Вышнего, воплотившийся ради наших грехов и живший с людьми, желающий спасти души, которые враг наш диавол дерзновенно прельстил, расточил и низвел в преисподнюю, подобное чему и теперь совершает ученик его Аврелиан, — Ты, Господи, избавь и нас от этого тяжкого мучения.

Во время этой молитвы страдальцев клокотавшая смола обратилась в холодную воду, и все предстоящие дивились силе Бога и прославляли Его. Аврелиан же, обезумевший от гнева, не прославил Бога, но, думая, что это волшебство, повелел вынуть святых из котла, в котором не осталось и запаха смолы, а была холодная вода. Когда мученики были вынуты, Аврелиан сказал им:

— Вы думаете, что присутствовавшие здесь и видевшие все происходившее люди, обольщенные вами, поверят, что Бог вспомнил о вас, — а не вы силою волшебства остудили котел? Клянусь моими богами, я сделаю так, что не поможет вам ваше колдовство, и вы от многих и долговременных мучений, — опаленные огнем, израненные и изнемогшие, против воли своей, принесете жертву богам.

Святой Павел отвечал на эти дерзкие слова:

— Никогда мы не оставим живого Бога, сотворившего небо и землю, освободившего нас от тьмы и избавившего нас из твоих рук; никогда, мучитель Аврелиан, ты не сможешь убедить нас поклониться вашим безгласным, бездушным и бесчувственным идолам. Предай нас, каким знаешь, мучениям, и в них познаешь силу нашего Бога.

Тогда Аврелиан повелел принести два железных одра, взять множество углей из народных бань и раскалить ими одры, потом положить святых мучеников нагими на раскаленных одрах и при этом поливать их растопленным свиным салом. Во время этого мучения Аврелиан говорил мученикам:

— Теперь я победил вашу волшебную силу, и вы узнаете, кто такой Аврелиан, — пусть придет ваш Христос и поможет вам.

— Христос наш, — отвечала мучителю святая Иулиания, — уже с нами здесь и помогает нам и не допускает огню вредить нам, — ты же не видишь Его, ибо недостоин. Советую тебе оставить свое безумие и обратиться ко Христу. Если ты пожелаешь уверовать в Него, то Он примет тебя покаявшегося, ибо Он человеколюбиво и милостиво прощает грехи людские; а если ты не обратишься к Нему, то будешь предан вечному огню.

В это время два воина, видя, что святые, опаляемые на одрах, остаются неповрежденными огнем, громким голосом вскричали:

— Нет иного Бога, кроме небесного Бога, Который помогает Павлу и Иулиании.

Царь, разгневанный за это на воинов, повелел немедленно усечь их обоих мечом. Он думал, что они подкуплены и взяли от христиан много золота, дабы не мучить жестоко святых. Когда повели этих воинов на казнь, святой Павел дал им такое наставление:

— Не бойтесь, — говорил он, — вы никогда не умрете, но будете вместе со святыми наследниками небесного Царствия.

Услышав его слова, воины остановились и стали молиться:

— Владыка Господи Иисусе Христе! Истинный Боже, Которого проповедуют Павел и Иулиания! Будь и с нами, ибо мы умираем, не совершив никакого злодейства.

После этих слов они были усечены мечом. Имена их — Квадрат и Акакий. По кончине этих воинов, были приставлены другие, чтобы

опалять святых, лежащих на раскаленных одрах. Они сыпали соль, чтобы огонь сильнее разгорался; но святые не чувствовали мучений и продолжали укорять мучителя. Посрамленный бессилием против мучеников, Аврелиан повелел посадить их в темницу, наложить на их шеи тяжелые деревянные колодки, на ноги — оковы, а на руки надеть железные обручи. В темнице мучитель повелел набросать на пол острых гвоздей, как колючий терновник и волчец на поле, и положить на них мучеников, чтобы они не только не имели никакого облегчения в страданиях, но еще сильнее бы мучились от гвоздей, раздирающих их тело. При этом мучитель приказал строго наблюдать, чтобы никто из христиан не приходил к ним и не подавал им пищи или питья. В полночь, когда святые лежали на острых гвоздях и молились, внезапно в темнице воссиял свет, явился Ангел Господень и сказал мученикам:

— Павел и Иулиания, рабы Господа Вышнего, встаньте и прославьте Бога!

Сказав так, Ангел подошел и прикоснулся к веригам и оковам мучеников, — и тотчас узы поломались и спали с их тела, язвы их исцелились, и они сделались вновь здоровыми. И вот они увидели два покрытых чистою пеленою стола, и приготовленную пред ними трапезу, полную всяких яств. Ангел сказал святым:

— Примите пищу, которую послал вам Иисус Христос.

Святые мученики Павел и Иулиания сели за трапезу и, взяв в руки хлеб, возвели свои очи к небу и благодарили Бога; потом они ели и пили посланное Господом и укрепились. Находившиеся в темнице узники видели, как воссиял свет, как святые, освобожденные от оков, сели на приготовленные им места за трапезу, ели и веселились. Они, в изумлении, подошли к ним, и сподобились быть участниками этой трапезы, уготованной невидимою рукою. Прославив Бога, являющего таковую милость Своим рабам, и уверовав в Него, они все сделались христианами.

На третий день император Аврелиан снова сел на судилище и, повелев привести к нему святых мучеников Павла и Иулианию, сказал им:

— Надеюсь, что подействовали на вас муки и вы, отказавшись от вашего безумия, теперь приступите к богам и принесете им жертву.

Святой Павел отвечал ему:

— Это безумие — не отрекаться от Христа — пусть останется навеки у меня и у всех любящих Бога: *потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков* (1 Кор. 1, 25). *Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3, 19). И я действительно обезумел бы, если бы, отступив от истинного Бога, поклонился вашим бесам.

Аврелиан снова пришел в ярость и повелел повесить обоих мучеников на дереве нагими и строгать их ребра железными когтями. Они же, преданные мучению, молились Богу:

— Господи Иисусе Христе, Сын Бога живого, свет христианства, вера незыблемая, явись нам и помоги и не оставь нас, ради Твоего святого имени.

По молитве их Спаситель, находясь около них невидимо, облегчил их страдания, и святые не ощущали мучений. Один из воинов, по имени Стратоник, поставленный с левой стороны святой Иулиании, чтобы строгать ее ребра, пожалел ее красоту и удерживался от строгания. Святая, уразумев его помышление, толкнула его левой ногой и сказала ему:

— Стратоник, исполняй приказание мучителя и не щади меня, ибо мне помогает Сам Царь мой Господь Иисус Христос, вечный Бог, Он охраняет мою душу и облегчает мои телесные мучения.

Стратоник, бросив орудие, бывшее у нее в руках, побежал к месту царского суда и вскричал:

— Аврелиан, нечестивый мучитель! Зачем ты предаешь так несправедливо на мучение христиан? Какое зло сделали эти люди, почитающие истинного Бога? За что они так сильно страдают? Неужели только ради того, что почитают Христа, Владыку всех?

Услышав его слова, царь пришел в ужасный гнев и в продолжение целого часа не мог говорить. Наконец проговорил:

— И ты, Стратоник, сделался участником в том же безумии! Что прельстило тебя? Красота ли Иулиании, или ты был побежден ее женскою речью?

Стратоник, подняв свои глаза к небу, увидел, что лица святых мучеников, висящих на мучении, светлы, как лица Ангелов Божиих. Тотчас, оградив себя крестным знамением, он подбежал к устроен-

ному там нечестивому идольскому жертвеннику, опрокинул его и, попирая ногами, вскричал:

— И я христианин! Делай со мной, мучитель, что хочешь.

Аврелиан сильно разгневался и повелел отсечь ему голову. Когда Стратоник был приведен на место казни, то так помолился Богу:

— Господи Иисусе Христе, проповедуя Коего Павел и Иулиания остаются непобедимыми, сохраняемые Твоим Божеством, и посрамляют мучителя, молю Тебя — прими и мою душу в Твое небесное Царство, не отвергни меня только короткое время исповедовавшего Твое святое имя пред мучителем Аврелианом.

После этой молитвы он был усечен мечом, а христиане, взяв его тело, спрятали. Святые же Павел и Иулиания были мучимы весь тот день и нисколько не изнемогли от мучений. Аврелиан, обратившись к Иулиании, сказал ей:

— Скверная и нечестивая женщина! Как ты смогла во время мучений крестить этого воина? Ты повинна в его смерти.

Святая отвечала:

— Я не прельщала его и невиновна в его смерти; Христос, избравший меня в невесту Себе, призвал к Себе этого воина как достойного, ибо если бы он не был достоин, то никогда не мог бы получить мученический венец. Ты сам будешь мучиться в пламени геенны, а его увидишь в Царстве небесном. Тогда ты станешь бить себя в нечестивую грудь, видя, что некогда твой подчиненный, человек незначительный и тобой отверженный, поставлен выше тебя, и увенчан от Христа славою небесного Царства. Ты тогда исполнишься великой печали и возопиешь, прося себе милости, но никогда ее не получишь.

После этого Аврелиан повелел прекратить мучения святых и снова заключить их в темницу. Вечером в тот же день Аврелиан повелел перевести святых из темницы в народную баню. Потом, призвав чародеев, волшебников и заклинателей гадов, повелел им принести всех, каких они имели, самых злых гадов: ехидн, аспидов и змей и пустить их в баню, где были заключены мученики. Чародеи, исполняя царское повеление, собрали множество гадов и пустили их в баню к святым. Но гады ползали у ног святых мучеников и не вредили им, а святые бесстрашно воспевали и славословили Бога. В та-

ком заключении в бане, вместе с гадами, святые находились три дня и три ночи; в четвертую ночь Аврелиан послал узнать, съедены ли гадами Павел и Иулиания. Когда посланные подходили к дверям бани, то услышали, что святые воспевают псалмы и славословят Бога. Желая лучше узнать, что делается внутри, посланные влезли на крышу бани и стали смотреть сверху в окошко. Они увидели яркий свет и святого Павла, сидящего вместе со своей сестрой, святой Иулианией. Около них стоял Ангел Божий и не позволял гадам прикасаться ко святым. Увидав это, посланные пошли к царю Аврелиану и известили ему, что видели. Он на следующее утро снова сел на судилище и повелел чародеям и заклинателям взять гадов из бани, а мучеников привести к себе на суд. Чародеи, подойдя к дверям бани, начали посредством заклинаний призывать к себе гадов, но гады их не слушали. Когда же были открыты двери бани, тотчас все гады бросились на своих заклинателей и на других людей, пришедших с ними; ужалив их смертельно, гады исчезли. После того как гады разбежались, пришли посланные мучителем и, взяв святых мучеников, привели к нему на суд. Мучитель, посмотрев на них и улыбнувшись, сказал:

— Я рад снова беседовать с вами, ибо надеюсь узнать от вас нечто великое. Клянусь богами, если вы скажете мне правду, то получите от меня многие и великие дары и будете знатными лицами в моем царстве. Скажите мне, — правда ли то, что я слышал от смотревших в окошко к вам в баню, будто владыка наш Аполлон пришел к вам и помог вам, защитив вас от гадов, и вы видели его лицо своими глазами.

Святой Павел отвечал царю:

— Мы не знаем Аполлона и никогда его не видали, ибо мы служим истинному Богу, уготовавшему спасение Своим рабам. Твоя же душа смертельно погибла, ибо ты не желаешь познать истину и покаяться. Сильное бешенство от измышляемых тобой мучений довело тебя до того, что ты осмеливаешься хулить бесплотного служителя Божия, святого Ангела, коего Господь наш Иисус Христос послал к нам, дабы заградить уста гадов, и дерзновенно называешь его Аполлоном.

Слова мученика привели Аврелиана в сильный гнев, и он повелел бить святого Павла по лицу оловянными прутьями и при этом говорить ему:

— Как ты осмеливаешься отвечать так гордо и дерзко, — знай, что ты предстоишь пред царем.

После этого мучения Аврелиан повелел отвести святого Павла и приблизить к себе святую Иулианию.

Мучитель сказал ей:

— Владычица моего сердца, Иулиания! Умоляю тебя, не следуй безумию твоего брата; вижу, что ты девица рассудительная и с большим умом, поэтому послушай моего совета и будешь со мной царицей, ибо я возьму тебя в жену себе и поставлю твои золотые статуи во всех городах империи.

Но святая отвечала царю:

— Ничем ты не прельстишь меня, нечестивый мучитель, не уловишь своею хитростью рабу Вышнего Бога и не сделаешь повинною вечной смерти. Хотя ты и желаешь, но не можешь лишить меня славы Христовой и небесного Царства.

Тогда Аврелиан повелел отвести святую от судейского места и снова подвести к себе святого Павла, коему он стал так говорить:

— Вот, Павел, сестра твоя Иулиания дала нам обещание принести жертву богам, ради этого я хочу взять ее в жену себе и она будет владычицею всего моего царства. Убедись и ты и исполни мое повеление принести жертву богам: ты будешь моим другом и получишь в награду высокую должность.

Но святой Павел ответил на сии лукавые слова:

— Воистину ты солгал, будто моя сестра отступила от пречистого и бессмертного своего Жениха-Христа и стала подругой тебя, скверного и тленного, и твоих бесов. Но не удивительно, что ты солгал, ибо имеешь отцом диавола, которой есть отец лжи (см.: Ин. 8, 44); научившись от него лгать, ты и делаешь то же, что он, и не можешь никого прельстить иначе, как только ложью. Но напрасно ты трудишься, ибо нас не прельстишь твоею лживою хитростью, хотя бы и обещал нам царство всего мира.

Разгневанный таким ответом мученика, Аврелиан сказал ему:

— До каких пор ты будешь так дерзко говорить с нами, бессмысленный человек? Клянусь богами, что буду мучить вас всякими муками, и никто не сможет освободить вас из моих рук.

Сказав так, царь повелел развести большой костер, принести четырнадцать железных палок и раскалить их на огне; затем он велел

связать святому Павлу руки и ноги, просунуть раскаленную палку между рук и ног, вкопать его в землю и раскаленными палками бить его двум воинам попеременно. Повеление было исполнено. Иулианию же мучитель повелел отвести в дом блуда и там предать осквернению. Услышав такое повеление, многие из народа поспешили туда, перегоняя друг друга, дабы вперед войти к ней, возбужденные, как кони, ее красотою. Когда святая была приведена в дом блуда, явился ей Ангел Господень и сказал:

— Не бойся, Иулиания, ибо Господь Иисус Христос, Коему ты служишь, послал меня охранять тебя, дабы прославилось святое имя Его среди боящихся Его.

И стал Ангел поражать слепотою распутников, кои хотели прикоснуться ко святой, отрясая их, как пыль, от ног Христовой невесты, так что они не могли приблизиться к ней, шли ощупью и натыкались на стены. Видя это чудо, народ как бы одними устами громогласно вскричал:

— Велик Бог Павла и Иулиании, везде спасающий и охраняющий боящихся Его!

Ослепленные же развратники, преклонив свои колена, взывали ко святой:

— Иулиания, раба Вышнего Бога, согрешили мы пред тобой, желая осквернить тебя, но ты, как служительница благого Бога, прости нам, и помолись за нас Христу Твоему, да дарует нам прозрение.

Святая милосердовала о них, взяла немного воды и, возведя глаза свои к небу, стала так молиться Богу:

— Иисусе Христе, истинный Бог, Спаситель всех людей, услышь меня, рабу Свою, и покажи ныне знамения и чудеса, каковые Ты творишь людям, даруй им прозрение, дабы они прославили Твое святое имя.

Помолившись, святая окропила водою всех ослепших, и они тотчас прозрели; исцеленные пали на землю, возблагодарили Бога и, придя в христианский храм, покаялись в своих грехах и сподобились святого крещения. Между тем воины, по повелению царя, продолжали мучить святого Павла, без пощады нанося ему удары железными, раскаленными в огне палками, причем и слуги и палки часто переменялись. Среди этих страданий святой воззвал к царю:

— Аврелиан, нечестивый мучитель, какое зло я сделал, что ты так жестоко и безбожно мучаешь меня? Но воистину Владыка мой Иисус Христос облегчает мои страдания, а тебя ждет вечный огонь, уготованный тебе и диаволу, научающему тебя против нас.

Аврелиан, желая опечалить святого, сказал:

— Павел, где твоя сестра Иулиания? Ты думаешь, что она девица; а она сегодня предана на поругание в дом блуда.

Святой Павел отвечал на эту хулу:

— Верую, что мой Бог, облегчающий мои страдания и избавляющий меня от твоих лукавых злоумышлений, защитит и сестру мою и сохранит ее непорочною от всякой скверны, и пошлет с неба своего Ангела охранять ее.

Спустя какое время Павел снова сказал:

— Вот, возвращается моя сестра беспорочною, сохранившею свое девство, и идет видеть мои страдания и мои раны.

Так говорил святой потому, что прозорливыми очами видел все, что случилось со святой Иулианией. Мучитель приказал возвратить святую. Когда святая Иулиания снова была приведена на судилище и святой Павел увидел ее, то исполнился великой радости и встретил сестру со светлой улыбкой. Аврелиан спросил святую:

— Иулиания, насладились ли любодеи твоей красотой?

Святая отвечала:

— Моя радость, красота и все украшение мое — Христос, Который послал Своего Ангела и сохранил меня, Свою смиренную рабу: я на Него возложила свое упование и прославляю Его пресвятое имя, ибо Он — Бог истинный, совершающий чудеса, и нет другого Бога, кроме Него одного.

Повелев прекратить мучение святого Павла, царь распорядился, чтобы выкопали яму, глубиною в три сажени, наполнили ее дровами и зажгли их. Когда дрова совершенно сгорели и в яме осталось множество раскаленных углей, мучитель повелел бросить туда святых мучеников, Павла и Иулианию. Но они сами пошли к огненной яме, благословляя Бога и призывая Христа Спасителя, помощника своего. Придя к яме, мученики осенили себя крестным знамением и бросились в огонь. Находясь в огне, они воспевали и прославляли

Господа, ибо Ангел Господень сошел с неба, ослабил силу огня и разметал угли, а мучеников сохранил целыми и нисколько не поврежденными. Святые стояли в яме и воспевали:

— Благословен Бог, царь веков, что помянул наше смирение и Сам угасил пламень огненный, простив наши грехи по Своей великой благости; Ты сохранил нас, недостойных, целыми и неповрежденными от ярости Аврелиана мучителя.

Весь народ слышал пение святых, и многие язычники, увидав Славу Божию, умилились сердцем и, отвергнув идолов, уверовали во Христа. Царь повелел находящихся в яме святых закидать камнями. Но внезапно появилась молния и послышался сильный гром, явилось огненное облако, из которого вышел огонь на землю и с неба был слышен голос:

— Аврелиан, ты пойдешь в геенну огненную, уготованную тебе и твоему отцу — диаволу.

Аврелиан и весь народ пришел в страх, и мучитель повелел извлечь святых из ямы и посадить в темницу. Они же прославляли Бога за все чудеса, какие сотворил Бог ради них. Спустя семь дней Аврелиан снова сел на судилище и повелел жрецам принести всех идолов, каких они имели — золотых, серебряных, украшенных дорогими каменьями, и постлать под их ногами свою царскую порфиру. Потом, призвав святых мучеников Павла и Иулианию, с великою яростью сказал им:

— Приступите теперь и поклонитесь богам, ибо не избегнете моих рук.

Святой Павел, посмеявшись над его словами, сказал ему:

— Никогда, мучитель, мы не оставим Бога, сотворившего небо и землю, не надейся склонить нас когда-нибудь к идолопоклонству.

Тогда Аврелиан сказал мученику:

— Достойный жестокой смерти, ты думаешь, что они идолы. Разве ты не разумеешь находящейся в них силы?

Святой Павел отвечал:

— Зевс, которого ты называешь богом, был волшебник, исполненный страсти, и самый невоздержанный блудник. Он, видя красивых женщин и девиц, прельщал их волшебством различным способом: иногда обращаясь в быка, иногда в птицу — в орла или лебедя, иногда в золото, — и прельстив таким образом и осквернив

множество лиц, он называется ими богом и почитается. Но не буду по порядку перечислять всех его блудных, бесстыдных и беззаконных дел, ибо вижу, что ты гневаешься, слушая мои слова, — тем не менее я не боюсь твоего гнева, но, чтобы не соблазнить слышащих это, умолчу о прочем. Другой ваш бог — Аполлон. Он не от прелюбодеяния ли рожден одной женщиной, по имени Латоной, которая родила его между двух деревьев? Аполлон также сотворил много непотребства, подражая своему отцу Зевсу. Подобным образом и знаменитый ваш бог Дионис разве не рожден от прелюбодеяния Семелою, дочерью Кадма?[1]

— Лжешь, дерзкий! — вскричал Аврелиан. — Дионис рожден от Юноны, матери богов.

Святой Павел рассмеялся и сказал:

— Может быть богом рожденный женою? Может ли стать кто-нибудь богом, не будучи им прежде? Имеет ли бог жену и может ли рождать от жены детей?

Аврелиан, разгневавшись на такой ответ, сказал святому:

— Нечестивый и дерзкий человек! Доколе ты будешь лукавыми словами порицать и хулить наших богов? Разве ваш Христос, Коего вы называете небесным Богом, не рожден от жены?

---

[1] *Зевс*, или *Юпитер*, — греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей. По сказаниям языческих писателей, Зевс для обольщения какой-либо женщины прибегал к подобным превращениям: так, к Данаи он сошел в виде золотого дождя, Леду прельстил, приняв вид лебедя, Европу похитил, обернувшись белым быком. *Аполлон* — бог древних греков и римлян, почитался богом света, в особенности солнечного, также умственного просвещения, поэзии и музыки, богом-прорицателем, врачевателем болезней и хранителем всякого гражданского порядка. *Латона* — по сказанию мифологии, до Геры — жена Зевса, с которым она прижила Аполлона и Артемиду (или у римлян Диану — богиню родов, охоты и луны); она является любимою Зевсом и в то время, когда он был женат на Гере, и преследуется ревнивой Герой по всей земле, пока не родила на Делисе у горы Кинфа Аполлона. *Дионис*, или *Вакх*, — бог винограда и виноделия. Мать его — Семела, дочь Кадма, отец Зевс; рождение Диониса святой называет прелюбодеянием, так как, по сказанию мифологии, Зевс прижил его от Семелы, когда имел жену — *Геру*. *Юнона* — римское название греческой Геры — жены Зевса. Этого рода сказания язычников о Зевсе показывают, насколько языческая религиозная мысль уклонилась с истинного пути богопознания, дойдя до обоготворения в лице своих богов поступков, которые осуждает здоровое, естественное нравственное чувство даже в человеке.

Святой Павел ответил хулителю:

— Хотя ты и недостоин знать тайну Божественного Откровения, но дабы не прельстились твоими словами стоящие вокруг тебя, необходимо хотя кратко рассказать о том, о чем ты спрашиваешь. Бог вначале сотворил небеса и землю и все, что на них находится, моря и все, что в них; создал также и человека, по образу Своему и по подобию, чистым, не имеющим никакого греха, праведным, благочестивым и поселил его в Раю, полном всякого блага, создав из ребра его и помощницу ему. Но отец ваш диавол, завидуя такому блаженству людей, соблазнил Еву и чрез нее довел и Адама до преступления против заповеди Божией. Адам и Ева были изгнаны из Рая, родили сыновей и дочерей, от которых весь мир наполнился людьми, — и весь род человеческий подлежал смерти чрез вошедший в мир грех, так что все праотцы наши и праведные низводились в ад наравне с грешниками: *смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама* (Рим. 5, 14), как говорит Христов апостол Павел. Ради этого Отец небесный, Всемогущий Бог, милосердовав о человеческом роде и восхотев помочь ему, послал Сына Своего принять плоть человеческую, спасти Адама и заключенных вместе с ним в оковах ада. Сей Сын Божий есть Отчее Слово, рожденное от Отца прежде всех веков, Его Мудрость и Сила и Десница, о воплощении Коего благовестил Архангел Гавриил Пресвятой Деве, происходившей из пророческого и царского рода; в Ее пречистую и освященную утробу невидимо вселился Сам Бог, то есть Отчее Слово, приняв на Себя плоть, когда говорил к Ней Ангел: *радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; поэтому и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим* (Лк. 1, 28, 35). И родился от непорочной Девы Сын Божий, Слово Отчее, облекшийся в плоть, как бы в ризу, ради спасения людей. Никто не может видеть истинного Бога, ибо Бог как огонь, все истребляющий; не может человек, живущий на земле, видеть Лицо Божие и остаться живым. Поэтому наш Бог, воплотившись, родился и как младенец питался молоком, будучи совершенным по Божеству. Он был отроком, юношей, возросший плотью в совершенного человека, поживший с людьми тридцать три года, обходя города, страны и се-

ления, оказывая всем благодеяние и избавляя нас, побежденных и плененных диаволом. Потом Он добровольно был распят на кресте, дабы даровать спасение миру, погибавшему от диавольского лукавства, и умер плотью, сошел во ад вместе с святою душой своей и сокрушил медные врата, сломал железные запоры и вывел из тьмы и сетей диавольских души святых и возвел их в горние страны. В третий день Он воскрес из мертвых вместе со Своей плотью, явился ученикам, Своим апостолам, и иным многим, истинно веровавшим в Него, ел и пил с апостолами сорок дней, потом вознесся на небо и сел одесную Бога Отца Своего со своей плотью. Теперь диавол в муках сокрушается, ибо Христос Бог повергнул его под ноги христианам, дабы попирали его входящие в Царство небесное, коего ты чужд, а будешь в вечном гееннском огне, наследии отца твоего диавола.

Выслушав все это, Аврелиан изменился в лице от ярости, заскрежетал зубами и вскричал:

— Дерзкий и скверный человек! Я терпеливо выслушал твои лукавые слова, оскорбляющие нас и хулящие богов. В последний раз говорю вам: если не принесете жертвы богам, я предам вас лютой смерти.

Святые Павел и Иулиания громко воскликнули:

— Мы — христиане и имеем надежду на Христа, твоим богам не поклонимся и бесам твоим не послужим, мучений же твоих не боимся, сколько бы ты не изобретал их для нас. Ибо мы веруем в Бога и надеемся, что ты будешь побежден нами, как и диавол побежден Христом, укрепляющим нас и разрушающим твои злобные измышления.

Тогда Аврелиан повелел привязать святого Павла к дереву и огнем опалять ему лицо, а глашатаю возглашать:

— Не говори дерзких слов царю и не порицай богов.

Видя истязание брата, святая Иулиания вскричала:

— Нечестивый мучитель! Какое зло сделал мой брат, что ты предал его такому жестокому мучению?

Аврелиан повелел привязать также и святую Иулианию и мучить ее, опаляя огнем ее лицо; при этом он сказал Иулиании:

— Бесчестная, смирись, как подобает женщине.

Святая ответила ему:

— Аврелиан, я послушаю тебя, приказывающего мне, женщине, смириться, но страшусь Христа, Бога живого, сущего пред моими глазами; я не могу оставить Его и не поклонюсь бесам.

Аврелиан, видя, что он посрамлен святыми мучениками, сильно разгневался и снова повелел опалять и жечь тела мучеников. Весь народ, видевший таковое страдание святых, вскричал:

— Царь Аврелиан, ты несправедливо судишь и мучишь их за то, что они не хотят принести жертву богам; ты дашь за них ответ по смерти.

Аврелиан, испугавшись, чтобы в народе не произошло какого-либо волнения, отдал приказание обезглавить святых мучеников и бросить их тела на съедение псам, зверям и птицам. И повели святых на смерть. Они радовались и веселились и воспевали: *Ты спасешь нас от врагов наших и посрамишь ненавидящих нас* (Пс. 43, 8).

Когда их привели за город, на место усекновения, то святой Павел стал просить воина отсечь главу сначала святой Иулиании, ибо боялся, как бы она не устрашилась, смотря на усечение его главы. Святая Иулиания, осенив себя крестным знамением и радуясь, протянула свою шею и была усечена мечом. Святой Павел, увидя, что сестра его скончалась мученическою смертью, возвел свои глаза к небу и возблагодарил Бога, — потом и сам, оградив себя крестным знамением, протянул шею и был усечен мечом. Святые тела мучеников остались за городом непогребенными, ибо, по повелению царя, невдалеке были поставлены воины стеречь, чтобы христиане не взяли их. На место казни прибегали псы, но не прикасались к телам мучеников; также прибегали волки и также не прикасались к телам, но даже охраняли их, неотступно находясь при них; прилетали хищные птицы, но не опускались на честные тела, они летали над ними, охраняя их и не давая сесть на них мухам. Так продолжалось семь дней и ночей, после чего воины известили об этом Аврелиана. Он, выслушав их, сказал:

— Как сильно волшебство христиан! Мы не могли победить их даже и по смерти.

И повелел Аврелиан воинам уйти со стражи, но не днем, а ночью, дабы не быть в посмеянии у христиан.

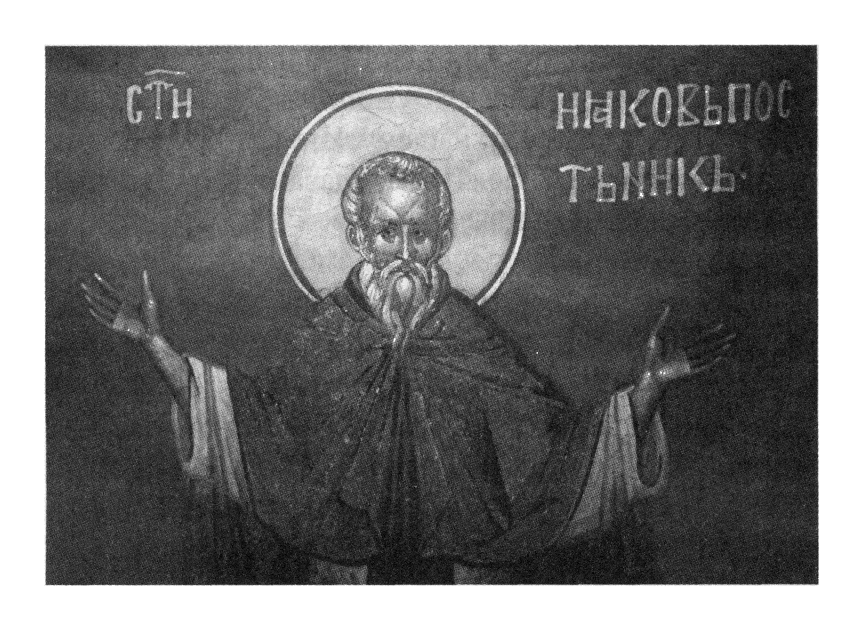
При наступлении дня христиане, увидав, что стражи нет, взяли многострадальные тела святых мучеников Павла и Иулиании и с честью погребли их. Господу нашему Иисусу Христу, царствующему вместе со Отцом и Святым Духом, слава и честь, всегда, ныне и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИАКОВА ПОСТНИКА

В стране финикийской[1] близ города Порфириона[2] жил отшельник по имени Иаков, который, оставив суету этой временной жизни и приняв иноческий образ, пребывал в пещере в течение пятнадцати лет. Иаков весьма преуспел в постнических подвигах и сделался столь великим в добродетелях и угодным Богу, что сподобился от Него власти над бесами и именем Спасителя нашего Иисуса Христа совершал многие исцеления. Все люди дивились таковой его добродетельной жизни, и стекались к нему не только верующие, но и неверующие. Прозорливо узнавая, кто беседует с ним, боговдохновенный муж поучал их от Божественных Писаний и обращал к истинной христианской вере. Но исконный враг человеческого рода диавол, особенно враждующий против усердных служителей Христа, видя, что он посрамляется многими добродетелями и совершенною жизнью этого святого мужа, восстал против него своими кознями, желая изгнать святого мужа из тех мест. С этой целью он вошел в одного из неверующих самарян, живущих в городе Порфирионе, как некогда в Иуду, и научил его хлопотать об изгнании Иакова. Этот самарянин собрал многих единомышленников, родственников, друзей, знакомых, соседей и рабов, и пришел с ними в дом их нечестивого жреца. Там они устроили со-

[1] *Финикия* — страна, лежавшая по побережью Средиземного моря. Главными городами ее были Тир и Сидон.

[2] *Порфирион* — город в Финикии около Кармила. Собственно, это был посад или большое село (κωμόπολις).

вет, как бы изгнать из пределов их страны Иакова, который обращает от их веры многих ко Христу. После долгого совещания, они придумали коварное средство. Призвав к себе одну блудницу, они дали ей двадцать золотых монет и обещали дать еще столько же, если она пойдет и склонит ко греху Иакова отшельника. Тогда бы они обвинили его и с бесчестием прогнали из своей страны, как блудника. Нанятая ими женщина пошла к Иакову и, стуча в его двери, просила отворить ей и пустить ее внутрь. Когда же блаженный не отворил ей, она еще усерднее стучалась, досаждая ему многими мольбами. Наконец святой отворил дверь и, увидав стоящую женщину, подумал, что это привидение, а поэтому, оградившись крестным знамением, тотчас тщательно запер дверь и, возвратившись в келию, стал лицом к востоку и с усердием молился Богу, чтобы Он отвел от него бесовское искушение. Между тем наступила полночь, а женщина не переставала стучаться; наконец она громко закричала святому:

— Помилуй меня, истинный раб живого Бога! Отвори мне дверь, дабы я не была пред твоей келиею съедена зверями.

Преподобный Иаков, подумав, что уже полночь, а кругом множество зверей, хотя и неохотно, отворил ей дверь и сказал:

— Откуда ты пришла и чего здесь ищешь?

Женщина отвечала:

— Я из монастыря и по делу послана игуменьей в город, но вот, когда я возвращалась, меня настигла темная ночь, и я заблудилась и пришла сюда. Молю тебя, Божий человек, смилуйся надо мной и не допусти быть растерзанной зверями около твоих дверей, но разреши мне эту ночь остаться у тебя, пока не наступит день и я пойду своей дорогой.

Преподобный Иаков милосердовал о ней, ввел ее к себе и, предложив ей хлеб и воду, сам затворился во внутренней келии, а ее оставил во внешней. Она, вкусив хлеба, немного уснула. Потом, притворившись больною, начала горько плакать и стонать и, припав к двери внутренней келии, молила преподобного помочь ей. Святой, посмотрев чрез окошко и увидев, что она заболела, недоумевал, что сказать ей или что сделать. Женщина же молила его:

— Умоляю тебя, отче, — говорила она, — снизойди к моей немощи и огради меня крестным знамением, поскольку у меня сильно болит сердце.

Святой, послушав ее мольбы, вышел к ней и тотчас, зажегши огонь и принеся святой елей, какой имел у себя, сел около нее. Держа свою левую руку на огне, святой обмакнул правую руку в святой елей и прикоснулся телу женщины, то творя крестное знамение, то помазуя и согревая рукою ее сердце, ибо она жаловалась на сильную боль в сердце. Движимая нечистыми пожеланиями, женщина хотела и в святом возбудить похоть и склонить его ко греху и потому говорила ему:

— Умоляю тебя, отец, еще помажь меня елеем и согрей рукой мое сердце, дабы совсем прекратились мои страдания.

Блаженный Иаков, будучи прост сердцем и незлобив, поверил словам женщины и исполнил, что она просила. Но зная бесовское прельщение, воздвигающее брань против плоти, и боясь, как бы от излишнего милосердия и соболезнования к женщине не привести свою душу к вечной погибели, в течение двух или трех часов держал свою левую руку на огне, с твердостью претерпевая боль, до тех пор, пока не отвалились суставы пальцев. Так блаженный боролся с диавольским искушением, чтобы от нестерпимой боли ни один нечистый помысл не пришел ему на ум. Увидав, что сделал святой, жен-

щина пришла в ужас. Она умилилась сердцем и, тотчас встав, припала со слезами к ногам святого, бия себя в грудь и восклицая:

— Горе мне, окаянной и ослепленной! Горе мне, что я сделалась жилищем диавола.

Святой, видя, что она плачет, и слыша слова ее, сильно удивился и сказал ей:

— Встань, женщина!

Поспешно подняв ее с земли и сотворив усердную молитву к Богу, он спросил:

— Поведай мне, что это значит? Зачем ты пришла ко мне?

Женщина, едва придя в себя, подробно рассказала святому все: как нечестивые самаряне научили ее соблазнить святого, говорила, что сам диавол устроил это искушение, дабы уловить в плотский грех праведного мужа, подражающего своею жизнью бесплотным. Выслушав женщину, преподобный вздохнул и, пролив многие слезы, воздал благодарение Богу; затем, поучив и благословив женщину, отослал ее к епископу Александру. Женщина, придя к церкви, исповедала все свои грехи пред епископом. Святитель, довольно поучив ее и видя, что она истинно покаялась, просветил ее святым крещением и отослал ее в женский монастырь. Так блудница сделалась невестою Христовою.

Потом, собрав всех христиан и свой клир, епископ изгнал из города всех самарян. После этого, придя к блаженному Иакову, епископ отеческими наставлениями еще более укрепил этого в его блаженной жизни. А женщина, бывшая раньше грешницей, своею жизнью угодила Богу и сподобилась получить власть над бесами.

Спустя немного времени дочь одного знатного и богатого человека, мучимая нечистым духом, стала призывать по имени святого Иакова. Родители привели ее к святому и молили его, чтобы он, милосердовав о юной девице, изгнал из нее нечистого духа. Святой, помолившись Богу о ней и возложив на нее руку, тотчас силою Божией изгнал из нее беса, и девица стала здоровой. Видя это чудо, родители девицы возблагодарили Бога и, желая принести благодарность Божиему человеку, принесли ему триста золотых. Но праведный муж не только не пожелал взять золото, а и не посмотрел на него, сказав:

— Не подобает ни покупать, ни продавать божественных даров, как и говорит Священное Писание: *больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 8). Золото следует раздавать нищим, ибо, живя в пустыне, я не нуждаюсь в нем.

Сказав так, святой отослал обратно присланных с золотом людей. В той же стране был один юноша, расслабленный, по действу диавола, обеими ногами; родители принесли этого юношу к святому Иакову и просили его помолиться о нем Богу. Преподобный постился и молился три дня и исцелил расслабленного; потом, благословив его, повелел ему на своих ногах возвратиться в свой дом. Много и других, одержимых различными недугами, приходило к сему чудотворцу и все, по молитвам его, исцелялись и возвращались от него здоровыми. Угодник Божий, видя, что все его почитают, убоялся, дабы не впасть в тщеславие, и поэтому оставил пещеру и бежал, удаляясь от славы человеческой. Отойдя на сорок поприщ от города, он нашел при реке большую пещеру в скале и поселился там. Здесь он прожил тридцать лет, проводя в молитвах и слезах все дни и ночи. Питался он долгое время водорослями, растущими при реке, а потом устроил себе небольшой огород, где и работал часть дня, и питался от посеянных и возращенных плодов. Подвижническая жизнь святого Иакова так прославила его, что ради пользы душевной к нему приходили из двадцати или тридцати монастырей иноки и клирики. И не только духовные, но и множество мирских людей стали приходить к нему, получали наставление в добродетельной жизни и, сподобившись благословения и молитв его, возвращались со многою пользой для души своей.

Такой великий муж, сподобившийся благодати Божией, впал, однако, в тяжкое прегрешение. Это произошло, вероятно, потому, что он стал много думать о своей святости и богоугодной жизни и считать себя великим подвижником. Начало его падения было таково. Исконный враг рода человеческого, диавол, завидующий проводящим жизнь богоугодно и непрестанно копающий для них ров погибели, вошел в отроковицу, дочь одного богача, и стал мучить ее, призывая ее устами имя Иакова и говоря:

— Не выйду из нее, если не отведете меня к Иакову пустыннику.

Родители отроковицы, взяв ее, ходили с нею по монастырям и пустыням долгое время, отыскивая святого отца Иакова. Найдя, наконец, его, они пали к ногам его и стали умолять его:

— Помилуй нашу дочь, ибо она сильно страдает от нечистого духа; вот уже двадцатый день, как она не принимает ни пищи, ни питья, но, испуская вопли, терзает себя и призывает твое имя.

Святой, став на молитву, столь усердно помолился о ней Богу, что даже самое место, где он стоял, потряслось. По окончании молитвы Иаков дунул на отроковицу и сказал нечистому духу:

— Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе: выйди из этой отроковицы.

И тотчас диавол, как бы опаленный огнем, вышел из девицы. Она же упала на землю и долгое время оставалась безгласною. Но святой Иаков снова помолился Богу, взял ее за руку и, подняв с земли, отдал ее родителям. Те, видя такое чудо, прославили Бога. Но опасаясь, как бы опять не возвратился к ней нечистый дух, они умоляли святого, дабы он позволил дочери их остаться у него на три дня, пока совершенно не выздоровеет. И осталась отроковица у старца, а родители ее ушли домой.

Когда осталась отроковица у святого Иакова, диавол, видя, что святой находится в пустынном уединенном месте вдвоем с отроковицей, и находя, что настало самое удобное время для его козней, воздвиг на подвижника бурю нечистых помыслов и скверного плотского вожделения и так разжег его похоть, что святой муж, — тот самый, который раньше не мог быть уловлен прельщением посланной к нему самарянами блудницы, тот, который ради сохранения целомудрия и чистоты жег на огне свою руку, тот, кто сотворил многие чудеса и изгонял бесов, — тот сильно был разожжен блудною похотью, что, забыв страх Божий и свои многолетние постнические подвиги и посланную ему от Бога благодать и силу исцелений, будучи уже в маститой старости, был побежден диаволом и пал. Он изнасиловал девицу, растлил ее и свое девство и, осквернив тело и душу, погубил все свои прежние постнические труды. Не довольно было для него сделать один грех, и он прибавил к нему еще более тяжкий. Подобно тому, как поскользнувшийся с горы летит вниз, падая с камня на камень и разбиваясь, так случилось и со святым

Иаковом: совершив один великий грех, он впал и в другой больший и лютейший, усугубляя беззаконие беззаконием. Враг возбудил в нем страх, и он стал размышлять: девица теперь скажет своим родителям, что я насиловал ее и будет мне стыд и поношение, и я буду в большой беде из-за нее. Поддавшись наущению бесовскому, он убил неповинную девицу, думая скрыть от людей свой грех и избегнуть позора. Но и на этом не остановился, а еще более предался греху: ибо тело девицы, которое он осквернил и без милосердия убил своей рукой, не предал обычному погребению в земле, а бросил в реку. Таков плод горделивого самомнения, ибо если бы этот инок не считал себя святым и великим в добродетели, то не впал бы в такие лютейшие грехи и не поругался бы враг над старостью того, кто в юности некогда победил его ухищрения.

После этого диавол стал низводить Иакова, как связанного пленника, в последний ров погибели, в самый тяжкий из всех грехов, в Каиново и Иудино отчаяние. Старец, сидя в келии, не знал, что остается ему сделать. Сильно обличаемый совестью, воздыхая и предаваясь отчаянию, не смел он уже ни открыть уст для молитвы, ни обратить свой ум к Богу. Он задумал бежать в другую какую-нибудь отдаленную страну и, оставив иночество, поселиться в миру, и на старости служить миру и диаволу. Выйдя из пещеры, он быстро отправился в путь, гонимый и волнуемый отчаянием, как сильною морской бурей.

Но превеликая, безмерная и человеколюбивая благость Христова, которую не могут преодолеть грехи всего мира, хотящая, чтобы спаслись все люди и ни один из них не погиб, не оставила и этого старца погибшего, не допустила бесам до конца возрадоваться его погибели, но, по неизглаголанным своим судьбам, устроила ему восстание от падения и обновление. Ибо когда он отправился в путь, то на дороге увидел монастырь, войдя в который приветствовал игумена с братиею. Те предложили ему вкусить хлеба, но он не хотел и слышать об этом, и только часто и тяжело вздыхал. Когда же братия умоляли его подкрепиться пищею, он сказал им:

— Горе мне, окаянному! Как я осмелюсь поднять свои глаза к небу? Как дерзну призывать имя Христа, Коего я оскорбил? И как прикоснусь к Его дарам, будучи блудником и убийцей?

Вслед за тем он исповедал пред всеми по порядку все, что случилось с ним. Игумен и братия, услышав его исповедь, смутились и, сочувствуя ему, стали утешать, дабы он не предавался отчаянию, но, покаявшись, принял эпитимию за свои грехи. Долго они просили Иакова остаться у них, но он не послушал их и ушел в мир. Долго он странствовал по пустыне. Наконец, по произволению Божию, встретился ему некий боговдохновенный муж и просил старца свернуть с пути и войти к нему в его келию. Убедив Иакова, он привел его к себе, омыл его ноги и предложил ему пищу, какая у него была, прося вкусить ее. Но Иаков, обличаемый и мучимый своею совестью, часто вздыхал из глубины сердца и бил себя в грудь, не желая даже прикоснуться к пище. Тогда муж тот пал к ногам Иакова, утешал его и с клятвою сказал, что до тех пор не встанет с земли, пока старец не согласится вкусить предложенной пищи. Когда Иаков согласился, инок поднялся с земли, и они оба вкусили от трапезы, какая возможна в пустыне. По вкушении пищи оба встали, возблагодарили Бога и снова сели. Тогда пустынножитель сказал Иакову:

— Отец, дай мне наставление на пользу души, поучи меня, как сына твоего о Христе, и укрепи мое сердце, потому что меня часто и сильно смущают различные помыслы.

Иаков сильно зарыдал и, плача неутешными слезами и бия себя в грудь, сказал:

— Оставь меня, брат, плакать о своих тяжких грехах, коими я прогневал Бога; ибо я как бы слабый отрок, прельщенный диаволом, впал в погибель в этой моей суетной и бесчестной старости и теперь погиб совершенно. Я в старости побежден теми страстями, какие победил во дни своей юности: я впал в нечистое блудодеяние и более тяжкие грехи дерзнул сотворить.

Выслушав Иакова, пустынник исполнился сильной скорби и печали и стал просить старца, чтобы он подробно рассказал ему все диавольское искушение. Просил он сделать это по двум причинам: во-первых, дабы старец, исповедуя свои грехи, подвигнулся к покаянию, во-вторых, дабы он сам, выслушав историю падения старца, был научен осторожности и не впал в таковое же искушение. Тогда Иаков начал свое повествование.

— Я, — говорил он, — служил Господу в постничестве и в пустынном житии более пятидесяти лет, упорно сопротивляясь страстям, знамения чего имею даже на своем теле, ибо я сжег на огне ради целомудрия свою руку. И я, недостойный, сподобился получить великую благодать от благого Бога, ибо чрез меня грешного Бог сотворил многие чудеса. Наконец, сатана вошел в одну девицу, родители которой, услышав о бывшей во мне благодати Христовой, привели ее ко мне, чтобы я помолился о ней. При помощи Божией, я изгнал из нее беса. Они просили, чтобы их дочь осталась у меня в течение трех дней, до совершенного выздоровления, и, оставив ее у меня, ушли. Я же, разожженный плотским вожделением, помрачившим мой ум, забыв в то время о Боге, не убоявшись геенны, не пощадив своих многолетних трудов, насиловал девицу и растлил ее девство. И не довольно для меня было сотворить один грех, но, по наущению беса, дерзнул совершить и другой, более тяжкий, чем первый, ибо я убил ту девицу и бросил в реку ее тело. Отчаявшись в своем спасении, я бежал с того места и теперь иду в мир, ибо как я могу возвести свои глаза к высоте небесной? Если дерзну я призвать имя Христово, огонь небесный истребит меня.

Когда Иаков, проливая обильные слезы и горько рыдая, окончил свою исповедь, то пустынник умилился сердцем, и, упав на шею старцу, лобызал его и говорил:

— Умоляю тебя, отец, не изнемогай душевно, не отчаивайся в своем спасении, но с верою, что Бог внемлет покаянию, исповедуй Ему твои согрешения, ибо многомилостив Господь и милосердие Его к нам неизреченно. Если бы Бог не принимал покаяния, то как Давид, уже сподобившийся дара пророчества и впавший в грех прелюбодеяния и убийства, мог бы получить прощение таковым грехам? Как святой Петр, первоверховный апостол, коему Господь вручил ключи небесного Царства, троекратно отрекшийся от Господа во время Его вольного страдания, горьким плачем раскаяния мог не только получить прощение грехов, но и сподобиться великой чести быть пастырем словесных овец Христовых? Покаемся же, пока еще имеем для этого время.

Укрепляя этими словами душу Иакова, пустынник молил его, дабы он остался жить вместе с ним. Но Иаков не соглашался. Тогда

пустынник, припав к ногам старца и лобызая их, сильнее молил его, чтобы он не уходил от него, ибо опасался, как бы старец не погубил совершенно своей души, впав в отчаяние. Не будучи в состоянии умолить Иакова, пустынник сильно скорбел и плакал. Наконец, сотворив усердную молитву о нем к Богу, отпустил его, снабдив потребною в пути пищей, и провожал его пятнадцать стадий, все время убеждая покаяться. Затем, обняв Иакова и со слезами облобызав его, пустынник возвратился в свою келию. Иаков, пройдя значительное расстояние по дороге в мир, свернул немного в сторону и увидел старинную погребальную пещеру, где было множество костей, от времени уже превратившихся в прах. Войдя в ту пещеру, Иаков собрал все кости, положил их в одном из углов и поселился в пещере[1]. Преклонив колена, Иаков с великим плачем и рыданием, бия себя в грудь, стал пламенно молиться Богу, восклицая:

— Как я посмею обратиться к Тебе, Боже мой? Какое начало положу моему спасению? Как дерзну произносить молитву моим нечистым языком и оскверненными устами? Какому греху начну сначала просить прощение? Блуду или убийству? Преблагой Владыка, прости мои тяжкие грехи; будь милостив ко мне, недостойному, премилосердный Господи, и не погуби меня с моими нечестивыми делами, ибо велики мои беззакония: я впал в блуд, стал убийцею, пролив неповинную кровь, предав тело воде, зверям и птицам на съедение; ныне, Господи, я исповедую все грехи мои Тебе всеведущему, прося прощения. Не презри меня, Владыка, но по неизглаголанному человеколюбию Твоему помилуй меня, нечестивого и скверного, яви мне превеликую благость Твою и очисти все мои беззакония, дабы не потопил враг меня, уже погруженного в бездну греха, и змий преисподний не пожрал меня.

В таком исповедании своих грехов и покаянии блаженный Иаков пребывал в течение десяти лет, все время проживая в той погребальной пещере. И стал он как живой мертвец, живя среди мертвых и никогда не появляясь в среде живых. Если и случалось кому-нибудь приходить в то место, Иаков ни с кем не вступал в беседу, если кто спрашивал его о чем, не отвечал ни одного слова, отверзая свои уста только для молитвы к Богу и покаяния в своих грехах. Пищею ему

---

[1] Пещера эта находилась в Палестине, близ горы Кармильской.

служили травы, какие произрастали в тех пустынных местах, да и те вкушал он очень редко и немного, только чтобы не умереть с голоду. Так Иаков провел целых десять лет в непрестанных слезах, воздыханиях и молитвах, днем и ночью взывая с плачем к Богу, исповедуя свои грехи и без пощады бия себя в грудь.

Всещедрый и многомилостивый Господь, не желающий погибели грешника и ожидающий обращения его, не презрел столь долгого покаяния блаженного Иакова; услышав вопли его и исповедание грехов, простил ему согрешения и снова даровал благодать чудотворения. Случилось в той стране бездождие и сильная засуха. Все наложили на себя пост и молились, прося Бога послать на землю дождь. И было откровение епископу того города, добродетельному и святому. В этом откровении ему было сказано: «Если святой старец, живущий в погребальной пещере, помолится за вас Богу, то прекратятся все бедствия ваши и прольется плодоносный дождь».

Епископ на другой день собрал клир и весь народ и поведал бывшее ему откровение. С крестным ходом и молебным пением тронулись все к той пещере. Придя к ней, епископ и весь народ стали стучаться в затворенные двери и молить Божия угодника, дабы он, милосердовав об их стране, помолился Богу, чтобы Он отвратил от них Свой праведный гнев и прещение и прекратил засуху, ниспослав на землю дождь. Но блаженный ничего не отвечал им из пещеры, не смея возвести свои глаза к небу; он только бил себя в грудь и говорил мысленно:

— Будь милостив, Христе, ко многим и тяжким моим согрешениям!

Епископ же долгое время усердно стучался и молил Иакова; но, не получив никакого ответа от него, возвратился со всеми пришедшими с ним, скорбя и плача. Войдя в церковь, все снова совершили молебное пение, проливая слезы. Между тем буря еще сильнее стала свирепствовать, а вместе с нею и сильная засуха и голод; поэтому люди еще усерднее стали молиться Богу, усугубив свой пост и молитвы. Тогда епископу снова было откровение, во время коего он ясно слышал голос, говорящий так: «Пойди к рабу Моему Иакову, о котором Я прежде возвестил тебе, и, если он помолится Мне о вас, вы тотчас избавитесь от обрушившихся на вашу страну бедствий».

После этого откровения епископ опять со всем клиром и народом пошел к пещере и усердно умолял раба Божия, даже докучая ему, чтобы он сотворил молитву о них; затем насильственно открыл дверь и вывел оттуда святого. Блаженный Иаков, хотя и не желал, возведя свои глаза к небу и подняв кверху руки, долгое время молился об этих людях. И молитва еще была на устах его, как вдруг на землю пролился обильный дождь, а буря прекратилась. Ибо Господь исполнил моление боящегося Его и услышал его просьбу, самым делом являя то, о чем пишется в пророчестве: *Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «вот Я!»* (Ис. 58, 9). Епископ и весь народ, удивленные и вместе обрадованные этим преславным чудом, воспевали Богу благодарственную песнь в веселии и с торжеством, и много почтили Его святого угодника Иакова. А тот день, в который, по молитвам святого Иакова, они были избавлены от бедствий и получили милость Господню, установили праздновать во все годы.

Преподобный Иаков после этого получил откровение, что Бог принял его покаяние и простил его грехи. Поэтому он снова начал, по благодати Христовой, совершать многие чудеса, ибо все приводимые и приносимые из всей той страны больные, одержимые каким-либо недугом, тотчас получали исцеление, а бесы были прогоняемы словом святого. Спустя немного времени Иаков сотворил еще большие чудеса, нежели какие творил до согрешения.

В тот же год, когда он испросил у Бога дождь, Иакову была возвещена и кончина его. Призвав епископа, святой завещал ему, дабы по смерти тело его было погребено в той пещере, где он жил. После этого спустя несколько дней блаженный Иаков почил о Господе, и водворилась его святая душа во благих Господа своего вместе со святыми, угодившими Богу покаянием. Прожил Иаков от рождения своего семьдесят пять лет. О кончине святого тотчас стало известно во всей стране, и на погребение его стеклось отовсюду великое множество народа — со свечами, кадильницами, курениями и ароматами; прибыл и епископ со всем клиром, и с пением подобающих песнопений, помазав многоценными ароматами святое тело Иакова, с честью погребли его в той пещере, как и завещал сам святой Иаков пред своей кончиной епископу. Спустя немного времени епископ построил церковь во имя этого святого Иакова недалеко от

пещеры, где он жил, и, взяв честные мощи его из пещеры, перенес их в церковь и установил праздновать во все годы святую память честного угодника Божиего преподобного отца нашего Иакова, во славу Христа Бога, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

В тот же день **память святого Григория**, епископа города Констанции, на острове Кипре, скончавшегося в мире.

В тот же день **преставление святого благоверного князя Московского Даниила** Александровича, в 1303 году.

В тот же день **убиение** татарами **блаженного князя Василия** (Василька) Константиновича Ростовского, в 1238 году.

День пятый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА КОНОНА ИСАВРИЙСКОГО

Святой апостол языков[1] Павел, во время одного из своих благовестнических путешествий[2], просветил жителей города Исав-

---

[1] Святому апостолу Павлу усвоено название «апостола языков» за его великие проповеднические труды, во время которых он пронес Евангелие от глубины Азии до Рима и даже, по преданию, до Испании и Британии.

[2] После своего обращения из гонителя христиан в самоотверженного последователя Христова, святой апостол Павел всю жизнь свою провел в миссионерских трудах. Свое *первое* путешествие с проповедью Евангелия апостол начал из Антиохии, где он вместе с Варнавою Святым Духом был вызван на великое дело благовестия (Деян. 13, 1–3): взяв с собою Иоанна Марка, апостолы, посетив Кипр, пришли в Малую Азию, и здесь в Антиохии Писидийской, в Иконии и Ликаонских городах Листре и Дервии многих просветили учением Христовым, подвергаясь непрестанным гонениям со стороны иудеев (Деян. 13, 4–52; 14). *Второе* путешествие святой апостол Павел предпринял вместе с Силою после апостольского собора (51 г.) в Иерусалиме (Деян. 15): посетив основанные ранее церкви, апостол Павел с успехом проповедовал в Македонии и Греции, основав знаменитые церкви в Филиппах, Солуне, Берии, Афинах и Коринфе; в последнем он пробыл полтора года (Деян. 15, 36–41; 16, 17 и 18). *Третье* путешествие апостол опять начал из Антиохии: снова посетив устроенные им церкви, апостол прибыл в Ефес, где проповедовал более 2 лет; затем он опять прошел Македонию и Грецию и возвратился в Иерусалим. Здесь был схвачен и после двухлетнего томления под стражей в Кесарии отправлен был в Рим, где жил два года, невозбранно проповедуя Царствие Божие (Деян. 18–22). Предание говорит, что апостол, оправдавшись пред судом Кесаря, снова отправился в *четвертое* путешествие с проповедью Евангелия, дойдя до границ Запада (Евсевий и Климент Римский), и, по вторичных узах в Риме, мученически скончался в царствование Нерона.

рии[1] светом истинной веры в Господа нашего Иисуса Христа. В это же время в селении Вифании, находившемся в восемнадцати стадиях[2] от города Исаврии, жил один человек, по имени Нестор, с женою Надою. У них родился сын Конон.

Когда отрок вырос, родители задумали его женить и обручили с красивою девицей Анной. Но еще раньше того Конону явился в виде светлого мужа святой Архистратиг Михаил. Научив Конона истинной вере, Архистратиг повел Конона на реку, крестил его во имя Пресвятой Троицы, причастил Божественных Таин, а затем, осенив его крестным знамением, стал невидим. С того времени отрок исполнился Святого Духа, а Архистратиг Михаил невидимо всегда пребывал с ним. В день брака жених с невестой при общем веселии были отведены в брачный чертог. Здесь Конон покрыл сосудом зажженную свечу и спросил девицу:

— Что лучше — тьма или свет?

Девица отвечала:

— Свет, конечно, лучше тьмы.

Тогда святой Конон открыл свои исполненные Божественной благодати уста и стал убеждать невесту сохранить свое девство и чистоту жизни и веровать во Христа, истинного Бога.

— Это и есть, — говорил он, — свет немерцающий, а плотская жизнь и языческая нечестивая вера — тьма.

---

[1] *Исаврия* — небольшая, скрытая в горах местность древней Малой Азии, граничившая на востоке с Ликаонией, на севере — с частью Фригии, на западе — с Писидиею и на юге — с гористой Киликиею.

[2] *Стадий* — древняя мера расстояния около восьмидесяти или немного более сажен.

Девица имела доброе сердце, так что семена Слова Божия пали на хорошую почву, и невеста скоро согласилась во всем со своим женихом. Она уверовала во Христа и дала обет сохранить навсегда свое девство. Так эта святая чета жила в девственной чистоте, как брат с сестрой, или, лучше сказать, как два Ангела Божии, подобно Серафимам горя любовью к Богу и Ему единому угождая. Прошло еще немного времени, и блаженному Конону удалось убедить и родителей своих оставить идолопоклонство и обратиться ко Христу. Конон крестил отца своего, мать и невесту, и все они, наставляемые и поучаемые святым Кононом, угождали Богу. Отец Конона, блаженный Нестор, сподобился и мученического венца, быв умерщвлен идолопоклонниками за обличение их заблуждений. Спустя немного времени и мать святого, блаженная Нада, с миром отошла ко Господу, а за нею и святая дева Анна, обрученница Конона, переселилась в нетленный чертог небесного Жениха Христа. Всех их святой Конон предал честному погребению в одном месте.

Оставшись одиноким, Конон продолжал жить для Бога, упражняясь в богомыслии, умерщвляя свое тело постом, трудами и всенощными молитвами. За свои подвиги он удостоился благодати Святого Духа, которая, как некое сокровище, долго таилась в нем и обнаружилась уже во время старости святого Конона. Это было так.

В той стране, в пустынном месте, в непроходимых горах была пещера, страшная и темная. В пещере было идольское капище, где стоял громадный каменный идол нечестивого бога Аполлона[1], которого особенно почитали в Исаврийской стране. У исаврян был обычай каждогодно собираться там в день празднования Аполлону для жертвоприношения и совершения богомерзкого праздника. Когда наступил день этого праздника и все жители города собрались идти в капище, находившееся в пещере, святой Конон, подвигнутый Духом Божиим, пришел в город. Увидав множество вооруженного народа, на конях, и пеших, как бы приготовившихся на сражение, он громким голосом закричал им:

---

[1] *Аполлон* — бог древних греков и римлян, почитался богом света, в особенности солнечного, также умственного просвещения, поэзии, музыки, богом-прорицателем, врачевателем болезней и хранителем гражданского порядка.

— Мужи исаврийские, подождите немного, я хочу вам сказать слово. Зачем вы вооружены? Разве на вашу страну напало внезапно неприятельское войско и вызывает вас на битву?

Народ отвечал Конону:

— Нет, но мы идем принести жертву богу Аполлону и совершить ему празднование.

Святой Конон вновь спросил их:

— Я хочу узнать от вас, кто этот Аполлон и какова его власть?

Люди отвечали:

— Он — наш промыслитель, дарует нам все блага; он укреплял и наших отцов, от которых мы и приняли обычай праздновать ему.

Тогда святой, смеясь над ними, предложил им такой вопрос:

— Слышали ли вы когда-нибудь голос или какое-нибудь слово своего бога?

Они отвечали:

— Нет! Но наши отцы заповедали нам веровать в него.

Святой Конон на это сказал им:

— Ваши отцы, как бессловесные животные, сами находились в прельщении, не ведая истинного Бога; ибо если бы они знали Его, то не оказывали бы такого почитания глухому, немому и скверному идолу. Дайте мне власть над вашим богом, и я покажу вам, кого вы почитаете, кто этот ваш бог. Если я вымажу его краскою, сможет ли он вымыться? Если разобью его железным молотом, сможет ли он снова оказаться в целости? Если дам ему есть, протянет ли он руку, чтобы взять пищу и начать есть?! Доколе вы будете безумствовать. Послушайтесь меня, ибо я из вашего же города, но чужд ваших дел; оставьте идолопоклонство, и я научу вас, как надобно почитать истинного Бога и поклоняться Седящему в вышних. Этот Бог невидимый, но всевидящий, Творец неба и земли, и моря, и всего, что в них, Царь крепкий и всемогущий, спасающий рабов Своих и погубляющий Своих врагов, тех, кто поклоняется идолам и приносит жертвы бесам. Этот Бог не требует кровавых жертвоприношений, но хочет, дабы приходящие к Нему познавали Его без злобы и лукавства и веровали, что Он есть истинный Бог, Отец Единородного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, не разлучающегося от Отца, Который чрез Него сотворил веки; с Ними царствует и вечный Дух Святой от Отца исходящий. Это три лица по существу Един

Бог, попаляющий огнем ненавидящих Его идолослужителей, но любящий любящих Его; милосердию Его нет предела, ибо Он милостив ко всем возлагающим надежду на Него и с верою призывающим имя Его.

Народ пришел в волнение от этих речей святого, и среди него произошел большой шум: одни бросились на святого, чтобы его убить, другие их удерживали, не давая поднять на него рук, ибо желали услыхать от него еще что-нибудь. Когда народное волнение несколько утихло, некоторые из народа спросили святого:

— Чем ты можешь убедить нас, что есть Бог выше нашего бога Аполлона, которого мы почитаем более всех других богов; покажи нам какое-нибудь знамение от твоего Бога, дабы мы уверовали в Него.

Святой Конон, услышав, что просят знамения, возложил свое упование на Бога и сказал народу:

— Вот, многие из вас на конях, и немало пеших людей, молодых и сильных юношей. Пойдемте же все к пещере Аполлона, на место вашего собрания, вы впереди, а я, как старик, буду следовать за вами, и дадим друг другу слово, что кто из нас придет раньше, того Бог велик и истинен, и Ему и подобает веровать. Если одни из вас на конях, другие, сильные и молодые, пешком опередите меня, старого и слабого телом, и достигнете прежде меня Аполлонова капища, то ваш бог поистине Бог. Если же я, старик, пешком скорее вас приду туда, то мой Бог больше вашего бога и вы должны будете уверовать в Него.

Все одобрили его речь и согласились на предложенное им условие, говоря между собой:

— Этот старик в четыре дня не сможет дойти туда: путь далек и неудобен, так как тянется среди высоких гор и глубоких долин, покрытых густым кустарником.

После того все поспешили к пещере: одни — надеясь на своих коней, другие — на свои ноги, — а святой Конон пошел за ними, двигаясь с трудом. Дорогою он горячо помолился Богу, и тотчас пред ним предстал святой Архистратиг Михаил, взял его и в одно мгновение перенес на то место, куда все стремились. Людей же, спешащих на конях и пешком, Архангел невидимою силою привел в смятение,

и они блуждали по горам и дебрям, и люди и кони падали с горных высот и разбивались, и весь день и всю ночь они не могли добраться до Аполлоновой пещеры, и даже не были уверены, по тому ли пути они идут. Утром неожиданно для них вышел им навстречу святой Конон. Увидав его, народ пришел в великое изумление. Святой же, смеясь над ними, спросил:

— Отчего вы не могли прийти скорее? Я долго ждал вас и решил идти к вам навстречу.

Люди, сильно измученные, рассказали святому все, что с ними случилось, и умоляли его показать им дорогу к Аполлонову капищу. Тогда святой Конон пошел впереди их и, приведя их к пещере, сказал им:

— Вот, я исполнил свое условие и пришел сюда прежде вас. Теперь вы должны признать, что мой Бог велик, и — уверовать в Него, а вашего бога предайте в мои руки, и я воздам ему за то, что он до сих пор прельщал вас.

Но они кричали святому:

— Нет, не возлагай вины на нашего бога и не мсти ему: мы сами виноваты, что замедлили прийти: мы заблудились в пути и потому не могли исполнить условленного.

Такой ответ сильно разгневал святого, и он сказал им:

— Если вы и теперь не уверовали в моего Бога, а продолжаете верить своему идолу, то исполните ли то, что он сам вам возвестит?

Они все отвечали:

— Если воистину мы услышим голос бога нашего, то немедленно исполним его слово, ибо без сомнения веруем в него.

И снова заключили со святым уговор, и дали слово тверже первого, что поверят всему, что скажет их бог. Тогда святой, став пред пещерой, где находилось капище Аполлона, громким голосом воззвал к идолу:

— Идол! Тебе говорю: так повелевает Господь мой Иисус Христос, выйди из капища и приди сюда ко мне.

И тотчас бездушный истукан, как живой, закачался, упал со своего места и, катясь по земле, прикатился ко святому и, поднявшись с земли, стал пред ним. Все множество народа пришло в сильный ужас и с громкими криками устремилось в бегство. Свя-

той Конон махал им рукою, уговаривал их не бояться и едва остановил их. Успокоив их, он снова обратился к идолу, и все стали внимательно смотреть, что еще произойдет. А святой стал спрашивать идола:

— Скажи нам, бездушный истукан, кто истинный Бог, ты ли или проповедуемый мной Господь мой Иисус Христос?

Тотчас каменный идол с трепетом простер свои руки к небу и громко человеческим голосом произнес:

— Един истинный Бог, проповедуемый тобой Христос.

Сказав так, идол упал и рассыпался. Видя это чудо, весь народ воскликнул:

— Един истинный Бог, Бог Конона: Он победил.

И множество народа уверовало во Христа и, разбив идолов, приняло святое крещение. Иные же ожесточенные остались в прежнем неверии и сильно скорбели о гибели Аполлонова идола. Но впоследствии, видя много различных чудес, совершаемых святым Кононом, уверовали во Христа и остальные язычники той земли.

В той же исаврийской стране, в другой пещере, находившейся также в пустынном месте, обитал страшный бес. Он, как воин или разбойник, нападал на проходивших мимо людей и животных и умерщвлял их. Исавряне приносили ему множество жертв, умоляя его не делать им вреда и не умерщвлять их, но их мольбы не приносили им пользы, а служили еще к бóльшей погибели. Тогда собралось множество людей, верующих и язычников, и они все вошли к святому Конону и усердно молили его, чтобы он прогнал беса из их страны. Верующие молили, нисколько не сомневаясь в силе Христовой, содействующей святому Конону; язычники же коварно искушали святого Конона, ибо сами думали, что он не сможет изгнать свирепого беса, а напротив — бес умертвит его. Снисходя к мольбам исаврян, святой Конон отправился, сопровождаемый множеством народа. Он подошел к самой пещере, где обитал бес, народ же с трепетом стал в отдалении. Обратясь лицом к пещере, святой именем Христовым повелел нечистому духу выйти из пещеры, в виду всего народа. Бес извнутри воззвал к святому, прося его, дабы он разрешил ему выйти невидимо, чтобы люди не видали его мерзкого об-

раза. Но святой с угрозой повелел ему явиться пред всеми. Тогда бес на глазах у всего народа вышел из пещеры в виде страшной трясущейся женщины. Святой, запретив бесу причинять кому-либо вред, отослал его в геенну[1]. Тотчас бес сделался невидим, а весь народ воскликнул:

— Велик Бог Конона!

Множество язычников уверовало во Христа. А святой Конон, довольно поучив народ вере в истинного Бога, возвратился в город. Народ сопровождал его с радостным пением; святой сам начинал пение, а народ подпевал, прославляя Христа истинного Бога. Возвратясь, святой Конон поселился в своем селе, в доме отца, совершая чудеса, исцеляя всякие болезни с верою приходящих к нему и изгоняя бесов, над которыми дана была ему от Бога власть.

Один из знатнейших жителей Исаврии был обокраден ворами, которые унесли у него множество золота. Многие были оклеветаны в этом воровстве и преданы мучениям: невинных держали в оковах и в темницах, но золото не находилось. Тогда к святому Конону пришел тот, у кого украли, и родственники невинно оклеветанных и томившихся в заключении, и, припадая к ногам святого, молили, чтобы он просил Бога помочь найти украденное золото. Святой, сожалея об оклеветанных и страдающих невинно, согласился исполнить просьбу граждан. Он отправился в город. Здесь, став на площади, он поднял к небу свои руки и усердно молился Богу, до тех пор, пока Бог не открыл ему, где спрятано украденное золото. Взяв многих из народа, святой Конон пошел с ними за город и, пройдя довольно большое расстояние по пустыне, подошел к одному камню. Под камнем оказалось скрытое ворами золото; святой Конон велел пришедшим с ним взять золото и отнести его в город. Весь исаврий-

---

[1] *Геенна* — Γέεννα — есть греческое воспроизведение еврейского слова, означающего: *долина Еннома* или «сынов Еннома»; под этой долиной разумеется глубокая, узкая горловина, где иудеи некогда приносили своих детей в жертву Молоху (4 Цар. 24, 10; Иер. 7, 11). В позднейшие времена она служила местом свалки для всякого рода нечистот, причем для уничтожения последних здесь постоянно поддерживался огонь: поэтому долина Еннома сделалась символом места вечных мучений. В этом именно смысле, в смысле *ада*, и употребляется слово *геенна* в Новом Завете (Мф. 5, 24–40; 10, 28; 18, 9; 23, 15; Лк. 9, 43, 45; Лк. 12, 5; Иак. 3, 6).

ский народ сильно дивился и прославлял Бога. Когда же тот, у кого было украдено золото, пожелал узнать, кто были воры, и вопросил об этом Конона, то святой ответил ему:

— Возьми свое золото и будь доволен тем, что оно возвращено тебе без ущерба, томящихся же в заключении освободи.

Тот так и поступил. Слух об этом чуде прошел по всей стране, многие обратились к Богу, и день от дня росла и умножалась Христова Церковь.

Спустя несколько времени святой Конон, пребывая в своем доме в безмолвии, увидел множество бесов, ополчившихся на него. Все бесы, жившие на острове и изгнанные из людей и из идольских капищ, вооружились против святого. Увидав бесов, святой именем Иисусовым связал их, так что они не могли двигаться. Тогда бесы стали молить Конона, чтобы он не посылал их в бездну, но пусть повелит им сделать, что ему угодно. Святой, запретив им делать вред людям, послал их на различные работы: одним велел копать в огородах землю и вырывать худые травы, терновники, крапиву, другим — вспахивать нивы и сеять на них, иным — стеречь плоды, кому — пасти стада и охранять их от зверей, кому — колоть дрова и носить воду, и исполнять всякую домашнюю работу. Бесы, как рабы и пленники, служили блаженному Конону до тех пор, пока ему было угодно, исполняя с усердием всякое указанное им дело, ибо, связанные непобедимою силою Божией, они были порабощены Божию угоднику.

Случилось, что ночью на дом святого напали разбойники, надеясь найти у него богатую добычу, ибо он был славен по всей той стране.

Связав святого, разбойники хотели пытками заставить его указать место, где спрятано у него золото. Они уже начали его мучить, как вдруг, по повелению Божию, явились служащие святому бесы, схватили разбойников и немилосердно били их; потом развели огонь в печи и стали опалять их тела, а святого освободили из уз. Святой, смилостивившись над разбойниками, запретил бесам, и те прекратили истязания над разбойниками, которые были едва живы. По молитве святого, разбойники пришли в себя, и блаженный отпустил их с миром, дав им заповедь оставить свои разбои. Бесы не

только освободили святого Конона от разбойников, но по Божиему произволению даже оберегали честь его имени. Ибо если кто-либо из неверующих исаврян дерзал хулить Конона, тотчас на таковых невидимо нападали бесы, и били, так что имя Конона для всех стало предметом почитания и страха. Однажды двое идолопоклонников вспомнили о Кононе и стали поносить его дурными словами. Тотчас же на них напали бесы, били их, протащили по дороге за волосы и повергли хулителей к ногам святого. После того у всех неверующих страх пред Кононом так был силен, что они не дерзали даже помыслить что-нибудь худое про святого Конона. Однажды какой-то человек проник в сад Конона, с намерением украсть яблоки. Но невидимые стражи схватили его, избили и вместе с ослом и мешком, наполненным плодами, привели к святому. Святой дал ему наставление и, заповедав более не красть, отпустил с миром.

Одна бедная вдова, во время жатвы пришла на поле и ходила за жнецами, подбирая оставшиеся колосья. На руках у нее был малолетний единственный ее сын. Вдруг выбежал из леса волк, выхватил ребенка из рук матери и унес его в пустыню. Народ погнался за ним, но догнать волка и освободить дитя из его пасти не мог. Огорченная женщина пришла к святому чудотворцу Конону, плакала и, припадая к ногам его, поведала ему свое горе. Он тотчас дал повеление своим невидимым рабам, и те в одно мгновение схватили волка, державшего ребенка в зубах, и поставили пред святым. Святой возвратил матери ее сына живым и невредимым, а волку велел уйти в свое место.

Не все бесы были, однако, связаны словом святого; и вот некоторые из них начали наводить на жителей той страны различные болезни, а всего больше оспу. Святой, уразумев козни бесовские, помолился Богу и тотчас получил власть и над этими бесами. Собрав их всех, он запретил им, и одних прогнал в пустыню, других отослал в бездну, а иных связал и заключил в тридцати залитых оловом глиняных горшках, и, запечатлев их крестным знамением, зарыл в землю под своим домом.

В то время настало гонение на христиан, и в Исаврию прибыл с царским указом воевода, по имени Магдон. Воевода прежде всего

замучил до смерти святого Онисия в селе Усорове. Потом был взят и святой Конон. Его подвергли многим и жестоким мучениям, принуждая принести жертву идолам. Исавряне, услышав, что воевода предал мукам святого Конона, собрались во множестве с оружием и отправились к селению Усорову, чтобы умертвить воеводу. Узнав о их намерении, воевода со своими слугами сел на коней и бежал из пределов той страны. Исавряне гнались за ним, но не могли догнать его. Найдя святого мученика Конона связанным и покрытого ранами по всему телу и окровавленного, они развязали его и плакали о нем. Отирая его кровь, они мазали ею свои тела, желая получить освящение от крови святого, и с умилением лобызали язвы, принятые им за Христа. Святой мученик сильно скорбел и болел душою, что ему не дали пострадать до конца, ибо он желал умереть в мучениях за своего Христа. После этого верующие отвели святого в его отеческий дом, в селе Вифании, и приложили все заботы, чтобы излечить его раны. Через два года после страданий святой Конон преставился к Богу. Жители всей исаврийской страны собрались и плакали о святом. Его погребли вместе с блаженными родителями и со святою его невестою, до конца жизни сохранившею непорочное свое девство.

После погребения святого Конона исавряне задумали обратить дом мученика в церковь. Когда начали рыть землю для фундамента, то нашли в земле тридцать глиняных сосудов, в коих святой Конон заключил бесов. Не зная, что находится в тех сосудах, но предполагая скрытое в них золото или серебро, нашедшие обрадовались и разбили один сосуд. Тотчас вышли из него бесы в виде густого и смрадного дыма и, помрачив воздух, произвели страшный вихрь. Все люди пришли в ужас, — некоторые попадали от страха, а некоторые бежали оттуда. Бесы же летали по воздуху и, производя большой шум, призывали друг друга по именам. Все в том селении пришли в сильный ужас, так что никто не осмеливался после солнечного заката выходить из своего дома, ибо ночью являлись многие бесовские страшилища и пугали людей и животных, — что на время было допущено Богом в наказание сребролюбивым людям, ожидавшим найти в сосудах сокровище. По молитвам святого Конона, были прогнаны бесовские привидения. Прочие двадцать

девять сосудов, заключавшие в себе бесов, были зарыты под церковью святого Конона. Его святыми молитвами да пребудем и мы всегда невредимы от бесов, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа — Единого Бога в Троице, вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
КОНОНА,
по прозванию огородника

Святой Конон жил в царствование Декия и был родом из Назарета Галилейского. Отсюда он переселился в Памфилию, в город Мандон (или Магидо), и здесь на месте, называемом Кармена, устроил для себя огород, плодами коего и питался. Он был человек добрый, незлобивый и простосердечный. Хотя он и не был обучен грамоте, но проводил богоугодную жизнь. Когда услыхал о нем игемон Публий, пришедший в город для преследования христиан, тотчас послал воинов взять его. Посланные пришли к Конону и, в насмешку, приветствовали его добрыми словами. Конон с радостью отвечал на их приветствие и любезно принял их. Тогда воины сказали ему:

— Тебя зовет игемон Публий.

Святой отвечал:

— Какое может быть у него дело до меня? Ведь, я — христианин. Пусть лучше зовет он к себе своих единомышленников.

Воины связали святого Конона и привели к игемону. Когда его стали принуждать, чтобы он принес жертву идолам, он, сокрушаясь в глубине сердца об ослеплении и заблуждении неверующих и укоряя игемона в нечестии, остался непоколебим в исповедании веры во Христа. Тогда в ноги его набили железных гвоздей и гнали пред колесницею игемона до тех пор, пока святой страдалец

пал от изнеможения на колени, и с молитвой на устах предал душу свою Господу.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ИСИХИЯ ПОСТНИКА

Великий угодник Божий Исихий с самых малых лет был наставлен и воспитан в добродетели. Отрекшись от пристрастия ко всем земным благам, он непрестанно помышлял о вечных благах горнего Сиона. Ради этого он оставил свой родной город Адрапу и удалился в пустыню близ Адрании[1].

Для того, чтобы подвизаться в уединении, святой восхотел поселиться на горе, называемой Майонис; но бесы, обитавшие здесь, предвидя свое изгнание с горы святым и не желая допустить святого на гору эту, вошли в некоторых двух человек, Иоанна и Илариона, и, встретив угодника Божия, спросили его:

— Куда ты идешь?

Узнав о намерении его, они сказали ему:

— Разве ты не знаешь, что это место весьма опасное? Ты идешь на верную смерть, потому что здесь обитает множество плотоядных зверей; кроме того, здесь же живут и разбойники, так что ты и одного дня здесь не проживешь.

Святой, уразумев духом, что это были слова не людей, а бесов, сказал:

— По множеству грехов моих, я давно достоин смерти; потому и пойду, чтобы умереть или от зверей, или от разбойников.

Сказав это, святой сотворил молитву и, отогнав силою креста нечистых бесов, продолжал путь свой. Взойдя на гору, святой выбрал себе место, выстроил келию и начал подвизаться в постнических трудах; устроил также святой здесь и сад и, возделывая его и сея семена, питался от труда рук своих.

---

[1] *Адрапа* (или *Антрапа*) — город в одинаковом расстоянии от Анкиры Галатийской и Амасии, иначе Клавдиополь. *Адрания* — приморский город (по-турецки Едренос) в Вифинии.

Случилось раз, что налетело на сад святого множество птиц, которые поедали злаки и семена и уничтожали труды святого. Тогда святой обратился с молитвою к Богу, и тотчас птицы, вкусившие от трудов его, падали на землю и, не будучи в состоянии летать, лежали, распростерши крылья, на земле; все те птицы, которые касались семян, не могли уже подняться на воздух, но, как бы пораженные некою отравою, валялись на земле; и место это наполнилось множеством птиц, лежавших на земле.

Спустя некоторое время святой, сжалившись над птицами, выйдя из келии, сказал им:

— Удалитесь отсюда и не съедайте более трудов иноческих.

Как только святой изрек эти слова, тотчас же все, бывшие на земле, птицы полетели кверху и с тех пор уже более никогда не приближались к саду святого.

Найдя в некоей долине источник воды, преподобный выстроил здесь небольшую церковь во имя святого апостола Андрея, где и пребывал в богомыслии с учениками своими.

Однажды к святому привели бесноватую отроковицу, родители которой, упав к ногам святого, умоляли его, чтобы он изгнал духа нечистого из дочери их. Преподобный, помолившись Богу, тотчас изгнал беса из отроковицы, а родителям ее сказал:

— Так говорит Дух Святой: на месте этом по смерти моей будет монастырь святых жен постниц, молитвы коих отгонят отсюда все полки бесовские.

Это пророчество святого сбылось в свое время.

Однажды, выйдя из келии, преподобный увидел некоего человека с тяжело нагруженным возом. Воз везли волы, и один из них споткнулся, пал на землю и не мог подняться на ноги. Человек тот старался поднять его, но не мог; упавший вол оставался недвижимым, как большой камень; изнемогший от труда, человек тот начал плакать.

Увидев это, преподобный сжалился над ним и, подойдя к волу, погладил его по шее и сказал бессловесному, как бы понимающему слова:

— Встань, ленивый, и продолжай путь свой, чтобы не сделаться тебе орудием злобы вражьей.

Сказав это, святой осенил вола крестным знамением. И тотчас вол поднялся и спокойно потащил тяжелый воз. Человек тот весьма удивился происшедшему и, поклонившись святому, поблагодарил его и с радостью продолжал путь свой.

Святой день ото дня устремлялся к бóльшим подвигам и восходил к более совершенным добродетелям, так что сподобился быть собеседником Ангелов. От Ангела Божия он узнал и о своем преставлении за тридцать дней до смерти. Готовясь к исходу, святой исполнился великой радости.

Пред кончиной своей святой призвал к себе живших с ним учеников и много поучал их. В полночь внезапно облистал с неба свет, осиявший не только келию святого, но и все то место; преподобный же, с радостью сказав: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой», отошел в небесные селения[1].

Святое и честное тело его погребено в вышеупомянутой церкви в честь святого апостола Андрея, в каменной раке, пред святыми вратами.

Впоследствии честные мощи святого были перенесены Феофилактом, епископом Амасийским, в город Амасию[2] и положены по правую сторону алтаря, в 792 году, в царствование Константина и Ирины[3]. А на том пустынном месте, где подвизался преподобный, был построен женский монастырь, как предсказано было святым.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
МАРКА ПОСТНИКА

Этот святой подвижник превзошел всех иноков постническою жизнью своею. Предавшись вместе с тем изучению Божественных Писаний, он достиг совершенства в добродетели, как свиде-

---

[1] Кончина святого последовала около 790 года.

[2] *Амасия* находится в северной части Малой Азии, на берегу Черного моря.

[3] *Константин VI Порфирородный*, император Византийский, царствовал с 780 по 797 год, а *Ирина* — с 797 по 802 год.

тельствуют о том написанные им поучения[1], и совершил много чудес. Душевная чистота преподобного была так велика, что монастырский пресвитер, как сам с клятвою свидетельствовал, никогда не преподавал ему Божественных Таин своею рукою, но всякий раз, когда он приступал к святому Причащению, то принимал святые Дары от Ангела, который держал лжицу и сам причащал его. Слуга преподобного говорил, что никогда не видел, чтобы он плюнул когда-либо на землю, такова была его кротость. Преподобный пребывал в иноческом звании сорок лет и нес подвиг поста в течение шестидесяти лет[2]. Ста лет от роду он отошел ко Господу[3].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **ЕВЛОГИЯ**

Святой мученик Евлогий был родом из Палестины. Родители его были люди неверующие. По смерти их, святой роздал нищим доставшиеся ему в наследство богатства, а сам, обнищав ради Христа, стал обходить, как странник, страну Палестинскую, поучая неверных и обращая их ко Христу. Будучи оклеветан пред правителем той страны, святой претерпел многие мучения, так как не соглашался принести жертвы идолам. Наконец ему усечена была глава.

Память святого **мученика Онисия**, жившего и пострадавшего в одно время с мучеником Кононом Исаврийским.

---

[1] Преподобный Марк изучил слово Божие так совершенно, что знал все Священное Писание наизусть, был слушателем святого Иоанна Златоустого и написал много поучительных слов. Слова эти изданы в русском переводе в 1858 году.

[2] Полагают, что преподобный Марк принял иночество, будучи сорока лет от роду, и шестьдесят лет подвизался в иноческой жизни. Местом подвигов его была Нитрийская гора, расположенная в нижнем Египте в семидесяти верстах к югу от Александрии и на запад от реки Нила, близ Ливийской пустыни.

[3] Преподобный скончался около половины V века.

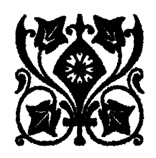
Память святого **мученика Евлампия**, мечом усеченного.

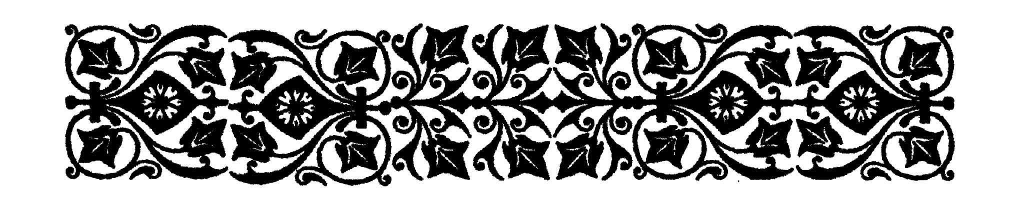
ꕥꕥꕥ

Память святой **мученицы Ираиды**, время и место кончины неизвестны.

ꕥꕥꕥ

Перенесение мощей святого благоверного **князя Феодора** Смоленского и Ярославского, и чад его, **Давида и Константина**, в соборную церковь Спасо-Ярославского монастыря. Память святых — 19 сентября. Мощи обретены в 1463 году.

День шестой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
КОНОНА и сына его КОНОНА,
в Иконии пострадавших

В царствование нечестивого Аврелиана[1] в городе Иконии[2] жил человек по имени Конон. Он был красив лицом и богобоязнен. Жена Конона имела также твердую веру в Господа. Оба супруга горели любовью к горнему отечеству и искали более небесных почестей и славы, нежели земных. В продолжение долгого времени они молились Богу, дабы Он даровал им сына. Господь услышал их молитвы и послал им сына, коего они назвали также Кононом. Мать в самый день рождения младенца отошла ко Господу, имея твердую надежду на спасение, по слову апостола: *впрочем спасется через чадородие* (1 Тим. 2, 15). Сам блаженный Конон проводил все дни и ночи в молитвах. Когда исполнилось сыну семь лет, Конон роздал все, что имел, нищим и, взяв отрока, ушел в монастырь, где и проводил иноческую жизнь. Господь даровал ему благодать, так что он слепым давал прозрение, прокаженных очищал, изгонял бесов и исцелял различные болезни и творил много преславных чудес.

Река, протекавшая в Иконии, весною бывала очень полноводна, выходила из берегов и причиняла много бедствий жителям той страны, затопляя их нивы, сады и дома. В одно из таких наводнений река затопила гораздо больше селений, нежели обыкновенно. Ико-

---

[1] *Аврелиан*, римский император, царствовал с 270 по 275 год.

[2] *Икония* — город в Малой Азии, ныне Кония.

нийские жители пришли к человеку Божию Конону и, припадая к ногам его, молили его:

— Помоги нам, раб Божий, ибо наводнение больше обыкновенного и затопило нас, и все наше добро и имущество; много народа осталось на другой стороне реки, и не могут прийти сюда.

— Я, братья, — отвечал им блаженный Конон, — человек грешный и недостойный, что я могу сделать?

Но весь народ начал громогласно взывать к нему:

— Святой Конон, раб Божий, помоги нам!

Тогда святой Конон пошел на берег реки и, возведя свои глаза к небу, стал молиться: «Господи Иисусе Христе, как некогда Ты услышал Моисея, раба Твоего», на берегу Чермного моря и провел посуху сынов Израилевых, услыши так же ныне, Владыка, и меня, услышь ради народа этого, чтобы они увидели чудеса Твои и прославили Твое благословенное имя во веки веков.

Весь народ отвечал:

— Аминь.

Тотчас река разделилась на две части: одна часть внезапно потекла назад, а другая — своим путем. Все предстоящие, мужчины и женщины, единогласно возопили, восхваляя Бога, спасающего всех, уповающих на Него. Люди и животные вернулись в свои селения, откуда были прогнаны водою. Но воды, возвратившиеся вспять, затопили находившиеся вверху реки селения, и не только наполнили долины и леса, но покрыли даже и возвышенные места. Тогда весь народ снова пришел к человеку Божию и поведал, что случилось. Святой Конон подошел к реке и, осенив ее крестным знамением, сказал:

— Послушай повеления Всесильного Бога, собери все твои воды в свое русло, не выходи из своих берегов и не затопляй людских селений.

Тотчас река, как послушный своему господину раб, потекла по своему руслу, не выливаясь из своих берегов, хотя пред этим вода в ней стояла как гора.

Так исполнилось слово Господа: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет* (Мф. 17, 20). Святой Конон, заботясь о спасении душ человеческих, разрушал много идольских капищ и обращал неверующих ко Христу. Так было не только в Иконии, но и в окрестных странах.

Случилось, что весть о святом Кононе дошла до правителя Домитиана. Этот нечестивый беззаконник прибыл в Иконию и произвел в этом городе такой страх и смятение, что никто не осмеливался открыто признавать себя христианином. Многие удалились в горы и пустыни, где и проживали вместе со зверями, не желая по страху отказаться от исповедания христианской веры. Правитель Домитиан, по наущению диавола, повелел взять человека Божия Конона и привести к себе.

Когда святой был приведен на мучение, Домитиан с приветливою улыбкой посмотрел на него и сказал ему:

— Здравствуй, благородный старец.

— Здравствуй и ты, — отвечал святой.

— Вижу, — продолжал Домитиан, — что справедливо то, что я слышал о тебе, ибо твой вид светел и внушает почтение, глаза твои блестят как звезда и старческий твой возраст не может быть порицаем. Мы получили известие, что ты поражен смертоносным ядом христианства, и не только сам заблуждаешься, но и многих других совращаешь к тому же заблуждению. Тем не менее мы не поверили этому слуху, ибо знали, что ты человек благородный и предан нашей вере.

На слова Домитиана святой Конон отвечал:

— Написано, что следует следовать полезным советам, а не вредным. Почему же ты отверг Господа нашего, взятого и осужденного на смерть, умершего на кресте и положенного во гроб? Почему ты не подивился Его рождению от Пречистой Девы, Которая хотя и родила, но осталась Девою? Почему не удивился рождеству, о коем благовестили Ангелы, радуясь и воспевая: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!* (Лк. 2, 14)? Почему не удивляешься силе Того, Который насытил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек? Кто мог сотворить такое чудо, как не Тот, Кто отверз слепорожденному глаза, даровал жизнь мертвому Лазарю, четыре дня бывшему во гробе, а напоследок, по Своей воле, пострадал для спасения всего мира, при смерти Коего камни разбились, гроба отверзлись и много святых умерших воскресло?

— Но если бы истинен был твой рассказ, — возразил святому Домитиан, — весь мир веровал бы в твоего Христа и уничтожилась бы сила Зевса.

Святой Конон сказал:

— Так и будет — уничтожится этот Зевс и все ваши боги непобедимою силою Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего мне проповедовать истину, коей я и пребуду верен до конца, ибо написано в Законе Христовом: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6). Подобает нам верующим чрез много бедствий войти в Царство Божие, а дети века этого, роскошно живущие в мирских благах, будут изгнаны вон и пойдут во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов.

Эти слова мученика привели Домитиана в сильный гнев, и он повелел бить святого Конона и предать различным мучениям. Святой бесстрашно сказал:

— Я не страшусь твоих мучений, исполняй скорее то, что задумал; молю тебя предать меня тягчайшим мучениям, дабы я сподобился и большей награды у моего Христа.

Домитиан сказал:

— Я дам тебе полезный совет: послушай нас и сделаешься достойным наслаждаться вместе с нами.

Но святой Конон ответил:

— Я желаю спасти свою душу, а не тело, и желаю насладиться духовными радостями, а не телесными. А ты, нечестивый, будешь предан мучениям вместе с отцом твоим диаволом в аду, где не будет конца твоим мукам.

После этого Домитиан спросил святого:

— Какой ты имеешь сан в твоей вере, нечестивый старец? Ты священник?

— Нет, — отвечал мученик, — я простой человек и недостоин этого священного сана, сподобившиеся коего радуются вместе со Христом и со святыми Его Ангелами духовною радостью. Тем не менее и я живу для Господа моего Иисуса Христа, Ему кланяюсь и веселюсь о имени Его.

— Имел ли ты жену? — продолжал спрашивать Домитиан.

— Имел, — отвечал святой, — но недолго жил с нею, ибо она отошла ко Христу Богу нашему.

— Есть ли у тебя дети? — снова спросил Домитиан.

— Имею одного сына, — ответил святой, — он остался в моем дому, но я желаю, чтобы и он предстал пред тобой.

— Неужели и он не поклоняется нашим богам? — спросил Домитиан.

— Каково дерево, — отвечал святой, — таковы и ветви, но, прошу тебя, повели привести моего сына сюда, дабы мы вместе приняли мученический венец.

Тотчас, по распоряжению Домитиана, были посланы воины за юным Кононом. Когда его привели и поставили пред мучителем, он спросил старшего Конона:

— Сколько лет твоему сыну?

Конон отвечал:

— Семи лет я отдал его в монастырь для обучения, и там он научился грамоте. Когда ему исполнилось двенадцать лет, он был сделан церковным чтецом. А теперь ему семнадцать лет, и, по благодати Христа, он имеет сан диакона и находится в числе священных служителей Божиих. Я с детства научил его жить целомудренно, и он достоин мученического венца. Прошу тебя: не медли долго, а повели нас предать мучениям, дабы мы вместе были увенчаны от Христа Бога нашего, ибо мы, христиане, и желаем умереть за Христа.

— Как звать твоего сына? — спросил Домитиан.

Мученик отвечал:

— Он имеет одно имя с отцом.

Домитиан обратился к юному Конону и стал ему говорить:

— Ты слышал, юноша, отец твой прожил много лет, был женат, родил сына и довольно продолжительное время наслаждался жизнью, а теперь уже старик; неудивительно поэтому, что он желает смерти. А ты еще юн и только что начал познавать всю прелесть жизни. Неужели ты хочешь послушаться своего отца?

На лукавые слова мучителя юноша отвечал:

— Мой отец научил меня почитать Единого истинного Бога, Творца всего видимого и невидимого творения, жить свято и благочестиво, показал мне путь спасения и сказал мне, что эта жизнь — не жизнь, а смерть, и все любители временной жизни умирают для вечности, а у Владыки нашего Иисуса Христа есть жизнь бесконечная, которую Он дарует любящим Его. Кроме того, я научен моим отцом, что нечестивым идолослужителям уготовано вечное мучение в гееннском огне, никогда не угасающем, а праведным рабам Хри-

стовым уготованы нетленные венцы в славе небесной, в нескончаемом Царстве Христа Бога нашего, ради Коего мы оставили мир, и мир нас оставил. Наученный так моим отцом, я одних мыслей с ним, я желаю идти к Богу тем же путем, каким идет и он, и отдаюсь на те же мучения, на какие и он отдал себя. Ибо так сказал Владыка мой Христос: *Отец Мой доныне делает, и Я делаю. Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также* (Ин. 5, 17, 19).

— А если я отца твоего погублю в жестоких мучениях, то пожелаешь ли ты погибнуть так же? — спросил Домитиан.

— Да, желаю, — отвечал блаженный юноша Конон, — желаю умереть вместе с моим отцом, дабы и ожить вместе в Царстве Владыки нашего, ибо умереть за Христа — это не смерть, а получение вечной жизни.

Тогда Домитиан, обратившись к старцу Конону, сказал ему:

— Воистину этот юноша мудрее тебя, и лишь одного недостает ему, — это, познав истину, поклониться нашим богам.

Старец Конон ответил мучителю:

— Юноша хорошо знает истину, ибо поклоняется вместе со мной Тому, Кто сказал: *Я есмь Истина* (Ин. 14, 6), бесовским же идолам, лживым вашим богам, ни он, ни я не поклонимся вовеки.

— В последний раз говорю вам: послушайте меня и поклонитесь богам, — сказал Домитиан, — дабы избавиться от жестоких мучений и смерти и получить от нас богатые дары.

Ему ответил старший Конон:

— О отверженный от Бога беззаконник, ненасытный человеческою кровью мучитель и нечестивейший из всех людей! Не сказал ли я тебе с самого начала, что я — христианин и желаю вместе со своим сыном умереть за Христа, а ты, как опьяненный злобою и безумный, не помнишь моих слов?

Тогда Домитиан повелел принести железный одр и, сильно раскалив его, положить святых мучеников обнаженными на этом одре и опалять их. Исполняя приказание мучителя, одни из слуг разжигали горящие угли, другие лили на святых мучеников кипящее масло, — но святые оставались невредимыми. Старший Конон при этом говорил мучителю:

— Разве ты не помнишь, Домитиан, что я просил тебя предать меня жестоким мучениям? А ты и этого не постарался сделать, ибо это мучение для нас незначительно и мы не чувствуем опаления.

Видя, что мученикам это нисколько не повредило, мучитель повелел приготовить медный котел и, наполнив его оловом, серой и смолою, разжечь его и бросить в котел святых мучеников. При этом он сказал:

— Если на раскаленном одре им прохладно, то я согрею их в кипящем котле и посмотрю, сможет ли их Бог освободить их из огненного пламени.

Святые, брошенные в котел, возвели свои глаза к небу и молились:

— Создатель всего, Господи! Услыши нас, молящихся Тебе, пошли к нам Твоего святого Ангела, дабы он остудил этот, сильно разжженный, котел, как некогда остудил для трех отроков огненную Вавилонскую пещь; услышь нас, Владыко, и поспеши к нам на помощь, дабы все уразумели, что Ты — Сын Бога живого, пришедший в мир.

Тотчас, по молитве их, Господь послал Своего Ангела, который небесною росою остудил котел и сказал им:

— Мир вам, добрые воины, верные подвижники! Не бойтесь и не страшитесь, ибо Христос с вами; Он сделает вас победителями и причастниками вечной радости.

После этого Домитиан повелел повесить святых мучеников вниз головами и подкуривать их смрадным дымом. Святой Конон-старший, улыбнувшись на такое распоряжение, сказал:

— Безумный! Огонь не повредил нам, неужели же мы испугаемся дыма?

Когда святых продолжали мучить смрадным дымом, они смеялись над мучителем и говорили:

— Не стыдно ли тебе, окаянный, что два воина Христовы победили всю вашу горделивую силу, посрамили отца вашего диавола и сокрушили и преодолели все его злокозненные хитрости.

Домитиан исполнился великой ярости и, постыженный, не зная, что еще сделать, повелел, прекратив это мучение, перепилить мучеников деревянною пилою пополам. Когда слуги поставили их и хо-

тели пилить, святые просили слуг дать им время для молитвы, и так молились Богу:

— Владыко, Всесильный Боже, Творец неба и земли, Царь царствующих и Господь господствующих! Благодарим Тебя, что сподобил нас пострадать за Твое святое имя, укрепил нас в мучениях и не допустил врагам Твоим поругаться над нами, а нас сделал победителями диавола. Прославляем Тебя — Христа Бога, Всесильного и Всеблагого Человеколюбца — и молим Тебя: подай мир Твоей святой Церкви, сущей во вселенной, посрами и победи гонящих ее, скоро ниспровергни и разори мерзкие идольские капища, воздвигни Твою силу и распространи хвалу Твоего святого имени, сохрани и умножь христианский род, право прославляющий Тебя до скончания жизни. Еще просим Тебя, Владыко, прими с миром души наши, пусть не исполнится повеление мучителя и мы не будем перепилены, дабы это не дало радости нашему врагу, желающему похвалиться, что он погубил нас. Пусть Твое милосердие всегда будет с нами и возьмет нас к Себе, а Домитиан пусть узнает, что мы — Твои рабы, и Ты, что восхотел, то сотворил с нами, и когда кто услышит это бывшее, прославит Твое пресвятое имя вовеки.

Когда святые произнесли «аминь», с неба послышался голос, призывающий их в небесные селения; святые мученики, оградив себя крестным знамением, предали свои святые души в руки Божии. Тотчас произошло сильное землетрясение, идольские храмы пали и все, бывшие в городе, идолы разбились, а Домитиан бежал и спрятался в своем доме.

Братия, находившиеся в монастыре, услышав, что случилось со святыми мучениками, пришли и взяли честные тела их и, принеся в монастырь, с честью предали их погребению, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, от всей твари прославляемого вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ
42 МУЧЕНИКОВ АММОРЕЙСКИХ

Греческий император Феофил[1], сын императора Михаила, по прозванию Валвос, или Травлос, и бывшего родом из Аммореи[2], вел частые войны с арабами, иногда побеждая их, а иногда бывая побеждаемым ими.

Однажды выступив в поход с большим войском против агарян, Феофил осадил город, называемый Созопетра и бывший родиною князя агарянского Амирмумны, и желал взять этот город.

Князь же агарянский Амирмумна (он же Ависак) находился в это время в другом месте; он послал к царю Феофилу послов, усердно прося отступить от города Созопетра и не разорять любимого его родного города. Но Феофил не послушал его просьбы, взял город, совершенно его разорил и с большою добычей вернулся домой.

Амирмумна, сильно скорбя о разорении своего родного города, весьма разгневался и начал за большие деньги нанимать повсюду воинов — в Вавилоне, в Финикии, в Палестине, в Келесирии и в дальней Африке.

Через некоторое время он, собрав все свое войско в Тарсе[3], задумал идти на прекрасный город Амморею, во Фригии, этот город был родиной царя Михаила Травлоса, отца императора Феофила, дабы отомстить за свой родной город Созопетру, разрушенный Феофилом.

Услышав об этом, греческий царь Феофил также собрал большое войско с Востока, с Запада и из Персии и, отправясь на войну против неприятеля, прибыл в город фригийский Дорилей, отстоящий от города Амморей на три дня пути. Многие из приближенных царя, узнав достоверно, что сарацинское войско гораздо многочисленнее греческого, советовали царю не вступать в битву с войском князя агарянского, а жителей Амморей вывести и поселить в других укрепленных городах. Но Феофил сказал, что стыдно уклоняться от сражения и оставлять пустым прекрасный город Амморею.

---

[1] *Феофил*, император Византийский, царствовал с 829 по 842 год.

[2] *Аммрея* — город во Фригии, в Малой Азии.

[3] *Тарс* — главный город Киликии, области в Малой Азии.

Он стал готовить войско к битве и часть его послал на защиту Амореи. Вместе с войском были следующие полководцы: Константин по прозванию Друнгарий[1], имевший сан патриция, то есть сенатора, Аеций, также патриций, Феофил, тоже патриций, Феодор, по прозванию Кратир[2], имевший чин протоспафария[3], Милиссен и Каллист, по прозванию Турмарх[4], Васой и многие другие полководцы и знатные мужи.

Спустя немного времени сошлись войска Феофила и Амирмумны, произошло великое сражение и много было побито людей с обеих сторон. Сначала греки одолевали агарян, потом, по попущению Божию, сражение изменилось, ибо Владыка Христос, прогневавшись на Феофила за его иконоборство, лишил греков мужества; агаряне оправились и стали одолевать греков.

Вдруг все греческое войско обратилось в бегство, оставив своего царя, которого защищало только одно персидское войско, нанятое им за деньги. Несомненно, царь Феофил был бы убит здесь, если бы не наступила ночь. Но небесный царь, Который *не до конца гневается, и не вовек негодует* (Пс. 102, 9), смилостивился над христианами и внезапно послал сильный дождь на агарянские полки, так что луки их ослабли и они перестали преследовать бежавшего царя Феофила и потерпевших поражение греческих воинов.

После этой жестокой сечи агарянский князь Амирмумна тотчас подошел к городу Амморее и обложил его, окопав его кругом глубоким рвом. Долгое время осаждал он его со всех сторон, намереваясь его взять.

---

[1] *Друнгариями* собственно назывались начальники военных кораблей.

[2] *Кратир* (κρατύς) — могущественный, сильный.

[3] *Протоспафарий* (πρωτοσπαθάριος) — первый из меченосцев, — почетное звание при дворе Византийских императоров.

[4] *Турмархи* — то же, что и Друнгарии.

Греческий же царь Феофил бежал со стыдом в Дорилей; оттуда он послал к князю Амирмумне послов с многими и дорогими дарами, прося князя отступить от города Аммореи. Но этот последний, сильно разгневанный за свой разоренный город Созопетру, был неумолим. Посмеявшись над просьбой царя и над его дарами, назвав его трусом и беглецом, князь повелел держать царских посланников в оковах в ожидании окончания дела и в течение многих последующих дней приказывал делать сильные приступы к городу.

Находившиеся же в городе сильно сопротивлялись, и с городских стен было умерщвлено множество агарянского войска и знатнейших военачальников. Сомневаясь в возможности взять город, князь Амирмумна хотел уже было оставить его и уйти в свое отечество. И это непременно бы случилось, если бы не произошло коварного предательства одного из военачальников амморейских, по имени Вадитзиса. Этот последний, поссорившись с воеводой, и замыслил предать город в руки врагов.

Он пустил стрелу с привязанною к ней бумагой к агарянам, которые уже собирались уходить от городских стен; на бумаге он написал следующее:

«Для чего, проведя здесь так много времени и употребив такие усилия, вы отходите отсюда без победы? Осмельтесь, будьте храбрыми, сделайте приступ к той стороне городской стены, где находится столб с мраморным изображением льва, а наверху столба изображение финиковой пальмы, сделанное из камня; здесь нахожусь я и стерегу эту сторону; я помогу вам, и вы легко возьмете город, ибо здесь стены ветхи. Вы сами решите, какую мне оказать почесть за мою услугу вам».

Когда эту записку, привязанную к стреле, нашли и принесли к агарянскому князю Амирмумне, он прочел ее и весьма обрадовался. Тотчас повелел всему своему войску подойти к указанной стене, и, при содействии коварного Вадитзиса, все агарянское войско вошло в город, в коем произошло великое избиение, так что кровь христианская текла рекой по городским улицам, город же был уничтожаем не только мечом, но и огнем, ибо он тотчас был зажжен со всех сторон, и это было наказанием Господним людей за умножившиеся в то время среди греков ереси. Из жителей этого города почти никто не

уцелел тогда от агарянского меча или огня, а оставшиеся в то время невредимыми впоследствии не избегли умерщвления, а иные плена.

Когда избиение жителей прекратилось, были взяты в плен вышеназванные воеводы, присланные царем на защиту города: Константин, Аеций, Феофил, Феодор, Милиссен, Каллист, Васой и другие высшие военачальники, каковых было сорок два человека. Оставшиеся в живых мужчины и женщины, юноши и девицы были взяты в плен, причем князь агарянский повелел отделить мужей от женщин, юношей и девиц, и оказалось мужчин около семидесяти тысяч, а женщин, девиц и юношей без числа. Всех мужчин князь повелел усечь мечом, оставив в живых лишь вышеназванных воевод и военачальников, а женщин и детей разделил своим воинам. Так этот прекрасный город Амморея в один день погиб от меча и огня ради грехов нечестивого царя Феофила, отнявшего иконы у церквей и жестоко замучившего многих святых исповедников за поклонение иконам.

После этого мучитель Амирмумна повелел освободить от оков посланных Феофилом людей, видевших все разорение города, и отослал их к царю возвестить ему о всем виденном.

Получив такое известие, царь впал в сильную печаль. Потом он послал к Амирмумне послов, желая выкупить своих воевод и военачальников за двести кентенариев[1]. Но этот последний не захотел возвратить пленников за такую цену, говоря, что он издержал тысячу кентенариев на собирание войска; посмеявшись над царским посланием и над посланниками, князь с бесчестием отпустил их.

Тогда Феофил от сильной печали сделался больным и по прошествии недолгого времени от той болезни умер. Пленники же были отведены в Сирию. Предавший город врагам военачальник Вадитзис отвергся от Христа и, став отступником, принял агарянскую веру, за что и получил от князя большие почести и дары.

Князь Амирмумна, приведя плененных греческих воевод с их дружиною, в числе сорока двух, в свою страну, повелел заключить их в оковах в мрачной темнице, где им надели колодки на ноги и морили голодом и жаждою. Так святые пребывали в сильном стесне-

---

[1] *Кентенарий* (κεντηνάριον) — род золотой монеты большой ценности.

нии, претерпевая страдания не столько от агарян, сколько от вышеназванного отступника Вадитзиса, сильно злобствовавшего против них.

Спустя некоторое время нечестивые агаряне, по наущению своего князя, начали совращать святых узников в свою агарянскую веру, потому что этот нечестивый князь считал заслугою для себя пленять и души тех, коих пленил тела.

Однажды в темницу ко святым вошли некие люди и, как бы милосердуя о них, подали им небольшую милостыню, причем советовали святым пощадить себя и освободить от тяжкого темничного заключения, — освобождение же это произойдет тогда, когда они перейдут в магометанскую веру. Но святые не хотели слушать этих лукавых слов, желая лучше во все дни своей жизни терпеть тяжкую нужду и темничное заключение и даже принять самую жестокую смерть, нежели отречься от Христа и перейти в нечестивую Магометову веру. С таким прельщением эти лукавые совратители не однажды приходили ко святым, но много раз. Однако они ничего не достигли, хотя и обещали святым от имени своего князя не только свободу, но и почести и большие дары.

Однажды некоторые из знатнейших мужей, придя и подав узникам милостыню, сели около них и, притворно прослезившись, стали плакать, как бы сожалея о них, столь долгое время содержимых в заключении, и говорили между собою:

— Ко сколь многим страданиям приводит неверие в великого пророка Магомета! Вот, которых мы теперь видим в тяжелых оковах, неблагородные ли мужи, у царя своего бывшие в почести, храбрые на войне и прославленные в своем народе? Не имели ли они под своим начальством более семидесяти тысяч воинов и сильно укрепленный город Амморею? Но вот они преданы в руки нашего протосимвола[1] (так они называли своего князя); кто отнял от них их силу и твердость? Разве только то их сделало бессильными, что они отвергают великого пророка Магомета, рабы которого, верующие в него, одержали такую славную победу? Но не дивно, что они еще не веруют в него, ибо еще не познали его, так как не были никем на-

[1] *Протосимвол* (πρωτοσύμβουλος) — по переводу с греческого — первый советник (от πρώτος — первый и συμβουλεύω — советовать).

учены; непознавшие и согрешающие только по неведению легко могут получить прощение.

Потом, обратившись ко святым, царедворцы сказали им:

— Вы, мужи, о которых мы теперь беседуем и которых сожалеем, послушайте нас, советующих вам доброе: удалитесь с того тесного пути, коим повелевает вам идти Сын Марии, а идите по тому пути, каковой пространен как в нынешнем, так и в будущем веке и каковой указывает нам великий пророк. Разве о невероятном говорит наш пророк, когда учит, что Бог имеет власть повинующихся Ему и здесь наградить всякими благами и на том свете сделать наследниками рая? Разве у Бога недостает золота или есть недостаток в какихлибо вещах? Отступите от неверия людей невежественных, ибо противно здравому смыслу гнушаться даров Божиих, подаваемых и здесь, и на том свете. Или вы хотите сами быть распределителями Божественных даров, принимая их не тогда, когда Бог посылает их, но когда вы сами пожелаете? Это вы делаете от сильной гордости, презирая Божию благостыню и обращая Его милость на гнев, ибо и вы сами, если что-либо даете вашим рабам, а они откажутся от ваших даров и отвернутся от вас, не разгневаетесь ли на них, и так как сильно оскорблены ими, то не наложите ли на них, вместо даров, наказание? Если смертные люди так поступают, то тем более не поступит ли с вами так бессмертный Бог? Примите учение нашего пророка; тогда вы освободитесь от настоящих бедствий и усладитесь Божественными дарами, подаваемыми вам еще находящимся в живых и обещанными и по смерти. Ибо, будучи весьма милосердым, Бог, видя, что человек, желающий в жизни осуществить тяжелый Закон Иисуса, изнемогает, послал своего пророка Магомета, чтобы он освободил людей от этого труда и от всяких неудобств, обещая после всех радостей настоящей жизни и на том свете блаженство и уча, что те, кто его послушают, могут спастись одною верой, не творя добрых дел.

Выслушав эти нечестивые речи агарян, премудрые мужи посмотрели друг на друга и кротко улыбнулись. Потом сказали вместе с псалмопевцем:

— *Пове́даша нам законопреступницы глумления, но не я́ко закон Твой, Господи. Вся заповеди Твоя — истина* (слав. Пс. 118, 85–86).

Посмотрев на агарян, они отвечали им:

— Неужели это учение вашего пророка? И неужели вы веруете, что действительно праведно и приятно Богу, когда плоть бывает побеждаема всякими вожделениями, нечистыми и страстными похотениями и наш разум до того покоряется страстям, что даже никогда и на мысль не придет воспрянуть от скверных плотских деяний посредством воздержания? Какая будет разница между человеком, живущим так, и бессмысленным животным? Нет, мужи, нет! Мы не желаем быть таковыми и не отступим от добродетельного и чистого христианского закона, ибо мы — ученики тех, кои взывали к Богу: не отступим от Тебя, но *за Тебя* умерщвляемся *всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание* (Рим. 8, 36). *Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может нас отлучить от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38–39).

Выслушав такой ответ святых, агаряне ушли от них, не склонив их к своей вере.

По прошествии некоторого времени снова в темницу ко святым пришли, подобно первым, посланные князем совратители, называемые гимнософистами[1]. Они также, подав милостыню узникам и поцеловав каждого из них, сели и спросили святых:

— Что невозможно для Бога?

— Ничего, — отвечали святые, — все возможно для Него, ибо так и свойственно естеству Божию.

— Если Богу все возможно, — продолжали гимнософисты, — то посмотрим, кому своим всемогуществом Он оказывает милости в настоящее время, — грекам или измаильтянам? Кому плодороднейшие и прекраснейшие страны земли отдал Бог, — вам или нам? Чье войско Бог увеличивает? И чьи полки губит, как сено? Неужели Бог несправедлив? Если бы Он не видел, что мы соблюдаем Его заповеди, то не оказывал бы нам столь великих благодеяний, — и напротив, — если бы не знал, что вы не веруете в посланного им пророка Магомета, не покорил бы вас нам и не отдал бы в плен.

Выслушав речи гимнософистов, святые отвечали им:

---

[1] *Гимнософисты* — философы, отказывавшиеся от пользования всеми жизненными благами и ходившие нагими.

— Если бы вы верили пророческим свидетельствам, то узнали бы, что ваши мудрствования ложны, ибо то, что вы говорите, может ли быть подтверждено Божественным Писанием? Никогда. А все, что не имеет свидетельства, ложно. Ответьте на следующий наш вопрос: если бы случилось двум людям спорить за обладание одним полем и один из них, не имея свидетелей, кричал и говорил бы, что это поле его, а другой без спора и ссоры представил бы многих свидетелей, честных и заслуживающих доверие, которые бы говорили, что поле его, а не того (первого), — что вы, сарацины, подумали бы, кому бы вы присудили это поле?

Они отвечали:

— Поистине, поле принадлежит тому, кто имеет свидетелей.

— Справедливо вы рассудили, — сказали святые. — Точно так же и мы рассуждаем о Магомете, вашем учителе, и о единородном Сыне Божием, Господе нашем Иисусе Христе. Господь наш Иисус Христос, придя в мир и быв человеком, от Пречистой Девы рожденным, о чем так же, как мы слышали, и вы часто говорили, имел о Себе свидетельства всех древнейших святых пророков, предвозвестивших Его пришествие в мир. Пришел и ваш великий пророк и законодатель Магомет, которого вы называете посланным от Бога. И что же? Не подобало ли бы ему иметь свидетельства от двух пророков или хотя от одного, дабы было ясно, что он действительно послан от Бога?

Речи святых привели в стыд гимнософистов, увидавших себя побежденными после этих слов.

Тогда заговорил, улыбнувшись, святой Васой:

— Имеет и сарацинский законодатель, — сказал он, — славного и истинного пророка, пророчествовавшего о нем, святого Исаию; и если бы я не опечалил этих премудрых мужей (то есть гимнософистов), то сказал бы им это пророчество.

— Нисколько не опечалимся, — сказали они, — ибо умеем прощать согрешающим по неразумию, хотя бы и сказали что нехорошее о нашем пророке.

Не вы ли говорите, — продолжал святой, — что пророк Магомет самый последний из пророков?

— Да, это так, — ответили те.

Тогда святой Васой сказал:

— Исаия, коего и вы исповедуете, как пророка Божия, говорит в одном своем пророчестве: *отсечет Господь у Израиля голову и хвост* (Ис. 9, 14). При этом сам же Исаия объясняет свои слова дальше, разумея под *головой*, — смотрящих на лица, то есть творящих неправедный суд, а под хвостом разумея *пророка, уча́ща беззаконная* (слав. Ис. 9, 15). Не разгневайтесь, мужи, — ваш пророк не «хвост» ли, как самый последний (по вашему же слову) из пророков? И не учит ли вас беззаконным делам? Ибо разве не беззаконие то, что ваш пророк положил для вас законом, например, если какой-нибудь муж, возненавидев свою жену, отвергнет ее, то снова может взять ее к себе не прежде, чем она будет взята другим мужчиной. Умолчим о других беззаконных постановлениях Магометова закона; сказанного довольно для уразумения пророчества Исаии, что не о ком-либо ином, а только о вашем пророке Магомете изрек он пророчество, говоря: *пророк, учащ беззаконная, сей о́шиб* (хвост) (слав. Ис. 9, 15).

— Умеем и мы философствовать, — сказали гимнософисты, — но, поелику так угодно Богу, кто мы, чтобы противиться Его воле? А Магомет не имеет нужды в свидетельстве человеческом, ибо поставлен от Бога, от Коего и принял такие законы.

— Неужели от Бога он принес вам такой закон, чтобы иметь многих жен и с ними, во время ваших постов, проводить целые ночи до восхода со́лнца в объядении и телесных удовольствиях? — спросил святой Васой.

Они ответили:

— Да, это истинно.

Тогда сказали другие святые:

— Надо ответить и на первый ваш вопрос, по которому будто бы лучшая вера у тех, у кого бывает большее мужество на войне и победа. Если вы производите вашу веру от воинской силы, то вспомните древнюю силу персов, которые завоевали многие страны и покорили себе почти всю вселенную; после них настало господство греков, когда Александр Великий победил персов; потом Рим завоевал всю вселенную. Что же?! Неужели все они имели истинную веру, ибо были сильны на войне? Нисколько. Все они сильно были преданы идолопоклонству, не зная истинного Бога, Творца всего.

Как же вы говорите, что ваша вера истинная, потому что вы (по попущению Божию за наши грехи) в последнее время победили нас силою своего войска? Ведь часто случается и нам, христианам, истинно исповедующим Бога, при Его помощи, иметь одоление над врагами и побеждать. Когда же мы, прогневав Христа, Господа нашего, не приносим покаяние, тогда Он наводит на нас нечестивых людей, отмщая нам за наши грехи. Тем не менее мы, и наказываемые, не отрекаемся от нашего Владыки, но просим Его милости, веруем и имеем надежду, что Он помилует нас. Вашего же учителя, не имеющего свидетельств от пророков и даже противного святым пророкам, мы нисколько не почитаем, но совершенно отвергаем.

После этой беседы гимнософисты, посрамленные и разгневанные, возвратились к своему князю.

Между тем прошло уже семь лет, как святые страдали, заключенные в оковах в той тесной и мрачной темнице. Днем и ночью они пребывали в молитве, непрестанно воспевая псалмы Давида и благодаря Бога за все Его промышление о них: ибо Он очищал этим темничным заключением и скорбью прошедшие годы их жизни, проведенные в удовольствиях и удобствах, укреплял их на столь долгое терпение, о каком раньше они не могли даже помышлять.

Когда они так страдали, вышеуказанный отступник Вадитзис, предавший варварам город Амморею и отвергшийся от Христа, пришел в пятый день месяца марта к темнице, когда уже заходило солнце, и, подозвав чрез отверстие одного из узников, бывшего раньше нотарием[1] у своего господина Константина патриция и называвшегося также Константином, сказал ему тайно:

— Узнай, премудрый муж, какую любовь я имею к твоему господину Константину патрицию в течение многих лет и даже теперь. Ныне я достоверно узнал, что князь замыслил в завтрашний день убить всех вас, если вы не примете его веры, и я пришел известить вас об этом. Посоветуй твоему господину избавиться от смерти притворным согласием принять сарацинскую веру, и сам поступи также, — а в помышлениях своих нисколько не отступайте от христианской веры, но ради случившегося бедствия притворно угодите князю, и ваш Христос не прогневается на вас за это.

---

[1] То есть секретарем.

Но этот боголюбивый муж, изобразив на себе правою рукою крестное знамение, отвечал отступнику:

— Отойди от нас, делатель беззакония, — и Вадитзис отошел от него.

Господин же Константин патриций спросил Константина нотария:

— Кто призывал тебя к оконцу темницы и ради чего?

Он, не желая пред всей дружиной его сказать ему об этом, дабы кто-либо, убоявшись смерти, не стал печалиться и колебаться в мыслях, отошел в сторону с господином Константином и сказал ему, что возвестил Вадитзис. Константин патриций, возблагодарив Бога, произнес:

— Да будет воля Господня.

Потом, обратившись к своей дружине, он сказал:

— Пребудем, братия, всю эту ночь в молитве.

Все, встав, молились, воспевая до рассвета псалмы Давида.

На другой день, рано утром, пришел в темницу присланный князем жестокий воевода с вооруженными воинами и, изведя сорок два святых мучеников из внутренней темницы и приказав затворить двери наружной ограды, стал их допрашивать:

— Сколько лет вы находитесь в заключении? — спросил он.

— Зачем ты спрашиваешь о том, что знаешь? — отвечали святые. Уже седьмой год оканчивается, как мы заключены здесь.

— Неужели в течение столь продолжительного времени, — сказал воевода, — вы не познали, какое человеколюбие оказывает вам наш справедливейший князь? Ибо он столько лет щадит вас, хотя бы мог уже давно предать вас смерти. Вам надлежало бы за такое, оказываемое вам, милосердие быть благодарными ему, молиться за него и любить его всем сердцем.

Святые отвечали:

— Наш закон повелевает молиться за наших врагов и оказывающих нам притеснение и обиды, — поэтому и за вашего князя мы молимся Богу. А любить его всем сердцем мы не можем, ибо нам возбраняет это святой пророк Давид, взывающий к Богу так: *Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя?* (Пс. 138, 21).

На это воевода сказал:

— Как может быть, чтобы кто молился за того, кого ненавидит? Поистине вы лжете, говоря, что молитесь за князя, коего ненавидите.

Святые ответили:

— Мы истину говорим, что молимся о нем Богу, дабы Бог просветил помраченные неверием душевные очи его, чтобы ему познать путь правды и благочестно почитать Бога, приняв истинную веру (христианскую) вместо той ложной, которую он теперь имеет и о которой думает, что она истинная. Если бы ваш князь узнал и принял истинную веру, тогда мы не только возлюбили бы его всем сердцем, но и воздавали бы ему должное почитание, по словам пророка Давида: «мне же зело честни быша друзи Твои, Боже».

Воевода тогда сказал:

— Не безумны ли греческие и римские князья, если думают, что столь вольный наш народ, мужественный и сильный, мог быть собран воедино без Божественного промышления? Если бы мы были ненавидимы Богом и Он не имел бы о нас никакого промышления, мы не умножились бы так и не были бы такими, каковы теперь, что вы и сами видите.

Святые отвечали:

— Мы не то говорим, что вы живете без Божественного промышления, ибо никто не лишен Его промышления. Если кто и не знает Бога, если кто нечестивыми делами оскорбляет Его, тем не менее он живет на земле и движется не без Божественного промышления. Мы говорим только, что вы неправильно веруете в истинного Бога, ибо, исповедуя Его Создателем всего видимого и невидимого творения, вы смеетесь над Ним, утверждая, что Он Творец и Виновник как всего доброго, так и всего злого, истины и лжи, правды и неправды, смирения и гордости, кротости и гнева, целомудрия и невоздержного блуда, и прочих добродетелей и противных им пороков, каковых подробно здесь нет надобности перечислять. Если бы было истинно то, что вы говорите о Боге, то мы сказали бы, что вы имеете правильное понятие о Боге. Но ввиду того, что, как отличается тьма от света, так и ваше исповедание отличается от истины, — мы не можем не обличить вас в том, будто вы имеете истинное познание о Боге, так как на деле его не имеете. Нисколько не

было бы удивительно, если бы на вас гневался Бог, хотя вы и охраняетесь Его промыслом.

Воевода сказал им:

— Что же тогда? Или вы утверждаете, что есть другой бог, создатель всех зол и всякого греха? Как могут существовать два бога — один добрый, другой злой? Как может устоять мир, когда два бога между собой будут враждовать?

Святые отвечали воеводе:

— Мы не говорим, что есть иной бог, творец зла, отличающийся от Бога, Создателя всего благого, нет, — этого нет, но говорим вам, что нашелся один из Ангелов, который, по добровольному решению своему, избрал себе вредное, противное добру и, возлюбив это, сначала возненавидел своего Творца Бога, а потом и человека. Потом ему было позволено искушать нашу добрую волю — стремится ли она к Богу или повинуется его искусительному наущению; вы приведены им в заблуждение, и потому его лукавство ложно приписываете совершенно безгрешному и неизменному Богу».

— Тем не менее, — возразил воевода, — наш пророк Магомет учит, что всесильный Бог — виновник всякого злого дела человеческого, равно как и доброго.

На это святые ответили:

— Как видно, он ложно изобрел иного бога, подобно тому как некогда еллины выдумали агафодемона[1], и заставляет вас почитать такого бога, какого никогда не было и не будет. А мы знаем истинного Бога и исповедуем Того, о Ком проповедано в Ветхом Завете святыми пророками, в Новом же — святыми апостолами Христовыми, Творца всего благого; другого бога мы никакого не знаем.

Тогда воевода сказал им:

— Не пожелаете ли сегодня, вместе с справедливейшим князем, протосимволом, совершить моление Богу по обычаю нашей веры? Ибо ради этого я и послан к вам. Я знаю, что среди вас некоторые согласны на это. Несогласные же, когда увидят этих награжденных дарами, пожалеют о своем безрассудном упорстве.

На это все святые единодушно отвечали:

---

[1] То есть бога — виновника как добра, так и зла.

— Мы молим Единого истинного Бога, дабы не только протосимвол, ваш князь, но и весь сарацинский народ отступили от нечестивого Магометова заблуждения и воздали достодолжную честь и поклонение Единому Богу, проповеданному пророками и апостолами Христовыми. Мы не можем оставить свет и добровольно перейти во тьму.

— Смотрите, что говорите, дабы не раскаяться после, — произнес воевода, — ибо за ваше сопротивление вы не избегнете строгой казни.

Но святые отвечали:

— Мы поручаем наши души Бессмертному и Праведному Богу и на Него уповаем до последнего нашего вздоха; от веры же в Него, которую мы содержим, не отступим.

Тогда воевода снова стал убеждать святых, говоря:

— В день страшного суда против вас будет свидетельствовать сиротство ваших детей и вдовство ваших жен, ибо вы теперь лишены их, так как не исполняете желания князя и отвергаете его веру; в противном случае наш великий князь мог бы повелеть нынешнему вашему царю, юному отроку, отпустить сюда к вам ваших жен и детей. Но и теперь, если вы согласитесь послушать нас и исповедуете пророка Магомета, то, как я вам сказал, вскоре увидите всех домашних своих и, увидев их, сильно возрадуетесь. В Греческой стране вашей теперь царствует супруга Феодора с малолетним сыном Михаилом, и она не сможет воспротивиться повелению нашего великого протосимвола. О богатстве же и имуществе не заботьтесь, ибо дань с египтян, пользование которою в течение одного года разрешит вам, как своим друзьям, милостивейший князь наш, так обогатит вас, что большое имущество останется и вашим потомкам до десятого рода.

На эту речь воеводы святые как бы одними устами вскричали:

— Да будет проклят Магомет и все исповедующие его пророком.

Когда святые произнесли эти слова с большою смелостью и дерзновением о Боге, тотчас разгневанный воевода повелел вооруженным воинам, взяв каждого из святых, связать им назади руки и как овец повести на место казни. На это зрелище начало собираться бесчисленное множество сарацинского народа и живущие среди сарацин христиане, желая видеть умерщвление святых мучеников.

Когда уже приблизились мученики к реке Евфрату, то воевода, подозвав к себе одного из идущих мучеников, святого Феодора, по прозванию Кратир, то есть сильный или храбрый, сказал ему:

— Ты был раньше клириком (как мы о тебе слышали) и, оставив священный сан, взял копье, облекся в воинскую броню и проливаешь в сражениях человеческую кровь. Теперь же ты лицемерно исповедуешь себя христианином, обличаемый своей совестью за отвергнутую тобой уже давно христианскую веру; не лучше ли тебе обратиться к учению пророка и посланника божиего Магомета и получить от него помощь и избавление от смерти, тем более что ты не можешь иметь никакой надежды и дерзновения ко Христу, от Коего еще раньше ты добровольно отвергся.

Но мужественный мученик Христов Феодор с твердостью ответил воеводе:

— Неправду говоришь ты, воевода, будто бы я отвергся от Христа Бога; я только вышел из священного клира ради моего недостоинства, почему теперь я наипаче должен пролить свою кровь за Христову веру и умереть ради любви Христа, дабы благоутробный мой Владыка простил мне теперь то, в чем я прежде согрешил пред Ним. Ведь и твой раб, если бы убежал от тебя, а потом вернулся к тебе и ради тебя не пощадил бы даже и своей жизни, не получил ли бы тогда от тебя прощение за прежнее свое бегство ради показанной после преданности?

— Пусть будет твоя воля, — сказал воевода, — я предложил тебе лишь то, посредством чего ты мог бы избежать смерти.

Когда же сарацинские палачи обнажили свои мечи и, взяв святых мучеников, отводили каждого отдельно для усекновения, то святому Феодору Кратиру случилось стать рядом с Константином патрицием. Феодор убоялся, как бы Константин, увидав его умерщвление, не стал бы колебаться и не устрашился бы смерти, и поэтому стал увещевать его, говоря:

— Послушай, господин мой, так как ты превосходишь всех нас и высотою сана и добродетелями, то подобает, дабы ты первый из нас стал мучеником, прежде всех нас приклонив под меч свою главу за Господа своего, и первый принял венец от Иисуса Христа, небесного Царя, подобно тому как и от земного царя ты был предпочтительно награждаем почестями.

Но святой Константин отвечал ему:

— Гораздо более подобает тебе, столь мужественному, сотворить это и первому положить за Христа свою жизнь; ты будешь иметь своими последователями меня и прочих наших друзей.

Тогда святой Феодор сотворил молитву и, вручив свою душу Богу, подошел к палачу и с радостью принял славную мученическую смерть от меча.

После него и другие святые по порядку и по чину своих прежних санов, как бы призываемые на царский пир, один за другим шли под меч, не показывая никакого страха пред смертью, ни робости или малодушия, так что воевода сильно удивлялся, видя, что мученики с такою радостью идут на смерть.

Так святые сорок два мученика окончили свою жизнь мужественною смертью за своего Господа, в шестой день месяца марта.

После убиения святых мучеников, сарацинский князь повелел и вышеназванного отступника Вадитзиса убить мечом, говоря:

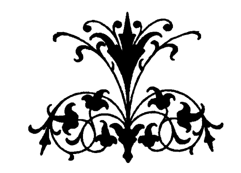
— Если бы он был истинным христианином, то не подобало бы ему отречься от своей веры, и если он не сохранил веры во своего Христа, как может сохранить веру в нашего Магомета? Если он сделался врагом своих христиан, предав их в наши руки, то, если случится бедственное время для нас, он может сделаться и нашим предателем. Бывший неверным своим, будет ли верен чужим? Нисколько.

И отсекли мечом голову этому окаянному предателю, и таким образом он принял достойное возмездие от сарацин за свою дружбу к ним, когда предал в их руки преславный и прекрасный христианский город Амморею.

На другой день, по повелению князя, были брошены в реку Евфрат тела святых сорока двух мучеников. Туда же бросили и труп убитого вероотступника. Спустя немного времени тела святых мучеников были найдены на берегу на другой стороне реки в целости, причем глава каждого пристала к своему телу, и все тела лежали рядом в благолепии. Труп же отступника был найден далеко от святых, а голова его находилась на большом расстоянии от трупа. Честные тела святых были взяты верующими и с честью преданы погребению, а труп и голова нечестивого предателя были разорваны и съедены крокодилами. За все же это да будет слава Христу Богу нашему, со Отцом и Святым Духом поклоняемому вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
АРКАДИЯ

Святой Аркадий жил на острове Кипре, в царствование Константина Великого. С юных лет он посвятил себя иноческим подвигам и проходил их до времени Юлиана Отступника[1], в царствование коего скончался. Он был наставником святых Иулиана врача и Еввула, незадолго до кончины своего учителя, пострадавших от Юлиана[2]. Оплакав мученическую смерть своих учеников, святой Аркадий предал погребению их честные тела, а за ними и сам, благодаря Бога, преставился из мира этого.

---

[1] *Константин Великий* царствовал с 306 по 337 год, *Юлиан Отступник* — с 361 по 363 год.

[2] Святые Иулиан и Еввул пострадали около 361 года; память их вместе с преподобным Аркадием.

День седьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВ
ЕФРЕМА, ВАСИЛИЯ, ЕВГЕНИЯ, ЕЛПИДИЯ, АГАФОДОРА, ЕФЕРИЯ и КАПИТОНА,
бывших в различные времена епископами в Херсоне

В шестнадцатый год царствования Диоклетиана[1], святейший патриарх Иерусалимский Ермон послал многих епископов в различные страны и к разным народам возвещать, по примеру апостольскому, слово Божие, и проповедовать Христа.

Двое из этих епископов, Ефрем и Василий, пришли в страну тавроскифскую и здесь, в городе Херсоне[2], оба трудились некоторое время, проповедуя истинного Бога не ведающему Его народу и просвещая помраченных тьмою еллинского идолослужения. Затем святой Ефрем, оставляя жителей Херсона святому Василию, пошел к скифам, жившим по Дунаю, проповедью своею обращал там многих ко Христу и, претерпев довольно скорбей и трудов в благовестии Христовом, в седьмой день марта был обезглавлен.

Между тем святой Василий, обличая в Херсоне заблуждение людей неверных и показывая им правый путь спасения, возбудил народный гнев: нечестивые взяли его, били без милости и изгнали из города. Удалившись на некую гору, он пребывал в пещере; отстояла

[1] Римский император *Диоклетиан* царствовал с 285 по 305 год. В течение восемнадцати лет своего царствования он дозволял христианам открытое исповедание веры, а с 303 года стал преследовать их, и притом с особой жестокостью.

[2] Древний город Херсонес (Корсунь) в Крыму, на окраине нынешнего Севастополя.

та гора от Херсона на сто стадий[1] и называлась *Парфенон*, что значит: *девичья*, ибо на ней было капище и идол какой-то еллинской богини-девы. Пребывая в той горе, святой Василий радовался духом, что сподобился претерпеть ради Христа раны и изгнание, оплакивал погибель душ человеческих, прельщенных диаволом, и со слезами молил Бога об обращении их.

Так прошло несколько времени. У одного херсонского начальника умер единственный сын и был погребен вне города. С великой скорбью сидели родители у гроба его, скорбя и плача; и ночь наступила, а они не отходили от сыновнего гроба. И вот во сне является им умерший их сын, говоря:

— Что вы оплакиваете смерть мою? Вы не можете взять меня отсюда живым, ибо не могут воскресить меня наши боги, бездушные идолы, изобретенные бесом на соблазн и погибель людям. Если вы

---

[1] *Стадий* — греческая мера расстояния, в разное время имевшая разное значение. В III веке до Рождества Христова мера стадия была сто восемьдесят четыре метра девяносто семь сантиметров, или восемьдесят семь саженей.

хотите оживить меня, то упросите того странника, которого били и изгнали, чтобы помолился он обо мне Богу своему, и сами уверуйте в того Бога, Которого он проповедует: ибо Он есть Бог истинный, имеющий власть над живыми и мертвыми, и силен восставить меня из мертвых живым молитвами оскорбленного вами мужа.

Тотчас пробудившись, родители рассказали друг другу видение свое и весьма дивились, что оно было согласно у обоих. Радостно поспешили они в город и поведали о том видении друзьям своим. Как только наступил день, стали всюду искать человека Божия, и нашли его в вышеназванной пещере. Начальник городской с домашними своими пришел к нему, припал к святым стопам его и молил воскресить ему сына.

— Как могу я это сделать, будучи человеком грешным? — возразил святой. — Но вы получите просимое, если уверуете в проповедуемого мной Бога, Который один силен воздвигать мертвых из гробов.

— Если мы получим сына нашего живым, — сказали родители умершего юноши, — все то, что хочешь и повелишь, сделаем от всего сердца.

Святитель Божий Василий, встав, пошел с ними ко гробу и, когда отвалили от гроба камень, вошел внутрь, сотворил на умершем крестное знамение и долго молился Богу; потом взял воду, освятил ее и возлил на мертвого с призыванием Пресвятой Троицы, по подобию святого крещения. Тотчас ожил мертвый и стал говорить, славя Бога. Страх и ужас овладел всеми бывшими там, а родителями — радость неизглаголанная. Все припадали к стопам святителя, называя его великим и признавая проповедуемого им Бога истинным и всесильным. Взяв архиерея Божия, святого Василия, с великою честью повели его в город. Начальник со всем домом своим уверовал во Христа и крестился, также из народа многие, видевшие это чудо, присоединились к верным. И начала возрастать Христова Церковь в Херсоне, а еллинские нечистые капища понемногу упраздняться.

Видя запустение своих капищ, диавол вошел в сердца обитавших тогда в Херсоне иудеев, и те научили еллинов восстать на христиан, а главным образом — вождя их, святого Василия, и убить его.

— Если учитель христиан будет убит, то и христианство легко разорится, — говорили они.

Собралось бесчисленное множество вооруженных нечестивых: с шумом и кликами напав внезапно на архиерея Божия, они извлекли его из храмины, связали ему ноги и, окружив его, влачили по городским улицам, били дреколием и камнями и попирали ногами. Его довлекли до места, где христианами был поставлен столп, увенчанный крестом; здесь святитель Христов предал Богу святую свою душу, скончавшись страдальчески в тот же седьмой день марта, в который и святой Ефрем был усечен мечом в Скифии.

Тело святого Василия было извлечено за городские ворота и брошено на съедение псам и птицам. Много дней лежало оно без погребения, однако, хранимое Богом, оставалось невредимым; ночью являлась над этим страдальческим телом звезда пресветлая, и волк, сидя около, стерег его от псов, а днем орел парил над телом, не допуская приближаться плотоядным птицам, пока христиане не взяли его тайно ночью и не погребли с честью.

По убиении святого епископа Василия один из учеников его отправился морем в страны Геллеспонтские и нашел там трех епископов — Евгения, Елпидия и Агафодора, трудившихся в благовестии Христовом; их послал на проповедь святейший Ермон, патриарх Иерусалимский, вместе со святыми Ефремом и Василием. Найдя их там, ученик рассказал им о кончине святого Василия, и они прославили Бога, увенчавшего Своего угодника венцом страдальческим. Посоветовавшись между собою, епископы сели в корабль и приплыли в город Херсонский, желая подражать святому Василию. Они проповедовали Христа Бога в Херсоне, и число верных день ото дня увеличивалось. Но подобно тому, как на святого Василия, и на них вооружил диавол жидов и еллинов; собравшись во множестве, они взяли святых епископов, связали, влачили по улицам, били деревом и камнями, пока мученики святые не предали честных своих душ в руки Господа своего. Тела их были извлечены из города теми воротами, которыми обыкновенно выносили хоронить мертвых, и брошены вне без погребения на расхищение псам и птицам; но христиане, тайно взяв их, предали честному погребению. Пострадали святые три епископа, Евгений, Елпидий и Агафодор, 7 марта, через год по убиении святого Василия.

Несколько лет спустя, во дни Константина Великого[1], когда он уже склонялся к христианству, пришел в Херсон епископ Еферий, также посланный патриархом Иерусалимским. Видя, что неверный народ своею лютостью и яростью не допускает распространяться в Херсоне христианству, Еферий отправился в Византию к царю Константину и принес жалобу на нечестивый херсонский народ, утесняющий христиан. Царь дал свое разрешение христианам — обитать в Херсоне свободно и беспрепятственно и соборы свои, во славу Божию, творить открыто и невозбранно, всех же препятствующих христианам повелел изгонять из города. С такою царскою волею святой Еферий возвратился в Херсон и весьма обрадовал Христово стадо, а неверные опечалились и смутились. Соорудив в городе христианскую церковь и дав всему доброе устройство, епископ снова отправился к царю, чтобы воздать ему благодарность за доброе дело. На возвратном пути он впал в недуг и, доплыв до острова Ааса, воспринял конец своей временной жизни и начало жизни вечной. Верные погребли его и поставили на могиле столп; высокие деревья, выросшие там, издалека указывали могилу святого. Кончина святого Еферия последовала в седьмой день марта, в который мученически скончались и прежние епископы.

Христиане долго оплакивали почившего; потом возвестили царю Константину о кончине епископа своего и просили на его место другого. На место Еферия был прислан блаженный Капитон, епископ Херсонской Церкви, и верные радостно его приняли. Также и неверного народа собралось множество; приступая к новоприбывшему епископу, просили от него чудесного знамения в доказательство правоты его веры, чтобы и им можно было увериться.

— Чудо же, — говорили они, — пусть будет такое: зажечь печь великую огненную, и в нее войти епископу христианскому, и если не сгорит и останется жив, то все крестимся.

Святой Капитон, уповая на Бога, согласился на их желание, и приказал устроить великую печь. Когда ее сильно разожгли, епископ святой, при общем внимании народа, возложил на себя омофор[2]

---

[1] *Константин Великий* царствовал с 306 по 337 год.

[2] *Омофор* — удлиненный плат с изображением четырех крестов, возлагаемый на плечи и спускаемый спереди и сзади; без омофора епископ не может совершать священных действий. В символическом значении — заблудшая овца (человечество), спасенная от гибели господином овец (Господом). — См.: Лк. 15, 5.

свой и помолился Богу с умилением, да явит Он силу Свою Божественную, как некогда в печи Вавилонской[1], ради уверения неверного народа. По продолжительной молитве и после возгласа диакона во всеуслышание: «вонмем», святитель вошел в печь и стоял в пламени около часа, молясь и держа руки простертыми к небу, и никакого вреда не получил от великого пламени огненного; потом, набрав горячих углей в фелонь[2] свой, он вышел невредимым к народу. Взирая на это преславное чудо, все прониклись великим удивлением и страхом; ибо видели, что даже одежды святителя не коснулся огонь и что фелонь его, полный горящего уголья, не опаляется.

— Един Бог, — взывал народ громким голосом и как бы едиными устами, — Бог христианский, великий и сильный, сохранивший раба Своего неопаленным в печи!

Тогда весь Херсон и страна та приняли христианскую веру, удостоверившись преславным чудом в истине ее. Об этом чуде было возвещено великому Константину и поведано святым отцам на I Вселенском соборе, в Никее[3], и все, прославляя Бога, дивились великой вере святого Капитона и его ревности по Боге.

Спустя несколько лет святой Капитон отправился на корабле из Херсона в Царьград; поднялась буря, и корабль прибило волнами к устью реки Днепра; там люди неверные и безбожные ограбили корабль и захватили всех бывших на нем, а самого архиерея Божия Капитона потопили в воде.

Он скончался мученически в двадцать первый день декабря, но память его причислена к прежним херсонским святителям, пострадавшим в седьмой день марта. Душа его святая соединена с теми на небеси, и все семь архиереев Божиих, епископов херсонских, как семь главнейших Ангелов[4], вместе предстоят Пресвятой Троице, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Единому Богу, прославляя Его со всеми святыми вовеки. Аминь.

---

[1] О чудесном спасении Анании, Азарии и Мисаила из огня — в книге пр. Дан. гл. 3.

[2] *Фелонь* — одеяние епископа и священника, круглое, без рукавов.

[3] I Вселенский собор был в 325 году и состоял из 318 епископов. Он осудил ересь Ария, учившего, что Сын Божий не равен Богу Отцу; на этом же соборе было точно определено время празднования Святой Пасхи.

[4] Имена их: Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Салафиил, Иегудиил и Иеремиил.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ЕМИЛИАНА

В Риме жил некий человек, именем Викторин; с юных лет он много грешил, а потом, к старости своей, одумался и, вспоминая грехи свои, трепетал суда Божия. Придя в один из святых монастырей и упросив игумена принять его, он отказался от всех привязанностей мира этого и стал монахом; всего себя он отдал покорности и послушанию, соблюдая заповедуемое ему и изнуряя тело свое и днем и ночью. В иноческом образе было наречено ему имя: Емилиан. Содержа непрестанно в душе память смертную и всегда готовясь на страшный суд Божий и на ответ о грехах своих в день испытания, Емилиан всегда находился под страхом вечных гееннских мук; этим страхом он так изнурил и иссушил тело свое, что вся братия, из любви к Богу в монастыре жившая, дивилась столь великому умерщвлению плоти, смирению и труду. И все старались подражать жизни его и сравниться с подвигами его в послушании, дабы таковым многотрудным покаянием очистить грехи свои; видели, как он каждый день терпит голод, жажду, простирается на земле, мало спит, мучит и сокрушает тело свое — и получали от этого великую пользу.

Монастырь, где подвизался Емилиан, был построен на высокой горе, имевшей на одном из склонов пещеру; и был у блаженного Емилиана обычай тайно от всех поздно вечером удаляться из монастыря в эту пещеру и там всю ночь до утрени молиться со слезами.

Прошло много времени; как-то игумен повстречал Емилиана, выходившего из монастыря в поздний ночной час. Не зная, для какого дела выходит этот брат из монастыря, игумен оставил свою келию, пошел за ним тайно и, увидев, что он вошел в пещеру, стал около нее и решил ожидать, пока тот выйдет, дабы узнать от него, зачем входит он в пещеру. Немного времени спустя небесный свет ярче солнечных лучей внезапно озарил ту гору, и игумен увидел преподобного Емилиана стоящим в пещере с простертыми вверх руками и молившимся Богу; и небесный свет сходил на главу блаженного. При виде этого на игумена напали ужас и страх; на обратном пути в монастырь он уже бежал в трепете, и едва мог переступать

ногами от великого ужаса. Когда он достиг монастырских ворот, то услышал голос с неба, говоривший:

— Емилиан, отпускаются тебе грехи твои.

Еще более ужаснулся игумен, вошел в келию свою и в молчании ожидал рассвета. Желая, чтобы братия получили пользу из этого, игумен, после утрени, обратившись при всех к Емилиану, спросил:

— Где ты был в эту ночь, брат?

Преподобный, поклонившись игумену, отвечал:

— В монастыре, с братиею, почивал я всю ночь.

Но игумен обличил его и понудил не утаивать милости Божией, являемой грешникам истинно кающимся. Емилиан был вынужден поведать тайну всей братии, как от престола милосердия сошли на него с небес свет и голос. Тогда начал игумен говорит братии:

— Слушайте, братия моя дорогая. Всемогущий Бог и в молчании мог бы простить этому брату грехи его, но ради нас, возбуждая наши сердца к покаянию, послал ему в образе света милость Свою вместе с гласом Своим, да узнаем и мы и прославим милость и человеколюбие Творца нашего, Который близок к истинно кающимся.

Извещенный таким образом о том, что грех его прощен, преподобный Емилиан остальное время жизни своей провел в радости душевной и отошел к Свету неприступному внимать гласу радости и веселия праведников, ликующих в селениях небесных вовеки.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ПАВЛА ИСПОВЕДНИКА

Святой Павел был епископом города Плусиады[1] в то время, когда возникла в Церкви ересь иконоборцев. Видя, как противники святых икон неистовствуют против веры Христовой, как они извращают установления святых апостолов, какое пренебрежение оказывают честным иконам, какие хулы произносят на них, преподобный

[1] Город *Плусиада*, до VII века *Прусиас*, основанный Аннибалом, находился в Вифинии, римской провинции, расположенной в северо-западной части Малой Азии.

выступил против них, как победоносный воин Божий, и, как стрелами, поражал их словами Божественных Писаний. За это он претерпел преследования, изгнания и всякие напасти в жизни. Среди таких доблестных подвигов он и предал с миром дух свой Господу и переселился в горнее, столь возлюбленное им, Царство[1].

Повесть о затворнике,

которому Бог открыл об участи принимающих милостыню

Некоторый затворник весьма славился в монастыре своем, так как с юности проводил святую жизнь. Отрекшись от всех удовольствий мирских, он заключил себя в тесной келии и служил Богу, умерщвляя тело свое постом и всенощным бдением, молясь Владыке всего о себе и о всем мире и упражняясь умом своим в богомыслии. В определенное время он принимал небольшое количество пищи из рук служителя монастырского; а из того, что посылал Бог через христиан братии монастырской — золота, серебра, пищи и вина, — он ничего никогда не брал себе.

Было ему однажды такое видение о принимающих милостыню: однажды начальник города пришел в тот монастырь, чтобы сотворить милостыню, и давал всем по сребренику[2]. Подходит он и к затворнику, неся с собой златницу[3], и упрашивает его взять ее; устыдившись этого честного мужа, старец взял златницу и положил ее себе в карман.

Вечером, совершив свое обычное правило, старец лег на рогоже[4], намереваясь немного уснуть. И вот ему показалось, что он находится с остальною братиею того монастыря на пространном поле; все поле

---

[1] Преподобный Павел скончался около 850 года.

[2] *Сребреник* (ἀργύριον) — серебряная монета, имевшая в разное время различную ценность. Сребреник времен Спасителя равнялся приблизительно восьмидесяти копейкам.

[3] *Златница* — золотая монета неопределенной ценности.

[4] Постелью древних пустынников и подвижников обыкновенно служила рогожа, делавшаяся чаще всего из тростника.

то было наполнено тернием, и некоторый юноша (это был Ангел Господень) говорил монахам монастыря того:

— Жните терние.

Подошел этот юноша и к нему (затворнику) и сказал ему:

— Подпояшься и жни терние.

Когда же затворник начал отказываться, Ангел сказал:

— У тебя не должно быть никаких отговорок, потому что ты вчера нанялся с прочими монахами, взявшими у того христолюбца по сребренику; ты взял златницу и потому ты должен трудиться более других, пожиная терние, как принявший большую плату. Терние же, которое ты видишь, это — дела того человека, у которого вы вчера приняли милостыню; итак, приступи и жни с прочими.

Проснувшись и размышляя о виденном, затворник весьма опечалился и тотчас послал за человеком, давшим ему милостыню, и упрашивал его взять свою златницу. Христолюбец же тот не хотел брать ее обратно и сказал затворнику:

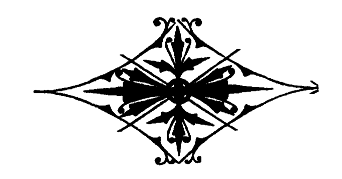
— Оставь ее у себя, отче, или отдай ее, кому хочешь.

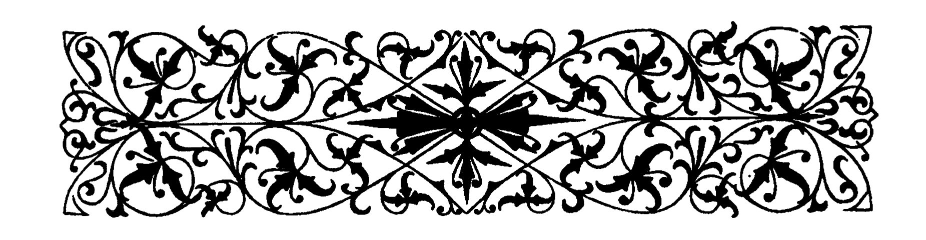
Тогда старец сказал ему:

— Я не хочу пожинать терния чужих грехов, не будучи в силах избавиться и от своего греховного терния.

Затем он выбросил ту златницу из келии своей и затворил окно.

Узнав причину непринятия милостыни своей старцем, муж тот стал заботиться об исправлении своей жизни и начал творить многую милостыню нищим и убогим, помня, что, по Писанию, милостынею и верою очищаются грехи (см.: Лк. 11, 41; Тов. 12, 9; Сир. 3, 30).

День восьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ФЕОДОРИТА,
пресвитера Антиохийского

Великим царем Константином и сыном его Констанцием в Антиохии Сирийской была воздвигнута и богато украшена соборная церковь. В народе она получила наименование *золотой церкви*, потому что была художественно расписана золотом и украшена блестевшею золотом мозаикою; верх ее также был весь вызолочен; бесчисленные сосуды церковные все были из золота и чистого серебра. Цари дали много имения на содержание многочисленного церковного клира. В клире этой великой соборной церкви был пресвитером святой Феодорит; ему были вверены на хранение сосуды, утварь и все богатство церковное. От юности проводил он жизнь добродетельную и хранил в сердце правую веру, исполняя слово Писания: сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению (Рим. 10, 10). Постом, молитвами, милостынями, попечением о спасении душ человеческих и непорочным священнослужением угождал он Богу.

Когда умер сын Константина Констанций, ему наследовал Юлиан Отступник. Приняв царство, он показывал себя сначала благочестивым христианином и возвращал из заточения епископов, изгнанных за благочестие царем Констанцием; когда же утвердился на царстве, то явно перед всеми отвергся Христа, Которого втайне давно уже отвергся, предавшись бесам и волшебству. И начал он гнать Церковь

Христову; если и не весь христианский народ поголовно истреблял, то по крайней мере начальствующих, духовного сана христиан и сановников из мирян захватывал, мучил и убивал, отнимал у христиан храмы Божии и обращал в капища идолов своих, разграблял всякое достояние церковное и говорил, окаянный:

— Христианам не подобает иметь какие-либо богатства, потому что Христос их повелел им быть нищими, сказав: не приобретайте ни золота, ни серебра.

В это лютое время была опустошена и антиохийская соборная церковь, названная ради красоты своей *золотою*; все дорогие украшения ее были взяты в царскую сокровищницу, имение церковное разграблено, клирики разогнаны и святой Феодорит замучен.

Было это так. Царь Юлиан имел дядю, себе соименного, Юлиана, родного брата матери его; он поставил его правителем и мучителем над восточными странами. Тот Юлиан, дядя царский, раньше был христианином, но, желая быть угодным племяннику своему, царю Юлиану Отступнику, отвергся Христа и поклонился идолам. В Антиохию пришел он раньше прибытия туда царя, вместе с другим царским сановником, по имени Филиксом, заведовавшим царскими сокровищами. Зная, что в соборной церкви много богатства, Юлиан взял сосудохранителя церковного, блаженного Феодорита пресвитера (а остальные клирики все от страха бежали и скрывались, где кто мог); потому он постарался захватить его, что тот имел в руках своих церковную ризницу. Отняв у него ключи, а его самого крепко связав и заключив в темницу, Юлиан с сокровищником царевым Филиксом и с великою вооруженною воинскою силою вошел в Божию церковь, чтобы отнять украшение ее, золото и серебро, и все дорогие вещи, и присоединить к царским сокровищам.

Войдя в святыню Божию как тать и разбойник, с каким великим бесстрашием и бесстыдством похищал он церковное благолепие, творил бесчестие святыне Господней и осквернял ее! Окаянный при самом престоле Божием дерзнул мочиться; когда же были вынесены из алтаря сосуды церковные и все вместе положены на земле, он сел на них для поругания, произнося из нечистых уст своих хулу и злословие на Господа нашего Иисуса Христа. Некто из бывших там, по имени Евзой, увещевал его не наносить бесстыдно такого бесчестия

святыне Господней и не хулить Христа. А он, ударив его крепко по голове, сказал:

— У христиан нет никакого промысла Божия, и этого попечения они совершенно лишены.

Ограбив и осквернив церковь Божию, нечестивый правитель обратился к мучению служителя Божия, святого Феодорита. Когда его, связанного, представили на нечестивый суд, Юлиан сказал ему:

— Феодорит! Зачем ты при царе Константине разорил храмы древних богов, а гробницы умерших украсил и велел создать над ними церкви?

Святой отвечал:

— Божественные церкви и гробницы святых созданы и украшены еще прадедами нашими, ибо прославил Бог святых Своих, найдя их достойными этого; тебе же, правитель, я удивляюсь, что из христианина стал ты идолослужителем.

Правитель приказал бить святого по лицу.

— Грешишь, Юлиан, — сказал ему святой, — идолов каменных и деревянных зовешь богами.

Тогда повелел мучитель раздеть святого, повесить на дереве и железными когтями строгать по всему телу его. Часа три строгали его, и кровь текла струями, но радостью светилось лицо святого, как будто не испытывал он никакой боли. И сказал ему мучитель:

— Окаянный, принеси жертву богам, и я освобожу тебя от долга, лежащего на тебе по церковному имению, зло тобой истощенному. Если же не принесешь жертвы, то насильственной смертью извергнешь свою душу.

Святой отвечал:

— Окаянный — ты, беззаконник и царь твой, потому что вы оставили Христа и прилепились к антихристу, и должны быть сожжены огнем вечным; я же никому не должен, кроме Господа моего Иисуса Христа, пред Которым долг мой — хранить истинную веру до последнего вздоха.

Снова обратился к нему мучитель:

— Феодорит! Ты получишь от меня много почестей и золота, только отвергнись того распятого волхва, которого называешь Сыном Божиим.

Святой мученик отвечал:

— Золото твое с тобой да будет в погибель[1]; я же уповаю на Господа моего, дающего рабам Своим вместо тленных благ — нетленные, вместо земных — небесные.

И повелел мучитель двумя свечами опалять ребра мученика. Когда его стали жечь, он, возведя очи свои на небо, начал молиться, — и тотчас оба опалявшие слуги пали на землю замертво. Юлиан и окружавшие его повелели старательно поднять слуг с земли и говорили им:

— Почему вы оставили жечь нечестивого христианина и предались дремоте и небрежению?

Слуги, придя в себя, отвечали мучителю:

— Если ты не видишь, как Ангелы Божии защищают раба Божия, то ты нечестив и ослеплен душою. Вот четыре Ангела беседуют с ним, а нам грозно запрещают прикасаться к честному его телу. Хулитель! Не пустословь, но знай, что велик Бог христианский, и мы в Него ныне веруем.

Объятый стыдом, мучитель повелел бросить этих слуг в глубину морскую. Когда же повели их на потопление, святой мученик Христов воззвал к ним, говоря:

— Идите вперед в путь блаженный с миром, дети мои, а потом и я последую вам и порадуюсь с вами радостью вечной в Царствии небесном.

И скончались слуги от потопления, сподобившись принять мученический венец от Христа Бога, в Которого уверовали. Продолжая приступать к святому мученику Феодориту, нечестивый правитель кричал:

— Принеси жертву богам.

Исполнившись духа пророческого, святой сказал ему:

— Ты, злочестивейший и окаяннейший из всех людей, будешь жевать свои внутренности, и немного времени пройдет, как извергнешь насильственно скверную свою душу и предашь ее огню вечному; также и беззаконнейший твой царь, недолго спустя после тебя, погибнет в Персидской земле; пораженный невидимой рукой, он будет ввергнут в геенну огненную. Знай достоверно, что начинание дел ваших не будет иметь успеха, ибо конец ваш близок, и погибель ваша не дремлет.

[1] Деян. 8, 2. Слова апостола Петра к Симону волхву, желавшему приобрести за деньги дар Духа Святого.

Не будучи в состоянии терпеть таких слов святого, скверный мучитель повелел тотчас его обезглавить, и пошел святой на смерть радостный, моля Бога о себе и о всем мире, и, усеченный секирою в главу, скончался.

Похоронив честное тело его, верные сохранили в сердцах своих пророческие слова, в муках изреченные мучителю, и ожидали исполнения их. И сбылось, что оба Юлиана, дядя и племянник, вскоре погибли с шумом. Юлиан, дядя царский, правитель стран восточных, убивший святого Феодорита, с того времени, как мочой своей осквернил престол Божий и попирал священные сосуды, ругаясь над святыней и хуля Христа, — впал в недуг. Тотчас в тайных его местах начали родиться черви; они грызли его снизу, и день ото дня увеличивалась болезнь. Искуснейшие врачи прилагали много старания, чтобы исцелить его, но не имели никакого успеха, и час от часу хуже ему приходилось, ибо черви сильно размножались и съедали тело его, которого коснулась правосудная рука Божия. И исполнились слова святого, сказанные мучителю: «будешь жевать свои внутренности», ибо когда проходы его засорились, уста богохульные стали скверным проходом: итак, поедаемый червями, он зло изверг окаянную свою душу. Также и друг его Филикс, заведовавший сокровищами царскими, не избежал скорой казни Божией: по возмездию Божию, внутренности его повредились, и кровь днем и ночью текла потоком из богохульных его уст, как из источника, и вскоре умер он для вечности, предав окаянную душу свою геенне. Когда злочестивый царь Юлиан пришел в Антиохию и узнал об этом, то не дерзнул нанести бесчестие мощам святого священномученика Вавилы, почивавшим в Дафне Аполлоновой, но повелел христианам взять их оттуда, — как пишется о том в житии этого святого, 4 сентября. Потом отступник Юлиан, отправившись походом против персов, погиб там, как предсказал святой священномученик Христов Феодорит[1]. Видев исполнение его пророчества, верные прославили Христа истинного Бога, с Отцом и Сыном славимого вовеки. Аминь.

---

[1] Юлиан был поражен стрелою, пущенною одним персом. Чувствуя приближение смерти, он приложил руку к ране, взял несколько крови, бросил ее в воздух и сказал, как бы видя пред собою Христа, Которого преследовал: «Ты победил, Галилеянин!» (363 г.)

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ФЕОФИЛАКТА ИСПОВЕДНИКА,
епископа Никомидийского

В те дни, когда Церковь была смущаема ересью иконоборства[1], пришел из восточных стран в Царьград благочестивый муж Феофилакт и стал близок к светилу церковному, святому Тарасию — тогда еще мирянину и сенатору, главному в царских палатах правителю тайных дел. По смерти царя-иконоборца Константина Копронима[2], воцарился сын его Лев[3] с матерью Ириною; патриарх Павел, прозванный милостивым, по доброй воле оставил престол свой, вместо же его на патриаршество возведен был святой Тарасий, который собрал VII Вселенский собор и проклял ересь иконоборства[4]. Тогда блаженный Феофилакт и вместе с ним Михаил Синадский оставили мир, приняли иночество и были посланы святейшим Тарасием в монастырь, построенный на берегу Черного моря: там,

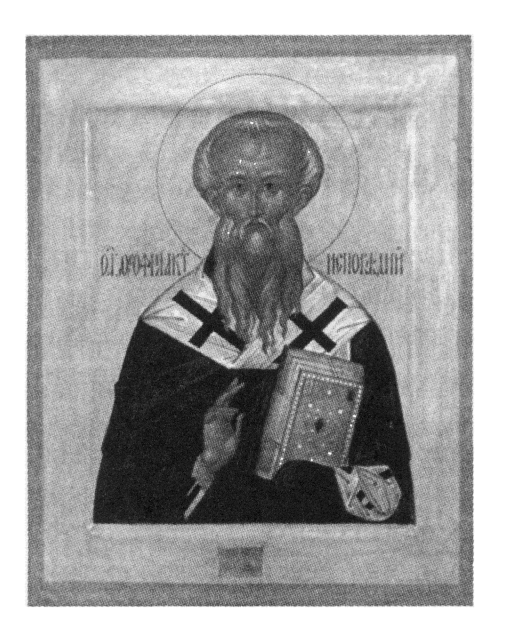
---

[1] Иконоборство в Греческой империи началось при Льве III Исаврянине (717–741 гг.) и окончилось при императрице Феодоре (842 г.). За это время царствовали: Константин V (по 775 г.), Лев IV (по 780 г.), Константин VI и Ирина (по 802 г.), Никифор I (по 811 г.), Ставрикий и Михаил I (по 813 г.), Лев V Армянин (по 820 г.), Михаил II (по 821 г.), Феофил (по 840 г.), Феодора и Михаил III (по 867 г.). Патриарший Константинопольский престол при этих императорах занимали: Анастасий иконоборец (753 г.), Константин II иконоборец (766 г.), Никита иконоборец (780 г.), святой Павел, память его 1 августа (784 г.), святой Тарасий, память его 25 февраля, при нем VII Вселенский собор 787 г. (806 г.), святой Никифор (815 г.), Феодор иконоборец (821 г.), Антоний иконоборец (832 г.), Иоанн VII иконоборец (842 г.) и святой Мефодий (846 г.).

[2] Прозвание *Копроним* производят от греческого «копрос» — навоз.

[3] Царствовал с 775 по 780 год. Лев IV — Хозар, хотя и был приверженец иконоборства, но относился уступчивее к его противникам: он разрешил возвратиться бежавшим при его отце монахам — заступникам иконопочитания и даже допускал их до занятия епископских кафедр; так, на патриарший престол был возведен тайный приверженец иконопочитания Павел Кипрский. Иконы оказались даже во дворце в комнатах императрицы Ирины, тайно от мужа поддерживавшей иконопочитателей. Когда это открылось, Лев удалил Ирину из дворца, но вскоре умер.

[4] Этот собор происходил в 787 году. Предав анафеме иконоборцев, собор установил иконопочитание в том смысле, что не дóлжно оказывать иконам поклонения, приличествующего только Богу, но их дóлжно чтить так же, как и святой животворящий Крест (почитание которого не отвергали иконоборцы).

подвизаясь в трудах иноческих, преуспели они в добродетелях и получили к Богу в молитвах своих дерзновение.

Было время жатвенное, и стоял сильный зной, люди изнемогали от великой жажды. Святые помолились Богу, и сосуд медный сухой стал источать воду в количестве, достаточном для потребностей. Так творит Господь волю боящихся Его и внимает молитвам их! Чудо это было подобно тому древнему чуду, бывшему в пустыне, когда Бог извел воду из камня для жаждущего Израиля (см.: Исх. 17, 6), и другому, когда для Самсона, умиравшего от жажды, сухие кости ослиной челюсти стали источником живой воды (см.: Суд. 15, 19). Когда преподобные отцы Феофилакт и Михаил просияли, как звезды светом, добродетельным житием своим, Святейший патриарх Тарасий нашел их достойными высокого архиерейского сана и, посвятив обоих, Михаила послал в Синад, а блаженного Феофилакта поставил епископом в Никомидии. Какие заботы о словесном Христовом стаде показал святой Феофилакт в Никомидии, какое попечение о нищих, сиротах и вдовицах, — о том свидетельствовали созданные им божественные храмы, больницы, странноприимные дома и неисчетная, ежедневно творимая им, милостыня. Он сам служил больным, слепым, хромым и немощным; обходя богадельни и городские площади с сосудом теплой воды, он своими руками омывал и очищал встречавшихся прокаженных, ничем не гнушаясь при служении им.

По отшествии из мира святейшего Тарасия, Никифор премудрый принял после него престол Константинопольской Церкви; тогда опять настала буря иконоборной ереси, возбуждаемая нечестивым царем Львом Армянином. Святейший патриарх Никифор, созвав избранных архиереев Емилиана Кизикского, Евфимия Сардийского, Иосифа Фессалоникийского, Евдоксия Амморийского, Михаила Синадского и блаженного Феофилакта, епископа Никомидийского,

отправился с ними к злочестивому царю: много поучали царя от божественных книг святые отцы, увещевая его не поселять смуты в Церкви Христовой той ересью, которую проклял VII Вселенский собор. Но не могли они убедить неистового царя, исполненного яда змеиного и дышавшего на них яростью и гневом. Когда же умолкли святые отцы, блаженный Феофилакт сказал царю:

— Я знаю, что, оскорбляя Божие долготерпение и пренебрегая своим спасением, ты противишься древнему преданию святых отцов и смущаешь Церковь; но подобно буре, настигнут тебя внезапно лютая пагуба и нежданная беда, и не найдешь ты избавителя себе.

Слыша это, царь еще более исполнился ярости и удалил епископов от себя с бесчестием, осудив их на заточение в различные места: Святейшего патриарха Никифора — на остров Проконнис[1], святого Михаила, епископа Синадского, — в Евдокиаду, других — в иные места, а святого Феофилакта Никомидийского — в приморский город Стровул, что в Киверреотах[2]. Там Христов исповедник и великий поборник благочестия в утеснении и скорбях многих провел остальное время жизни своей, около тридцати лет, и преставился ко Господу.

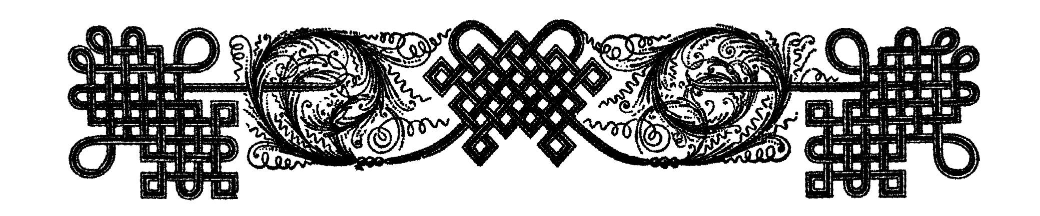
Царь Лев Армянин погиб, как и было предсказано святым, злою и нечаянною смертью: он был усечен мечами воинов своих в день Рождества Христова, в церкви во время утрени (820 г.). После него жили и скончались Михаил, названный *Косноязычным* (829 г.), и сын Михаилов Феофил (842 г.), цари иконоборцы. Когда же царица Феодора (842–855 гг.) с сыном своим Михаилом (855–867 гг.) (это был третий царь с именем Михаила) приняла скипетр царства, святой Мефодий был возведен на патриаршество (842 г.), и беззаконная ересь уничтожилась, а Православие воссияло, — тогда честное тело преподобного отца нашего Феофилакта из изгнания было перенесено в Никомидию и положено в созданной им церкви на защищение городу Никомидии, в честь же и силу Христу — Богу нашему.

Память святого апостола Ерма, в I веке мученически скончавшегося.

---

[1] *Проконнис* — остров в Проконниде (ныне Мраморное море) к северо-западу от Кизики; был известен своими мраморными ломками.

[2] *Киверреоты*, или *Кария*, — юго-западная область Малой Азии.

День девятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ СОРОКА МУЧЕНИКОВ,
в армянской Севастии

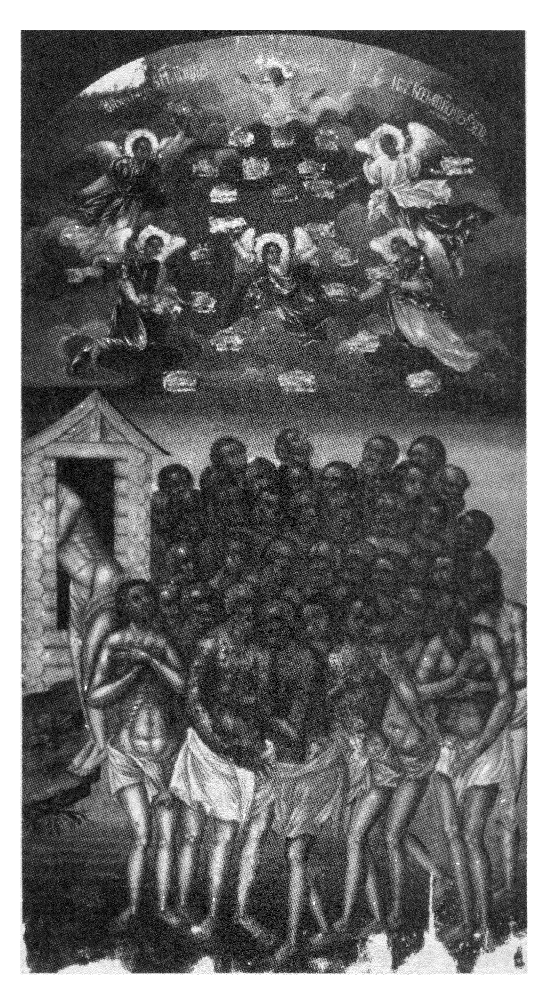
В царствование нечестивого императора Ликиния было воздвигнуто жестокое гонение на христиан[1], и все верные принуждаемы были приносить жертвы идолам. В армянском городе Севастии[2] воинским начальником тогда был Агриколай, человек свирепого нрава и ревностный поборник идолослужения. А так как в это время и в рядах императорских полков уже было немало христиан, то издано было повеление, чтобы и они приносили жертвы бесам. В полку воеводы Агриколая находились воины числом сорок, из Каппадокийской области[3], которые составляли особенно почетную дружину, благочестно веровавшую во Христа Бога и отличавшуюся непоколебимым мужеством, всегда непобедимую в делах ратных: были между ними — Кирион, Кандид и Домн, сведущие и в Божественном Писании. Когда стало известно воеводе Агрико-

---

[1] *Ликиний*, зять Константина Великого, императора западной половины Римской империи, был императором восточной половины — с 307 по 323 год. В 313 году обоими императорами был издан указ, коим христианская религия была объявлена государственною, — уравнена с древней языческою. Но Ликиний — язычник, враждуя против Константина, ставшего решительно покровителем христианства, и приготовляясь к войне с ним, по обольщению оракула, обещавшего ему победу, решился уничтожить христианство в пределах своей империи, особенно же, по опасению измены, в среде своих войск.

[2] *Армения* с городом *Севастией* — северо-восточная часть Малой Азии — входила в состав Восточной Римской империи.

[3] *Каппадокийская область* — восточная часть Малой Азии; ее главный город, Кесария, славился образованием.

лаю, что воины этой дружины суть христиане, он решился принудить их к идолопоклонению. Призвав их к себе, воевода обратился к ним с такой речью:

— Как в сражениях с неприятелями вы всегда были между собою согласны и единодушны и проявляли храбрость, так и ныне с таким же единомыслием покажите единодушно повиновение царскому указу, — принесите по доброй воле жертву богам, чтобы не подвергнуться вам мучениям.

На это святые дерзновенно отвечали:

— Если мы, сражаясь мужественно за царя земного, всегда оставались победителями, — как ты, окаянный, сам свидетельствуешь, — то не тем ли паче, подвизаясь за Царя бессмертного, мы одолеем твою злобу и победим твое лукавство.

Агриколай сказал:

— Одно из двух предстоит вам: или принести жертвы богам и удостоиться больших почестей, или же, в случае непокорности, лишиться воинского звания и подвергнуться бесчестию; размыслите об этом и изберите для себя, что найдете полезнее.

— Что полезно нам, — сказали воины, — о том печется Господь.

— Не рассуждайте много, — проговорил воевода, — и оставьте свое лжесловесие, а наутро будьте готовы принести жертвы богам.

И, сказав это, Агриколай велел заключить их в темницу. Введенные туда, святые воины, молитвенно преклонив колена, воззвали к Богу:

— Изми нас, Господи, от искушений и от соблазнов людей беззаконных.

Вечером же они начали петь псалом:

— *Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится* (Пс. 90, 1).

Пропев псалом до конца, святые воины вознесли молитву ко Господу; по молитве же они опять занялись псалмопением и так пробыли без сна до полуночи. Руководителем в пении был святой Кирион: он провозглашал стихи, а святые Кандид и Домн с прочими повторяли за ним. В полунощи же святые воины услышали голос явившегося им Господа:

— Добр есть начаток изволения вашего, но *претерпевший до конца спасется* (Мф. 10, 22).

Этот голос Господа все они слышали и были объяты ужасом, но страх их растворялся неземной радостью. И не спали они до утра.

Наутро Агриколай, собрав к себе своих друзей и советников, приказал привести из темницы святую сорокочисленную дружину воинов и обратился к ним с такою коварною речью:

— Что скажу вам, то скажу не льстиво и не ложно, но по самой истине: много воинов у нашего царя, но все они не могут равняться с вами ни мудростью, ни мужеством, ни красотою, и моим расположением не пользуются они столько, сколько — вы; так не делайте же того, чтобы моя любовь к вам превратилась в ненависть; в ваших руках, и от вас же зависит или сохранить мою любовь к вам, или навлечь на себя мою ненависть.

Святой Кандид на это ответил:

— Жестокий ты льстец, Агриколай! — Имя твое[1] согласуется с твоим нравом.

Воевода повторил:

— Не сказал ли я вам, что в вашей власти: или сохранить мою любовь, или возбудить к себе мою ненависть.

Святой Кандид сказал:

— Так как любовь твоя или ненависть к нам зависит, как ты сам говоришь, от нас, то мы избираем ненависть, ибо и мы тебя ненавидим и только у Бога нашего милости и ищем; ты же, свирепый и

[1] Ἄγριος — дикий, свирепый; κόλαξ — льстец.

жестокий человек и враг Бога нашего, не люби нас, будучи беззаконен и завистлив, — тьмою заблуждения объятый и звериным нравом оправдывающий свое лютое имя.

Приведенный в ярость таким дерзновенным ответом святого, воевода, скрежеща зубами как лев, приказал наложить оковы на святых воинов и заключить их в темницу; но святой Кирион сказал ему:

— Ты не имеешь от царя власти мучить нас, а можешь только допрашивать нас[1].

Испугавшись такого вразумления, сделанного святым воином, Агриколай приказал без грубых насилий отвести их и посадить в темницу и не налагать на них оков; только темничному стражу велел он стеречь их крепко. В то время воевода ожидал прибытия Лисия — князя, имевшего большие полномочия.

Пребывая в темнице, святые воины дни и ночи проводили в молитве и пении псалмов и слушании наставления святого Фириона.

— По устроению Божию, — между прочим говорил он, — мы, братья, сдружились во временной и суетной военной службе, но постараемся не разлучаться и вовеки; как доселе жили мы единодушно и единомысленно, так и подвиг мученичества совершим нераздельно: как угодны мы были царю смертному, так постараемся быть достолюбезны и бессмертному Царю, Христу Богу.

По прошествии семи дней, в которые святые воины содержались в темнице, прибыл в ту страну Лисий князь и, по прибытии в Севастию, немедленно обратил внимание на доблестных воинов: на другой же день, явившись вместе с воеводою Агриколаем в судилище, он приказал привести святую *четыредесятицу* воинов на истязание. На пути к этому неправедному судилищу блаженный Кирион так увещевал своих содружинников:

— Не убоимся, братия! Разве не помогал нам Бог в сражениях, когда мы призывали Его и одолевали врагов наших! Вспомните: как однажды случилось нам участвовать в великой брани — когда все соратники полков наших предались бегству и среди врагов остались

---

[1] Так и святой апостол Павел, страдая за Христа, требовал от судей, чтобы они, проявляя свою злобу, не попирали законов человеческих, государственных, — не подвергали его, римского гражданина, истязаниям по своему произволу (Деян. 16, 37; 22, 25–30).

только мы одни — *сорок*; вознесли мы тогда к Богу слезную молитву и Его помощью одних побили, других — раненых прогнали, и при всем множестве противников и при всей жестокости сражения ни один из нас не был ранен. Ныне же три врага ополчились на нас — сатана, Лисий и Агриколай воевода, а лучше сказать: один враг воздвигает на нас брань — враг невидимый; и ужели он победит нашу сорокочисленную дружину? Да не будет этого!.. Нам нужно и теперь поступить так же, как поступали мы всегда: обратимся с теплою молитвою к Богу! — и Он поможет нам, — и нам не причинят вреда ни узы, ни муки. У нас было всегда правилом, вступая в сражение, петь псалом: *Боже! именем Твоим спаси меня, и силою Твоею суди меня, Боже! услышь молитву мою, внемли словам уст моих* (Пс. 53, 3–4), сотворим же, братия-соратники, то же и ныне — и Бог услышит нас и поможет нам.

И пели святые воины псалом этот во весь путь от темницы до места судилища. На такое зрелище собрался народ всего города.

Предстала сорокочисленная дружина на суд пред Лисием и Агриколаем. Лисий князь, взглянув на святых воинов, сказал:

— Думаю, что эти мужи желают и заслуживают высших чинов.

Потом обратился к ним с такою речью:

— И почести и дары, больше других, вы получите от меня, только покоритесь царскому повелению — принесите жертвы богам. Предоставляется вам свободно избрать одно из двух: или поклониться богам и удостоиться больших наград и почестей, или же, в случае отказа вашего исполнить то, тотчас лишиться воинского звания и подвергнуться мучениям.

На это святой Кандид ответил:

— Возьми от нас не только воинское звание, но и самые тела наши, ибо для нас нет ничего дороже и ничего почетнее Христа Бога нашего.

Тогда надменный князь велел бить святых камнями по устам; святой же Кандид при этом заметил:

— Князь тьмы и рачитель беззакония! Начни сам творить то и увидишь отмщение.

Вскипев гневом и скрежеща зубами, воевода сказал:

— Злые слуги! Что так не скоро исполняете приказание князя.

Слуги взялись за камни, но когда стали бросать их, то удары наносили не святым, а взаимно себе самим — друг друга поражали. Видя это, святые мученики еще более укрепились в дерзновении о Господе. Раздраженный князь Лисий сам схватил камень и бросил в одного из святых, но камень этот ударил в лицо Агриколая и сокрушил ему уста. Тогда святой Кирион сказал:

— Борющиеся с нами враги наши изнемогли и посрамились; воистину *меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся* (Пс. 36, 15).

Воевода же сокрушенными устами произнес:

— Клянусь богами, — им помогает какая-то волшебная сила!

Святой Домн на это ответил:

— А я именем Христа удостоверяю, что не волшебство, а Бог нам помогает и Его сила ваши бесстыдные лица, возглаголавшие неправду на Сына Его, покрыла позором. Не стыдно ли тебе, безумный, чуждый истины, диавольской же преисподней тьмы исполненный, сеятель соблазнов! — Ты, Агриколай, голова злобы диавола, а князь, который с тобой, хвост его ярости; оба же вы — слуги сатаны. Но если вы еще не уверились в присущей нам силе Божией по началу мучений, которым подвергли нас, то начните другие мучения.

Нашлись, было, среди слуг желающие поддержать посрамленных своих начальников:

— Обезумевшие враги богов наших, — говорили они святым мученикам, — почему вы не хотите принести жертвы им?

Святой Кирион им отвечал:

— Мы Единого Бога почитаем и Иисуса Христа Сына Его, и Святого Духа и тщимся дерзновенно совершить наш подвиг, чтобы, победив вашу лесть, восприять венцы бессмертной жизни.

И повелел князь Лисий опять отвести святых ратоборцев в темницу, чтобы подумать о том, как поступить с ними.

Заключенные в темнице святые воины занялись псалмопением.

— *К Тебе возвожу,* — пели они, — *очи мои, Живущий на небесах! Вот, как очи рабов обращены на руку господ их, как очи рабы — на руку госпожи ее, так очи наши — к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас* (Пс. 122, 1–2).

И после молитвы они вторично сподобились ободрения свыше: в шестом часу ночи они услышали голос явившегося Господа:

— *Верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11, 25). Дерзайте и не бойтесь мук маловременных, вскоре бо прейдут; мало потерпите, законно постраждите, да венцы приимете.

Укрепленные таковым утешением от Христа Бога, святые воины проводили ту ночь веселясь духом.

На следующий день святые ратоборцы опять приведены были к нечестивым судьям и снова, не колеблясь, объявили:

— Делайте с нами, что хотите; мы — христиане и поклониться идолам не согласны.

В это время подле Агриколая виден был, в образе человека, держащего в правой руке меч, а в левой — змею, диавол, нашептывавший воеводе:

— Ты — мой, подвизайся!

Мучители приказали связать четыредесятицу святых воинов и влечь их к многоводному озеру, которое находилось близ города Севастии. Была же тогда зима и дул сильный ветер при крепком морозе; время клонилось уже к вечеру. Святые воины обнаженные поставлены были среди озера на всю ночь, а для наблюдения за ними приставлена была стража с начальником темницы во главе. Для обольщения же святых ратоборцев была устроена близ озера теплая баня, манившая к себе осужденных терпеть лютый холод и обещавшая скорую помощь тому из сорокочисленной дружины, кто, изнемогая от мороза, склонился бы к идолослужению и пожелал бы, выбежав из воды, согреться. В первом часу ночи, когда холод достигал крайней лютости, так что тела святых леденели, один из числа четыредесятицы не выдержал подвига и, отделясь от лика святых, побежал в баню; но едва он вступил на порог бани, едва ощутил теплоту, как растаял и пал мертвый. При виде такого постыдного бегства, святые воины единодушно возопили к Богу: *едá в рекáх прогнéваешися, Господи? Едá в рекáх ярость Твоя? Илú в мори устремление Твое* (слав. Авв. 3, 8)? — Тот, который отделился от нас, пролился как вода и кости его рассыпались (см.: Пс. 21, 15). Мы же не отступим от Тебя; оживи нас, и мы будем призывать имя Твое (см.: Пс. 79, 19). Ты, Которого хвалит вся тварь, Которого прославляют великие рыбы и все бездны, огонь и град, снег и туман и бурный ветер (см.: Пс. 148, 7–8) и Который ходил по морю, как по суху (см.: Мф. 14, 25) и свирепые волны укро-

тил мановением руки (см.: Лк. 8, 24)! Ты, Господи, и ныне Тот же; Ты, внявший мольбам Иакова, бежавшего от угроз брата своего Исава (см.: Быт. 27–28); явивший помощь Иосифу и от напасти его избавивший (см.: Быт. 39); услышавший Моисея и даровавший ему силу совершить в Египте знамения и чудеса перед фараоном и его приближенными (см.: Исх. 7–11); разделивший море и изведший народ Свой в пустыню (см.: Исх. 14); простиравший руку Твою по молитве святых апостолов Твоих на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса (см.: Деян. 4, 24–31; 16, 25–26), — Ты, Господи, услыши и нас: да не погубит нас пучина водная и да не поглотит глубина, ибо обнищали мы весьма; помоги нам, Боже Спаситель наш, ибо вот мы стоим в воде и ноги наши обагрились в крови нашей; облегчи тягость нашего бремени и лютость воздушную укроти, Господи Боже наш! — на Тебя мы уповаем и да не постыдимся, но да разумеют все, что мы, к Тебе воззвав, спаслись.

В третий час ночи святых мучеников облистал свет как бы летнего солнца во время жатвы, который рассеял холод, растопил лед и согрел воду. Между тем воины, которым поручен был надзор за святыми, объяты были сном, и не спал только один страж темничный. Он, слыша, что мученики молятся Богу, размышлял: что такое означает, что прибегший к бане тотчас, как воск, растаял от тепла, а прочие и при столь большом морозе остаются живы и невредимы. Пораженный же светом, озарившим святых мучеников, и желая рассмотреть, откуда исходит этот чудный свет, он взглянул вверх и увидел пресветлые венцы, числом тридцать девять, сходящие на главы святых; размышляя же о том, почему нет сорокового венца по числу преданных страданию сорока человек, уразумел он, что бежавший в баню отвержен от лика святых и потому недостает сорокового венца. Немедленно разбудил он спавших воинов, сбросил с себя одежды и нагой на глазах всех побежал в озеро, восклицая: и я христианин. Присоединившись же к сонму святых мучеников, он воззвал к Богу:

— Господи Боже! В Тебя я верую, в Которого и они веруют; причти меня к числу их и сподоби пострадать с этими рабами Твоими; да буду и я, пройдя подвиг испытания, достоин Тебя! — И стало

таким образом опять совершенное число святых мучеников — *сорок*[1]; место отпадшего заступил темничной страж, который стал святым восполнением четвертой десятерицы[2]. Имя его было Аглаий.

При таком дивном восполнении сорокочисленного лика святых мучеников, диавол, видя себя побежденным и посрамленным, приняв вид человека, рыдал, во всеуслышание взывая:

— Увы мне! Побежден я этими мужами, для всех теперь я — смех и поношение! Не оказалось у меня ни друзей, ни слуг единодушных, чтобы отстоять мою победу! Что же, наконец, остается мне делать? Ничего более, как только расположить сердца преданных мне князя и воеводы — внушить им, чтобы сожжены были тела святых и прах их брошен был в реку, чтобы не осталось после их ничего, никаких останков.

Между тем святой Кирион возгласил:

— *Кто Бог так великий, как Бог наш! Ты — Бог, творящий чудеса* (Пс. 76, 14–15)! Ты, Владыко, сотворил, что те, которые были против нас, стали с нами и за нас; Ты восполнил умаление четвертой десятерицы и посрамил сатану!

И начали все мученики петь псалом: *Спаси мя, Господи, яко оскудé преподобный* (слав. Пс. 11, 2).

Настало утро; нечестивые мучители пришли к озеру и, увидев святых мучеников, стоявших в воде, живыми и не пострадавшими

---

[1] Число *сорок* — 40 — почиталось всегда как знаменательное, священное: сорок дней и ночей шел дождь при Ное, и земля очистилась от допотопной людской плотяности — Быт. 7, 12; сорок лет странствовали евреи в пустыне и только тогда вступили в землю Обетованную — Нав. 5, 6; сорок дней и ночей провел Моисей на Синае и получил Скрижали Закона — Исх. 34, 28; в сороковой день от рождения первенцы еврейские были посвящаемы Богу — Лев. 12, 2–4; сорок дней и ночей шел пророк Илия к горе Хориву и удостоился видения Господа в веянии тихого ветра — 3 Цар. 19, 8; сорок дней и ночей постился Сам Господь Иисус Христос в пустыне — Мф. 4, 2; сорок дней пребывал Он на земле после Своего воскресения, являясь ученикам Своим и говоря о Царствии Божием — Деян. 1, 3.

[2] «Совершилось здесь то же, что было с апостолами: Иуда пошел прочь, а на его место введен Матфий (Деян. 1, 25–26); явился новый Павел, вчера дышавший гневом и прещением на учеников Христовых, а ныне благовествующий. И этот, как и тот был призван, — уверовал в Господа Иисуса Христа, крещен в Него не другим кем, но собственною верою, не в воде, но в крови своей» (Василий Великий. Беседа на святых 40 мучеников. — Творение святых отцов, т. 8).

от зимней стужи, удивились, но объясняли это чудное явление волшебною хитростью страстотерпцев. Их удивление еще более возросло, когда они увидели среди мучеников стоящего темничного стража. Допросили они воинов, приставленных для надзора: почему и как это произошло! — воины на это ответили:

— Мы ночью крепко уснули, а он — темничный страж — всю ночь не спал и — вдруг разбудил нас; проснувшись же, мы видели большой свет, озаривший стоявших в воде, а этот быстро снял с себя одежды и, бросив их, стремительно вошел в воду и присоединился к стоявшим там, громко заявляя: и я христианин.

Яростью распалились тогда сердца мучителей; приказав вытащить на берег связанных святых и оттуда вести их на мучилище в город, судьи приговорили подвергнуть святых мучеников новому истязанию — перебить им голени молотами.

Когда производилось это бесчеловечное истязание святых, благочестивая мать одного юнейшего из них, Мелитона, приблизившись к месту мучения и стоя подле страдальцев, поощряла их словами к доблестному прохождению подвига; всего же больше опасаясь, как бы юный сын ее не устрашился и не изнемог в мучениях, любовно на него взирая и простирая к нему руки, ободряла его и утешала, говоря:

— Сын мой сладчайший! Потерпи еще немного и — будешь совершен; не бойся, чадо, се Христос предстоит, помогая тебе!

Святые мученики, претерпевая, как презренные злодеи, страшные муки от сокрушения голеней (см.: Ин. 19, 31) и не ослабевая в ревности, в предсмертные минуты с духовным веселием взывали:

— *Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы избавились. Помощь наша — в имени Господа, сотворившего небо и землю* (Пс. 123, 7–8).

И, произнеся аминь, все они предали души свои Богу и только один, утешаемый матерью, Мелитон, оставался жив едва дыша. После того мучители приказали своим слугам возложить тела умерших святых на колесницы и везти на сожжение, оставив одного юного Мелитона, в надежде, что он будет жив. Но благочестивая мать, видя оставленным на месте мучения одного своего сына, отринув свойственную ей женскую слабость и воодушевившись мужеством, взяла на свои плеча сына и безбоязненно последовала за колесницами, на

которых как снопы зрелой пшеницы везены были тела святых мучеников. Когда же мученик, несомый матерью, испустил дух свой, радуясь о Господе, то ее же материнскими руками тело его возвержено было на колесницу к телам его сподвижников[1]. Когда тела святых мучеников привезены были на место сожжения близ реки, воины по распоряжению нечестивых судей, собрав много дров и хвороста, приготовили весьма большой костер и, возложив на него тела святых, подожгли его. Костер сгорел, остались только кости мучеников. Но злоба мучителей не успокоилась!

— Если кости эти мы оставим так, — рассуждали они между собой, — то христиане возьмут их и наполнят ими весь мир, раздробляя их и сохраняя для воспоминания оных; итак, бросим их в реку, чтобы и праха их не осталось.

И ввержены были останки святых мощей в реку на всеконечное погубление памяти доблестных страстотерпцев. Но Господь, хранящий все кости угодников Своих (см.: Пс. 33, 21), не попустил ни одной

---

[1] Святой Ефрем Сирин (Творение святых отцов, т. 14, — «Похвальное слово 40 мученикам») влагает в уста блаженной матери мученика при этом такую трогательную речь: «Успокойся, сын мой, ненадолго на колеснице; смешай кровь свою с досточестными кровьми; возляг на мгновение с ними, чтобы вместе же с ними достигнуть небесной обители. Иди с ними в огонь чувственный, чтобы с ними же облечься в свет истинный; войди с ними в горнило, чтобы с ними же выйти очищенным золотом. Знаю, от какой бури спаслись вы и в какую пристань стремитесь. Знаю, что вы идете к Отцу небесному... спешите занять страну, откуда бежали болезнь, печаль и воздыхание, где нет ни скорби, ни тления, ни грызущей зависти, ни злого врага. Почему и я, сын мой, не умерла вместе с вами? Почему и я не включена в это светлое торжество ваше и не могу им насладиться? — Ужели потому, что я грешная и достойна слез и крайнего сожаления!.. Нет, не по этой причине я не иду с вами, а потому, что вы не требуете восполнения, — вы стали для Бога одною *четыредесятицею*, по *десяти* и *десяти* призваны на пир Евангельский (см.: Мф. 25, 1–13)... Итак, сын мой, поелику удостоен ты такой славы, то помолись о мне Спасителю Христу, когда скажет Он вам: приидите, наследуйте Царство Мое, которое Я уготовал вам (см.: Мф. 25, 34). Вспомни обо мне вместе с равночестными тебе и испроси мне награду у Отца светов, чтобы, как плоть твоя на мне испустила дыхание, так на меня дохнули щедроты Христовы, и, как кровь твоя обагрила мое рубище, так оросило бы меня милосердие Господне, и как с тобой прошла я это одно поприще, так с тобой же достигла бы обители святых, чтобы и мне вместе с вами воспеть и сказать: *Нет столь святого, как Господь; ибо нет другого, кроме Тебя; и нет твердыни, как Бог наш* (1 Цар. 2, 2). Он вознес рог верных рабов Своих и посрамил врагов. Ему подобает слава вовеки».

частице их погибнуть в воде, но все они сохранились в целости. По прошествии трех дней святые мученики явились епископу города Севастии блаженному Петру и сказали ему:

— Приди ночью и изнеси нас из реки.

Блаженный епископ пригласил благоговейных мужей из своего клира и в темную ночь пошел с ними на берег реки. И вот взорам их представилось дивное зрелище: кости святых сияли в воде как звезды, светлы были и те места в реке, где лежали и малейшие частицы их. Собрав все до одной кости святых, епископ положил их в честном месте. Так пострадавшие за Христа и от Него увенчанные, как светила сияют в мире[1]: они веровали в Бога, Христа исповедали, Духу Святому не противоборствовали и от святой Животворящей Троицы прославились, оставив воспоминание о своем подвиге для назидания во спасение всем верующим в Отца, и Сына, и Святого Духа. Имена святых сорока мучеников таковы: Кирион (Кирий), Кандид, Домн, Исихий, Ираклий, Смарагд, Евноик (Евник), Валент (Уал), Вивиан, Клавдий, Приск, Феодул, Евтихий, Иоанн, Ксанфий, Илиан, Сисиний, Аггий, Афтий, Флавий, Акакий, Екдикий (Екдит), Лисимах, Александр, Илий, Горгоний, Феофил, Домитиан, Гаий, Леонтий, Афанасий, Кирилл, Сакердон, Николай, Валерий, Филоктимон, Севериан, Худион, Мелитон и Аглаий.

Взяты были святые сорок мучеников на страдание за Христа 26 февраля, а предали души свои Господу они 9 марта[2], когда импе-

---

[1] Память святых сорока мучеников во всех древнейших месяцесловах на Востоке и Западе относилась к кругу праздников и памятей святых наиболее чтимых (см.: Полный мес. Востока арх. Сергия, т. 1, стр. 17–19; т. 2, ч. 2, стр. 75); в состав службы им входят, по Уставу, два канона; в день памяти их облегчается строгость поста — разрешается вкушать вино и даже елей, и предписывается непременно и неизменно совершать службу в порядке службы Предтечи с литургией Преждеосвященных Даров.

[2] Пострадали святые мученики в 320 году, а в 323 году император Константин сделался единодержавным во всей Римской империи. Празднование памяти сорока мучеников совершается 9 марта, но оно иногда переносится по Уставу на другие дни, именно: если оно случится в какой-либо день *Первой седмицы* Великого поста, то служба мученикам правится в субботу; если случится оно в среду недели Крестопоклонной, то служба правится во вторник той же недели, а равно если случится в четверг Великого Канона, то служба правится во вторник той же пятой недели; если же случится в Субботу Акафиста, то переносится на воскресенье пятой же недели поста.

риею владел еще Ликиний язычник, но лучше сказать — уже царствовал Господь наш Иисус Христос. Ему же слава, честь и поклонение со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
УРПАСИАНА

Когда в Римской империи стал царствовать нечестивый Максимиан[1], то, будучи неукротимым карателем за непочитание языческих богов, тех христиан, которые жили в окрестностях Никомидии[2], предавал мучениям, а против прочих, обитавших во всех других местах империи, пылал яростью, подобно пламени великому. Собрав однажды единомышленников и, так сказать, соратников своих, а также всех, бывших под властью его, сановников, он громким голосом сказал им:

— Если кто из вас предался нечестивой вере и служению Богу христиан и не желает с надлежащим усердием служить прославленным богам нашим, не желает им поклоняться и обращаться к ним с молитвами, тот пусть тут же пред всеми снимет пояс свой[3] и удалится от двора нашего и из нашего города, ибо жители города этого со времен предков своих привыкли служить богам, а не Единому распятому Богу.

Из этих слов ясно было видно, с каким презрением относился беззаконный царь к христианской вере. Поэтому все, веровавшие во Христа, пришли тогда в страх и ужас, и некоторые из них искренно

---

[1] Здесь разумеется *Максимиан Галерий*, зять и соправитель Диоклетиана на востоке Римской империи. По его настоянию в 303 г. Диоклетиан издал общий закон против христиан, но еще до издания этого закона Галерий частным образом преследовал христиан: удалял их от своего двора, изгонял из военной службы и тому подобное.

[2] *Никомидия* — столица Восточной империи, резиденция императора Диоклетиана; великолепный город на берегу Пропонтиды (Мраморного моря) в северо-западной малоазийской области Вифинии.

[3] *Пояс* в Римской империи служил особым отличительным знаком военачальника.

обещали царю служить богам, другие же только для того, чтобы избежать мучений, а те, которые имели истинную любовь к Богу, не радея о телах своих, отвечали на слова мучителя тем, что снимали поясы свои и уходили от него. В это время премудрый и сильный духом Урпасиан, будучи одним из царских сановников, воспылав ревностью по Боге, подошел к беззаконному царю и, повергнув пред ним на глазах всех свою мантию и пояс, сказал:

— Царь, так как с этого дня я — воин небесного и бессмертного Царя, Господа Иисуса Христа, Бога моего, то возьми назад данные тобой мне знаки чести и славы, ибо эта честь и слава временны, и я более в них не нуждаюсь.

Эти слова Урпасиана были так неожиданны для Максимиана, что он, услышав их, изменился в лице и долгое время не мог произнести ни одного слова. Потом потер лицо свое и, с яростью взглянув на святого мученика, зарычал, как дикий зверь, говоря:

— Сейчас же повесьте этого презренного и бейте его по телу воловьими жилами.

Повеление царя немедленно было исполнено, и когда святого мученика предавали долгому и немилосердому истязанию, он, обратив взор свой к небу, молился и не ощущал никакой боли. После этого мучитель повелел снять святого с дерева и сказал предстоящим:

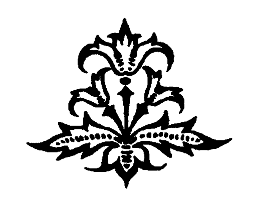
— Заключите этого изменника в мрачную темницу, пока я не придумаю, какой смерти предать его.

В темнице святой мученик радовался и веселился, воссылая молитвы свои Господу. Между тем Максимиан повелел принести и приготовить для мучений некое мучительное орудие, представлявшее собою железную клетку, и, выведя святого из темницы, поместить в эту клетку, повесив его к вершине ее. Когда это повеление царя было исполнено и святой Урпасиан уже висел, то жестокий мучитель велел зажечь факелы и опалять ими со всех сторон тело его. И в то время, как это совершалось, святой мученик Христов, вися внутри клетки, предавался молитве, мучители жгли его факелами до тех пор, пока все тело его не искапало каплями на землю и, растаяв как воск, не смешалось с прахом земным, а кости его не испепелились и не стали такими, как пыль на гумне. Когда святого мученика, погруженного в молитву, таким образом сожигали, то воздух наполнялся благоуханием мира, и, наконец, святая душа его в образе яр-

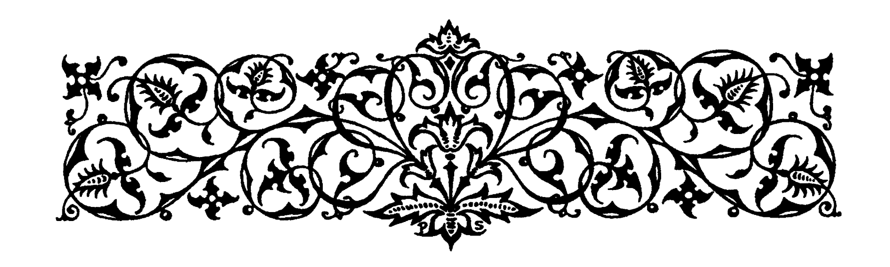
кой звезды, как удостоились видеть некоторые из верующих, вознеслась к Богу[1]. Тогда свирепый и жестокосердый царь, все еще пылая гневом на святого мученика, велел тщательно собрать землю, на которую искапало тело его и где лежал прах от его костей, и при себе высыпать в море. Все это происходило в городе Никомидии.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
КЕСАРИЯ

Святой Кесарий, брат святого Григория Богослова, был другом императора Констанция и первым врачом при Константинопольском дворе. В 368 году, во время землетрясения в Никее, он чудесно был спасен под развалинами. Потрясенный этим событием, святой Кесарий, по убеждению святого Григория, оставил мир и посвятил себя на служение Богу. Но вскоре по крещении он заболел и скончался.

[1] Святой мученик Урпасиан скончался около 295 года.

День десятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
КОДРАТА, КИПРИАНА, ДИОНИСИЯ, АНЕКТА, ПАВЛА, КРИСКЕНТА
и прочих с ними

Святой мученик Кодрат родился и воспитался при следующих обстоятельствах. Во время жестокого гонения на христиан нечестивыми царями и князьями исповедники Христовы подвергались ужасным мучениям и насильственной смерти; поэтому многие верующие, боясь нестерпимых мучений, покидали города, жилища и имущество; убегая, они скрывались в горах и пустынях, чтобы сохранить невредимой святую веру во Христа, соглашаясь лучше жить со зверями, нежели с нечестивыми идолопоклонниками. В эти тяжелые времена благочестивая женщина, по имени Руфина, из страха мучений убежала из Коринфа[1] в пустыню и скрывалась там в непроходимых местах. Во время бегства из города Руфина была беременна и, по наступлении должного времени, родила в пустыне младенца мужеского пола и затем, прожив только несколько дней, скончалась. Бог, дарующий пищу всякой плоти, отверзающий Свою руку и насыщающий все живое (см.: Пс. 103, 27–28), не оставил осиротевшего младенца, но явился для него отцом и матерью, воспитателем и кормильцем. По повелению Всевышнего Бога с высоты спускалось облако и, стелясь по земле, источало на уста младенца сладкую

---

[1] *Коринф* — главный город Ахаии, просвещенный апостолом Павлом.

росу. Таким образом облака питали младенца как бы молоком или медом до того времени, пока он, подросши, не стал сам питаться пустынными злаками. Подобно святому Иоанну Крестителю, младенец жил в пустыне охраняемый Богом, наставляемый и вразумляемый к боговедению (см.: Лк. 1, 80) Духом Святым. Уже в юношеском возрасте он был найден верующими людьми; они привели его в город, где он учился чтению книг и усвоил врачебное искусство. Но он врачевал не столько болезни своими познаниями, сколько исцелял их данною ему свыше благодатью. Как с детства привыкший к пустынному безмолвию, он особенно старался удаляться от людской суеты: любя уединение, он бóльшую часть своей жизни проводил в горах и пустынях, предаваясь богомыслию. Когда же ради удовлетворения нужд, он приходил в город, то всем являл неисчисляемые блага, врачуя болезни телесные и словом Божиим исцеляя душевные недуги. Но он недолго оставался в городе, спеша снова в приятное для него пустынное уединение, в котором и приблизился к старости. Сюда, в пустыню, к нему приходили любившие его во Христе, желавшие наслаждаться видением святолепного лица его и принимать наставление от его богодухновенных бесед; таковы были Киприан, Дионисий и Анект, Павел и Крискент, которые вместе с ним и пострадали за Христа.

Страдания их произошли таким образом. По повелению нечестивого римского императора Декия[1], для мучения и убийства христиан в Коринф пришел игемон Иасон. Схватывая христиан, он ввергал их в темницу. В это время вместе со своими блаженными друзьями Киприаном, Дионисием, Анектом, Павлом и Крискентом был схвачен и святой Кодрат; они были ввержены в темницу к многим, пребывавшим уже там в узах христианам. Спустя некоторое время Иасон сел на нечестивом судилище, приказав вывести христиан из темницы и представить к нему для допроса. Среди них старейшим был святой Кодрат: как полководец шел он впереди избранного воинства Христова, желая безбоязненно отвечать мучителю за всех. Мучитель обратился к святому с такими словами:

— Кодрат! Что соделало тебя настолько безумным, что ты желаешь добровольно предаться лютым мучениям? И на что надеясь, ты

[1] *Император Декий* управлял Римской империей с 249 по 251 год. Он был одним из жесточайших гонителей христиан.

безбоязненно выбираешь узы и темницу, лишаясь отечества и друзей? Зачем не повинуешься царским законам, чтобы, поклонившись богам, наслаждаться с нами радостями этой жизни?

— Никто, — отвечал святой Кодрат, — имеющий здравый разум, не отречется от этой жизни. Но так как эту жизнь даровал Бог, то необходимо более любить Даровавшего, нежели дарованное, воссылать благодарность великому Благодетелю, вознося Ему хвалы, ведя добродетельную жизнь и повсюду расширяя славу Его нашими страданиями. Не следует настолько любить эту кратковременную жизнь, чтобы из боязни потерять ее, воздавать идолам честь, подобающую единому Богу! Ибо какого иного Бога можем почитать за истинно совершенного, кроме обогатившего нас от начала вечными дарами Своей любви? И в этих великих дарах Кого можем познать, как не Самого Христа — Спасителя? Да и кого же можем поистине назвать Спасителем, как не Иисуса, претерпевшего за нас муки и смерть? И нам, хотящим быть добродетельными, прежде всего надлежит претерпеть муки за истинную веру и благочестие и ни в коем случае не отпадать от них. Намерение тех, которые стремятся обольстить и совратить истинных ревнителей Божественных таинств, — зло, и молитва их греховна. Каждому необходимо выбирать лучшее. Нужно заботиться о том, чтобы не спешить идти за людьми, которые носят только образ добродетели; но следует вникать в самые дела их, — не злы ли они и не приносят ли великий страх погибели. Знай, что мы, исполняя заветы отцов наших, направляемся к тому, что лучшее, поэтому не старайся враждебными нам действиями убедить нас, чтобы мы, уклонившись от своего пути, оставили Христа. Для нас лучшая советница — истина Божия, а законы благочестия имеют великую силу убеждения; согласные между собою они соединяют нас с Богом. Возьмите во внимание и то еще, что по общему закону природы всем необходимо умереть и от этого закона никто не может быть свободен. С наступлением же смертного часа гибнут все несправедливые дела и помыслы человеческие, и кратковременная слава обращается в прах. Напротив — дела, порождаемые доброй жизнью, приносят совершающим их людям вечную славу, переживающую их смерть. Так и мы, твердо решив не отказываться от нашего намерения мужественно пострадать за Христа, оставим пример для тех, которые пожелают вполне подражать нам. Ведь право мыслящие и ве-

рующие о том только и думают, чтобы, имея святые примеры лучшей жизни, подражать им и через это преуспевать в совершенстве.

На эти слова Иасон сказал святому:

— Кодрат! Если ты почитаешь Того Бога, благодеяниями Которого наслаждаешься с самой юности, то хорошо поступаешь, оказываясь благодарным. Но смотри, как бы тебе, проповедуя о Христе — человеке, — не уничижить естества божеского.

Святой Кодрат отвечал игемону:

— Если ты желаешь, отложив гнев и переменив ярость на кротость, выслушать меня, то хотя и не удобно говорить о столь великих предметах, к чему я и сам мало способен, все-таки сообщу тебе нечто.

— Изложи же нам, — предложил игемон, — по возможности ясно ваше учение о Христе.

Святой Кодрат отвечал на это:

— Начало миробытия Бог положил в Своем изволении, сотворил мир Словом и утвердил силою Святого Духа. Изволивший на бытие мира есть Отец, создавшее же его Слово есть Сын, а утвердившее — Святой Дух. Когда был создан прекрасный мир, предназначенный Творцом для определенной цели, Создатель благоволил, чтобы некто наслаждался созданными Им благами и славил Его в благодарности. Поэтому Он создал человеческий род, чтобы передать последнему все видимое. Вдунув дыхание жизни в первого человека, Он ввел его в Рай — место неизреченных сладостей. Человек, вместе с сотворенною для него помощницею, увидев многообразие прекраснейшего мира, возрадовался и получил от Бога власть наслаждаться райскими садами. Наши прародители, размышляя о том, с каким великим предназначением водворены они Богом в Раю, решили, что им следует достойно благодарить Создателя и Благодетеля, и начали проводить добродетельную жизнь, соблюдая установленную от Бога для них заповедь, о невкушении от одного дерева. Но лукавый обольститель диавол, подвигаемый яростью, нося лесть на устах и злобу внутри, излил на прародителей весь яд своей злобы, желая их лишить райской жизни: погубляя честь их, он вложил им страстное желание нарушить заповедь Божию и притом с их изволения на его лукавый совет. Вследствие этого случилось то, что жившие в Раю с Богом отпали от благодати Божией и лишились Рая, будучи изгнаны из него.

С этого времени бывшие раньше участниками славы Божией, как бы связанные узами греха, начали бедствовать, служа пустым пожеланиям. Но Бог умилосердился над Своим созданием и милостивно призрел на человеческую немощь; Он благоволил, сокрыв Божество воспринятою Им плотью, прийти к нам окаянным и погибшим, чтобы освободить нас от уз вражеских и порабощенных царству смерти вывести на свободу, избавив от погибели. Поэтому Он изволил, чтобы Слово Его, вселившись при *кончине лет* (Гал. 4, 4) в пречистой утробе Богородицы-Девы, чрез воплощение облеклось во всего человека. Пречистая же Дева, зачав от Святого Духа, родила Бога во плоти. И, таким образом, действительно человеческими глазами был видим во плоти Бог, Которого мы именуем Христом. И Он явил Себя людям, как истинного Бога, воистину облекшегося от Девы во всего человека, восставшего против вражией силы и распространившего пределы Своего горнего Царства. Он уничтожил законы смерти и Божественною силою разорвал ее узы, разорил ад, вывел из него прародителей со множеством происшедших от них людей и первый, как избавивший все народы и страны от погибели, был назван Спасителем. Открыв сокровища Своего милосердия, Он пожелал, чтобы они были для всех общими. Всех освободив от соблазна мучительского, Он охраняет Свое наследство свободным и невредимым от погибели. Ничто для Него не тайна: ни начало нашего рождения, ни срок нашей жизни, ни конец смертный, ни что другое неизвестное, но все, что установлено законоположением Отца, известно и ясно Сыну, осуществляющему Его волю. Он и есть Тот Христос, Которого мы проповедуем. Он Тот, Который озаботился о спасении рода человеческого. Всегда и везде Сущий, Он подает нам неоскудеваемое богатство Своей благости, неотлучно находится при служащих Ему и помогает им.

Игемон, хотя и изумлялся речам святого Кодрата, однако, не желая веровать открываемой истине, сказал:

— Думается мне, Кодрат, что ты говоришь ложь о высоких предметах, так как ты попускаешь Богу иметь чисто человеческие свойства, утверждая, что Его могла вместить утроба Девы, Которая, носив во чреве, родила Христа! И так ты утверждаешь, будто один Бог был виден на земле носящим человеческое тело, а другой истинный Бог находился где-то в ином месте.

Святой Кодрат отвечал:

— Нечестивым людям не следует испытывать тайн благочестия, ибо великое дело их познания не всякому легко дается, да мы и не дозволяем неверующим проникать в них. Сын Божий добровольно смирил Себя, снизойдя до образа раба, и, будучи Богом, соизволил соделаться человеком, чтобы исторгнуть нас от рабства диаволу. Ты, как человек исполненный неверия и безбожия, не можешь понять этого; но знай, что ты не отторгнешь нас от Христа ни коварной хитростью, ни яростными угрозами.

Тогда игемон приказал верного раба Христова, обнажив, бить без сожаление палкою, что немилосердые палачи исполняли с жестокостью. Святой же мученик мужественно переносил побои и во время их говорил мучителю:

— Разве ты не знаешь, игемон, что все, вынуждаемое силой, противно свободе и не годится для убеждения? Убеждающий таким путем показывает себя насильником, а советующий и увещевающий является кротким и человеколюбивым. Поэтому и ты, склоняя нас мучениями к поклонению идолам, не надейся насилием привлечь к своему нечестию, чтобы мы из-за страха отверглись благочестия. Проникнутые любовью ко Христу, мы не обращаем внимания как на льстивые ласки, так и на муки, которые ты можешь изобрести; все скорби и болезни Христос облегчает надеждой воздаяния, укрепляет в том, чтобы не повиноваться противнику, и делает нас непобедимыми и стойкими в подвиге страдания.

Еще более разгневанный этими словами, мучитель приказал повесить святого вниз головою, строгать тело его железными ногтями и опалять страстотерпца, разведя под ним огонь. Но он, перенося все с доблестью, оставался непоколебимым.

Вслед за этим игемон обратился с лестными словами к святому Киприану, пытаясь склонить его к единомыслию с собою. Но святой Киприан, хотя и был еще молод, тем не менее безбоязненно готовил себя к мучениям. Святой же Кодрат говорил ему и другим, вместе с ним готовившимся на мучения и уже снимавшим одежды:

— О други и сподвижники мои! Помыслите о том, сколь много благ уготовано вам от Господа: за благочестие — почет, за мученичество — прославление, и в особенности не забывайте, что вы делаетесь достойными милости Иисуса Христа, Который скоро явит вам свыше Свою помощь. Итак, ныне надлежит нам показать непоколе-

бимую веру во Христа Бога. Ныне настало время подвига, а потому исполните без колебаний закон любви, — полагая душу свою за Того, Кого вы любите. Вы должны показать себя примером для всех желающих сподобиться страдальческого подвига за Христа. Послужите крепким терпением вашим на удивление всем взирающим на вас. Ныне познается действительное различие между добрыми и злыми. Ныне до́лжно особенно заботиться о соблюдении благочестия, чтобы не явилось разногласия в вере, — держитесь единой веры и единого исповедания, ибо скоро предстанете к Богу на страшный суд. Не уклоняйтесь с пути добродетели, как вскоре имеющие перейти ко Христу, окончив свое течение. Исповедуйте добрым сердцем Доброго Бога; не щадите цвета вашей юности, намереваясь скоро уже перейти к нестареющей жизни. Помышляйте, что конец при дверях (см.: Мф. 24, 33) и, что будучи юными, вы легче, — как имеющие телесную крепость, — можете претерпеть мучения за Христа Бога. Итак, смело предайте себя на мучение и мужественно перенесите их: победив врага, вы получите прославление от Господа и будете причислены на небе к лику святых мучеников.

Эти речи святого Кодрата, обращенные к дружине, исполнили мучителя ярости: тотчас он приказал святого Киприана, обнаженного и повешенного подобно Кодрату, бить, строгать и палить огнем. За ними он тем же мучениям подверг Дионисия, Анекта, Павла и наконец — Крискента. Будучи посрамлен и побежден ими, мучитель осудил их сначала на растерзание зверям. Когда же звери не коснулись святых мучеников, он осудил их на усечение мечом, приказав первоначально волочить их по городу за ноги. Когда это происходило, бесчисленная толпа народа, — в особенности же дети, били святых палками и каменьями, пока они не были выволочены за город на место, предназначенное для смертной казни. Здесь святые, испросив для себя немного времени, помолились с усердием ко Господу, затем преклонили под меч свои честные главы и были усечены в десятый день месяца марта. На том месте, где земля обагрилась честною кровью святых мучеников, появился чистый источник воды для напоминания Коринфу о страдании святых. После убиения шестерых мучеников: Кодрата, Киприана, Дионисия, Анекта, Павла и Крискента, были мучимы и загублены различно и прочие захваченные христиане. Дионисий другой был заколот ножом, а Викторин, Виктор и Никифор (после того как преемником игемона

Иасона сделался уже Тертий) были положены в каменную ступу и в ней истолчены. Клавдий скончался после отсечения рук и ног; Диодор сам бросился в приготовленный для него костер, и в нем, как в светлом чертоге, с миром почил. Серапиону была усечена глава, Папий был ввержен в море. Также и Леонид, претерпев страшные и многочисленные муки от игемона Венуста, сменившего Тертия, был потоплен в море.

На муки за Христа решались и святые жены, подражая святому Кодрату и сохраняя в своих сердцах его наставления, — Хорисса, Нунерия, Василисса, Ника, Гали, Галина, Феодора и многие другие женщины, а также и мужчины. Одни из них переселились ко Господу, будучи усечены мечом, другие будучи потоплены в водах или убиты иными мучениями. Все они вместе с вождем и учителем своим святым Кодратом причтены к лику мучеников, приняв победные венцы из десницы Христа Бога, Которому слава с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **КОДРАТА НИКОМИДИЙСКОГО** И С НИМ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **САТОРИНА и РУФИНА** и прочих

Во времена нечестивого Римского императора Декия[1] и его преемника Валериана[2] (когда со своею дружиною пострадал и святой Кодрат Коринфский)[3], из различных городов и селений были

[1] *Император Декий* управлял Римской империей с 249 по 251 год; он был один из самых жестоких гонителей на христиан.

[2] *Валериан* управлял с 253 по 259 год.

[3] Память святого Кодрата Коринфского совершается также 10 марта. Вместе с ним в царствование императора Декия усечены были мечом Киприан, Дионисий, Анект, Павел, Крискент и прочие.

схвачены христиане и приведены в Вифинский[1] город Никомидию, где и содержались в темнице. Среди обитавших в самой Никомидии христиан распространился тогда большой страх, особенно вследствие того, что к тем областям приближался сам царь Декий, который уже находился в Кесарии[2]. Поэтому многие из христиан, скрыва-

Св. мч. Кодрат

[1] *Вифиния* — северо-западная провинция Малой Азии. Она лежит по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Страна эта известна с глубокой древности и свое название получила от вифинов, переселившихся в нее из Фракии. Вифиния была живописна, плодородна и обильна скотом; Вифиния разделялась на две провинции. В первой — главный город *Брусса* (в древности *Прузиада*), в другой — *Никомидия*. До половины VI века до Рождества Христова вифины были свободны, самостоятельны и известны как искусные моряки. В 546 году они подпали под власть персов, но ненадолго, и с 327 года Вифиния была опять самостоятельным государством. В 75 году до Рождества Христова царь Никомид III, умирая, завещал свою страну римлянам, которые и присоединили ее к своей империи, на правах самостоятельной провинции, управляемой особым проконсулом. Христианство в Вифинии появилось еще во времена апостольские (см.: 1 Пет. 1, 1). Во времена Плиния Младшего, правившего Вифиниею, и императора Траяна (с 98 по 117 год по Рождестве Христовом) здесь было очень много христиан, не только в городах, но и в селах и деревнях. При Диоклетиане (284–305 гг.) в Вифинии были страшные гонения на христиан. В IV и V веках Вифиния была особенно замечательна в церковном отношении: в ней было много церковных соборов по поводу различных ересей. Подпадая последовательно то под власть сельджуков, то под власть сарацин, в 1332 году Вифиния была подчинена туркам, под властью которых находится и теперь. Она входит в состав двух наместничеств (вилайэтов) — Кадавендкиах и Кастамуни и имеет семьсот тысяч жителей. Во главе церковного управления стоит архиепископ Никомидийский, которому подчинены двенадцать епископов, назначаемых Константинопольским Синодом.

[2] *Кесария* — находилась на берегу Средиземного моря. Апостол Павел во время своих путешествий несколько раз был в этом городе (Деян. 9, 29–30; 18, 28; 21, 8) и два года пробыл здесь узником (Деян. 23, 33; 24, 27; 26, 4 и сл.). В этом городе жил сотник Корнилий, которого апостол Петр обратил ко Христу (Деян. 10, 1. 24 и сл.), здесь жил также апостол Филипп (Деян. 21, 8). Здесь же умер Ирод Агриппа, пораженный Ангелом и изъеденный червями. Первоначально

ясь от рук мучителей, убегали в горы и пустыни, а другие смело оставались в своих домах, ожидали часа, в который могли бы сподобиться прославить Господа каким-либо видом мучений.

Из числа таковых-то и был святой Кодрат, о котором наша речь. Он отличался красотою, был благородного происхождения, богат, благочестив и обладал даром слова. Путем раздачи денег темничным стражам и воинам, он имел невозбранный доступ в темницу; здесь святой Кодрат угождал содержимым в узах единоверным братьям, принося каждому потребное для него. Он с мольбами увещевал их быть мужественными, не обращать внимания на муки, поднимаемые из любви ко Христу Богу, приготовляющему вечное для них воздаяние в своем небесном Царстве.

Настал день суда. Проконсул[1] Переннний, пришедший в Никомидию по повелению царя, сел в присутствии народа на судилище и приказал привести на допрос всех узников. Когда последние были приведены, начальник тюрьмы (комментарисий) сказал проконсулу.

— Господин мой! По повелению твоей власти толпа беззаконных христиан, до настоящего дня содержавшаяся в темнице, ныне предстоит пред тобой на судилище!

Тогда проконсул сказал рабам Божиим:

— Пусть каждый из вас назовет свое имя, сан, род и место происхождения.

На зрелище допроса христиан пришел также и блаженный Кодрат; заметив, что некоторые из христиан упали духом и от страха побледнели, он побоялся, как бы из них кто-нибудь, не вынося даже самой мысли о мучениях, не отвергся Христа; поэтому, стоя позади всех, святой Кодрат громким голосом сказал:

— Мы именуемся христианами; по званию и положению мы — рабы невидимого Бога, Господа Иисуса Христа, а город и отечество

Кесария называлась городом, или башнею, Стротона. Город был восстановлен Иродом Великим, назвавшим его Кесариею в честь императора (*кесарь* — латинское: *изрезанный, изрубленный*) Августа.

[1] *Анфипат* — слово греческое — проконсул (Деян. 19, 12. 8, 43; Еф. 23, 1). Это название римской государственной должности (правителя провинции, то есть области).

наше — небо, где Бог вселяет уповающих на Него. Слышишь ли ты это, проконсул?

Проконсул почти до ужаса удивился смелости святого Кодрата и сказал слугам:

— Схватите этого глупца и подведите ко мне поближе.

Услышав слова проконсула, блаженный Кодрат, протеснившись чрез толпу, поспешно подошел сам и стал пред лицом проконсула, между тем как все обращали на него свои взоры. Осенив себя крестным знамением, святой Кодрат сказал проконсулу:

— Вот я сам добровольно, а не по принуждению, подошел к тебе, чтобы держать слово за моих братьев и стать против диавола. Итак, скорее приводи в исполнение что желаешь и, испытав наше мужество, убедись, что мы непобедимые Христовы воины!

— Безумный! — сказал проконсул. — Прежде всего сообщи твое имя и род.

— Я уже тебе говорил, — отвечал святой, — что я христианин, а братья мои — рабы Христовы; наше имя и благородство состоит в том, чтобы именоваться и быть рабами Христа.

— Послушайся меня, друг, — продолжал проконсул, — я доложу о тебе императору, и он назначит тебя воеводой, конечно, если ты принесешь жертву нашим богам!

— Проконсул, — отвечал святой, — не заблуждайся, утверждая, что много богов: *у нас один Бог Отец, из Которого все* (1 Кор. 8, 6).

— Богов существует много, — продолжал проконсул, — но, впрочем, царь повелел в настоящее время принести жертвы только двенадцати богам[1], которым и ты должен поклониться.

— Не следует быть многим властителям, — воззвал громким голосом святой Кодрат, — существует Единый Владыка, Один Царь и Бог, Господь наш Иисус Христос!

---

[1] По представлению древних греков и римлян, высшие, или главнейшие, боги обитали в воздушном пространстве между землею и небом, а обиталище их было в великолепных палатах, на вершине горы Олимп в Греции. Оттого эти боги числом двенадцать называются также олимпийскими богами. Боги они: Зевс (Юпитер), Гера (Юнона), Посейдон (Нептун), Деметра (Церера), Аполлон (Аполло), Артемида (Диана), Гефест (Вулкан), Паллада-Афина (Минерва), Арей (Марс), Афротида (Венера), Гермес (Меркурий) и Гестия (Веста).

— А разве ты не слыхал, — продолжал проконсул, — того, что говорит Гомер[1] о Посейдоне[2] (Нептуне): «отец богов низвел облака, возмутил ветры, покрыл небо, страшно загремел, потому что поднялся Посейдон, дабы отнять землю и прочее». Итак, слышишь ли ты про могущество Посейдона?

— Правду ли утверждает Гомер и прочие, подобные ему стихотворцы, о богах ваших или нет? — спросил блаженный Кодрат.

— Они говорят правду, — отвечал проконсул.

— Если же они говорят правду, — продолжал святой, — то не рассказывают ли они того, что ваши боги прелюбодеи, ненасытные и бесстыдные сладострастники, совершавшие противоестественные мерзости? Я поистине стыжусь за вас, что вы поклоняетесь таким богам, за дурные деяния которых вы сами судите обличенных в них людей! Итак, вы судите повинных в постыдных деяниях и в то же время считаете за богов, совершающих несравненно большее беззаконие. Не скорее ли следовало вам осуждать и подвергать наказанию богов за столь многочисленные и столь великие их бесчинства? Вы не щадите людей, преступающих закон, а богов, поступавших беззаконно, почитаете и восхваляете; таковые боги ваши по справедливости не боги, но неистовые мертвые распутники!

На эти слова святого проконсул сказал:

— Так как ты начал осуждать богов, то я боюсь того, как бы на меня не разгневался царь, что я, по долготерпению, попускал тебе

---

[1] Знаменитый певец древности, живший в конце X или в начале IX века до Рождества Христова. Древние представляли Гомера слепым старцем. Поэтому самое имя Гомера некоторые производили от слова «незрячий». Ему приписываются эпические произведения «Илиада» и «Одиссея», из которых в первой описываются события десятого (1184 года до Рождества Христова) года Троянской войны, происходившие в течение пятидесяти одного дня, «гнев Ахиллеса» (герой войны) и его последствия, а вторая — «Одиссея» передает различные эпизоды из странствований одного из героев войны, царя острова Итаки (Средиземное море) Одиссея до разрушения Трои и обнимает небольшой промежуток времени в сорок дней.

[2] *Посейдон*, или *Нептун*, — сын Кроноса и Реи, брат Зевса, с которым последний разделил по жребию свое владычество. Посейдону досталось в удел море, с которым неразлучно было и главное господство над ветрами и власть производить землетрясения, почему Посейдон именовался «Землеколебатель». Посейдона изображали в виде угрюмого старца с большой бородой и с трезубцем в руке.

хулить языком богов. Поэтому измени скорее образ мыслей, чтобы тебя не схватили тотчас же руки мучителей!

— Моей решимости, — продолжал святой Кодрат, — от меня никто отнять не может: ни ты, ни царь твой, ни даже сам отец ваш сатана!

Разгневанный проконсул приказал снять со святого одежду, положить его нагого на земле и бить жилами со словами: «скажи свое имя». Но святой молчал, не отвечая ни слова. Тогда проконсул стал расспрашивать о святом мученике окружающих: кто он такой и как ему имя? Знающие святого отвечали проконсулу, что мученик знатного рода и имя ему Кодрат. Тогда проконсул сказал палачам:

— Пощадите его и освободите!

Когда таким образом святой был освобожден от мучений и одет, мучитель подозвал его к себе ближе и спросил:

— Что это ты сделал с собою и с нами, не сообщив нам о своем высоком роде? Ведь мы по неведению о твоем знатном происхождении причинили тебе бесчестие, а ты сам на себя и на род твой навлек укоризну. И почему, считая ни во что свой знатный род, ты присоединился к безрассудной христианской вере?

— *Изво́лих приметáтися в домý Бога моего паче, нéже жи́ти ми в селениих грéшничих* (слав. Пс. 83, 11), – отвечал святой.

— Покорись мне, — продолжал мучитель-проконсул, — и принеси жертву богам, чтобы тебе не умереть как злодею! Ужели ты не слыхал о приказании царя и всех советников его, которым они определили, чтобы на земле не жил ни один христианин, и освободили от христианского заблуждения многих добрых и удивительных мужей?

— *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей* (Пс. 1, 1), не прельстившись обольщением этого суетного мира; те же, которые соблазнились и послушались вас, погибнут. *как прах, возметаемый ветром с лица земли* (Пс. 1, 4), и уже погибли!

Соблазняя святого Кодрата, проконсул говорил ему обольстительные речи со слезами и вздохами; под конец же сказал:

— Кодрат, добровольно избирая смерть, не лишайся этого, дорогого человеку, света, не лишайся этой сладостной жизни.

При этих словах соблазнитель утирал платком свое лицо.

— Хищный пес! — отвечал проконсулу святой мученик. — Не думай змеиным коварством и притворными слезами обольстить меня! Ты отнюдь не уловишь меня — раба Божия!

При проконсуле Переннии находился полководец Максимиан. Последний сказал святому:

— Недоброжелательный человек! Мой честнейший господин — проконсул сожалеет тебя, а ты его оскорбляешь.

Святой отвечал:

— Пускай он, если родился на погибель, плачет о себе и о часе своего рождения, а ты-то зачем нас укоряешь? Если проконсул совершает суд, то кто такое ты, говорящий на суде перед ним? Для нас достаточно одного судьи, если же и ты желаешь производить суд над нами, то да уничтожит тебя Господь наш Иисус Христос!

Начальник тюрьмы после этого сказал проконсулу:

— Владыко! Клянусь твоим могуществом, что если ты попустишь ему дерзко говорить, то он осмелится после этого произнести оскорбление и хулы и на самих самодержцев, и мы подвергнемся немалой опасности!

— Поистине, — отвечал святой, — говорит святое Писание: *Зачем мятутся народы и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника* (Христа) *Его* (Пс. 2, 1–2), вот и теперь Христос осуждается людьми безрассудными и страдает своими членами, каковы верные рабы Христовы.

— Обнажив этого негодяя, — сказал проконсул, обращаясь к слугам, — бейте его сильнее первого и до тех пор, пока он не станет повиноваться царским законам и не поклонится богам!

Во время вторичных побоев, святой Кодрат говорил:

— Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, что Ты, ради Твоего святого имени, сподобил пострадать меня, грешного и недостойного раба Твоего, чтобы мне быть сопричисленным к возлюбленным рабам Твоим. Благодарю Тебя и молю, исполни меня Святым Твоим Духом, вразуми и даруй силы сохранить неизменною веру, просвети меня Твоею премудростью, чтобы не осилили меня беззаконные. Будь мне помощником, Владыка мой! Теперь время для Твоей помощи, теперь час Твоего заступления! Укрепи меня, чтобы чрез Твоего раба прославилось святое Твое имя! Приведи меня к небесному Отцу Твоему

и представь меня пред Ним, говоря: и этот раб Твой! Ей, Господи Иисусе Христе! Помоги мне успешно совершить мой подвиг!

Так молился святой, между тем наносившие побои палачи вследствие утомления сменялись пять раз, — столь продолжительное время подвергался побоям святой! От жестоких побоев спина блаженного мученика припухла на один локоть[1], кровь лилась потоком и плоть отпадала от костей.

— Хотя теперь, — спросил проконсул, — веруешь ли, Кодрат, нашим богам?

— *Идолы* язычников — *серебро и золото, дело рук человеческих,* — отвечал святой. — *Есть у них уста, но не говорят... Подобны им да будут делающие их и все, надеющиеся на них* (Пс. 113, 12–13, 16).

— Обращаясь к нам с непонятною речью, ты думаешь, — сказал проконсул, — скрыть свою хулу на богов?

— Тебе, ослепленному безумцу, — отвечал святой, — темной представляется светлая истина, а темнота — обольщение века этого — является для тебя светом! Послушай же меня, говорящего тебе словами святых отцов. Пусть станет тебе известным, что я не принесу жертвы твоим богам и не стану повиноваться повелению царя и его советникам. Итак, если ты желаешь меня мучить, — приводи в исполнение свою волю и через это скорее отошли меня пред лицо Царя небесного!

— Клянусь богами, — говорил мучитель, — что я не буду щадить тебя, но изумительными мучениями и жестокою смертью погублю тебя окаянного!

Уже при солнечном закате святой был освобожден от мучений и с прочими христианами отведен в темницу. Причем проконсул приказал подсыпать под спину мученика мелких гвоздей, на грудь наложить огромный камень, забить его ноги в колодки[2], а все тело за-

[1] *Локоть* — локоть руки, мера от локтя до конца среднего пальца. Библейский локоть равен десяти с половиной вершкам.

[2] Этим именем обозначалось орудие, назначаемое для пресечения побега преступникам. Оно состояло в следующем. Обыкновенно брали толстое бревно, раскалывали его клиньями пополам, вырубали две небольшие выемки в обеих половинах для помещения ног; вложив ноги преступника, дерево соединяли, потом просверливали дыры по обоим концам и наглухо заколачивали клиньями, а в усовершенствованном виде оба конца запирали замками, иногда же просто скручивали концы веревками.

ковать в тяжелое железо. В таком положении святой был оставлен в течение многих дней: он мужественно переносил столь тяжкие мучения, каких невозможно претерпеть человеку и остаться в живых, — то всесильная десница Христова укрепляла страдальца для прославления Своего Божественного могущества.

По прошествии долгого времени проконсул Перенний решил отправиться в Никею[1] и приказал вести за собою содержащихся в заключении христиан вместе со святым Кодратом. В Никее проконсул в языческом храме приносил жертву бесам и туда же приказал привести христиан, чтобы и их принудить к тому же. Когда рабы Христовы были приведены к бесовскому храму, святой Кодрат упросил воинов, чтобы они его первоначально ввели внутрь храма к проконсулу: силою Христовою святой Кодрат, после перенесенных тяжких мучений, был здоров и невредим и, идя впереди полка христиан, сиял лицом, обнаруживая вместе с телесною силою и крепостью и душевное мужество. Когда святой Кодрат раньше других был введен в капище, он изумил мучителя. Ужас объял проконсула после того, как он увидел, что святой здоров телом и весел лицом.

— Принеси жертву богам! — приказывал проконсул.

— Я — раб Иисуса Христа, — отвечал святой, — и Ему приношу в жертву себя самого, а ваши боги, которые не сотворили ни неба, ни земли, пускай погибнут!

— Покорись царским, а не Христовым законам, — продолжал проконсул.

— Я покоряюсь законам Царя небесного, — отвечал святой, — а не безумному повелению незнающих Бога людей. Впрочем, святое Писание повелевает нам молиться за них, дабы они обратились и уразумели истину.

Проконсул отвечал:

---

[1] *Никея* — главный город Антиохии, в котором были I и VII Вселенские соборы: первый — в 325 году при Константине Великом, под председательством Евстафия, архиепископа Антиохийского; собор осудил Ария, составил Символ веры до 8-го члена, установил время Пасхи, установил первенство епископов Рима, Александрии и Антиохии и издал 20 церковных правил; VII Вселенский собор был в 787 году при императрице Ирине под председательством Константинопольского патриарха Тарасия. Он осудил иконоборцев и в 22-х правилах утвердил церковные порядки.

— Если ты совершаешь молитву за царя, то и заповеди его должен исполнять, потому что и в ваших Писаниях пишется: *отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22, 21).

— Ты справедливо говоришь, — заметил святой, — что кесарево кесарю, а Божие Богу воздавать следует. Вот, я отдал царю предназначенное для него в то время, когда откупался пред ним за мои имения, а для Бога я еще обязан окончательно привести в исполнение следуемое по отношению к Нему благоверие. Земной царь повелел, чтобы христиане или принесли жертвы идолам, или умерли. И мы готовы за Христа — Бога нашего умереть, не только один, а много раз!

— Знаешь ли ты, — спросил проконсул, — какое множество христиан принесло жертву нашим богам, и ужели ты думаешь быть гораздо лучшим их?

Святой Кодрат отвечал:

— Как не преклонивший колен моих пред идолами, я поистине гораздо лучше всех тех, которые отступили от своего Бога Создателя. Где же те, которые принесли жертву вашим Богам? Я не замечаю их!

Проконсул приказал призвать таковых. Между тем святой стал просить, чтобы его развязали, так как он доселе был связан. Проконсул, предполагая, что святой желает поклониться богам, приказал развязать его. А он, быстро подойдя, схватил за ноги огромного идола, опрокинул его на землю и разбил, а затем устремился было и на других идолов, но воины и жрецы удержали его. Тогда проконсул, разгневавшись, приказал повесить святого за стенами капища и строгать острым железом по всему телу. Между тем подошли отступившие от христианской веры, и святой Кодрат, претерпевая мучения, говорил к ним.

— Окаянные! Чтó претерпев, вы так поспешно отверглись Христа — Владыки и добровольно предались диаволу? Разве вы не верили в то, что будет воскресение мертвых, суд Божий и бездны ада? Разве не слыхали о неугасимом огне и неусыпающем черве? Какой ответ дадите вы в преславный и великий день пришествия Спасителя нашего Иисуса Христа, Который будет судить живых и умерших? Откройте умственные взоры ваши и посмотрите, от чего вы отпали? Из-за временной и ничтожной жизни вы оставили вечное и небесное Царство. Пренебрегая сладостнейшим и милосердней-

шим Владыкой, вы отдались в рабство негодного раба диавола, который, если возобладает кем-либо, то бьет того и убивает. Когда придет Господь наш, Он свяжет диавола несокрушимыми узами и ввергнет в огненную бездну вместе с теми, которые отдались в рабство ему. Поймите же, что сделали вы! Убоявшись кратковременного мучения, вы предались мучению вечному. Вы сами увидите будущее, когда предстанете пред справедливым судом Иисуса Христа, Который воздаст каждому по делам его. Разве вы не слыхали написанных в святом Евангелии слов Господних: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне огненной*[1] (Мф. 10, 28)?

Когда святой произносил эти слова, падшие со слезами возопили, говоря громким голосом:

— Раб Божий, мы побоялись мучений и как скоты бессловесные соблазнились; как заблудившиеся овцы, мы стали пищею волков и растерзаны. Нас пленили наши грехи и вот, пожелав пожить здесь малое время, мы умерли для будущей вечной жизни. Что делать нам, окаянным, — не знаем!

Заметив их слезы, блаженный Кодрат исполнился радости и сказал.

— Братия! Дерзайте и не отчаивайтесь! Христос Господь милостив, — припадите к Нему с покаянием и слезами и станьте открыто за Христа, дабы всякий из вас имел возможность своею кровью очиститься от своих грехов.

И вот, пав на землю, отступившие от Христа в течение долгого времени горько плакали, посыпая пеплом головы и ударяя себя камнями по персям. От их плача и рыдания поднялся такой вопль, что сбежались жители всего города Никеи и дивились столь чистосердечному их раскаянию об отступлении от веры.

Войдя на этот вопль из идольского храма и увидав происходящее, проконсул приказал сильнее строгать святого мученика и подпаливать горячими свечами его построганные ребра. Святой же долго

---

[1] *Геенна* — место вечных мучений. Это название произошло от еврейских слов, которые означают долину Енном близ Иерусалима, где в честь Молоха были сожигаемы дети (3 Цар. 11, 17; 4 Цар. 16, 3, 4). После отмены Иосиею этого ужасного жертвоприношения (4 Цар. 23, 10) в долину Енном сваливались трупы казненных злодеев, падаль и всякая нечистота, где все это сжигалось.

и усердно молился Богу за кающихся, дабы принято было их обращение. Когда же, оканчивая молитву, он произнес:

— Ей, Владыка, Господи Иисусе Христе, да будет душа моя за души их, — только их помилуй.

Тогда немедленно производившие мучение палачи ослабели и как мертвые пали на землю. Между тем святого Кодрата и всех, стоявших там связанных и кающихся христиан, осенило светлое облако. Проконсула же и его советников вместе со всеми язычниками объяла тьма; ужас напал на них, и они затрепетали от страха, полагая, что вот-вот распадется и город.

После долгого молчания верующие услышали с высоты пение святых Ангелов, хвалящих и славящих Бога. По прошествии двух часов тьма стала рассеиваться, и язычники, обращая взоры на святых, стали замечать небесный свет. Проконсул, едва только пришел в себя, как немедленно повелел схватить всех тех, которые, под влиянием увещательных слов мученика, снова с покаянием обратились ко Христу. Связав их вместе с прочими, находившимися на судилище, христианами, он повелел отвести их в темницу. Тотчас также и святого Кодрата, отвязав от дерева, он опять заключил в прежние узы.

Утром следующего дня проконсул Перенний снова открыл суд, приказав вывести из темницы всех находившихся там христиан кроме святого Кодрата. В течение всего того дня он производил допрос над ними, ласками и мучениями склоняя к принесению омерзительных жертв. Заметив, что христиане непоколебимы и непреклонны в исповедании своей веры, Перенний, после многих побоев, приказал каждого отвести в родной для него город и там сжечь. И все святые страдальцы пошли в великой радости, прославляя Бога. И так каждый из них скончался, будучи сожжен в своем отечестве, и переселился в отечество небесное.

После этого проконсул отправился из Никеи в Апамию[1], ведя за собою и святого Кодрата. Он пришел и сюда затем, чтобы хватать христиан, принуждая приносить жертвы идолам. Ему приказано было императором Декием обходить города и страны, предавая мучениям и смерти христиан, не желавших поклоняться богам. Придя в Апамию, проконсул Перенний вступил в капище, поклоняясь идолам. Приведя сюда и святого мученика Кодрата, он спрашивал его:

---

[1] *Апамия* — город в Малой Азии на границах Фригии и Писидии.

— Принесешь ли ты, лукавый волшебник, жертву богам или нет?

Мужественный душою святой Кодрат отвечал:

— Называй волшебно-лукавым своего отца сатану, потому что он таков действительно. А я — христианин и не знаю ни волшебства, ни лукавства и не принесу жертвы бесам!

Тогда проконсул сказал своим друзьям:

— Какое мучение причиню я этому окаянному христианину, не знаю!

Они же молчали, так как видели, что мученик уже не имеет тела, только лишь голые кости, а все тело было растерзано и сострогано. Мучитель приказал посадить святого в дерюжный мешок и туда же насажать к нему всякого рода гадов, а затем бросить его в один глубокий и болотистый ров, что и было исполнено. Наутро мучитель, считая святого уже умершим, приказал вытащить его изо рва, и к всеобщему удивлению, святой оказался невредимым. Мученик, устремив свой взор к небу, сказал:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, так как стрелы младенцев (умом) соделались для них же язвами, и ослабела у них крепость их. Меня же Ты укрепил и даровал мне силу к посрамлению их для прославления Твоего святого имени.

Затем святой сказал проконсулу:

— Безрассудный! Замечаешь ли ты, что хитрость твоя не имеет никакого успеха? Делай со мной еще что-либо худшее, делай скорее, не тратя времени понапрасну.

— Окаянный, — отвечал в бешенстве проконсул, — я буду мучить тебя в продолжении всего пути, хотя ты и уповаешь на свое волшебство.

Потом Переннний отправился в Кесарию, взяв с собою и святого мученика; здесь, совершая по обычаю в капище жертвоприношения, он призвав к себе святого и сказал ему:

— Для тебя довольно всяческих мучений, — подойди же, наконец, и принеси жертву богам!

— Ты играл, — отвечал святой, — со мной мучениями, и я поистине удивляюсь, что ты ослабел уже, производя их надо мной. Я же, принимая мучения, не ослабеваю, но желаю претерпеть за Бога моего такие же и даже более лютые.

Тогда проконсул в гневе снова приказал без пощады бить святого жилами по нагому телу, растянув его на мучилищном бревне. Впрочем, биты были только лишь нагие кости, так как не было на них тела. Во время побоев святой пел: *Мно́жицею бра́шася со мною от юности моея́, ибо не премого́ша мя. На хребте моем де́лаша грешницы, продолжи́ша беззаконие свое* (слав. Пс. 128, 2–3).

Между тем проконсул кричал палачам:

— Бейте сильнее, так как он не ощущает мучений.

Обратившись к мучителю, святой сказал:

— Бей, бей смиренный мех мой, ибо когда терзается последний, — сильною делается душа моя!

— Окаянный, — воскликнул проконсул, — я полагаю, что ты одержим злым бесом!

— Не только не одержим я бесом, — отвечал святой, — но, напротив, сам владею отцом вашим сатаной, и не только им одним, но всеми его слугами, и, по благодати Христа моего, я повелеваю всем воинством его: меня боится и трепещет вся преисподняя сила, видя на мне страшное и непобедимое знамение Иисуса Христа и пребывающую со мной Его благодать.

Затем, немного помолчав, святой воззвал:

— Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков.

Присутствовавший же при этом народ кесарийский воскликнул «аминь!», ибо среди народа было много христиан. Тогда в бешеном гневе проконсул приказал схватить из среды народа каких-то двоих мужей, стоявших поблизости, выдававшихся своим благородством, и, обнажив, немедленно повесить их на месте мучений, и бить, и строгать их тело. Палачи, оставив святого Кодрата, стали подвергать мучениям тех двоих христиан, которых звали: Саторин и Руфин. Они были терзаемы до тех пор, пока готовы были выпасть на землю их внутренности. Во время мучений Саторин и Руфин умоляли святого Кодрата и всю предстоящую братию, дабы они молились за них ко Господу. Святой Кодрат, воззвав к Богу, произнес:

— Господи Иисусе Христе, Сын невидимого Отца! Пошли помощь рабам Твоим, милостиво взгляни на смиренных и помилуй их! Дай терпение и непобедимую крепость Твоим страдальцам, чтобы

они, претерпев до конца, победили и посрамили восстающего против них врага!

Прошло много времени, — святые мученики молчали, так как были не в состоянии говорить от сильных страданий. Наконец, мучитель приказал отвязать их и отсечь им головы. Таким образом двоица святых мучеников, Саторин и Руфин, взошли на небо к сущему в двух естествах Господу Христу, за Которого они пострадали.

После этого проконсул Переннний, удалившись из Кесарии, пришел в Аполлонию[1], всюду водя за собою святого Кодрата, забирая для мучения также и других христиан. Вступив в храм Аполлона, Переннний сказал мученику:

— Познай богов и будешь здоров: я прикажу врачам заботиться о тебе. Итак, подойди к богу Асклипию[2], и он исцелит тебя. Побойся величия богов: почти великого Аполлона[3] и Иракла[4] и царя всех богов Зевса[5], славного Арея[6] и страшного Посейдона. Разве ты никогда не плавал на корабле по морю и не замечал грозной силы бога! Поклонись и сияющему с небес на землю солнцу. Разве оно умерло и его нет более на небе?

---

[1] *Аполлония* — город в Иллирии, неподалеку от моря, во время римского владычества славившийся процветанием наук.

[2] *Асклипий*, или *Эскулап*, — бог врачебного искусства, сын Аполлона и дочери Фессопийского царя Корониссы. Его изображали в виде почтенного, бородатого мужа с важным и благосклонным выражением лица, в белой одежде с жезлом, вокруг которого вьется змея. Иногда, кроме змеи, с Эскулапом изображали петуха, который был посвящен этому богу.

[3] *Аполлон* — сын Зевса и Латоны, брат Артемиды, бог света; Аполлону верование древних дало в удел вечную и неизменную юность и силу, знаменуя этим вечно юную мощь света и тепла. Он изображался в образе прекрасного, сильного юноши с луком или изогнутым пастушечьим посохом в руках и с колчаном со стрелами за спиной. Иногда в руке лира (музыкальный инструмент). Ноги — без обуви или в нарядных сандалиях, на голове — лавровый венок.

[4] *Иракл*, или *Геркулес*, — знаменитейший герой греческий, сын Зевса и Алкмены, супруги царя Амфитриона. Его изображали обыкновенно в виде необычайно развитого, крепкого мужа, в самую цветущую пору возраста, нагим или в львиной шкуре, с курчавой головой и с тяжелой дубиной в руке.

[5] *Зевс* — бог неба. У него было много прозваний. Сын Кроноса, старейший из богов. Он изображался сидящим на престоле с *эгидою* (щит Зевса — символ покровителья Богов. — *Ред.*) в руках.

[6] *Арей* — сын Зевса и Геры; бог тревог и волнений морских, страшный бог войны, битвы, боевой свалки, тешащий душу убийством, упивающийся кровью. Он изображался в виде юноши со щитом и копьем в руках.

Святой Кодрат отвечал:

— Я поклоняюсь истинному Богу Отцу и единородному Его Сыну, и Святому Духу и трепещу пред Его могуществом, величеством и неприступной славою. Я всегда хвалю и прославляю Его неизреченную силу и всемогущество, мертвым же кумирам я не буду кланяться и не стану почитать дела рук человеческих: я не боюсь ни бесов, ни тебя, обладающего кратковременной властью. По прошествии немногих дней я отойду к моему Богу, ты же вечно будешь горько стонать, потому что не захотел познать Бога, даровавшего тебе настоящую жизнь. Сын сатаны, брат диавола, сообщник бесов нечестивых, превосходящий свиней своим бессловесием, бешеный пес, кровопийца, змей, алчнее зверей пожирающий омерзительные мяса в капищах. Ужели вы не стыдитесь вашего безумия и не понимаете вашего ослепления? Вы заколаете в жертву богам скотов и птиц, — разве боги ваши, будучи бездушными, испытывают голод? Поднеси пищу к устам идола, разве он вкусит ее? И если боги ваши требуют жертв, то спроси, пускай ответит, какой-либо из богов ваших, каменный или деревянный, чего он желает, чтобы заколали ему, козу ли, вола ли или курицу? О погибельные! Сами впали в погибельный ров и нас желаете столкнуть в него.

Проконсул, придя от этих слов в неистовую ярость, приказал возливать на язвы святого уксус с солью, растирать их волосяными веревками и прикладывать к ребрам раскаленное железо. А затем, так как день уже склонялся к ночи, мучитель приказал бросить страдальца в темницу. Наутро проконсул вышел из Аполлонии, направляясь к Геллеспонту[1], ведя за собою связанными и захваченных христиан; вместе с ними везли и святого мученика Кодрата, ибо от жестоких мук он не мог даже двигать ногами. Проконсул, миновав реку, называемую Рунток, был встречен воеводою той области. Из окрестных селений собрались также большие толпы христиан как будто навстречу проконсулу Переннию, а на самом деле, — желая видеть и почтить святого великомученика Кодрата, слава о котором распространялась по всей Азии и по всей вселенной. Проконсул, вступив вместе с областеначальником во встретившееся на пути селение, переночевал в нем; с наступлением дня, он пожелал принести жертву бесам, так как в селении было множество идолов — вме-

[1] Пролив, соединяющий Мраморное море с Эгейским.

сте с тем, конечно, он желал принудить к принесению жертв и христиан. Прежде всего проконсул приказал поставить пред собою святого Кодрата, и так как он не имел сил идти пешим, то его к капищу привезли на колеснице. Но хотя святой Кодрат и слаб был телом, тем не менее на взгляд казался веселым, улыбаясь и веселясь о Боге Спасителе своем. Там стоял весь собравшийся народ, желавший видеть страдания Христова мученика. Проконсул спросил Кодрата:

— Кодрат! Надумал ли ты познать богов или по-прежнему пребываешь в своем безумии?

Святой громогласно отвечал:

— Я с младенчества научен познавать истинного Бога Христа; я — христианин от чрева моей матери и другого Бога не знаю, кроме Того, в Которого верую с пеленок!

Тогда проконсул приказал разжечь громадный костер, поставить на нем железное ложе и, когда оно накалилось, положить мученика.

— Не нужно, — сказал при этом святой, — чтобы меня кто-либо вел и клал на это ложе, — я сам на него взойду!

И вот, укрепленный силою Христовою, он сам пошел в огонь и, осенив себя крестным знамением, возлег на раскаленном ложе и почивал на нем, как будто на мягкой постели, совершенно не испытывая вреда от огня. Огонь, потеряв свою естественную силу, служил рабу Божию, настолько лишь доставляя ему теплоты, сколько было необходимо для успокоения многотрудного и многоболезненного тела святого мученика. Слуги диавола между тем подкладывали под ложе смолу, масло, хлопок, а святой воспевал: *Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне. Да постыдятся и посрамятся ищущие души моей* (Пс. 69, 2). Причем он смеялся над мучителем, говоря:

— Твой огонь холоден, и железо этого ложа гораздо мягче твоего ожесточенного сердца. Ты хорошо поступил, приказав мне, утомленному в дороге, отдохнуть на этой мягкой постели!

С такими словами святой поворачивался на ложе, как будто на постели. Прошло много времени, а святой мученик оставался в огне живым, здоровым и неповрежденным; тогда мучитель, пылая гневом, приказал, сняв святого с ложа, отсечь ему за селением голову.

Выйдя из огня твердыми ногами, святой уже более не нуждался в колеснице или поддерживающих, но сам собою пошел к месту казни, воспевая во время пути:

— *Благословен Господь, Который не отдал нас в добычу зубам их* (Пс. 123, 6).

С ним вместе пели и некоторые из братий, следовавших за ним. И, воздав благодарение Богу, он склонил под меч свою честную главу.

Так скончался святой великомученик Христов Кодрат, будучи усечен мечом в десятый день месяца марта, в который увенчался мученичеством вместе со своею дружиною и соименный ему друг его, Кодрат Коринфский, что было в царствование над греками и римлянами Валериана, а над христианами в бесконечное царствование Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ **АНАСТАСИИ**, ПЕРЕИМЕНОВАННОЙ АНАСТАСИЕМ СКОПЦОМ

В правление императора Юстиниана Великого[1] в Константинополе проживала некая благочестивая, богобоязненная вдова, дочь богатых и благородных родителей, первая патрицианка в царском дворце по имени Анастасия[2]. Сохраняя в сердце своем страх Божий, она неуклонно и внимательно соблюдала заповеди Божии. Анастасия, обладая выдающейся телесной красотой, еще более выдавалась красотою душевною: она была столь кротка и добронравна, что все, зная ее жизнь, смотрели на нее как на образец, и многие

---

[1] Преподобная Анастасия скончалась в 567 году. Император Юстиниан царствовал с 527 по 565 год, при нем был созван V Вселенский собор в Константинополе в целях прекращения монофизитских движений в 553 году.

[2] *Патрицианка* — жена патриция; так назывались в Риме люди благородного происхождения. Сан этот был очень велик, и его удостаивались супруги знаменитых мужей, например Антонина, жена Вилизария, или за свои особые заслуги.

старались подражать ее добродетелям. И сам царь весьма почитал Анастасию; но сеющий плевелы, завидующий добродетельным, непрестающий вести войну с родом человеческим и поселяющий ссоры среди людей, диавол навлек и на блаженную Анастасию ненавистную вражду. Он возбудил против святой ненависть в царице Феодоре[1], и последняя стала гневаться на неповинную рабу Божию. Услышав о том от одного расположенного к ней человека и будучи исполнена божественного разумения, Анастасия, собравшись с мыслями, так рассуждала сама с собою:

— Анастасия! Непременно спасай душу свою, пользуясь настоящей напастью как благовременной. Избавь и царицу от греха несправедливой ненависти, да и для самой себя исходатайствуй Царство небесное!

Поразмыслив таким образом сама с собою, Анастасия тайно наняла корабль и, захватив некоторую часть принадлежавшего ей золота, — все же прочее оставив, — никем незамеченная отплыла в Александрию[2]. Создав здесь в одном месте на расстоянии пяти поприщ[3] от города небольшой монастырь, она проживала в нем, трудясь для Бога и стараясь угождать Ему Единому. Анастасия всегда держала в руках приличествующее для ее пола рукоделье, а на устах непрестанное пение псалмов и славословие Бога. Созданный ею монастырь, именовавшийся по имени основательницы патриции Анастасии патрикийским, впоследствии, еще до времени мусульманского владычества[4], сделался большим и славным, изобилующим всяким достатком. Но возвратимся к первоначальной речи об Анастасии.

По прошествии нескольких лет после удаления святой Анастасии из Константинополя гневавшаяся на нее царица Феодора скончалась. Царь, вспомнив о патрицианке Анастасии, разослал повсюду послов, отыскивая ее с большим старанием. Скоро проведав о том,

---

[1] Жена Юстиниана Феодора — благодаря влиянию которой был прекращен бунт Ника, грозивший низвержением Юстиниану.

[2] *Александрия* — главный город в Египте, построенный Александром Великим. Здесь на острове Фаросе в семьдесят два дня был сделан перевод Библии Ветхого Завета на греческий язык.

[3] *Поприще* — мера расстояния: равнялась приблизительно шестистам девяноста саженям.

[4] Владычество мусульман в Александрии началось с конца VII века.

агница Божия ночью оставила свой монастырь, удалилась в скит к авве Даниилу[1] и сообщила этому блаженному старцу обо всем, с ней случившемся. Тогда старец Даниил облек ее в мужскую монашескую одежду, назвал вместо Анастасии Анастасием-евнухом, отвел в одну находящуюся вдали от Лавры пещеру, затворил ее там; преподав Анастасии правило и устав жизни, он приказал ей ни самой никуда не выходить из пещеры и не дозволять к себе приходить никому. Одному из прислуживавших при нем братий Даниил указал место около пещеры, куда и приказал ему однажды в течение недели приносить небольшой хлеб и кувшин воды и класть все это на указанном месте пред пещерою, а затем, приняв молитвенное благословение от затворника, немедленно удаляться. Здесь-то непоколебимая, мужественная Анастасия безвыходно, никем невидимая, прожила двадцать восемь лет, строго соблюдая назначенное старцем правило. К Анастасии никто не приходил, и никто, кроме приносящего хлеб и воду брата, не знал о ней. Но и последний не знал того, что она женщина по природе, а считал ее за мужчину-евнуха. Кто же в состоянии постигнуть своим умом, или пересказать языком, или передать письменно труды и подвиги святой Анастасии, принесенные в одиночестве Богу в течение двадцати восьми лет в пещере? Слезы, стенания, рыдания, бодрствования, пение, молитвы, чтения, стояния, коленопреклонения, пост, лишение необходимого, а больше же всего бесовские нападения и борьба с ними, постоянно напоминавшими об оставленных в миру сладостях плоти и всяческих иных мирских наслаждениях?! Каким образом все это отражала и побеждала и притом пребывала безвыходно в течение всех дней тех лет та, которая ранее этого, в звании боярыни и первой патрицианки, долгие годы прожила в царских чертогах, проводя иногда время со множеством женщин и мужчин за мирскими трапезами и удовольствиями? Невольно ужасается ум при мысли, как всем этим пренебрегла святая Анастасия и изгладила обо всем том воспоминание из ума своего! Как достигла она такого смирения, поста, воздержания и тесноты скорбного пути? Столь доблестно подвизаясь, святая соделалась сосудом Святого Духа и, до конца угодив Богу, приблизилась к своей блаженной кончине.

[1] Упоминаемый здесь инок Даниил есть тот самый, который заставил говорить младенца двадцати двух дней.

Провидев заранее свое отшествие к Богу, Анастасия так написала на черепице старцу Даниилу:

— Святый отче! Захвати с собою с поспешностью ученика, который приносит мне хлеб и воду, возьми также и необходимые для погребения орудия и приди, чтобы похоронить твое чадо — евнуха Анастасия.

Написав это, Анастасия положила черепицу вне пещеры пред дверями. В то же время и старец, узнав об этом из бывшего ему ночью откровения от Бога, сказал своему ученику:

— Чадо! Поспеши к пещере, где проживает наш брат евнух Анастасий, и осмотри около пещеры. Там ты найдешь исписанный черепок, захватив который, возвращайся поскорее к нам.

Удалившись и найдя по слову старца исписанный черепок, брат принес его старцу. Прочитав написанное на черепке, старец Даниил прослезился и, захватив все необходимое для погребения, отправился с означенным братом к пещере. Открыв последнюю, они нашли евнуха одержимого горячкою. Авва Даниил, припав на грудь евнуха, плакал, говоря:

— Блажен ты, брат Анастасий, потому что, непрестанно имея попечение о смертном дне и часе, ты презрел земное царство!

— Блажен и ты, — отвечала на это Анастасия, — новый Авраам!

— Итак, — продолжал старец, — помолись о нас ко Господу.

— Честный старец, — отвечала Анастасия, — в этот час я более нуждаюсь в ваших молитвах.

— Если бы я последний день своей жизни окончил прежде тебя, тогда и я помолился бы о тебе, — продолжал старец.

Тогда Анастасия, сев на рогожу, облобызала голову старца и, молясь о нем, произнесла слова благословения. Старец, взяв своего ученика, приблизил его к ногам святой, говоря:

— Благослови этого моего ученика, а твое чадо.

— Предстоящий предо мной в этот час, дабы освободить меня от этого тела, Бог отцов моих, — сказала Анастасия, — знающий мои шаги в этой пещере и лишения жизненные ради Его имени и видящий настоящую телесную болезнь мою, Он да упокоит на нем дух отца его, подобно тому как почил дух Илиин на Елисее!

Обратившись затем к старцу, евнух произнес:

— Отче, Господа ради не снимайте с меня одежды, в которую я облечен, дабы никто не узнал того, что касается моего пола.

Причастившись затем речистых Христовых Таин, Анастасия сказала:

— Отче, назнаменуй меня знамением Христовым и помолись обо мне.

После этого Анастасия взглянула на восток, и лицо ее просияло как огонь. Затем, сама осенив себя крестным знамением, Анастасия сказала:

— Господи, в руки Твои предаю дух мой, — и с этими словами скончалась.

После этого авва Даниил с учеником выкопали пред пещерою могилу, а затем старец, сняв с себя рясу, которую он носил, сказал ученику:

— Чадо! Одень брата.

Ученик, одевая святую, случайно заметил ее женские сосцы, высохшие наподобие сухих листьев, и, не рассказывая о том старцу, умолчал. Честное тело Анастасии они похоронили с обычным надгробным песнопением.

Когда они возвращались затем домой, ученик сказал старцу:

— Отче! Разве ты не знал, что евнух Анастасий была женщина?

— Да, чадо, я знал это, — отвечал старец, — и по той причине я одел ее в мужскую одежду и назвал Анастасием-евнухом, чтобы не было подозрения и чтобы никто о ней не узнал и повсюду не распространилась молва; относительно ее было много поисков со стороны царя по всем странам и в особенности же в этих местностях. Но вот, по благодати Божией, у нас она была сокрыта.

Затем старец подробно рассказал ученику все житие святой, которое потом стало известно во всем мире и написано для пользы читающим и слушающим во славу Христа Бога, прославляемого во святых Своих вовеки[1]. Аминь.

---

[1] Мощи святой Анастасии перенесены были в Царьград и в 1200 году находились близ святой Софии.

День одиннадцатый

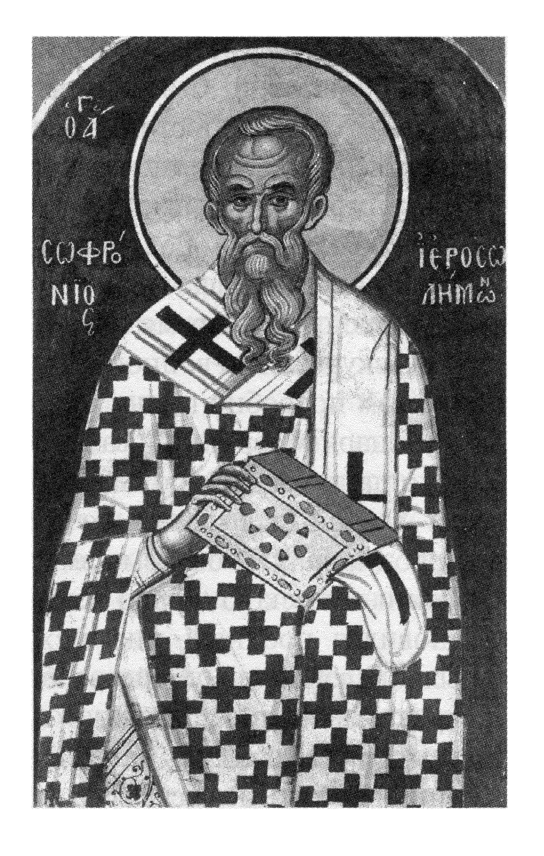
ПАМЯТЬ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
СОФРОНИЯ ПРЕМУДРОГО,
патриарха Иерусалимского

Святой Софроний, самое имя которого по-гречески означает целомудрие, родился в Дамаске[1] от благочестивых и целомудренных родителей; они были именитые граждане и звали их Плинфос и Мира. С юности блаженный Софроний стал жить согласно своему имени, любя премудрость духовную и внешнюю и девственную чистоту сохраняя от утробы матери; обе эти добродетели: премудрость духовная и девственная чистота — называются целомудрием; так, по словам святого Иоанна Лествичника[2], целомудрие есть общее назва-

---

[1] *Дамаск* — главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших во всем мире, лежит к северо-востоку от Палестины, при реке Бараде, протекающей через него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Анти-Ливана. И в настоящее время Дамаск, входящий в состав турецкой империи, — один из богатейших городов Азии и имеет до ста пятидесяти тысяч жителей. В истории Церкви Христовой Дамаск замечателен тем, что первая проповедь святого апостола Павла, по обращении в христианство, происходила именно здесь (Деян. 9).

[2] *Преподобный Иоанн Лествичник* двадцати лет принял иночество и последние четыре года своей жизни был игуменом синайской обители, скончался восьмидесятилетним старцем около 606 года. Память его празднуется 30 марта. Он главным образом известен как составитель знаменитого руководства к иноческой жизни под заглавием: «Лествица райская» — Κλίμαξ τοῦ παραδείσου, отсюда он получил и название Лествичника; здесь иноческая жизнь представляется им как путь непрерывного и трудного восхождения по *лестнице* духовного самоусовершенствования; это восхождение совершается чрез борьбу с собственными страстями и пороками, причем главную помощь инок находит в постоянной мысли о смерти.

ние для всех добродетелей; и все их старательно усваивал целомудренный Софроний. Прежде всего, он изучил внешнюю[1] философию, за что и был прозван софистом, то есть премудрым; это название «софист» в те времена было очень почетным, и его получали выдающиеся философы, например Ливаний софист, которого знал святой Василий Великий. Желая после внешней философии приобрести духовную премудрость, блаженный Софроний обходил монастыри и пустыни отшельников и получал от богоугодных отцов пользу для своей души. Пришел он и в святой город Иерусалим и, посещая ближние монастыри, вошел в киновию великого Феодосия, где нашел инока Иоанна, прозываемого Мосх и Евират, саном пресвитера, человека добродетельного, притом весьма искусного и во внешней и внутренней премудрости. Софроний привязался к нему всем сердцем, как сын к отцу, как ученик к учителю, и следовал ему всюду до самой его кончины, ходя с ним вместе по монастырям и пустыням, посещая святых отцов и записывая их жития на пользу себе, как об этом свидетельствует книга, написанная ими обоими, под названием Лимонарь, или Цветник, и одобренная на VII Вселенском соборе[2]. В этой книге учитель святого Софрония часто называет его софистом, как равного себе в философском образовании; но преподобный Иоанн называет блаженного Софрония не только софистом и господином своим, но даже отцом; он не смотрел на него, как на ученика, а как на своего друга, спутника и сотрудника, как человека выдающейся жизни, и, кроме того, он провидел духом,

[1] То есть светские науки.

[2] В 787 году против ереси иконоборцев, отвергавших почитание икон.

что Софроний будет великим пастырем и непоколебимым столпом Церкви Христовой. С этим преподобным Иоанном святой Софроний еще до своего пострижения прожил довольно долго сначала в Палестине, в той же киновии великого Феодосия, и в пустыне Иорданской, и в так называемом Новом монастыре, построенном святым Саввою, а потом оба, Иоанн и Софроний, покинули Палестину из страха перед нашествием персов и отправились в область Антиохии Великой. В это время царь Персидский Хозрой Младший пошел на Греческую землю войной по следующей причине. Мучитель Фока (как о том подробно пишет греческий историк Никифор) убил греческого царя Маврикия и захватил царский престол. А царь Маврикий когда-то оказал большое благодеяние Хозрою Персидскому: когда Хозрой был изгнан из Персидского царства и бежал в Грецию, то Маврикий был ему вместо отца и помог ему своими богатствами и воинскою силою возвратить себе престол в Персиде; так установился прочный мир между греками и персами. Когда же услыхал Хозрой об убийстве благодетеля своего греческого царя Маврикия, сильно пожалел о нем и, нарушив мирный договор с греками, пошел мстить за убиение Маврикия. Персидские войска вступили во многие греческие владения, главным образом в Сирию, Финикию и Палестину, и покорили их. Тогда святые отцы, проводившие в тех странах постническую жизнь, оставили монастыри и пустынные жилища свои и бежали, кто куда мог. В это самое время и святые Иоанн и Софроний ушли из Палестины; а после ухода их был взят персами святой город Иерусалим и святое древо животворящего Креста Христова вместе со Святейшим патриархом Захариею было захвачено в плен; оно пробыло в Персии в плену четырнадцать лет, к великой скорби и сожалению всех христиан. Прежде пленения Иерусалима святые Иоанн и Софроний, как сказано было, зашли в область Антиохийскую и, по обычаю своему, подобно пчелам, летающим по цветам и собирающим мед, обходили все места, где только слышали о добродетельных отцах, и, собирая духовный сот, слаще медового, записывали их жития в вышеупомянутую книгу Лимонарь. Когда же и туда стали приближаться персидские войска, они отплыли в Египет, в Александрию[1], где делали то же самое. Ве-

[1] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Македонским в 333 году до Рождества Христова на берегу Средиземного моря, в Нижнем (Се-

ликую пользу принесли они всему потомству христианскому, описав деяния и поучения многих святых отцов, что видели они своими глазами и своими ушами слышали. Святой Софроний, когда прибыл в Александрию, не был еще пострижен в иноческий образ, что видно из шестьдесят девятой главы их Лимонаря, где учитель Софрония, Иоанн Евират, говорит следующее:

«Пришли мы в Александрию, я и кир[1] Софроний, брат мой, до пострижения его, и пошли к авве[2] Палладию, мужу добродетельному и Божию рабу».

И еще в главе сто десятой он же говорит:

«Я с господином моим Софронием пошли в Лавру, отстоящую от Александрии в восемнадцати поприщах[3], к одному старцу, очень добродетельному, родом египтянину, и сказал ему:

— Господин и отец, скажи нам слово, как жить нам друг с другом; кир софист (Софроний) хочет удалиться от мира и стать иноком.

Тогда сказал нам старец:

— Хорошо делаете, дети, что оставляете мир ради спасения своей души, сидите в безмолвии в келье, оберегайте свои помыслы и молитесь беспрестанно с надеждой на Бога, — Он даст вам Свой разум и просветит ваш ум».

Отсюда видна удивительная добродетель святого целомудренного Софрония: он, будучи мирянином, так много трудился, посещая в разное время монастыри и пустыни, и с таким усердием искал себе душевной пользы, как бы встать на путь спасения, так что до пострижения в иноки уже был совсем как инок, проводя добродетельную иноческую жизнь. Потом он был пострижен учителем своим во время постигшей его болезни, от которой он думал, что умрет, и

верном) Египте, при устье реки Нил. Александрия после Рима была первым городом на море и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности в первые века христианства — рассадником христианского просвещения. Христианство принесено было сюда, по преданию, евангелистом Марком около 59–60 года. В настоящее время Александрия (по-турецки и арабски — Искандеры) принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море, с населением более двухсот тридцати тысяч жителей.

[1] Господин.

[2] Отец

[3] *Поприще* — равнялось приблизительно шестистам девяноста саженям.

было ему видение; об этом учитель его пишет в сто второй главе следующее:

«Когда брат мой Софроний Премудрый был при смерти, стояли мы около него с аввою Иоанном Схоластиком, и сказал нам Софроний: мне казалось, что я иду какою-то дорогой и вижу целый хор девиц, которые с весельем говорили: „Пришел Софроний, венчался Софроний!“ Потому девицы ликовали перед ним, что самое имя его означает целомудрие».

Вот что написал о нем его учитель. Выздоровев от болезни и уже будучи иноком, он еще больше трудился и заботился о своем спасении и спасении других.

В то время в Египте распространилась Севирова ересь[1], и они оба с учителем много боролись с еретиками; мудрые и начитанные в Божественном Писании, они спорили с еретиками и побеждали их. За это Святейший патриарх Александрийский Иоанн Милостивый[2] очень любил их и почитал как искренних друзей, помогавших ему против еретиков и утешавших его в печали. В житии его, написанном Леонтием, епископом Неапольским, рассказывается, что святой Иоанн Милостивый имел обычай по средам и пятницам сидеть при входе в церковь, позволяя всякому желающему свободно приходить к себе, и выслушивал нужды всякого, помогал, улаживал раздоры и споры; так творил он мир среди людей. Если же случалось, что никто не приходил к нему, когда он так сидел, и ничего не просил никто у него, то он вставал печальный и со слезами уходил в свой дом, говоря:

---

[1] *Севир*, патриарх Антиохийский, был одним из главных защитников монофизитской ереси, утверждавшей, что Христос, хотя рожден *из двух* природ, или естеств, но *не в двух* пребывает, так как при воплощении Бога-Слова воспринятая им человеческая природа утратила всякую собственную действительность и лишь мысленно может различаться от Божественной.

[2] *Иоанн Милостивый* († 617 г.) — патриарх Александрийский, сын сановника на острове Кипре; потеряв семью, он посвятил себя аскетической жизни и заботам о бедных, и хотя он не был ни монахом, ни клириком, но был избран, по желанию народа, патриархом. Сделавшись патриархом, он прежде всего сосчитал всех нищих в Александрии и, раздав им все имущество, посылал щедрую милостыню ко Гробу Господню, давал у себя приют бедствующим, выкупал пленных. Когда жители Александрии, страшась нашествия персов, стали разбегаться, Иоанн отправился в Константинополь просить войска для защиты города. Но на пути скончался (617 г.); память его празднуется 12 ноября.

— Нынче ничего не нашел смиренный Иоанн, ничего не принес Богу за свои грехи.

Блаженный же Софроний (о котором идет речь), друг его, утешая его, говорил ему:

— Право, отче, тебе нынче надо веселиться, потому что твои овцы живут мирно, без раздоров и ссор, как Ангелы Божии.

Отсюда видно, в каком почтении и любви у этого святейшего патриарха были святой Софроний со своим учителем.

Оба эти святые обыкновенно старались каждый день поучаться чему-нибудь новому, видя или слыша что-нибудь полезное для себя. И случилось с ними следующее, как рассказывает о том Иоанн.

«Я с господином моим Софронием Премудрым пошли в дом Стефана Философа, жившего по дороге в церковь Пресвятой Богородицы, построенную патриархом Евлогием на восток от великого Тетрафила; был полдень. Когда пришли мы к дому философа и постучались в ворота, привратник сказал нам:

— Еще почивает господин мой, подождите немного.

Тогда я сказал господину моему Софронию:

— Пойдем к Тетрафилу и побудем там.

Это место уважается жителями Александрии: говорят, царь Александр Македонский принес из Египта мощи святого пророка Иеремии и положил там, когда основывал в честь себя этот город. Придя туда, мы никого не нашли там, кроме трех слепых, и молча сели подле них со своими книгами. В разговоре друг с другом один слепой сказал другому:

— Друг, как ты ослеп?

А тот отвечал:

— Я в молодости был корабельщиком; когда мы плыли из Африки, мне очень много пришлось смотреть на море; на глазах у меня сделались бельма, и я ослеп.

Потом другой на вопрос, как он ослеп, отвечал:

— Я работал на стеклянном заводе и однажды, неосторожно делая стекло, обжегся; так от огня я потерял зрение.

Рассказав причину своей слепоты, два слепых спросили третьего, как он ослеп. Тот отвечал им:

— Когда я был молод, я не любил трудиться и работать, а нравилось мне лениться; будучи же властолюбив и не имея, чем питаться,

я начал воровать и делать много зла. Однажды я увидел: несут хоронить мертвеца, одетого в дорогие одежды; я пошел за носильщиками, чтобы посмотреть, где его положат; мертвеца похоронили у церкви святого Иоанна; когда настала ночь, я открыл склеп, вошел туда и снял с мертвого все, оставив на нем только рубашку. Выхожу я из склепа, а во мне говорят злые мысли: вернись, возьми и рубашку, ведь она очень хорошая. И вернулся я, окаянный, чтобы снять и рубашку и оставить мертвеца нагим. И вот встал мертвец, сел передо мной, поднял руки и пальцами своими ободрал мне лицо и выцарапал мне оба глаза. Тогда я, окаянный, от беды такой и от боли едва вышел из склепа. Вот как я ослеп!

Услышав это, поманил меня господин мой Софроний, и мы ушли от слепых. И сказал мне Софроний:

— Правда, отец Иоанн, сегодня нечему больше учиться, достаточно полезного узнали — что никто, делая зло, не может укрыться от Бога».

Отсюда ясно, как оба эти святые, Иоанн и Софроний, заботились об ежедневной пользе себе. Словами «сегодня нечему больше учиться, мы сегодня достаточно полезного узнали» он показывает, что каждый день они старались приобрести какую-нибудь пользу себе.

Во время пребывания там, в Александрии, блаженный Софроний описал чудеса святых мучеников Кира и Иоанна в благодарность за исцеление своих глаз, потому что, когда заболели у него глаза и он прибег с молитвой и верой к тем святым бессребреникам-врачам, то получил от них просимое исцеление в их церкви, находившейся в Александрии; поэтому он усердно чтил их. Через несколько лет и Египту, где находится Александрия, начало угрожать персидское нашествие, и блаженным отцам Иоанну и Софронию пришлось бежать и оттуда; и Святейший патриарх Иоанн Милостивый из страха перед варварами обратился в бегство. Вместе с ним они отправились в Константинополь и сели на корабль, желая быть вместе с тем, который не хотел с ними разлучаться. На пути святейший патриарх заболел и преставился в своем родном городе Алсафунте; прекрасную жизнь его и бесчисленные милости премудрый Софроний почтил похвальным надгробным словом; после погребения патриарха он

отправился в древний Рим вместе с учителем своим Иоанном и с собравшейся около них братиею, до двенадцати человек. Прожив же несколько лет в Риме, преподобный Иоанн, учитель Софрония, уже будучи старцем, отошел к Господу. Умирая же, он завещал возлюбленному своему ученику и духовному сыну Софронию блаженному не погребать его тела в Риме, но положить в деревянную раку и отвезти на гору Синайскую; если же нельзя будет достичь Синайской горы из опасения нападения варваров, то погребсти его мощи в киновии святого Феодосия Великого[1], где преподобный Иоанн был сначала иноком. Так он и сделал. Подобно ветхозаветному Иосифу, вынесшему тело Иакова из Египта к месту погребения отцов своих (см.: Быт. 50, 12–13), он взял из Рима[2] тело преподобного Иоанна, своего духовного отца, и отплыл с братиею в греческие земли. Приплыв же в Аскалон[3] и узнав, что от варваров невозможно дойти до Синайской горы[4], пришел в Иерусалим, занятый персами, и погреб тело отца своего духовного в Феодосиевой киновии и сам остался жить со своей братией в Иерусалиме; патриарший престол там занимал тогда Модест, вместо патриарха Захарии, бывшего в плену в Персии вместе с честным Крестом. Спустя же недолгое время после прибытия святого Софрония из Рима в Палестину соизволил Бог возвратить из плена в Иерусалим святое Крестное Древо и патриарха Захарию. Это случилось так. Воевода Ираклий, убив царя-мучителя

---

[1] *Феодосий Великий* — римский император с 379 по 395 год. В его царствование вера христианская была окончательно утверждена в Римской империи.

[2] *Рим* — главный город Римского государства (ныне Итальянского королевства), лежит в средней части Италии, по обеим сторонам реки Тибра при впадении ее в море.

[3] *Аскалон* — один из пяти главных филистимских городов (Суд. 1, 18). Ирод Великий великолепно разукрасил его, как свою родину. Еще в средние века это был военный морской порт и был разрушен во время крестовых походов (1191 г.).

[4] *Гора Синай* представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезана и окружена крутыми и шероховатыми долинами, у арабов ныне называется горой Тур, или Джебель-Тур-Сина; лежит почти посредине известных рукавов Черного моря, образующих собою Синайский полуостров. Она состоит из трех горных хребтов. Собственно гора Синай, при которой израильтяне вступили в Завет с Богом и получили от Него заповеди Закона, представляет самую высшую юго-восточную вершину среднего хребта, низшую же, северо-западную, вершину представляет собою гора Хорив.

Фоку[1] и заняв сам греческий престол[2], начал войну с Персией и, одержав много побед над войсками Хозроя, владел его городами семь лет. Потом Сироес, сын Хозроя, убив своего отца и сам став персидским царем, старался примириться с греческим царем Ираклием; а царь Ираклий первым условием мира поставил то, чтобы царь персидский уступил Иерусалим грекам и возвратил Честное Древо святого Креста и с ним патриарха Захарию. Это было исполнено: с великою честью после четырнадцатилетнего плена было возвращено из Персии Крестное Древо, которое сам царь Ираклий нес на своих плечах в святой город (как о том написано 14 сентября); святейший патриарх Захария опять занял свой престол. Через несколько лет честное древо животворящего Креста Господня тем же царем Ираклием было перенесено из Иерусалима в Царьград, чтобы столь великое христианское сокровище не взяли опять в плен какие-нибудь враги: действительно, потом опять Иерусалим был взят врагами, как о том будет сказано ниже. Патриарх же Захария недолго пробыл на престоле после возвращения своего из плена и отошел к Господу, а преемником его на престоле был опять Модест, но прожил только два года; по смерти же Модеста на патриаршество в Иерусалим был избран святой Софроний. В это время возникла ересь монофелитов, иначе сказать, единовольников, признающих в лице Христа, в двух Его естествах, божеском и человеческом, одну волю и одно действие, как будто бы каждое естество не имело своего особого, свойственного ему действия и желания; исповедующие такое учение хулят Христа, признавая Его несовершенным в обоих естествах. Об этой ереси подробнее написано в житии Максима Исповедника, 21 января. Особенно поддерживал эту ересь и распространял Александрийский патриарх, собрав у себя Поместный собор и повелев так веровать; ему последовал и Константинопольский патриарх Сергий, а за ним — Пиррос и другие; многие тогда пострадали, не приняв этой ереси. Весьма воспротивился этой ереси святейший патриарх Иерусалимский святой Софроний и, собрав у себя Поместный собор, проклял эту ересь единовольников и разослал всюду списки постановлений своего собора, которые читались потом на VI Вселенском соборе, утверждены святыми отцами и при-

[1] Византийский император Фока царствовал с 602 по 610 год.

[2] Ираклий царствовал с 610 по 641 год.

няты как правоверные. Писал же святой Софроний и много других полезных Церкви Христовой слов, поучений и гимнов и житий некоторых святых, например святой Марии Египетской, прожившей, подобно Ангелам в пустыне дольше обыкновенной человеческой жизни[1]. Он хорошо пас Божию Церковь, заграждая уста еретиков и далеко отгоняя их, как волков, от словесного стада.

Потом случилось опять, по Божию попущению, нашествие варваров на Сирию и Палестину, но уже не персов, а магометан[2], которые сначала взяли город Дамаск, а потом осадили город Божий Иерусалим и через два года заняли его. Когда греческое войско в Сирии было ими разбито и воевода Сергий убит, святейший патриарх Софроний с палестинскими христианами заперся в святом городе. Сохранилось его слово, сказанное народу в день Рождества Христова во время осады; в нем, как новый Иеремия, он оплакивает разорение и запустение святых мест, допущенное Богом за людские грехи. В особенности же он жалеет о том, что нельзя было дня Рождества Христова праздновать по обычаю в Вифлееме, так как Вифлеем уже был в агарянских руках. В конце второго года осады доведенные до крайности христиане вынуждены были сдаться врагам и отворить им город. Но прежде святейший патриарх Софроний послал к князю ага-

---

[1] От святого Софрония сохранилось большое количество сочинений, и он признается одним из первоклассных богословов догматистов. Кроме соборного послания, содержащего учение о Троице, о воплощении Бога-Слова, причем доказывается единство ипостаси (против Нестория) и двойство естеств (против Евтихия), замечательны его слова: 1) на Крещение Спасителя — защита двух естеств в Иисусе Христе, а вместе учение о двух действиях и волях; 2) о Кресте, два слова; во втором из них излагается учение о посте и о празднике поклонения Кресту среди нашего Великого поста; 3) апология Василию Великому относительно толкования им слов: pysis kai oysia; 4) на Сретение; 5) слово о Иоанне Крестителе; 6) слово в похвалу святой Марии Египетской, из которого в подлиннике приводятся места в деяниях VII Вселенского собора; 7) Сказание о жизни мучеников Кира и Иоанна; 8) «Объяснение на литургию», одно из замечательных сочинений в богословском отношении; 9) «Трипеснцы», начинающиеся днями Великого поста и оканчивающиеся праздником Вознесения; 10) тропари или самогласны стихиры часов предпразднства Рождества Христова, с полным чином часов; 11) чин часов Великого Пятка со стихирами, не совсем сходный с нынешним; 12) стихиры на водоосвящение в день Богоявления; 13) некоторые стихотворные произведения; 14) наконец, в сан иеромонаха святой Софроний пересматривал и исправлял «Устав монастыря Саввы Освященного».

[2] Арабов.

рянскому Омару условия мира, в которых первым было — не причинять никакого насилия и обиды христианской вере и святой Божией Церкви. Омар дал обещание исполнить это и другие условия. Когда состоялся договор, отворили христиане городские ворота агарянскому князю; он же, лицемерный и лукавый, притворился кротким и смиренным, как овца, будучи внутри хищным волком, оделся в изорванную одежду из верблюжьего волоса, вошел в город пешком и спрашивал, где церковь Соломонова, желая совершить там свои богомерзкие молитвы. Святейший Софроний вышел к нему навстречу и, увидев его в таком лицемерном виде, сказал:

— Вот, будет мерзость запустения на месте святом, предсказанная пророком Давидом!

И плакал он много со всеми христианами и убеждал князя снять рубище и одеться в подобающие ему княжеские одежды. Так святой город взят был агарянами, и христианство притеснено тяжелым рабством. А нечестивый этот агарянский князь не сохранил условий мира, которые пообещал святейшему патриарху Софронию, и начал причинять многие беды иерусалимским христианам. При виде этого святой Софроний постоянно рыдал и молил Бога взять его душу от земли живых, чтобы не видеть ему более несчастий христиан и мерзости запустения, оскверняющей святые места, — и был услышан, вскоре окончив плачевную жизнь свою, и перешел[1] от земного слезного Иерусалима к небесному радостному, в обитель всех веселящихся о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ПИОНИЯ**, пресвитера Смирнского, И ПРОЧИХ С НИМ

Апостол велит почитать памяти святых: поминайте, — говорит он, — наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие (см.: Евр 13, 7); это для того, чтобы, вспоминая их веру, жизнь

[1] † 641 или 644 год.

и добродетельную кончину, мы стремились им подражать. Так и память святого мученика Пиония нам подобает почтить, потому что он, когда был в миру, многих обратил к Богу от прельщения бесовского; он был мужем апостольским и, когда, получив венец мученический, отозван был к Господу, то оставил нам образец добродетелей, чтобы и доныне у нас была память об его учении. Начало же его страдальческого подвига случилось так.

В двадцать третий день шестого месяца (то есть февраля — шестого по счету от сентября), в который совершалась память святого священномученика Поликарпа, епископа Смирнского, в городе Смирне[1], где жило очень много иудеев, были схвачены нечестивыми эллинами пресвитер Пионий, Савина, ревнительница благочестия, Асклипиад, Македония и Лин, пресвитер соборной церкви: тогда было гонение на христиан в царствование Декия[2]. Пионий же раньше этого дня узнал, что они будут схвачены в праздник святого Поликарпа. Поэтому, постясь с Савиною и Асклипиадом, он взял три сплетенные вериги, возложил на себя, на Савину и на Асклипиада и сидел дома, ожидая, когда придут их взять.

В самый день памяти святого Поликарпа, когда они после молитвы вкусили немного хлеба и воды, пришел Полемон, устроитель жертвоприношений идолам, вместе с воинами; он разыскивал христиан, чтобы привлечь их к принесению скверных идольских жертв, и сказал Пионию:

— Знаете ли вы царский приказ? Знаете, что вам повелевается принести жертвы богам?

Пионий отвечал:

— Мы знаем заповеди Бога нашего, которыми Он повелевает Ему Единому поклоняться.

— Идите на собрание, — сказал Полемон, — там покоритесь вы и против воли.

Отвечали Савина и Асклипиад:

— Мы покоряемся Богу живому.

---

[1] *Смирна* — знаменитый в древности торговый город Ионии, на восточном берегу Эгейского моря (или Архипелага). Церковь в Смирне основана была святым апостолом Иоанном Богословом. Смирна в настоящее время принадлежит туркам, но и доселе там сохраняется и процветает христианская вера.

[2] *Декий*, император римский, царствовал с 249 по 251 год.

И вел их Полемон без принуждения, а народ, видя, как они добровольно несут оковы, бежал за ними, тесня друга друга, словно на невиданное какое чудо.

Когда пришли святые на собрание к градоначальникам, бесчисленная толпа эллинов, а еще больше иудеев, заняла все места во входах и горницах. Поставив святых посредине, Полемон сказал:

— Пионий! Покоритесь царскому повелению, как другие покорились, и принесите жертвы богам, чтоб не быть вам жестоко мучимым.

Пионий же простер руку и с светлым лицом начал говорить к народу:

— Жители смирнские, вы, которые хвалитесь красотой города и тем, что здесь жил Гомер[1], и иудеи, присутствующие здесь, послушайте немногие слова, которые я скажу вам. Я слышу, вы смеетесь и радуетесь, что пришли к вам некоторые из нас; вы считаете смехом и игрушкой тот грех, что приносят жертву идолам не по своей воле, а по принуждению. Но вам, эллинам, надобно послушать учителя своего Гомера, говорящего, что нехорошо радоваться погибели человека. Вам же, иудеи, Моисей повелевает: *Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его: развьючь вместе с ним* (Исх. 23, 5). Также нужно вам послушать и слова Соломона: *Не радуйся, когда упадет враг твой; и да не веселится сердце твое, когда он споткнется* (Притч. 24, 17). И я, слушая моего Учителя, предпочитаю умереть, чем преступить Его слова, и всеми силами стараюсь не отступать от Его заповедей, которым я издавна научился сам, а потом научил и других. Что вы смеетесь над ними, иудеи? Если мы вам и враги, как вы говорите, однако мы люди; вы говорите, что мы вас обижаем, когда говорим правду; но скажите: кого мы обидели, кого гнали, кого принуждали кланяться идолам? Не считаете ли вы своих грехов равными грехам тех, которые теперь от страха перед людьми преступают Божию заповедь и кланяются идолам? Но вас кто принуждал служить Веельфегору[2], или съедать жертвы мертвых[3], или

---

[1] *Гомер* — греческий поэт, написавший, по преданию, поэмы: «Илиаду» и «Одиссею»; неизвестно где он родился, и многие города, между прочими и Смирна, приписывали себе честь быть его родиной.

[2] *Веельфегор*, или *Ваальфегор*, — сирофиникийское (моавитское) божество, служение которому отличалось безнравственностью.

[3] Здесь разумеется волхвование и чародейство с помощью трупов людей.

смеяться с дочерьми иноплеменников, или приносить в жертву бесам своих сыновей и дочерей, или роптать на Бога, или злословить Моисея, или задумывать снова возвратиться в Египет? Я уж не говорю о других ваших делах; а вы еще говорите, что никто не может вас прельстить: разве вы не читали своих книг: Исход, Судей, Царств и прочих, в которых вы обличаетесь. Вы указываете нам на некоторых из нас, которые не по принуждению, а по своей воле обратились к идолам, и из-за этих немногих вы обличаете и осуждаете всех христиан. Но, иудеи, подумайте вы о настоящей жизни: она похожа на гумно, где стоит на земле большой стог, — чего? Плевел или пшеницы? Когда же придет работник веять лопатою, тогда легкие плевелы легко относятся ветром, пшеница же остается на земле. Посмотрите на невод, закинутый в море: все ли, что попало в него и вытащено, хорошо? Нет. Так и настоящая жизнь. Как же вы хотите, чтоб мы страдали: как виновные или как невинные? Если — как виновные, то и вам нужно также пострадать, когда сами дела ваши уличают вас в неправде; если же — как невинные, то вам, несправедливым, какая же будет надежда на спасение, если пострадают праведники: *и если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?* (1 Пет. 4, 18). Приближается суд миру, и знамения его заметны. Я прошел все еврейские страны, перешел реку Иордан и видел землю, до сих пор носящую на себе знамение гнева Божия за грехи людей, живущих на ней и совершающих убийства и многие злодейства путникам. Я видел дым, исходящий от нее, поля и нивы, опаленные огнем, без всякого плода, лишенные влаги. Видел я и Мертвое море (то есть асфальтовое озеро, производящее смолу), и воду, потерявшую свои свойства по гневу Божию; она не может ни напоить животного, ни удержать в себе человеческого тела и все, что ни бросат в нее, выбрасывает тотчас вон. Но что я вспоминаю такие далекие места! Вы видите Декаполь в Лидии[1], сгоревший от огня, и до сих пор лежит он опаленный в наказание нечестивым. Вспомните об извержении горы Этны и попалении острова Сицилии[2]. Если же это кажется вам далеко от вас, то подумайте о теплых водах, выходящих из земли: почему они нагреваются и бывают горячи? Не

---

[1] *Лидия* — провинция в Малой Азии.

[2] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря — теперь часть Итальянского королевства.

от огня ли, приготовленного для грешников внутри земли? Отсюда мы узнаем, что будет суд миру и казнь огнем для грешников от Бога через воплотившееся Его Слово, Господа нашего Иисуса Христа, и потому мы не служим богам эллинским и золотому идолу поклоняться не хотим.

Святой Пионий говорил и еще, а Полемон, градоначальники и весь народ слушали в глубоком молчании. Потом некоторые граждане вместе с Полемоном стали просить Пиония, говоря:

— Послушайся, Пионий, мы любим ведь тебя за твой добрый нрав и кротость и хотим, чтоб ты остался жив: ведь, правда, хорошо и сладко жить и видеть свет солнечный!

Святой отвечал:

— И по-моему эта временная жизнь приятна, но несравненно приятнее та жизнь, которой мы, христиане, желаем; свет этот весел и приятен, я признаю это, но еще радостнее и приятнее свет истинный, который мы надеемся увидеть. Все это, видимое телесными глазами, прекрасно; мы и не осуждаем и не ненавидим Божиего творения; но есть и другое, невидимое, что поистине прекраснее и что мы ставим выше всего видимого.

Один кощунник, по имени Александр, человек хитрый, сказал:

— Послушай меня, Пионий!

Отвечал ему святой:

— Ты лучше послушай меня, потому что все, что ты знаешь, знаю и я, а ты не знаешь того, что я знаю.

Александр же, ругаясь над святым, сказал ему:

— А эти узы зачем на тебе?

— А затем, — отвечал святой, — чтобы вы не думали, что мы идем на поклонение к вашим идолам, но чтобы вы знали верно, что идем мы в темницу и на смерть за Бога нашего.

Долго еще разными соблазнами увещевал Александр Пиония, но ничего не достиг и, наконец, сказал:

— Что тратить много слов, когда не хотят они оставаться живыми!

Народ же хотел, чтоб Пиония поставили на видном месте так, чтоб всем слышны были его слова; но Полемон не позволял этого, боясь, как бы не произошло в народе смуты и разных толков. Он сказал Пионию:

— Если ты не хочешь принести жертвы богам, то войди по крайней мере в их храмы.

Святой отвечал:

— Какая польза будет идолам оттого, что я приду к ним?

— Согласись, Пионий, — повторил Полемон.

— О, если бы я мог, — возразил Пионий, — убедить вас всех сделаться христианами!

Они же засмеялись и сказали:

— Нет уж, пожалуйста, не делай так, чтобы нам живым гореть в огне.

А святой сказал им:

— Еще хуже по смерти вечно гореть в огне неугасимом.

Блаженная Савина улыбнулась, а Полемон и другие сказали ей:

— Чего ты смеешься?

Она отвечала:

— Я радуюсь, что я — христианка, потому что кто тверд в вере Христовой, тот возрадуется вовеки.

Сказали ей нечестивые:

— Вот, ты посмеешься, когда потерпишь, чего не хочешь: женщин, не кланяющихся богам, отводят в дом разврата.

А она отвечала:

— Бог святой, истинный позаботится обо мне.

После этого стали записывать имена святых и их ответы, которыми они исповедали Христа и отвергались идолов; когда хотели записать имя Савины, святой Пионий тихо сказал ей, чтоб она не говорила своего настоящего имени, а назвалась бы Феодотиею; это он сделал для того, чтобы ее поступок не был известен ее госпоже. Дело в том, что святая Савина была рабыней одной знаменитой гречанки, которая за несколько лет перед тем, в царствование Гордиана[1], не будучи в состоянии отвратить от Христа своей рабыни, блаженной Савины, прогнала ее связанную в пустынные горы, где ее тайно кормили верующие; потом многим старанием святого Пиония она была избавлена от оков и от рабства своей госпоже. Святой Пионий боялся, что госпожа ее как-нибудь узнает ее по имени и захочет опять взять к себе; поэтому он и велел святой Савине назваться Феодотией.

---

[1] *Гордиан* — римский император, царствовал в 238 году (всего тридцать шесть дней).

Когда Полемон спросил, как ее зовут, она отвечала:

— Меня зовут Феодотиею.

— Христианка ли ты? — спросил Полемон.

А святая ответила:

— Да, христианка.

Ее ответы были записаны так же, как и ответы Пиония и Асклипиада.

Полемон спросил еще:

— Какого ты бога почитаешь?

Святая отвечала:

— Бога всесильного, сотворившего небо и землю и всех нас; познанного нами чрез Его Слово, воплотившееся от Пречистой и Неискусобрачной Девы Богородицы, чрез Господа нашего Иисуса Христа.

Записав имена святых, повели их в темницу, а за ними следовал весь народ.

Некоторые говорили про святого Пиония:

— Посмотрите: он всегда был бледен, а как нынче румян!

А другие кричали:

— Мучить надо тех пор, пока не принесут жертву богам.

Отвечал святой Пионий:

— Мучьте, кто вам препятствует? Нас не охраняют оруженосцы, не защищают нас воины, мы в ваших руках: мучьте нас!

Кто-то указал на святого Асклипиада и сказал:

— Этот хочет принести жертву богам.

— Лжешь, — отвечал святой Пионий, — ни один из нас не сделает этого.

Другие же вспоминали об отпавших от Христа и, называя их по имени, говорили:

— Такой-то и такой-то принесли жертву, а вы что, не хотите?

Отвечал святой Пионий:

— У каждого своя воля; что мне до других? Я — Пионий.

Негодовал народ на святого Пиония и его товарищей; едва дошли они до темницы, чуть было не побил их народ.

Войдя в темницу, они нашли там Лина, пресвитера соборной церкви, заключенного в узы за Христа, и женщину из села Карины, по имени Македония; к ним приходили многие верующие и приносили, что им нужно, но они не хотели брать и раздавали тюремным

сторожам. Некоторые и из эллинов посещали святых и старались их обратить в свое нечестие, но, слыша от них твердые ответы, уходили с удивлением. Еще приходили к Христовым узникам и те, которые были прежде христианами, но против желания принуждены были отпасть от благоверия: страх перед мучениями склонил их принести жертвы идолам; они горько плакали целыми часами и днями в темнице перед святыми; плакал горько о них и святой Пионий, особенно о тех, которые отличались хорошей и честной жизнью, но, убоявшись мук, принесли жертвы истуканам; он плакал и говорил:

— Новым мучением мучусь я в своем сердце, душа моя разрывается на части, когда вижу, как свиньи топчут бисер церковный[1], как небесные звезды отрываются змеиным хвостом на землю (см.: Откр. 12, 4), и как виноград, насаженный десницею Божией, пожирается диким вепрем и расхищается прохожими. Дети мои, сожалею о вас, пока опять не вселится в вас Христос; питомцы мои любезные, вскормленные небесным хлебом, зачем вы совратились на грешный путь; теперь беззаконные старцы опорочили целомудренную Сусанну, то есть Церковь Христову; теперь Аман торжествует, Эсфирь же со всем своим племенем смутилась; теперь настал голод — не недостаток хлеба или воды, а слова Божия; теперь задремали все девы евангельские и спят. Исполнилось слово Господне: если Сын Человеческий придет, найдет ли Он веру на земле (см.: Лк. 18, 8)? И другое его слово: предаст брат брата на смерть (см.: Лк. 21, 16); слышу, как теперь каждый предает своего ближнего. Поистине испросил нас сатана просевать, как пшеницу, но огненная лопата в руках слова Божия пусть провеет гумно свое; потеряла свою силу соль и выметена вон, и топчут ее люди. Но пусть никто не думает, дети, что Господь изнемог: не Господь, а мы изнемогли, потому что, говорит Он, разве изнемогла рука Моя избавить вас? Или разве отяжелел слух Мой, чтоб слышать вас? Но грехи ваши удалили вас от Бога вашего. Мы согрешили, братья, преступили заповеди Господни и сотворили беззаконие, прогневали Бога и опечалили ближнего; мы укоряли друг друга, лгали и клеветали друг на друга, и пожирали сами себя, а нужно было, чтобы правда наша была выше правды фарисеев и книжников. Еще слышу я, что иудеи приглашают некоторых из вас на свои собрания; берегитесь, как бы не попасть

[1] То есть учение Христово (Мф. 7, 6)

еще в худшие сети и не впасть в непростительный грех, то есть хулу на Духа Святого, — не будьте вместе с иудеями князьями содомскими и людьми гоморрскими, руки которых обагрены кровью. Мы ни пророка не убивали, ни Христа не предавали и не распинали. Да что говорить много! Вспомните, что прежде много раз вы слышали от меня; вы хорошо знаете, что иудеи говорят, будто Христос был простым человеком и, как смертный, был убит насмерть. Но пусть они скажут нам: если Он был простым смертным человеком, то каким образом весь мир наполнился множеством Его учеников; и как многие жестоко страдают за имя Его? Каким образом именем простого и смертного человека через столько лет после Него изгонялись бесы и теперь изгоняются, и будут изгоняться, и далее до скончания века? И много других чудес в Церкви верующих делаются Его всесильным именем. Не понимают того окаянные иудеи, что Христос, Господь наш, пострадал по Своей воле, умер за нас и в третий день со славою воскрес. Но говорят беззаконные, будто бы Христос был чародей и силой волшебства воскрес из мертвых; так пусть они покажут вам, какое писание их или наше говорит это о Христе, или какой праведный человек сказал это когда-либо? Разве неизвестно, что это ложь, и говорящие такую ложь самые скверные беззаконники? И почему таким людям больше верят, чем праведным? Я еще в детстве слышал эти ложные слова их. Написано в Писании, как Саул пришел к волшебнице и просил вызвать из мертвых пророка Самуила; женщина сделала чары, и увидел Саул старца, выходящего из земли, одетого в длинную одежду, и понял он, что это Самуил, и спрашивал его, о чем хотел. Что же, могла ли эта волшебница на самом деле воскресить Самуила или нет? Если скажут иудеи, что могла, то признают, что неправда сильнее правды, и волшебство сильнее святости, потому что святой пророк не мог ослушаться волшебницы; говорящие так мерзки и прокляты. Если же скажут, что та волшебница не могла на самом деле воскресить пророка Самуила своими волхвованиями, то и о Христе Господе нашем они не могут сказать, что Он воскрес из гроба волшебной силой. Рассказ же этот Священного Писания объясняется следующим образом. Как мог диавол, живущий в волшебнице, вызвать на этот свет душу святого пророка, почивающую на лоне Авраамовом? Ведь меньшее не имеет власти над большим, и диавол не может повелевать святому, но отпавшие от Бога Ангелы слушаются тех,

которые оставили Бога, служат им и вызывают их волшебством; и чего просят у них волшебники, то исполняют диаволы: попросила волшебница повиновавшегося ей диавола, он и принял на себя вид пророка. И это не удивительно, если сам сатана, по слову апостола (см.: 2 Кор. 11, 14), преображается в светлого Ангела; поэтому и слуги его могут принимать на себя вид слуг Божиих, так и антихрист примет на себя образ Христов. Стало быть, волшебница не воскресила Самуила, но показала отпавшему от Бога Саулу диавола в образе Самуила; об этом свидетельствует само Писание; так, явившийся в образе Самуиловом, говорит Саулу: и ты завтра будешь со мной. Как же может Саул, враг Божий, быть вместе со святым пророком Самуилом? Не лучше ли ему быть с диаволом, которому он покорился, отпав от Бога? Пусть знают лживые иудеи, что нельзя никаким волшебством на самом деле воскресить из мертвых; и как волхвованием она не воскресила Самуила, так и Христос не от волхвования воскрес, а Божественной Своей силой разрушил силу смерти, и как по Своей воле Он пострадал и умер, так по Своей воле воскрес, самовластно, как Бог. Если же они и этому не поверят, то скажите им: мы, если даже и принесли жертву идолам, но все-таки гораздо лучше вас: вы по своей воле принесли жертву бесам, а мы были вынуждены к тому силой.

И увещевал святой Пионий отступников, говоря:

— Не отчаивайтесь, братья, хотя вы и сделали тяжелый грех, принесли жертву идолам, но покайтесь истинно и обратитесь опять всем сердцем ко Христу, Богу своему: Он милостив и готов принять всех, приходящих к Нему с покаянием, и вас примет с радостью, как детей Своих.

А они с великим рыданием каялись в своем грехе и обращались опять ко Христу Богу.

После этого пришел к темнице Полемон, устроитель идолослужений, и Феофил магистрат[1] с войском и народом; они вывели святых и сказали:

— Вот, ваш епископ Евктимон поклонился нашим богам и принес им жертву; послушайтесь и вы и сделайте то же, что и он; если же не сделаете того, то вас будут судить жрец Лепидон и Евктимон в храме богов.

[1] *Магистрат* — важный государственный чиновник у римлян, сосредоточивавший в своих руках военную и юридическую власть.

Отвечал святой Пионий:

— Если епископ Евктимон принес жертву идолам, то его воля, что нам до того! Мы не станем приносить жертв. Судить же нас нужно антипату[1], а не Лепидону, и не Евктимону, и не вам; как же это вы, не дожидаясь прибытия антипата, берете на себя его власть?

Пришедшие, излив свою досаду на святых, удалились. Потом они опять вернулись с войском и толпой народа и ложно объявили:

— Антипат прислал приказ вести вас на суд в Ефес[2].

Пионий ответил:

— Пусть придет посланный, возьмет нас и ведет.

Сказал тогда Феофил:

— Что же вы мне не верите? Я — князь, и мне можно поверить.

И, накинув веревку на шею святому Пионию, приказал воинам вести всех в идольский храм; взяли всех и повели насильно, так как святые не хотели идти к идолам и громко кричали:

— Мы — христиане, зачем нам идти к истуканам.

Но воины с силою влекли святых, а Пиония чуть не удушили, таща его за шею на веревке.

Когда их привели на середину площади и были они близ капища, святой Пионий упал на землю, говоря, что он — христианин и не хочет входить в кумирницу. Тогда шестеро слуг, напав на него, стали бить его руками и ногами и коленами, ударяя по ребрам; но он не слушал их; тогда взяли его на руки, понесли и бросили в кумирнице пред скверным алтарем, где еще стоял окаянный епископ Евктимон, совершая жертвоприношение идолам. После того Лепидон сказал:

— Почему ты, Пионий, не хочешь принести жертву богам?

Отвечал святой:

— Потому что мы — христиане.

— Какого вы чтите бога? — спросил Лепидон.

— Того, — отвечал Пионий, — Который сотворил небо и землю, море и все, что находится в них.

Лепидон спросил:

— Кто же был распят?

---

[1] *Антипат*, или *проконсул*, — правитель края.

[2] *Ефес* — малоазийский город, расположенный на берегу Эгейского моря. В древности славился своим богатством и торговлей.

Отвечал святой:

— Тот был распят, Которого Бог Отец послал на спасение миру.

Князья громко засмеялись, а Лепидон начал бранить и укорять блаженного Пиония. Потом надели насильно на святых мучеников венцы, в которых нечестивые обыкновенно совершали жертвоприношения, и заставляли их съесть жертвенного мяса. Они же, разломав венцы, бросили их на землю, топтали их ногами и плевали на жертвоприношения. Нечестивые идолопоклонники подняли крик и отвели опять святых в темницу с бранью и побоями.

Когда святой Пионий входил в двери темницы, то один воин сильно ударил его чем-то по голове и ранил. И тотчас ударивший почувствовал боль в руках, весь был охвачен болезнью, тело его покрылось струпьями и распухло, так что он едва мог дышать.

Потом прибыл в Смирну антипат Квинтилиан и, сев в суде, позвал на допрос одного святого Пиония. Допросив его и увидев, что он не покоряется, он велел его нагого повесить и строгать его тело железными крючьями. Мучили так святого и говорили:

— Что ты спешишь к смерти?

Святой же отвечал:

— Спешу не к смерти, а к жизни вечной.

После этого мучения святой был осужден на смерть, и, по обычаю римскому, ему прочли следующий смертный приговор:

«Пиония, который сам признал себя христианином, повелели мы распять и сжечь заживо».

Приведенный на место распятия и сожжения, он сам разделся и, посмотрев на свое тело, весьма обрадовался своей телесной чистоте, затем взглянул на небо и возблагодарил Бога за то, что сохранил его так до конца в чистоте непорочной.

На земле лежало дерево, наподобие креста, на котором он должен был быть распят; он сам лег на это дерево, распростерся и дался воинам пригвоздить его. Когда он был уже пригвожден, ему сказали:

— Послушайся, Пионий, покорись царскому приказу: мы вынем гвозди, врачи вылечат тебя, и ты будешь здоров.

Святой же, помолчав, сказал:

— Хочу заснуть, чтобы лучшим мне встать во всеобщее воскресение.

Пригвоздив Пиония, дерево подняли, поставили прямо, вкопали крепко нижний конец в землю, обложили вокруг дровами и зажгли. Сильное пламя охватило со всех сторон святого, а он, закрыв глаза, молился про себя Богу и не сгорал. Все, видя его с закрытыми глазами, подумали, что он уже умер. А он, спустя довольно времени, когда пламя стало понемногу утихать, совершив свою молитву в тайне своего сердца, открыл глаза.

Народ очень удивился, что он еще жив в таком огне. Потом с веселым видом он произнес «аминь» своей молитве, прибавив: «Господи, приими дух мой», и скончался.

Огонь угас, а тело его оказалось совершенно целым, и даже волосы на его голове не сгорели. Лицо же было светло, сияло Божественной благодатью: это был знак радости его святой души, вошедшей в небесную радость и принявшей от десницы Христовой венец.

Это было в царствование Декия[1], в городе Смирне, при антипате Квинтилиане, в пятый день мартовских ид по римскому счету, а по восточному — в седьмой месяц (то есть в марте, седьмом месяце от сентября), одиннадцатого числа, в субботу, в десятом часу дня. Так пишет Метафраст[2] о святом Пионии.

О других же святых мучениках, взятых и содержавшихся в темнице вместе со святым Пионием, не написано, в каких мучениях они окончили свой подвиг; однако, несомненно, что они пострадали за Христа и достигли небесной жизни со святым Пионием.

Этот святой пресвитер Пионий написал житие и страдание святого священномученика Поликарпа, епископа Смирнского, а после и сам вместе с ним сподобился Царствия Господа нашего Иисуса Христа, царствующего с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

---

[1] *Декий*, римский император, царствовал с 249 по 251 год. Мученическая кончина святого Пиония последовала в 250 году.

[2] *Симеон Метафраст* — замечательный византийский общественный деятель и церковный писатель XI века. Из его сочинений особенно замечательны Жития святых. Симеон, составляя этот труд, не ограничился одним только собранием древних сказаний, а пересказал, *переложил* их на разговорный язык. Отсюда и его прозвище — Метафраст (от μεταφράζειν — пересказывать).

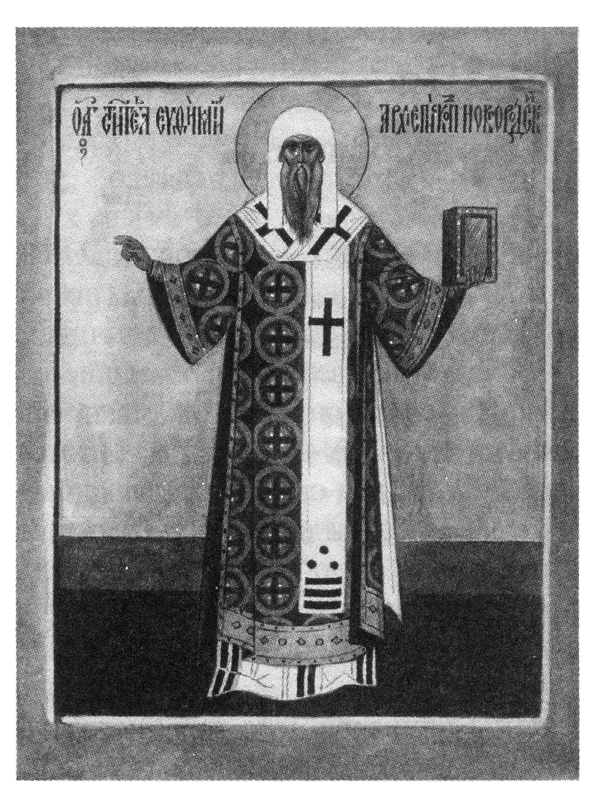
ПАМЯТЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ЕВФИМИЯ,
архиепископа Новгородского

Родители блаженного Евфимия жили в Великом Новгороде[1]. Отец его, бывший священником при церкви святого Феодора, носил имя Михея, а имя матери его было Анна. Сочетавшись законным браком и проводя жизнь в честном супружестве, они не имели детей и сильно скорбели об этом. В скорби своей они усердно молились Богу и Пречистой Богородице о разрешении их неплодства. И их молитву услышал Господь: Анна зачала и родила сына, которым и был этот блаженный Евфимий. Вскоре после рождения младенец был крещен, и при святом крещении ему дано было имя Иоанн. Он был еще в пеленах, как родители принесли его в тот храм, где молились о даровании им дитяти, и, положив его пред образом Божией Матери, сказали:

— Царице и Владычице! Вот мы принесли Тебе того, которого Ты даровала нам. По слову, которое в скорби сердца изрекли уста наши Тебе, как Царице и Владычице, мы отдаем дитя наше. Устрой его жизнь, как Сама пожелаешь. Теперь же мы берем его к себе, чтобы оно пребывало с нами в доме нашем, так как младенец не может жить без матери.

При содействии благодати Божией младенец успешно возрастал, и, когда наступило время, родители отдали его в научение Божественным книгам. Прославляемый в Святой Троице Бог, всем людям желающий спасения, даровал отроку Иоанну остроту ума, и он с успехом изучил Божественные Писания. Во все время своего обучения он не предавался никаким иным занятиям, кроме тех, которые приводили его к размышлению о предметах божественных, и когда достиг пятнадцатилетнего возраста, то воспылал любовью к Богу и пожелал отречься от мира и принять иноческое звание. Он не знал, к чему приведет его это звание, так как определения Божии непостижимы, но благое желание свое старался непременно исполнить, и

[1] Такое наименование носил в древности нынешний город Новгород. Он был одним из древнейших и известнейших городов в Древней Руси.

Бог, видя с высоты все, имеющее совершиться с ним в будущем, — что, как видно из настоящего повествования, в свое время и совершилось, — в скором времени действительно исполнил его желание.

Один инок, по имени Евфросин, и два другие инока, Игнатий и Галактион, посвятившие себя на служение Богу, задумали подвизаться в уединении и решили приискать удобное для этого место. Вскоре такое место было найдено. Называлось оно Вежище[1], и, кроме леса и болот, ничего другого не было на нем. Когда иноки пришли к этому месту, то ощутили в воздухе какое-то благоухание и сочли это не за простое явление, а за особое указание Божественного промысла. Они построили здесь часовню во имя святителя Христова Николая, а потом соорудили и келии для себя. Вскоре пришел к ним священник, по имени Пимен, и пожелал жить и подвизаться вместе с ними. Тогда по общему согласию они построили деревянную церковь во имя того же святого чудотворца Николая[2] и стали проводить постническую жизнь. Много бедствий вынесли они от тамошних жителей, в особенности же от одного вельможи, который по внушению диавола не желал, чтобы вблизи его проживали монахи, но чудотворец Николай, нигде не оставляющий в нужде обители, посвященной его имени, когда с верою о том молятся ему, всегда доставлял пропитание и этим инокам. Вскоре случилось, что у вельможи,

---

[1] *Вежище*, или *Вяжище*, — местность, находившаяся в двенадцати верстах к западу от Новгорода.

[2] Это было в 1411 году.

жившего вблизи обители, образовался на ноге злокачественный нарыв, от которого он сильно страдал. В болезни своей он опомнился и обратился с молитвою о помощи к святому чудотворцу Николаю, после чего отправился в обитель его и, помолившись тут, получил исцеление. Благодарный за это исцеление, он подарил обители участок земли, который и до этого времени находится вблизи ее, и с тех пор с благоговейною верою стал чтить монастырь святого Николая. После этого по благодати Божией и по молитвам святого Николая чудотворца число иноков в обители стало умножаться, и вышепоименованный Пимен, первый священноинок обители, стал и игуменом ее[1].

К нему-то, по устроению Божественного промысла, и пришел блаженный отрок Иоанн, прося его совершить над ним иноческое пострижение. Пимен, увидев отрока, принял его, как посланного к нему Самим Богом, постриг его в иночество и дал ему при этом имя Евфимия. Это событие, совершившееся по воле Божией, направлено было Божественным промыслом к тому, чтобы чрез Евфимия еще более прославилась обитель, что со временем и произошло. Проживая в монастыре, преподобный Евфимий оказывал во всем такое строгое повиновение настоятелю своему и братии, что вызывал общее удивление, а также и похвалу за то, что, будучи в таком юном возрасте, обладал умом многолетнего мужа. Поэтому до поставления в пастыри все узнали в нем будущего пастыря, и прежде достижения совершенного возраста он стал для всех руководителем в иноческой жизни. Когда преподобный Евфимий приобрел такую известность в своей обители, то узнал о нем и архиепископ Симеон[2]. Призвав его к себе и видя, что он исполнен добрых намерений и искусен в слове, горячо полюбил его и, несмотря на то, что он не хотел оставлять своего монастыря, поручил ему заведовать церковным имуществом[3]. Приняв на себя новые обязанности, преподобный Евфимий продолжал нести свой иноческий подвиг и ни в чем не отступал от исполнения правил монашеской жизни.

---

[1] Пимен в иночестве носил имя Пахомия.

[2] Новгородский архиепископ Симеон (Сампсон), из простых иноков, управлял Новгородскою епархией после смерти архиепископа Иоанна с 1416-го по 1421 год.

[3] В практике новгородских владык это был первый случай, когда заведование церковным имуществом поручено было иноку, до этого времени экономы архиепископского дома в Новгороде избирались из мирян.

Спустя несколько лет владыка Симеон после достойного управления Церковью отошел ко Господу, переселившись в вечную блаженную жизнь, и на архиепископский престол Новгорода был возведен после него Евфимий[1]. Тогда преподобный Евфимий удалился в монастырь святого Спаса, называемый Хутынью[2], и остался в нем на жительство. Но по прошествии некоторого времени, по просьбе старцев монастыря Пречистой, находившегося на Лисьей горе[3], он поставлен был игуменом этого монастыря, где, начальствуя над иноками, всем им подавал совершенный пример для назидания, так как ко всем был милостив и вместе с тем ко всем относился почтительно.

Вскоре после этого всенародное собрание Великого Новгорода пожелало избрать его для поставления на новгородский архиепископский престол[4] и включило его в число других избранников[5], не зная того, что еще от юности он призван был к епископскому служению, как написано у пророка: *несоде́ланное мое*[6] *ви́десте очи Твои* (Пс. 138, 16). И так как апостол говорит, что всякая власть поставляется от Бога (см.: Рим. 13, 1), то как человек может получить ее, если она не будет дана ему свыше (см.: Ин. 19, 11)? Это исполнилось и на преподобном Евфимии. Запечатав жребии избранных, народное собрание и духовенство Великого Новгорода принесло их в со-

---

[1] Тут разумеется Евфимий I (Емелиан) брадатый, занявший архиепископскую кафедру в Новгороде после краткого правления (с 1421-го по 1423 год) избранного, но не посвященного Феодосия; Евфимий I был архиепископом Новгородским с 1423-го по 1429 год.

[2] Хутынский монастырь (Хутынь) основан был в 1192 году знатным новгородцем Алексием, в монашестве Варлаамом, и находится на реке Волхове, на правом ее берегу, в 10 верстах от Новгорода вниз по течению этой реки.

[3] Рождество-Богородицкий Лисицкий (на Лисьей горе) монастырь находился в 7 верстах от торговой стороны Новгорода. Упоминается в 1392 году.

[4] Новгородские епископы носили звание архиепископов с 1165 года.

[5] Избрание Новгородского владыки с 1156 года зависело не от митрополита с собором епископов, а исключительно от самих новгородцев, от их веча. Избирали обыкновенно трех кандидатов, и жребии их полагались на престоле в храме святой Софии; два жребия по окончании литургии вынимались один за другим протопопом и объявлялись всему народу; наконец жребий, оставшийся на престоле, указывал на избранника Божия. Так избран был и преподобный Евфимий.

[6] Один из переводов — зарождение мое, то есть от зачатия моего в чреве матери Ты видел меня и определил судьбу мою в жизни.

борный храм святой Софии[1] и положило на престоле. Что касается жребиев, то это было делом человеческим, но то, кому из избранных занимать такой высокий престол Божий, указано было тем, что совершилось после: по воле и суду Божию жребий пал на Евфимия, чтобы ему обладать этим престолом. После этого новгородцы с радостью отправились к преподобному и в самый день памяти святого Иоанна Златоустого[2] с почестями ввели его в храм святой Софии[3]. Долго при этом преподобный Евфимий отказывался и не хотел принять архиепископства, ссылаясь в особенности на то, что считает себя недостойным такого высокого сана, но так как он не мог противиться суду Божию, то и подчинился, наконец, воле избравших его. Это доставило великую радость всем жителям Новгорода, так как все считали его вполне достойным величия архиепископского сана. Однако после своего избрания преподобный Евфимий оставался в иноческом звании, так как посвящение его было затруднено тем, что в то время не было на Руси митрополита[4]. Пробыв непосвященным более четырех лет[5], он отправился в город Смоленск, когда находился там Киевский и всея Руси митрополит Герасим[6], и от него принял рукоположение в сан архиепископа. И здесь преподобный Евфимий привел всех в удивление своим умом и рассудительностью, так что даже сам митрополит выразил удивление и с похвалою отозвался об уме его. После посвящения владыка Евфимий с великим почетом возвратился в свой кафедральный город Великий Новгород

---

[1] Кафедральный собор новгородских владык, сохранившийся и доныне.

[2] Память святого Иоанна Златоустого Церковь празднует 13 ноября.

[3] Это было в 1429 году.

[4] По смерти митрополита Фотия, последовавшей 1 июля 1431 года, кафедра митрополита в Москве, если ни считать кратковременного правления Исидора, была празднoю до 1448 года.

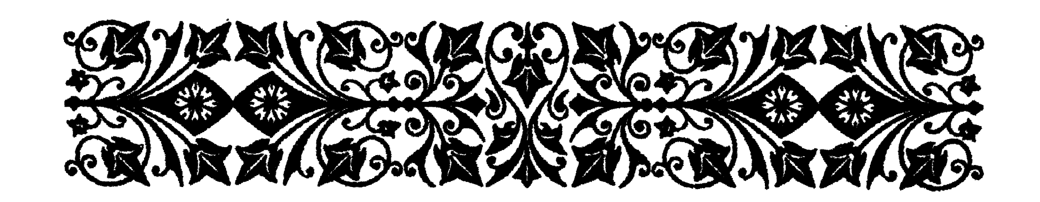
[5] Преподобный Евфимий управлял Новгородскою епархиею, не имея епископского сана, с 1429-го по 1434 год. Управлять епархиею до посвящения в сан епископа было в обычае в Новгороде. Так, Иоанн, не посвященный во епископа, управлял 8 месяцев, Феоктист и Моисей — по году, Климент — два года, а владыка Феодосий и скончался, не будучи посвящен в сан епископа.

[6] Литовский князь Свидригайло в 1433 году после смерти митрополита Фотия послал Смоленского епископа Герасима в Константинополь для посвящения в митрополиты литовские, но патриарх поставил его митрополитом всея Руси. Заподозрив Герасима в измене, Свидригайло схватил его близ Смоленска и сжег в Витебске. Это было в июле 1435 года.

и вступил в полноправное управление своею паствою. Сознавая все величие принятого на себя сана, он предался подвигам своего служения еще с бóльшим усердием, чем нес их до своего посвящения, помня слова Писания: кому дано много, много и потребуется (см.: Лк. 12, 48). Поэтому трудами своими он старался принести плоды, по Евангелию, не в тридцать или шестьдесят, а во сто крат[1]. Прежде, когда он еще не принял высокого святительского сана, он имел заботу только об одной душе своей, а теперь, когда стал епископом, явилась потребность заботиться уже о душах многих, чтобы можно было с дерзновением сказать Господу Владыке: *Вот я и дети, которых дал мне Господь* (Ис. 8, 18). Помышляя об этом и о многом другом в любомудренной душе своей, преподобный Евфимий ощущал в сердце своем большое смущение, но все возлагал на Бога, и надежды его не посрамил Господь, Которому да будет слава теперь, всегда и вечно[2].

[1] Выражение взято из притчи Спасителя о сеятеле (Мф. 13, 8).
[2] Преподобный Евфимий скончался 10 марта 1458 года.

День двенадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОФАНА ИСПОВЕДНИКА

Преподобный Феофан родился в Царьграде от благородных родителей — Исаака и Феодотии. Исаак был в родстве с царем Львом Исаврянином и сыном его Копронимом[1], почему и прозывался *Исаврием*, так как был того же царского рода и происходил из страны Исаврийской. При царском дворе он занимал почетные должности и в царствование Копронима был воеводою.

В это время возникла иконоборческая ересь, и на людей благочестивых началось сильное гонение.

Благочестивые Исаак и супруга его Феодотия строго держались православного учения и сподобились стать родителями такого сына, который скоро должен был воссиять, как заря в Церкви Христовой. Они нарекли его Феофаном, что значит — явленный Богом[2]. Так он был назван прежде всего потому, что родился в праздник Богоявления Господня, который по-гречески называется — *Феофания*[3]; но

---

[1] Император *Лев Исаврянин* (717–741 гг.) был первым иконоборцем, издавшим повеление выбрасывать святые иконы из церквей и уничтожать их. Император *Константин Копроним* (741–775 гг.) сильно поддерживал иконоборческую ересь. Он созвал в Константинополь собор, названный им Вселенским, на котором отвергнуто было иконопочитание. *Исаврия* — откуда происходили как император Лев Исаврянин, так и отец Феофана Исаак — была небольшая малоизвестная страна в Малой Азии, граничила с Ликаонией и Киликией. В настоящее время остались одни развалины близ Улубунара.

[2] *Феофан* — греч. Θεοφάνης — явленный Богом или являющий Бога.

[3] Θεοφάνεια (от Θεός — Бог и φαίνω — являю) — Богоявление.

главным образом он так был наречен по Божиему смотрению — во извещение того, что его, как некогда пророка Иеремию, Господь из чрева материнского избрал и освятил быть великим светильником Своей Церкви (см.: Иер. 1, 5). Как свидетельствует книгохранитель Анастасий, его иногда называли и отчим именем — Исаак, но то было прежде пострижения его в иноческий чин, к которому он пламенно стремился с самой юности своей, как об этом и будет рассказано в его житии.

По рождении блаженного и богоявленного Феофана, родитель его Исаак, прожив еще три года, преставился к жизни бесконечной. Умирая, он написал завещание, в котором трехлетнего сына своего вместе с матерью отдавал на попечение и охранение самому царю Константину Копрониму, как своему родственнику.

Учась Божественному Писанию и совершенствуясь в добродетельной жизни, отрок с летами стал отличаться необыкновенным разумом. Когда Феофану было двенадцать лет, один из сенаторов пожелал обручить с ним свою десятилетнюю дочь, так как юноша Феофан был красив, очень умен, богат и приходился родственником царю. На это обручение охотно соглашалась и Феодотия, мать Феофана. Но так как все это не могло произойти без царской воли, то

сенатор тот обратился с усердной просьбой об этом к самому царю, ища с ним породниться чрез брак своей дочери с царским племянником. Когда царь согласился на это, совершилось обручение детей прежде дозволенного для брака возраста, но самый брак был отложен до совершеннолетия обрученных.

В это время умер царь Копроним; после него вступил на престол сын его — Лев IV, прозываемый по матери Хазар[1], ибо она была дочерью хазарского хана и в идолопоклонстве называлась Хазарою, а во святом крещении была наречена Ириною.

Спустя несколько лет скончалась и Феодотия, мать Феофана. Она умерла прежде брака сына своего, оставив ему бесчисленное богатство.

В доме Феофана жил тогда некий богобоязненный и целомудренный раб; Феофан его очень любил за его добродетельную жизнь и считал этого раба за своего лучшего советника. Вдохновляемый частыми душеспасительными беседами с ним, а больше наставляемый вседействующим Духом Святым, Феофан возлюбил целомудрие, помышляя только об одном: как бы сохранить нетленною свою девственную чистоту, и, пламенно желая иноческого чина и жития, начал раздавать все свое богатство нищим и убогим.

Узнав об этом, тесть Феофана, вопреки желанию жениха, старался скорее совершить брак, — тем более, что настало и совершеннолетие жениха и невесты.

Когда наступил назначенный для брака день и, по обычаю, шел уже брачный пир, богоявленный юноша Феофан, возносясь умом своим к Богу, в тайне сердца своего молился, чтобы Господь благодатью Своею сохранил его в чистом девстве.

И вот, когда юноша Феофан с невестою своею был уже в брачном чертоге, то он сел на одре и, сердечно воздохнув, обнаружил крывшийся в нем помысл и так сказал невесте своей:

— О возлюбленная, не знаешь ли, что время этой нашей жизни коротко, но кончина наша неизвестна и суд немилостивый ждет тех, кто, проводя жизнь свою в удовольствиях и богатстве, часто прогневляет Господа. Брак же, хотя и установлен Самим Богом, но необходимые при брачной жизни мирские попечения отдаляют ум че-

---

[1] Император *Лев IV*, по прозванию *Хазар*, царствовал с 775 по 780 год. Он также поддерживал иконоборство, хотя и слабее своих предшественников.

ловеческий от Господа, благочестивые мысли людей делают тщетными и не допускают на будущую жизнь смотреть светлыми очами души. Мы знаем, что Лазарь за временное страдание был отнесен Ангелами на лоно Авраама, а богатый, проведший жизнь в изобилии, был ввержен в ад и не мог получить даже капли воды, чтобы остудить язык свой (см.: Лк. 16, 24). Слышим также и Евангельские блаженства, уготованные на небесах (см.: Мф. 5). Кому они обещаны? Не богатым, живущим в веселии мира этого и во всяком благополучии, но нищим, плачущим, алчущим, жаждущим, претерпевающим гонение и поношение ради Христа; кратко скажу: тесный и узкий путь вводит в жизнь вечную, пространные же врата и широкий путь вводят в геенну (см.: Мф. 7, 13–14); знаем мы также, что кто в этом веке живет роскошно, в суетных утехах, тот в будущем веке будет терпеть скорбь, горесть, — да иначе и не может быть. Поэтому, возлюбленная моя невеста, если желаешь, воздержимся от плотского супружеского соединения и единодушно пребудем в чистом девстве; теперь поживем немного вместе как бы в плотском браке, ради твоего жестокого отца, но под видом супружества останемся, как брат с сестрою; а потом, когда нам пошлет Господь удобное время, пойдем в монастырь: я — в мужской, а ты — в женский. Так посвятим себя на всю жизнь Господу, дабы в будущем веке сподобиться части святых Его угодников.

Святая невеста Феофанова, как добрая земля, приняв это доброе семя, с радостью в душе ответила блаженному Феофану:

— Я знаю, возлюбленный господин мой, слова Спасителя нашего, говорящего в Евангелии: *если кто не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Лк. 14, 26; Мф. 10, 38). Итак, сделаем себя достойными последователями нашего Господа и, если хочешь, оставим все суетное. Если ты согласен, согласна и я; если тебе это угодно, угодно и мне; и если ты хочешь остаться в девстве, то и я желаю этого. И представим себя непорочными небесному Жениху, сохранив чистыми не только души наши, но и тело. Какая нам будет польза, если мы, прожив в суете эту маловременную жизнь, лишимся вечных благ? А если у нас будут дети, то исполнимся еще большей печали, заботясь день и ночь об их пропитании и их судьбе, впадая при этом в многоразличные сети мира этого.

Когда же настанет неизвестная для нас смерть, — куда мы тогда перейдем — в Рай или геенну — мы этого еще теперь не знаем. Итак, поживем в чистоте, тайно храня свое девство, пока Господь не сподобит нас иноческого чина.

Блаженный юноша, услышав эти слова своей целомудренной невесты, подивился ее благоразумию и, упав на землю, воздал благодарение Богу, наставившему девицу Духом Своим Святым на такое решение, кое было совершенно согласно с его намерением. И всю ночь ту они провели в молитвах, прося свыше помощи, дабы начатый ими образ жизни прошел в совершенстве.

Когда же наступило утро, они заснули на короткое время и оба увидели один и тот же сон: им в видении предстал некий юноша со светлым лицом; улыбаясь, он ласково проговорил им:

— Господь принял ваше намерение и прислал меня благословить вас на то житие, на кое вы согласились, — дабы вам предстать Ему святыми и непорочными.

Сказав это, он назнаменовал их по всему телу крестным знамением и стал невидим. Воспрянув от сна, они рассказали друг другу сон, одинаково ими виденный. В это время они почувствовали несказанное благовоние, исходившее от присутствия Ангела, — и удивились. И тогда же, пав на землю пред Господом, они воздали Ему усердную хвалу. То же небесное благоухание, в продолжение долгого времени, было обоняемо многими не только в их чертоге, но и по всему дому. И жила эта святая чета, как Ангелы во плоти, горя пред Богом пламенем Божественной любви, как два священника или как две маслины, источающие елей щедрот, ибо они каждый день подавали неисчислимые милостыни, щедро раздавая неимущим все свое имение.

Спустя некоторое время тесть Феофана, узнав о своем зяте и дочери, что они живут в девстве и раздают нищим все свое богатство, весьма опечалился. Отправившись к царю, он возвестил ему об этом и жаловался на зятя:

— Увы мне, несчастному! — вопил он, — увы окаянной старости моей из-за непотребного зятя моего! Он бессмысленно тратит богатство и понапрасну губит мою юную дочь, не живя с нею по-супружески, и нет мне никакой надежды утешиться внуками своими. И зачем он взял ее? Зачем прежде брака не нарушил обета обручения

и не отказался от нее, дабы не привести ее, столь юную, в такое несчастие, а мою старость не подвергнуть еще большей печали? У меня двойная печаль: я сожалею о дочери моей, что она, будучи замужем, не имеет мужа и не может быть матерью, и о напрасно расточаемом богатстве, так как Феофан расточил не только свое имение, но уже немалую часть того, что дано мной за дочерью в приданое.

И просил он царя наказать и убедить зятя его жить по закону супружескому и не тратить понапрасну свое имение.

Царь, исполнившись гнева, призвал к себе блаженного Феофана и, яростно глядя на него, стал угрожать ему, повелевая переменить свой образ жизни; в случае же несогласия, он обещался ему выколоть глаза и сослать в заточение.

Но богоугодный юноша не обращал внимания на царские угрозы и не оставлял своей столь прекрасно начатой чистой, девственной жизни: он старался более снискать милости у Царя небесного, нежели у царя земного.

Вскоре после этого Феофану было приказано царем, по некоторым народным нуждам, отправиться в Кизическую страну[1]. Это путешествие нарочно было выдумано тестем: с одной стороны для того, чтобы среди забот о вверенных ему царем делах Феофан прекратил и забыл совершать обычные молитвенные подвиги, посты и воздержания; с другой же стороны, — чтобы он перестал раздавать свое имение, над которым блюстителем теперь становился тесть его.

Когда Феофан, исполняя царское повеление, отправлялся в Кизик, царем и тестем было приказано идти с ним и супруге его, ибо отец не мог вынести и того, чтобы его дочь, хотя на малое время, разлучалась с мужем.

Случилось им переправляться через реку, которая прежде называлась Риндакосом, а потом народ прозвал ее Великою; на одном берегу ее лежала область Олимпийская, а на другом — Сигрианская[2].

Блаженному Феофану захотелось проехать этою рекою, хотя можно было ехать и сушею; но ввиду постигшей тогда его телесной не-

---

[1] *Кизическая* страна (с главным городом *Кизиком*) находится в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

[2] *Сигрианская область* — часть Малой Азии, идущая от Пропонтиды *(Мраморное море)* между реками Риндаком (в древности Ликус, ныне Люнад и в нижнем течении Микалица) и Езепом, отделявшим Мизию от Троады.

мощи, он предпочел путь речной, как более легкий. Произошло же все это по Божиему смотрению. Отослав по суше своих друзей и рабов с конями и колесницами, он сам сел в лодку со своею блаженною супругою и немногими слугами; плывя по реке, Феофан любовался прекрасными Сигрианскими горами, холмами и пустынями и горел духом к безмолвному на них житию. И увидел он на одном месте, среди гор, пространную долину, на которой рос густой лес; и ему очень понравилось это место. Пристав к берегу, чтобы переночевать, и приказав всем остальным остаться в лодках, Феофан отправился на эту долину и, обходя то пустынное место, умилился душою. Став же на одном месте в густом лесу, он стал усердно молиться Богу. Воздевая руки к небу и со слезами на глазах много раз припадая к земле, он произносил:

— *Укажи мне [Господи] путь, по которому мне идти!* (Пс. 142, 8).

Объятый великим желанием пустыннической жизни и решив тотчас же оставить все, Феофан скрылся в той пустыне. Утомившись в молитве и сев отдохнуть, он увидел того световидного Ангела, который некогда явился ему и его невесте в их брачном чертоге. Этот небожитель, показывая перстом на пустыню, сказал Феофану:

— Тебе подобает здесь поселиться, но подожди немного, пока будут взяты от земли живых преграждающие тебе этот путь; они скоро отсюда возьмутся, и тогда ты беспрепятственно пойдешь туда, куда хочешь.

Этим видением святой Феофан был весьма обрадован. В радости возвратясь к лодкам, он продолжил путь. Замечая находившиеся в тех Сигрианских горах пустынные монастыри и хижины отшельников, он посещал их, обходя вместе со своею целомудренною супругою. В этих местах он встретил некоего прозорливого старца, по имени Григория, по прозванию Стратигия, жившего в местности, называвшейся Полихроние. Блаженный Феофан открыл этому старцу свое намерение и желание, и от него услышал то, что раньше этого сказал ему явившийся Ангел. Этот старец, за свое ангелоподобное житие сподобленный Богом дара предвидения, сказал Феофану:

— Подожди немного, добрый юноша, скоро и царь, и тесть твой истребятся с лица земли, и ты, будучи свободен, исполнишь свое благое намерение.

Добродетельной же невесте Феофановой святой старец сказал тихо на ухо, что ее возлюбленный брат Феофан в свое время получит и венец мученический.

После этого святой Феофан отправился в Кизик и исполнил то, что ему приказал царь относительно народного управления. Там он часто уходил со своими слугами в близлежащие Сигрианские горы, где и посещал святых отцов. Испрашивая их благословения и молитв, Феофан в то же время назидал душу их боговдохновенными беседами.

Особенно часто ходил он к прозорливому Григорию Стратигию и к Христофору, игумену «Малого Села», — так назывался тот монастырь. Однажды, когда Феофан проходил чрез Сигрианские горы, ради посещения пустынножителей, в одном месте ему пришлось промедлить. В то время стояла сильная жара, ибо время было жатвенное, — а поэтому Феофан и все бывшие с ним сильно захотели пить.

Место же то было пустынное и безводное. Когда день уже склонялся к вечеру, пришлось там ложиться и ночевать. В это время и сами они и скот их положительно изнемогали от жажды. Блаженный Феофан, помолившись, сел под одним холмом, дабы хотя немного уснуть и заглушить жажду сном. И вот, только что он задремал, внезапно над главою его потек источник живой воды и омочил его. Итак, не презрел раба Своего Господь, некогда источивший из камня воду неблагодарному еврейскому народу; тем более Он благоизволил это сотворить для благодарного слуги Своего во время такой нужды. Святой, пробужденный неожиданным шумом обрызгавшей его воды, тотчас же встал со своего места и созвал всех бывших с ним. И все, собравшись, удивлялись тому неожиданному и внезапному чуду и прославляли Бога. И все не только утолили свою жажду, но напоили и скот свой.

Когда они встали на другой день, то источника уже не было: место то стало сухо, и не было даже следа воды на нем.

Особенно они тому удивлялись и за то прославляли чудесную силу Божию, что Господь во время жажды и в земле совершенно безводной извел источник, а когда нужды в воде уже не было, Он иссушил воду, явно тем показывая, что на каждом месте Господь готов подать все нужное тому, кто прежде всего ищет Царствия Божия и правды Его (см.: Мф. 6, 33).

После того Феофан некоторое время провел в Кизике и, исполнив там надлежащим образом все приказанное царем, возвратился в Царьград.

В это время сбылось предсказание Ангела Божия и пророчество преподобного Григория: умер царь Лев Хазар, сын Копронима и внук Льва Исаврянина; умер и тесть Феофана. И он, как и святая его невеста, стали свободными. Тотчас же они, как и хотели, раздали все свое богатство и все свои имения. Потом Феофан в одном из женских монастырей в Вифинии[1] постриг свою невесту, дав этому монастырю на пропитание ее много угодий; при пострижении она была наречена Ириной. В иночестве Ирина угодила Богу и совершила много чудес, получив от Бога дар исцелять болезни и изгонять бесов. Об этих чудесах впоследствии поведал святейший патриарх Цареградский Мефодий, который и был описателем жития их обоих[2].

По пострижении своей блаженной невесты, девицы Ирины, святой Феофан раздал нищим в Царьграде остаток своего имения и, оставив только немного денег, отправился к вышеупомянутому прозорливцу Григорию Стратигию. Им-то Феофан и был пострижен в иноческий образ. Там от оставшихся денег святой Феофан создал этому старцу монастырь и жил при нем довольно продолжительное время, совершенствуясь в иноческих подвигах.

Потом, по совету того же старца, святой Феофан отправился на остров, называемый Калонимос[3]; на этом острове у Феофана было небольшое, оставшееся от родителей селение, которое он еще не успел раздать нищим. Там он устроил монастырь, куда перевел всю братию из Феодоровской обители, именуемой Монохерария; вызвал и поставил им и игумена — мужа благоговейного и опытного. Сам же Феофан затворился в свою келию и стал заниматься списыванием книг, ибо он был искусным писцом. Эти книги он продавал и на вырученные деньги прокармливал не только себя, но и других.

По прошествии нескольких лет скончался игумен того монастыря, и братия стали настойчиво просить преподобного Феофана,

---

[1] *Вифиния* — северо-западная провинция Малой Азии.

[2] Память святого Мефодия празднуется 14 июня.

[3] *Остров Калоним*, или *Калонимос* (ныне Каломиос, в древности Бесбикон), находится против устьев реки Риндака, в Мраморном море.

чтобы он сам согласился быть их игуменом. Но святой не согласился и снова отправился в гору Сигрианскую; вспомнив же ту пустыню, где он удостоился явления Ангела, когда плыл в Кизик, Феофан пошел туда и стал жить в той пустыне, угождая Богу. Скоро преподобный Феофан населил ту пустыню богоугодными пустынножителями, ибо многие стали приходить к нему и селиться около него, так что вскоре явилась нужда устроить монастырь.

В этой пустыне было некое место, принадлежавшее одному земледельцу; место это называлось «Великое село». Святой Феофан, послав к своим знакомым и заняв у них денег, купил это место и устроил здесь монастырь при помощи Господа, подающего по Своему Божественному промыслу все потребное для нас. Вскоре преподобный и занятые деньги отдал, и в монастыре своем в изобилии имел все нужное для пропитания собравшейся к нему братии.

Святому Феофану нельзя было не принять в этой своей обители игуменского сана, ибо его умоляли об этом все пустынножители, да так и необходимо было.

Будучи игуменом, Феофан был тем начальником, каковому повелевает быть и Христос в Евангелии: *кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Мф. 20, 26). Преподобный игумен Феофан работал своими руками, служа всем, ибо Господь даровал ему тогда большую телесную силу, и он в каждой монастырской работе принимал участие больше всех и был для всех примером добродетельной и в то же время трудолюбивой жизни.

В это время, а именно — в царствование Константина, сына Льва и внука Копронима, при благочестивой матери его Ирине и при Святейшем патриархе Цареградском Тарасии, в Никее был созван против иконоборцев VII Вселенский собор[1]. На этом соборе святая Церковь прокляла ересь иконоборческую, и благоговейное почитание святых икон было снова восстановлено. На

---

[1] Святая *царица Ирина*, супруга Льва Хазара, сначала, по смерти мужа, управляла империей за малолетством сына своего, императора Константина Порфирородного (780–792 гг.), от его имени, а потом — от своего (797–802 гг.). Святой *патриарх Тарасий* управлял Константинопольской Церковью с 784 по 806 год (память его празднуется 25 февраля). VII Вселенский собор, утвердивший иконопочитание, был созван в 787 году.

этот собор был вызван и преподобный Феофан, игумен Великого Села в Сигриане[1]. Утверждая на этом соборе истинное правоверие, Феофан среди святых отцов сиял как светлая звезда. Его присутствие на соборе было для многих весьма полезно; там, где многие красовались прекрасными одеждами, колесницами и конями, он туда приехал на плохом осле, в старой одежде и заплатанных рубищах. Все, кто знал его прежнюю жизнь, когда он был богат, знатен и близок к царю и был одним из членов синклита, умилялись, видя его в таком смирении и нищете, и все поучались тому, что ради Господа можно так смириться и обнищать, и все в мире считать за ничто.

По окончании святого собора преподобный возвратился в свой монастырь, привезя благочестные догматы святой веры, утвержденные на этом Вселенском соборе, как лучшее украшение своей обители. Здесь Феофан продолжал подвизаться в обычных своих подвигах, просвещая примером своей добродетельной жизни не только свою обитель, но и всю окрестную страну; о нем всюду прошел слух, и все ради него прославляли Отца небесного. За его благочестивую жизнь ему дана была от Бога и благодать чудотворения: он исцелял и болезни, и изгонял бесов из людей. Однажды, когда преподобный уснул, бес задумал напасть на него; уподобившись дикому вепрю, он стал грызть большой палец руки святого, так что ему стало весьма больно. Тотчас же восстав от сна, Феофан заметил на своем пальце следы зубов своего врага, хотевшего совсем отгрызть его палец, и рана эта причиняла сильную боль святому, но взяв находившееся у него миро от животворящего древа Крестного, он помазал им больной палец и тотчас же исцелел. С тех пор, получив власть над бесами, Феофан словом своим стал изгонять их из приводимых к нему страждущих людей.

Этот преподобный отец, плывя однажды на корабле, утишил бурю. Приходящим к его обители странникам и убогим он в изобилии раздавал хлеб и другую пищу, и при этом хлеб не умалялся, — подобно тому, как делал это пророк Илия с кадкой муки той вдовы, у которой жил (см.: 3 Цар. 7, 16).

---

[1] *Обитель Сигрианская* находилась в двадцати двух тысячах шагов от Кизика и от моря. — *Великое село* (Мегагрит — Μέγας ἀγρός) было в той же области; другая обитель — Малое Село, где настоятельствовал Христофор.

Однажды келарь стал роптать на святого за то, что он раздает нищим хлеб, а между тем его недостает и живущим в монастыре. Тогда преподобный Феофан велел ему сосчитать и измерить все, что находилось в кладовой, и оказалось, что ничего не уменьшилось; вся братия прославила за это Бога, а роптавший келарь, упав на колени, стал просить прощения у святого.

Уже будучи пятидесяти лет, преподобный Феофан заболел каменной болезнью и жестоко страдал. С того времени он всю остальную жизнь свою провел на одре, и тот, кто молитвой своей исцелял других от болезни, не просил от Господа исцеления своего недуга, но терпел его с благодарением. В этой болезни для него и настало время исповеднической кончины, по пророчеству того прозорливого старца Григория, который тихо на ухо сказал его невесте, святой девице, что в свое время и ее жених получит мученический венец.

Спустя много лет, когда преподобный уже состарился и сменилось несколько греческих императоров (ибо после вышеупомянутого царя Константина, царствовавшего вместе с матерью своею Ириною, вступил на императорский престол Никифор вместе с сыном своим Ставрикием, а после них царствовал Михаил Куропалат), — вот после этих-то императоров скипетр Греческого царства принял Лев Армянин[1]. Этот император воздвиг иконоборческую ересь. Он сильно смутил Церковь Христову, изгнав с престола святого патриарха Никифора и также преподобного Феодора Студита вместе с его учениками[2]; многих же других христиан он за почитание икон прямо мучил и убивал.

Церковный историк Георгий Кедрин[3] пишет о святом Феофане следующее: когда патриарх Цареградский Никифор ехал морем в за-

---

[1] Император *Лев Армянин* царствовал с 813 по 820 год.

[2] Святой *патриарх Никифор* управлял Константинопольскою Церковью с 806 по 815 г.; скончался в заточении в 828 году; память его отмечается 13 марта и 2 июня. — *Феодор Студит* — настоятель знаменитого Студийского монастыря, память его празднуется 11 ноября.

[3] *Георгий Кедрин* — византийский писатель конца XI или начала XII века, автор так наз. σύνοψις ἱστοριῶν. Сочинение его начинается от сотворения мира и охватывает историю еврейскую, римскую и византийскую до вступления на престол Исаака Комнена (1057 г.).

точение и на корабле проезжал мимо той местности, где находилась обитель преподобного Феофана, то последний узнал об этом своими прозорливыми духовными очами; он велел ученику своему принести в кадильнице горящих углей, положил на них фимиам и, приказав зажечь свечи, поклонился до земли, как будто беседуя с кем-либо мимоидущим. Когда ученик спросил Феофана:

— Что делаешь, отче, и с кем, поклонившись, беседуешь!

Преподобный ответил:

— Вот, едет в заточение изгнанный за правоверие святейший патриарх Никифор и теперь на корабле плывет мимо нашей страны. Ради него я и зажег свечи и фимиам, дабы нам воздать подобающую честь патриарху.

Это провидел и ехавший на корабле Святейший патриарх Никифор, ибо он, внезапно преклонив колена, ответил святому старцу тоже поклоном и, воздев руки, благословил его. Один инок, бывший со святейшим патриархом, спросил его:

— Кого благословляешь, святейший отец, и перед кем ты встал на колени?

На это патриарх Никифор ответил:

— Вот, сейчас исповедник Феофан, игумен Великого Села, приветствовал нас зажженными свечами и фимиамом; ему и я взаимно поклонился; ведь ему, подобно нам, тоже в скором времени придется пострадать.

Все это вскоре и сбылось.

Спустя немного времени злочестивый царь Лев Армянин, желая прельстить преподобного Феофана к единомыслию с собою, послал к нему послов и с честью призывал его к себе в Царьград; при этом он лукаво писал ему:

«В скором времени мне предстоит война с нечестивыми, но прежде нежели выйти на них, мне нужно вооружиться твоими молитвами. И так, честный отец, не откажись прийти к нам».

Преподобный Феофан, хотя и видел лукавство царя и был в это время одержим тяжким недугом, однако решил отправиться, дабы пострадать за истинную веру. Сев в корабль, святой скоро прибыл в Царьград, но там не был введен к царю, ибо царь стыдился и боялся обличений Феофана. Но он послал к преподобному Феофану знат-

ных своих сановников, дабы лестными обещаниями прельстить его к своему зловерию.

«Если, — говорил он через них святому мужу, — ты будешь единомыслен с нами, я твой монастырь обстрою высокими каменными зданиями и обогащу его во всем; и ты будешь превознесен у меня честью больше всех, а также и всех близких сродников твоих я почту великих саном».

К этим обещаниям царь присоединял, впрочем, и угрозу:

«Если же ты, — продолжал он, — будешь противоречить нам, то сам будешь повинен в великом бесчестии».

На это святой Феофан чрез посланных отвечал царю:

— Я ничего не желаю из богатств мира этого: если я, будучи юношей, ради любви ко Христу, покинул все свое золото, серебро и все свои имения, которые были у меня, то неужели в старости я их пожелаю? Да не будет этого. О монастыре же и о братьях моих промышляет Сам Господь, больше всех царей и князей земных. Зачем же, царь, ты устрашаешь меня своею угрозою, как какого-нибудь малого отрока розгою! Приготовь для меня мучения, зажги огонь, и я, хотя и не могу ходить по болезни моей, как это ты видишь, — однако за правоверие я брошусь в огонь.

Выслушав эти, с великим дерзновением сказанные, слова святого, посланные отправились к царю и все это ему передали. Царь, удивившись такой неслыханной смелости, приказал пойти к преподобному, дабы побеседовать с ним, некоему софисту Иоанну, коварному волшебнику и еретику; но он пред богодухновенными словами преподобного отца оказался как бы немой и побежденный им, и со стыдом возвратился к пославшему его царю.

Тогда царь, исполнившись гнева, приказал заключить преподобного Феофана в темное и тесное помещение при так называемой Елевфериевской палате и приставить к нему стражей. В этом мрачном заключении преподобный, уже будучи старым и больным, провел два года; здесь его каждый день то ласкою, то угрозами старались вовлечь в иконоборчество, и нарочно посылаемые к нему злочестивые еретики издевались над ним и злословили его. Однажды, когда царь с ласкою отправил посла своего к святому, желая, чтобы он подписался под указом о низвержении икон, преподобный Феофан ответил ему:

— Познай, царь, даровавшего тебе царство, — Того, Кем и цари царствуют, и мучители властвуют на земле. Познай, — говорю тебе, — что Господь, будучи неописуем, изволил быть видимым и, приняв наше естество, стал во всем подобен нам, кроме греха; и этим естеством, обóженным в Себе, Он воскрешал мертвых, просвещал слепых, очищал прокаженных и много других сотворил чудес. Этим Своим человеческим естеством Он принял добровольно от иудеев смерть, в третий день воскрес, со славою вознесся на небо и уже никогда не разлучается от Отца. Об этом человеческом естестве во Христе нас учит Евангелие; поэтому эту Евангельскую книгу мы и приемлем с благоговением, веруя всему написанному в ней, всем чудесным делам Христа, — так что в Евангелии почитаем как бы Его Самого. И если мы не осуждаемся, что веруем в дела Христовы, описанные в словах, то за что же мы осуждаемся, если принимаем и чтим ту же Евангельскую историю, но только изображенную на иконах? И варвары, пришедшие к нашей вере, благодаря иконам, легко узнают все житие Христа на земле с людьми и все Его чудесные дела. Да и как много людей некнижных, смотря на изображенные на иконах чудеса Христовы и на Его вольную смерть, прославили пострадавшего за нас Господа? Но ты, отвергая иконы, должно быть позавидовал их спасению. И какой собор когда-нибудь считал грехом и святотатством почитать святые иконы? Разве не Сам Христос послал на исцеление едесскому князю Авгарю образ Своего Лица, нерукотворно соделанный[1]? И разве не святой апостол Лука оставил нам расписанную разноцветными красками икону

[1] Во время земной жизни Господа Иисуса Христа в городе Едесе, в Месопотамии, был князь Авгарь, пораженный проказою. Услышав об исцелении Иисусом Христом всяких болезней, Авгарь послал к Нему с живописцем Ананиею письмо, в котором просил Его прийти в Едес и исцелить его. Господь ответствовал, что Он не может прийти к нему, но, по совершении дела Своего на земле, пошлет к нему одного из Своих учеников, который и исцелит его. После того Господь умыл лицо Свое и отер Его полотенцем. В это время на убрусе отобразился лик Господа. Авгарь, приняв и облобызав его, почувствовал большое облегчение от болезни. По вознесении Господа на небеса святой Фаддей, один из 70-ти апостолов, пришел к Авгарю и совершенно исцелил его от проказы. Жители Едеса вместе с князем приняли крещение от апостола, а святой убрус поставлен был в стене над главными воротами города, где и пребывал до 944 года, когда был перенесен из Едеса в Константинополь; перенесение это (празднование 16 августа) сопровождалось исцелениями многих больных.

Пресвятой Девы Богородицы[1]? Ничего здесь нет противного преданию и учению святых отцов: святой Василий Великий[2], испытатель неизреченных таинств, сказал, что честь, оказанная иконе, восходит на изображенного на ней. Также и Иоанн своими златыми устами проговорил: «Я люблю и из воска сделанный образ»[3]. Святой же Кирилл[4] — эти гусли Святого Духа — произнес: «Часто видя изображение на иконе Страстей Христовых, я не могу без слез проходить мимо этой иконы». Итак, если первые шесть Вселенских соборов, бывших до VII собора, не возбранили почитать святые иконы с воздаянием чести изображенным на них лицам и событиям, то ты ли думаешь быть мудрее их! Твое дело, царь, — вести войну против иноплеменников, исследовать же церковные догматы и законы подобает святым отцам, а не царям».

Прочитав это послание преподобного отца, царь исполнился несказанной ярости; он тотчас же послал в Сигрианскую страну одного своего жестокого сановника, чтобы разорить Феофанову обитель, называемую «Великое село», и сжечь ее совершенно; учеников же его, избив беспощадно, — разогнать. Другого же посла, столь же лютого, царь послал к преподобному Феофану, который уже два года был заключен в мрачной темнице Елевфериевского замка[5].

Этот посланник, содрав одежду со святого старца, который и без того был изможден постом и продолжительною болезнью, бил его беспощадно воловьими жилами по хребту и по чреву и, дав ему триста ударов и заключив снова в темницу, ушел от него.

Утром, по повелению царя, мучитель этот опять пришел к преподобному; выведя его из темницы, он жестоко бил его. А потом святого Феофана отправили в заточение на остров Самофракийский[6]. Преподобный отец заранее предвидел это своими прозорливыми очами и служившему ему послушнику еще за несколько дней ска-

---

[1] Святой апостол и евангелист Лука, по преданию, был живописцем и, с соизволения Богоматери, написал несколько икон Ее (см. житие его, 20 октября).

[2] Память его празднуется 1 января.

[3] Святитель Иоанн Златоуст, память его почитается 13 ноября и 30 января.

[4] Память святого Кирилла Александрийского отмечается 18 января.

[5] *Елевфериевский замок* (или палата) помещается в той части Константинополя, где теперь находится Сераль (дворец турецк. Султана).

[6] *Самофракия* — остров в Егейском море, в пяти с половиной милях от Фракийского берега.

зал, что они будут отосланы на этот остров. Прожив на этом месте всего двадцать три дня, святой мученик от изгнания земного, украшенный венцом исповеднического страдания, преселился к отечеству небесному[1], и честное тело его было положено там в деревянной раке. Бог же прославил Своего святого угодника не только при жизни его, но и по преставлении: Он даровал святым его мощам целебную силу, и много больных, только прикоснувшись к его раке, получили исцеление.

После того, как убит был злочестивый царь Лев Армянин, изгнанные ученики святого Феофана снова возвратились в Сигрианскую гору и обновили сожженный монастырь. Сюда они перенесли с острова Самофракийского святые мощи преподобного отца своего Феофана и с благоговением положили их в церкви, причем от них совершалось множество чудес, — во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого, вовеки. Аминь[2].

---

[1] Святой *Феофан* скончался около 818 года.

[2] Святой Феофан оставил после себя «Хронографию», в которой описал события Церкви с 285 по 813 год.

ЖИТИЕ
ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА,
папы Римского

Святой Григорий, папа Римский[1], прозванный за свои красноречивые беседы *двоесловом* или беседником[2], родился в городе Риме. Отец его, по имени Гордиан, и мать, блаженная Сильвия, — оба были сенаторского, благородного и богатого рода.

Но родство этого святого Григория было благородно не столько по своему сенаторскому происхождению, сколько по тем благочестивым и святым людям, которые находились в родстве с Григорием. Так, блаженный Феликс[3], папа Римский, был дедом Григория Двоеслова; святая Тарсилла, узревшая при кончине своей грядущего к ней Господа Иисуса, и блаженная Емилиана, сподобившаяся вместе с Тарсиллою вечной, небесной жизни, были тетками Григория; точно так же и Сильвия, мать святителя, Римскою Церковью причтена к лику святых.

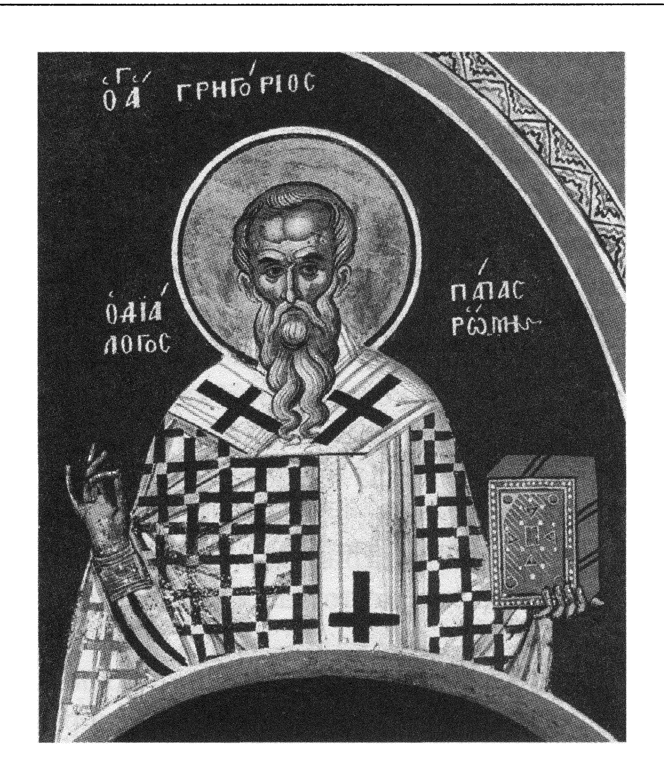
Но этот святой род всего более украсил своею святостью блаженный Григорий, от юности подвизавшийся в добродетели и богоугодной жизни. С детского возраста полюбив чтение книг, он впоследствии стал славным ученым и ритором; он был человек, ис-

---

[1] Титул «папа» (греч. πάππας — отец) до конца V века употреблялся как почетное наименование всех епископов; с конца V века он относился, главным образом, к римскому архиепископу, а с 1075 года — исключительно к нему.

[2] *Святой Григорий* Великий назван *Двоесловом* (собеседник, беседователь) за свое сочинение «Беседы, или диалоги о жизни и чудесах Италийских отцов».

[3] Святой *папа Феликс III* правил Церковью с 483 по 492 год.

полненный ума и добрых намерений, почему и избран был в сан претора[1]. Однако мысли и желания Григория были направлены не столько к мирскому, сколько к духовному: он желал быть иноком. Но при жизни родителей будущий святитель отлагал свое пострижение, до времени более благоприятного, хотя и в мире он жил как бы иноком, проводя жизнь в чистом девстве.

Когда же скончался отец Григория, он начал оставшееся ему большое имение тратить на подаяние милостыни и на созидание святых обителей, больниц и странноприимных домов. Так, в Сицилии[2] он создал шесть монастырей, снабдив их всем необходимым, а в Риме основал монастырь в честь святого апостола Андрея[3]; этому монастырю он положил начало в своем собственном доме, находив-

---

[1] *Претор* (лат. praetor) — так назывался у римлян сановник, которому вверялась высшая судебная власть.

[2] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря, часть Итальянского королевства; от материка отделяется Мессианским проливом.

[3] Память святого апостола *Андрея Первозванного* празднуется 30 ноября.

шемся близ церкви святых мучеников Иоанна и Павла, при горе, именуемой Сквара[1]. Постригшись здесь, Григорий снял свои златотканые мирские одежды и облекся во власяные ризы иноческого чина, наставляемый опытными старцами Иларионом и Максимианом; а через некоторое время он стал игуменом той обители[2].

Блаженная же Сильвия, мать святого Григория, жила в то время близ врат апостола Павла; служа Господу, она проводила время в посте и молитвах, и день и ночь «приметалась в дому Господнем»[3]. Пищею ее была сырая зелень, которую она каждый день посылала и сыну своему — блаженному Григорию. К нищим же и убогим она была так милостива, что раздала им положительно все свое имущество.

Также и сын ее, блаженный Григорий, был так нищелюбив, что и последнего ничего не жалел, но тотчас же раздавал все просящим у него.

Однажды, когда он сидел в келии своей и, по обычаю, переписывал книги, к нему пришел один нищий (то был в образе нищего Ангел Господень) и сказал ему:

— Пожалей меня, раб Бога Вышнего! Будучи корабельщиком, я погубил в море не только, что сам имел, но и чужое.

Нищелюбец и истинный раб Христов, святой Григорий, поболев о нем сердцем, призвал служащего ему брата и повелел дать человеку тому шесть златиц[4]; и нищий, взяв данное, ушел.

В тот же день, через несколько часов, к блаженному пришел снова тот же нищий и сказал ему:

---

[1] Что при Целийском холме.

[2] В это время папа Пасхалис II посвятил Григория, несмотря на его нежелание, в сан диакона — в 577 году. В следующем году он послал его в Константинополь своим *апокрисиарием* (послом) — частью по делу о новом папе Пелагии, частью же для испрошения помощи Риму против лонгобардов. Во время пребывания своего в Константинополе Григорий старался приобрести точные сведения об обрядах Восточной Церкви, где после апостолов процветало столько мужей веры. В это же время он начал свой знаменитый труд «Толкование на книги Иова, или Тридцать пять книг о нравственности». В 585 году Григорий возвратился в Рим и был избран настоятелем основанного им монастыря.

[3] Выражение это взято из Псалма 83, 11. — *Приметатися* — лежать у порога, приютиться где-либо.

[4] *Златица* — золотой, червонец.

— Помилуй меня, раб Божий, я так много потерял, а ты мне так мало дал.

Святой Григорий опять призвал прислуживавшего ему брата и сказал ему:

— Брат, поди и отдай нищему другие шесть златиц.

Тот исполнил это, и взял нищий в этот день от святого Григория двенадцать златиц, и ушел от него.

Через некоторое время нищий пришел к блаженному Григорию в третий раз и взывал к нему:

— Помилосердствуй обо мне, отче, и подай мне и еще от щедрот твоих, ибо я в море очень много погубил чужого богатства.

Тогда блаженный Григорий снова сказал к служащему ему:

— Иди, брат, и дай просящему еще шесть златиц.

На это брат этот ответил:

— Поверь мне, честный отче, что у нас не осталось ни одной златицы.

Но блаженный Григорий сказал ему:

— Не имеешь ли дать чего-нибудь другого: одежды какой-либо или какого-нибудь сосуда?

— Я имею только один сосуд, — ответил брат, — именно то серебряное блюдо, на котором твоя мать прислала тебе квашеное сочиво.

— Иди, брат, — сказал тогда угодник Божий Григорий, — и отдай нищему и то блюдо, дабы он не ушел от нас, опечаленным, так как он ищет утешения в беде своей.

Бедняк, взяв то серебряное блюдо, радуясь, ушел от святого, — и уже явно, как нищий, он более не приходил просить у Григория милостыни, но невидимо он все время пребывал при нем, охраняя его и помогая ему во всем. Ибо Ангел Господень был приставлен к святому с силою чудесной благодати, коею святой Григорий потом и прославился, совершая в обители своей великие чудеса.

После смерти Пелагия, папы Римского[1], все единогласно избрали на престол его святого Григория, игумена Андреевского монастыря; он же, избегая столь великого сана и почести, убежал из города и скрывался по пустынным местам. Ища своего пастыря

[1] Папа *Пелагий II* управлял Римскою Церковью с 578 по 590 год.

Григория и не находя его, народ римский предавался великой печали; и все стали усердно молиться к Богу, — да явит Он им раба Своего. И вот появился огненный столп, всеми видимый, сходящий на то место, где святой Григорий скрывался, находясь в некоей пустынной горе. Тогда все познали, что этот небесный столп явился ради святого Григория. Тотчас же все отправились на то место, где и нашли Григория, и с неизреченною радостью увели его, хотя он этого и не желал.

В царствование Маврикия[1] святой Григорий был поставлен папой древнего Рима[2]. Здесь он особенно прославился несказанным милосердием к нищим и убогим, к сиротам и вдовицам. Он строил странноприимные дома и приюты для людей бедных — не только в Риме, во и в других городах. В Иерусалим святой Григорий нарочно послал с большим количеством денег авву Прова, чтобы он там устроил странноприимницу. На Синайскую гору[3] он каждый год посылал большую милостыню на пропитание иноков. В Риме же святитель каждый день кормил всех нищих и больных, записанных им по имени в особой книге[4]. Странников и бед-

---

[1] Император *Маврикий* царствовал с 582 по 603 год.

[2] Святой Григорий был избран папою в 590 году. Это совершилось против воли смиренного Григория, который почитал и называл себя в подражание блаженному Августину «рабом рабов Божиих», тяготился властью и употребил все зависящие от него средства, чтобы уклониться от нее; но, облеченный ею, он усердно, хотя и постоянно больной, предался исполнению своих пастырских обязанностей. — Главной заботою папы Григория было распространение и объяснение слова Божия; многих еретиков он обратил к правоверию; содействовал к утверждению веры и в отдаленной Британии (Англии), послав туда в 597 году проповедников под начальством монаха Бенидиктинского чина Августина, который убедил принять святое крещение самого короля Этельберта, что окончательно содействовало распространению христианской веры по всей стране.

[3] Гора *Синай* находится в средине Синайского полуострова; она представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезана и окружена крутыми и шероховатыми долинами. В Ветхом Завете при горе Синае израильтяне вступили в завет с Богом и получили от Него заповеди Закона (Исх. 20). В IV и V веках по Рождестве Христовом гора Синай славилась обилием христианских пустынножителей, обитавших в ущельях и пещерах ее.

[4] Когда бедного человека находили мертвым на улице, святой Григорий на некоторое время воздерживался от совершения евхаристии, как бы считая себя виновником его смерти.

ных он часто сажал и за своей трапезой, причем всегда служил им сам. Раз он приказал своему сакелларию[1] призвать на свою трапезу двенадцать странников, чтобы с ними вместе пообедать, а когда все сидели за трапезой, святой папа увидел тринадцать сидевших странников. Тогда, призвав сакеллария, он сказал ему тихо:

— Разве я тебе не двенадцать странников велел призвать? Зачем же ты, ослушавшись меня, призвал тринадцатого!

Испуганный сакелларий сказал ему на это:

— Поверь мне, пречестный Владыка, — тринадцатого здесь нет.

Действительно, ни он, ни кто другой не видали тринадцатого: его видел один только святой папа. Во время обеда святой Григорий смотрел на этого тринадцатого странника, сидевшего на самом конце стола, и видел, что лицо его часто изменяется: то он казался седым старцем, то — молодым юношей. Когда все встали с трапезы, святой папа Григорий отпустил всех; этого же тринадцатого странника, столь чудного по своему виду, он удержал и, взяв его за руку, ввел его в свою ложницу и там сказал ему:

— Заклинаю тебя великою силою Бога Вседержителя, скажи мне, — кто ты и как твое имя!

На это чудный странник сказал ему:

— Зачем ты спрашиваешь мое имя? Оно чудно. Вспомни одно, что я — тот самый нищий-кормчий, который некогда, придя к тебе в монастырь святого Андрея, когда ты сидел и писал в келии своей, получил от тебя двенадцать златиц и то серебряное блюдо, которое тебе с сочивом прислала блаженная мать твоя Сильвия. Да будет тебе известно, что с того самого дня, в который ты с сердечною любовью дал мне его, Господь нарек тебя настоятелем этой святой Церкви, за которую изъял кровь Свою, и наследником святого верховного апостола Петра, которому ты подражаешь в своем добродетельном житии.

---

[1] *Сакелларий* (от греч. σακέλλα, σακέλλιον — мешок, ящик с деньгами, казнохранилище) значит вообще казнохранитель. В Константинопольской Церкви на сакеллария возлагалась обязанность заведовать собственно церковной казной, состоявшей из денег и других драгоценностей. У нас в Русской Церкви название *сакеллария* присвоено в позднейшее время ключарям некоторых знаменитейших соборов в С.-Петербурге и Москве.

Блаженный Григорий на это сказал ему:

— Откуда ты знаешь, что Господь еще тогда определил быть мне папой?

— Я — Ангел Господа Вседержителя, — ответил он, — поэтому и знаю; Он еще тогда послал меня узнать, действительно ли ты ради человеколюбия, а не ради тщеславия творишь милостыню.

Услышав это, блаженный Григорий впал в великий ужас: до того времени он никогда не видал явно Ангела Божия, а сейчас беседовал с ним как с простым человеком. Тогда явившийся Ангел сказал:

— Не бойся, ибо меня послал Господь, дабы пребывать с тобой всю жизнь и приносить твои молитвы к Богу; итак, все, чего ты будешь просить у Него с надеждою, получишь.

Тогда святой папа, упав лицом на землю, поклонился Господу и сказал:

— Если ради столь малой милостыни Господь воздал мне столько благ, что сделал меня и папою Своей святой Церкви, и приставил ко мне Своего святого Ангела, дабы охранять меня, то что же Он воздаст пребывающим в законе Его и творящим правду?

После этого Ангел стал невидим, а святой, воздавая Господу свое великое благодарение, стал еще более усерден в благодеяниях людям и в благоугождении Богу.

В другой раз, угощая однажды обедом странников, святой Григорий, по смирению своему, хотел одному из них подать на руки воду, но когда обернулся, чтобы взять сосуд, то увидел, что человека того уже нет; поискав его и нигде не найдя, Григорий весьма удивился. В следующую же ночь, когда святой папа спал, явился ему Господь и сказал:

— В те дни ты угощал членов моих, то есть — нищих, вчера принял Меня Самого.

О великом смирении святого Григория говорится и в Лимонаре святейшего Софрония, патриарха Иерусалимского[1]. Вот что там пишется о нем.

---

[1] *Лимонарь*, или *Лимонарий* (от греч. слова λειμών — луг, пажить). Такое название имеет книга Иоанна Мосха и Софрония, патриарха Иерусалимского (VII в.), содержащая в себе собрание повестей о деяниях некоторых пустынножителей, просиявших святостью жизни.

«Однажды мы были у аввы Иоанна Персянина; он нам и рассказал о великом и блаженном Григории, папе Римском. Захотел я однажды, — говорил он, — поклониться мощам святых верховных апостолов Петра и Павла, и для этого отправился в Рим. Когда я однажды стоял среди города, то услышал в народе, что мимо должен пройти папа; тогда я стал ждать, чтобы видеть его. Когда он шел мимо меня, я решил поклониться ему; но говорю вам, братья, — вот Бог свидетель, — что он, предупредив меня, пал на землю, поклонился мне, и до тех пор не вставал с земли, пока не увидел, что я прежде него встал; поцеловав затем меня с великою любовью, он дал мне своею рукою три златицы и повелел выдать мне все необходимое для пропитания; я же прославил Бога, давшего святому Григорию столь великое смирение, любовь ко всем и милость».

Нельзя умолчать и о страшном чуде, сотворенном молитвами этого великого архиерея Божия над Пречистыми Христовыми Тайнами. Некая женщина, очень известная в Риме, принесла просфоры к Божественному алтарю; в это время Божественную литургию совершал сам святейший папа Григорий. И вот, когда он преподавал людям Божественное причастие, приступила и женщина та причаститься святых Тайн. Но когда она услышала слова Григория: «преподается животворящее Тело Господа нашего Иисуса Христа», то засмеялась. Тогда папа Григорий, задержав свою руку, спросил ее:

— Чему же ты смеешься?

— Мне странно, владыка, — ответила она на это, — что хлеб, который я испекла из муки своими руками, ты называешь Телом Христовым.

Святой, видя ее неверие, помолился Богу, и тотчас же хлеб, по виду своему, преложился в действительное человеческое тело. И это окровавленное человеческое мясо видели не только женщина та, но и присутствовавшие в церкви люди; все, видевшие это чудо, прославляли Христа Бога и еще более утверждались в вере, нисколько не сомневаясь, что в Пречистых Тайнах под видом хлеба преподается истинное Тело Христа, а под видом вина — истинная Кровь Его. После того святой папа снова помолился, и вид тела человеческого претворился опять в хлеб. Тогда женщина та причастилась с

великим страхом и твердою верою, приняв хлеб, как Тело Христово, а вино — как Кровь Христову.

Этот великий светильник миру, святейший папа Григорий, украсил Церковь Христову не только своим равноангельным житием и дивными чудесами, но и своими многочисленными творениями, которые принесли вере православной великую услугу. А когда он писал их, то Дух Святой, в виде голубя, парил над ним; это часто сподоблялся видеть и архидиакон Григория Петр, — муж весьма добродетельный. Беседы святого Григория с этим архидиаконом помещены в особых четырех книгах, преисполненных великой духовной пользы; они содержат в себе краткие сказания житий святых, богоугодно поживших в Италийской земле, и душеспасительные поучения[1]. Свя-

---

[1] Это сочинение называется «Беседы, или диалоги о жизни и чудесах Италийских отцов». Из других творений святого Григория Двоеслова известны: а) «Правило пастырское», содержащее наставление для пастыря, и б) письма святого Григория, всего до 848, заключающие в себе много нравственных наставлений.

Что касается Литургии Преждеосвященных Даров, которая надписывается именем святого Григория Двоеслова, то нужно иметь в виду, что он, если и излагал чин этой Литургии, то исключительно для Западной Церкви (как и вообще он заботился об устроении Богослужения собственно этой Церкви), а не для Восточной Церкви. Предание же, приписывающее составление чина Преждеосвященной Литургии святому Григорию, главным образом, возникло на почве глубокого почитания, с которым Православный Восток относился к имени этого святого мужа. Несомненно известие, что, возвратившись в Востока и сделавшись Римским епископом, святой Григорий Двоеслов начал восстанавливать в Римской Церкви некоторые из древних обрядов, забытые там и сохранившиеся во всей первобытной чистоте своей на Востоке. При этом он явился чтителем апостольской Литургии преждеосвященных Даров, употреблявшейся на Востоке, и ревнителем прочного водворения и распространения ее на Западе. Он издал эту Литургию на латинском языке и ввел ее в употребление в западных церквах, чем как бы заслужил себе предпочтительное пред прочими отцами Вселенской Церкви право на всегдашнее сочетание его имени с этой Литургией. Восточная Церковь не забыла попечений святого Григория, относящихся до Литургии Преждеосвященных Даров. В греческих синаксарях, со времени XI века, помещаются известия о том, что святой Григорий устроил у римлян совершение полной Литургии во дни Поста, а позднее это известие стало изъясняться и переводиться так, что он устроил у христиан Римской империи (а такой считалась Греко-Византийская империя) совершение Преждеосвященной Литургии. — В Западной Церкви эта Литургия совершается ныне однажды в год, именно — в Великий Пяток Страстной седмицы. (См. подр. о Литургии Преждеосвященных Даров, Смирнова; Правосл. Собес. 1892 г., с. 6–7.)

той Григорий пас Церковь Христову тринадцать лет, шесть месяцев и десять дней и преставился ко Господу в царствование греческого императора Фоки[1].

О всех прочих деяниях, чудесах и церковном управлении этого великого Григория, папы Римского, равно как и о его дивном и святом житии написал четыре книги Иоанн, диакон великой церкви Римской[2]; в этих книгах находится около двухсотшестидесяти глав; взяв из этих книг самое малое, на пользу же душам верных совершенно довольное сказание, мы славим прославляющего Своих угодников Христа Бога нашего, Который вместе с Отцом и Святым Духом прославляется во все веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРАВЕДНОГО

ФИНЕЕСА

Святой праведный Финеес, сын иудейского первосвященника Елеазара и внук первосвященника Аарона, первоначально был священником народа иудейского.

Святой Финеес был достойным служителем Бога Израилева. В продолжение всей своей жизни он был ревностным защитником и охранителем истинного богопочитания. Его деятельность, как служителя Божия, была направлена, с одной стороны, на прославление славного имени Иеговы, Бога Израилева, а с другой — на искоренение всех пороков и отступлений от закона Божия, которые замечались иногда среди народа еврейского.

Однажды случилось, что моавитяне[3], жившие по соседству с израильтянами и отличавшиеся своим нечестием, вовлекли изра-

---

[1] Святой Григорий Двоеслов (известный в истории также под именем Великого) скончался в 604 году, 12 марта. Тело его почивает в ватиканском соборе святого апостола Петра в придельном храме, посвященном сему святому Григорию.

[2] *Диакон Иоанн*, живший в половине IX века, оставил обширное жизнеописание святого Григория, составленное им на основании древних достоверных свидетельств, а описание позднейших чудес — на основании очевидцев.

[3] *Моавитяне* — родственное израильтянам языческое племя, жившее по восточному побережью Мертвого моря. Родоначальником их был Моав, сын старшей

ильтян в нечестивое и мерзкое служение своему богу Ваал-Фегору[1]. Разгневавшись на столь великое беззаконие, Господь строго наказал нечестивых отступников: тотчас же их стала поражать моровая язва, от которой умерли многие тысячи израильтян. Кроме того, Бог повелел Моисею умертвить (чрез повешение) тех из начальников народа, которые предавались нечестию. Многие израильтяне, видя гнев Божий, оставили беззаконие, раскаялись и собрались у дверей скинии для принесения Господу всенародного покаяния.

В это время некто Замврий, начальник колена Симеонова, на глазах Моисея и всего общества привел мадианитянку в стан еврейский и повел ее в свой шатер. Тогда Финеес, исполнившись гнева и негодования на начальника — соблазнителя народа, вошел в шатер Замврия и поразил его и мадианитянку копьем.

Этот поступок мужественного Финееса, в котором так очевидно обнаружилась его горячая ревность по Боге, отвратил гнев Божий от народа израильского. Тотчас же моровая язва, поражавшая народ[2], остановилась.

После этого Бог сказал Моисею:

— Финеес, сын первосвященника Елеазара, отвратил гнев Мой от сынов Израилевых, возревновав об имени Моем. Поэтому скажи ему: вот, Я даю ему Мой завет мира. Я даю ему и потомству его завет священства вечного.

Спустя некоторое время, по повелению Божию, израильтяне стали собирать войско для наказания моавитян за нечестие их. Всего собрано было двенадцать тысяч израильтян (по одной тысяче от каждого колена). Предводителем войска был избран Финеес, который и на этот раз показал себя точным исполнителем повеления Божия.

дочери Лота (Быт. 19, 37). Моавитяне, как и многие другие народы, жившие поблизости от Мертвого моря, с самого начала своей истории отличались нравственной распущенностью.

[1] *Ваал-Фегор* — весьма чтимый моавитянами и другими языческими народами бог, служение которому отличалось особенным нечестием и распутством. Собственно именем этого бога было Ваал (с еврейского — «господин»), слово же «Фегор» есть наименование одной горы, находившейся на северо-восточном побережье Мертвого моря. Вероятно, на этой горе стоял идол Ваала.

[2] Моровая язва уничтожила двадцать четыре тысячи израильтян (Чис. 25, 9).

Кроме того, святой Финеес заявил себя мудрым руководителем народа своего в тех случаях, когда среди него возникали какие-либо нестроения. Он примирял враждовавших друг с другом, умело останавливая и устраняя взаимные ссоры и распри.

За все эти заслуги святой Финеес, по смерти отца своего, единогласно был выбран первосвященником. Первосвященство Финееса, согласно обетованию Божию (см.: Чис. 25, 13), продолжалось в его потомстве и только временно переходило в род Ифамара.

Святой Финеес умер в глубокой старости[1] и погребен был на горе в колене Ефремовом (см.: Нав. 24, 33).

[1] Скончался святой Финеес около 1500 года до Рождества Христова.

День тринадцатый

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЧЕСТНЫХ МОЩЕЙ ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО **НИКИФОРА**, патриарха Цареградского

Великий архиерей Божий, святой Никифор, патриарх Цареградский, за благочестное почитание святых икон был низвержен с престола своего злочестивым царем Львом Армянином и отослан на остров Проконнис[1]. Здесь он тринадцать лет провел в заточении и поругании и, преставившись ко Господу, был погребен при храме святого мученика Феодора, в монастыре им самим созданном[2].

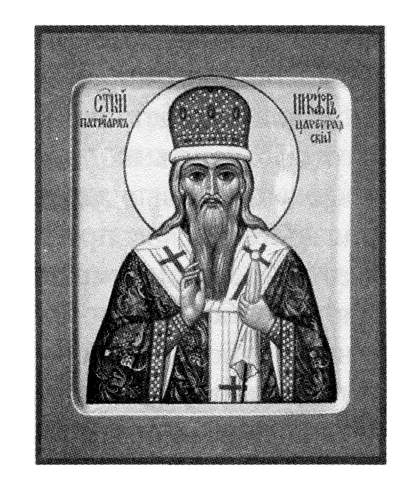
Спустя несколько лет, по смерти злочестивых царей — Льва Армянина, Михаила Валвоса и сына его Феофила, — скипетром греческого царства овладела благочестивая царица Феодора, правившая царством вместе с сыном своим Михаилом, — тогда еще весьма юным[3].

---

[1] *Проконнис* — один из островов Мраморного моря; в настоящее время этот остров называется Мармара. Этот остров служил местом ссылки для многих исповедников во время иконоборческих смут.

[2] *Святой Никифор* сначала был сановник при дворе императрицы Ирины и в мирском чине со славою защищал почитание икон на VII Вселенском соборе; в царствование императора Никифора, в 806 году, был возведен на патриарший престол и правил Церковью девять лет, по истечении которых и был сослан на остров Проконнис. Скончался в 828 году, 2 июня, до самой смерти не преставая свидетельствовать своими писаниями истину против иконоборцев. Память его празднуется 2 июня.

[3] Император *Лев Армянин* царствовал с 813 по 820 год, *Михаил Валвос (Косноязычный)* царствовал с 820 по 829 год; *Феофил* царствовал с 829 по 842 год. Император *Михаил III* (с 842 по 867 год) вступил на престол четырех лет, а потому государством до 855 года управляла мать его, святая царица Феодора.

В это же время скончались также и лжепатриархи Константинопольские — Феодот Касситер, Феодор Спафарокандилат, потом Антоний Касимат и, наконец, Иоанн, по прозванию Анний[1]; по хитрости своей он казался волхвом, и, как незаконно поставленный, благочестивыми людьми был низвержен с престола. После него на Константинопольскую кафедру вступил святой Мефодий, который и возвратил святой Церкви почитание икон[2]. В это именно время с острова Проконниса были возвращены в Царьград и честные мощи исповедника Христова святого Никифора.

Святейший патриарх Мефодий так советовал благочестивой царице Феодоре.

— Неприлично, — говорил он ей, — лучшему из патриархов — святому Никифору, изгнанному с престола за Православие, даже и умершему, — до сих пор находиться в изгнании: святое тело его нужно возвратить к престолу его; ведь мы не избежим греха, если оставим мощи его в заточении, — мы как будто даже покажем себя одобряющими его изгнание и соглашающимися, что это низвержение его с престола было справедливым. Мы знаем, что колено Иосифово сподобилось благословения за то, что спустя четыреста лет перенесло кости отца своего из Египта в землю Ханаанскую, — мы же, сыны благочестия, — разве допустим еще долее отсутствие

---

[1] Эти патриархи правили Церковью в период времени с 815 по 842 год.

[2] *Святой Мефодий* принял иночество в Константинополе; за свою ревность к иконопочитанию при Михаиле Валвосе был ввержен в темницу. Преемник Михаилов Феофил приказал бить его по щекам: челюсть его была разбита до того, что безобразный шрам, как печать мученичества, остался на всю жизнь на его лице. Для прикрытия его Мефодий, будучи патриархом, разрезал концы клобука и обвязывал ими челюсть. Из уважения к исповеднику все иноки с того времени стали носить клобук с разрезами. Затем Феофил сослал его на остров, где заключил в душной подземной пещере с двумя разбойниками. Императрица Феодора возвела его на патриарший престол и с его помощью восстановила иконопочитание. Этот святитель пас Церковь Божию четыре года и с лишком три месяца; скончался в 847 году, 14 июня.

мощей отца нашего, Божественным учением которого мы воспитаны в правоверии; самый град этот царский, один из лучших в поднебесной, жаждет честных останков святого вождя и пастыря своего и готов хранить их у себя с благоговением. Да возвеселится снова невеста-Церковь о женихе своем! Когда он был живым, Церковь лишилась его по несправедливости царской; пусть же теперь примет она, по повелению пастырелюбивой царицы, почившее о Господе тело того. О благочестивая царица, ты ведь видишь, как народ, умиренный тобой в правоверии, горит желанием услышать духом даже и умершего пастыря своего. Если он увидит принесенную к себе хотя тень его, — он будет считать его как бы живым и, приняв как живого, сохранит останки его, как некое богатейшее сокровище.

С этими словами Святейшего патриарха Мефодия христолюбивая царица Феодора тотчас же согласилась, проговорив:

— Это и для душ наших будет полезно, да и имя наше в последующие времена будет хранимо с честью.

Тогда святейший патриарх не медля, взяв с собою пресвитеров и иноков, отправился на остров Проконнис, сопровождаемый множеством народа.

Придя в монастырь святого мученика Феодора, патриарх открыл гроб святого Никифора, и все увидели честное тело, спустя девятнадцать лет после погребения, совершенно сохранившимся; не имея даже и следа тления, оно испускало благоухание.

Совершив Всенощное бдение и Божественную литургию, святой Мефодий взошел в гробницу и, объемля честные мощи святого Никифора, сказал ему, как бы живому:

— О блаженнейший муж, во всем уподобившийся святому Иоанну Златоустому[1]! Ведь ты перенес те же труды и претерпел те же скорби, как и он; подобно святому Иоанну, — ты дерзновенным словом обличал беззаконие, перенес несправедливое изгнание, и вот

---

[1] *Святой Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский*, знаменитый отец Церкви конца IV — начала V века. За свое необыкновенное красноречие он и получил имя *Златоустого*. Большую часть своей жизни провел он в сане пресвитера в Антиохии, а в самом конце IV века занял кафедру Константинопольского архиепископа. За этот последний период своей жизни он претерпел много гонений со стороны императрицы Евдоксии и кончил жизнь в ссылке, в Армении (в 407 году). Память его — 13 ноября и 30 января. Ему принадлежит литургия, совершающаяся в Православной Церкви большую часть года.

уже более тридцати лет — сначала живым, а потом умершим — находишься в заточении. Теперь же отдай себя нам, твоим возлюбленным сынам, и отойдя отсюда, возвратись в свою страну, и любящий твой народ, как и прежде, с радостью тебя приимет. Безбожный царь, который незаконно изгнал тебя из церкви, принял достойное по своим делам наказание, лишившись и царства, и самой жизни. Ныне же благочестивые цари тебе, как бы живому, возвращают твою церковь; вместе со мной они, как христолюбивые сыны, очистили церковь от еретических скверн и устроили ее столь же благолепно, какою она была и прежде, после твоих трудов. Воззри и посмотри на собранных чад твоих; все они пришли из ближних городов; остальные же, кои живут гораздо дальше, с нетерпением ждут тебя; их, как осиротевших, не оставляй печальными и не удаляйся от них, дабы град твой имел мощи твои, как драгоценный дар; украшаясь ими, он более возвеличится и украсится, нежели царским венцом.

Сказав это, Святейший патриарх Мефодий поднял мощи святого и положил их в новую раку; потом, вместе с освященным собором, подняв их на рамена, со псалмопением перенес святые мощи в корабль; подняв паруса, они вскоре достигли Царьграда.

Благочестивая же царица Феодора вместе с сыном своим Михаилом и всем синклитом, клириками и множеством народа, со свечами, кадилами и пением, исполненные неизреченной радости и веселия, вышли к пристани навстречу честных мощей святого патриарха своего Никифора. Взяв святые останки его, они прежде всего понесли их в соборную церковь святой Софии, откуда святой Никифор был изгнан.

Перенесение святых мощей происходило 13 марта 846 года. В тот самый день, когда святой Никифор был изгнан зловерным царем из царского города.

Когда день преклонился к вечеру, в церкви святой Софии над честными мощами было совершено Всенощное бдение, а утром из церкви святой Софии они были перенесены в храм святых апостолов и там положены с благоговением. С этого времени и постановили чтить память исповедника Христова Никифора во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Сыном и Святым Духом славимого. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АЛЕКСАНДРА

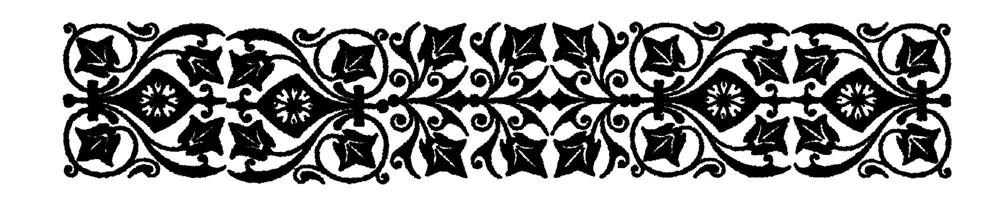
Святой Александр был славным мучеником во время одного гонения[1] на христиан от язычников. Среди тьмы языческого нечестия он как лучезарная звезда сиял своим благочестием. Обличая в городе Пидне[2] безумие идолослужителей и проповедуя христианскую веру, он многих язычников крестил и обратил ко Христу и такими действиями своими возбудил гнев почитателей идолов. Они не могли видеть его смелости и переносить силы его боговдохновенного слова, а потому, напав на него, схватили и связали его, после чего предали жестоким, беспощадным мучениям. Они такими мучениями хотели принудить его принести жертву идолам, но так как не могли склонить его к этому, то и приговорили его, наконец, к усечению мечом. С молитвою благодарности к Богу, святой мученик склонил под удар меча свою голову и так предал святую душу свою в руки Господа.

В тот же день **память святой мученицы Христины**, в IV веке в Персиде пострадавшей.

[1] Это было гонение, воздвигнутое Максимианом Галерием, зятем императора Диоклетиана и его преемником с 305 по 311 год. Гонение началось при Диоклетиане в 303 году.

[2] Не существующий теперь город Пидна, или Пинда, находился в Македонии в провинции при Термиакском заливе.

День четырнадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ВЕНЕДИКТА

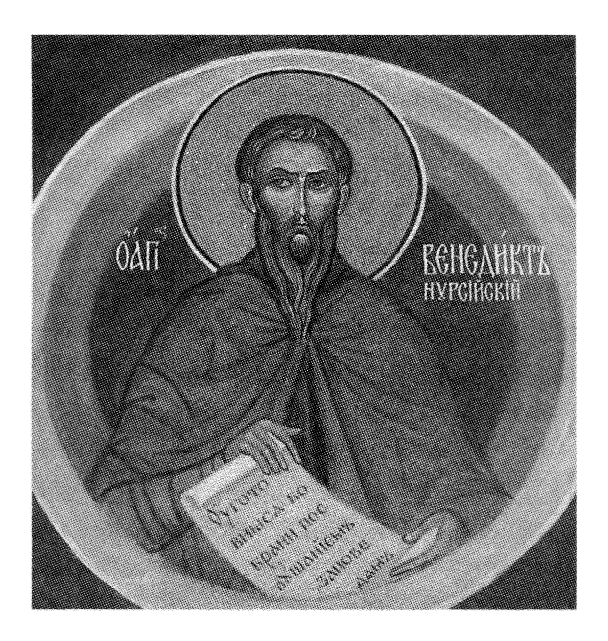
Благословенный по имени[1] святой Венедикт был благословенным и по благодати Божией. По уму своему, с самых ранних лет, Венедикт был уже как бы старец, а по своей нравственной жизни он с юных лет походил на мужа, исполненного совершенства. Он не подчинил своей души желаниям плотским и мирским, но уже во времена своей цветущей юности, когда свободно мог наслаждаться всеми прелестями мира, он счел все это за траву, иссохшую вместе со своими цветами.

Святой Венедикт был родом из города Нурсии[2], а светские науки того времени он стал изучать в Риме. Но видя в этих языческих школах множество развращенных, — как они живут по своим страстным похотям, — он удалился оттуда, боясь, как бы из-за малого книжного обучения не погубить великого разума своей души и, развратившись с людьми порочными, не впасть в пропасть греховную. Итак, он вышел из школ не наученным мудрецом и разумным невеждой и презрел внешнее любомудрие, дабы сохранить внутреннее целомудрие. Впрочем, в это время он оставил не одни языческие училища, но и большое богатство своих, тогда уже умерших, родителей и стремился только к иноческому чину и пустыннической жизни. В пустыню за ним последовала некая честная старица, его бывшая

---

[1] *Венедикт* (или по римскому произношению Бенедикт — Benedictus) — в переводе значит *благословенный.*

[2] *Нурсия* — небольшой город в Умбрии (в Италии).

кормилица, — женщина очень любившая его за добродетельную жизнь. Когда они дошли до места, называемого Еффиди, Венедикт был удержан здесь своими знакомыми и жил здесь при церкви святого Петра. Благочестивые люди этой местности, возлюбив блаженного юношу, относились к нему с большим почтением. Жившая с ним старица однажды выпросила у соседей ночвы[1], чтобы выполоть ими пшеницу, и, положив их к себе на стол, куда-то ушла. Случайно эти ночвы упали со стола и разбились надвое. Вернувшись, она увидела их разбитыми, была очень опечалена этим и даже плакала, так как ночвы были чужими. Блаженный юноша, увидев, что старица плачет о разбитых ночвах, взял обе разбитые части и, уединившись, повергся на землю пред Богом. Он молился целый час и, когда встал с молитвы, нашел сосуд целым, — незаметно даже было, что он прежде был разбит; взяв, он отдал его своей спутнице. Весть об этом чуде скоро распространилась у всех тамошних жителей. Они, взяв те ночвы, повесили их на стене церковной, у дверей, дабы их видели входящие в храм, — во славу Бога, в похвалу же исполненному столь великой благодати Божией, богоугодному юноше Венедикту. Но святой, не вынося почести человеческой и славы, тайно от всех ушел оттуда и, оставив свою питательницу, удалился в пустыню. Когда он пришел на место, называемое Дол[2], находящееся от Рима на сорок поприщ, то по Божию смотрению его встретил здесь некий инок, по имени Роман: он

---

[1] *Нощвы*, или *ночвы*, (также нощвица), — лоток или сосуд, подобный лотку, употребляемый для очищения жита и прочих земледельческих потребностей.

[2] *Дол* (то есть *приозерное* место); в этой пустынной местности (в окрестностях современного *Субиако*) прежде находились виллы императоров Клавдия и Нерона.

шел из близлежащего монастыря, которым правил игумен Феодот. Сев с этим иноком, они стали беседовать о спасении души. Здесь блаженный Венедикт открыл ему свою мысль и желание сердца и нашел в нем споспешника своему намерению. Роман в пустыне облек блаженного Венедикта в иноческий чин и, найдя в одной глубокой дебри, на месте весьма неприступном, пещеру, поселил его там, пищу же приносил ему он из монастыря. Инок Роман три года не говорил никому о святом Венедикте, но, тайно беря во время трапезы немного хлеба, относил его в определенные на это дни в пещеру. Но так как к этой пещере вход с горы был неудобен и, чтобы попасть в него, нужно было обходить далеко гору, то он с этой высокой горы протянул длинную веревку и по ней спускал блаженному Венедикту хлеб; к концу же веревки был привязан небольшой колокольчик, дабы святой Венедикт мог слышать, когда ему спускают хлеб. Диавол же, ненавидящий Божиих рабов, задумал воспрепятствовать доброму делу Романа, дабы, промучив святого Венедикта голодом, заставить его предаться малодушию. Однажды, когда, по обычаю, Роман спускал в пещеру с горы хлеб, бес бросил в колокольчик камень и разбил его, однако он этим ничего не достиг: ибо честный инок Роман не переставал служить святому Венедикту до того времени, пока Господь не восхотел его упокоить от этого богоугодного труда, а блаженного Венедикта — этого под спудом скрывавшегося светильника — явить миру на духовную пользу многих.

Спустя три года некоему пресвитеру, далеко от горы этой обитавшему, в то время, когда он на праздник Пасхи приготовлял себе обильные снеди, в видении явился Господь и сказал:

— Вот, ты себе приготовляешь много брашна, а раб Мой Венедикт в некоей пещере — при этом он назвал и то место — ради любви ко Мне изнемогает от голода.

Тогда пресвитер, тотчас же собравшись и взяв с собою пищу, отправился отыскивать человека Божия. Переходя горные стремнины, потоки в долинах и пропасти, дошел наконец до указанной ему пещеры, где и нашел блаженного Венедикта. Целовав друг друга о Господе, они оба сели и стали питать свои души душеспасительными беседами. Потом пресвитер сказал святому:

— Отче, вкусим пищи, благодаря Бога, ибо сегодня Пасха.

Человек Божий на это ответил ему:

— Да, сегодня для меня Пасха, так как я сподобился увидеть тебя.

Преподобный не знал, что настал праздник Пасхи, ибо далеко жил от людей, и никто не знал его, кроме инока Романа.

— Поистине, отче, — сказал на это пресвитер, — сегодня праздник Воскресения Господня, и тебе не подобает поститься, ибо я на это к тебе и послан Господом, чтобы обоим нам ныне насытиться от даров Его.

Итак, благодаря Бога, оба они вкусили пищи, и пресвитер, утешившись духовным весельем, ушел к себе в монастырь, славя Бога, что сподобился видеть раба Божия. После этого вскоре пещеру преподобного открыли пастухи, и тогда уже о нем многие узнали. Народ стал стекаться к нему с жалобами на свои нужды, святой же отец утешал их духовной пищей.

Видя такую святую жизнь Венедикта, диавол, горя ненавистью, задумал воспрепятствовать спасению преподобного. Однажды он преобразился в одну красную птицу, называемую кос[1], и стал безбоязненно летать пред лицом его, так что эту птицу можно было взять рукою, если бы только святой Венедикт этого захотел, но он не обращал на нее внимания. Познав, что это вражие коварство, он оградил себя крестным знамением, и птица та исчезла. По исчезновении ее, тотчас же, по действу того же диавола, на святого напала такая брань плотской страсти, какой с ним никогда не было. Блудный бес, преобразившись в некую жену, виденную однажды преподобным еще в юношеском возрасте, предстал пред его очами и в умерщвленном теле его возжег такую страсть, что он едва не впал в отчаяние. Ему на ум приходил наносимый лукавым помысл возвратиться в мир, но Божия благодать укрепляла его и соделала победителем над страстью. Успокоившись, он увидел недалеко от себя множество растущей крапивы и терновника. Сняв с себя одежду, Венедикт нагим бросился в терние и несколько часов валялся среди него, перенося сильнейшие ожоги всего своего тела, — так он продолжал делать до тех пор, пока не увидел, что он весь обливается кровью. Избавившись таким образом скверных помыслов и блудной брани, он пламенно возблагодарил Господа. С этого времени, укрепляемый благодатью Божией, святой Венедикт вел столь чистую жизнь, что уже

[1] *Кос* (лат. merula) — дрозд.

блудный бес более не дерзал соблазнять его во всю его жизнь, как он после сам говорил своим ученикам, в назидание им.

Когда о преподобном уже повсюду разнесся слух, случилось, что в одном из монастырей той страны умер игумен. Тогда иноки того монастыря отправились к святому Венедикту и стали с усердием просить его быть их наставником и пастырем. Но он отказывался от начальствования над ними, считая себя грешным и недостойным этого; при этом Венедикт сказал им:

— Мои нравы не будут согласны с вашими.

Но убежденный их просьбами, он потом согласился и, не желая того, стал игуменом монастыря. Святой Венедикт с усердием правил монастырем. Строго соблюдая устав постнического жития, он никому не позволял жить по своей воле, так что иноки стали раскаиваться, что выбрали себе такого игумена, который совершенно не подходил к их испорченным нравам. Самые дурные из иноков задумали даже следующее: они смешали яд с вином и, влив все это в чашу, дерзнули подать это смертоносное питие преподобному отцу во время обеда. Он же своей честною рукою сотворил над чашею крестное знамение, и сосуд силою святого Креста тотчас же разбился, как бы от удара камнем. Тогда человек Божий познал, что чаша была смертоносна, ибо не могла выдержать животворящего Креста; тотчас он позвал к себе братию и без всякой злобы и даже с улыбкою на лице сказал им:

— О чада! Да помилует вас милосердый Господь. Зачем вы задумали сделать мне это? Разве я не говорил вам раньше, что мои нравы не подойдут к вашим? Итак, поищите себе другого отца, я же у вас оставаться не могу.

И преподав им мир, он удалился в пещеру, где прежде жил, и пребывал там один перед очами всевидца Бога. Но Господу, все устрояющему к лучшему, не угодно было, чтобы святой Венедикт путь своего спасения совершал в одиночестве, ибо ему подобало и других наставлять ко спасению. И вот вместо малого словесного стада Господь дал ему большее и вместо одного оставленного монастыря вручил ему двенадцать монастырей. Ибо когда разнесся слух о равноангельном житии Венедикта, то к нему отовсюду стали стекаться верные: одни — желали сподобиться его молитв и благословения, другим хотелось напитать свою душу его богодухновенными

беседами, а иные желали при нем и поселиться. И многие в это время оставили мир и все мирское; они построили себе около его пещеры небольшие келии и стали там жить, снискивая себе пищу от труда рук своих. Через несколько лет число братии святого Венедикта так умножилось, что та пустынная дебрь уж не могла всех и вмещать. Тогда святой разделил всех иноков на двенадцать частей, и каждая часть стала жить в отдельном монастыре; при этом святой каждому монастырю дал из своих опытных учеников по игумену, а новоначальных братий, ради назидания, оставил при себе.

К преподобному Венедикту приходили и некоторые из славных римских граждан и, отдавая сыновей своих на служение Богу для духовного воспитания и назидания, поручали их преподобному. Таков был Евтихий, муж знаменитого рода; он привел ко святому своего сына, отрока Мавра, и поручил его преподобному на служение Богу; также патриций Тертуллий, посвящая Богу своего малолетнего сына Плакиду, отдал его в отеческие руки Венедикта. Мавр служил святому, помогая ему в его трудах, а отрок Плакида воспитывался, услаждаясь более его духовною пищею, нежели телесною.

В одном из монастырей преподобного Венедикта был некий нерадивый брат; во время церковного пения он имел обыкновение выходить из церкви, и хотя игумен за это часто его наказывал, он не исправлялся. Узнав об этом, преподобный Венедикт призвал к себе этого инока и, наставив его душеполезною беседою, отпустил домой, но тот все-таки не исправлялся. Тогда сам преподобный отец пришел в тот монастырь и, стоя во время службы в церкви, посмотрел на этого нерадивого брата и увидел при нем беса в образе какого-то черного отрока, который, ухватившись за край одежды того инока, влек его вон из церкви. Преподобный сказал окружавшим его:

— Видите ли, кто влечет того брата вон из церкви?

Они же сказали:

— Нет, отче.

После этого святой Венедикт помолился Господу, чтобы Он открыл их душевные очи, и на другой день некоторые из них увидели небольшого эфиопа, который влек того инока из церкви, и они пересказали святому, что видят. По отпусте церковной службы преподобный отец, ради спасения того брата, пременив свой мягкий нрав

на грозный, уже не словами только, но и жезлом наказал ленивого брата, и этим отогнал от него беса, который, как бы сам принявший побои, больше уже никогда не возвращался к тому иноку, и он с тех пор совершенно исправился.

Один монастырь, стоявший на высокой горе, не имел около себя воды, так что за ней нужно было ходить в глубокий овраг; таким образом на гору, в монастырь, вода приносилась с большим трудом. Иноки того монастыря, придя однажды к преподобному отцу, молили его, чтобы он перенес монастырь на другое место, где бы можно было доставать воду без труда. Святой же Венедикт, повелев им немного подождать, сам ночью с малым отроком Плакидою отправился на ту гору и, преклонив колена и помолившись Богу, извел из горы источник воды, как некогда Моисей жаждущему в пустыне Израилю (см.: Исх. 17, 1–7). И этого источника было не только достаточно для монастырских нужд, но он довольно порядочным потоком стал стекать и с горы.

В другом его монастыре случилось следующее: в то время, когда один брат на берегу реки копал в саду мотыкою[1], железо с рукоятки упало в воду, и брат тот сильно опечалился: железной части мотыки никак нельзя было достать из воды, так как река была и глубока, и быстра. В это время преподобный Венедикт случайно пришел в тот сад и, увидев опечаленного брата, сотворил чудо, подобное чуду пророка Елисея (см.: 4 Цар. 6, 6): именно, он взял деревянную рукоять мотыки и положил ее на реку, на то место, где упало железо, и вот — тотчас же оно само поднялось со дна и устроилось к рукояти. И преподобный отдал брату мотыку цельною, говоря:

— Трудись и не печалься.

Однажды преподобный сидел в келии своей, а отрок Плакида, взяв водонос, пошел к реке за водою, но, почерпая ее с берега, он вместе с водоносом упал в реку, на самое быстрое место, и далеко был отнесен водою. Преподобный, прозрев это своими духовными очами, воззвал служившему ему ученику Мавру:

— Беги, беги: Плакида упал в реку и уже далеко отнесен быстрым течением.

Тогда Мавр отправился к реке и, увидев утопавшего вдали от берега Плакиду, побежал по реке, как по сухому месту: он даже и не

---

[1] *Мотыка* — заступ, лопата.

заметил, что бежит по воде, но думал, что он на суше. В ужасе он пришел с Плакидою и рассказал обо всем преподобному отцу. Святой же Венедикт чудо это приписал не своим молитвам, но силе безусловного повиновения Мавра; Мавр же думал, что это чудо совершено по молитвам преподобного. Но Плакида сказал:

— Я видел над главою моею мантию преподобного, и казалось мне, что ты сам, отче, взял меня за волосы и извлек на сушу, на берегу же я увидел Мавра.

В это же время, когда Господь прославил преподобного Венедикта столь великою силою чудотворения и к нему со всех сторон стал стекаться народ, некий, живший в той местности пресвитер, по имени Флорентий, по наущению беса возненавидел святого отца и стал его хулить позорными словами и порицать его в народе, желая лишить его того благоговения, какое к нему все питали. Но он ничего этим не достиг: никто не верил этой позорной хуле, и пресвитера никто не послушался. Тогда этот нечестивец решил отравить святого; приготовив просфору со смертоносным ядом, он послал ее в дар преподобному Венедикту. Прозорливый муж, хотя и видел, что просфора с ядом, принял ее с благодарностью. В тот час, в который преподобный обыкновенно обедал, к келии его из близ находившегося леса прилетал ворон и кормился здесь нарочно приготовленною для него пищею. Преподобный Венедикт, взяв отравленную просфору, присланную ему от пресвитера Флорентия, положил ее пред вороном и сказал:

— Во имя Иисуса Христа, Сына Бога живого, возьми хлеб этот и занеси в такие пустынные места, где его не могли бы найти никто — ни человек, ни птица.

Ворон, открыв свой клюв и каркая, стал летать вокруг того хлеба, ясно этим показывая, что он хочет послушаться повеления преподобного, но не может, благодаря находящемуся в просфоре вредоносному диавольскому яду. Тогда человек Божий снова сказал птице:

— Возьми, возьми, не бойся, — ты не отравишься этим хлебом; итак, неси его в непроходную пустыню.

И ворон, исполняя приказанное ему, с великим страхом взяв клювом смертоносную ту просфору, улетел; возвратившись чрез три часа, он стал питаться из рук преподобного обычной для него пи-

щей. Незлобивый же Венедикт, видя злобу и вражду на него Флорентия, молился больше о нем, чем о себе, — да не поставит ему этого Господь во грех, но да исправит его. Однако злобный пресвитер нисколько не исправлялся: он задумал даже еще худшее.

Не имея возможности умертвить тела святого Венедикта, он задумал своим сатанинским коварством убить души учеников его. Ученики преподобного ежедневно работали в саду его; и вот, Флорентий подкупил семь красивых молодых девиц и послал их в этот сад, чтобы они с песнями и плясками бесчинствовали пред теми юными иноками и таким образом возбудили на скверное похотение их молодые сердца. Увидев это, преподобный Венедикт убоялся душевной погибели своих юных учеников и решил уйти с ними оттуда. Итак, с одной стороны, он оставлял место из-за злобы Флорентия, а с другой — и юных отводил от соблазна. Призвав братию и игуменов своих монастырей, он поставил над ними опытного отца и предал их всех воле Божией, а сам, смиренно уклоняясь от ненависти и вражды человеческой, ушел оттуда со своими юнейшими учениками. Пресвитер же Флорентий, узнав об уходе из той местности преподобного Венедикта, весьма обрадовался. Но, Бог отмщений, Господь, мстя за раба Своего, погубил того лукавого пресвитера неожиданной смертью. Когда однажды он сидел у себя дома и веселился, горница, в которой он был, упала, и ненавистник был раздавлен стенами. Из домашних же его никто не пострадал, и только он один так умер. Об этом тотчас же было известно в монастырях Венедикта, и оставленный в монастыре, возлюбленный ученик святого, блаженный Мавр, нимало не медля, послал за преподобным Венедиктом.

Он писал ему: «Вернись, отче: пресвитер, гневавшийся на тебя напрасно, умер злою смертью».

Преподобный, услышав о такой смерти Флорентия, исполнился великой печали и долго о нем плакал; на Мавра же, ученика своего, он разгневался, что тот порадовался смерти Флорентия, и наложил на него покаяние; сам же он не захотел вернуться к месту своих прежних подвигов, но переселился на другое место. Однако, переменив жилище, святой не расстался со своим прежним врагом, ибо изобретатель всего злого диавол начал с ним более ожесточенную брань; но сколько он против него ни боролся, угодник Божий, помощью Божией, остался непобедим.

Преподобный Венедикт, уйдя с места своих первых подвигов, отправился в Кампанийскую страну, к городу, называемому Касин[1]. Здесь на одной высокой горе он нашел идольский храм, в честь бога Аполлона; вокруг же храма стояла роща. Святой Венедикт идола тотчас же разбил, храм разорил, а рощу срубил и сжег. Спустя немного времени на этом месте он воздвиг церковь во имя святого Иоанна Крестителя, устроил обитель и собрал еще бо́льшую братию[2]. В той местности было много язычников, и святой Венедикт, сильный делом и словом, утверждая свою святую проповедь чудесами, многих обратил ко Христу. Бесы, не вынося пришествия Венедикта в ту местность и не терпя разорения своих капищ, стали явно нападать на него. Как бы дыша пламенем ярости, они по-римски взывали к нему:

— Бенедикт, Бенедикт!

Когда же святой ничего им на это не ответил, они закричали:

---

[1] Город *Касин* (Casinum) находится на левом берегу реки Лирис, при подошве горы Кассино (в древней Кампании — к северо-востоку от города Неаполя).

[2] Теперь здесь находится знаменитый монастырь *Монте-Кассино*. Он долгое время служил центром научного и богословского образования и местом паломничества для всего западнохристианского мира. Монастырь был разрушен лонгобардами; монахи его большею частью удалились в Рим, где, близ Квиринала, основали новый монастырь. В 720 году папа Григорий II возобновил Монте-Кассино; следовавшие за ним папы дали ему многие привилегии. Сарацины в 884 году снова разрушили его, но позже он был восстановлен; в 1340 году монастырь был еще раз разрушен землетрясением и восстановлен папою Юлием II, который приписал его к конгрегации святого Юстины. При монастыре находится обширная библиотека, прекрасные картины. Здесь же почивают мощи святого Венедикта и сестры его Схоластики.

Святой Венедикт написал для этого монастыря устав, который принят был впоследствии во многих монастырях на Западе. При составлении правил монастырской жизни он руководствовался установлениями для восточных обителей Кассиана Римлянина (память его празднуется 29 февраля), но он умерил их строгость, применяясь к слабому развитию монашества на Западе. Тем не менее устав Венедикта предписывал отречение от собственности, послушание безусловное и постоянный труд. Старшим из иноков предписывалось сверх того обучение детей и переписывание рукописей. Это последнее постановление оказалось весьма благотворным впоследствии, так как оно содействовало сохранению от истребления множества памятников древности во времена невежества. И в последующее время *Бенедиктинцы* (название, присвоенное всем монахам, принявшим устав святого Венедикта — или по-римски — Бенедикта) совершили много полезного для Церкви трудами своими над сочинениями первых времен христианства.

— Маледикт, Маледикт, а не Бенедикт! (То есть «проклятый, проклятый, а не благословенный»!) Что тебе до нас? И зачем ты нас гонишь?

Благословенный же Венедикт молитвою и крестным знамением отгонял их от себя, как прах ветром. Когда строилась обитель и братия, трудящиеся в построении здания, возводили колокольню, — в это время святой, молясь однажды в уединенной келии своей, увидел идущего беса.

— Куда идешь, враг? — спросил его преподобный Венедикт.

— Иду к трудящимся инокам.

Святой тотчас же послал возвестить братии, дабы они всячески остерегались от какой-нибудь нечаянной вражеской напасти, так как сейчас пошел к ним бес. Посланный еще только говорил к братии, как внезапно упала строящаяся стена и убила одного юного отрока, и все иноки были весьма опечалены: они скорбели не оттого, что упала стена, но оттого, что скончался брат их. Придя к святому, они возвестили ему об этом со слезами. Он повелел принести мертвого юношу к себе, но его нельзя было принести на руках, так как каменная стена не только тело его, но даже и кости раздробила. Братия положили его на вретищи и принесли в келию преподобного отца своего. Святой Венедикт, приказав положить его на той рогоже, на коей имел обыкновение молиться, и всем уйти из келии, остался один и своею усердною молитвою к Богу воскресил мертвого юношу и в тот же день, вполне здоровым, как бы восставшим от сна, отослал его на прежнюю работу к инокам. В обители Венедикта было установлено самим преподобным, чтобы посылаемые на работу братия ни пищи, ни питья не вкушали, пока не возвратятся в монастырь, и это правило ненарушимо было сохраняемо. Однажды некоторым посланным на работу братьям пришлось немного опоздать, так как путь был очень велик. Голодные, на пути они зашли в дом одной благочестивой и добродетельной девицы, у которой и подкрепили себя пищею и питьем; уже поздно пришли они за благословением к своему преподобному отцу. Он спросил их:

— Где же вы ели?

— Нигде не ели, отче! — ответили они.

Святой тогда сказал им:

— Зачем вы лжете? Разве вы не подкрепили себя пищею у такой-то благолюбивой девицы? Не то ли и то ли вы ели? И не столько ли чаш выпили?

Услышав это, братия впали в ужас, что их прозорливый отец знает все, так далеко от него соделанное; упав к ногам его и рассказав ему всю правду, они стали просить у него прощения. Также и другого брата, тайно евшего в пути, обличил святой Венедикт. Видел он своими прозорливыми очами многое и другое, что делалось втайне, и потому каждый боялся сделать или сказать неразумно что-нибудь, где-нибудь: каждый знал, что духом своим их отец всюду с ним, что он слышит и видит все его слова и дела и согрешающих обличает.

Тотелла, царь Готский, обладавший в то время Кампанийскою областью, узнав о прозорливсти преподобного Венедикта, задумал посетить его. Но он сначала пошел не сам, но послал, под видом себя, некоего своего сановника, по имени Рига. Этим он хотел проверить прозорливость преподобного: узнает ли он, что не сам царь к нему пришел. И лишь только Рига, как бы действительно царь, окруженный боярами и воинами, приближался к святому Венедикту, преподобный, увидев его издали, воззвал к нему:

— Сними, чадо, эти царские одежды, в которые ты облекся: ведь они не твои, но пославшего тебя ко мне.

Рига, устрашенный этим обличением, поклонился святому и тотчас же возвратился обратно. После этого со смирением и с поклонами к прозорливцу Божию пришел сам царь Тотелла; преподобный Венедикт стал обличать его и укорять за его жестокость и злые дела и произнес ему пророческие слова. Преподобный сказал царю:

— По Божию попущению, ты возьмешь Рим, перейдешь и море, но в десятый год своего царствования ты умрешь.

И это пророчество преподобного отца в свое время сбылось.

Кроме дара пророчества святой Венедикт обладал и данной ему от Бога властью над бесами. Некий клирик Аквинийской церкви[1], мучимый бесом, по совету своего епископа Констанция отправился по святым местам, к мощам мучеников, но святые мученики

---

[1] *Аквино* (у римл. — Аквинум) — маленький город в итальян. провинции Казерта в Сорском округе; в этом округе родился один из известнейших богословов-схоластиков Фома Аквинат.

ему, как недостойному, не подали исцеления. Тогда он приведен был к угоднику Божию Венедикту и, по молитвам его, тотчас же получил исцеление; изгнав из клирика беса, святой дал ему такую заповедь:

— Мяса не ешь, не дерзай вступать и в священнический чин: ибо в тот день, когда ты решишься принять сан священства, ты снова будешь предан беспощадному мучительству беса.

Исцелившийся клирик, возвратившись домой, долго хранил эти две заповеди святого отца: он не ел мяса и не дерзал принимать сана священства. Но спустя много лет клирик этот, видя, как после умерших пресвитеров на их место вступали гораздо моложе его, счел это за бесчестие для себя и стал искать священнического сана. И когда он был возведен во священника, то в тот же день, по Божию попущению, на него напал лютый бес и, беспощадно терзая этого клирика, умертвил его. Так исполнилось пророческое слово преподобного отца Венедикта.

Некий благородный муж, по имени Феопров, почитаемый всеми гражданин города Касина, богомудрым наставлением святого Венедикта был обращен от идолопоклонства к истинной вере и, благодаря своей добродетельной жизни, пользовался у своего духовного отца и учителя большим расположением и любовью. Однажды Феопров вошел в келию преподобного Венедикта и нашел своего духовного отца горько плачущим и рыдающим. Долгое время стоя и смотря на его неудержные слезы, он был в недоумении, ибо увидел его плачущим не во время молитвы (а в то время преподобный всегда плакал); в настоящую же минуту Венедикт не только проливал слезы, но и с великою скорбью испускал плачевные рыдания и стенания.

Удивленный Феопров спросил о причине плача его, и святой, едва удерживаясь от слез и рыданий, сказал:

— Видишь ли ты этот монастырь, который я с помощью Божией создал, и все, что я здесь устроил для братии? Все это, по суду всесильного Господа, будет предано язычникам на разорение. И я лишь только умолил Бога, чтобы Он сохранил жизнь братии моей, живущей здесь в монастыре.

Это пророчество преподобного Венедикта исполнилось после преставления его. Однажды ночью, когда все братия почивали, лон-

гобарды[1] внезапно напали на монастырь. Но они не пленили ни одного из братии: охраняемые молитвами своего преподобного отца, все иноки скрылись невредимыми. Лонгобарды же, опустошив монастырь, сильно разорили его; при жизни же святого Венедикта обитель эта, охраняемая Господом, пользовалась полным довольством.

Один благочестивый человек послал к преподобному Венедикту два сосуда вина. Посланный раб утаил себе один из этих сосудов и спрятал его где-то на пути, а другой принес преподобному отцу. Но прозорливец, отпуская раба, сказал ему:

— Смотри, чадо, не пей от того сосуда, который скрыл ты на пути, но вылей его, и ты увидишь, что в нем находится.

Пристыженный обличением святого, раб тот поклонился преподобному и ушел. Подойдя же к спрятанному сосуду, он надумал испытать, правду ли ему сказал святой, и наклонил сосуд, чтобы вылить вино, и вот вместе с вином из него выползли и змеи. Сильно убоявшись этого, раб тот покаялся в соделанном им грехе.

Недалеко от обители преподобного находилось некое селение; жители его прежде пребывали в идолопоклонстве, с пришествием же в эту страну святого Венедикта, они, по старанию его, все обратились в христианство. В этом селении был устроен женский монастырь. Сюда для наставления инокинь словом Божиим, преподобный Венедикт имел обычай посылать искусных и опытных братий. Однажды для такого назидания послан был к инокиням один из братии. По исполнении своего долга, когда он возвращался уже в свой монастырь, на дороге некоторые из инокинь упросили его взять несколько полотенец. Инок тот, взяв полотенца, положил их за пазуху. Возвратившись, он пришел к преподобному Венедикту; святой грозно посмотрел на него и потом с гневом сказал:

---

[1] *Лонгобарды* — воинственный народ, принадлежавший к германскому племени. Первоначально лонгобарды жили по реке Эльбе, затем переселились на Дунай, где сплотились и образовали государство еще в начале VI века. В 568 году, под предводительством короля Альбониса, они перешли в Италию и здесь осели. Завоевание Италии дикими лонгобардами (с ними были не менее дикие саксы, свевы и др.) сопровождалось крупным грабежом, истреблением населения, разрушением городов и насильственным захватом земель. В 774 году Карл Великий положил конец Лонгобардскому королевству. Первое время лонгобарды были арианами; в VII столетии они были обращены к Католической Церкви.

— Брат, зачем беззаконие вошло в сердце твое?

Инок же, ужаснувшись и забыв от страха скрытые за пазухой полотенца, не понял, о чем ему говорит преподобный отец.

Но святой снова сказал:

— Разве я не был там при тебе, когда ты брал полотенца от инокинь и спрятал их за пазуху?

Услышав это, инок пал к ногам святого и стал просить прощения у него в своем согрешении.

Однажды, когда преподобный, по обычаю своему вечером, обедал, и было уже довольно поздно, то пред трапезою его стоял один юный инок и, держа в руках свечу, светил ему; этот инок был сын одного богатого властелина, — и вот он с гордостью на уме так начал сам про себя думать:

«И кто это, пред кем я теперь стою и, держа свечу, как раб ему служу? Почему я нахожусь в рабстве у этого незнатного старца?»

Когда юный инок так рассуждал в сердце своем, то этот его горделивый помысл не утаился от прозорливого отца; он тотчас же отечески обличил его и при этом кротко заметил:

— Чадо, назнаменай сердце свое крестным знамением, и зачем столь горделивые помыслы гнездятся в тебе? Будь внимателен к себе.

Призвав затем другого послушника, он повелел взять из рук его свечу. Согрешивший же инок со слезами на глазах вышел из келии. И когда братия стали спрашивать инока, почему его отослал преподобный отец, то он исповедал им свои горделивые помыслы. И все дивились прозорливству святого Венедикта, что от него не утаиваются даже и сердечные помыслы.

Однажды в стране Кампанийской[1] случился голод и в обители преподобного осталось не более пяти хлебов, так что для множества братии этой обители недостало бы даже и на одну трапезу. Когда в монастыре все братия скорбели и недоумевали, откуда взять на время голода хлеба для пропитания, святой сказал им:

— Зачем вы, маловеры, из-за недостатка в хлебе так опечалены? Разве вы не надеетесь на Бога, Который не оставляет никого, кто верно служит Ему? И разве вы не помните евангельских слов на-

[1] *Кампания* — южная область Италии, расположенная вокруг Неаполитанского залива, с главным городом Неаполем.

шего Спасителя: *Ищите прежде Царства Божия, и это все приложится вам; ибо знает Отец ваш небесный, в чем вы имеете нужду прежде вашего прошения* (Мф. 6, 8, 33). Итак, не унывайте. Сегодня у вас оскудение, а завтра вы будете иметь в изобилии все необходимое.

И вот наутро, по Божиему смотрению, пред вратами обители в мешках нашли двести мер муки, и никто не мог сказать, откуда и кто принес такое множество хлеба. Тогда все решили, что это Сам Господь, по молитвам преподобного отца их, невидимо послал им эту муку.

Некий боголюбивый муж просил преподобного, чтобы он дал благословение выстроить на селе этого боголюбца монастырь; это селение находилось недалеко от города Теракинийского[1]. Преподобный послал в село это некоторых из учеников своих, кои были довольно искусными строителями, и велел им очистить место и приготовить все необходимое для построения монастыря. «Я же, — сказал им святой, — приду к вам в такой-то день, — (и при этом он назвал этот день), — и покажу вам, на каком именно месте строить каждое здание».

Строители отправились и, приготовив все, стали ждать прихода преподобного их отца. Когда наступил назначенный день, рано утром, когда строители еще спали, им во сне явился святой Венедикт и указал те места, где они должны были построить и церковь, и трапезу, и больницу, и келии, и все остальные монастырские здания. Проснувшись, они рассказали друг другу свое сновидение и, подивившись, что видели во сне одно и то же, стали ожидать преподобного Венедикта. Но святой не пришел ни в тот день, ни в следующий, и строители, явившись к нему опечаленными, сказали:

— Преподобный отец! Мы ожидали прихода твоего, как ты обещал, дабы показать нам место для монастырских зданий, и почему же ты не пришел?

Венедикт на это ответил:

— Что вы говорите, братия, — разве я к вам не приходил?

Но строители отказывались от этого и говорили:

— Нет, отче, не приходил.

Тогда преподобный сказал:

---

[1] Город *Теракинийский* находится в т. н. Церковной области, недалеко от моря.

— Разве вы забыли, что я приходил к вам, когда вы еще спали, и указал рукою все те места, на которых вы должны строить каждое здание? Итак, идите и стройте здания на тех местах, на которых я вам повелел в сонном видении.

И они, поклонившись святому, ушли и исполнили все им повеленное.

В той же стране жили две девицы знатного рода. Они дали обет соблюсти свое девство и жили, проводя время в посте; но, проводя жизнь свою в чистоте, они имели необузданный язык и часто осуждали, злословили и укоряли других. Узнав об этом, преподобный Венедикт повелел сказать им:

— Исправьте язык ваш, а иначе — я вас отлучу от Божественного причащения.

Но они не оставили своего безумия и даже ничего не ответили на отеческое наставление преподобного; спустя несколько дней девицы эти обе умерли в чистом девстве своем и вместе были погребены в церкви. Когда же совершалась Божественная литургия и диакон, возглашая оглашенным, — кои не могли причащаться, — повелевал выйти из церкви, тогда некоторые видели, как обе эти девицы вышли из гробов своих и из церкви[1], ибо не могли оставаться здесь во время святой литургии; и это происходило во время каждой Божественной литургии. Когда об этом узнал святой Венедикт, он сжалился над ними; взяв просфору, он велел отнести в церковь и принести ее во святую жертву о душах тех девиц. И по принесении этой святой жертвы, никто не видал, чтобы они выходили когда-либо из церкви, и все уверовали, что этим святым таинством и молитвами преподобного эти девицы получили прощение от Господа.

Один юный инок в монастыре святого Венедикта отличался чрезмерной любовью к родителям и часто, без благословения преподобного, ходил к ним в дом. Однажды он ушел из монастыря, по своему обыкновению тайно, и лишь только вошел в дом родителей, как упал мертвым. Узнав об этом, иноки взяли тело его и предали обычному погребению. Но утром они нашли тело его изверженным из

---

[1] Это бывает в начале 2-й части литургии — «Литургии верных». В это время диакон возглашает: *елицы оглашеннии изыдите, да никто от оглашенных, елицы вернии...* и так далее. *Оглашенные* — то есть готовящиеся к принятию святого крещения.

гроба; тогда его снова погребли и наутро также нашли изверженным из земли. После этого родители умершего инока с рыданием припали к ногам преподобного Венедикта и просили его, дабы он обитавшею в нем благодатью Божией помиловал их сына, который умер с таким грехом, и повелел бы земле удержать тело его. Преподобный, видя их опечаленное сердце, взял небольшую частицу от пречистых Тайн и велел положить ее с благоговением на перси умершего и потом уже похоронить. После этого тело осталось во гробе и более уже не извергалось землей.

Преподобный был ко всем весьма милостив, милосерд, нищелюбив и щедр. Все, что посылал Бог его обители, он раздавал нищим и вообще нуждающимся, сам же и братия его пребывали в нищете. Однажды некий муж, действительно обнищавший, был преследуем своим заимодавцем, которому был должен двенадцать златиц[1]. Тогда он пришел к святому Венедикту и со слезами стал молить его дать двенадцать златиц, чтобы заплатить долг, так как заимодавец с угрозою требовал их от него. Преподобный, не имея тогда ни одного пенязя[2], сказал тому человеку:

— Прости нас, брат: я не имею теперь того, чего ты просишь, но приди дня через два.

Эти два дня святой Венедикт проводил в обычных молитвах и просил у Бога, дабы Он освободил должника от его долга. На третий день снова пришел тот обедневший человек и, кланяясь угоднику Божию, просил у него обещанного выкупа. В это время в монастыре был сосуд, наполненный сочивом; и вот внезапно, по молитве святого, наверху сочива[3] оказались тринадцать златиц. Взяв их, милостивый отец все их отдал бедствующему человеку, говоря:

— Иди, чадо, и двенадцать из них отдай заимодавцу, а оставшийся возьми себе на свои нужды.

Однажды человек Божий вместе с братиею пошел на село работать в саду; на дороге им встретился один земледелец, который нес на руках своего умершего маленького сына; обливаясь слезами, он пришел в монастырь и там стал искать преподобного отца Венедикта; ему сказали, что святой работает на селе с братиею и что он

[1] *Златица* — золотой, червонец.
[2] *Пенязь* — мелкая монета.
[3] *Сочиво* — варево из гороха, бобов, овощей.

там замедлит. Тогда человек тот оставил своего умершего сына пред монастырскими вратами, сам пошел к преподобному и встретил его уже возвращающимся в монастырь. При этом он так стал взывать к нему:

— Дай мне, отче, сына моего, дай мне сына!

Человек Божий, удивившись, сказал ему:

— Разве я брал твоего сына?

Опечаленный отец сказал:

— Умер сын мой, но ты поди и воскреси его.

Услышав это, преподобный отец очень опечалился и сказал братии:

— Бежим, братия, бежим, ибо воскрешать мертвых не наше дело, но святых апостолов.

Человек же тот, объятый невыразимым сердечным горем, клялся святому, что не оставит его, пока он не воскресит его сына. Тогда преподобный, подойдя вместе с братией к телу умершего отрока, преклонил колена и воззвал в молитве Богу:

— Господи! Призри не на меня, грешного, но на веру этого человека, молящегося тебе о воскрешении сына, и отдай душу телу этому.

Еще не успел святой кончить свою молитву, как тело умершего начало проявлять в себе жизнь, руками ощупывая и двигаясь всем телом. Святой же, взяв отрока за руку, поднял его живым и здоровым и передал его отцу его. И все прославляли Бога, видя столь преславное чудо. Много и иного чудесного сделал преподобный Венедикт, о чем пространно писано у святого Григория Двоеслова, папы Римского, во 2-й книге его писаний[1]; для нашего же назидания достаточно и этого краткого повествования, взятого из той же книги. Теперь же перейдем к последующему повествованию из жития преподобного Венедикта.

У преподобного Венедикта была родная сестра, по имени Схоластика. С детства посвященная родителями Богу, она проводила жизнь девственную и постническую и была тем угодна Господу. Она имела обыкновение один раз в год приходить к брату своему, этому угоднику Божиему. Венедикт принимал ее не в самом монастыре, но

[1] Здесь разумеется сочинение святого Григория Двоеслова «Беседы, или диалоги о жизни и чудесах Италийских отцов».

в одном, недалеко отстоявшем монастырском помещении; выходя туда к ней, преподобный вел здесь с ней душеполезные беседы. В последний год жизни блаженной Схоластики, когда она, по обычаю, пришла к своему святому брату, Венедикт пришел к ней вместе с некоторыми учениками своими и весь тот день провел с нею в святых беседах и богодухновенных поучениях. Вечером, когда уже настала ночная темнота, была уготована трапеза, но они, и вкушая пищу, не оставляли богодухновенных бесед, — и так провели немалую часть ночи. Святая дева сказала преподобному:

— Молю тебя, брат мой, не оставляй меня всю эту ночь, дабы нам до утра побеседовать о небесной радости и присносущной жизни.

На это святой ответил:

— Что ты говоришь? Разве мне всю ночь оставаться вне келии?

В это время воздух был так чист и ясен, что незаметно было даже и следа какого-нибудь дождевого облака. Святая, видя, что брат не хочет послушаться ее, сложив руки и положив на них свою голову, в тайне сердца своего, со слезами, принесла молитву всесильному Богу. И лишь только, после молитвы, подняла свою голову, внезапно послышался страшный гром с блистаниями молний и таким сильным дождем, что ни святому Венедикту, ни пришедшим с ним братьям не только нельзя было идти домой, но даже и невозможно было приотворить дверей. — (Так сильна была пред Богом молитва святой девы.) — Увидев, что Схоластика своею молитвою свела на землю такой внезапный дождь, преподобный сказал ей:

— Что ты сделала со мной, сестра?

— Я просила тебя, брат, остаться, — ответила она, — но ты не захотел послушаться меня, и вот я помолилась Господу моему, и Он тотчас же услышал меня; теперь, если хочешь, можешь оставить меня и идти в монастырь.

Итак, святой Венедикт, и не желая того, оставался у ней всю ночь без сна, беседуя с сестрою о вечной жизни. Утром же, простившись, они разошлись. Чрез три дня после этого преподобный, стоя на молитве, возвел глаза свои к небу и увидел душу своей святой сестры, поднимающуюся к небу в великой светлости и принимаемую со славою в небесные селения. Узнав из этого видения о кончине своей сестры, Венедикт исполнился великого веселья, радуясь, что душа

ее сподобилась такой славы, и, возблагодарив Господа, передал братиям о ее преставлении. Он велел перенести тело ее в свой монастырь и благоговейно, как многоценное сокровище, положил его во гроб, который приготовил для самого себя.

Скоро преподобного пришел посетить диакон Серванд; муж исполненный небесной благодати, он был игуменом одного монастыря в Кампании, выстроенного патрицием Ливерием; они проводили время в душеспасительной беседе о пресладкой пище небесного Царства; ее на земле они хотя и не могли еще вполне вкусить, однако своим устремленным к Богу умом уже отчасти вкушали ее. Когда настало время вкушать телесную пищу, они стали принимать ее с воздыханиями, помня о пище нетленной. Во время же ночного покоя преподобный отец пошел в свою келию, а гость его, святой диакон Серванд, отведен был в соседнюю с преподобным келию. Святой Венедикт, почив немного с вечера, около полуночи встал на молитву и, молясь около окна, внезапно увидел великий свет, исходящий с неба, так что самая ночь стала более светлою, нежели день; но всего чудеснее было то, что блаженному Венедикту — как он сам потом рассказывал — казалось, что он видит всю вселенную, как будто она вся находилась под одним солнечным лучом. Со вниманием взирая на этот свет, преподобный увидел душу блаженного Германа, епископа Капуанского, — в огненном круге возносимую на небо. Тогда преподобный Венедикт, желая, чтобы гость его Серванд был свидетелем этого страшного видения, громким голосом назвал его два или три раза по имени. Серванд, удивясь, что святой зовет его в такое необычное время, испугался и поспешно вошел в келию Венедикта и увидел этот небесный свет, но не весь уже, а лишь только небольшую часть; а обо всем прочем рассказал ему сам святой отец. Тогда святой Венедикт тотчас же послал в город Касин, к любимому своему ученику гражданину Феопрову с просьбой — послать скорее в Капую[1] и узнать о святом епископе Германе. И вот оттуда пришло известие, что он преставился. Когда Венедикт узнал о самом времени кончины святого епископа Германа, то оказалось, что он скончался в тот самый час, в который Венедикт видел душу его, возносимую Ангелами на небо в огненном круге.

---

[1] *Капуя* — город и крепость в Южной Италии на левом берегу реки Вольтурно. В древности была первым городом Кампании.

После этого скоро настало время и преподобному Венедикту отлучиться от тела и отойти к Господу. Узнав за шесть дней час своей кончины, он велел открыть приготовленный им для себя гроб и, разболевшись, лег на свой одр. Но он и тогда не переставал поучать братию и даже написал для них правила иноческого чина. В самый день своей кончины он повелел отнести себя в церковь Иоанна Крестителя, которую, как сказано было выше, воздвиг на разоренном капище Аполлона. Причастившись здесь Божественных Тайн, святой Венедикт воздвиг свои руки к Богу и, с молитвою на устах разлучившись от тела, отошел к Господу в пресветлые небесные селения, кои удостоился видеть еще на земле.

В тот час, когда святой Венедикт разрешался от телесных уз, два инока, один на пути, посланный на какую-то службу, а другой в своем монастыре во время молитвы в келии своей, удостоились одного и того же видения: они видели путь, ведущий от земли на небо; он весь был устлан драгоценнейшими ризами, по сторонам же того пути стояло множество пресветлых свечей. Выше же этого пути они увидели некоего светоносного мужа, красота которого была неизреченна, — и услышали они голос Его, что этот путь уготован для возлюбленного Богом Венедикта и что по нему в этот час он должен взойти на небо. Такого видения оба брата удостоились, находясь друг от друга на большом расстоянии, хотя самих себя они видели в это время стоящими вместе. Придя на погребение своего святого отца, они рассказали об этом всей собравшейся братии. Тогда сошлись сюда иноки из всех обителей преподобного Венедикта, и все они со слезами на глазах совершили его честное погребение.

Святое тело преподобного Венедикта положили в созданной им церкви Иоанна Крестителя, славя Отца, и Сына, и Святого Духа — Единого в Троице Бога, от всей твари славимого вовеки. Аминь[1].

[1] Преподобный Венедикт скончался в 543 году.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ЕВСХИМОНА ИСПОВЕДНИКА

Святой отец наш Евсхимон, епископ Лампсакийский[1], христианский учитель и исповедник Христов, проводя с юных лет добродетельную жизнь, стал другом Божиим и, будучи мужем совершенным, сделал себя храмом Святого Духа. Приняв иночество и всем сердцем предавшись православной вере, он достиг высоты епископского сана и исполнился благодати Божией. Он воспылал Божественною ревностью и поразил ересь иконоборцев. При этом он совершил и великие чудеса. Так, молитвою он воскресил умершего младенца, которого принесла к нему плачущая мать. Кроме того, он внушал страх диким зверям, прогоняя их одним словом своим, когда они пытались вредить стадам. Покровительствовавший иконоборцам император Феофил повелел сперва заключить его в темницу, как почитателя святых икон, проповедника и охранителя Христовой веры, а потом приговорил его к изгнанию, где он и скончался[2].

В тот же день **преставление святого Феогноста**, митрополита Киевского и всея Руси.

[1] Город Лампсак находился во Фригии, северо-западной провинции в Малой Азии, на берегу Геллеспонта, — ныне Дарданелльского пролива.

[2] Преподобный Евсхимон скончался в IX веке.

День пятнадцатый

ПАМЯТЬ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АГАПИЯ, ПУПЛИЯ, ТИМОЛАЯ, РОМИЛА, АЛЕКСАНДРА, АЛЕКСАНДРА, ДИОНИСИЯ и ДИОНИСИЯ

Святые мученики жили в царствование Диоклетиана[1]. Агапий происходил из Газы[2], Тимолай — из Понта Евксинского[3], оба Дионисия — из Трипполя финикийского, Пуплий и оба Александра — из Египта, а Ромил был иподиаконом диоспольской[4] церкви. Все они пострадали в Кесарии Палестинской от игемона Урвана во второй год поднятого тогда гонения на христиан[5].

Тогда был издан указ по всем странам и городам принуждать христиан к поклонению идолам и принесению им жертв. По случаю бывшего тогда языческого праздника, в Кесарии для собравшегося со всех сторон народа готовилось зрелище, именно — уготовлялись на мучение христиане, содержимые там в узах. Посмотреть

---

[1] *Диоклетиан*, римский император, царствовал с 284 по 305 год и управлял восточною половиною Римской империи. Западною же половиною управлял друг его, Максимиан.

[2] *Газа* — значительный приморский город в Малой Азии, некогда принадлежавший филистимлянам.

[3] *Понт Евксинский*, то есть Черное море. Понт Евксинский, собственно, значит: «гостеприимное море». Такое наименование усвоено было Черному морю переселенцами из римлян, основавшимися близ этого моря.

[4] *Диоспол* находился в Палестине к северо-западу от Иерусалима.

[5] То есть в 303 году.

на это зрелище собрались все еллины, бывшие там.

Прежде всего, после многих мучений, был сожжен на костре святой мученик Тимофей (память его — 19 августа); после того были преданы на съедение зверям святой мученик Агапий и святая мученица Фекла (не тот Агапий, который воспоминается ныне, но другой такого же имени, пострадавший ранее со святою Феклою и воспоминаемый вместе с мучеником Тимофеем в августе месяце).

Свв. мчч. Агапий, Пуплий, Тимолай

Когда происходило это кровавое зрелище, шесть мужественных юношей христиан: Пуплий, Тимолай, Ромил, оба Александра и Дионисий, память коих празднуется ныне, воспламенившись ревностью о Христе, сами связали себе руки — в знак того, что они желают пострадать за Христа и из любви ко Христу готовы идти на огонь и на съедение зверям. Подойдя быстро к самому центру зрелища, они остановились перед игемоном Урваном и громогласно воскликнули:

— Мы — христиане!

Игемон, видя, что они еще юны возрастом, не желая губить их, стал ласково увещевать их поклониться идолам и не губить себя самих в таких цветущих летах. Когда же он не имел успеха, приказал отправить их в темницу.

Спустя несколько дней к числу узников Христовых был причислен святой Агапий, муж честный и славный среди христиан, так как он уже ранее с большим дерзновением исповедовал имя Иисуса Христа и претерпел уже за это многоразличные муки. Агапий был в это время взят вместе со слугою своим Дионисием египтянином и заключен в темнице вместе с упомянутыми шестью святыми мужами, так что всех их стало восемь.

Долгое время святых мучеников держали в темнице, много раз были мучимы различным способом, но они не отверглись от Христа.

Наконец, они были осуждены на отсечение и все в один день положили честные главы свои за главу Церкви Иисуса Христа, Которому предали свои души и от Которого были увенчаны венцами победными в Церкви Торжествующей на небесах.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
НИКАНДРА

Святой Никандр жил в Египте во время царствования Диоклетиана. Этот благочестивый человек по роду занятий был врач. Он постоянно посещал находящихся в темницах святых мучеников, страдавших за Христа, врачевал их язвы, подавал им потребную пищу и погребал тела их.

Один раз он увидел тела мучеников, выброшенные в поле на съедение зверям, но не осмелился подойти к ним днем, боясь как бы не быть самому захваченным мучителями, ибо он был человеком немощным и страшился лютых мучений, пока не был укреплен благодатью Божией.

Когда настала ночь, он отправился к телам святых мучеников и, взяв на плечи свои по одному, погребал их в некотором сокровенном месте, обвив чистыми плащаницами.

Один язычник увидел его за этим делом и донес о нем правителю.

После этого святой Никандр был взят мучителями и подвержен лютым мукам, но не отрекся от Христа, а мужественно и радостно перенес все те муки, которых раньше боялся.

Мучитель, увидя его столь незыблемым в своем исповедании, как бы столп непоколебимый или гору недвижимую, приказал снять с него живого кожу и обезглавить его; таким образом святой мученик совлекся ветхого, земного человека и облекся в нового, небесного. По отсечении своей честной главы он, как честный уд, присоединился к честнейшей главе Христу Господу своему и соцарствует с Ним вечно, с ликами прочих святых мучеников прославляя Пресвятую Троицу.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА АЛЕКСАНДРА ИЕРЕЯ

Во время поднятого на христиан в царствование Аврелиана[1] гонения в Памфилии[2] был игемоном Антонин. Придя в памфилийский город Сиду, он повелел представить себе на суд иерея этого города Александра.

Игемон подвергнул служителя Христова многим истязаниям и мучениям. Но сначала он спросил его:

— Ты кто такой?

Святой отвечал:

— Я — христианин, саном иерей, пастырь Христова словесного стада.

Игемон спросил его:

— Где находится это Христово стадо?

Святой отвечал:

— Живущих по всей вселенной людей создал Христос Бог; верующие в Него и суть овцы Его стада. Кто же, кто отпал от Создателя своего, те, кто служат созданию и делу рук человеческих — идолам бездушным, каковы вы, — те не могут принадлежать к Его святому стаду. В день страшного суда они будут поставлены вместе с козлищами по левую сторону.

Игемон сказал ему:

— По двум причинам я буду теперь мучить тебя: во-первых, чтобы ты показал мне верующих во Христа и, во-вторых, чтобы ты принес нашим богам жертвы.

Потом игемон Антонин снова спросил святого Александра:

— Кто был Христос?

Святой отвечал:

— Христос — Спаситель мира, жизнь и свет для тех, кто верует в Него.

Игемон сказал:

— Каким образом может быть Спасителем тот человек, Который умер на кресте?

---

[1] *Аврелиан*, римский император, царствовал с 270 по 275 год.

[2] *Памфилия* — область Малой Азии.

Александр отвечал:

— Действительно, дивно и достойно удивления то, что Он, приняв на Себя крест и смерть плотью, по Своей воле, Своим Божеством разрушил силу адову, разрешил от уз связанных и находящихся в аде, умертвил смерть и воскрес из гроба. Да и не только Сам воскрес из мертвых, но совоскресил с Собою и многих мертвых: *и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град* Иерусалим (см.: Мф. 27, 52–53). Христос вместе с Собою воскресил и весь род человеческий.

Игемон сказал ему:

— Ты безумствуешь, потому что каким образом мог оказать помощь другим Тот, Кто не мог оказать помощи Себе, будучи мучим иудеями?

Святой отвечал:

— Не я, а ты безумствуешь, будучи ослеплен душевно и потому не понимающий таинства спасения нашего, соделанного Христом Господом.

Тогда игемон приказал мучить святого Александра. Его били жилами, терзали на колесе, ввергали в сосуд с кипящею смолою и маслом, жгли в горящей печи. Но во всех этих муках святой оставался, по благодати Господа Иисуса, невредимым. Когда же его ввергли в печь, разожженную весьма сильно, нечестивые мучители увидели в пламени двух юношей, чудных лицом, восхваляющих Бога вместе со святым мучеником. Это были святые Ангелы, охлаждавшие святому пламень печный. Народ дивился, зная, что один человек ввержен в печь, а между тем там было трое.

Игемон же и бывшие с ним сочли за волхвование все эти славные чудеса, так как не веровали во всемогущую силу Христа Бога.

Однако один из слуг игемоновых уверовал во Христа и, пав на землю, поклонился святому и умолял его, чтобы он сподобил его быть вместе со Христом. Игемон тотчас же умертвил слугу этого мечом.

Когда же святой Александр вышел невредимым из печи, игемон приказал повесить его и терзать острым железом. И до тех пор истязали святого, пока тело его не сделалось одною сплошною язвою.

Мучившие святого удивлялись его твердости, говоря:

— Каким образом этот человек выносит такие мучения?! Вот уже обнажились кости его.

После того святой вторично был мучим огнем, но не потерпел от того никакого вреда.

Затем железными спицами кололи тело святого и извлекли наружу все внутренности его.

Потом святой отдан был на съедение зверям, но звери не коснулись его.

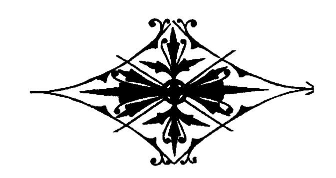
Многими и другими лютыми муками терзали этого Христова страдальца, но во всех муках он оставался твердым и мужественным, так что все, видевшие его страдание, изумлялись силе его терпения, превосходящей понимание человеческое.

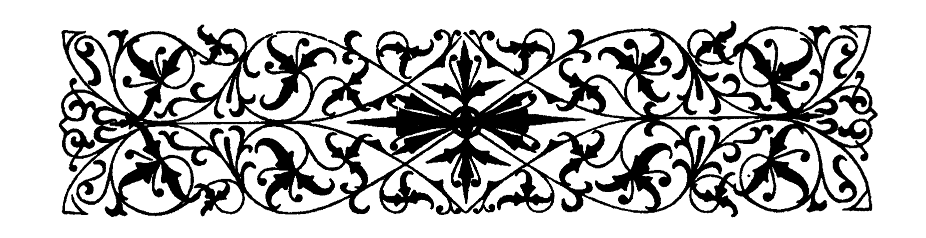
Наконец, святой священномученик Александр был усечен мечом.

Игемон же Антонин, сидевший в это время на своем судейском месте, был наказан от Бога беснованием; его стали мучить его боги-диаволы, которым он служил. Слуги понесли его в дом, по дороге горько плача и рыдая, но не успели донести его до дома, как он испустил свою окаянную душу.

Святой же Александр вселился в небесных селениях вместе со Христом Господом и святыми Его Ангелами. А игемон был ввергнут в муку вечную с сатаною и слугами его.

По усекновении святого Александра, некто Евстафий, муж честный, христианин, взял многострадальное тело святого мученика и похоронил его с честью, славя и восхваляя Христа Бога.

День шестнадцатый

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
АРИСТОВУЛА

Святой Аристовул был одним из семидесяти апостолов, родом из Кипра[1]. Он был братом святого апостола Варнавы, также одного из семидесяти.

По вознесении Господа он проповедовал вместе с апостолом Павлом, учителем вселенной, проходя по разным странам. Апостол Павел упоминает о нем в послании к Римлянам, где говорит: *Приветствуйте верных из дома Аристовулова* (Рим. 16, 10), то есть от дома или рода Аристовулова, так как некоторые из родственников Аристовула и Варнавы жили тогда в Риме. Когда Павел писал послание к Римлянам, Аристовул в это время был вместе с Павлом, почему Павел и написал в послании приветствие родственникам Аристовула от себя и от самого Аристовула.

Когда святой Павел поставлял многих епископов, посылая их проповедовать слово истины по всем городам и странам, тогда он поставил епископом и Аристовула и послал его с проповедью в Британию[2], к людям неверующим и жестоким[3].

Здесь Аристовул много потрудился в благовестии Христове и много пострадал от этих жестоких людей: иногда его били без милости, иногда его влачили по улицам, поругаясь над ним. Одним словом, он принял от людей этих многие поругания и истязания, пока

---

[1] *Кипр* — остров в северо-восточной части Средиземного моря.

[2] Под *Британией* следует разуметь Сциллейские острова и Корнуолл.

[3] Обитателями Британии были *кельты* — люди суровые, воинственные.

не просветил их благодатью Христовою и не научил их вере во Христа. Затем святой крестил их, построил им церковь, рукоположил пресвитеров и диаконов и скончался там[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
САВИНА

Город Гермополь, в Египте, был отечеством святого мученика Савина, который был мужем славным во всей стране той и начальником в городе своем.

По причине гонения, воздвигнутого на христиан в царствование Диоклетиана, когда многие христиане были мучимы и умерщвляемы, святой Савин оставил свой дом, власть, богатства и всех родных и тайно ушел из города Гермополя, укрываясь в одном отдаленном селении вместе с прочими христианами.

Поселившись в небольшом доме, он проводил в посте и молитвах все дни и ночи.

Служители же идолов весьма ревностно искали Савина, князя Гермопольского, чтобы подвергнуть его мучениям, но нигде не находили его, о чем сильно скорбели.

Один нищий, приходивший за милостынею к блаженному Савину и получавший из рук его пищу и все потребное, взяв пример с Иуды-предателя, пришел к язычникам и сказал:

— Что дадите мне, чтобы я показал вам того, кого вы ищете, — Савина?

[1] Некоторые полагают, что святой Аристовул был отцом святых апостолов Иакова и Иоанна и носил прозвище «Зеведей»; но это едва ли правильно. Вероятнее всего, что святой Аристовул происходил из Кипра, имел братом своим Варнаву; и был иной, чем отец Иакова и Иоанна, который назывался Зеведеем (это было не прозвищем его, а подлинным именем).

Они дали ему две златницы[1]. Затем пошли за ним, дошли до того дома, где жил святой, окружили его и постучали в дверь.

В это время со святым Савином было шесть христиан. Подумав, что это пришел кто-либо из братий, они открыли дверь дома.

Тогда язычники быстро вошли в дом, взяли всех и связали. Святого же Савина связали особенно крепко — двумя тяжелыми цепями и затем привели его на суд к игемону той страны, именем Ариану.

Святой Савин был долгое время расспрашиваем на суде и много раз принуждаем к принесению жертвы идолам. Но он не отвергся Христа. Вследствие этого он был мучим еще более жестоко, был терзаем острым железом, жегом огнем.

Наконец святой был потоплен в реке[2].

Таким образом святой окончил свой подвиг[3] и отошел к подвигоположнику Христу, чтобы принять от Него венец победы.

Вместе с ним были мучимы и прочие шесть христиан, взятые с ним; и они награждены были от Господа на небеси одинаковой с Савином славой.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ТРОФИМА и ФАЛА

В городе Лаодикии (не в том, что находится в Сирии, но в находящемся в Карии[4]), между малоазийскими реками: Ликосом и Меандром), было два священника, — брата по плоти, — Трофим и Фал.

Родом они были из Карии, из города Стратоника. Тот и другой были твердыми в вере мужами и проповедниками слова Божия. Желая обратить на путь спасения души заблуждших, они спорили с еллинами и неустанно укоряли их нечестие.

Однажды нечестивые идолопоклонники, не стерпя обличений святых, взяли их обоих и заключили в узы.

---

[1] *Златница* — вообще золотая монета неопределенной ценности.

[2] Разумеется река Нил.

[3] Смерть святого последовала в 287 году.

[4] *Кария* — малоазийская провинция, граничившая на севере с Лидиею, на востоке — с Фригиею.

В то время, в царствование Диоклетиана и Максимиана, в Карию прибыл игемон Асклипиодот и поселился в городе, называемом Бофор, находящемся недалеко от Лаодикии.

Начальник воинской стражи в Лаодикии послал сказать игемону о двух, взятых под стражу, христианских священниках и спрашивал, как с ними поступить. Он получил ответ — побить обоих камнями.

Когда же святые мученики Трофим и Фал были выведены на убиение, их окружили христиане и защищали от камней, так что ни один камень, пущенный в них, не повредил им; наоборот, бросавшие каменья, против своей воли, поражали ими самих себя. Трудясь бесплодно долгое время и обессилев, мучители окончили метать камни.

Узнав об этом, начальник воинской стражи отпустил обоих святых. Они же продолжали учить всех небоязненно вере Христовой и обличать неверие еллинов.

Спустя некоторое время градоначальники опять взяли их под стражу и отправили к игемону в город Бофор, сказав при этом:

— Этих людей мы, по повелению твоему, били камнями, но камни не прикоснулись к ним; поэтому мы отсылаем их к тебе.

Игемон приказал повесить святых и терзать без милосердия тело их острым железом.

Будучи мучимы, они взывали громким голосом:

— Мы — христиане! Мы не поклонимся идолам и не послушаем нечестивого повеления царей земных!

После всех этих мучений игемон осудил их на распятие, сказав:

— Пусть они будут распяты, как и тот обольститель, в которого они веруют.

Затем святые были изведены из города на место, где им были уготованы кресты. Шли же они с радостью, благодаря и восхваляя Бога за то, что Он сподобляет их умереть такою смертью и через это уподобляет страдание их пречистым Страстям и распятию Господа Иисуса.

За ними следовало множество народа — мужей и жен, хотевших видеть их кончину.

Когда же они были приведены ко крестам, некоторые из христиан принесли им немного пищи и упрашивали их вкусить ее.

Не желая огорчить просивших, они вкусили немного из принесенного; остальное же раздали окружавшим их.

Затем они были пригвождены железными гвоздями ко крестам и распяты по подобию Господа Иисуса.

Вися на кресте, они много говорили к народу, уча его познанию Бога и святой вере.

После того поднялся плач и вопль в народе: одни укоряли игемона за жестокосердие, за то, что неповинных ни в чем мужей он предал такой лютой смерти. Другие же взывали:

— Слава Тебе, Боже, потому что сила Иисусова засвидетельствовала себя и в наши времена!

Некая женщина, иудеянка, поклонилась святым, висящим на кресте, и воскликнула:

— Блаженны матери, родившие людей этих!

Здесь же стояла и матерь их, с мужеством взиравшая на страдание двух сыновей своих.

Многие из числа предстоящих собирали каплющую от святых их честную кровь, причем одни омочали в крови этой свои платки, а другие — перстни для исцеления своих болезней — душевных и телесных.

Мученики же Христовы, Трофим и Фал, помолившись Богу, предали Ему свои святые души, 16 марта; для погребения их верные приготовили чистые плащаницы и благовонные ароматы.

На место мучения пришел и страж темничный и, поклонившись мученикам Христовым, исповедал пред всем народом, что видел двух святых мучеников, восходящих на небо, и трех Ангелов, сопровождавших их и беседовавших с ними.

После того народ отправился к игемону и просил его, чтобы он приказал снять с крестов святые тела мучеников и разрешил предать их погребению.

Игемон, выслушав эту просьбу, сначала разгневался и велел воинам своим бить пришедших. Но спустя некоторое время успокоился и сказал, что, кто хочет, может взять тела умерших.

После того святые были сняты со креста и положены в новом гробе. При этом между христианами возник спор о том, в каком месте предать честному погребению святые тела — одни хотели здесь, другие — там.

Наступил вечер. Народ не отходил от телес святых мучеников, но всю ночь пробыл около них с возжженными свечами и псалмопением.

Когда наступило утро, жена игемона принесла благовония и ароматы и возлила их на тела святых мучеников. Затем она положила на гроб драгоценный покров и сказала во всеуслышание:

— Я в эту ночь видела во сне мужей этих, посланных Богом вместе с Ангелами наказать мужа моего за неповинное убиение этих страдальцев.

Многое и другое говорила она, укоряя своего мужа за жестокость и немилосердие.

Мать же святых мучеников и два честных мужа, Зосима и Артемий, сограждане святых мучеников, взяли честный гроб со святыми телами их и принесли его в город Стратоник, где и погребли святых с честью.

Между тем приближался день, в который нечестивые идолопоклонники праздновали рождение Диоклетианово.

Игемон, придя в Лаодикию, устроил здесь большое торжество в честь своего нечестивого царя.

Но его внезапно постигло наказание Божие за неповинно пролитую кровь святых мучеников: он вдруг упал на землю и метался как бесноватый, трепеща всеми членами своими.

Все, бывшие здесь и видевшие это, исполнились великого страха.

Игемон же взывал:

— Где бог Зевс?[1]

— Где бог Ираклий![2]

— Где бог Гермес?[3]

— Где прочие боги и богини? Пусть придут и помогут мне!

Потом игемон сказал:

— Напрасно я поклонялся им! Вот, предаюсь я теперь огню веч-

---

[1] *Зевс* (или *Юпитер*) почитался у греков и римлян главным богом — отцом богов и людей, повелителем неба и земли, грома и молнии, ветров и дождей.

[2] *Ираклий* (или *Геракл, Геркулес*), — бог, обладавший, по мнению язычников, большою физическою силою и совершивший, как повествует греческая мифология, множество разного рода подвигов, вроде победы над киферонским львом и тому подобное.

[3] *Гермес* (или *Меркурий*) — языческий бог, по сказаниям греческой мифологии, сын Зевса и Маии, дочери Атланта, рожденный на аркадской горе Киллене. Отличительною чертою его в греческой мифологии является его хитрость и изворотливость.

ному, посылаемому от живущего на небесах Бога и рабов Его, Трофима и Фала.

Говоря это, он кричал громким голосом, так что везде был слышен вопль его. От тяжести своих мучений он стал рвать зубами свое тело и кусать язык и, мучаясь так, испустил свою окаянную душу.

Мучитель с горьким плачем отошел к нечестивым богам своим, чтобы мучиться во аде; святые же мученики Трофим и Фал с радостью отошли к Господу и Богу своему, чтобы вечно царствовать на небесах, предстоя пресветлому престолу Отца, и Сына, и Святого Духа. Богу же слава вовеки. Аминь[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПАПЫ

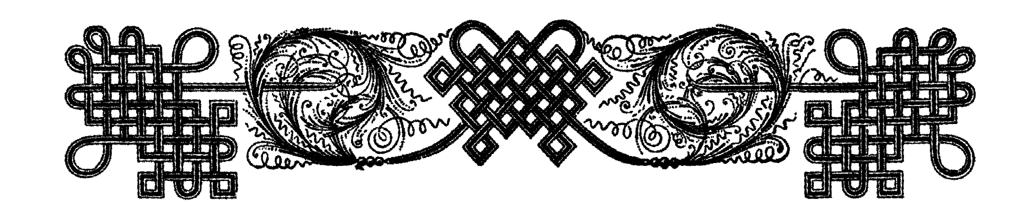
Святой Папа был родом из Ликаонского города Ларанды и жил в царствование императора Максимиана. За исповедание Христовой веры он был предан на страдания в родном своем городе, затем в Диокесарии и наконец в Селевкии Исаврийской. Он был бит розгами, терзаем железными когтями, прошел длинный путь в сапогах с железными гвоздями и кончил свою жизнь, привязанный к дереву.

В тот же день **память святого мученика Иулиана** Аназаврского, пострадавшего в Антиохии, в царствование Максимиана, в III веке.

В тот же день **память святого священномученика Александра**, папы Римского, сожженного в печи, по повелению императора Адриана, в 119 году, 3 мая.

В тот же день **преставление святого Серапиона**, архиепископа Новгородского, скончался в 1516 году.

[1] Святые мученики Трофим и Фал скончались около 300 года.

День семнадцатый

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО **АЛЕКСИЯ**, человека Божия

В Риме[1], в царствование Аркадия и Гонория, жил благочестивый человек по имени Евфимиан: он был весьма знатный и богатый вельможа, так что даже слуги его, число которых доходило до трех

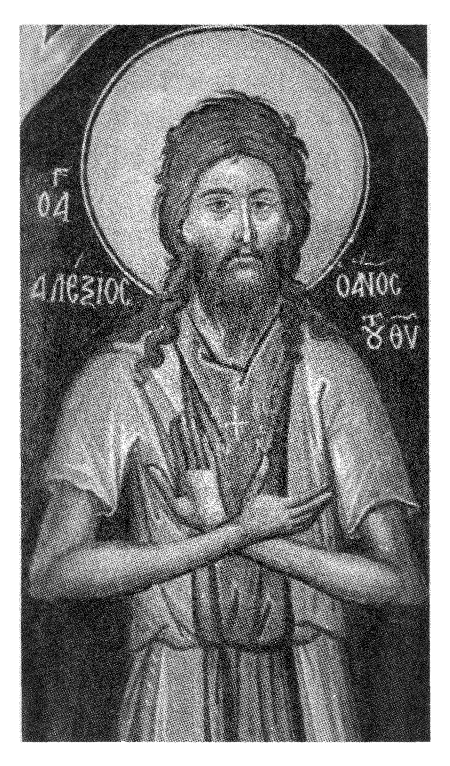
---

[1] *Рим*, главный город римского государства, находится в средней Италии, расположен по обоим берегам реки Тибра, при впадении ее в море. По древнему сказанию он был основан Ромулом († 707 г.) на холме Палатинском в 753 году до Рождества Христова, потом распространился на шести соседних холмах, отчего и называется семихолмным; указание на эти семь холмов Рима находится и в Апокалипсисе (17, 9). В начале своей истории Рим представлял собою только группы хижин, сделанных из глины и покрытых камышом, но затем стал обогащаться вследствие удачных войн с соседними народами — сабинянами, вольсками, латинянами, галлами, этрусками, которые в 273 году до Рождества Христова все были объединены под властью Рима. Тогда римляне начали подчинять себе народы, жившие вне Италии, и скоро Карфаген, Македония, Греция, Иллирия и Азия, перешедшая к римлянам мирным путем по завещанию пергамского царя Аттала III в 132 году до Рождества Христова, сделались провинциями Рима. В 63 году до Рождества Христова римский полководец Помпей вступил после трехмесячной борьбы в Иудею и занял Иерусалим; с этих пор иудеи сделались данниками Рима и навсегда лишились своей свободы и независимости. При Августе, первом Римском императоре, в 30-й год царствования которого родился Господь Иисус Христос, подчинялся Риму и Египет. Таким образом, пред пришествием Христа Спасителя Рим достиг могущества и славы, включая в свою империю почти все известные тогда народы; богатства со всех стран света стекались в него; дела всех народов решались в римском Сенате. Но время могущества Рима было началом его падения. Беспрестанные войны разоряли и уменьшали зажиточные классы римских граждан, а богатые и знатные фамилии, скупая за бесценок земли разорившихся семейств, еще более богатели; поэтому население Рима разделилось на два класса — богатых и бедных. В то время как роскошь первых доходила почти до невероятных размеров,

тысяч, носили шелковые одежды, но при всем этом он не был вполне счастлив, так как, по причине неплодства жены своей, не имел детей. Евфимиан строго соблюдал заповеди Божии и отличался добро-

---

последние находились в нищете и угнетении; целые состояния тратились на один обед, а бедняки не имели куска хлеба. Со времени покорения Греции, в Риме стали распространяться философские учения, подрывавшие народную религию, и неверие широкой волной разлилось сначала среди высших, а потом и низших классов: предметы религиозных верований открыто высмеивались на сценических представлениях. Вместе с неверием стала распространяться и безнравственность; распущенность, дошедшая до совершения противоестественных пороков (Рим. 1, 26–27), заменила собою прежнюю чистоту и строгость нравов. И только возрождающая сила христианства спасла Рим от окончательной погибели. Христианство проникло в Рим очень рано. Уже император Тиверий (14–37 гг.), по преданию, слышал проповедь о Христе; при преемнике его Клавдии (41–54 гг.), в Риме были сильные раздоры между христианами из евреев и иудеями. При Нероне (54–68 гг.), благодаря проповеди апостола Павла, продолжавшейся целых два года (Деян. 28, 30), христиане умножились; в царствование этого императора было первое гонение на христиан, несправедливо обвиненных в поджоге Рима: во время этого гонения приняли мученическую кончину святые апостолы Петр и Павел. Но гонение не уничтожило христианства: при Домициане (81–91 гг.) оно проникло даже в род императора, — брат Домициана Флавий Климент был казнен за то, что был христианин; в царствование этого императора святой Иоанн Богослов был сослан на остров Патмос, где удостоился Откровения о будущих судьбах мира и Церкви (Апок. 1, 9). Со времени Нерона и Домициана гонения на христиан воздвигались вплоть до 313 года. Особенно сильны были они при императоре Диоклетиане (285–305 гг.), положившем начало разделению Римской империи; он избрал себе в соправители Максимина и разделил государство между ним и собою, потом каждый соправитель избрал себе по помощнику, так что империя разделилась на четыре части. По отречении от дел правления Диоклетиана и Максимина, управление перешло к Констанцию Хлору и Галерию. Первому наследовал сын его Константин (306 г.), который и издал указ 313 года, дозволявший переход каждому желающему в христианство. Сделавшись единодержавным (324 г.), он перенес свое местопребывание на Восток в Византию, названную впоследствии Константинополем. Здесь он окружил себя христианами, которых назначал на высшие государственные должности; он установил законом празднование воскресного дня, строил много храмов; при его содействии был созван I Вселенский собор (325 г.). При императоре Феодосии Великом, воспретившем указом 392 года языческое богослужение, Римская империя окончательно разделилась на восточную и западную (395 г.). Первая пала под ударами турок в 1453 году при Магомете II, а вторая, в состав которой входили Италия, Африка, Британия и Испания, — в 475 году; в 476 году после отречения от престола последнего Римского императора Ромула Августа над Италией воцарился предводитель Герулов Одоакр.

тою: ежедневно в доме своем он устраивал три трапезы для вдов, сирот, нищих, странных и больных; сам же принимал пищу лишь по истечении девятого часа[1], разделяя ее со странствующими иноками, а до этого времени всегда постился. Если случалось, что в иной день к нему собиралось мало нищих, и приходилось поэтому раздавать милостыни менее обыкновенного, то Евфимиан падал тогда в горе на землю и говорил:

— Я недостоин жить на земле Бога моего.

Супруга его Аглаида была женщина богобоязненная, любящая своего мужа и щедрая на милостыню. Сокрушаясь о своем бесплодии, она часто обращалась к Богу с такою молитвой:

«Господи, вспомни о мне, недостойной рабе Твоей, и избавь меня от неплодства моего, чтобы мне быть матерью. Дай нам сына, который был бы и радостью в жизни, и опорою в нашей старости».

Господь по милосердию Своему услышал молитву ее: к великой радости мужа своего, она родила сына, при святом крещении названного Алексием.

С шести лет святой Алексий начал учиться и, скоро усвоив обычные для того времени светские науки, особенно хорошо изучил Священное Писание и церковные книги. Из отрока образовался разумный и благочестивый юноша; постигнув суетность скоропреходящих мирских благ, он решил отречься от них для получения благ вечных; поэтому он даже начал носить острую власяницу для умерщ-

[1] День у римлян, точно так же как и ночь, разделялся на четыре части, называвшиеся первым, третьим, шестым и девятым часами. Под первым часом разумелись наши седьмой, восьмой и девятый утра, под третьим — десятый, одиннадцатый и двенадцатый часы, под шестым — первый, второй и третий пополудни, под девятым — четвертый, пятый и шестой пополудни.

вления своей плоти. Когда же Алексий достиг совершеннолетия, Евфимиан сказал жене своей:

— Женим нашего сына.

Слова эти очень обрадовали Аглаиду, и она, припав к ногам мужа, сказала:

— Пусть Бог благословит намерение твое, чтобы мне видеть супружество сына моего и детей его; эта великая радость побудит меня быть еще более щедрой к убогим и неимущим.

После этого они обручили Алексия с девицею из царского рода, а затем над ними было совершено таинство бракосочетания в церкви святого Вонифатия, и весь день тот до ночи прошел в веселии и ликованиях. По окончании торжества, святой Алексий вошел, с благословения отца своего, в комнату невесты и нашел ее сидящею на кресле. Взяв свой золотой перстень, он завернул его вместе с драгоценным поясом в порфирную[1] ткань и отдал невесте со словами:

— Сохрани это, и пусть Господь находится над нами, содействуя Своею благодатью возникновению в нас новой, истинно христианской жизни.

Сказав это, он удалился в свою комнату; здесь святой Алексий заменил богатые одежды бедными и вышел тайно из дома и города, захватив с собою из своего собственного имущества немного золота и драгоценных камней. Придя к морю, он нашел корабль, отправлявшийся в Лаодикию[2], на который и сел, отдав предварительно положенную плату. Во время пути святой Алексий так молился Богу:

---

[1] Отличием порфирных материй от других был их красный цвет; краска для них добывалась из особого рода морских водорослей.

[2] *Лаодикия*, древний город малоазийской области Фригии на соединении рек Лика и Галиса, был основан Антиохом II (261–246 гг.) в честь своей супруги Лаодики. Во времена Христа был чуть ли не первым городом Малой Азии, так как лежал на торговом пути, соединявшем Восток и Запад. Начало христианства здесь, вероятно, положено не самим апостолом Павлом (Кол. 2, 1), а учителем Колосской церкви Епафрасом (Кол. 1, 7). Церкви Лаодикийской апостол Павел написал особое послание; она упоминается и в Апокалипсисе в числе замечательнейших Малоазийских церквей (3, 14–22). В 360 году в Лаодикии был Поместный собор, правила которого (60) касательно порядка богослужения, поведения клира и мирян вошли в церковный канон. В 1255 году город был взят турками, а в 1402 году разрушен Тамерланом. Теперь лишь одни развалины на невысоком холме близ опустошенного селения Эски-Гиссара говорят о когда-то бывшем здесь древнем городе.

— Боже, — говорил он, — спасающий меня со дня моего рождение, спаси меня и теперь от суетной мирской жизни и удостой меня на страшном суде Твоем стояние на десной стороне со всеми благоугодившими Тебе.

По прибытии корабля на место, святой Алексий вышел на берег, где встретил путников, направлявшихся в Месопотамию[1]; он присоединился к ним и пошел вместе с ними в Эдессу[2], в которой хранился нерукотворенный образ[3] Господа Иисуса Христа, посланный

---

[1] *Месопотамия*, то есть Междуречье, древняя Сеннаар (Быт. 10, 10), место рождения и жительства Авраама до выхода в землю Харран (Быт. 11, 28; Деян. 7, 2). Так называется пространство, лежащее между реками Тигром и Евфратом, ограниченное на юге Персидским заливом, на севере — горами Армении. В более тесном смысле Месопотамией называется северная часть этой области, т. н. Эль-Джезир, тогда как южная часть области известна под именем Вавилонии, нынешняя Ирак-Араби, то есть древняя Вавилония. В эпоху римлян страна разделялась на две части: Озроена на западе, перешедшая к Риму в 217 году по Рождестве Христовом с главным городом Эдессой, и Мигдония на востоке с главным городом Низибидой, завоеванной в 115 году Римским императором Траяном. Начало христианства в Месопотамии положено спутником апостола Ермы Иудой, или Фаддеем, — по преданию, одним из семидесяти учеников Господа Иисуса Христа; Иуда основал в Эдессе церковь. В окрестностях Низибиды родился святой Ефрем Сирин (III—IV века); епископ Низибийский Фома Варсума был ревностным поборником несторианской ереси, учившей, что превечно рожденное от Отца слово Божие только обитало в человеке Иисусе, пребывая с Ним в особом, *нравственном* соединении. В XI столетии, при нападении сельджуков и турок, Месопотамия склонилась к упадку и теперь принадлежит Турции; жители — турки, курды, арабы, армяне, сирийцы. Месопотамия имела весьма важное историческое значение при ассирийском и вавилонском владычестве.

[2] *Эдесса*, нынешняя *Урфа,* город на севере Месопотамии на реке Евфрат, с 137 года до Рождества Христова главный город вновь образованного Озроенского, или Эдесского, государства; в 217 году по Рождестве Христовом превращена римлянами в восточную колонию. В Эдессе рано распространилось христианство; в IV веке святым Ефремом Сириным здесь была основана богословская школа, в V веке склонившаяся к несторианству, в пользу которого особенно много действовал учитель эдесской школы пресвитер Ива. В 641 году Эдесса была покорена арабскими калифами; в 1098 году ею овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества Эдесского; в 1144 году она покорена была турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 году окончательно не подпала под власть Турции.

[3] *Нерукотворенный образ Иисуса Христа*, или убрус, с отпечатавшимся на нем Ликом Спасителя, который Он послал князю Эдесскому Авгарю для исцеления

Им во время земной жизни Своей князю эдесскому Авгарю. При виде образа Христова, святой Алексий весьма обрадовался и, продав все взятые из дома драгоценности, полученные от продажи деньги раздал нищим, а сам оделся в рубище и стал жить подаянием. Местом пребывания святого была паперть церкви Пресвятой Богородицы, а жизнь его была строго подвижническая: он постоянно постился, лишь немного съедая хлеба. И даже воду пил в чрезвычайно умеренном количестве; каждый воскресный день святой Алексий приобщался пречистых Христовых Таин и всю свою милостыню всегда раздавал престарелым нищим. Ходил он с постоянно опущенной вниз головою, возносясь умом к Богу, непрестанно размышляя о Нем. От такой суровой жизни иссохло все тело святого, увяла красота лица, глаза впали и зрение ослабело.

На рассвете, когда святой Алексий уже ушел из дома, пришли родители в комнату невесты и к удивлению нашли ее одну, сидящую в скорби с печальным лицом. Они начали всюду искать своего сына и, не найдя нигде, горько плакали, — так радость их обратилась в горе. Мать святого, войдя в комнату свою, затворила окна, постлала вретище и, посыпав его пеплом, с рыданиями бросилась на него, причем молилась и говорила:

— Я не встану и не выйду из затвора своего до тех пор, пока не узнаю, что случилось с моим единственным сыном, — почему и куда он ушел.

Невеста, стоя около нее, тоже говорила со слезами:

— И я не уйду от тебя, но, как пустыннолюбивая и верная голубица, с печальным пением ищущая по горам и долинам потерянного мужа, буду терпеливо ждать известия о муже своем, — где он и какой образ жизни избрал себе.

Отец также был весьма опечален; он повсюду разослал слуг своих на поиски сына. Некоторые из них пришли и в Эдессу; увидев святого Алексия, они не признали его, но приняли за нищего и подали ему милостыню. Святой же Алексий узнал их и поблагодарил Бога, давшего возможность принять милостыню от слуг своих. Послед-

---

от проказы. Нерукотворенный образ хранился в Эдессе до 994 года, когда был куплен императором Константином Порфирородным и перенесен 16 августа в Константинополь; отсюда он был похищен венецианцами и утонул в Мраморном море. Празднество — 16 августа.

ние, возвратясь, сказали господину своему, что не нашли сына его, хотя и искали везде.

Святой Алексий прожил в Эдессе при церкви Пресвятой Богородицы семнадцать лет и своим житием снискал себе любовь Божию. В это время было о нем откровение пономарю церкви Пресвятой Богородицы: он увидел святую икону Ее[1], говорящую к нему:

— Введи в Мою церковь человека Божия, достойного Царства небесного; молитва его восходит к Богу, как кадило благовонное, и Дух Святой почивает на нем подобно венцу на главе царской.

После видения пономарь искал человека такой праведной жизни и, не находя, обратился с молитвою к Пресвятой Богородице, прося Ее помощи для исполнения данного ему повеления. И опять в видении он услышал голос от иконы Пресвятой Богородицы, что человек Божий есть тот нищий, который сидит у ворот церковной паперти. Пономарь, найдя святого Алексия, ввел его для пребывания в церковь, и многие, узнав о праведной жизни человека Божия, стали почитать его. Он же, избегая славы человеческой, тайно ушел из города. Придя на морскую пристань, он сел на корабль, плывущий в Киликию[2], думая про себя: «Пойду в Киликию, где меня никто не знает, и буду жить при храме святого апостола Павла». Во время плавания внезапно, по соизволению Божию, началась на море буря, и корабль, много дней носимый волнами, неожиданно прибыл в Рим. Сойдя с корабля, святой Алексий сказал себе:

— Жив Господь Бог Мой! Не буду никому в тягость, но пойду, как чужой, в дом отца моего.

На пути к нему он встретил отца своего, возвращавшегося домой из дворца в сопровождении многих слуг. Поклонившись ему до земли, святой Алексий сказал:

---

[1] Эта икона впоследствии была перенесена в Рим.

[2] *Киликия*, малоазийская область, лежащая на юго-востоке, сначала подпала под власть Македонии, затем принадлежала Парфянскому и Армянскому царству; в 68 году до Рождества Христова лучшая, восточная часть ее сделалась римской провинцией; окончательно она покорена при Веспасиане (69–79 гг.). Апостол Павел был родом из киликийского главного города Тарса (Деян. 9, 11), сюда удалился по своем обращении (Деян. 9, 30) и, конечно, проповедовал здесь Евангелие; во второе путешествие апостол проходил Киликией, утверждая верующих (Деян. 15, 41). Теперь Киликия принадлежит Турции.

— Раб Божий, помилуй меня нищего и бедного: дозволь мне поселиться в каком-либо углу двора твоего и питаться крупицами, падающими с твоего стола; Господь же благословит дни твои и дарует тебе Царство небесное, а если ты имеешь кого-либо из родных твоих, находящегося где-либо в странствовании, то Он возвратит тебе его здоровым.

При словах нищего о странствовании, Евфимиан тотчас вспомнил возлюбленного сына своего Алексия, прослезился и милостиво исполнил его просьбу, дозволив жить во дворе своего дома. Он сказал рабам своим:

— Кто из вас хочет послужить этому нищему? Если он угодит ему, то, клянусь, получит полную свободу и награду от меня. Устройте ему небольшое помещение при дверях дома, чтобы я мог чаще видеть его; пища пусть подается ему с моего стола, и никто из вас не должен оскорблять его.

После этого начал святой Алексий жить при дверях дома отца своего. Евфимиан каждый день посылал ему со своего стола пищу, но он раздавал ее нищим, а сам ел лишь хлеб и пил только воду, да и то в таком количестве, чтобы не умереть от голода или жажды; все ночи он проводил, бодрствуя на молитве, и всякий воскресный день приобщался в храме святых Христовых Таин. И удивительно было терпение человека Божия! Много неприятностей и огорчений, особенно поздним вечером, приходилось ему испытывать от рабов отца своего, из которых иные таскали его за волосы, другие заушали, третьи выливали на голову помои, и вообще издевались над ним самым жестоким образом. Он же переносил все молча, зная, что они так обращаются с ним по наущению диавола, и молитвою вооружался против его козней, побеждая их терпением. Было и другое обстоятельство, побуждавшее его к великому терпению: против его помещения находилось окно комнаты его невесты. Она, подобно Руфи[1], не захотела идти в дом своего отца, но сидела, горюя со своей свекровью, и часто слышал святой рыдание и жалобы матери и невесты своей: одной — об утрате сына, а другой — мужа. Их слезы переполняли его сердце жалостью, но любовью к Богу он побеждал

[1] *Руфь*, родом моавитянка, удостоившаяся войти в родословную Давида как праматерь его (Руф. 4, 17) и поэтому в родословную Самого Иисуса Христа (Мф. 1, 5); история ее содержится в священной книге, носящей ее имя.

плотскую любовь к невесте и родителям; это терпение почти невыносимых скорбей ради Бога даже утешало его. Так прожил святой Алексий в доме родителей своих семнадцать лет, и никто не узнал его, но все почитали его за нищего, не имеющего приюта; над тем, кто был господином дома, сыном и наследником, рабы издевались, как над пришельцем и чужим. Когда же Господь восхотел призвать его из этой временной жизни, в которой он испытал столько нищеты и лишений, в жизнь вечную, то открыл ему день и час кончины его. Святой Алексий тогда спросил у служащего ему раба чернил, хартию и трость, описал все житие свое и для убеждения родителей в том, что он действительно их сын, упомянул о некоторых обстоятельствах своей жизни, известных только им одним, написал и о том, что говорил невесте своей в ночь ухода из дома, — как отдал ей перстень и пояс. Письмо свое он окончил следующими словами:

«Молю вас, любезные мои родители и честная невеста моя, не обижайтесь на меня, что я, покинув вас, причинил вам столь великую скорбь; я и сам скорбел сердцем о печали вашей; многократно молил я Господа, чтобы Он даровал вам терпение и сподобил вас Царства небесного. Надеюсь, Он по благоутробию Своему исполнит молитву мою, ибо я из любви к Нему избрал столь многотрудное житие, не изменяя его ради ваших слез, так как для каждого христианина лучше более повиноваться Творцу и Создателю своему, чем родителям своим. Верую, что насколько великую скорбь причинял вам, настолько бóльшую радость получите вы в Царствии небесном».

Написав это, он молился до самой кончины своей.

Однажды, когда папа[1] совершал в соборной церкви святых апостолов Божественную литургию, при окончании ее во всеуслышание из алтаря раздался чудесный голос:

— *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28).

Присутствовавшие в храме в великом ужасе пали на землю, взывая:

[1] Это был *папа Иннокентий I* (402–417 гг.). Он боролся с расколом донатистов, убедив императора Гонория издать против них строгий закон, подтвердил соборное определение (416) против еретиков пелагиан, отрицавших необходимость благодати для спасения; он первый стал основывать учение о первенстве папы, ссылаясь на то, что он является преемником апостола Петра.

— Господи, помилуй!

Затем вторично послышался голос:

— Поищите человека Божия, уже отходящего в другую жизнь; пусть он помолится о городе: молитва его для вас будет весьма благодетельна.

По всему Риму искали такого человека и не знали, что делать, так как не находили его. Поэтому, снова собравшись вместе с папою и царем с вечера четверга на пятницу в соборную церковь, совершили в ней Всенощное бдение, моля Христа указать им угодника Своего. Утром же в пяток святой Алексий отошел ко Господу. Между тем в церкви, подобно тому как и в первый раз, опять раздался во время богослужения голос из алтаря:

— Ищите человека Божия в доме Евфимиана.

После этого царь[1], обратившись к последнему, сказал:

---

[1] Здесь разумеется *Гонорий*, западно-римский император, — брат императора Аркадия. В начале его царствования во главе управления стоял умный политик и знаменитый полководец Стилихон, не раз отражавший нападения на империю вест-готов, вандалов, свевов, бургундов. После его падения и казни дела империи пошли к худшему. В 408 году предводитель вест-готов Аларих осадил Рим и заставил заплатить тяжелую дань, а в 410 году он овладел городом и отдал его на разграбление войскам. По смерти Алариха, шурин его Атаульф заключил с Гонорием мир, после которого вест-готы удалились за Альпы. При Гонории был в 411 году собор против раскольников донатистов, отделившихся от Церкви из-за того, что она во время гонений принимала покаявшихся отступников, потому что, по их мнению, Церковь перестает быть святою, если среди ее членов находятся грешники. По приказанию Гонория, были разрушены все оставшиеся языческие храмы, а сами язычники были удалены от государственных должностей.

Аркадий, восточно-римский император, сын Феодосия Великого, по смерти отца (395 г.) получил так называемую Восточную империю, тогда как брат его Гонорий получил Западную; родился в 377 году, умер в 408 году. Во все время его царствования государством управляли люди, умевшие подчинить своему влиянию слабохарактерного императора. Так, в начале его царствования государством управлял Руфин, увеличивший и без того огромную тяжесть налогов, умноживший число денежных штрафов и тем наведший ужас на империю. По смерти Руфина место его занял евнух Евтропий, убедивший императора с целью собственного обогащения издать строгий закон (397 г.), каравший смертною казнью и отнятием имущества за всякий злой умысел не только против императора, но и высших лиц. Наконец императрица Евдоксия добилась казни Евтропия (399 г.), и Аркадий подчинился всецело своей супруге, известной своим враждебным отношением к святому Иоанну Златоусту, бывшему тогда Константинопольским патриархом. По ее настоянию император утвердил решение «собора

— Почему ты, имея в доме своем такое сокровище, не сообщил нам об этом?

Евфимиан отвечал:

— Господь свидетель, что я ничего не знаю.

И, подозвав главного слугу, спросил его:

— Не знаешь ли из сотоварищей своих человека добродетельного и угождающего Богу?

— Не знаю, — сказал тот, — нет ни одного добродетельного; все живут небогоугодно.

Царь и папа решили сами идти в дом Евфимиана искать человека Божия. Евфимиан, пойдя вперед, приготовился к принятию папы и царя с вельможами и устроил им торжественную встречу. Сетующая супруга Евфимиана, услышав из комнаты своей смятение и говор на дворе и в доме, спросила:

— Что это значит?

И очень удивилась, когда узнала о пришествии царя с папой и о причине их посещения. Невеста также недоумевала, видя из комнаты своей царя и папу, идущих со множеством народа, и старалась объяснить себе это зрелище.

Когда папа, царь и вельможи сели и наступила тишина, то раб, служивший святому Алексию, сказал Евфимиану:

— Господин мой, нищий, которого ты поручил мне, не есть ли человек Божий? Я свидетель великих и дивных дел его: он постоянно постится, лишь по истечении дня принимая немного хлеба и воды; все ночи проводит на молитве и каждый день воскресный приобщается святых Христовых Таин; он кротко и с радостью переносит побои и оскорбления, наносимые ему некоторыми рабами.

Услышав это, Евфимиан тотчас поспешил к жилищу нищего и, позвав его трижды чрез окошко, не получил ответа. Тогда он вошел в жилище, где нашел человека Божия, лежащего мертвым с покрытой головой и согнутой хартией в правой руке. Евфимиан открыл

под дубом» (403 г.) о низложении Иоанна Златоуста и отправил его в ссылку, но потом возвратил, испугавшись народного возмущения. В 404 году приказал опять отправить в заточение, сделав это, как и в первый раз, под влиянием Евдоксии, оскорбившейся на Иоанна Златоуста за его проповеди, обличавшие роскошную и безнравственную жизнь двора. При Аркадии миссионеры, снабженные его грамотами, проповедовали христианство по провинциям тем язычникам, которые еще не обратились ко Христу.

лицо его и увидел, что оно сияет как лицо Ангела; когда же он хотел взять хартию и прочесть, то не мог этого сделать, потому что рука не выпускала ее. Быстро возвратившись к царю и папе, он сказал:

— Нашли уже мертвого того, кого искали; он держит в руке хартию и не отдает нам.

Царь и патриарх, приказав приготовить драгоценный одр, покрыть его богатыми тканями, вынесли честное тело человека Божия и благоговейно положили его на том одре. Преклонив потом колена, они, лобызая священные останки, говорили к нему, как к живому:

— Умоляем тебя, раб Христов, дай нам эту хартию, чтобы по начертанному в ней мы могли узнать, кто ты.

После этого папа и царь беспрепятственно взяли хартию из руки святого и передали хартуларию великой церкви[1], Аетию, для прочтения; при великом молчании окружающих он начал читать ее. Когда же он дошел до места, где было написано о родителях и невесте, — о перстне и поясе, переданных ей, тогда узнал Евфимиан в почившем сына своего Алексия. Он упал ему на грудь и, обнимая и целуя его, говорил с плачем:

— О горе мне, возлюбленный сын мой! Что ты сделал с нами? Зачем такую скорбь причинил нам? Увы мне, сын мой! Столько лет пребывая с нами и слыша плач родителей твоих, ты не открыл себя, не утешил нас, несмотря на старость нашу, в великой печали, вызванной тобой. О горе мне! Сын мой, любовь моя, утешение души моей, я не знаю, что мне теперь делать — оплакивать ли смерть твою или радоваться обретению твоему.

Так безутешно рыдал Евфимиан, терзая седины свои.

Аглаида, слыша рыдания мужа и узнав, что умерший нищий есть ее сын, открыла двери своего затвора; в разодранной одежде, устремив полные слез глаза к небу и вырывая распущенные волосы, она шла среди толпы теснившегося народа, говоря:

— Дайте мне дорогу, чтобы я могла видеть надежду мою — обнять возлюбленного моего сына.

Подойдя к одру, она склонилась над телом сына своего, обнимала его и целовала со словами:

---

[1] *Хартулариями* назывались управляющие канцелярией, находящейся при патриархе.

— Увы мне, господин мой! Чадо мое сладкое, что ты сделал? Зачем доставил нам столь великую скорбь? Увы мне, свет очей моих! Как ты не открылся, столько лет живя с нами? Как не сжалился над нами, постоянно слыша наши горькие о тебе рыдания?

Невеста, тридцать четыре года прожившая без жениха и носившая в знак печали черные одежды, также пала на честное тело, омочив его ручьями слез и с любовью лобызая; она горько и неутешно рыдала, говоря:

— Увы мне, горе мне!

Ее рыдания и скорбные жалобы возбудили в присутствовавших слезы, и плакали все вместе с невестою и матерью.

Царь и папа повелели нести одр с честным телом человека Божия и поставить его среди города, чтобы все могли видеть его и прикоснуться к нему, и когда это было исполнено, сказали народу:

— Вот, мы нашли того, кого искала вера ваша.

И собрался весь Рим; все прикасались к святому, лобызая его. Все недужные исцелялись: слепые получали зрение, прокаженные очищались, бесы покидали одержимых ими, словом, — какая бы ни была у кого болезнь, каждый получал совершенное исцеление от мощей угодника Божия. Видя такие чудеса, царь и патриарх пожелали сами нести одр в церковь, чтобы приять благодать от прикосновения к телу святого. Родители и невеста с плачем сопровождали их; народа же, стремившегося прикоснуться к честному телу, собралось такое множество, что от тесноты невозможно было нести одр. Чтобы заставить народ отступить и дать дорогу к церкви, царь велел бросать в толпу серебро и золото, но никто не обращал на это внимания; все усиленно желали лишь видеть человека Божия и прикоснуться к нему. Тогда папа обратился с увещанием к народу, прося его отступить и обещая не предавать погребению честное тело до тех пор, пока все не облобызают его и не приимут благодати чрез прикосновения к нему. С трудом убежденный народ немного отступил и дал возможность принести святое тело в соборную церковь, где оно стояло целую неделю, так что каждый желающий мог ему поклониться; всю ту неделю при одре святого Алексия находились плачущие родители и невеста. Царь же приказал сделать гробницу из мрамора, украсить ее золотом и изумрудами, в которую и положили человека Божия; тотчас же от святого тела истекло благовонное миро,

наполнившее раку; все помазывались тем миром во исцеление всяких болезней, и погребли с честью честные останки[1] святого Алексия, славя Бога.

Святой Алексий преставился 17 марта, в год от сотворения мира 5919-й, от воплощения же Бога Слова — 411-й, когда в Риме царствовал при папе Иннокентии Гонорий, а в Константинополе — Феодосий Младший, и над всеми ними царствовал всегда владычествующий со Отцом и Святым Духом Господь наш Иисус Христос, Ему же слава вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА МАРИНА

Святой мученик Христов Марин, будучи христианином и видя, как язычники приносят в жертву своим кумирам не только бессловесных животных и птиц, но даже людей, воспламенился Божественною ревностью и в то время, когда совершался праздник в честь бездушных идолов, отправился на место, где приносили жертвы, и разрушил жертвенники, а бывшие на них жертвы потоптал ногами. При этом он обличил нечестивых жрецов и исповедал себя христианином, сказав:

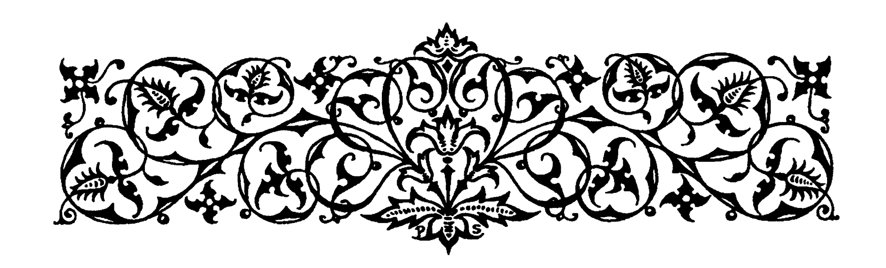
— Я верую во Христа, единородного Сына Божия, сотворившего небо и землю, море и все, что в них.

За это язычники, схватив его, избили сперва палками, а потом стали бить камнями по устам, причем выбили ему зубы, и волочили за волосы по земле. После всего этого святой мученик был связан и приведен к правителю области, по повелению которого после многоразличных мучений ему отсекли мечом голову.

---

[1] Тело его было погребено в церкви мученика Бонифатия на горе Авентинской; оно было обретено в 1216 году, и над ним построена великолепная церковь.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАКАРИЯ КОЛЯЗИНСКОГО[1]

Преподобный Макарий Колязинский[2] происходил от благородного рода тверских бояр Кожиных. Он родился в селе Грибкове, верстах в восьми от города Кашина[3]; теперь это селение называется Кожино. Родители его, отец Василий Кожа, прославившийся

---

[1] Житие преподобного Макария Колязинского, составленное в 1546–1547 годах по монастырским воспоминаниям и рассказам отчасти даже очевидцев жизни преподобного Макария, равно как и по некоторым записям, встречается во многих рукописях начиная с XVI столетия, но сполна в подлиннике не напечатано. Здесь в основу изложения положен текст сборника Синод. Библ. № 555. В рукописи Синод. библ. № 927, содержащей так называемый Волоколамский патерик, находится рассказ о Макарии Колязинском Досифея Топоркова со слов преподобного Иосифа Волоцкого; этот рассказ здесь принят во внимание, равно как и отзыв о Макарии в его монастыре в повести Иосифа Волоцкого о русских подвижниках. — Много данных о преподобном Макарии и его монастыре содержится в подлинных документах, хранящихся в монастыре. См. книжки: «Описи к древним грамотам и др. документам, хранящимся в архиве первоклассного Троицкого Колязина мовастыря. Тверь 1891»; «Кормовая книга Колязина монастыря» *И. А. Иванова.* Тверь. 1892 г.; «Описание Троицкого Колязина мужского первоклассного монастыря Тверской Епархии», составленное *Алексеем Лебедевым.* Ярославль, 1867 г.; прочие материалы и статьи о Колязином монастыре см. в книге *В. В. Зверинского*: «Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи, с библиографическим указателем II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов». СПб., 1892 г., стр. 370–372.

[2] Наименование Макария *Колязинским* произошло от наименования самого монастыря, о чем сказано ниже.

[3] *Кашин* — уездный город Тверской губернии на левом берегу Волги в двенадцати верстах от нее, на реке Кашинке, и в девятнадцати верстах от уездного же города Тверской губернии Колязина.

военными подвигами при великом князе Василии Васильевиче Темном[1], и мать Ирина, отличались благочестием и воспитывали детей своих в добрых нравах. До пострижения в монашество Макарий носил имя Матфея. На седьмом году родители отдали его в обучение грамоте; юному Матфею она далась скоро, и он скоро пристрастился к чтению. Читая Божественные книги, он вникал в их содержание и принимал к сердцу прочитанное. Родители видели это и радовались. Матфей удалялся от детских забав и, когда стал приходить в более совершенный возраст, начал думать о суете мирской жизни и помышлять об удалении от нее. Он постоянно помнил слова Спасителя: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21), он хотел последовать этим словам. Родители его, однако, не желали, чтобы он принял монашество, хотя и видели, что желание его искренне. Они говорили ему, что и в миру можно спастись, напоминали слово святого Иоанна Златоуста «На возбраняющих брак», приводили библейские примеры и новозаветных святых, спасшихся в миру и живших брачною жизнью. Матфей, как ни горячо желал удаления от мира, все-таки понимал силу родительских доводов и, как покорный сын, не хотел огорчать их; он сказал: «Да будет воля Господня, я не противлюсь вашему желанию».

Родители были рады такому решению сына; они сочетали его браком с девицей Еленой из семьи дворян Яхонтовых. Вступив в брак, Матфей, однако, не переставал думать о том, чтобы со временем удалиться от мира. Проводя в супружестве благочестивую и чистую жизнь, он заключил с женою условие, что тот из них, кто переживет другого, не останется в миру, не вступит во второй брак, а примет монашество.

---

[1] *Василий Васильевич Темный* княжил с 1425-го по 1462 год.

Через год после женитьбы Матфея умерли его родители, а потом еще через два года, по воле Божией, скончалась и его супруга Елена.

Теперь Матфей ничего другого не желал, как исполнить давнее свое намерение — покинуть мир и принять иноческое пострижение; ничто не мешало ему теперь осуществить свое желание. Немедленно он, по заповеди Христовой, раздал свое имущество нищим и ушел в ближний монастырь Клобуковский[1], подле города Кашина, и постригся в иночество с именем Макария.

С горячею ревностью стал он проходить монастырские послушания, повинуясь не только игумену, но даже самым младшим из братии со всяким смирением и кротостью. Неуклонно посещая храм Божий и неустанно трудясь в разных монастырских работах, он остальное время посвящал молитве и бдению, усердно читая «Жития святых» и другие Божественные книги, стараясь подражать примерам прежних подвижников и сохраняя в сердце назидательные слова, почерпнутые из прочитанных книг. Подвиги молодого инока возбуждали удивление всей монастырской братии.

Немало лет пожив в Николаевском Клобуковском монастыре, Макарий стал помышлять об уединенной жизни. Укрепившись в этой мысли, он открыл ее игумену и стал просить его благословения. Игумен, видя искренность желания Макария, дал ему отеческое наставление и благословил на новый путь подвижнической жизни.

Макарий нашел для себя место, соответствовавшее его желаниям, невдалеке от Кашина, в восемнадцати верстах, близ реки Волги, между двух небольших озер, в густом лесу. Здесь он поставил себе келию и стал подвизаться в посте, молитве и бдении. Никто не мешал его уединенному подвигу. Дикие звери не нападали на него, а ласкались, и он делил с ними свою скудную пищу.

Но недолго Макарий подвизался в полном уединении. К нему скоро стали собираться другие подвижники и, прежде всего, пришли семь старцев из Клобуковского монастыря. Собралось немало иноков и из иных мест. Около келии Макария возникли новые келии и составилось пустынное братство.

---

[1] Клобуковский Николаевский монастырь подле города Кашина с 1764 года — заштатный. В нем до настоящего времени сохраняется келия преподобного Макария.

Это новое братство нуждалось в храме Божием для общей молитвы и принятия святых Таин. Преподобный Макарий со своими сподвижниками построил небольшую деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы с благословения тверского архипастыря.

Братия пустынная постоянно умножалась, и явилась неизбежная потребность иметь своего священника и вместе игумена. Сам Макарий по своему смирению не хотел принять этого звания, а предлагал его другим, хотя руководил всею подвижническою жизнью новой обители сам. Он ввел строгий порядок монастырского общежития со строгим уставом. Он установил правило не держать в обители хмельного питья, не есть и не пить по келиям, а только в общей трапезе.

Сам он показывал пример строгой жизни, трудолюбия и смирения. Со всеми он обращался просто и ласково. При встрече с каждым из своей братии, невзирая на возраст, он говорил «старчушко добрый» и называл по имени.

Устав монастырской жизни, введенный преподобным Макарием, был такой строгий, что не все могли соблюдать его так, как желал основатель обители. Один за другим смещены были два игумена за нарушение этого устава.

Братия умолили наконец Макария, чтобы он сам принял сан священства и власть игумена. После долгих отказов Макарий наконец согласился и в сопровождении нескольких иноков отправился в Тверь, где и поставлен был в игумена епископом Моисеем[1]. Невыразимо обрадована была братия, когда узнала, что преподобный Макарий возвращается в монастырь в сане игумена, и устроила ему торжественную радостную встречу.

Несмотря на принятие игуменского сана, Макарий по-прежнему вел самый простой образ жизни, ходил в худых одеждах и показывал пример во всех монастырских трудах.

Основание Макарием новой обители, хотя и в пустынном месте, в диком лесу, не всем, однако, было приятно. Владелец окрестных земель, некто Иван Коляга, с самого поселения Макария посмотрел на него неблагосклонно; а когда устроена была церковь, увеличилось братство и Макарий стал игуменом, то нелюбовь эта превратилась в злобу и открытую вражду. Коляга боялся, что с возникнове-

[1] Епископ Моисей управлял Тверской епархией с 1453-го по 1459 год.

нием обители так или иначе отойдут к ней его земли, и решился устранить Макария, хотя бы пришлось для этого прибегнуть и к убийству. Но по воле Божией, такой злой умысел не только не осуществился, но лишь послужил к пользе обители и славе преподобного Макария. Сначала постигла смерть семью Коляги, а потом и сам он впал в тяжкую болезнь. В таком несчастии он усмотрел, наконец, Божие наказание за этот тяжкий грех, за злой умысел против Макария, раскаялся и приказал нести себя к преподобному. У ног Макария он со слезами рассказал о своем замысле и просил прощения и молитв. Макарий, видя искреннее раскаяние своего врага, сказал: «Бог простит тебя» — и долго поучал его, говоря о тленности земных сокровищ и о мирской суете. Кроткое поучение Макария так подействовало на Колягу, что он решился сам оставить мир, постригся у преподобного Макария и все земли свои отдал в пользу обители, которую с тех пор сам Макарий, ради смирения, стал именовать Колязино.

Слухи о строгой иноческой жизни Макария в новой обители, получившей от него строгий устав общежительных монастырей, стали распространяться не только в окрестностях, но и в местах отдаленных. К Макарию стали стекаться разные люди, жаждавшие спасения, миряне и иноки, из мест ближних и дальних.

Раз пришли к нему два юноши боярского рода, которых он давно знал. Приняв их в своей келии, как обыкновенных путников, он стал расспрашивать, куда и зачем они идут. Путники ответили, что они возымели желание оставить мир и поселиться в какой-либо пустыне.

— Зная тебя с детства, — говорили они, — и помня твою прежнюю любовь и поучение от Божественного Писания и слыша теперь о твоем строгом иноческом житии, пришли просить тебя принять нас к себе на послушание.

Преподобный, желая испытать их, сказал:

— Человек я грешный, а потому и поселился в пустыне, чтобы молить Бога о прощении моих грехов, вы же возвратитесь к своим родителям, чтобы не огорчать их.

Но юноши пришли с решительным намерением остаться в монастыре под руководством славного, хотя и смиренного подвижника; они со слезами стали умолять его принять их в общину.

Видя в юношах искреннее и нелицемерное желание посвятить себя иночеству, Макарий принял их в свой монастырь и после достаточного искуса удостоил их пострижения в иночество.

Мудро правя все умножавшимся братством, Макарий проводил время в посте, молитве, трудах и бдении. Он усердно читал святое Евангелие и другие Божественные Писания и непрестанно поучал спасительному пути как братию, так и всех приходящих.

Очевидцем и свидетелем подвижнической жизни Макария и строгости его монастырского общежительного устава был знаменитый подвижник монашества того времени святой преподобный Иосиф Волоколамский[1]. Вознамерившись основать новый монастырь по правилам строгого общежития, из Пафнутиева Боровского монастыря[2] он отправился путешествовать по северным русским обителям, чтобы видеть иноческую жизнь и изучать монастырские порядки и уставы. В этом странствии зашел он и в Макариев Колязин монастырь, видел преподобного Макария, беседовал с ним и оставил следующее повествование в своем «Сказании о святых отцах».

— Видел я, — говорит преподобный Иосиф, — и блаженного старца Макария, игумена, создателя монастыря Колязинского. Он поведал мне следующее: — Когда я пришел на это место, — сказал он, — со мной пришли семь старцев из монастыря Клобуковского; они были так совершенны в добродетелях и в постническом и иноческом житии, что вся братия приходила к ним принимать поучение и пользу; и они, просвещая всех, учили полезному; тех, которые проводили жизнь в добродетелях, они укрепляли, а которые уклонялись в бесчинство, тем воспрещали и возбраняли и не допускали поступать по своим волям.

---

[1] Преподобный *Иосиф Волоколамский*, родившийся в 1440 году, постриженик преподобного Пафнутия Боровского, восемнадцать лет бывший его учеником, в 1479 году основал свой монастырь Успенский в восемнадцати верстах от города Волоколамска и дал этому монастырю строгий общежительный устав. Известен преподобный Иосиф как писатель, горячо обличавший ересь жидовствующих и защищавший права общежительных монастырей на владение населенными землями. Скончался 9 сентября 1516 года. Память его празднуется 9 сентября; под этим числом см. и его житие.

[2] Преподобный Пафнутий в 1444 году основал Рождественский, названный Пафнутиевым, монастырь в трех верстах от города Боровска, теперь Калужской губернии. Скончался в глубокой старости в 1479 году, 1 мая; под этим числом см. его житие.

Такое, по словам Макария (продолжает преподобный Иосиф), было тогда в монастыре благоговение и благочиние; все делалось согласно отеческим и общежительным преданиям, так что дивился великий старец Митрофан Бывальцев. Он пришел тогда со святой Горы Афонской, прожив на святой Горе девять лет. Он говорил братии:

— Напрасно я трудился и без успеха совершил такой дальний путь в святую Гору — мимо Колязинского монастыря: ибо можно спастись и в нем живущим; здесь все делается подобно киновиям, находящимся в святой Горе.

Из Колязинского монастыря, отличавшегося такою благочестивою жизнью, еще при жизни преподобного Макария вышло несколько основателей новых монастырей. Таков преподобный Ефрем Перекомский[1], кашинский уроженец, основатель монастыря в Новгородской области на озере Ильмень; он начал свое подвижничество в Макариевой пустыне. Преподобный Паисий Угличский был родной племянник преподобного Макария, сын его родной сестры Ксении, бывшей в замужестве за Иваном Гавреневым, служилым дворянином Угличского удельного князя Андрея Васильевича Большого[2], брата великого князя Иоанна Васильевича[3]. Он подвизался в Колязинском монастыре своего дяди, преподобного Макария, и оттуда вызван был Угличским князем Андреем Васильевичем и по его желанию основал Покровский монастырь[4], в трех верстах от Углича,

---

[1] *Преподобный Ефрем Перекомский*, уроженец города Кашина, начал подвизаться в Макариевом Калязинском монастыре, а пострижение принял в обители преподобного Саввы Вишерского. Удалившись в пустынное место на западный берег озера Ильменя, он положил начало обители в двадцати пяти верстах от Новгорода. Ныне заштатный Перекомский Николаевский монастырь. Память преподобного Ефрема празднуется 10 мая.

[2] *Князь Андрей Васильевич Большой* был четвертый сын великого князя Московского Василия Васильевича Темного и родной брат Московского великого князя Иоанна Васильевича III. Он получил в удел город Углич по духовному завещанию своего отца, скончавшегося в 1462 году. В 1492 году князь Андрей был посажен в заточение в Переяславле-Залесском и скончался в 1494 году.

[3] *Великий князь Иоанн Васильевич III*, сын Василия Васильевича Темного, правил русским государством с 1462-го по 1505 год.

[4] Основанный преподобным Паисием Покровский монастырь находится в трех верстах от города Углича (Ярославской губернии), на левом берегу Волги, в настоящее время третьеклассный. Паисий основал монастырь по просьбе Углич-

собрал немалую братию и ввел строгое общежитие, подавая братии пример в трудах, посте, молитве и бдении.

Благочестивая жизнь Макария была славна перед людьми и угодна Богу. Молитва его была чудодейственна. По силе этой молитвы Бог даровал многим утешение в скорбях и исцеление от недугов и болезней.

В Кашинском уезде было и теперь существует село Кесово, или Кесова Гора. Жил там некто Захарий; он долго болел, был расслабленный. Много он слышал о силе молитвы Макария перед Богом и стал просить близких, чтобы свезли его к преподобному игумену Колязинскому. Когда его привезли, то он горько плакал перед игуменом и умолял:

— Преподобный отче Макарий! Помоги мне, лежащему в расслаблении.

Преподобный отвечал:

— Принесли тебя, брат, искушать мою немощь: как ты просишь помощи от грешника, едва нечто малое стяжавшего себе для исправления!

Но расслабленный продолжал вопиять:

— Знаю, раб Божий, знаю, что молитва твоя перед Богом обо мне грешном и окаянном не останется тщетною!

Видя искреннюю и глубокую веру больного, Макарий сказал:

— Чадо! Преблагий Бог не хочет смерти грешника, а жизни и обращения ко спасению, и какими ведает судьбами, приведет его ко спасению чрез покаяние. Тебя постигло Божие посещение, и если покаешься и оставишь прежние обычаи, Бог пошлет тебе исцеление; если же нет, то пострадаешь и больше этого.

Больной тогда со слезами исповедал пред Макарием свои грехи от дней юности, и преподобный, помолившись, преподал ему благословение, а с этим вместе возвратил здоровье больному. После он стал священником в своем селе и всю жизнь не забывал наставлений преподобного Макария.

Чрез некоторое время к преподобному привели юношу боярского рода, Василия Рясина, страдавшего беснованием. Преподобный,

---

ского князя Андрея Васильевича, у которого был восприемником детей Иоанна и Димитрия. Преподобный Паисий скончался в глубокой старости в 1506 году, 6 июня, когда и празднуется его память.

видя страдания больного и скорбь приведших его людей, пришел в умиление и стал служить молебен о его здравии. Когда после молитвы преподобный осенил больного крестным знамением, тот исцелился тотчас и обрадованный милостью Божиею не хотел уже возвращаться в родительский дом, а решился остаться в обители и принял иноческое пострижение от Макария.

Однажды воры захватили монастырских волов, которых братия употребляли для полевых работ. Только хищники хотели угнать свою добычу, как внезапно поражены были слепотою и долго блуждали по окрестностям монастыря. В конце концов они оказались опять у обители с похищенным. Преподобный Макарий, обозревая монастырское хозяйство, увидел похитителей и, как бы не зная, в чем дело, спросил, зачем они тут и как оказались у них волы. Преступники сознались в своем злом умысле и, повергшись к ногам его, просили прощения. Преподобный простил им грех, молитвою избавил от слепоты и запретил впредь покушаться на подобные злые дела.

Устроив строгое монастырское общежитие и привлекши святостью своей жизни и неусыпными трудами многочисленную братию, преподобный Макарий еще при жизни своей успел создать обеспечение для материального существования братии. Он отдал в новооснованный монастырь свою родовую вотчину. Кроме упомянутого ранее соседнего землевладельца Ивана Коляги, были и другие постриженники Макария, которые записывали за его монастырем свои земельные владения и клали вклады вещами и деньгами. Слава подвигов Макария привлекала жертвы в монастырь с разных сторон, о чем свидетельствуют дошедшие до этого времени документы. Тверской князь Борис Александрович около 1461 года приписал к Колязину монастырю Николаевский монастырь на Жазне с его землями; княгиня Феодосия Ивановна, дочь князя Ивана Борисовича, пожертвовала село Васильевское с деревнями Селищем и Спировым; князь Александр Романович — село Константиновское с семью деревнями. Было много и других вкладов пустошами и населенными землями.

Но преподобный Макарий заботился не столько о материальных благах обители, сколько о своем душевном спасении и об указании другим спасенного пути примером и учительным словом; он поступал по евангельскому слову: «Ищите прежде Царствия Божия

и правды Его, а прочее все приложится вам». В такой жизни преподобный достиг глубокой старости. Несмотря на то, что телесные силы его слабели, он продолжал предаваться бдению и молитве; ноги его, как твердые столпы, стояли на молитве день и ночь. В 1483 году в марте месяце его постиг тяжкий недуг. Он почувствовал приближение своей кончины и стал безмолвствовать. Потом призвал к себе братию и сказал:

— Возлюбленные отцы и чада! Я, как и все земнородные, отхожу в путь отцов моих, а вас предаю Господу Богу, могущему наставить вас и дать вам наследие вечное. Всячески пекитесь о своем спасении, пребывайте всегда в трудах, посте, бдении и непрестанной молитве; блюдите чистоту душевную и телесную; не воздавайте зла за зло или досаждения за досаждение. Разумейте, братия: если я имею дерзновение к Богу, то по моем отшествии эта обитель не оскудеет, но распространится.

Благословив и облобызав братию, преподобный сподобился приобщиться святых Таин и, сказав: «Слава Богу о всех, аминь», предал дух свой Господу.

Кончина преподобного Макария последовала 17 марта 1483 года, на восемьдесят первом году его жизни.

Оплаканный братиею, преподобный Макарий погребен был близ построенной им деревянной церкви. Над его могилой сооружена была деревянная часовня и украшена святыми иконами.

Подвиги преподобного при жизни создали почитателей основанного им монастыря и после его блаженной кончины. Пожертвования притекали непрестанно. Так, в 1486 году князь Тверской Михаил Борисович пожаловал монастырю село Андреевское на Ворщине. Позже, в 1511 году, князь Дмитровский Юрий Иванович числил за Колязинским монастырем несколько сел и деревень. Было много пожертвований и других менее знатных лиц.

Построенный преподобным Макарием деревянный храм Пресвятой Троицы постепенно стал приходить в ветхость. Почитатели обители и ее основателя не замедлили прийти на помощь в этой нужде.

В 1521 году дмитровский купец Михаил Воронков пожелал построить на месте старой деревянной церкви каменную. Воронков в детстве видал преподобного Макария, от своих родителей много

слышал о его подвижнической благочестивой жизни и всю жизнь питал к обители благоговейное почтение. Колязинский монастырь находился в уделе Дмитровского князя Юрия Ивановича, родного брата великого князя Московского Василия Ивановича. С разрешения этого князя, также усердного почитателя памяти преподобного Макария и его обители, и по благословению Тверского и Кашинского епископа Нила[1], Воронков приступил к исполнению своего намерения, при игумене Колязинского монастыря Иоасафе.

Тщательно была осмотрена местность для построения нового каменного храма, которому не вредила бы вода от озер. Остановились на более возвышенном месте с более твердым грунтом, саженях в десяти от старой деревянной церкви. После водосвятного молебна игумен Иоасаф водрузил крест на месте, предназначенном для алтаря, и благословил копать ров для основания церкви. Стали копать. Место оказалось удобным, вода не выступала. При копании попадались кости прежде погребенных братий. Но вот на том месте, где был погребен преподобный основатель монастыря, нашли целый гроб, не подвергшийся тлению; от него исходило благоухание. Не смея тронуть его, рабочие тотчас известили игумена Иоасафа, который с умилением и слезами лобызал откопанный гроб, ни минуты не сомневаясь, что эта драгоценная находка есть гроб Макария. По его распоряжению ударили в колокол; собрались братия и множество окрестного народа. Сейчас же подле старой церкви устроили палатку и, благоговейно подняв гроб из земли, перенесли его туда и отслужили над ним панихиду. Затем вскрыли гроб: разнеслось из него еще большее благоухание, и тело преподобного, лежавшее в земле тридцать восемь лет, оказалось нетленным, даже ризы не пострадали и светлы были седины старца. Это событие произошло 26 мая 1521 года. Народ с умилением прославлял Господа, дивно прославляющего избранных Своих. Многие недужные и немощные, с верою притекавшие к новообретенным мощам, получили исцеление.

Игумен и братия, обрадованные такой благодатью, поспешили известить об этом Дмитровского князя Юрия Ивановича. Посланный иеромонах устно известил обо всем князя. Обрадованный князь стал ждать письменного извещения от игумена о совершившихся от

---

[1] *Епископ Нил*, грек, управлял Тверскою епархиею с 1509-го по 1521 год.

мощей чудодейственных исцелениях. Игумен Иоасаф позаботился о том, чтобы были записаны важнейшие чудеса от мощей с именами получивших исцеление, и отправил эти записи к князю. Юрий Иванович немедленно отправился в Москву и известил обо всем, совершившемся в Колязине, брата своего, великого князя Василия Ивановича, равно как и митрополита Даниила[1].

Великий князь и митрополит поручили князю Юрию Ивановичу представить в Москву самолично хоть некоторых, получивших исцеление от мощей преподобного. Представлены были многие и засвидетельствовали истину. Тогда великий князь и митрополит послали в Колязинский монастырь архимандрита московского Чудова монастыря Иону для исследования на месте относительно всего, касающего открывающихся мощей. Архимандрит Иона явился в Колязинский монастырь, убедился в нетлении мощей Макария и в их чудодейственной силе и засвидетельствовал об этом в Москве пред великим князем и митрополитом.

Тогда великий князь и митрополит созвали в Москве собор из епископов, архимандритов, игуменов и других духовных лиц. Собору доложены были все обстоятельства явления мощей преподобного Макария, рассмотрена его святая жизнь и чудотворения, как при жизни, так и по смерти, от его мощей. Собор постановил причислить преподобного Макария Колязинского к лику святых и установил местное празднование ему в день кончины 17 марта и открытия мощей 26 мая.

Нетленные мощи преподобного Макария вскоре из временной палатки перенесены были в старую деревянную церковь, а потом переложены в новую дубовую раку и торжественно поставлены открыто на правой стороне новой каменной церкви, построенной купцом Воронковым.

В Колязинском монастыре на обретение мощей стали петь службу, составленную Феодосием Тверитянином. Простота жизни Макария смущала некоторых и при его жизни, и заставляла сомневаться в святости его даже после открытия его мощей. Так, уже спустя десять лет по открытии мощей Макария, вельможный инок старец Вассиан Патрикеев с укоризной говорил о простоте жизни Ма-

---

[1] *Митрополит Даниил*, ученик Иосифа Волоколамского, хиротонисован из игуменов Иосифова монастыря в 1522 году; оставил кафедру в 1539 году.

кария и называл его «мужиком сельским». Но митрополит Даниил на соборе заметил Вассиану, что если захочешь судить святых, так осудишь многих и в числе пророков, и апостолов, и архиереев, и праведных, и преподобных; для Бога в деле святости важно не телесное, наружное благородие, а духовное, внутреннее[1]. На московском церковном соборе 1547 года установлено было «петь и праздновать повсюду» в числе других и преподобному Макарию Колязинскому, причем он помещен в числе «великих чудотворцев»[2].

При открытии мощей преподобного Макария было записано иноками Колязинского монастыря четырнадцать чудес.

Приведем некоторые из них.

В странноприимнице, или богадельне, монастырской жил убогий человек, по имени Иоанн: у него иссохли ноги, как дерево, и скорчились; он целых двенадцать лет только ползал, опираясь руками на маленькую клюку. Увидев однажды, что у гроба преподобного священники служат молебствие, с трудом подполз к ним и просил помолиться о нем Господу и Его угоднику. Священники, окропив его святою водою и открыв раку, хотели приподнять страдальца, чтобы он мог приложиться к святым мощам, но в это самое время ноги его выпрямились, он встал сам и смог приложиться к святым мощам — к изумлению и ужасу всех. С тех пор он стал совсем здоров.

Диакон Колязинского монастыря, по имени Андрей, долго страдавший от сильнейшей боли в костях, принесен был к мощам преподобного, и когда с верою приложился к ним, немедленно получил исцеление.

И другие лица получили исцеление от различных болезней: два монастырских крестьянина от умопомрачения; у одного странника, имевшего на правой руке три пальца пригнутыми и приросшими к ладони, скорченная рука разогнулась, когда он с молитвой прикос-

---

[1] Инок князь Вассиан Патрикеев был судим на соборе в 1531 году и мнения свои о новых русских чудотворцах высказал здесь в прении с митрополитом Даниилом. «Прение» это см. в «Чтениях. Общ. Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив.» за 1847 год; изложение в Истории Русской Церкви преосвященного *Макария*, т. 6, стр. 200.

[2] После открытия мощей в 1521 году было установлено *местное* празднование преподобному Макарию, а на соборе 1547 года — всецерковное, и он наименован «великим чудотворцем». См. *Е. Е. Голубинский*, История Канонизации святых в Русской Церкви, стр. 83 и 100.

нулся ко гробу чудотворца. Одна женщина страдала опухолью, отеком всего тела, другая продолжительной глухотой, и обе получили исцеление после усердной молитвы угоднику Божию. Некто юноша Григорий, неподвижно лежавший десять лет в расслаблении, был принесен на одре и положен при гробе преподобного; с умилением он смотрел на раку, плакал и молился об исцелении. Мало-помалу он стал чувствовать, что его ноги и руки начинают двигаться; собравшись с силами, он встал с одра, чтобы припасть к святым мощам. Принесшие больного вместе с исцелившимся прославили Бога и Его угодника.

Однажды пришел в обитель некий человек, по имени Лаврентий, и рассказывал, что он два года страдал болезнью в ноге, а когда дал обещание постричься в Колязином монастыре, то получил исцеление. Когда он шел в монастырь, то на него напали разбойники; израненный, он повернул в Москву. Здесь постигла его слепота. В недоумении и отчаянии он вспомнил о своем обещании постричься в обители Макария и — прозрел. Теперь он пришел в монастырь исполнить свое обещание.

Один знатный человек боярского рода, по имени Иоанн, пришел в Колязин монастырь и был встречен игуменом с подобающею честью. При возвращении домой игумен благословил богомольца иконою преподобного Макария. Боярин дома много рассказывал о чудесах преподобного. В числе его людей был расслабленный, Феодор по имени, шесть лет лежавший в постели без движения. Благочестивый господин его принес к нему икону преподобного и велел служить молебен с водосвятием. Когда больного окропили святою водою, он встал с постели здоровым к удивлению и утешению всех окружающих.

Некто Онуфрий, бесноватый, привезенный с трудом из Новгорода, никак не хотел приблизиться к раке чудотворца и произносил хульные речи, так что его родственники хотели уже везти его обратно и некоторые дерзнули даже укорять преподобного, что он не может исцелить больного. Напоследок, однако, они решились силою подвести его к чудотворной раке. Как только бесноватый коснулся раки, то с воплем упал на землю с пеною у рта; присутствовавшие думали, что он уже умирает, и окропили его святой во-

дой. Но страдалец внезапно очнулся и стал с полным сознанием спрашивать, где он находится. Получив ответ, он благоговейно облобызал мощи преподобного, вознес благодарственную горячую молитву и, подав милостыню в обители, здоровым возвратился на родину.

Особенно много исцелений получили больные из соседних городов, где слава Макария распространялась как при жизни его, так и по смерти. Так, получили исцеление кашинские жители: инок Варсонофий, бывший архимандрит монастыря Димитриевского[1], а теперь оставшийся до конца жизни в Колязинском монастыре; кашинская инокиня Мария, долго страдавшая ногами; дьячок обители Макариевой, по имени Тимофей, заболевший расслаблением в городе Дмитрове, и, наконец, другой инок по имени Симеон, внезапно заболевший на Волге тяжкою болезнью.

Предсмертные слова преподобного Макария оправдались: оставленная им обитель не оскудела, а распространилась: ее посещали Московские цари и делали в нее богатые вклады. Так, в 1553 году царь Иван Васильевич Грозный посетил обитель и пожаловал ей село Городище со всеми пустошами и двадцатью восьмью деревнями. В 1599 году приезжал в Колязинский монастырь царь Борис Федорович Годунов с супругой и детьми, чтобы помолиться и испросить благословения угодника Божия на предполагавшийся брак царевны Ксении с датским принцем Иоанном. Посетители принесли в дар преподобному Макарию великолепную серебряную раку, в которую в их присутствии переложены были мощи угодника.

В смутное время самозванцев и царя Василия Ивановича Шуйского Колязин монастырь сделался средоточием важных событий и испытал великие бедствия. В 1609 году находилась в монастыре главная квартира знаменитого вождя русских войск князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, который 14 августа нанес здесь жестокое поражение Яну Сапеге с другими польскими вождями и русскими ворами или изменниками. Но в 1610 году монастырь постигло тяжкое бедствие; князя Скопина-Шуйского не было уже там, но часть войска еще оставалась. Один из польских вождей, смелый и

---

[1] *Димитриевский* — или Дмитровский — монастырь в городе Кашине на берегу реки Кашинки основан в XV столетии; с 1764 года доныне — заштатный.

алчный грабитель Лисовский, отовсюду отрезанный, решился силою пробиться к польской границе из Суздаля. Переправившись через Волгу, он неожиданно напал на Колязин монастырь. Находившийся там воевода Жеребцов отчаянно защищался и делал вылазки из монастыря, но неприятелям удалось поджечь деревянные стены монастыря, причем загорелись и другие здания. Жеребцов вынужден был сдаться. Враги перебили монахов и других находившихся в монастыре людей, не исключая и воеводы Жеребцова; монастырь был разграблен; мощи преподобного Макария были изринуты из раки, а самая рака, дар Годунова, была рассечена на три части и увезена неприятелями.

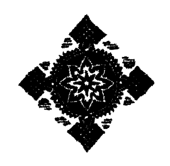
Нелегко было монастырю оправиться после такого страшного разгрома. Но усердие богомольцев, возросшее вследствие важных заслуг монастыря при Скопине-Шуйском, и скорби о несчастном бедствии обители, равно как и старания настоятелей, дали возможность в скорое время все привести в порядок, возобновить попорченное и приступить даже к сооружению новых храмов и других зданий.

В 1619 году царь Михаил Федорович посетил Колязинский монастырь и с теплою молитвою и благоговением прикладывался к чудотворным мощам преподобного Макария. Царь тогда пожертвовал в монастырь колокол, а после, в 1635 году, тот же царь пожертвовал другой большой колокол по отце своем, патриархе Филарете Никитиче. В 1648 году построена была каменная стена вокруг всего монастыря. В 1654 году, когда в Москве свирепствовало моровое поветрие, супруга царя Алексея Михайловича Мария Ильинична с детьми и всем двором нашли убежище в Колязине монастыре; с нею был там и патриарх Никон; царица с двором помещалась в построенном в 1641 году братском корпусе, с того времени получившем название царского, а патриарх Никон в настоятельском, получившем с тех пор название патриаршего. Царица Мария в следующем, 1655 году, в память своего пребывания в Колязином монастыре исходатайствовала ему степень архимандрии.

Как в семнадцатом столетии, так и позже сооружались в монастыре новые храмы и перестраивались прежние, перестраивались и возобновлялись вновь и прочие здания. Всегда, как и теперь, монастырь посещался и посещается богомольцами, особенно из окрест-

ных уездов Тверской и Ярославской губерний, а также из губерний Владимирской и Московской. Особенно много стекается богомольцев к 17 марта и 26 мая — дню обретения мощей преподобного; в этот день рака со святыми мощами преподобного Макария обносится вокруг главного монастырского храма Пресвятой Троицы, в котором она и находится всегда, в арке в приделе Нерукотворенного образа Спасителя[1].

В 1764 году, при учреждении монастырских штатов, по описи владений Колязина монастыря числилось за ним две тысячи триста три крестьянских двора с двенадцатью тысячами человек мужского пола. Монастырь отнесен к числу первоклассных.

[1] Мощи преподобного Макария почивают открыто в серебряной вызолоченной раке, устроенной в 1700 году, и переложены в нее архиепископом Тверским Сергием с четырьмя архимандритами 18 сентября 1700 года.

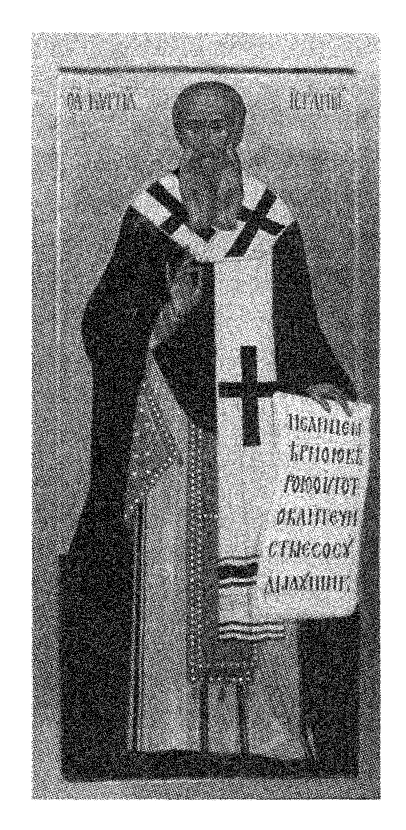
День восемнадцатый

ПАМЯТЬ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
КИРИЛЛА,
архиепископа Иерусалимского

Святой Кирилл Иерусалимский, происходя от благочестивых родителей, получил строго православное воспитание; в царствование Константина Великого[1] он принял монашество, а при сыне

[1] *Константин Великий*, Римский император, сын Констанция Хлора, правителя западной части Римской империи, и Елены, родился в 274 году. По смерти отца, войско провозгласило его императором, и он, благодаря этому, сделался обладателем Галлии и Испании. После продолжительной борьбы с начальниками других областей Римского государства — Лицинием и Максентием Константин объявил себя в 324 году независимым правителем и объединил под своей властью всю империю. Константин Великий замечателен своею деятельностью на пользу Церкви Христовой; за эту именно деятельность история называет его великим, а Церковь — равноапостольным. Поворот к христианству в законодательной деятельности Константина Великого начинается с Манифеста 313 года о веротерпимости, изданного в Медиолане за подписью его и Лициния: в этом манифесте, между прочим, разрешался свободный переход в христианство всякому желающему. Вскоре появились указы об освобождении клириков от всех личных повинностей и Церкви от податей; закон 321 года разрешал делать вклады в христианскую Церковь; в следующем году запрещено было насильственно привлекать христиан на языческие празднества. Сделавшись единодержавным, Константин Великий уничтожил указы и постановления прежних императоров, изданные против христиан; он возвратил права, имущество и свободу всем, лишившимся их в прежнее время за исповедание христианства. Особым указом им было предписано посвящать Богу воскресный и другие праздничные дни; во время праздников закрывались зрелища и суды. В Церкви Константин Великий старался поддерживать мир и согласие; для прекращения арианских смут им был созван I Все-

его Констанции[1] был избран, по смерти архиепископа Максима, на иерусалимскую кафедру. Ревнуя о сохранении в чистоте христианского учения, святой Кирилл, будучи архиепископом, деятельно и неустанно боролся с ересями Ария[2] и Македония[3]. Этим он возбудил

ленский собор в Никее (325 г.). Не желая пребывать в Риме, где язычество было особенно сильно, Константин Великий перенес столицу в Византию; здесь он уничтожил идолов и украсил город христианскими храмами. В 337 году он принял крещение, после которого вскоре умер на шестьдесят пятом году жизни. В V веке Церковь причислила Константина к лику святых; память его — 21 мая.

[1] *Констанций*, сын Константина Великого, по смерти отца получил Восток, Азию и Египет; в 351 году победив убийцу брата своего Константа — Магнеция, он соединил под своею властью всю Римскую империю. Он разрушал языческие храмы или отдавал их христианам для обращения в церкви; несколько раз им издавался закон, под страхом смерти запрещавший языческие богослужения. Но своим сочувствием ереси Ария Констанций сильно увеличил религиозные раздоры того времени; он преследовал православных епископов, не разделявших заблуждений ариан, низводил их с кафедр и даже подвергал заточению; при нем ариане занимали высшие места в государстве. Констанций умер в 361 году во время похода против своего двоюродного брата Юлиана, провозглашенного войсками в Галлии императором, куда он сам его назначил главнокомандующим. Григорий Назианзин сообщает, что пред смертью Констанций раскаивался в своем преследовании православных.

[2] Родоначальником арианской ереси был пресвитер александрийский Арий. Он отрицал единосущие Сына Божия с Отцом, почитал Иисуса Христа творением и не признавал за Ним божественных совершенств, — всемогущества, всеведения и прочее. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на I (325 г.) и II (381 г.) Вселенских соборах, причем было установлено равенство Сына Божия с Отцом, что и исповедует каждый христианин во втором члене Символа веры, который был составлен отцами I Вселенского собора. В V веке арианство исчезло из Римской империи, но возродилось в Германии среди готов, бургундов, вандалов и лонгобардов.

[3] *Македоний* был епископом Константинопольским во время Констанция и разделял ересь Ария. Низложенный впоследствии за свою жестокость даже к арианам, он, желая быть главою нового учения, развил в смысле Ария учение о Свя-

против себя сильную вражду со стороны впавших в арианскую ересь епископов, между последними был и митрополит Кесарии Палестинской[1] Акакий, явившийся впоследствии главным виновником первого изгнания святого Кирилла.

Однажды[2] в праздник Пятидесятницы около трех часов дня в Иерусалиме наблюдалось следующее чудесное знамение: на небе явилось начертание честного Креста, сиявшее ослепительным светом; начинаясь от Голгофы[3], оно простиралось до горы Елеонской[4]. Так

том Духе: Македоний считал Святого Духа по существу отличным от первых двух Лиц Святой Троицы, не имеющим участия в Божестве и славе Отца и Сына. Ересь Македония была осуждена на II Вселенском соборе (381 г.), и в восьмом члене Символа веры навсегда было установлено истинное учение Церкви о Святом Духе. С ересью Македония особенно деятельно боролись святые отцы Церкви: Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов.

[1] *Кесария* — город, находившийся на восточном берегу Средиземного моря, на север от Яффы, древней Иоппиии. Он был построен Иродом на развалинах древнего хананейского города Стратона в честь Кесаря Августа. При императоре Веспасиане (69–79 гг.) она была обращена в римскую колонию. Еще до разрушения Иерусалима Кесария сделалась местом пребывания римских прокураторов (Деян. 23, 23–24). Во времена апостольские этот город был замечателен тем, что здесь был обращен в христианство апостолом Петром первый язычник, сотник Корнилий (Деян. 10); здесь жил апостол Филипп, один из первых диаконов (Деян. 8, 40; 21, 8); сюда приходил апостол Павел и здесь два года пробыл в узах (Деян. 9, 30; 18, 22; 21, 8; 23, 23; 24–26). По разрушении Иерусалима Кесария была главным городом Палестины и местопребыванием епископа. В 638 г. с распространением магометанства Кесария подпала под власть турок, от которых была освобождена во времена крестовых походов Балдуином в 1102 году, но в 1265 году опять была завоевана турками и совершенно разрушена, так что от города остались одни развалины.

[2] Это было в 351 году.

[3] *Голгофа* — гора, на которой был распят Господь Иисус Христос: она находилась ранее вне Иерусалима (Мф. 27, 32–33; Ин. 19, 17, 41; Евр. 13, 12), лежит на северо-западной стороне. Свое название Голгофа, с еврейского «череп», Лобное место (Лк. 23, 33), вероятно, получила по сходству с черепом. По преданию здесь был погребен Адам.

[4] *Гора Елеонская*, или *Масличная*, — одна из гор иудейских, лежит к востоку от Иерусалима (Иез. 11, 23); свое название Масличной она получила, благодаря множеству росших на ней масличных деревьев. Господь Иисус Христос во время Своей земной жизни часто приходил на гору с учениками Своими (Ин. 8, 1; 18, 2). На западном склоне горы Елеонской находится Гефсиманский сад, где Господь молился в ночь пред страданиями и где был предан Иудой (Мф. 26, 30–60; Мк. 14, 26–46; Лк. 22, 39). На юго-восточном склоне горы находилось селение

как император Констанций, разделяя ересь Ария, притеснял православных, всячески помогая еретикам, то святой Кирилл сообщил ему о чудесном знамении, увещевая оставить путь заблуждения и обратиться в Православие.

Между тем митрополит Акакий, пользуясь содействием императора, к которому был близок, восстал на святого Кирилла за то, что он обличал его в ереси и не повиновался ему, хотя Иерусалим в то время находился в подчинении у митрополита Кесарийского; это произошло вследствие упадка Иерусалима после разрушения римлянами[1]. Святой же Кирилл не только не хотел подчиняться еретику митрополиту, вдобавок низложенному Поместным Сардикийским собором[2], но и обличал его за злоупотребление не принадлежавшею ему по правилам церковным властью; по указанным причинам он не считал для себя возможным подчиняться митропо-

---

Вифания, откуда Господь предпринял торжественный вход в Иерусалим (Мф. 21, 21; Лк. 19, 29). По преданию, с горы Елеонской Господь вознесся на небо (Деян. 1, 12). В IV веке матерью Константина Великого на горе Елеонской был воздвигнут христианский храм, обращенный впоследствии турками в мечеть.

[1] Это разрушение произошло спустя несколько десятков лет по смерти Христа Спасителя, Который часто предсказывал Иерусалиму ожидающую его печальную участь (Мф. гл. 24; Мк. 13; Лк. 19, 41–44). В царствование Нерона (54–68 гг.) иудеи восстали против римлян. Нерон отправил против возмутившихся войско под предводительством Веспасиана, который вскоре овладел Галилеей и готовился уже осадить Иерусалим, но, будучи выбран императором на место погибшего Нерона, окончание войны предоставил своему сыну Титу. После годовой осады Тит взял Иерусалим. Город подвергся страшному разрушению, так что осталось лишь несколько башен и зданий. Иудеев от голода во время осады погибло до миллиона ста тысяч; около девяноста семи тысяч было взято в плен. Затем при императоре Адриане (117–138 гг.) город подвергся окончательному разрушению. Но со времени Константина Великого христианская религия восторжествовала над язычеством, и Иерусалим начал возрастать и украшаться.

[2] *Сарды* — древний и богатый город малоазийской области Лидии, столица Лидийского государства; в 545 году до Рождества Христова перешел к персам, а от них к грекам, Александру Македонскому и, наконец, к римлянам. При императоре Тиверии (14–36 гг.) город пострадал от землетрясения; Тиверий снова восстановил его. Во времена апостольские Сарды были еще значительным городом. Христианство возникло здесь очень рано: уже в Апокалипсисе находится упоминание о Церкви Сардийской (гл. 3, 1–5). При императоре Аркадии (395–408 гг.) город был разрушен готами; в X веке Тамерлан сровнял его с землею. В настоящее время на месте когда-то богатого и славного города находится маленькая деревушка Сарт.

литу Акакию. Кроме того, святой Кирилл полагал, что, наоборот, Кесария Палестинская должна быть подчинена Иерусалиму, ибо Церковь Иерусалимская есть Мать всех Церквей[1]; тем более, что и сардикийский собор, низложивший Акакия, принадлежавшее ему начальство передал предшественнику святого Кирилла, архиепископу Иерусалимскому Максиму.

Проникнутый чувством неприязни к святому Кириллу, Акакий нашел повод к обвинению его, благодаря следующему обстоятельству. В Иерусалиме настал сильный голод. Народ, не находя средств для поддержания жизни, обратился за помощью к своему архиепископу. Святой Кирилл по своему милосердию близко к сердцу принял просьбы пасомых и истратил на них все свое имущество. Но так как голод не прекращался, и помочь было уже нечем, то святой Кирилл начал продавать церковные вещи — золото, серебро и ценные завесы, покупая на вырученные от продажи деньги пшеницу для голодающих. В это время появился слух, что будто бы в городе видели какую-то женщину, плясавшую в священном облачении на улице. На вопрос, откуда ею получена священная одежда, женщина отвечала, что она приобрела ее у одного купца, причем назвала и его имя. Спрошенный в свою очередь купец сказал, что одежду для продажи дал ему сам архиепископ. Неизвестно, было ли все это на самом деле или нет, но только слух дошел до митрополита Акакия, который счел его достаточным для обвинения святого Кирилла. На созванном им соборе он предложил извергнуть святого Кирилла, как обесчестившего продажею священный предмет, на что собор изъявил свое согласие. Таким образом, при содействии еретичествующих епископов, низложенный еретик-митрополит сверг с престола Иерусалимского православного архиепископа и силою заставил его удалиться из пределов Иерусалима. Святой Кирилл сначала удалился в Тарс[2], где пребывал у епископа Сильвана. Видя, что по-

[1] Церковь Иерусалимская потому называется матерью всех церквей, что отсюда вышли по повелению Господа апостолы на благовестие, распространяя учение Христово *до концов земли* (Деян. 1, 8).

[2] *Тарс* — город малоазийской области Киликии, замечателен тем, что здесь родился святой апостол Павел (Деян. 22, 3); апостол в Тарсе готовился к благовестию Христову и отсюда был вызван Варнавою для проповеди Евангельской (Деян. 9, 11, 30; 11, 25). Поэтому в Тарсе рано возникло христианство (Деян. 15, 23, 41).

следний не совсем правильно понимает некоторые догматы веры, святой Кирилл указал ему на уклонение и утвердил в Православии. Услышав об этом, Акакий написал Сильвану письмо, извещая о низвержении святого Кирилла, и советовал ему или прекратить общение со святым Кириллом, или, по крайней мере, запретить ему совершение Богослужения в находящейся под его управлением церковной области. Но Сильван не послушался Акакия: он почитал святого Кирилла как человека благочестивого, учением своим поддерживавшего и наставлявшего многих православных; о самом же изгнании Сильван знал, что оно произошло не по какой-либо вине со стороны святого Кирилла, а единственно по зависти и ненависти Акакия.

После этого в Селевкии[1] был Поместный собор, на который прибыло до ста пятидесяти епископов; среди них находился и святой Кирилл. Прежде чем началось заседание собора, Акакий стал настаивать на удалении отлученного им святого Кирилла. Многие епископы не согласились на подобный поступок. Тогда Акакий, оставив собор, отправился в Царьград. Здесь пред императором и патриархом Евдоксием, тоже арианином, он оклеветал покинутый им собор, называл его скопищем злых людей, собравшихся не для пользы, но во вред Церкви. Особенно сильное негодование сумел возбудить Акакий в императоре против святого Кирилла. Он рассказал ему, что святой Кирилл продал драгоценную священную одежду, подаренную Константином Великим Иерусалимскому архиепископу Макарию для облачения в нее во время совершения таинства крещения, и что потом эту одежду видели на одном человеке, плясавшем на местах народных увеселительных собраний. Император до того сильно разгневался, что подверг святого Кирилла заточению.

По смерти Констанция на престол вступил Юлиан Отступник[2].

---

[1] *Селевкия* — город Сирии, на берегу Средиземного моря; по всей вероятности, его основал царь Сирийский Селевк Никатор около 300 года до Рождества Христова; здесь апостол Павел во время первого своего путешествия останавливался для проповеди и отсюда отплыл в Кипр (Деян. 13, 4). В VI веке по Рождестве Христовом город был разрушен.

[2] *Юлиан Отступник*, племянник Константина Великого, сын его брата Юлия Констанция, родился в 331 году. В 345 году вместе с братом Галлом был сослан в Каппадокию Констанцием, где под строгим надзором провел шесть лет. В 351 году он покинул место ссылки и провел несколько лет в Никомидии, где увлекался изучением философии; в 355 году был назначен Констанцием начальником войск

В первые годы своего царствования он под видом благочестия отменил все постановления Констанция, направленные ко вреду православных: по приказанию Юлиана были освобождены из заточения все ранее изгнанные Констанцием православные епископы. В это время и святой Кирилл был возвращен на свою кафедру. Утвердившись на престоле, Юлиан открыто отрекся от Христа. Противникам христиан евреям он дал большую свободу; между прочим он не только дозволил им строить храм на месте разрушенного римлянами[1], но и уделил на постройку часть из государственных податей. Когда еще только началось это богохульное по своим намерениям дело[2], святой Кирилл предсказывал своим приближенным, что слова Христовы о разорении самых камней храма: *не останется камня на камне; все будет разрушено* (Лк. 21, 6), несомненно исполнятся. Святой Кирилл молил Владыку Христа, чтобы Он не попустил совершиться начатому предприятию, но разрушил его вместе с планами строителей. Господь услышал молитву раба Своего и осуществил предсказанное Им о непременном исполнении слов Своих. В одну ночь случилось сильное землетрясение, так что сдвинулись с места даже уцелевшие основания древнего Соломонова храма, не говоря уже о камнях только еще положенных евреями; и все это — остатки древнего храма и новые постройки — действием невидимой Божией силы было развеяно как пыль. При наступлении дня, все удивля-

---

в Галлии; здесь он умел привлечь любовь войска, которое в 361 году и провозгласило его императором. Изучение философии под руководством учителя-язычника, раздоры среди христиан вследствие арианских волнений, ненависть к Констанцию возбудили в Юлиане ненависть и к религии своего притеснителя — христианству. Он задался целью восстановить язычество и уничтожить христианство. Но все его попытки потерпели полнейшую неудачу. Юлиан умер в 363 году в походе против персов.

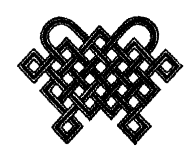
[1] Первоначально храм был построен Соломоном на горе Мориа в 488 году по исходе евреев из Египта (3 Цар. 6, 37–38; 2 Пар. 5–7); в 689 году был разрушен вавилонским царем Навуходоносором. После 70-летнего плена, получив в 531 году до Рождества Христова позволение от Кира возвратиться в Иерусалим и построить храм, иудеи, возвратившись в Палестину, заложили на второй год храм и окончили постройку в 515 году. Особенно содействовал украшению послепленного храма Ирод Великий. Во время взятия Иерусалима Титом один из воинов бросил в окно горящую головню, и храм сделался добычей огня.

[2] Юлиан разрешил евреям постройку храма, издеваясь над пророчеством Христа Спасителя о его уничтожении (Лк. 21, 6).

лись совершившемуся чуду. Когда же евреи опять хотели взяться за дело, то тотчас спал с неба огонь и истребил рабочие орудия; великий ужас объял их. В следующую ночь на одеждах евреев появилось знамение креста, которое они не могли ничем уничтожить.

После этого святой Кирилл, предсказание которого об исполнении слов Христовых так торжественно оправдалось, опять подвергся изгнанию. Его заместителем, насколько с вероятностью можно полагать, был святой Кириак. Он был иудей и носил имя Иуды; во время розысков царицею Еленою честного Креста Господня им было указано его сокрытое местонахождение; затем он крестился и получил имя Кириака.

Впрочем, по изгнании святого Кирилла святой Кириак недолго занимал его место: он вскоре претерпел мученическую кончину за исповедание Христово от Юлиана. После погибели Юлиана святой Кирилл снова взошел на престол иерусалимский, но вследствие усиления ариан в царствование Валента в третий раз подвергся ссылке за свое благочестие и твердую борьбу с еретиками. Наконец, при Феодосии Великом[1] святой Кирилл с честью был возвращен в Иерусалим. В продолжение восьми лет он с истинно пастырскою ревностью управлял Церковью и мирно почил о Господе, оставив в наследие свои многополезные писания[2].

---

[1] *Феодосий Великий* нанес окончательный удар язычеству: сделавшись в 392 году единодержавным, он издал закон, по которому служение богам признавалось таким же преступлением, как и оскорбление величества.

[2] Из оставленных им сочинений особенно примечательны 23 огласительных поучения, из которых 18 относятся к готовящимся к крещению и 5 — к новокрещеным; в них содержится ясное и простое изложение по членам Символа догматов веры. Сохранилась еще «Беседа о расслабленном» и отрывки из «Беседы о претворении воды в вино в Кане».

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АНИНА ЧУДОТВОРЦА

Преподобный Анин был родом из Халкидона[1]. Родители его были христианами. Подобно евангельскому Закхею[2] он был небольшого роста, но, взамен того, был велик духом. С самых юных лет он отличался кротким, незлобивым нравом и постоянно стремился к деланию добра.

Когда преподобному исполнилось пятнадцать лет, родители его умерли. Вскоре после этого святой решил оставить суетное мирское житие, для чего и поселился в одном из монастырей, где принял пострижение в монашество.

Ревнуя о безмолвном подвижническом житии, святой Анин вскоре оставил монастырь и ушел в одну далекую пустыню, расположенную близ того места, где протекает река Евфрат[3], отделяющая Сирию[4] от Персии[5]. Здесь Анин встретил одного отшельника, по имени Маиума, подвизавшегося в пещере. Святой поселился у него и подражал ему в подвигах поста и молитвы. Оба они содержали

---

[1] *Халкидон* — город в Малой Азии, расположенный на южном берегу Пропонтиды (Мраморного моря). Халкидон в древности был главным городом римской провинции Вифинии. В церковной истории этот город замечателен как место IV Вселенского собора (бывшего в 451 году по поводу ереси монофизитов, учивших, что в Иисусе Христе была одна природа — божеская, которая поглотила будто бы природу человеческую).

[2] *Закхей* — начальник мытарей в городе Иерихоне, живший во время земной деятельности Господа и удостоенный от Него особенного внимания за свою ревность к слушанию проповеди Господа. Отличаясь малым ростом, Закхей влез однажды на смоковницу, чтобы видеть Господа из-за большой толпы, окружавшего Его народа (Лк. 19, 1–10).

[3] *Евфрат* — одна из самых больших рек Азии.

[4] *Сирия* — малоазийская область, граничившая: на востоке — с рекою Евфратом, на юге — с Аравией, на западе — с Палестиной, Финикией и Средиземным морем, на севере — с Киликией и Каппадокией. Северная половина Сирии более плодородна и богата растительностью, нежели южная, которая местами переходит в пустыню.

[5] *Персия* — область на юге Азии, лежавшая между Каспийским морем и Персидским заливом.

столь строгий пост, что во всю Четыредесятницу не вкушали ничего совершенно, но, несмотря на это, всегда имели радостные лица, как бы присутствуя на царском пиру. Святой Анин настолько преуспевал в своих подвигах, что превзошел даже своего учителя — старца. Он проводил многие дни совершенно без пищи, молясь день и ночь, так что даже старец дивился его подвигам.

В том месте, где подвизался святой Анин с отшельником, не было воды, потому что река Евфрат находилась в расстоянии пяти стадий[1] от их пещеры. Святой Анин носил воду из этой реки в малом сосуде, намеренно не пользуясь большим сосудом, чтобы трудиться как можно более, часто ходя за водой.

Один раз святой Анин отправился за водою на реку, но не успел он еще отойти и одного стадия от своей пещеры, как сосуд его был наполнен водою внезапно явившимся ему Ангелом. Заметив, что Анин возвратился необычно скоро, старец понял, что Бог сотворил с ним чудо, исполнив его благодати Своей. После этого он стал упрашивать его быть своим учителем и наставником, но, не будучи в состоянии уговорить его к этому, решил оставить его, чтобы не заставлять служить себе того, которому он сам хотел бы и считал себя обязанным послужить. Придя в один монастырь, расположенный близ реки Евфрата, старец рассказал братии о святом Анине. С этого времени молва о святом Анине распространялась все более и более, и к Анину стали приходить многие люди, искавшие подвижнической жизни.

По удалении старца Маиума из пещеры, святой Анин сказал сам себе: «Я здесь начал подвизаться, здесь и останусь до конца своей жизни», — и остался в пещере. Впрочем, святой Анин неоднократно уходил из пещеры в глубь пустыни; пробыв здесь двадцать или тридцать дней, он возвращался обратно в свою пещерную келию. Своими постоянными подвигами святой достиг того, что умертвил в себе все плотские страсти и совершенно поработил плоть духу.

---

[1] *Стадий* (τὸ στάδιον) — первоначально продолговатая площадь, предназначавшаяся у греков для состязаний в беге. Так как этим наименованием обозначалась площадь всегда определенной длины (обыкновенно шестьсот фут.), то стадий был принят в качестве меры длины. Он равнялся приблизительно восьмидесяти восьми русским саженям.

Господь исполнил святого Своей благодатью, так что даже подчинил ему диких зверей, обитавших в пустыне. Куда бы ни пошел святой, — ему следовали два льва, одному из которых он исцелил язву на ноге.

Святой Анин был безмездным врачом не для животных только, но и для людей, потому что Бог дал ему власть и силу исцелять всякий недуг и всякую болезнь в людях. Слава о святом распространилась по всей стране той. К нему приводили многих недужных, и всех их он исцелял по благодати Божией. Вследствие этого святой уже не уходил в пустыню, но пребывал постоянно в своей келии ради приходящих к нему людей; для того Бог и даровал его той стране, чтобы приходящие к нему, как бы к некоему источнику исцелений, не отходили неутешенными, но чтобы каждый получил от него врачевство, соответственно своей болезни: один получал у него исцеление своим телесным недугам, другой врачевал свои душевные болезни, слушая его наставления и поучения.

Ввиду того, что место, где жил святой, было безводным, а потребность в воде была большая вследствие большого количества людей, приходящих к святому, святой ископал небольшой колодезь, в который собиралась дождевая вода.

Один раз к святому пришли несколько человек и попросили дать им воды, которою бы они утолили свою жажду. Святой велел одному из своих учеников (у него было уже шесть учеников) почерпнуть воды из колодезя. Но ученик сказал ему, что вода уже вся истощилась в колодезе, так что не осталось ее там ни одной капли. Преподобный же сказал ему:

— Я надеюсь на дивную силу Божию. Иди, и ты найдешь воду, которою и утолится жажда пришедших.

Ученик отправился и, к удивлению своему, нашел колодезь наполненным водой до верха. Прославив Бога, он почерпнул воды в колодезе и, принеся ее к своему учителю, рассказал ему о совершенном силою Божиею чуде. Воды этой хватило на много дней. Все это случилось в семнадцатый год подвижнической жизни святого. Когда же вода вся вышла, а дождя все еще не было, святой не восхотел снова просить у Бога чуда, но, смирившись, начал сам ночью носить воду из Евфрата. Всю ночь до самого утра святой трудился, постоянно прославляя Бога и памятуя слова Господа, сказанные Им в

Своем Евангелии святом: *кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя* Мое*, истинно говорю вам, не потеряет награды своей* (Мф. 10, 42).

Случилось однажды, что к преподобному пришли некоторые братия из соседнего монастыря, сильно жаждавшие от долгого пути; между тем в колодезе воды не было совершенно. Тогда преподобный тайно взял водоносы и сам отправился на реку за водой. Вскоре он уже возвращался обратно. Заметив, что преподобный возвращается слишком скоро, братия подумали, что святой сильно устал и, не дойдя до реки, возвратился обратно. Братия пошли навстречу ему, намереваясь сами отправиться за водою. Но когда братия начали снимать с плеч святого водоносы, они заметили, что водоносы наполнены были доверху водою. Братия весьма удивились всему происшедшему, потому что Ангел Господень наполнил сосуды водою, как и ранее это было при Маиуме старце. Тогда братия воскликнули:

— Благодарение Господу! По заслугам святого отца нашего, водоносы наполнились водою!

Но святой, наблюдая всегда смиренномудрие, сказал братии:

— Простите меня, братия! Я — человек грешный, вода эта дарована вам Богом не ради меня, но по причине великой вашей жажды, чтобы вы не изнемогли совершенно, дожидаясь, пока я возвращусь с реки.

Епископ города Неокесарии[1], по имени Патрикий, весьма уважал святого за те чудеса, которые творил Бог ради заслуг святого; он неоднократно посещал его и поставил его, против его воли, пресвитером.

Узнав, что сам святой носит воду из Евфрата для утоления жажды приходящих к нему людей, епископ прислал к святому в дар осла, который мог бы возить воду из реки.

Спустя несколько дней к святому пришел один бедный человек, не имевший чем заплатить своего долга заимодавцу. Пришедший просил святого помочь ему уплатить его долг. Преподобный же, бу-

---

[1] *Неокесария* — один из больших городов Каппадокии — малоазийской области. В 315 году здесь происходил Поместный собор, занимавшийся вопросами церковного благоустройства. На месте древней Неокесарии теперь существует местечко Никсар.

дучи нищим духом и не имея никакой вещи, которую мог бы отдать, сказал пришедшему:

— Возьми, брат мой, вот этого осла, продай его и вырученными деньгами заплати долг свой.

Человек тот взял осла и ушел от святого, а святой снова стал носить воду из реки сам.

Когда епископ узнал об этом, то послал к святому другого осла и велел сказать:

— Осла этого я не даю тебе в собственность, но ты можешь употреблять его для ношения воды; когда же он будет нужен мне, я возьму его обратно.

Спустя некоторое время к преподобному пришел один бедный человек и просил у него милостыни. Не имея ничего, что́ бы можно было дать, кроме осла, святой отдал его просящему.

Когда затем к святому прибыл епископ, то, не найдя осла, он велел ископать большой колодезь и наполнить его при помощи многих животных водою из реки (обычно в безводных и сухих местах искапывались колодези, которые и наполнялись водою, получаемою от дождя или от таяния снега, или приносимою из реки). Наполнив колодезь доверху, епископ взял своих животных к себе; когда же вода истощалась в колодезе, епископ снова присылал своих ослов для ношения воды к колодезю и потом брал их к себе обратно.

В Апамее[1] подвизался один столпник, по имени Пионий, проводивший строго подвижническую жизнь. Жившие среди окрестных жителей грабители пришли ночью к его монастырю, думая найти здесь большие богатства. Подкопав стену, грабители вошли в монастырь, но, обойдя его, нигде ничего не нашли и возвращались с пустыми руками. Один из разбойников, уходя, взял камень и бросил им в святого столпника. Камень попал в голову святого и сильно ранил его.

Когда злодеи ушли от того места, столпник намеревался уже сойти со столпа, чтобы идти к судиям с жалобою на разбойников.

Святой Анин, узнав об этом, призвал к себе льва, служившего ему, поставил перед ним пищу и сказал:

---

[1] *Апамея* — область в юго-западной Сирии, расположенная на берегу реки Оронта.

— Ешь до полного насыщения, потому что тебе предстоит далекий путь.

Затем, взяв бумагу, преподобный начертал на ней:

— О святой отец! Мне известно, что ты, пострадав от злодеев, намереваешься сойти со столпа для того, чтобы отомстить твоим врагам; оставь свое намерение, чтобы не лишиться тебе вечного воздаяния в небесном Царстве за труды твои.

Эту бумагу преподобный привязал льву на шею и, обратившись к нему как к человеку, повелел ему идти к упомянутому столпнику, никого не трогая на пути своем.

Лев побежал быстро и скоро достиг того монастыря, где жил столпник. Остановившись у ворот монастыря, лев стал стучать в них своими лапами. Привратник, посмотрев в оконце и увидев льва, поспешно пошел к столпнику и сказал ему, что при воротах монастыря стоит большой зверь.

Столпник, помолившись Богу, велел привратнику небоязненно отворить ворота монастыря. После этого лев вошел в монастырь, подошел к столпу и положил бумагу пред столпом.

Прочитав письмо, столпник удивился прозорливости святого Анина, который, находясь так далеко от него, узнал его мысли; удивился он и тому, как Бог повелевает зверям служить угодникам Своим. После этого столпник оставил свое намерение и возложил все упование свое на Господа.

Одна благочестивая женщина, заболев, отправилась к святому Анину, надеясь получить от него исцеление. На пути ей встретился разбойник с копьем в руке и вознамерился отнять у нее все, что она имела, хотя, впрочем, не нашел у нее ничего, кроме небольшого количества хлеба, потребного для пути. Возгоревшись похотью, разбойник восхотел сотворить насилие ей. Водрузив копье в землю, он стал принуждать ее ко греху. Но женщина та, стараясь вырваться из рук его, призвала на помощь себе преподобного и воскликнула:

— Святой Анин, помоги мне!

В это же мгновение разбойник смирился; на него напал ужас, и он хотел уже бежать; но, протянув руку к копью, он не мог извлечь его из земли, потому что копье его очень крепко вкоренилось в землю. Разбойник исполнился еще большего страха; женщина же, спасшись от рук его, отправилась к святому. Придя к нему, она рас-

сказала ему обо всем случившемся и, получив исцеление от болезни своей, возвратилась обратно в место своего жительства.

Пришел к преподобному и разбойник, покаявшийся во всех злых делах своих. После этого святой Анин исцелил его, научил святой вере христианской и сподобил святого крещения; впоследствии же постриг его в монашество. А копье его, оставшееся в земле, по воле Божией произросло в дуб великий.

Много и других чудес совершал этот великий угодник Божий: исцелял расслабленных, изгонял бесов из людей, врачевал многих болящих, будучи исцелителем не только людей, но и животных.

Однажды к преподобному пришло много народа. День был знойный; все томились жаждою, а вода вся истощилась. Но когда святой помолился, внезапно появилось облако и пролился на землю обильный дождь.

Преподобный предсказал многое, имеющее совершиться в будущем; так, например, он предсказал нашествие варваров[1], кончину многих братий, причем призывал к себе брата, которому предстояло умереть, и говорил ему наедине:

— Чадо! Позаботься о душе своей, так как время твое близко!

Наконец и сам святой приблизился ко дню кончины своей, прожив всего сто десять лет от дня рождения своего. Зная день кончины своей, святой призвал к себе свое словесное стадо (он имел довольно много братий) и долго наставлял и поучал его. Затем святой указал рукою на одного весьма добродетельного пресвитера, по имени Вероникиана, и сказал:

— Этот человек будет вам игуменом вместо меня.

Вслед за тем святой, проболев семь дней, приближался уже к самому концу жизни своей. В самый же час кончины он исполнился страха и хотел встать с одра своего, но, преклонив голову, сказал:

— Мир вам, наставники мои!

Помолчав немного, опять сказал:

— Кто вы, мои наставники?

Немного помолчав, сказал еще:

— Да будет воля Господа моего, вот я иду с вами по повелению Господа.

[1] *Варвар* (ὁ βάρβαρος) — вообще иноплеменник, иностранец.

Все, окружавшие его, исполнились страха и пали ниц. Богобоязненный же пресвитер Вероникиан, нареченный во игумена, сказал преподобному:

— Господин мой! Ради какой надежды, ради чего трудился ты во все дни жизни своей? Скажи нам, что ты видел?

Святой отвечал:

— Я видел горний Иерусалим отверстый, облако светлое, исходящее от него, и трех мужей светоносных на облаке том, которые, дойдя до меня, сказали мне: «Анин! Господь зовет тебя; встань и иди с нами». — Я спросил их: «Кто вы, наставники мои?» — Они же ответили: «Мы — Моисей, Аарон и Ор»[1].

Услышав это, братия исполнились еще большего страха и ужаса. Святой же сказал им:

— Помолитесь обо мне, братия мои, чтобы я не устрашился, когда буду приведен перед страшного Судию.

Потом святой сказал:

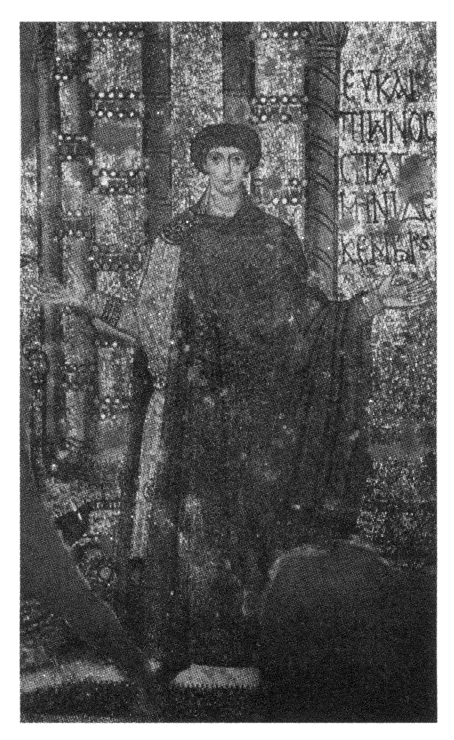
— Приими, Господи, дух мой, — и вскоре преставился (в восемнадцатый день месяца марта).

Братия похоронили его с честью, славя и восхваляя Отца, Сына и Святого Духа, Единого Бога, прославляемого всеми вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ТРОФИМА и ЕВКАРПИЯ

Когда в Никомидии воздвигнуто было на христиан гонение, то всех исповедников Христа схватывали и содержали в темницах, а затем производили над ними суд, причем подвергали их многочисленным пыткам и разнообразным мучениям, и тех, кто оставался непоколебимым в исповедании Христа, Бога нашего, предавали смерти. В это время святые мученики Трофим и Евкарпий известны были в войске, как самые мужественные и храбрые воины, а потому

[1] *Моисей, Аарон* и *Ор* — замечательнейшие мужи-израильтяне. Моисей — вождь и законодатель народа еврейского; Аарон — первосвященник; Ор — помощник и сподвижник Моисея, управлявший народом израильским в отсутствие Моисея.

Св. мч. Евкарпий

оказались и сильнейшими врагами Христа. Они схватывали христиан, заключали их в темницы и, получив над ними полную власть, по своему усмотрению одних предавали на мучения, а других оставляли томиться в темницах. Однажды, когда они шли, чтобы схватить некоторых христиан, то увидели большое огненное облако, сходящее с неба и сгущающееся по мере приближения к ним. Из облака раздавался голос, говоривший:

— Для чего вы так усердствуете, угрожая рабам Моим? Не прельщайтесь: никто не может подчинить своей власти верующих в Меня, но лучше сами присоединитесь к ним и тогда приобретете себе Царство небесное.

Увидев это видение и слыша такие слова, Трофим и Евкарпий, эти столь яростные и жестокие гонители рабов Христа, упали на землю, так как не могли ни смотреть на видение, ни выносить исходящего из облака громового голоса, и, лежа на земле, только говорили друг другу:

— Поистине велик Бог, явившийся нам ныне. Счастливы будем мы, если станем рабами Его.

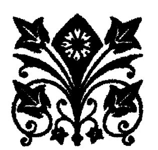
И в то время, когда они со страхом говорили эти слова, облако разделилось, став по ту и другую сторону их, — и из него раздался снова голос, сказавший им:

— Встаньте и покайтесь, и вам прощены будут грехи ваши.

Когда же они встали, то увидели сидящего среди облака некоего беловидного мужа, весьма красивого, и великое множество предстоящих Ему. Пораженные необычайным видом Его, Трофим и Евкарпий в один голос сказали Ему:

— Приими нас, ибо злы и невыразимы грехи наши. Нет другого Бога, кроме Тебя, Творца и Единого истинного Бога, а мы и не присоединились еще к рабам Твоим!

Когда они сказали эти слова, то облако немедленно же сошлось и поднялось на небо. После этого Трофим и Евкарпий долго еще оставались на месте и плакали, а потом, помолившись Богу, возвратились назад и всех тех, кого держали в заключении, со страхом освободили из темниц. Целуя их, как братьев, кланяясь им и снимая с них оковы, они всех провожали, и все заключенные вернулись, таким образом, в дома свои. Начальник города Никомидии, узнав об этом, сильно разгневался на Трофима и Евкарпия и, призвав к себе, стал допрашивать их, желая узнать причину такой их перемены. Они подробно рассказали ему обо всем, что видели в видении. Тогда он повелел повесить их на дерево и строгать им ребра, а затем тереть по ранам волосяными веревками. Святые мученики мужественно переносили мучение и молились, радуясь и благодаря Бога. Этим они привели начальника города еще в бóльший гнев, и он приказал зажечь большой костер и бросить их в него. Когда же костер был зажжен, то святые сами вошли в огонь и, прославляя Бога, предали праведные души свои в руки Божии. Такую мученическую кончину приняли святые мученики Трофим и Евкарпий[1].

---

[1] Святые Трофим и Евкарпий скончались около 300 года.

День девятнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ХРИСАНФА и ДАРИИ

Некто Полемий, муж знатного происхождения, вместе с сыном своим Хрисанфом переселился из Александрии[1] в Рим[2]. Здесь он был принят с честью и удостоен императором сенаторского сана. Желая дать образование Хрисанфу, Полемий отдал его в философскую школу. Любознательный и весьма разумный юноша Хрисанф, с ревностью изучая различные науки, случайно нашел книги Нового Завета; внимательно прочитывая и углубляясь в их смысл, Хрисанф так размышлял:

— До тех пор тебе подобало, Хрисанф, изучать языческие писания, полные тьмы, пока ты не познал истинного света, которого одного и держись. Ибо неразумно было бы возвращаться от тьмы к свету. Ты погубишь труды учения, если отвергнешь плоды этих трудов. Плоды же трудов подаются от Бога ищущим их. Ибо так повелевает Сам Бог, как ты и читал в книгах Нового Завета: *просите, и дано будет вам; ищите, и найдете* (Лк. 11, 9). Если же захочешь оставить то,

---

[1] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Македонским в IV веке до Рождества Христова на берегу Средиземного моря, при устье реки Нила. Александрия после Рима была первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства — рассадником христианского просвещения. Христианство было принесено сюда, по преданию, святым евангелистом Марком около 60 года.

[2] *Рим* — главный город римского государства — лежит в средней части Италии, по обеим сторонам реки Тибра, при впадении его в море. В Риме скончались мученически при Нероне святые апостолы Петр и Павел.

что искал и нашел, то ты будешь подобен несмысленным и безумным людям. Итак, твердо держись того, чего подобает держаться всем умом, дабы не лишиться добровольно с таким трудом приобретенного блага: ты нашел золото и серебро, нашел драгоценный камень. Ибо ты искал с тем, чтобы найти, и для того нашел, чтобы воспользоваться приобретенным; итак, смотри чтобы у тебя не было отнято приобретенное тобой сокровище.

Размышляя таким образом, Хрисанф искал, кто бы научил его Божественному Писанию. И как вначале был слышателем премудрости риторской и философской и ученик учителей премудрейших, так теперь желал найти учителей некнижных, каковы были некогда апостолы Христовы, некнижные рыбари (см.: Деян. 4, 13), приведшие, однако, в познание Христово весь мир. Таких учителей и искал прилежно премудрый юноша Хрисанф, ибо читал послание апостола, который говорит: *Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих* (1 Кор. 1, 20–21; ср.: Ис. 33, 18).

Так в себе размышляя и разыскивая христианского учителя, Хрисанф узнал про одного христианина, по имени Карпофор, что он весьма сведущ в Божественном Писании; этот Карпофор жил, —

или лучше сказать скрывался — из-за гонения — в некоей пещере, на одном никому не известном месте. Услышав об этом христианине, благочестивый юноша весьма обрадовался и усердно умолял сообщившего ему об этом христианина, чтобы он показал ему то место, где живет тот человек Божий.

Узнав о его местожительстве, Хрисанф пришел к Карпофору, саном пресвитеру, и был научен им Божественному Писанию и вере христианской; часто к нему приходя, он получал от него наставление на путь спасения. Наставляемый пресвитером Карпофором, Хрисанф в несколько месяцев постиг тайны Божественного Писания и затем принял от него святое крещение. И настолько утвердился Хрисанф в христианской вере и утвердился в любви ко Христу, что, по истечении семи дней от крещения своего открыто начал проповедовать в народе Христа Сына Божия. Услышав об этом, некоторые из знатных родственников Хрисанфа сказали отцу его:

— Смотри, на тебе будет вина и с тебя взыщется за то, что дерзает делать твой сын, ибо он злословит богов, некоего же Христа признает истинным Богом; и если слух об этом дойдет до царя, то из-за него ни тебе, ни нам — родственникам его — не будет это прощено, и мы все лишимся царской милости. Ибо кто смеет говорить такие хульные речи на богов, тот тем самым является противником царских законов.

Разгневавшись на Хрисанфа, Полемий затворил сына в мрачной и смрадной темнице и морил его голодом, только вечером выдавая ему небольшое количество пищи. Блаженный же Хрисанф считал для себя ту темницу и голод не как наказание, но как обучение в посте, безмолвии и скромности христианского жития и радовался своему темному и тесному жилищу более, чем просторным и светлым палатам.

— Если ты хочешь отвратить сына от христианской веры, то сделай так, чтобы он пребывал на свободе и пользовался удовольствиями. Найди ему красивую и умную девицу и сочетай его с ней браком, и он тогда позабудет о христианстве. Темницу же, узы и голод, которыми ты мучишь Хрисанфа, христиане вменяют себе в славу и честь, более чем в мучение.

Слыша это, Полемий приказал приготовить роскошную палату, украсить в ней стены дорогими обоями, поставить в ней драгоцен-

ную постель и приготовить там все для веселья и удовольствий. Выведя затем сына из его темного затвора и одев его в дорогие одежды, Полемий привел его в ту палату. Избрав затем из своих рабынь самых красивых девиц и одев их в роскошные одежды, Полемий затворил их в той палате со своим сыном, строго наказав при этом девицам, чтобы они всячески старались прельстить Хрисанфа на плотскую сладострастную любовь, от Христа же отвратить его. И подавались в ту палату в изобилии всякая пища и наилучшее вино, — а девицы те пели перед святым Хрисанфом любодейные песни, плясали перед ним, говорили бесстыдные слова, всеми способами стараясь уловить в любодеяние и плотские удовольствия душу блаженного юноши.

Юноша же Хрисанф не как юноша, но как испытанный муж относился к играм и соблазнам тех девиц и, находясь среди сетей, оставался неуловляем. В этой борьбе он показал себя непобедимым воином Христовым, отказавшись совершенно от вкусных кушаний и сладких напитков; на девиц же тех смотрел как на аспидов, избегая прикосновения к ним, как к змеям, и пребывал все время в молитве. Когда же ему было необходимо подкрепить себя сном, то он ложился на земле без постели, а соблазнительные и бесстыдные слова девиц считал как бы стрелами и щитом веры отражал их от себя, взывая к Богу:

«*Возьми щит и латы и восстань на помощь мне; обнажи меч и прегради путь преследующим меня; скажи душе моей: Я — спасение твое!* (Пс. 34, 2–3). Кто борьбу эту, которую воздвиг на меня диавол, возможет одолеть, если только не одолеет и не победит Твоя десница. Прельщается тот, кто думает своею собственною силою одолеть плотскую страсть и соблюсти целомудрие, если только пламень плоти не будет погашен дождем Твоего милосердия. Не может душа достигнуть Твоих селений, если Ты Сам не доведешь ее туда, ибо плотская страсть как бы некоторый пронырливый зверь, скрывающийся в пустыне житейской суеты на погибель душ человеческих, и если кто убежит зубов его, то должен воздавать от всей души благодарение Богу — своему Спасителю, ибо чрез Тебя мы избавляемся от таковой пагубы. Так и целомудренный Иосиф избежал Твоею помощью рук блудницы, как бы зубов неукротимого зверя, — тот Иосиф, о коем отец плача говорил: *Лютый зверь съел сына моего* (Быт. 37, 33). Ибо

воистину жена Пентефриева, как лютый зверь, напала на него и, как бы львица некая, терзала ногтями незлобивого агнца Иосифа, увлекая его на беззаконие (см.: Быт. 39, 12). Да и какой может быть лютее дверь, как не диавол и женщина? Естественное плотское похотение возбуждало юношу Иосифа, а женщина еще более увлекала его игрой глаз, драгоценными одеждами, красотою лица, богатством, властью и льстивыми словами увлекала целомудренного юношу в пагубу и смерть. И дивно, что он избег лукавого уловления зверя! Не напрасно отец его сказал: *Благо мне, если сын мой жив есть* (Быт. 45, 28), ибо великой и неминуемой избежал он смерти и более лютой, чем когда его хотели убить братья; избежал же он этой смерти Твоею всесильною помощью, о Всесильный Боже! — ибо Ты был с ним тогда. И ныне я, Господи, смиренно умоляю Тебя, дай мне помощь на этих зверей и змей, с которыми меня в одном месте заключил отец. И как спят заколдованные змеи, так да спят во время молитвы моей эти нечестивые девицы, чтобы не могли возбудить в моем юном теле плотского похотения. Помоги мне, Спаситель мой, ибо Тебя Единого знаю истинного Бога, спасающего верующих в Тебя и подающего им Свою непобедимую помощь».

После этой молитвы девицы, запертые вместе с Хрисанфом, впали в такой глубокий сон, что не могли ни сами проснуться, ни быть разбужены кем-либо, пока не были вынесены из той палаты. Когда же были унесены оттуда, то тотчас же проснулись; вкусив затем пищи, они опять вошли в палату к святому Хрисанфу, и снова впали в тот же тяжелый сон. И так продолжалось каждый день. Когда об этом рассказали Полемию, отцу Хрисанфа, то он стал рыдать о нем, как о мертвом. Тогда некоторые из друзей сказали Полемию:

— Твой сын научился волшебству от христиан и легко усыпил тех девиц. Но обручи с ним и жени его на образованной и умной девице, — и она, хотя бы он и не желал жениться, живя с ним постоянно, приведет его к плотскому совокуплению с собою и отвратит от христианства.

Полемий сказал на это:

— Где же мы найдем столь умную девицу, которая бы могла умягчить сердце ожесточенного Хрисанфа, подействовать на него увещанием и обратить к нашим законам?

На это родственники сказали ему:

— Среди девиц, служащих при храме богини Афины[1], есть одна отроковица, по имени Дария; она очень красива лицом, умна и изучила все книги и всю мудрость риторскую; она уже находится в предбрачном возрасте. Итак, поспеши обручить ее своему сыну, пока кто-нибудь другой не взял ее.

Послушавшись этого совета, Полемий просил своих родственников, чтобы они пошли к той девице и, рассказав ей об отроке Хрисанфе и о совращении его в христианскую веру, упросили бы девицу ту прельстить его к брачному сожительству с собою и отвратить от христианства. Девица та согласилась на супружество с Хрисанфом и приготовилась к тому, чтобы соблазнительными речами приклонить к плотской любви своего жениха и привести к поклонению богам римским.

Вслед за этим девица та была с честью приведена в дом Полемия и, при естественной своей красоте, будучи украшена драгоценными одеждами и убранствами, была введена в спальню к святому. Оставшись там с ним наедине, она всевозможными любезными словами и различными прельщениями привлекала к любодеянию целомудренного юношу. Воин же Христов Хрисанф пребывал тверд как адамант[2], непоколебим как столп и как гора неподвижим, побеждая любовью к Богу любовь плотскую и знамением креста отражая от себя пущенные на него стрелы диавола. Вздохнув глубоко от сердца к Богу и Святого Духа призвав в помощь себе, Хрисанф так сказал девице:

— Прекрасная девица! Если ты только ради кратковременного сочетания со мной — смертным человеком — так оделась и украсилась и столь сладкие произносишь слова, чтобы отвратить меня от

---

[1] *Афина* (также — *Паллада*, или *Минерва*) — греческая богиня, дочь верховного бога Зевса, родившаяся без матери из его головы. Афина у греков была вообще олицетворенным разумом Зевса: разум и сила — главные черты этой богини. Охранительница города — Афина поощряет все, что содействует благосостоянию граждан, земледелие и ремесла; ее ум изобрел многие полезные вещи; она занимается и учит всякому женскому ремеслу; она — богиня всех художеств и ремесел, всякой мудрости и науки. Она блюдет за применением права и закона, за судами и народными собраниями. В то же время она — богиня войны и изображалась иногда в военных доспехах.

[2] *Адамант* (алмаз) — камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим святым (особенно отцам и учителям Церкви), прославившимся твердостью своей веры и характера.

добровольно избранного мной жития, развратить душу мою и отклонить все мысли мои, иною любовью одержимого, то насколько больше тебе подобает заботиться, чтобы у бессмертного Царя Сына Божия ты могла снискать любовь; и это для тебя удобоисполнимо, если ты сама того захочешь. Если ты свою душу вместе с телом твоим сохранишь в непорочности и как теперь ты украсила тело твое драгоценными нарядами, так и сердце твое украсишь добрыми нравами, то Ангелы тебе будут друзьями, апостолы — приятелями, мученики — ближними; по их ходатайству Сам Христос тебе будет женихом и Он приготовит тебе на небе нетленный чертог несравненно прекраснее и светлее земного, и даст тебе райское вечное веселие, юность твою сделает бессмертной и назначит тебе приданое в книгах вечной жизни.

Слыша такие слова святого юноши, Дария умилилась и сказала:

— Не плотская какая-либо похоть привела меня к тебе сюда в этом богатом наряде, но любовь к тебе и слезы и просьбы родителя твоего, чтобы я привела тебя к служению нашим богам.

Святой Хрисанф ответил на это:

— Если имеешь на это какие-либо доводы и ясные указания, посредством коих ты могла бы доказать истинность приносимой вами службы богам, то я послушаю тебя и изменю мои мысли. Для общей нашей пользы побеседуем об этом.

— Нет ничего полезнее и потребнее для людей, — сказала Дария, — как почитать богов и наблюдать внимательно, чтобы не разгневать их, но следует угождать им жертвами, дабы они были нам хранителями.

— О мудрая дева! — ответил ей святой. — Как могут быть нашими хранителями те боги, которые сами требуют охранения себя, и их охраняют ночью привязанные к ним псы, чтобы они не были украдены ворами? Для этого они и прибиваются железными гвоздями и припаиваются оловом, чтобы, быв кем-либо опрокинуты, не упали на землю и не разбились.

— Если бы невежественный народ мог почитать богов без изваянных кумиров, — сказала Дария, — то не следовало бы их изваивать и поставлять. Отливаются же они из золота, серебра и меди и делаются из мрамора и дерева, чтобы люди, видя их очами, знали, кого им надо представлять в уме, почитать и бояться.

— Рассмотрим и рассудим, — ответил святой Хрисанф, — кого изображают сделанные идолы и достойны ли Божественной чести те, идолы которых поставляются? Не может быть назван Богом тот, кто не имеет всей святости и праведности и Божественной славы. Какую же имеет святость и праведность и Божественную славу ваш серпоносец Крон, который поедал своих же детей, как о том писали его же почитатели[1]? Или, что ты найдешь достойного похвалы и в самом Зевсе[2], который сколько дней прожил, столько и беззаконий, прелюбодейств и убийств совершил: гонитель своего отца, губитель своих детей, прелюбодействовавший с чужими женами, бывший мужем своей сестры, мучитель царства, изобретатель волшебства, посредник смертей и виновный в стольких беззакониях и сквернах, о которых и слышать невозможно, — настолько были бесстыдны и нечисты дела его. Неужели ты веруешь, что такой нечестивый человек может быть богом? А что он был именно таков, то об этом свидетельствуют ваши же писатели, которые писали, что нечестивые люди богами называли храбрых на войне царей, в свое время умерших. Скажи мне, какая была добродетель в вашем боге Зевсе, который до самой смерти своей был врагом всякой чистоты и честности, ибо и сам чрез похищение отрока Ганимида[3] осквернил воздух, а также и землю осквернил, насиловав сестер своих. И в Эрмее[4] вашем что находишь Божественного, голова которого подобна некоему крылатому чудовищу. Он посредством волшебства находил скрытое в земле золото, колдовством же и жезлом волшебным обез-

---

[1] *Крон*, или *Кронос*, (или Хронос, от греч. χρόνος — время), — бог времени, сын Урана (небо); он пожирал собственных детей, но супруга его *Рея* спасла Зевса и спрятала его в камышах острова Делоса, где он был вскормлен козою.

[2] *Зевс* (или Юпитер) — греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

[3] *Ганимид* (или *Ганимед*) — сын царя Троя, прекраснейший из смертных, которого боги похитили на небо, чтобы он там вечно жил и наполнял Зевсу кубок. (По мифологии, Зевс унес его или через своего орла, или сам в виде орла.) Впоследствии Ганимид делается виночерпием богов и особенно Зевса, становясь любимцем последнего.

[4] *Эрмий* (*Гермес*), или *Меркурий*, считался вестником богов, покровителем торговли и ораторов и был одним из популярнейших языческих богов. (Так невежественное народонаселение городов Листры и Ликаонии было настолько поражено чудесами апостолов Павла и Варнавы, что назвало Варнаву Зевсом, а Павла Эрмием, *потому что он начальствовал в слове.* — Деян. 14, 12).

вреживал яд змииный; делал же он это при помощи бесов, которым он ежедневно приносил в жертву кабана или петуха. Какая же была святость и в Геркулесе[1], который утомился, убивая своих соседей, и сам — по Божию мановению — ввергся в огонь и сгорел, окаянный, вместе с палкой, которую носил, и с кожею? Что доброго найдешь и в Аполлоне[2], или в тайных жертвоприношениях Бахуса[3], в пьянствах и невоздержании? Вспомним и богиню Иру, сестру и жену Зевса, безумную Палладу[4], бесстыдную Венеру[5], ссорящихся между собою, ревнующих одну к другой, гневающихся одна на другую, спорящих каждая о своей красоте и требующих суда пастушьего. Всех этих, не имевших ни Божественности, ни святости и праведности, кто сочтет достойными Божественной чести? А о прочих меньших богах и говорить не подобает, ибо главные боги как голова, за которой должны последовать прочие члены. И который из них должен быть почитаем за бога или богиню, когда Крон, Зевс и Венера, которые считаются нечестивыми людьми за бóльших из богов, не суть на самом деле боги? Итак, если ваши боги презренны и суетны, то тем более достойны презрения те, кто почитает их за богов.

Дария, внимательно выслушав слова Хрисанфа, сказала:

— Если сказания наших поэтов безрассудны, то обратимся к философам, которые поучают отрекаться от всякого злонравия и держаться добродетели. Они, рассказывая в своих сочинениях об образовании мира, объясняют следующим образом имена богов. Под Кроном они разумеют время, все поедающее и в ничто обращающее, под Зевсом же — зной, под Ирой — воздух, под Афродитой — огонь,

---

[1] *Геркулес* (*Геракл*, или *Ираклий*) был сын царицы Алкмены и бога Зевса. Он служил высшим идеалом греческой богатырской силы; был национальным героем греков.

[2] *Аполлон* (или *Феб)* — сын Зевса и Латоны, один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Почитался богом солнца и умственного просвещения, а также благополучия общественного и порядка, охранителем закона, божеством предсказания будущего.

[3] *Бахус* (*Дионис*) — сын Зевса и Семелы, бог винограда и виноделия, даром вина радующий сердце людей и разгоняющий печаль и заботы. Празднества в честь Бахуса сопровождались сильною разнузданностью.

[4] *Паллада* см. выше под словом *Афина.*

[5] *Венера* — греко-римская богиня любви, красоты, сладострастия и нечистых похотей.

под Посейдоном — море, под Церерой — землю, а под другими божескими именами — остальные стихии.

На это Хрисанф сказал:

— Обыкновенно делают подобие того, что не всегда может быть, но что исчезает со временем; земля же всегда существует, а равно и море и огонь всегда существуют и всеми наблюдаются, также и воздух. И зачем узаконено эти стихии почитать как богов в идолах, имеющих подобие людей, и сотворенных руками человеческими — я не знаю и не понимаю? И зачем символы стихий вы почитаете в человекоподобных изваяниях, а не почитаете самые те стихии? Почему вы не поклоняетесь земле, воздуху и морю? Найдется ли такой князь или царь, которой бы велел себя презирать, а подобию его, сделанному кем-либо, поклоняться? А так как нет такого царя или князя, то следует сказать, поистине, что вы под теми образами изображаете не стихии и не богов, но смертных людей.

Дария сказала:

— Твои доказательства, Хрисанф, подтверждают мою мысль: изваянных идолов почитают люди простые, невежды, мы же почитаем те самые вещи, изображения которых поставлены.

— Если ты свое учение хочешь утверждать нашими доказательствами, — сказал на это Хрисанф, — то приведем в пример всех людей, почитающих стихии: если они почитают землю, то пусть почитают ее достойно, как свою богиню, а бесчестие не должны ей наносить, пусть не пашут ее, не копают и не обрабатывают ее другим каким-либо образом; пусть земля будет свободна от возделывания и обработки. Кто же не исповедует землю богиней, тот — если он земледелец — пусть возделывает ее плугом и заступом, не воздавая ей никакой Божественной чести. И посмотри, у кого плодоноснее поле и сады? Кто не возделывает земли и не копает ее и почитает ее как богиню? Или кто без всякого почитания возделывает ее и обрабатывает? Если же земля поистине — как вы говорите — есть богиня, то она должна вам, как поклонникам своим, подавать всякие плоды без вашего труда, не будучи вспахиваема, обрабатываема и засеваема. Также, если море есть бог, то плавай по нему без весла, пусть оно доставит тебя, куда ты хочешь; точно так же, если ты желаешь иметь рыб, то не лови их и не трудись, но поклоняйся морю, как богу, и молитвою испрашивай их у него. И об остальных стихиях ты

должна разуметь, что они не знают своих поклонников, ибо не имеют ни души, ни разума, но по Божию повелению служат для нужд человека; и земля по повелению Создателя своего, будучи напояема и лучами солнечными согреваема, прозябает семена, произрастает насаждение и в свое время дает плоды. Поэтому подобает почитать Единого Бога Творца, все это создавшего, устроившего и подавшего нам для жизни, а не те сотворенные им стихии. Ведь и учащиеся в школах дети воздают честь не книжкам, дощечкам и хартиям, но учителям своим; точно так же и больной, будучи вылечен и сделан здоровым, воздает благодарность за свое исцеление не лекарству, но врачу, который сделал его здоровым.

После того как Хрисанф сказал это и многое другое, Дария уверовала во Единого истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, и тогда они оба согласились с Хрисанфом жить в безбрачии, под видом супружества, сохраняя в непорочности свое девство и пребывая в страхе Господнем. С этого времени Полемий, отец Хрисанфа, предоставил ему полную свободу ради мнимого его супружества, ибо он был очень рад женитьбе сына, так как не знал сохраняемой между новобрачными тайны. Точно так же он предоставил сыну в его владение все свое имущество, как своему единственному наследнику. В скором времени Полемий умер, ибо Бог так устроил, чтобы святая двоица — Хрисанф и Дария, проводящие в девстве свое супружество, могли свободнее Ему служить.

Когда, таким образом, Хрисанф стал вполне свободен в своей жизни, то он крестил свою супругу, деву Дарию, и она вскоре изучила все Божественное Писание и все книги христианские, — и стала святою по своей жизни и совершенной рабой и невестой Христовой. И не только о своем спасении заботились Хрисанф и Дария, но и о спасении других, ибо он обращал ко Христу многих мужей, и увещевал юношей к провождению девственного жития, а она уневестила Христу множество жен и дев. И живя каждый в особо устроенных наподобие монастырей домах, они имели каждый свое собрание девственников: Хрисанф — юношей, презревших все удовольствия этого мира и обещавших чистое житие Богу, а Дария — девиц, уневестившихся Христу.

По прошествии нескольких лет, когда собрания Хрисанфа и Дарии весьма увеличились в Риме, внезапно поднялся мятеж и волне-

ние в городе. Народ, придя к епарху[1] Келерину, клеветал на святых Хрисанфа и Дарию. Мужья кричали:

— Мы потеряли жен наших!

А юноши взывали:

— Мы потеряли из-за Дарии обрученных нам невест!

Также и жены кричали:

— Мы лишились наших мужей!

Девицы же взывали:

— Мы лишились обрученных нам женихов из-за Хрисанфа!

Весь же народ взывал, говоря:

— Как будут рождаться дети, если отвергается супружество? Прекратится род человеческий, если, следуя учению Хрисанфа и Дарии и волшебной их хитрости, мужчины будут удаляться от женщин.

Тогда епарх повелел взять Хрисанфа и Дарию и предать их различным мучениям, если они не принесут богам жертвы. Хрисанфа он отдал некоему тривуну[2], по имени Клавдию, а тривун передал его своим воинам, сказав им при этом:

— Ведите его за город к капищу Зевса, и если он там не захочет поклониться непобедимому Геркулесу, то мучьте его различно, до тех пор, пока он не покорится и не принесет жертвы.

Воины, взяв Хрисанфа, связали его без милосердия крепкими воловьими жилами и затянули их так сильно, что они касались костей мученика; однако узы эти тотчас разорвались и при этом столь внезапно, что нельзя было и глазом этого усмотреть; все это сделалось скорее, чем можно было бы произнести слово. Долго трудились воины, связывая Хрисанфа; ничего не достигнув, они пришли в ярость и посадили его в темную и смрадную пещеру; наложив оковы на него и заковав в железные цепи, они ругались над ним и подвергали его различным укоризнам; но оковы те, как прах, рассыпались. Кроме этого, они поливали также его различными нечистотами, говоря:

— Твои волшебства и чародеяния не помогут тебе здесь!

Но внезапно смрад от этих нечистот превратился в благовоние. Вслед за этим воины закололи теленка, содрали с него кожу и этой еще сырой кожей обернули мученика по голому телу и поставили

---

[1] *Епарх* — правитель города или области.

[2] *Тривун* — нечто вроде полковника или ротного командира.

его на солнечный зной; но и от этого мучения святой не испытал никакого зла. После этого его снова заковали в железные вериги и ввергли в темницу, но и вериги те внезапно сломались, а в темнице воссиял свет, как бы от многих горящих свечей. Обо всем происшедшем воины рассказали своему трибуну Клавдию. Клавдий, придя к темнице и увидев там свет, повелел привести к себе святого мученика Хрисанфа и сказал ему:

— Какой волшебной силой ты производишь такие чудеса? Многих волхвов и чародеев я усмирил и не нашел в них такой силы. А так как я вижу, что ты муж славный и мудрый, то я ничего иного от тебя не требую, как только того, чтобы ты оставил дерзновенное христианское учение, из-за которого происходят в римском народе смуты и волнения; итак, поступи, как приличествует твоему происхождению, и принеси всемогущим богам достойные жертвы.

Святой Хрисанф ответил ему:

— Если бы в тебе была хотя малая искра премудрости, то ты легко познал бы, что не волшебная хитрость, но Божественная сила помогает мне и укрепляет меня. Но ты смотришь на меня одинаково, как и на твоих богов, — очами, помраченными неразумием. Ибо если бы глаза твои смотрели правильно, то ты увидел бы, что твои боги не видят; и если бы твои уши услышали истину, то ты узнал бы, что твои боги не слышат голоса взывающих к ним; и если бы ты обладал здравым разумом, то ты уразумел бы, что твои боги ничего внутри себя не имеют, кроме праха, персти и олова.

Тогда Клавдий трибун повелел привязать мученика к дереву и бить его суковатой палкой; но в руках бивших мученика палки были тверды и тяжелы, а на теле святого мягки, как прутья; видя это, трибун повелел прекратить бить Хрисанфа и, отвязав от дерева, надел на него одежды его и, обратившись к воинам, сказал:

— Поистине, здесь действует не человеческая какая-либо волшебная хитрость, но Сама Божественная сила. Ибо и крепкие узы от воловьих жил сами распались, и сломились оковы, а дерево на ногах его сделалось как пыль; и сырая кожа, надетая на нем, будучи весь день на солнце, не высохла, и тяжкие оковы разрешились невидимой силой и сломались, и мрачная темница осветилась великим светом и палка тяжелая, прикасаясь к его телу, делается мягкою, как прут. Итак, видя в нем явно действующую Божественную

силу, припадем все к ногам этого человека Божия и испросим прощение во всех злобах и мучениях, нанесенных ему нами. Будем умолять его, чтобы он примирил нас со своим всесильным Богом, Который творит такие чудеса, Который делает Своих рабов столь сильными и непобедимыми во всяких напастях, — как мы и сами видим: ибо вот этот страдалец, раб Его, как нас победил, так победит и наших князей и царей и посрамит непреодолимою в нем силою небесного Бога.

Сказав это, Клавдий со всеми воинами припал к ногам святого Хрисанфа и сказал:

— Поистине мы познали, что твой Бог есть истинный Бог; поэтому мы умоляем тебя, чтобы ты обратил нас к Нему и сделал нас рабами Его.

Святой же сказал им на это:

— Если вы хотите прийти к моему Богу, то не ногами, а сердцем приходите к Нему, ибо Бог бывает близок к тому, кто ищет Его сердцем и верою.

И долго затем святой Хрисанф беседовал с ними об истинном Боге; после этой беседы тривун Клавдий и жена его Илария и два сына его — Иасон и Мавр уверовали в Бога; уверовали также и все сродники, друзья и весь дом их; уверовали и все воины со всеми домашними своими, — и все вместе приняли святое крещение. И все они поучались непрестанно у Хрисанфа, слушая усердно его речи о Господе Иисусе Христе, и все за Него желали пострадать.

В то время в Риме царствовал Нумериан[1]. Когда до него дошел слух об обращении ко Христу тривуна Клавдия и его крещении со всем своим семейством и с воинами, то он повелел утопить в море Клавдия, привязав ему на шею камень; а всех воинов и обоих сыновей Клавдия повелел усекнуть мечом. На месте кончины святых Христовых мучеников находилась заброшенная пещера, где прежде погребали умерших; очистив эту пещеру, христиане взяли ночью тела святых мучеников и положили в той пещере. К этой пещере к мощам святых мучеников часто приходила жена Клавдиева Илария и молилась там на месте усечения своих сыновей. Однажды, когда она молилась на том месте, то была захвачена язычниками, которые повлекли и ее на истязание. Она же умоляла их, говоря:

[1] Император *Нумериан* царствовал с 283-го по 284 год.

— Оставьте меня докончить мою молитву, а потом ведите, куда знаете.

Когда воины затем немного освободили Иларию, она преклонила колена на землю, воздела руки горé[1], глаза возвела на небо и сказала:

— Владыка, Господи Иисусе Христе, Которого я исповедую от всего сердца моего! Всели меня вместе с сыновьями моими, которых Ты позвал на страдальческий подвиг за Тебя, и они положили свои души за Тебя, своего Господа.

Так помолившись, она предала дух свой Богу. Воины, взявшие Иларию, видя, что она умерла, умилились сердцем и, оставив около нее двух ее рабынь, бывших с нею, ушли. Рабыни же, взяв тело своей госпожи, погребли его с честью при той ветхой пещере, в которой были положены святые мученики.

Святых же Хрисанфа и Дарию Нумериан царь повелел предать различным мукам. И вот Хрисанфа заключили в оковы и бросили в глубокую смрадную яму, куда стекали все нечистоты из города, а Дарию отвели в блудилище. Бог же помогал обоим мученикам, являя в них Свою всемогущественную силу, ибо Хрисанфу святому в его мрачной и смрадной темнице воссиял свет небесный и вместо смрада было благоухание великое; а к святой Дарии послан был лев, который, выбежав из своего заключения, пришел к ее комнате, где святая, распростершись ниц[2], молилась, — и стал стеречь ее. А граждане, не зная об этом, послали некоего бесстыдного юношу к Дарии с тем, чтобы он осквернил ее. Когда же он вошел в комнату к святой, то его тотчас же схватил лев и, повалив, стал топтать ногами; и смотря на святую Дарию, как бы некий разумный раб, он ждал повеления госпожи своей, что она велит сделать с тем бесстыдным юношей: убить ли его или отпустить живым. Святая же Дария, поняв это, сказала льву:

— Заклинаю тебя Сыном Божиим, оставь этого юношу, чтобы он мог услышать от меня слово Божие.

Лев, оставив юношу, вышел вон и лег при дверях, не допуская никого к комнате святой Дарии. И сказала Дария тому юноше:

---

[1] *Горé* — кверху, то есть к небу.

[2] *Ниц* — лицом вниз, на лицо свое.

— Вот, львиная ярость при одном имени Христа укротилась, и зверь, как смысленный человек, знает истинного Бога, боится Его и почитает. Ты же, нечестивец, будучи смысленным человеком, не боишься Бога, пребывая в таких злобах и сквернах. И чего тебе следовало стыдиться и в чем каяться, ты тем хвалишься.

Юноша упал перед Дарией и начал кричать, говоря:

— Повели мне, раба Христова, уйти отсюда без вреда, — и я всем поведаю, что Христос, Которому ты служишь, есть истинный Бог и нет другого, кроме Него.

И велела Дария льву дать юноше свободный выход из ее комнаты. И пошел юноша по всему городу, громко взывая:

— Знайте, все римляне, что Дария — богиня!

И вот к дому Дарии прибежали цирковые борцы[1] и с свойственною им смелостью хотели вывести льва из комнаты Дарии. Лев же, укрепляемый Богом, схватывая каждого из них, ударял о землю и, уложив их всех около святой Дарии, сторожил их около ее ног, не убивая их и не принося им никакого вреда, но ждал повеления Дарии. И сказала святая тем мужам:

— Если вы уверуете во Христа, то можете уйти отсюда без всякого вреда; если же не уверуете, то пусть избавят вас от смерти ваши боги.

Они же все единогласно воскликнули:

— Кто не верует, что Христос есть истинный Бог, тот да не выйдет живым отсюда!

Когда они так воззвали, то Дария повелела льву отпустить тех мужей без всякого вреда. И они, войдя оттуда, громким голосом взывали:

— Веруйте, народы римские, что нет иного Бога, кроме Христа, проповедуемого Дарией!

Когда узнал об этом епарх Келерин, то велел развести сильный огонь у дверей того дома, где находилась Дария со львом, и сжечь их. Увидя это, лев от страха поднял сильный рев. Святая же сказала ему:

— Не бойся: ты не будешь ни сожжен, ни взят кем-либо, ни убит, но умрешь своею смертью в известное время; поэтому выйди отсюда

---

[1] Эти *борцы* в римских цирках известны под именем *гладиаторов*.

без всякого страха и иди в пустыню. Тот, Которого ты почтил во мне, защитит тебя.

И лев, наклонив голову, вышел и, пройдя чрез весь город, никого не тронул, но убежал в пустыню; все же избавившиеся ото льва приняли святое крещение.

Когда обо всем этом возвестили царю Нумериану, то он повелел Хрисанфа и Дарию предать лютым мучениям. Хрисанфа повесили на дереве и принесли зажженные свечи, чтобы опалять его тело, но тотчас же и дерево сломалось, и веревки оборвались, и свечи потухли. Кто же хотел прикоснуться к святой Дарии, у тех тотчас корчились руки, все их тело терзалось, и они сильно кричали от сильной боли. Видя это, епарх устрашился и поспешил возвестить обо всем этом царю. Тот же, приписав эти чудеса не силе Божией, но волшебной хитрости, повелел обоих мучеников — Хрисанфа и Дарию вывести за город и на дороге, называемой Саларие[1], выкопать глубокий ров, ввергнуть туда их и засыпать живыми камнями и землей. Туда и были приведены святые мученики Хрисанф и Дария, и они с пением и молитвой сошли в ров и приняли вместе мученическую кончину, будучи засыпаны, по повелению мучителя, землею и камнями. И таким образом, как при жизни имели общее духовное супружество, так и скончались оба вместе, будучи приняты Богом, как жертва живая и благоугодная, и получили венцы бессмертного воздаяния[2].

На месте же кончины святых мучеников Хрисанфа и Дарии, после того как там совершилось много чудес и исцелений, множество христиан — мужей, жен и детей, собравшись в близрасположенной пещере, радостно праздновали день мученической их памяти и причащались Божественных Таинств. Об этом узнал мучитель и повелел завалить землею вход в ту пещеру, где и скончались мученически множество христиан, между которыми были: Диодор пресвитер и Мариан диакон и многие клирики, — и нет возможности перечислить имена всех скончавшихся там, ибо их весьма много.

---

[1] На этом месте был древний водопровод, приспособленный христианами к погребению усопших.

[2] Кончина святых мучеников Хрисанфа и Дарии последовала в 283 году. (Некоторыми же кончина святых мучеников относится к 256 году, ко времени царствования императора Валериана.)

Обо всем этом я, Уарин, и Армений — братья написали по повелению святейшего папы Римского Стефана и послали во все города, чтобы знали все, что святые Хрисанф и Дария в небесном Царстве приняли мученические венцы от Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава ныне и всегда и во все веки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **ПАНХАРИЯ**

В царствование Диоклетиана и Максимиана[1], из коих последний проживал в Древнем Риме, в Римской империи было распространено почитание различных богов, а у исповедников Христа не только отнимали имущество, но и подвергали их различным мучениям. В это время в Риме проживал некий муж, по имени Панхарий. Он был родом из страны Узов[2], из города Вилапата, происходил от христианских предков и отличался высоким ростом и красотой. Придя в Рим, он приблизился к Максимиану и достиг того, что занял первое место между его приближенными и пользовался особенною его любовью. Чтобы сохранить за собою эту любовь, он отрекся от веры во Христа. Из любви к нему Максимиан поручил ему принимать яства и всякие другие приносимые в виде подати дары, одни — по заведенному обычаю, а другие, пользуясь властью, и составлять себе, таким образом, состояние для услаждения зрения и доставления удобств жизни в будущем. Панхарий так и поступал и во всем разделял мнение императора. Между тем мать и сестра его, узнав обо всем этом, прислали ему письмо, в котором убеждали его прежде всего привести себе на память страх Божий, а потом вспомнить и о страшном будущем суде Христовом, так как многие, услышав о нем, смело заявляли пред царями и правителями о своем же-

---

[1] В 284 году Римская империя разделилась на восточную и западную. Первою управлял Диоклетиан и жил в Никомидии, а второю — Максимиан, имевший своею резиденциею Рим. Оба царствовали с 284 по 305 год.

[2] *Узы*, или *Узипеты*, обитали в Западной Германии на правом берегу реки Рейна на север и на юг от притока этой реки Люппии. Город Вилапат на картах не означен, но думают, что он носил название Виллы.

лании унаследовать то обещание, о котором узнавали из евангельского повествования о нем. Далее, они советовали ему подумать еще и о том, какому страшному осуждению подвержен будет на этом суде тот, кто отречется от веры в Божество Христа (см.: Мф. 10, 33; Мк. 8, 38; Лк. 9, 26), и, наконец, напоминали ему слова Христовы, говорящие о том, что если бы человек стал обладателем и целого мира, а душе своей повредил, то какое он сделал бы себе этим приобретение, ибо если кто повредит душе своей, то чем искупит ее (см.: Мк. 8, 36–37)? Получив такое письмо и прочитав его, Панхарий, придя в себя, горько заплакал и, пав на землю, в сердечной скорби стал взывать:

— Господи Вседержитель! Помилуй меня и не посрами раба Твоего пред Ангелами и человеками на суде Твоем, но пощади меня по великой милости Твоей.

Некоторые из придворных, увидев Панхария плачущим и произносящим такие слова, сообщили об этом Максимиану, и когда Панхарий пришел к нему, то он спросил его:

— Любезнейший Панхарий, скажи мне, неужели и ты назарянин[1]?

— Да, царь, — ответил Панхарий, — я — назарянин и был им и прежде, еще до того, как стал твоим единомышленником.

— Откажись, — сказал ему на это Максимиан, — от такого признания ради той любви, которую я питаю к тебе, в противном случае я не дам тебе пощады, — пусть это будет известно тебе, — и скоро не предам тебя смерти, но ты умрешь только после того, как я истомлю тебя многими, разнообразными мучениями.

На это Панхарий ответил:

— О царь! Я прихожу в ужас, вспоминая свое прошлое, и боюсь, чтобы огонь, сойдя с неба, не сжег меня уже за то, что я был до сих пор твоим единомышленником. Но с этого часа я уже никогда не отрекусь от Господа моего Иисуса Христа — ни теперь, ни в течение того долгого времени, когда ты, как сказал мне, подвергнешь многоразличным мучениям тело мое.

---

[1] Слово *назарянин* употреблено здесь в смысле христианина, последователя Христа, Которого иудеи называли этим именем, потому что большую часть Своей земной жизни Он провел в Назарете.

Выслушав от Панхария такой ответ, Максимиан велел раздеть его и на глазах всех собравшихся и предстоявших царских сановников бить его по голому телу ремнями из воловьей кожи. После этого, обратившись к предстоящим, сказал им:

— Теперь вы узнали, что Панхарий, сакелларий[1] двора моего и мой близкий друг, впал в галилейскую[2] веру; скажите же, как мне поступить с ним.

На это сановники царские сказали императору:

— О царь! Повели отвести его на место народных зрелищ[3] и там раздеть его и предать публичному избиению, а потом пошли его к правителю Никомидии. Пусть он подвергнет его мучениям, чтобы и нам не стать виновниками в его смерти, так как он пользуется твоею великою любовью.

Такой совет понравился Максимиану, так как он действительно сильно любил Панхария и не находил в себе сил предать его смерти. Поэтому он повелел отвести его на место зрелищ и на глазах народа подвергнуть его жестокому избиению, а потом отдал его воинам для препровождения в Никомидию и послал с ними никомидийскому градоначальнику письмо, в котором повелел после многих мучений предать Панхария смерти.

Когда святой мученик прибыл в Никомидию и приведен был к правителю города на допрос, то сказал ему:

— Все то, что повелевает тебе относительно меня император, ты исполни совершенно точно.

Тогда правитель города спросил его:

— Как твое имя?

— Имя мое, — отвечал святой мученик, — Панхарий. От предков моих я был христианином, но по злой воле своей уклонился к нечестивой вере императора и был во всем единомышленником. Бог же, а также мать и сестра моя направили меня на истинный путь, и я возвратился к вере во Христа моего, а теперь я горю желанием

---

[1] *Сакелларий* — главный дворецкий при дворе римских императоров.

[2] То есть христианскую. Христиан в насмешку называли галилеянами.

[3] Местом народных зрелищ в Риме был цирк. Здесь происходили состязания бойцов между собою и со зверями. Здесь же во время гонений отдавали христиан на растерзание диким зверям.

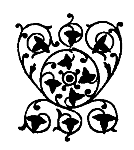
умереть за Него, чтобы смертью заплатить за мое отречение, которое я так преступно совершил.

На это правитель города сказал Панхарию:

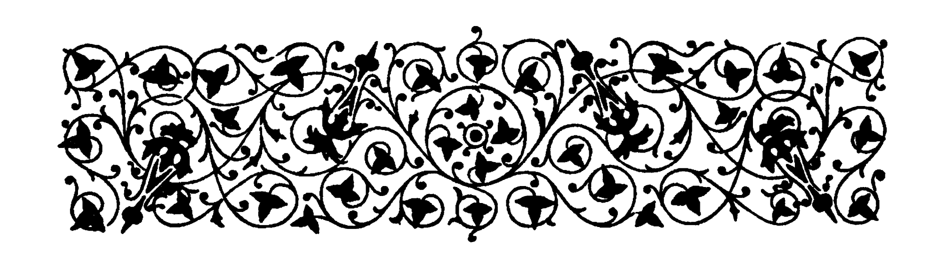
— Откажись от своих слов, которые ты так необдуманно произносишь, подвергая себя страшным бедствиям, но лучше исполни волю императора и, будучи таким видным и красивым, не губи славной памяти о себе на земле.

— Слава, о которой ты говоришь, — ответил святой, — временна, но является средством к получению жизни вечной для тех, кто отказывается от нее ради Христа.

После этого правитель города, видя непреклонность святого, постановил требуемый императором приговор. Святой мученик Христов Панхарий помолился, после чего был обезглавлен, приняв мученическую кончину. Это произошло в девятнадцатый день марта месяца в городе Никомидии[1].

[1] Мученическая кончина святого Панхария последовала около 302 года.

День двадцатый

СТРАДАНИЕ
ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ НАШИХ
ИОАННА, СЕРГИЯ и ПАТРИКИЯ

Во дни святейшего патриарха Иерусалимского Илии, который был вторым патриархом того же имени во святом городе Иерусалиме, уже находившемся тогда во власти агарян (а в Царьграде в то время царствовали Константин и Ирина), возникло у агарян междоусобие, сильно разорявшее страну: варвары, воюя между собою, опустошали не только села, но и города, как Елевферополь, Аскалон, Газу, Скарифию и другие. Нападая врасплох, они, если и не убивали всех людей, однако грабили все имущество и умерщвляли тех, кто им сопротивлялся; устраивая засады по дорогам, они схватывали прохожих, били, ранили их и грабили у них все до последней рубашки; хорошо еще было, если отпускали живым раздетого, избитого и израненного путника. Тогда и святой город Иерусалим находился в большом страхе; туда стекались жители окрестных городов и сел; они охраняли стены и готовились отразить разбойнические набеги варваров.

В то время и славная обитель святого Харитона была так сильно разорена, что потом уже не могла оправиться, но пришла в окончательное запустение; и лавра преподобного Саввы также претерпела много горя; в нее из разных мест собрались святые отцы и при игумене Василии преподобном угождали Богу постническим житием.

Во время агарянского междоусобия и разбойнических нападений они не выходили никуда из своей обители. Хотя они и могли бы,

оставив лавру, спастись от варваров в Иерусалим, но не хотели покинуть того святого места, где первоначально приняли на себя иго Христово; раз умерев для мира, они не страшились смерти, но, положившись на Христа, говорили:

— Владыка наш, если захочет, может спасти нас от рук варварских, — если же будет угодно Его праведной воле отдать нас варварам на убиение, то пусть Господь поскорее пошлет нам мучение, полезное для души. Примем, — говорили они друг другу, — полезное от руки Владыки нашего, не возвратимся от страха из безмолвной пустыни в суету мирскую, чтобы не осудили нас все, как робких, не соблюдающих повелений Господа нашего, говорящего: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Хорошо видеть удаляющихся от мира в пустыню и идущих по Христовым стопам; но как плохо видеть, если они, немного пожив в пустыне, бегут оттуда из страха перед людьми и возвращаются в мир; пусть не посмеется над нами общий всех враг диавол, боязнью варваров изгоняющий нас из безмолвной пустыни в город; он много раз был побеждаем нами с помощью Христа, Царя нашего, и бежал от нас как пес, позорно прогнанный. Нам не надо каменных стен для защиты: вместо стены необоримой — защитник наш Христос, Которому мы у святого Давида научились петь: *Будь мне каменною твердынею, домом прибежища, чтобы спасти меня* (Пс. 30, 3). Не имеем мы броней и шлемов, не имеем щитов, чтобы отразить вражеские стрелы, но у нас есть духовное оружие любви, броня надежды, *щит веры и шлем спасения* (Еф. 6, 16), которыми вооружимся. Нет у нас полков воинских, которые защищали бы нас от врагов, но *Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет* (Пс. 33, 8) нас; *ибо для* нас *жизнь — Христос, и смерть — приобретение* (Флп. 1, 21). Ведь не любовь и при-

страстие к временной жизни убедило нас войти в эту пустыню! Зачем мы поселились в этом пустынном месте? Разве не из любви ко Христу? Если мы здесь будем убиты, то будем убиты за Христа, ради Которого живем здесь.

Такими словами они утешали и ободряли друг друга и, поручив свои тела и души Богу, оставались в лавре. Еще и другая весьма уважительная причина удерживала их: жившие вокруг их соседи питали вражду к тому святому месту и ничего так не хотели, как видеть лавру святого Саввы разоренной, место это пустым, не населенным монахами; если бы братия покинула на некоторое время лавру, то враги тотчас бы пришли, сожгли церковь и келии и сровняли бы всю обитель с землею. Чтобы этого не случилось, святые отцы и остались в лавре. И не были они словно трость, ветром колеблемая, но как столпы, основанные на камне, непоколебимые от ветра и бурь находивших искушений; не только ради обороны стен они не выходили из лавры, но более того — ради славы Христа Господа, прославленного некогда и прославляемого и во дни их на том месте.

Так продолжали жить те святые отцы в лавре, и Вышний Защитник по молитве преподобного отца нашего Саввы соблюдал их невредимыми от варваров, пока не пришел час Его святой воли. Действительно, хотя варварские полчища, идя из Аравии или откуда-либо еще мимо того пустынного места к своему стану, много раз поворачивали к обители, но не причиняли никакого зла, а только требовали пищи; яростно смотрели они на иноков, скрежеща зубами, но против воли Божией не могли сделать зла Божиим рабам и, взяв пищу, сколько ее могло найтись в обители, они уходили в свои места, а вместо благодарности хвалились когда-нибудь разорить лавру и опустошить эту местность.

Однажды какое-то варварское полчище, желая привести в исполнение задуманное ими злое дело, пошло было к лавре, чтобы разграбить и разорить обитель; но случайно близ святого Вифлеема встретилось оно с войском, которое было поставлено там на случай варварского прохода; произошла битва, варвары были разбиты и обращены в бегство, так что едва кто из них остался жив, как потом узнали. Другой раз другое полчище с тем же злым намерением направилось из своего стана к лавре; но придя в какое-то селение, бывшее неподалеку от лавры, варвары нашли много вина, спрятан-

ного под хворостом; они напились, затеяли между собою ссору и многие убили друг друга до смерти. Так замысел их разрушился, и полчище разошлось.

После этого соизволил Бог послать искушение на рабов Своих, как некогда на праведного Иова, с тем, чтобы они, как золото, очищенное в горниле, оказались достойными Бога; и попустил Он рукам варварским коснуться Своих угодников, которым предуготовал мученические венцы.

Преподобные, слышав, как из тех двух полчищ, хотевших напасть на лавру, — одно было разбито иерусалимским войском, а другое распалось само собою, сидели без страха в своих келиях, проводя святую Четыредесятницу в обычном посте и труде.

В то время по диавольскому наущению собралось эфиопских варваров до шестидесяти человек с луками, стрелами и мечами; они задумали разбойнически напасть на лавру, надеясь найти у иноков богатое имущество. В конце Великого поста, на неделе перед Вербным воскресеньем, 13 марта, во втором часу дня, напали варвары на то пустынное место; иноки скорее побежали из пустынных келий в монастырь и церковь, а варвары с обнаженными мечами и натянутыми луками, словно в битве, с криком бросились к монастырю. Некоторые из иноков, желая укротить их ярость, вышли к ним и кротко начали увещевать их добрым словом:

— Зачем вы пришли к нам, безоружным и мирным, словно на битву со врагом, сделавшим вам зло? Мы живем со всеми в мире и ни вам, ни кому другому не делали никогда зла; для того мы и в пустыне этой живем, оставив все свое в миру, чтобы быть подальше от вражды, раздора и битв, чтобы можно было нам в спокойствии оплакивать свои грехи и угождать Богу; и мы не только никогда никому из вас не делали зла, но, насколько можем, стараемся вам благодетельствовать: многих из ваших, приходивших сюда, мы кормили, покоили и давали им пищи на дорогу. Не платите нам злом за добро; вы скорее должны быть благодарны нам за оказываемые вам благодеяния; и теперь готовы мы дать вам пищи и приютить вас, как странников.

Варвары же с яростью кричали:

— Мы не за едой пришли, а за серебром и золотом. Выбирайте одно из двух: или дайте нам золота и серебра (и говорили, сколько

литр) и будете живы, или, если не хотите дать, то погибнете от наших рук.

— Поверьте вы, — отвечали отцы, — что мы убогие и нищие, и так бедны, что даже хлеба и одежды недостанет у нас, золота же и серебра, которого вам нужно, нам никогда и во сне не снилось; мы употребляем только то, что необходимо для прожития.

Разгневались варвары на эти слова святых и пустили стрелы, словно дождь, на иноков, не переставая стрелять, пока не опорожнили своих колчанов; так они тотчас поразили насмерть тринадцать преподобных отцов, других же немного ранили. Бросившись к келиям, они выламывали двери большими каменьями и вытаскивали что могли из убогого иноческого имущества; потом они зажгли келии и хотели то же сделать и с церковью, но, по Божию усмотрению, не успели они принести хвороста и развести огонь, как увидели, что вдали идут какие-то люди; подумав, что это идет иерусалимское войско на защиту иноков, варвары тотчас бросились в бегство, унося с собою награбленное имущество иноков. Отец же Фома, который был искусным врачом, начал вынимать стрелы у раненых братий, омывать их раны и подавать им помощь, какую кому было нужно. Страшные были раны: у кого на груди, у кого на плечах, у кого на лице и лбу, а у некоторых каменьями были разбиты головы, — и все обливались кровью; страшно и жалко было другим смотреть на них.

При наступлении праздника Ваий во время всенощного пения кто-то известил преподобных отцов, что варвары собирают еще бóльшую шайку разбойников, чтобы опять напасть на лавру. И были блаженные отцы в большом страхе и трепете, но не бежали, а готовились к смерти и, положившись на Бога, ожидали конца. С приближением дня Страстей Господних наступил день страдания и для них: двадцатого марта, в Великий четверг, эфиопы в другой раз еще в бóльшем числе напали на лавру и бесчеловечно избивали преподобных различным образом: в кого стреляли стрелами, кому отсекали голову мечом, кого рассекали надвое, кому отрубали руки и ноги, а иных побивали до смерти каменьями. Оставшихся же в живых они собрали в церковь и хотели мучить, чтобы они указали церковные сокровища и монастырское имущество; окружили обитель и смотрели по горам и холмам, чтобы никто из иноков не убежал от

рук их: многие бросились бежать, но попадали в руки варваров, и едва ли кто избавился от них. Они схватили бежавшего блаженного Иоанна, начальника странников, еще юношу, и без милости мучили его на горе: перерезали ему жилы на руках и на ногах и тащили его за ноги по камням с вершины горы до самой церкви, так что вся кожа у него на спине была содрана острыми камнями. Преподобный же Сергий, хранитель церковных сосудов, видя, какие муки терпят отцы, и боясь, как бы не стерпев мук, не открыть, где скрыл церковные сосуды, тайно бежал из монастыря; он уже был далеко, как его схватили варварские сторожа и потащили насильно в монастырь, а когда он стал сопротивляться, отсекли ему святую главу. Несколько других отцов скрылись от убийц в пещере, бывшей вне монастыря, но их увидел стоявший на холме варварский сторож и, указывая рукою, закричал своим товарищам, что в пещеру убежали иноки; и тотчас страшный эфиоп, с обнаженным мечом, став у входа в пещеру, начал кричать громким голосом, приказывая скрывшимся выйти. Иноки трепетали от страха, а преподобный Патрикий, бывший среди них, говорил шепотом к братии:

— Не бойтесь, я один за вас выйду и умру, вы же сидите и молчите!

Он вышел к эфиопу, готовый положить душу свою за други своя. На строгий вопрос эфиопа, есть ли там другие монахи, преподобный отвечал, что он был там один; тогда эфиоп повел его к церкви. Собрав отовсюду святых отцов в церковь, варвары сказали им:

— Выкупите себя и церковь вашу за четыре тысячи златниц, если же нет, то мы тотчас убьем всех вас мечом и церковь вашу сожжем.

Святые же отцы кротко отвечали:

— Простите ради Бога, не проливайте понапрасну неповинной нашей крови, у нас нет столько золота, сколько вы просите, и никогда не было; ни одного златника нет теперь во всей нашей лавре; если хотите, возьмите одежды, которые вы видите на нас, возьмите все, что вы видите и найдете, оставьте нас нагими, но только пощадите нашу жизнь.

Варвары же, полные ярости, еще с бóльшим криком приставляли мечи к шеям святых, как бы желая уже отсечь головы, и говорили:

— Дайте нам сосуды церковные, золотые и серебряные, и укажите нам прочие монастырские сокровища.

Святые же отцы говорили, что нет у них никакого сокровища. И сказали варвары:

— Укажите нам ваших начальников, кто у вас игумен и прочие строители?

Отвечали преподобные:

— Отца нашего игумена нет в лавре, он по общему делу ушел в святой город, мы же все равны.

Была в обители пещера преподобного отца нашего Саввы; взяв всех святых отцов, варвары повели их в ту пещеру, а при входе в нее развели огонь и наложили туда хворосту и навозу; повалил дым и смрад, и тем дымом морили они преподобных в пещере, чтобы они указали им церковные сокровища и выдали начальников. Потом повели их на пытку и принуждали их лютой смертью открыть им сокровища, но ничего не слыхали от них, кроме молитв к Богу. Один взывал:

— Господи, приими дух мой!

А другой говорил:

— *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!*

Потом, собрав всех в ту же пещеру, варвары опять стали морить их лютым дымом; и умерли от дыма восемнадцать преподобных отцов, в числе которых были вышеупомянутый Иоанн и Патрикий блаженный; имена же прочих, умерших от дыма, меча или мучений, знает один Бог, записавший их в книгу живота. Оставшихся в живых от этого мучения дымом жестокие и бесчеловечные варвары тяжело изранили и избили, бросая их на землю и топча ногами. Ничего не достигнув, но только сами устав мучить, они взяли все, какие только могли найти, церковные и лаврские вещи и, навьючив их на монастырских верблюдов, ушли.

Тогда братия, оставшиеся едва живы, и другие, которые укрылись в горных расселинах и пещерах, сошлись поздно в обитель, тела преподобных отцов, убитых различным образом и уморенных дымом, собрали в церковь (которая спасена была Богом от сожжения) и провели всю ту ночь спасительной страсти[1] в неутешном рыдании, после чего предали тела честному погребению. А тех, которые были найдены полумертвыми, израненными, братия старались лечить с

[1] Это была ночь под Великую пятницу.

вышеупомянутым врачом Фомою, который остался в живых и впоследствии был игуменом так называемой старой лавры.

Так страдальчески скончались преподобные отцы в обители преподобного Саввы; а те варвары тотчас после ухода своего из лавры были поражены от Бога внезапной смертью и пали мертвыми без меча в пустынях и на полях на съедение псам, диким зверям и птицам; души же их окаянные пошли в ад, где огонь на них не угасает и червь не усыпает, а души убитых преподобных отцов оказались в руке Божией и сподобились мученической славы от Христа Бога и Спаса нашего, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки, аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **ФОТИНЫ**[1]

В царствование римского императора Нерона[2] воздвигнуто было на христиан жестокое гонение, и после мученической кончины святых первоверховных апостолов Петра и Павла разыскивали тех, кто научен был ими вере во Христа. В это время святая Фотина, проживая в африканском городе Карфагене[3], вместе с сыном своим Иосиею безбоязненно проповедовала Евангелие Христово. Между тем старший сын Фотины, по имени Виктор, мужественно подвизался на войне, которую в то время варвары вели с римлянами, и по окон-

---

[1] *Святая Фотина* — та самая жена самарянка, с которой беседовал Господь у колодезя. Рассказ о беседе Спасителя с женой самарянкой находится в Евангелии Иоанна. См. 4 гл., 5 ст. и далее.

[2] *Император Нерон* царствовал в Риме с 54 по 68 год. Бывшее при нем гонение на христиан началось с 65 года и продолжалось до 68 года, когда этот государь самоубийством положил конец кровопролитию. В это гонение пострадали в Риме святые апостолы Петр и Павел.

[3] *Карфаген* — древний приморский город на севере Африки, основанный финикиянами и бывший знаменитой в древности их колонией. Разрушенный в 146 году до Рождества Христова, восстановлен был при первых римских императорах, достиг высокой степени процветания и отличался в первые века христианства сильным развитием языческого греко-римского культа, отчего долгое время в нем держались суеверия, чародейства и так называемые магические искусства. Ныне на его месте находится город Тунис.

чании войны повелением императора назначен был начальником над войсками в город Атталию[1] с тем, чтобы подвергать мучениям находившихся там христиан. Когда правитель города Севастиан узнал об этом, то сказал Виктору:

— Воевода, я достоверно знаю, что ты — христианин и что мать твоя с братом твоим Иосиею — последователи Петра, а поэтому и того, что повелел тебе император, ты не исполнишь из боязни погубить душу свою.

— Я горю желанием исполнять волю небесного и бессмертного Царя, Христа, Бога нашего, — отвечал на это Виктор, — а повелением Нерона о том, чтобы предавать мучениям христиан, я пренебрегаю.

Тогда Севастиан сказал Виктору:

— Как искреннему другу, я советую тебе: подчинись воле императора. Ведь если ты станешь с должным усердием исполнять царское повеление и христиан, которых тебе удается разыскать, будешь подвергать судебному допросу и мучениям, то и императору угодное сделаешь, и себе приобретешь принадлежащие им имущества, а матери и брату твоему сообщи от себя письмом, чтобы они не шли так открыто и не склоняли этим язычников к отречению от отеческих верований, но пусть тайно исповедуют веру во Христа, Бога вашего, если желают, чтобы и ты из-за них не подвергся вместе с ними одинаковым мучениям.

— Никогда я этого не сделаю, — отвечал Виктор, — и не только не сделаю, но даже подумать не хочу о том, чтобы подвергать христиан мучениям или насильно взять что-либо от них или советовать матери и брату моему не проповедовать о том, что Христос есть истинный Бог, но я и сам всею душою хочу быть проповедником Христа и буду им так же, как и они.

На это Севастиан сказал ему:

— О Виктор! Все мы хорошо знаем, какие бедствия ожидают тебя, мать и брата твоего.

После этих слов лицо Севастиана вдруг разгорелось, и он упал на землю от острой и жестокой боли в глазах своих, причем совершенно

---

[1] *Атталия* — город в провинции Памфилии, расположенной в южной прибрежной части Малой Азии. Этот город основан был за полтора века до Рождества Христова Атталом II Филадельфом и назвал его своим именем.

потерял способность говорить. Бывшие при этом слуги, подхватив его, положили на ложе, и он пролежал три дня, не сказав ни одного слова. По прошествии же трех дней он закричал громким голосом и сказал:

— Один христианский Бог есть Бог истинный, одна христианская вера есть вера истинная и одно есть крещение — крещение во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Нет другой истинной веры, кроме веры христианской.

Войдя к Севастиану, Виктор спросил его:

— Отчего так неожиданно произошла в тебе такая перемена?

— Любезнейший Виктор, — отвечал Севастиан, — меня призывает к Себе Христос твой.

Виктор тотчас же наставил его в вере, и он принял святое крещение. Выходя из купели, он внезапно прозрел и прославил Бога. Бывшие при этом слуги, увидев это дивное чудо, устрашились, как бы и им подобно Севастиану не подвергнуться из-за своего неверия такой же болезни, и тоже крестились.

Вскоре после этого до Нерона дошел слух о том, что Виктор, начальник над войсками в Атталии, и правитель этого города Севастиан исповедуют веру Петра и Павла и всех привлекают к себе, убеждая следовать их проповеди, а также о том, что то же самое делают и посланные в Карфаген апостолами мать Виктора Фотина и сын ее Иосия. Узнав об этом, император воспылал гневом и послал в Атталию воинов с тем, чтобы они привели к нему на суд находившихся в этом городе христиан, мужчин и женщин. В это время атталийским христианам явился Христос и сказал им:

— *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28). Я буду с вами, и Нерон будет побежден, а также и те, кто находятся при нем.

Виктору же Он сказал:

— С этого дня Фотин[1] будет имя тебе, так как многие, тобой просвещенные, обратятся ко Мне.

Укрепил Христос на предстоящие страдания и Севастиана такими словами:

---

[1] Имя *Фотин* значит *светозарный* и происходит от греческого слова «фос», «фотос», что означает свет, особенно свет дневной, солнечный.

— Блажен тот, кто совершит свой подвиг до конца[1].

Господь сказал эти слова и взошел на небо.

Святая Фотина также извещена была Христом об ожидающих ее страданиях и немедленно же в сопровождении множества христиан отправилась из Карфагена в Рим. Когда она вошла в Рим, то пришел в движение весь город, и все говорили: «Кто такая?» Она же безбоязненно проповедовала Евангелие Христово. Между тем был приведен в Рим и сын ее Фотин, носивший прежде имя Виктора, вместе с Севастианом и взятыми с ними воинами, но святая Фотина предупредила Виктора, прежде его явившись к Нерону с сыном своим Иосиею и христианами, пришедшими с нею из Карфагена.

Нерон спросил святую:

— Для чего вы пришли к нам?

— Для того, — ответила Фотина, — чтобы научить тебя чтить Христа.

В это время бывшие при императоре сказали ему:

— Градоначальник Севастиан и воевода Виктор, которые не веруют в богов, пришли из Атталии.

— Пусть приведут их ко мне, — повелел Нерон.

И когда они были приведены, то он спросил их:

— Правда ли то, что я слышал о вас?

— Все то, что ты слышал о нас, царь, — ответили они, — истинная правда.

Тогда Нерон, обратившись к святым женам, спросил их:

— Согласны ли вы отречься от Христа вашего или желаете умереть за Него?

— О царь! — отвечали святые жены, обратив взоры свои к небу, — никогда не будет того, чтобы мы отреклись от веры во Христа и от той любви, которую имеем к Нему.

— А как ваши имена? — спросил император.

— Я, — отвечала святая Фотина, — от Христа, Бога моего, получила имя Фотины, сестры же мои называются так: первая, родившаяся после меня, — Анастасией, вторая — Фото, третья — Фотидой, четвертая — Параскевой, а пятая — Кириакией, а имена сыно-

---

[1] Выражение это заимствовано от евангельских слов: *претерпевший же до конца спасется* (Мф. 24, 13).

вей моих такие: имя старшего, который Господом моим назван Фотином, — Виктор, младшего же — Иосия.

— Итак, все ли вы, — сказал на это Нерон, — согласны подвергнуться мучениям и умереть за Назорея Христа?

— Все мы, — ответила святая Фотина, — с радостью и веселием готовы умереть за Него и все этого желаем.

Тогда Нерон велел железными молотками раздробить им кисти рук. Принесена была наковальня, и нечестивые мучители, положив на нее руки святых, стали бить по ним. Били они с третьего часа до шестого[1], причем три раза сменялись бившие, но святые не ощущали никакой боли. Нерон, узнав об этом, пришел в смущение и повелел совсем отсечь им руки. Мучители с ожесточением схватили тогда святых мучеников, связали им руки и снова положили на наковальню. Прежде других подвергнута была мучению святая Фотина, но мучители, рубившие топорами ей руки, много раз сменялись и, не имея никакого успеха, в изнеможении падали, как мертвые, а святая мученица, оставаясь по благодати Христовой невредимою, молилась и говорила: *Господь за меня — не устрашусь: что сделает мне человек?* (Пс. 117, 6).

После этого Нерон стал уже затрудняться, думая о том, каким еще мучениям подвергнуть святых, и, наконец, приказал Севастиана, Фотина и Иосию ослепить и заключить во внутреннее отделение темницы, а святую Фотину с пятью сестрами ее — отвести в золотой свой кувуклий[2] и велел дочери своей Домнине постоянно находиться при них. Пребывая в императорском кувуклии, святая Фотина наставила в вере Христовой Домнину и сто рабынь ее, и все они приняли святое крещение, а также обратила ко Христу одного волхва, который принес однажды для питья ей и ее сестрам настойку ядовитой травы. После этого претерпела множество мучений.

---

[1] У римлян за начало дня по нашему счислению считалось время от восьми часов утра. Отсюда три часа дня соответствовало нашим девяти часам утра, шесть часов — двенадцати часам дня.

[2] *Кувуклий* означает здесь дом, дворец императора. «Золотой дом» Нерона известен необыкновенными своими размерами, высотою и богатством своих украшений. Некоторые комнаты и сени этого дома были украшены золотом и драгоценными камнями.

Когда прошло после этого три года, то Нерон приказал однажды освободить бывшего в числе его придворных одного слугу своего, который по его повелению был заключен в темницу, и посланные для этого, увидев в темнице святых мучеников Севастиана, Фотина и Иосию в здоровом состоянии, сообщили императору, что ослепленные галилеяне видят и совершенно здоровы, что самая темница светла, исполнена обильного благоухания и из места заключения стала местом для прославление Бога и святым домом, что святые располагают в темничном заключении большим богатством, что к ним собирается народ и, уверовав в Бога их, принимает от них крещение. Услышав это, Нерон пришел в ужас и, повелев привести к себе святых мучеников, сказал им:

— Не запретил ли я вам моим царским повелением проповедовать о Христе в городе Риме? Как же вы, находясь в темнице, осмелились это делать? За это я предам вас многим и страшным мучениям.

— Делай с нами все, что хочешь, — сказали на это святые мученики, — но мы не перестанем проповедовать о Христе, истинном Боге и Творце всего.

От таких слов Нерон пришел в страшный гнев и повелел распять святых вниз головою, а потом в течение трех дней по голому телу бить их ремнями до тех пор, пока, сказал, не распадутся члены их, что и было исполнено. После этого он приказал поставить стражу и наблюдать за тем, чтобы они висели три дня. На четвертый день пришли присланные от него слуги посмотреть, живы ли святые мученики, и, когда увидели, что они висят и еще живы, то немедленно же ослепли. В это время Ангел Божий, сойдя с неба, отвязал святых и, облобызав их, сделал совершенно здоровыми. Тогда святые, сжалившись над ослепленными царскими слугами, помолились, и те тотчас же прозрели. Уверовав, они крестились во имя Христа, Бога нашего, и стали последователями святых. Нечестивый Нерон, узнав об этом, сильно разгневался и приказал содрать кожу со святой Фотины. И в то время, когда мучители исполняли это царское приказание, святая мученица пела: *Господи! Ты испытал меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумеешь помышления мои издали* (Пс. 138, 1, 2).

Содрав со святой Фотины кожу, ее бросили в колодец. После этого, схватив Севастиана, Фотина и Иосию, отрезали им подколенные кости и вместе с коленями бросили собакам, а затем содрали с них кожу и по повелению императора бросили их в ветхое каменное строение. Приказав после этого привести к себе пятерых сестер Фотины, Нерон велел отрезать им сосцы, а потом и с них содрать кожу. Когда мучители подошли за этим к святой Фотиде, то она не пожелала, чтобы кто-либо из них совершил над нею это истязание, как над прочими святыми женами, но, став на место мучения, сама мужественно содрала с себя кожу и бросила ее в лицо Нерона, так что он сам изумлен был ее мужеством и терпением. Тогда мучитель придумал для святой Фотиды новое, в высшей степени жестокое и смертельное мучение. По его повелению, в саду склонили друг к другу два дерева и к вершинам их привязали за ноги Фотиду, после чего отпустили деревья, и святая мученица была ими разорвана. Так она и предала Богу свою праведную и блаженную душу. После этого нечестивый Нерон повелел всем прочим святым мученикам мечом отсечь головы, а святую Фотину, вынув из колодца, заключить в темницу, где она и пробыла двадцать дней. Приказав затем привести ее к себе, Нерон спросил ее, не покорится ли она ему теперь и, раскаявшись в своем упорстве, не принесет ли жертвы идолам. Тогда святая Фотина плюнула ему в лицо и, посмеявшись над его безумием и глупым разумом, сказала:

— О нечестивейший слепец, заблуждающийся и безумный человек! Неужели ты считаешь меня столь неразумной, чтобы я согласилась отречься от Владыки моего Христа и принесла жертву подобным тебе слепым идолам?!

Услышав такие слова, Нерон повелел снова бросить святую Фотину в колодец. И когда это было исполнено, то святая мученица предала душу свою Богу и в венце мученическом вечно радуется в Царстве небесном вместе со всеми, пострадавшими с ней[1].

[1] Кончина святой Фотины последовала около 66 года. Церковь и мощи ее были в Константинополе за Влахернскими вратами.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ
АЛЕКСАНДРЫ и КЛАВДИИ

Эти святые мученицы пострадали в царствование нечестивого Максимиана[1], который воздвиг на христиан такое жестокое гонение, что верующие во Христа, не исключая никакого возраста, предавались разнообразным мучениям. Так как и правитель города Амиса[2], где жили эти святые девы, поступал так же, то они были схвачены и приведены к нему. На допросе они объявили себя христианками и самого правителя назвали жестоким и бесчеловечным. Поэтому по повелению последнего их сперва раздели и били палками, потом отрезали им сосцы, после чего, повесив, строгали их по телу до тех пор, пока не обнажились их внутренности, и, наконец, бросили в раскаленную печь, где они и предали души свои в руки Господа[3].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
НИКИТЫ ИСПОВЕДНИКА

Святой Никита был архиепископом города Аполлониады. Он отличался благочестием, милосердием и глубоким знанием Священного Писания. Во время гонения от иконоборцев его тщетно старались принудить не воздавать почитания святыми иконами. Он был сослан в заточение, где и окончил свою жизнь в царствование Льва Армянина.

[1] Здесь имеется в виду *Максимиан Галерий*, после отречения Диоклетиана самостоятельно правивший восточною частью империи с 305 по 311 год.

[2] Город *Амис*, ныне *Самсун*, находился в малоазийской римской провинции Понте, на берегу Понта Евксинского (Черного моря) при заливе того же имени.

[3] Святая мученица скончалась в 310 году.

День двадцать первый

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИАКОВА,
епископа и исповедника

Сведения, которые мы имеем о святом Иакове Исповеднике, очень кратки и неполны. Мы знаем только, что он, стремясь с самых юных лет к подвижнической жизни, принял монашеский сан и умерщвлял плоть свою постоянным постом и молитвою.

Святой Иаков весьма любил чтение книг Священного Писания, причем перед чтением очищал ум свой молитвою. Впоследствии он был возведен в сан епископа.

В царствование императора-иконоборца Константина Копронима[1] святой Иаков был принуждаем к отречению от иконопочитания. Но он не покорился нечестивым, за что был подвергнут многим мучениям, – был изгоняем, заточаем, мучим голодом и жаждою, — перенес много и других разных мук, которые изобретали его мучители. Среди своих страданий он и предал свою святую душу Богу, ради Которого он и подвизался; от Него же он и принял Царство небесное, радуясь вечно на небесах.

---

[1] *Константин V Копроним*, император Византийский, царствовал с 741 по 775 год. Он был ревностнейшим иконоборцем. Его царствование было временем, когда иконоборство достигло своего наибольшего расцвета.

ПАМЯТЬ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО **КИРИЛЛА**, епископа Катанского

Святой Кирилл был родом из Антиохии; он был ученик апостола Петра и им был поставлен епископом Катанским в Сицилии. Хорошо и богоугодно пас он свою паству, приводил неверных к вере Христовой и сотворил много чудес, из которых упомянем одно. В той местности был источник с горькой водой; святитель же Божий Кирилл, помолившись Богу, переменил горечь этого источника на сладость. Увидев это, эллинский начальник, идолопоклонник, уверовал во Христа, а с ним уверовали и многие другие. Дожив до глубокой старости, святой Кирилл почил святолепным сном смерти и погребен был с честью на том острове (Сицилии), подавая исцеление прибегающим к нему с верою.

ПАМЯТЬ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО **ФОМЫ**, патриарха Константинопольского

Святой отец наш Фома за многие добродетели, разум и благочестие преподобным Иоанном постником[1] был поставлен во диаконы Великой Цареградской церкви и в царствование Маврикия[2] сделан сакелларием[3]. По смерти же святейшего Иоанна и сменившего его патриарха блаженного Кириака[4], в царствование мучителя

[1] *Иоанн постник*, патриарх Константинопольский с 582 по 595 год. Он отличался строго подвижническою жизнью и известен как автор (составитель) некоторых сочинений, касавшихся, главным образом, вопросов христианской нравственности.

[2] *Маврикий,* император византийский, царствовал с 582 по 602 год.

[3] *Сакелларий* — соборный хранитель утвари, ризничий.

[4] *Кириак* патриаршествовал с 595 по 606 год.

Фоки[1] был поставлен патриархом святой Фома[2] и управлял прекрасно своим престолом, заботливо пася словесное Христово стадо. Во дни его патриаршества совершилось следующее чудо в стране Галатийской[3]. Там в некоторых городах во время крестного хода и литии носили большие кресты. Эти кресты сами собою, с дивною и неудержимою силою стали колебаться, ударялись друг о друга и разбивались. Когда слух об этом чуде прошел повсюду, святейший патриарх Цареградский Фома призвал из той страны святого Феодора Сикеота, мужа прозорливого и чудотворца, и расспрашивал его об этом чуде и о том, что́ бы это чудо предзнаменовало. Святой Феодор рассказал, что чудо действительно было, но что оно означает, отказывался сказать, говоря, что́ не знает этой неведомой тайны.

Тогда святейший патриарх Фома упал ему в ноги с просьбой, и таким смирением своим убедил старца предсказать будущее. После того старец сказал, что кресты сами собой колебались, бились и ломались в знамение многих бед и разорений на Церковь Божию и греческое царство, как от внешних, так и от внутренних врагов: извне будет тяжкое нашествие варваров, а внутри государства между христианами произойдет раскол в вере, и начнут друг друга гнать и истреблять, и все это случится вскоре. Услышав это, патриарх ужаснулся и попросил преподобного помолиться о нем Богу, чтоб Бог взял его душу от тела раньше, чем случится предсказанное разорение, чтоб не видеть ему таких бед на Церковь. Спустя немного времени, когда еще преподобный Феодор оставался в Царьграде у церкви святого Стефана, патриарх заболел и послал известить о своей болезни преподобного, затворившегося в келье и постившегося, — и умолить его испросить ему у Бога скорое скончание. Святой отказывался, не хотел, а патриарх блаженный Фома опять послал к нему с усердной просьбой, желая разлучиться с телом до наступления бед на Церковь. Тогда преподобный Феодор против своего желания исполнил волю святейшего патриарха Фомы, помолился Богу о смерти его и послал ему сказать:

— Велишь ли мне прийти к тебе или мы там увидимся перед Богом?

---

[1] Император *Фока* царствовал с 602 по 610 год.

[2] Святой *Фома* патриаршествовал с 607 по 610 год.

[3] *Галатия* — малоазийская область.

Фома святой отвечал ему через посланного: «Не прерывай, отче, своего молчания, довольно мне того, что ты сказал: там увидимся перед Богом».

И в тот же день святейший патриарх Фома перед вечером радостно разлучился с телом и отошел к Господу в царствование того же Фоки. По кончине святого Фомы принял престол патриарший Сергий, диакон той же великой церкви, и был сначала правоверен, а после развратился и сделался начальником ереси монофелитской, иначе сказать, единовольнической, несправедливо признающей в Господе Христе одну волю[1]; тогда наступили беды для Церкви: раскол, разорение, мучение и гонение от еретиков на правоверных; в то же время, попущением Божиим за умножение ересей, началась тяжкая война с персами, пленение и опустошение огнем и мечом греческих областей; был взят персами Иерусалим и честное древо святого Креста было захвачено в плен и унесено в Персию; так сбывались все несчастия, предзнаменованные вышеупомянутым чудом с крестами и предсказанные пророчеством святого Феодора Сикеота; чтоб не видеть этих несчастий своими глазами, святейший патриарх Фома предпочел умереть, чем оставаться в живых, и получил по своей просьбе блаженную кончину раньше наступления этого страшного времени. Он пас Церковь Христову три года и два месяца, много боролся с еретиками, храня православное учение и истинно почитая Христа Бога нашего, Ему же со Отцом и Святым Духом слава вовеки. Аминь.

---

[1] *Монофелиты* — признавали в Иисусе Христе только одну волю — Божескую. Ересь эта была осуждена на VI Вселенском соборе, бывшем в 680 году в Константинополе.

День двадцать второй

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ВАСИЛИЯ,
пресвитера Анкирского

Святой Василий, пресвитер церкви в Анкире, городе в Галатии, прилежно старался учить людей истине христианской и отвращать их от пути диавольского и от всех его злых дел; он постоянно проповедовал, что наступило страшное время, явились князья адских полчищ; ибо у сатаны есть слуги, одетые в овечьи одежды, а внутри они — хищные волки; они являются людям на пути этой кратковременной жизни, чтоб уловлять их души в погибель, и коварные козни их проявляются в настоящее время.

— Потому, — говорил святой, — я указываю всем путь, ведущий ко спасению Христом Богом, и обличаю заблуждение нечестивых: если кто, оставив живого и вовеки пребывающего Бога, обратится к идолам, слепым, глухим и немым, тот наследует происходящее от богов его пламя неугасимого огня; поэтому мы все, любящие Христа и усердно почитающие Его как Вождя нашей веры, желая сохранить в наших неоскверненных душевных хранилищах неотъемлемое сокровище, станем попирать ногами прельщения диавола и идольские веселые праздники, избежим мерзостных врагов, подкрепленные помощником нашим Христом, подающим вечное возмездие.

Так делал постоянно святой, обходя весь город и убеждая каждого хранить истинную веру и избавиться от будущих вечных мук. Жил же святой Василий пресвитер при патриархе Константинопольском Евдоксии арианине и от него за свое благочестие во

время арианского собора в Константинополе получил запрещение священнодействовать; но потом собором двухсот тридцати епископов в Палестине ему было повелено совершать святые таинства. Исповедуя правую веру и живя богоугодно, он разъяснял истины веры и многих отвращал от заблуждения. Поэтому в те времена, когда всякий благочестивый христианин подвергался гонению, его оклеветали перед царем Констанцием, сыном Константина Великого, будто он смущает народ; будучи мучим за истину, он многих научил правильно веровать, потому что сам был постоянен и тверд в вере и отеческом предании, ничуть не уклоняясь от благочестивого исповедания. Когда вступил на престол Юлиан Отступник[1] и стал губить души людские, издав безумные законы о скверных идольских жертвах, тогда и в Галатийской стране по его повелению люди кланялись идолам целый год и три месяца. Святой же Василий, видя погибель для душ человеческих, молился Богу о своем городе Анкире, говоря:

— О Спаситель мира, Христе, Свет немеркнущий, сокровище вечных хранилищ, волею Отчею прогоняющий тьму и Его Духом все составляющий! Призри святым и страшным Твоим оком и разрушь скверное волшебство противящихся Твоей святой воле; пусть будет рассеян слабый замысел их и не будет препятствовать душе, вовеки пребывающей в Тебе — Боге!

Идолопоклонники же, услышав, что святой Василий молится так вслух, весьма разгневались на него, и один из них, по имени Макарий, побежал и схватил его со словами:

— Что ты обходишь весь город, смущаешь народ и упраздняешь закон богопочитания, изданный царем?

Отвечал ему святой:

— Да сокрушит Бог твои уста, пленник диавольский! Не я упраздняю закон ваш, а Тот, Кто на небе, невидимою силой разоряет его и

---

[1] *Юлиан Отступник* царствовал с 361 по 363 год.

истребит, и погубит всех вас, пока не изнеможете окончательно и не наследуете уготованную вам смерть вечную.

Нечестивые люди, полные ярости, повели его к игемону Сатурнину, говоря:

— Этот человек смущает наш город и многих прельщает и вводит в заблуждение, а теперь он дошел до такой дерзости, что велит разрушать жертвенники и не стесняется хулить царя.

Игемон Сатурнин спросил святого:

— Кто ты такой, что осмеливаешься на такое дело?

Святой Василий отвечал:

— Я — христианин; это имя для меня всего почетнее.

Сказал Сатурнин:

— Почему же ты не делаешь того, что нужно христианину?

Святой отвечал:

— Справедливо ты советуешь мне, игемон. В самом деле, нужно, чтоб добрые дела христианина стали явны всем, как учит святое Евангелие: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного* (Мф. 5, 16).

Сказал Сатурнин:

— Зачем же ты смущаешь наш город и хулишь повсюду царя, будто он нарушил добрые законы?

Святой отвечал:

— Я не хулю вашего царя; но я знаю Вышнего Царя: Он Бог, живущий на небе, Ему достойные служители отцы наши всюду поклоняются в чистоте сердца; Он может в короткое время разрушить ваше безрассудное установленное нечестие.

Сатурнин сказал:

— Разве закон, предписанный нашим царем, ты не считаешь справедливым?

Отвечал святой:

— Как же может быть справедливым закон, повелевающий, подобно бешеному псу, который пожирает мясо около жертвенника и лает перед ним, — класть тело человеческое на жертвенник, проливать кровь и закалывать младенцев в жертву бесам? Как можно такой закон назвать справедливым?

Сказал Сатурнин:

— Перестань лгать, гордец, и покорись царю!

Отвечал святой Василий:

— Небесному Царю повиновался я до сих пор и теперь повинуюсь, и никогда не отступлю от святой веры в Него.

— Про какого ты мне говоришь, — сказал Сатурнин, — небесного Царя, Которому ты повинуешься?

— Я говорю, — отвечал святой, — о Том, Который восседает на небесах и все видит; а тот царь, которого ты хвалишь, тот царь земной и тотчас, как человек, падет и будет в руках Царя великого.

Услышав это, Сатурнин разгневался и велел святого раздеть, повесить и строгать железными орудиями его тело. Он же, вися и претерпевая муки, молился так Богу:

— Благодарю Тебя, Господи Боже веков, что Ты удостоил меня пострадать за Тебя и найти путь жизни, идя по которому я могу увидеть наследников Твоих обещаний.

Когда строгали святого, сказал игемон:

— Василий, теперь ты принял такие страшные муки, покорись царю.

Святой отвечал:

— О неистовый человек и чуждый надежды христианской! Я сказал уже, что я повинуюсь моему Богу, как истинному Царю, верую в Него, и мне нельзя от Него отступить.

Когда слуги, строгавшие святого, устали, Сатурнин велел им перестать и сказал опять святому:

— Согласись с нами и принеси жертвы нашим богам.

Отвечал святой:

— Не поклонюсь суетным богам и не буду участником жертв, убивающих души.

Тогда велел игемон отвести мученика в темницу; по дороге туда встретился святому один эллин, по имени Филикс, и сказал ему:

— Как это, Василий, ты сам идешь на гибель? Не лучше ли бы тебе стать другом богам и получить дары, обещанные царем? Ведь ты будешь жестоко страдать и долго еще, и по заслугам: сам того пожелал.

Отвечал ему святой:

— Отойди прочь, развратник и нечестивец, ты не знаешь истинных обещаний вечного Царя небесного Христа и недостоин их знать: как можешь ты во тьме увидеть свет истины и познать окружающий тебя мрак?

С этими словами святой Василий вошел в темницу.

Игемон же Сатурнин послал письмо царю Юлиану и известил его о случае с пресвитером Василием. Царь тотчас послал в Анкиру некоего Элпида, учителя неверия, который был прежде христианином, а потом сделался отступником, а с ним вместе послал другого нечестивца, также бывшего христианина и отпавшего потом от небесных сокровищ, по имени Пигасия. По дороге в Анкиру, в Никомидии, они нашли Асклипия, жреца идольского, и, взяв его с собою, втроем, словно три начальника диавольского войска, пришли в город Анкиру; а святой Василий, сидя в темнице, не переставал день и ночь хвалить и славословить Бога. На другой день пришел Пигасий к святому Василию в темницу и, приветствуя его, сказал:

— Радуйся[1], Василий.

Отвечал ему святой:

— Нет тебе никакой радости, преступнику и обманщику, нет тебе спасения, которое ты когда-то пил из источника Христова; теперь ты — гнилое болото, поглощаешь жертвенное мясо; прежде ты был причастником Божественных Тайн, теперь ты сидишь на первом месте за бесовской трапезой; прежде ты был учитель истины, теперь вождь погибели; прежде ты совершал праздники со святыми, теперь веселишься с сатанинскими слугами; прежде ты вел заблудившихся из тьмы к свету, теперь ты сам весь объят мраком. Как ты погубил свою надежду и лишился духовного сокровища? Что ты будешь делать, когда будешь умирать?

Сказав это, святой Василий обратился к Господу с такой молитвой:

— Прославься, Боже, познаваемый Твоими рабами и приводящий к свету желающих видеть Тебя, Бога своего, прославляющий надеющихся на Тебя, наполняющий стыдом ненавидящих закон Твой, хвалимый небесными жителями и на земле почитаемый людьми. Соизволь, Боже Вышний, сбросить все диавольские узы с души раба Твоего, чтоб избежать мне ненавидящих правду, хвалящихся поймать и одолеть меня!

Пигасий же, услышав это, со смущением отошел от него, возвратился к своим друзьям и передал им все слова Василия; тогда они

[1] Так здоровались греки.

разгневались, увидав Пигасия смущенным, пошли и сказали об этом игемону. Игемон же тотчас приказал привести святого на пытку; святой мученик, став на суде, сказал игемону:

— Делай, что хочешь делать.

Елпидий, услышав, что Василий так смело говорит, сказал судье:

— Обезумел этот беззаконник! Если теперь после мучений он согласится поклониться богам, то будет помилован; если же не захочет, то оставить его на мучение самому царю.

Разгневанный игемон велел святого опять нагого повесить и долго строгать его железом по ребрам, а потом снова запереть его в темницу, закованного в тяжелые цепи.

Несколько дней спустя царь Юлиан, отправляясь в восточные страны, прибыл в Анкиру; навстречу ему вышли диавольские слуги с идолом, называемым Гекатою[1]; войдя в палату, он созвал идольских жрецов и наградил их золотом. На следующий день, во время зрелищ, Елпидий напомнил царю о Василии, и царь, оставив зрелища, велел привести Василия к себе в палату. И пришел святой Василий, и предстал пред царем со светлым лицом, в чудной красоте. И сказал ему Юлиан:

— Как твое имя?

Святой отвечал:

— Скажу тебе по порядку, кто я. Во-первых, я называюсь христианином, а Христово имя вечно и выше ума человеческого; затем, люди зовут меня Василием; если имя Христово, данное мне, я сохраню непорочным, то получу от Христа бессмертную награду в день суда.

Царь Юлиан сказал:

— Не заблуждайся, Василий, ведь мне хорошо известны ваши таинства: ты веруешь в Того, Который принял позорную смерть при Понтийском Пилате.

Отвечал святой:

— Не я заблуждаюсь: ты заблуждаешься, царь, сделавшись отступником и лишившись небесного Царствия. Я верую в моего Христа, Которого ты отверг, Который дал тебе это земное царство; но оно скоро отнимется у тебя, чтоб узнал ты, какого Бога прогневал.

---

[1] *Геката* — божество лунного света.

— Ты беснуешься, безумный, — сказал Юлиан, — не будет так, как ты хочешь!

Святой продолжал:

— Ты не помнишь наград, приготовленных рабам Христовым, не постыдился алтаря, который спас тебя от убиения, когда тебя, восьмилетнего ребенка, искали убить и ты был спрятан в священном месте; ты не исполнил закона, который своими устами проповедовал часто, когда был клириком! За это и Христос, Царь великий, не помянет тебя в Своем вечном Царствии, но и это временное царство скоро отнимет у тебя; тело твое не сподобится погребения, когда ты извержешь душу свою в лютой болезни. (Это предсказал святой о скорой смерти Юлиана, труп которого после погребения земля выбросила из недр своих.)

Тогда сказал Юлиан:

— Нечестивый! Я хотел тебя отпустить, но за то, что бесстыдно повторяешь свои безумные слова и отвергаешь совет мой, да еще бесчестишь меня разными упреками, повелевает мое величество, чтоб каждый день выкраивали из твоей кожи семь ремней.

Он приказал Фрументину, начальнику щитоносцев, взять Василия и каждый день отдирать у него часть кожи, выкраивая по семи ремней. Фрументин усердно исполнял приказание, а святой доблестно терпел за Христа такие муки. Когда в несколько дней вся кожа его была уже содрана и ремнями висела по плечам и спереди и сзади, страдалец сказал начальнику:

— Я хотел бы теперь пойти к царю и поговорить с ним.

Начальник очень обрадовался его словам, думая, что он хочет поклониться идолам, пошел к царю и сообщил ему так:

— Владыка царь! Василий не вынес мук и хочет покориться твоему величеству.

Царь пошел в храм Асклепия и велел туда привести к себе мученика. Представ пред царем, святой Василий сказал ему:

— Где твои жрецы и пророки, которые обыкновенно бывают с тобой? Сказали ли они тебе, зачем я пришел к тебе?

Юлиан отвечал:

— Я думаю, что ты человек умный, понял свое положение, хочешь соединиться с нами и будешь отныне приносить жертвы богам.

Сказал святой:

— Знай, царь, что те, кого ты называешь богами, — ничто; это идолы глухие и слепые, а верующих в них они влекут в ад.

Сказав это, он оторвал один из висевших на его теле ремней и бросил в лицо царю со словами:

— Возьми, Юлиан, и съешь, если ты наслаждаешься такой пищей; моя же жизнь — есть Христос, и умереть за Него для меня — приобретение: Он — мой помощник, в Него я верую, за Него терплю эти муки!

Повсюду между христианами тотчас прошел слух о таком смелом поступке святого Василия, и все прославляли его за такое славное исповедание Христа и за мужественное дело, которым он посрамил мучителя.

Фрументий, начальник полка щитоносцев, который привел святого мученика Василия к царю, увидав, что сделал Василий — как он оторвал от своего тела ремень и бросил его в лицо Юлиану с дерзкими словами, устыдился и испугался гнева царского: он увидел, как царь изменился в лице от гнева, а разгневался царь не столько на мученика, сколько на него, потому что он привел узника на такое бесчестье лицу царскому. Тотчас схватив мученика, скрываясь от царя, привел его в преторию[1] и, дыша яростью лютой, приказал мучить его еще больше, чем мучил его все эти дни, и не только содрал всю кожу с мученика, но так изранил все его тело, что обнажились внутренности. Святой же Василий среди таких мучений молился Богу так:

— Благословен, Господи Боже, надежда христиан, поднимающий падших, — восстановляющий низверженных, освобождающий от тления надеющихся на Тебя, знающий наши страдания, благой и щедрый, милостивый и долготерпеливый, призри с высокого престола Твоей славы, дай мне с верой окончить мою жизнь и удостой меня вечного и бессмертного Твоего Царствия!

Потом, когда уже настал вечер, Фрументин приказал заключить святого в темницу, а Юлиан очень рано утром вышел из города, не удостоив его свидания, и отправился в Антиохию. Фрументин же, видя, как царь гневается на него из-за Василия, еще пуще разъярился на святого Василия и, приведя его из темницы, сказал ему:

[1] *Претория* — место суда.

— Что же, безумнейший из всех людей! Принесешь ты жертвы богам, как приказал царь, или нет? Что ты решил: повиноваться царскому повелению или погибнуть в мучениях?

Отвечал ему святой мученик Василий:

— Безумный и нечестивый! Ты забыл, сколько ремней содрал ты с моего тела вчера и в предшествовавшие дни, как все, смотря на меня, умилялись и плакали, видя, каким мукам подвергаешь ты меня, святотатец! И видишь: я опять, благодатью моего Христа, стою здоров перед тобой. Слуга диаволов, свирепый и бесчеловечный! Возвести своему мучителю царю Юлиану, какая сила у Христа Бога, которую он оставил; он, прельщенный диаволом, погубил свою душу; я уже не стану вспоминать, как Христос Бог избавил его от смерти, защитив святыми Своими иереями под Божественным алтарем святой церкви; он забыл благодеяния ее, отрекся сам от себя и бежал от нее. Я же надеюсь на Христа моего, что вскоре воздаст ему по заслугам, и погибнет окаянный отступник в муках!

Фрументин сказал ему:

— Ты беснуешься, безумный! Непобедимый владыка Юлиан, по своему человеколюбию и милосердию к тебе, повелел тебе вместе с нами совершать праздник, приносить жертвы и курить благовонными кадилами; ты же не захотел послушаться, а, напротив, дерзко сначала обесчестил царя, а потом и меня ввел в беду; я отплачу тебе по заслугам такими муками, от которых ты быстро лишишься жизни.

С этими словами Фрументин приказал раскалить железные прутья и колоть ими святого в плечи и живот. В таких мучениях святой Василий упал на землю, громко молясь Богу и говоря:

— Свет мой, Христе! Надежда моя, Иисусе! Пристань тихая для гонимых волнами! Благодарю Тебя, Господи Боже отцов моих, за то, что Ты вырвал душу мою из ада преисподнего и сохранил во мне имя Свое непоруганным, чтобы, торжествуя окончив свой путь, унаследовал я вечный покой, по обещанию, данному отцам моим от Тебя, Архиерея великого Иисуса Христа, Господа нашего! Теперь же приими с миром душу мою, пребывающую неизменно в этом исповедании! Ты милосерд, и велико Твое милосердие, живущий и пребывающий во веки веков, аминь.

Совершив такую молитву, когда живот мученика был уже весь исколот раскаленными прутьями, он словно уснул сладким сном, предав душу свою в руки Божии. Так, 28 января, скончался святой Василий в исповедании мученическом. Вскоре же, после убиения и погибели Юлиана Отступника, 22 марта, христиане явно воздали почтение многострадальному телу мученика и в этот день установили память ему. Его доблестное страдание укрепило всех христиан в вере в Иисуса Христа, Господа нашего, Его же слава и Царство бесконечно вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **ДРОСИДЫ**

По повелению императора Траяна[1], исповедников Христа ежедневно предавали смерти, и тела их повергали в непотребных и нечистых местах. В это время, упражняясь в исполнении заповедей Божиих и смиренно совершая свои подвиги, проводили в воздержании жизнь некоторые христианские девственницы, и их наставницы всякий раз подбирали тела святых мучеников и, помазав их ароматами, завертывали в чистое полотно и хоронили в своих жилищах. Дочь императора Траяна Дросида, узнав об этом, в одну ночь, когда все бывшие при ней слуги объяты были глубоким сном, пришла к этим девственницам, имея при себе драгоценную одежду, и просила их позволить ей идти вместе с ними для того, чтобы и она могла взять честное тело святого мученика. Между тем некий Андриан, жених Дросиды и близкий друг императора, дал ему такой совет:

— Самодержавный владыка! Повели поставить воинов для охраны преданных смерти христиан, чтобы узнать, кто похищает тела их.

Траян повелел исполнить этот совет, и воины, поставленные на стражу, бодрствуя всю ночь, схватили пятерых вышеназванных христианских наставниц, а вместе с ними и дочь Траяна, Дросиду, и,

---

[1] Римский император *Траян* царствовал с 98 по 117 год. В 99 году он возобновил существовавший раньше закон, запрещавший тайные общества и косвенно касавшийся христиан, а в 104 году издал и положительный закон против них. Начиная с этого года, гонение продолжалось до конца его царствования.

когда настало утро, привели всех их к императору. Увидев Дросиду, Траян пришел в ужас и повелел стражам строго охранять ее в закрытом помещении, надеясь на то, что, раскаявшись, она, может быть, исправится. Для дев же наставниц он приказал выковать большой котел и бросить их в него и вместе с ними — большое количество меди для сплава, чтобы медь слилась с телами их, и они сгорели в ней. Из этой меди он повелел, далее, выковать жертвенные треножники и поставить их во вновь выстроенной им бане, которая в праздник Аполлона[1] в первый раз должна была быть истоплена и открыта для уврачевания болезней и отдохновения от трудов единомысленных с ним почитателей языческих. Когда повеление императора было исполнено: святые мученицы Христовы были сожжены, и скованы были треножники для жертв, — то баню истопили и повсеместно оповестили народ, говоря:

— Все, к кому благоволят спасающие от бед боги и кто предан императору, войдите в достойную любопытства баню для ее открытия.

По этому зову немедленно же стал сходиться к бане народ, и первый из пришедших, устремившись, чтобы переступить порог входных в баню дверей, упал на землю и испустил дух. То же случилось и со всеми теми, которые вместе с ним подошли к порогу, так что никто не мог войти даже в первые двери бани. Траян, узнав об этом, призвал к себе жрецов своих языческих богов и сказал им:

— Что это такое случилось? Неужели это произошло от чародейства христиан?

— Нет, царь, — ответили жрецы, — это произошло от треножников, сделанных из расплавленной по твоему приказанию меди, в которой были сожжены христианские девственницы. Прикажи убрать их и поставить другие, и тогда дело, задуманное тобой, совершится беспрепятственно.

Когда этот совет жрецов приведен был в исполнение, то Андриан сказал императору:

— Царь, позволь мне снова расплавить убранные треножники, сделать из них пять статуй нагих дев, похожих на казненных тобой

---

[1] *Аполлон*, или *Феб*, — сын Зевса и Латоны, был одним из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Он почитался богом солнца и умственного просвещения, а также — богом порядка и общественного благополучия.

христианских наставниц, и для поношения и поругания их поставить эти статуи пред входом в твою императорскую баню.

Траян тотчас же изъявил на это свое согласие, и статуи были сделаны. Когда они поставлены были на назначенные места, то Траян увидел во сне пять чистых агниц, пасущихся в раю, и пасущего их страшного пастуха, который сказал ему:

— О беззаконнейший и нечестивейший царь! Тех, изображения которых ты задумал выставить для поношения, добрый и милосердый Пастырь отнял у тебя и поселил в этом месте, куда со временем прибудет и чистая агница Дросида, дочь твоя.

Проснувшись, нечестивый и беззаконный Траян пришел в неистовство, так как святые девы-мученицы и после смерти своей посрамили его замыслы, и повелел на противоположных концах города затопить две печи и топить их ежедневно, а на них сделать надпись, выражающую его царское повеление и заключающую в себе следующее:

«Мужи галилеяне[1], поклоняющиеся Распятому, избавьте себя от великого множества мучений, а нас — от трудов, принесите жертвы богам. Если же сделать этого вы не желаете, то пусть каждый из вас добровольно, каким хочет способом, ввергает себя в эту печь».

После того, как вышло от императора такое повеление и до святой Дросиды дошел слух, что христиане по вере во Христа и любви к Нему ввергают себя в печи, она, подняв глаза свои к небу, сказала:

— Владыка Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, если есть воля Твоя на то, чтобы мне спастись и избежать безумного богопочитания нечестивого отца моего Траяна, то Сам Ты помоги мне освободиться от брака с беззаконным Андрианом и взойти на небо, где пребывают уже те пять наставниц, которые утвердили меня в страхе Твоем. Усыпи же сном глубоким охраняющих меня, чтобы я могла убежать отсюда.

Сказав эти слова, святая Дросида сняла с себя знаки своего царственного достоинства и тихо вышла из своего заключения, так что никто из стражи не заметил ее. В то время, когда она шла, чтобы ввергнуть себя в одну из печей, то размышляла, говоря про себя:

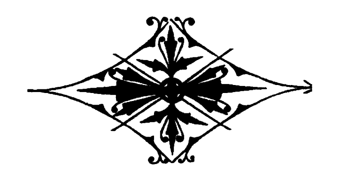
[1] *Галилеянами* в насмешку называли христиан.

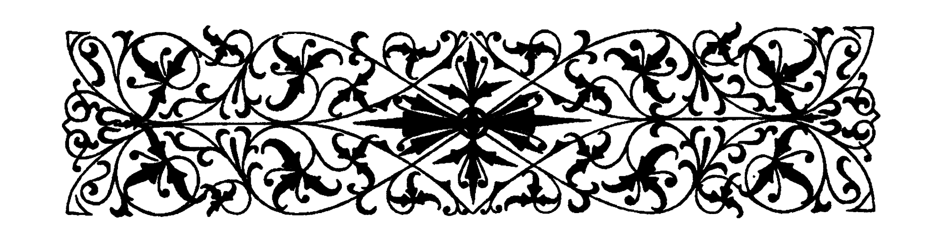
«Как я пойду к Богу, не имея на себе брачной одежды (то есть не приняв крещения): ведь я нечиста. Но, Царь царствующих, Господи, Иисусе Христе, ради Тебя я оставила мое царственное положение, чтобы Ты удостоил меня быть хоть привратницей в Царствии Твоем; крести же меня Ты Сам Духом Твоим Святым».

И сказав это, святая Дросида вынула миро, которое из всех сокровищ своих взяла с собою, и помазала им все члены свои, а потом вошла в воду протекавшего на ее пути ручья и сама крестила себя, произнеся слова:

— Крещается раба Божия Дросида во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

После этого, предавшись строгому посту, она в течение семи дней скрывалась. В это время ее нашли некоторые христиане и из ее рассказов о себе узнали все вышесказанное. На восьмой день после крещения святая мученица, помолившись, сделала то, что раньше задумала и так отошла ко Господу.

День двадцать третий

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА НИКОНА

В городе Неаполе, в области Кампании[1], жил знатный и храбрый воин, отличавшийся необыкновенной красотою, по имени Никон. Отец его, эллин-язычник, воспитывал сына в идолопоклонстве; но мать Никона была христианка и всегда научала его познанию Христа. Указывая ему на силу Креста Господня, она говорила:

— Возлюбленный сын мой! Если тебе случится когда-либо на войне подвергнуться опасности, ограждай себя чаще крестным знамением, — ты избежишь не только плена, но избавишься и от всяких ран; не поразит тебя ни стрела, ни копье, ни меч, и ты останешься невредимым даже в самое опасное время сражения.

Случилось однажды римским воинам отправиться на войну. Никон также должен был идти со своим отрядом. Во время одного кровопролитнейшего сражения Никон находился в крайней опасности, на краю погибели. Видя множество воинов своих убитыми, он и сам ожидал смерти от оружия врагов; но, вспомнив слова и наставления матери своей, Никон возвел взор свой к небу, оградил себя крестным знамением и, с глубоким воздыханием сердечным, произнес:

— Христос, всесильный Бог! Яви ныне силу Креста Твоего на мне; отселе я буду рабом Твоим и буду поклоняться Тебе и родившей Тебя Матери.

---

[1] *Кампания* — область средней Италии. Один из замечательных городов ее, Неаполь, расположен на северном берегу Неаполитанского залива. В этой области впервые изобретены были колокола, которые в церковно-богослужебных книгах по месту своего происхождения и называются «кампанами».

После этих слов он почувствовал в себе необыкновенную храбрость и, устремившись с копьем в правой руке, скоро перебил до ставосьмидесяти храбрых неприятельских воинов, а прочих обратил в бегство, так что никто не мог сопротивляться ему. Так чудодейственно проявилась на нем сила Креста Христова!

Тогда Никон прославил Бога, говоря:

— Велик Бог христианский, побеждающий и прогоняющий врагов знамением Креста Своего!

Удивилось все римское войско Никону и говорило:

— Великое чудо Божия смотрения! Мы никогда не видали и даже не слыхали о воине, так храбро подвизавшемся на войне, как Никон.

По окончании войны, когда все были распущены по домам, возвратился в свой дом и святой Никон; восхваляя Бога, он рассказал матери своей, что совершил с ним на войне Христос Господь силою Креста Своего.

В величайшей радости мать его воскликнула:

— Благодарю Пресвятое Имя Твое, Господи, ибо Ты хочешь всем человекам спастись и в познание истины приити! Ныне услышь молитву рабы Твоей и сподоби сына моего святого крещения, дарованного нам во оставление грехов, и научи его творить волю Твою, дабы угодить Тебе и сподобиться обещанных вечных благ.

Никон стал расспрашивать мать свою, как ему можно сделаться христианином. Мать отвечала ему:

— Тебе надлежит поститься сорок дней и поучаться в христианской вере от христианского священника; потом, отрекшись сатаны и всех дел его, веруя же во Христа Бога, ты сподобишься святого крещения и будешь истинным христианином и рабом Христовым.

— Жив Господь! — отвечал Никон, — лучше я буду рабом Его, нежели останусь язычником, идолопоклонником и воином; я не хочу больше поклоняться камню или иной какой твари, но Единому Богу, Творцу неба и земли, моря и всего, что в них.

Поклонившись до земли матери своей, Никон сказал:

— Мать моя! Моли Бога о мне, рабе твоем, да дарует Он мне Ангела, доброго наставника и хранителя души и тела моего, чтобы под его руководством я мог найти такого раба Божия, который сподобил бы меня святого крещения и научил бы творить волю Христа, истинного Бога нашего, и я был бы причтен к словесному стаду Хри-

стову. О честная мать моя! Если бы поучение твое не отвлекло меня от языческого заблуждения и не привело к познанию истинного Бога, я не избежал бы геенны и подвергся бы мукам во аде со всеми, не знающими Бога. И со словами: «Моли о мне, мать моя!» — он хотел было уйти из дому.

Мать, схватив за руку сына, умоляла его возвратиться к ней по принятии святого крещения и похоронить ее, так как она уже чувствует приближение смерти. Потом, помолившись о нем, она дала ему денег и, что важнее всего, напутствовала его своим материнским благословением и отпустила отыскивать христианского священника; но желающему сделаться христианином и принять святое крещение трудно было найти такового в то время, по причине гонения на христиан, так как все священники и наставники христианские скрывались в пустынях и горах.

Покинув свой дом, Никон пришел на корабельную пристань и, сев на корабль, отплыл в Константинополь.

По отшествии Никона в городе Неаполе воины и начальники долго искали храброго воина и, придя в дом к матери его, спросили ее: «Где находится сын?»

Она отвечала: «Не знаю, куда ушел!»

Между тем Никон, водимый благодатью Божиею, прибыл на остров, называемый Хиос, взошел там на высокую гору и провел в молитве восемь дней, прося Бога указать[1], в каком месте найти ему такого раба Господня, который сподобил бы его давно желаемого святого крещения и научил бы таинствам святой веры. И вот, в сонном видении Никону явился Ангел Божий в образе святителя; он вручил ему посох, имеющий наверху изображение креста, и велел идти на берег моря. Отправившись туда, наутро он нашел корабль, точно поджидающий его, потому что тот же самый Ангел Божий явился корабельщикам и повелел им ждать Никона, который будет сходить с горы с жезлом, имеющим изображение креста.

Благодаря попутному ветру, Никон вместе с корабельщиками пристали через два дня к одной горе, называемой Ганос[2], где укрывался от гонения со множеством иноков Феодосий, епископ Кизи-

---

[1] *Хиос* — один из островов Эгейского моря, или Архипелага, лежащий близ западных берегов Малой Азии.

[2] *Ганос*, или *Ган*, находится на северо-западном побережье Мраморного моря, — одно из укрепленных мест во Фракии.

ческий[1]; он был для иноков игуменом и отцом. Ему было открыто Богом о Никоне, и он вышел со своими монахами ему навстречу к пристани. Затем он привел его в свою пещеру и, после оглашения, крестил во имя Святой Троицы и приобщил Пречистых Тайн Христовых.

По принятии святого крещения блаженный Никон жил в том пещерном храме, поучаясь Божественному Писанию и присматриваясь к иноческому житию, и за свою кротость был пострижен во иноческий образ.

Некоторые из братии, видя смирение и кротость, пост, воздержание и всенощное стояние Никона без сна на молитве и псалмопении, уподобляли его Ангелу Божию; ибо он был в трудах терпелив, в любви велик, в постах несравненен, в учении и чтении книг ненасытен, не изнемогал в нощных молитвах и во всех иноческих подвигах был прилежен и усерден; он вызывал удивление не только братии, но даже самого епископа Феодосия.

Когда блаженный Никон пробыл на той горе три года, епископу было откровение от Бога, — явился ему во сне Ангел Господень и сказал:

— Прежде своей смерти поставь в епископы вместо себя Никона, которого ты крестил и облек в иноческий сан, и вверь ему твое стадо; но вели ему переселиться со всеми на полуденную страну Сицилийской области[2], чтобы не погибнуть инокам от меча варваров, которые в скором времени нападут на это место.

После этого видения епископ Феодосий посвятил блаженного Никона сначала во диакона, потом во пресвитера, наконец рукоположил и во епископа и, вручив ему иноков числом сто девяносто, почил о Господе.

Совершив погребение епископа, Никон сел со всеми иноками на корабль и отплыл на остров Лесбос[3], где, пристав к городу Мити-

[1] Кизическая область с городом Кизиком находится в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

[2] *Сицилийская область*, или *Сицилия*, — один из больших островов Средиземного моря, на юге от Апеннинского полуострова, отделяющийся от него Мессинским проливом. На нем находится величайший в мире вулкан (огнедышащая гора) Этна.

[3] *Лесбос* — остров Эгейского моря, или Архипелага, у западных берегов Малой Азии, близ Мидии.

лены[1], пробыл два дня и потом отплыл на остров Наксос[2]. Оттуда, по Божию произволению, через двадцать два дня он приплыл в Италию; прибыв в отечество свое, город Неаполь, он застал там в живых блаженную мать свою, которая, увидев его, со слезами радости пала ему на грудь и целовала его. Поклонившись Господу до земли, она сказала:

— Благодарю Пресвятое Имя Твое, Господи, что Ты привел меня увидать сына моего в ангельском образе и епископском достоинстве; и ныне, Владыко мой, услышь меня, рабу Твою, и приими душу мою в Твои руки.

Сотворив эту молитву, блаженная жена тотчас предала свой дух Господу; все, присутствовавшие при этом, прославили Бога и честно погребли ее со псалмопениями.

Слух о прибытии Никона распространился по всему городу; узнали об этом и некоторые из воинов, бывших его друзьями по полку; придя к нему, они любовались благообразием лица его и спрашивали наедине:

— Заклинаем тебя силою Вышнего, скажи нам, отчего проявлялась у тебя на войне сила и храбрость, от волшебства или от другого чего? Научи и нас быть такими же.

— Братия! — отвечал им святой, — поверьте мне, что ни волшебство, ни иное что делало меня храбрым на войне, а только одна помощь Честного Креста Христова. Когда я вооружался им, никто не мог стоять против меня, ибо сила Божия, действующая в крестном знамении, побеждала всех врагов.

Услышав такие слова, воины те припали к ногам святого епископа Никона, говоря:

— Святитель Божий! Помилуй нас и возьми нас с собою, чтобы, как на войне мы избавлялись от врагов чрез тебя, так и теперь сделаться нам с тобой причастниками Царствия небесного.

И тотчас, покинув жен, детей, братьев и свои дома, воины те последовали за святым Никоном; их было девять человек.

Сев на корабль, преподобный Никон с ними и своими учениками отплыл в страну Сицилийскую и там пристал к высочайшей

---

[1] *Митилены* — самый большой укрепленный город острова Лесбоса, находящийся на восточной его стороне.

[2] *Наксос* — остров на юге Эгейского моря, или Архипелага, — самый большой из группы Цикладских островов.

горе Тавроменийской[1]; высадившись на берега и пройдя значительное расстояние, они пришли к реке Асинос, около которой нашли большую ветхую каменную баню, стоящую на пустынном месте, называемом Гигиа, где и поселились. Место это было очень красиво и уединенно, а земля оказалась удобною для возделывания. Насадив виноградники и плодоносные деревья, они начали жить там. Преподобный Никон крестил здесь тех девять мужей, друзей своих по военной службе, и постриг их в иноческий образ.

Прошло много лет, но гонение на христиан продолжалось. Игемону сицилийскому Квинтиану было донесено язычниками, что на реке Асинос живут одни мужи, которые почитают небесного Бога, имея у себя учителем епископа Никона; они не повинуются нашим законам и не хотят почитать богов наших.

Услышав это, игемон исполнился гнева и ярости и тотчас отправил отряд воинов захватить всех их и привести к нему на допрос.

Придя на то место, воины спрашивали:

— Где находится Никон со своими друзьями, которые не повинуются законам царским и не почитают богов!

Святой Никон отвечал им:

— Дети мои! Хорошо, очень хорошо вы сделали, что пришли сюда, ибо Христос, Владыка мой, призывает к Себе меня и друзей моих.

Тогда братия стали на молитву, прося Бога укрепить их Своею благодатью на подвиг, но, понуждаемые воинами, они были принуждены прервать молитву и, в сопровождении их, пошли к игемону, как овцы на заклание.

На пути блаженный отец наш Никон укрепил их такими словами:

— Мужайтесь, братия мои, и не страшитесь мучителя, ибо оканчивается наш подвиг, отверзлись нам двери небесные. Твердо станем за веру Христову пред лютым мучителем, будем смело говорить пред ним, помня слова нашего доброго Пастыря: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28).

Когда привели святых к игемону на суд, последний, окинув их грозным взглядом, начал говорить:

[1] *Тавроменийская гора* находится на восточном берегу острова Сицилии.

— Все ли вы питаете себя столь тщетною и обманчивой надеждой, будучи прельщены волхвом — Никоном до того, что не почитаете бессмертных богов и не повинуетесь законам их?

Святые единогласно отвечали:

— Мы — христиане и никогда не отступим от веры своей; надежду свою мы полагаем не в житейской суете, но в Господе Боге, сотворившем небо и землю, море и все, что в них; твои же боги — немые, глухие и бесчувственные истуканы, изделие человеческое, которым будут подобны все надеющиеся на них.

Видя крепкую и неизменную веру святых, игемон сказал:

— Если я не повелю скоро убить их, они могут и других многих увлечь в свое заблуждение.

Поэтому он велел сначала обнажить и растянуть святых по земле, бить их долго и нещадно воловьими жилами; потом — усекнуть мечом всех, кроме святого Никона, при реке, в той бане, где они жили. Тогда их повели на усечение.

Преклоняя свои честные главы под меч, святые мученики говорили:

— Господи! В руки Твои мы предаем души наши, ибо *за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание* (Пс. 43, 23).

Так было усечено сто девяносто девять человек преподобных учеников святого Никона. По повелению мучителя тела их были брошены на сожжение в сильно разожженную баню, где они поселились.

Заковав преподобного Никона в цепи, мучитель придумывал, каким бы лютейшим мучениям предать его.

В ту ночь явился святому в темнице во сне Ангел Божий и сказал:

— Мужайся о Боге, Никон, воин Христов, и веселись, ибо принял Христос Бог наш жертву — сто девяносто девять учеников твоих в воню благоухания: они вошли в чертог, в котором почивает небесный Жених.

После этих слов Ангела святой Никон увидел пред собой деву, светлейшую солнечных лучей, одежда которой была из золота и сапфира[1]; в руках своих она имела белого, как снег, льва. Стояла та дева

[1] *Сапфир* — драгоценный камень; он бывает разных цветов, но чаще всего встречается лазуревого, небесного, голубого, василькового цвета.

на восточной стороне реки Псимиф, с западной же стороны стояли два мужа необыкновенного роста, головы которых касались неба; в руках своих они имели огненные копья и вели с явившеюся девою такой разговор:

— Почему мы ныне стоим здесь праздными, будучи посланными небесным Царем на брань против Квинтиана? Вот мы ожидаем его, а он не идет.

Светоносная дева сказала им:

— Вчера Квинтиан убил сто девяносто девять мужей, рабов Христовых, кроме того, он придумывает наиболее сильные муки учителю их, Никону, победившему все коварства диавольские; скоро он придет на место, куда вы против него посланы.

Сказав это, она выпустила к ним из рук своих льва, сказав: «Возьмите его, он поможет вам против мучителя».

Пробудившись после видения, епископ Никон весьма обрадовался; воссылая хвалу Богу и прославляя Его, он рассказал о видении своему служке, по имени Херомену, который описал впоследствии его житие и страдание.

Рассказывая о видении своему отроку, святой предсказывал вскоре лютую смерть Квинтиану.

Наутро игемон Квинтиан повелел привести к себе на суд святого Никона и спросил его:

— Кто, откуда и какой веры ты, волшебством своим причинивший смерть такому множеству людей; вот они из-за твоего безумия не увидят больше ни сияния солнечного, ни света лунного.

Святой Никон отвечал ему:

— Нечестивец! Не только я сказал уже тебе, кто я и какой веры, но и другие говорили тебе; ты слышал об этом неоднократно от тех многих святых, которых умертвил вчера в ослеплении своего нечестия. Теперь же скажу тебе короче: я — христианин, твердо и неуклонно надеюсь на Бога, сотворившего небо и землю, который предаст тебя нестерпимым мукам за твое бесчеловечное мучительство и великое нечестие.

От этих слов мучитель, зарычав как лев, повелел обнажить святого и, протянув, привязать к четырем колесам за руки и ноги, а снизу поджигать его огнем.

Святой Никон лежал на раскаленных угольях, как на цветах, так воспевая Богу:

«Ты, Господи, утверждение мое и прибежище мое, избавляющий меня от врагов, гневающихся на меня» (см.: Пс. 17, 3).

Слуги сказали мучителю:

— Владыко, игемон! Мы изнемогли: как мы ни разжигаем огонь и как ни опаляем Никона, ничто не вредит ему.

Прекратив это мучение, игемон велел привязать святого к борзым коням, чтобы влачить по земле и растерзать его; но святой, привязанный к коням, простер на них правую руку и осенил их крестным знамением, и кони тотчас сделались кроткими, как овцы, и стояли, как вкопанные, не двигаясь с места, сколько слуги ни били их и ни понуждали вожжами и уздой.

Видя это, мучитель разгневался и повелел перерезать у коней жилы на ногах, но, по Божиему повелению, они вдруг заговорили человеческим голосом, как некогда Валаамова ослица: «*Бог наш на небесах и на земле творит все, что хочет* (Пс. 113, 11). Ради святого Никона и мы предаемся смерти».

Тогда игемон повелел оковать мученика железными цепями и сбросить его с высокой горы в глубокую пропасть. Но и после этого мученик остался невредим. Ангел Божий сохранил его во время падения и, освободив от оков, вывел его из пропасти. Святой явился опять на суд пред мучителем здоровым и невредимым. Увидев его, мучитель ужаснулся и потом сказал ему:

— Никон! Сколь велика забота о тебе наших богов! Не видишь ли ты, как они заботятся о тебе и не хотят погубить тела твоего? Познай же их милость: принеси им жертвы и будь их другом.

Святой отвечал:

— Да будет анафема тебе и богам твоим и всем, надеющимся на них.

Тогда игемон повелел бить святого камнями по лицу, вытянуть клещами язык и отрезать его; потом отвести на место, называемое Гигиа, где он жил с учениками своими, и там отсечь ему голову. Так усечен был святой священномученик Никон на реке Асинос под певговым деревом[1] в царство Декия[2]. Тело его было оставлено без погребения и брошено на съедение зверям и птицам.

---

[1] *Певговое дерево*, или *певг*, — род хвойного дерева, наподобие нашей сосны или ели.

[2] *Декий* — римский император, жестокий гонитель христиан; царствовал с 249 по 251 год.

В тот день, в который игемон Квинтиан осудил святого Никона на усечение, сам он отправился в город Панормус[1], чтобы взять себе имущество святой Агафии, которую замучил незадолго до того времени. И когда он переправлялся через помянутую реку Псимиф, бывшие с ним на перевозе кони вдруг рассвирепели. Бросившись на него, один грыз лицо его зубами и обезобразил его; другой так топтал, что сбросил его в реку. И утонул окаянный, окончив, по пророчеству святого Никона, в мучениях свою нечестивую жизнь.

Когда честное тело мученика лежало без погребения на месте усечения, один пастух, одержимый злым духом, ходил на том месте и, найдя тело святого, тотчас упал лицом на землю, ибо нечистый дух, изгоняемый силою святого, поверг его на землю и вышел из него с громким воплем: «Горе мне, горе мне, куда мне бежать от лица Никонова?!»

Исцеленный пастух пошел и поведал об этом чуде жителям той страны. Епископ города Мессины[2], узнав о том, отправился вместе с клиром своим за многострадальным телом священномученика и, найдя, взял его. Он нашел также и тела святых учеников его в бане целыми и неповрежденными от огня и с честью предал их всех погребению вместе с учителем их Никоном на знаменитом месте, во славу Христа Бога нашего с Отцом и Святым Духом прославляемого вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
НИКОНА,
игумена Печерского

Когда Господу угодно было насадить в России многоплодную ветвь иноческого жития, Он прежде других привел к искусному

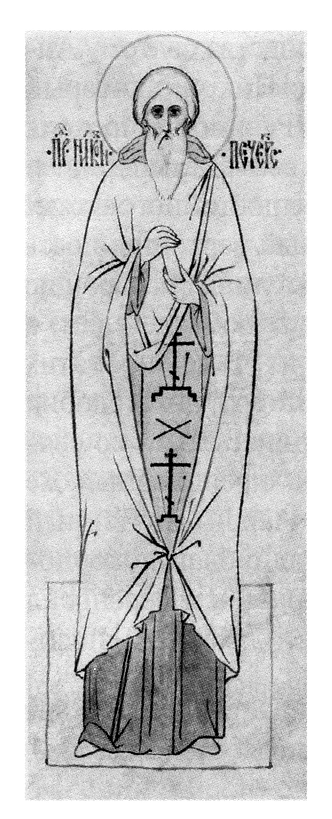
[1] *Панормус* — ныне город *Палермо*, расположенный на северо-западном побережье острова Сицилии.

[2] *Мессина* — весьма значительный город на острове Сицилии, при проливе, отделяющем этот остров от Италии, расположенный в прекрасной местности, изобилующей апельсинными и лимонными деревьями.

и трудолюбному первоначальнику русского монашества святому Антонию[1], подвизавшемуся в пещере преподобного Никона, который был ему добрым сотрудником в подвижничестве. Ревностно проходя степени иноческих добродетелей, подражая во всем наставнику и учителю своему, преподобный Никон являл в себе достойного вождя иноков и надежного руководителя их в мысленный вертоград постнического жития. Когда приходили к Антонию лица, желающие принять равноангельский образ, он сам поучал их добродетелям, а преподобному Никону он повелевал постригать их. В деяниях этих двух подвижников можно было усматривать некоторый вид подобия Моисея и Аарона, ибо преподобный Антоний принес закон со святой Афонской горы[2], как Моисей с Синайской, преподобный же Никон действовал по повелению Антония, как Аарон, почтенный саном священства. Все дела свои Никон совершал с благопокорностью, испытывая не только одни радости, но с терпением переносил и скорби, благодаря за все Бога. Великой радости духовной сподо-

[1] *Преподобный Антоний Печерский* — основатель пещерного (Печерского) монастыря в Киеве, первого на Руси. Родился он в городе Любече, Черниговской губернии, в 982 году, скончался в основанной им обители, в своей пещере, в 1073 году. Память его совершается 10 июля.

[2] *Афонская гора (Афон)*, по-гречески Ἅγιος Ὄρος — Святая Гора, узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого Востока. Иноческая жизнь здесь появилась в древнее время, хотя несколько позже, чем в Сирии и Палестине. Для Русской Церкви Афон имел ранее, по XVII век, большое значение: здесь постригся отец русского монашества, преподобный Антоний; отсюда был взят Студийский устав преподобным Феодосием для своего (Печерского) монастыря, потом перешедший, по словам летописца, и в другие монастыри; здесь в богатых монастырских библиотеках получали наиболее широкое по тому времени религиозное образование наши иноки, ходившие на Афон (например, преподобный Нил Сорский). Как одно из наиболее чтимых святых мест Православного Востока, Афон ежегодно посещается тысячами богомольцев исключительно мужского пола (женщинам вход в монастырь возбранен) из России, Балканского полуострова и Азиатских владений Турции. Почти вся гора, за исключением глубоких ущельев и скал, покрыта богатою растительностью: здесь произрастают прекрасные деревья, отчасти фруктовые: лимоны, апельсины, груши; целые поля усажены многоразличными породами винограда, доставляющего афонской братии удовлетворительный запас прекрасного вина; орехи, каштаны и масличные деревья обильно рассеяны по всей горе. В настоящее время на Афоне расположены двадцать больших монастырей, несколько скитов и множество отдельных келий, числом до семисот, — греческих, русских, молдавских, болгарских и др.

бился он, когда постриг преподобного отца нашего Феодосия[1], оказавшегося вскоре великим наставником иноческого жития на Руси. Возрадовался духом и тогда, когда постриг именитого боярина, блаженного Варлаама[2], а также заведующего всем хозяйством у князя и любимца его блаженного Ефрема-евнуха[3]. Но за этих постриженников он потерпел и немалую скорбь. Ибо, узнав об их пострижении, князь Изяслав[4] сильно разгневался на преподобных и повелел одного из них, именно совершившего пострижение, тотчас привести к себе. Слуги тотчас же отправились и привели к нему блаженного Никона.

Посмотрев с гневом на святого, князь спросил:

— Ты ли постриг боярина и евнуха без моего повеления?

Преподобный Никон ответил с мужеством:

— Я постриг их благодатью Божией по повелению небесного Царя Иисуса Христа, призвавшего их на таковый подвиг.

Князь разгневался еще более и сказал:

— Или убеди их возвратиться в дом свой, или я пошлю тебя и сущих с тобой в заточение, а пещеру вашу велю раскопать.

Блаженный Никон отвечал:

---

[1] *Преподобный Феодосий Печерский* скончался в 1074 году шестидесяти пяти лет от роду. Память его совершается 3 мая.

[2] *Преподобный Варлаам Печерский* скончался в 1065 году в городе Владимире на Волыни; через некоторое время, по его завещанию, он был перенесен в Киев, в Печерский монастырь, где и доныне честные мощи его почивают в пещере. Память его совершается 19 ноября.

[3] *Преподобный Ефрем Печерский* был впоследствии епископом Переяславским. Скончался в 1096 году. Мощи его почивают в Киеве, в пещерах преподобного Антония. Память его совершается 28 января.

[4] *Изяслав Ярославич*, сын великого князя Ярослава Мудрого и внук святого равноапостольного князя Владимира, княжил в Киеве с 1054-го по 1068 год.

— Владыка! Делай все, что тебе угодно! Мне же не подобает отвращать воинов от небесного Царя.

После этого святой Антоний и бывшие с ним вышли из пещеры, намереваясь по причине княжеского гнева и укоризн на блаженного Никона отправиться в другую область.

Но вот один из отроков поведал об этом княгине. Она же, напоминая князю о гневе Божием, постигшем отечество ее, землю ляхов[1], за изгнание отцом ее, Болеславом Храбрым[2], черноризцев, постригших Моисея Угрина[3], сказала ему:

— Послушай меня, господин, и не гневайся. В вашей стране также изгнаны были такие же черноризцы, и много пришлось потерпеть за них. Смотри, господин, чтобы не случилось того же и в области твоей.

Услышав это, князь убоялся гнева Божия и отпустил блаженного, повелев ему возвратиться в пещеру; вместе с тем он послал с мольбою о возвращении в пещеру и к тем, которые удалились из нее. И только по истечении трех дней, вняв просьбе князя, они возвратились в пещеру, как об этом говорится в житии преподобного Антония.

После такой напасти преподобный отец наш Никон проводил суровую жизнь в пещере; постом и молитвою он одержал много побед над злыми духами, показал себя единоправным с преподобными отцами Антонием и Феодосием; они были три светила, сияющие во мраке и разгоняющие тьму бесовскую.

После значительного умножения братии в пещере, блаженный Никон пожелал уйти в уединение и безмолвствовать. Посоветовавшись с преподобным Антонием, поговорив с другим черноризцем, болгарином Святогорским[4] из монастыря Святого Мины, он отправился с последним. Придя к морю, они разлучились. Болгарин, отправляясь в Константинополь, нашел посреди моря остров, на котором и поселился. Прожив там много лет, терпя голод и холод, он с миром скончался; остров тот и доселе называется Болгаров. Вели-

---

[1] *Земля ляхов*, то есть поляков.

[2] *Болеслав I Храбрый*, польский король; правил с 992 по 1025 год.

[3] *Моисей Угрин* — преподобный; скончался в 1043 году. Память его совершается 26 июля.

[4] Святогорским, то есть с Афонской горы.

кий же Никон ушел на остров Тмутараканский[1] и, обретя близ города незаселенное место, поселился там, безмолвствуя и служа Богу неленостно, прилагая труды к трудам и удивляя народ необычайным житием своим. Слава о нем распространялась повсюду; к преподобному стали стекаться многие люди из города и других мест; они дивились его жизни, так как не были еще утверждены в вере и о монашеской жизни ничего не слыхали. Но потом, наставляемые Богом, желая наследовать иноческое благонравие, они молили преподобного Никона постригать их. Святой поучал их и постригал и соорудил там церковь Пресвятой Богородицы. И вот, благодатью Божиею, по молитвам преподобного Никона, возросло место то, — возник славный монастырь, подобный монастырю Печерскому.

По смерти Ростислава Владимировича[2], князя Тмутаракани, преподобный отец наш Никон умолен был жителями той страны идти к Святославу Ярославичу[3], князю Черниговскому, и просить его, чтобы он отпустил им на престол Тмутараканский сына своего Глеба. Дойдя до города Чернигова и исполнив благополучно возложенное на него поручение, преподобный отправился в город Киев и пришел в монастырь Печерский к блаженному игумену Феодосию. Увидавшись, оба они пали вместе на землю и поклонились друг другу, а потом обнялись и много плакали от радости, так как долгое время не видались. После этого преподобный Феодосий умолял блаженного Никона, чтобы он не покидал его до тех пор, пока они живы.

Никон обещался ему, говоря:

— Я пойду и только управлю свой монастырь и потом, если Богу будет угодно, возвращусь опять.

Он так и поступил.

Дойдя до острова Тмутараканского с князем Глебом Святославичем[4], занявшим престол, преподобный, согласно своему обещанию, управил монастырь и возвратился к Феодосию. Придя в Печерский монастырь, он предал всего себя преподобному Феодосию и со вся-

---

[1] Этот остров находится на восточном берегу Керченского пролива.

[2] *Ростислав Владимирович*, сын Владимира Ярославича, — князь Тмутараканский; княжил во второй половине XI столетия.

[3] *Святослав Ярославич*, сын Ярослава Владимировича, — князь Черниговский; княжил с 1054-го по 1076 год.

[4] *Глеб Святославович*, старший сын Святослава Ярославича, князь Новгородский; княжил с 1067-го по 1077 год.

кою радостью покорялся ему. Преподобный же Феодосий очень любил его и считал как бы отцом своим; поэтому, когда сам отлучался куда из монастыря, он поручал тогда братию блаженному Никону, как старейшему из всех, чтобы поучать и хранить их. Часто также преподобный Феодосий, сам наставляя братию духовным словом, повелевал делать то же и блаженному Никону, начитанному в книгах. Много раз, когда блаженный Никон сшивал и делал книги (так как был искусен в этом), сам преподобный Феодосий, садившись около него, приготовлял ему потребные для этого дела книги. Но вскоре блаженный безмолвник, преподобный Никон, пожелал снова возвратиться на свой остров. Среди князей русских возник раздор вследствие захвата Святославом, изгнавшим своего брата Изяслава из Киева, его престола. Он не мог выносить волнений, возбужденных этим событием, при которых немыслимо было соблюсти безмолвие духа. Преподобный же Феодосий умолял его, как и прежде, не покидать его, пока он жив; но блаженный Никон, испросив прощение (так как не мог терпеть мятежа, а привык к уединению), ушел с двумя черноризцами и прожил там несколько лет в обычном своем подвиге.

По преставлении преподобного Феодосия и после принятия игуменства блаженным Стефаном, преподобный Никон, побуждаемый братолюбием, пришел снова для посещения преподобного Феодосия; он сожалел о том, что не нашел в живых любимого своего друга, и решил остальное время своей жизни провести в его монастыре. Часто приходил он ко гробу святого, проливал здесь скорбно-радостные слезы, частью печалясь о разлучении любимого своего брата, частью благодаря Бога, что на Руси просиял равноангельским житием такой светильник, на которого он, Никон, своими руками возложил святой ангельский иноческий образ. После игуменства святого Стефана братия, считая Никона за старейшего из всех, так как и сам преподобный Феодосий принял от него иноческий постриг, по изволению Божию и по общему согласию, избрала его себе игуменом как единонравного по житию отцам Антонию и Феодосию. Они любезно повиновались ему во всем и почитали его, как отца и наставника, видя в нем одном подобие тех обоих. Много раз покушался враг и ненавистник добра диавол и этому преподобному как и блаженному, игумену Стефану, строить препятствия в деле попечения о душах врученного ему Богом стада, желая возмутить братию ненавистью

против него, но никогда не успевал он в этом, оставался посрамлен, и тьма его не покрывала света добрых дел преподобного Никона.

Блаженный игумен Никон так угодил Богу, будучи для своего стада образцом добродетелей, что во время его игуменства была чудесно украшена святыми иконами созданная Богом святая церковь Печерская; ибо к земным молитвам этого блаженного строителя приложились своими небесными молитвами его друзья, преподобные Антоний и Феодосий, и прислали к нему иконописцев из Константинополя, дав им за наем золота. Преподобный игумен Никон показал тем иконописцам образ любимых друзей своих, преподобных отцов Антония и Феодосия, скончавшихся десять лет тому назад, и они тотчас же узнали в них тех, которые явились к ним, наняли их и послали к нему. При этом они рассказывали и другие дивные чудеса: так, когда они хотели возвратиться, явилась им святая церковь Печерская и икона Пресвятой Богородицы, от которой слышали запрещение возвращаться обратно, как они чудесно приплыли на горе против течения, хотя сами стремились плыть вниз, по течению. Пришедшие столь чудесно иконописцы при усердии и молитвах преподобного Никона старательно принялись за украшение святой церкви Печерской, причем опять было немало чудес, ибо сама икона Пресвятой Богородицы в алтаре изобразилась чудесно мусиею[1] и из уст ее вылетел голубь, как об этом пишется в пространном сказании о церкви Печерской[2]. Все это было по небесным молитвам преподобных отцов Антония и Феодосия и земным блаженного игумена Никона. Затем и сам приснопамятный игумен, преподобный отец наш Никон, украсив разнообразными подвигами своего равноангельского жития Печерскую обитель, после долговременных трудов почил о Господе, от сотворения мира в лето 6596-е, а от Рождества Христова — 1088-е, при великом князе Киевском Всеволоде Ярославиче[3]. И тело его положено в той же обители Печерской, в родной ему пещере, где и доныне нетлением мощей своих

---

[1] *Мусия* (греч. μουσίον) — мозаика. Так называется искусная работа, состоящая в собрании разноцветных, главным образом мраморных, камешков узорами, так что выходит желаемый рисунок. Мозаикой выстилаются, например, полы в храмах, а также украшаются стены; даже иконы делаются таким образом.

[2] См. Минеи-Четии 16 августа.

[3] *Всеволод Ярославич*, великий князь Киевский, сын Ярослава I; княжил с 1030-го по 1093 год; великим князем он был с 1077 года.

он свидетельствует о своей святости, которою и по смерти чудотворно украшает свою святую обитель; духом же он переселился в небесные обители для неизреченного, вместе с единонравными своими друзьями, преподобным Антонием и Феодосием, — лицезрения Божия, — уже не в образах, но лицом к лицу (см.: 1 Кор. 13, 12), и там, осияваемые верною славою, они, как три светильника, предстоят престолу трисиятельного Божества и, как отцы, молятся о нас, своих детях, чтобы мы явились наследниками их благодати и славы праведною жизнью для Бога, Ему же слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ФИЛИТА и ЛИДИИ

Эти святые мученики пострадали в царствование императора Адриана[1]. Из них святой Филит синклитик[2], его жена Лидия и сыновья их Македон и Феопреций были христианами и всегда пребывали в служении истинному Богу. Поэтому они были схвачены и приведены к Адриану. На допросе император не в силах был противостоять мудрым ответам святых мучеников и отправил их для суда в Иллирию[3] к военачальнику Амфилохию. Последний немедленно повелел повесить всех их на дерево и ножами строгать тела их, а потом они были заключены в темницу вместе с коментарисием[4] Кронидом, который также веровал во Христа. Ночью, когда

---

[1] Римский император *Адриан* царствовал с 117 по 138 год. Он был гонителем христиан, но, в силу изданного им эдикта, последних подвергали наказанию только по формальным доносам и после судопроизводства над ними.

[2] *Синклитик* — один из важных царских советников и сановников, входивший в состав синклита, то есть царского совета.

[3] *Иллирия* расположена была по восточному побережью Адриатического моря. На северо-западе она ограничивалась рекою Савою, а на юго-востоке — Дравою. Теперь здесь находятся Далмация и Босния с Герцеговиной, а также небольшая часть Албании.

[4] *Коментарисий* — начальник над тюрьмами и делопроизводитель при судебных процессах, производивший предварительные расследования над обвиняемыми, особенно над христианскими мучениками.

Святитель Митрофан и мученица Лидия

святые мученики молились и пели священные песнопения, явился им Ангел и укреплял их на предстоящий подвиг. На следующее утро святые снова были приведены к мучителю, и он сказал им:

— Вам предстоит множество мучений и пыток!

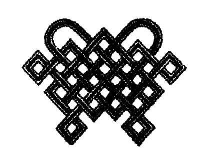
После этого он повелел вскипятить в медном котле масло вместе с серою и бросить туда святых мучеников. Но когда они были брошены, котел тотчас же охладился. Пораженный таким чудом, Амфилохий сам уверовал во Христа и, решившись войти в котел, сказал:

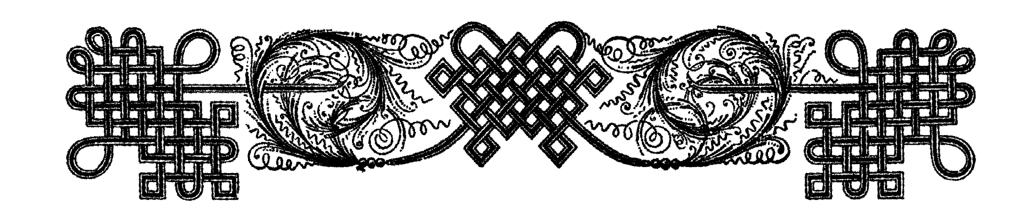
— Господи, Иисусе Христе, помоги мне.

Тогда послышался голос, сказавший ему:

— Молитва твоя услышана, войди сюда.

Узнав обо всем этом, Адриан, дыша гневом и угрозами, прибыл из Рима в Иллирию и приказал нагревать наполненный маслом котел в течение семи дней и затем бросить туда всех святых мучеников. Но когда святых бросили в котел, они остались целыми и невредимыми. После этого посрамленный император возвратился в Рим, а святые мученики стали молиться и благодарить Бога и среди молитв предали души свои Господу, приняв от Него мученические венцы.

День двадцать четвертый

ПАМЯТЬ
ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
АРТЕМОНА,
епископа Селевкийского

Блаженный Артемон был родом из писидийского[1] города Селевкии, в котором он и получил воспитание. Благочестивую свою жизнь он вел во времена святых апостолов, просвещавших мир Христовым учением. В то время, когда святой апостол Павел пришел в этот город, Артемон из всех граждан оказался блистающим добрыми делами, подобно светильнику, которому нельзя было остаться скрытым. Его-то, как утвержденного в Христовой вере и преисполненного Божественной премудрости, святой апостол Павел назначил людям в качестве пастыря и учителя, рукоположив в сан первого епископа Селевкии Писидийской. Блаженный Артемон хорошо и богоугодно управлял врученной ему паствой, был для всех пристанищем спасения, для вдов, сирот и нищих был выдающимся попечителем, чудотворным целителем и души, и тела, и, проведя всю свою жизнь благочестиво и богоугодно, скончался в глубокой старости.

---

[1] *Писидия* — провинция на юге Малой Азии, первоначально составлявшая одно целое с Памфилией и отделившаяся от последней лишь при Константине Великом (306–337 гг.). Писидия представляла собою суровую, гористую область, местами, впрочем, плодородную. Жители Писидии были пираты и занимались грабежом. Теперь Писидия населена диким и разбойничьим племенем караманов. Из городов Писидии особенно замечательна в церковной истории Антиохия, где проповедовал Евангелие святой апостол Павел (Деян. 13, 14–50).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ИАКОВА ИСПОВЕДНИКА**

Когда нечестивый греческий царь Лев Армянин[1] возобновил иконоборную ересь[2], проклятую святыми отцами на VII Вселенском соборе, и замучил многих за благоговейное почитание святых икон, — тогда пострадал и этот преподобный Иаков Исповедник, сведения о котором мы имеем от преподобного Феодора Студита[3]. Блаженный Иаков был из числа его учеников. После изгнания преподобного Феодора за святые иконы многие из его учеников были взяты на мучение; блаженный Иаков тоже был захвачен и предан всевозможным терзаниям. Когда же нечестивый Лев Армянин был убит, святой Иаков, как и прочие исповедники Христовы, был освобожден из заключения, и, прибыв еле живым в свой Студийский монастырь, что в Царьграде, вскоре скончался и достойным образом был погребен. О его смерти блаженный Ипатий, исполнявший обязанность игумена вместо своего наставника святого Феодора, уведомил письмом последнего, который уже возвращался из заточения и временно пребывал в Крискентовой обители.

Преподобный Феодор в ответ ему написал следующее: «Не без сердечной болезни, но и не без душевной радости, сын мой, мы получили от тебя известие о кончине возлюбленного нашего брата, Христова исповедника Иакова. Мы сожалеем о нем, как о сыне, и притом о таком сыне, коего я сам по грехам моим недостоин назы-

---

[1] *Лев V Армянин* — греческий император, царствовал с 813 по 820 год.

[2] *Иконоборческая ересь*, или *иконоборство*, — ересь VIII века, состоявшая в непризнании, непочитании и гонении святых икон. Самыми ревностными защитниками иконоборчества были императоры Лев Исаврянин (717–741 гг.) и Константин Копроним (741–775 гг.). Эта ересь осуждена на VII Вселенском соборе, бывшем в 787 году в городе Никее при патриархе Тарасии и императрице Ирине.

[3] Святой *Феодор Студит* — настоятель Студийского монастыря в Константинополе. Святой Феодор много потерпел за иконопочитание. После святого Феодора осталось много сочинений, писем, канонов и стихир церковных. Кроме того, святой Феодор сделал значительные дополнения к церковному Уставу, который по имени Студийского монастыря, называется «Студийским» (в отличие от «Иерусалимского», составленного святым Саввою Освященным).

ваться сыном. Мы радуемся о достижении им вечной жизни, уготованной ему Господом. Не только радуемся мы, для кого он, как святой член, служит превосходным украшением, но о нем радуется и вся Церковь. Подумай, за какого человека ты его принимал? Не за исповедника ли, не за мученика ли, не святого ли? Он мужественно боролся против чувственных побуждений, целомудренно сохраняя тело от похотей, и, употребляя при этом самую простую пищу, он тело подчинял разумной душе. Святой Иаков так мало спал, что для тех, кто его видел, казалось удивительным, как он еще оставался здоровым. Он подолгу, насколько позволяло ему время, любил возноситься мыслями к Богу, и в этом богомыслии он углублялся до восхищения ума. Когда же он приходил в себя, все это вызывало в нем Божественную любовь. Пусть кто-нибудь не подумает, что я в угоду слушающим говорю неправду — у меня есть свидетели — Бог и наставник святого Иакова — Иоанн, который рассказывал мне о нем то, чего я сам иногда не знал. Все это было простым способом приучить себя к постнической жизни; что же касается того, сколько времени он проводил в подвигах исповедничества, и сколь велики были эти подвиги, — это было на виду и у Ангелов, и у людей. О твердое и дорогое сердце! Свой подвиг он совершил без боязни, подобно Божиему воину. Слуги мучителей всю его кожу покрыли ранами, изранили также плечи и грудь, выпустили кровь, раздробили тело и оставили его брошенным на земле. Он не испустил ни одного нетерпеливого звука, но до конца переносил угодные Богу мучения во имя Сына Его Христа, Бога нашего; ибо страдать за святую Его икону — значит страдать за Него Самого. Пусть кроткие услышат и возвеселятся, пусть радуются мученико-любцы, а диавол пусть устыдится и пусть рассыплется полчище иконоборцев! Потому что, кроме этого святого Иакова, они измучили, убили, уморили голодом и причинили иные тому подобные мучения многим другим исповедникам Христа, как нашим, так и не нашим

(больше нашим, так как мы — одно тело во Христе Иисусе, Который есть глава всех). Ввиду того, что от нестерпимых этих ран святой Иаков был расслаблен всеми членами, его тело, охваченное самыми тяжкими болезнями, было отдано на врачебное попечение. Каждый день готовясь к смерти, он с благодарением и смирением окончил свою жизнь. Ты пишешь, что он предсказал свою смерть, — это было от страдальческих его подвигов. Ты прибавил еще о том, что на его погребении присутствовало много народу, в том числе людей очень знатного рода, — все это произошло по непостижимой воле Божией, потому что к человеку незнаменитому (но не по духу) не стеклось бы такое множество людей, если бы то не угодно было Господу. Святой Иаков ушел на небеса и присоединился к своим сострадальцам; таким образом, увеличилось число исповедников и мучеников; поэтому небо веселится и радуется душе Иакова, молитвами которого мы, братья, спасемся. Он получил дар, достойный его трудов. Счастливы и истинно благочестивы те, которые сошлись на его достойное погребение; они — истинные мучениколюбцы, участь коих пусть будет одинаковой с участию того, кого они почтили. О его честных мощах, если будет угодно Богу, позабочусь, как я писал в правилах. Целуйте друг друга святым лобзанием; письмо же это прочтите всем братьям. Вас целует господин архиепископ патриарх Никифор[1], протопресвитер, иконом[2] и прочие братья. Да будет с вами Господь. Аминь».

Вот письмо святого Феодора Студита, из которого видны жизнь и страдание этого преподобного Христова исповедника Иакова, коего молитвами да удостоит Господь и нас на веки участи Своих святых. Аминь.

[1] *Святой Никифор*, патриарх Константинопольский, занимал патриарший престол с 806 по 815 год.

[2] *Иконом* (οἰκονόμος) — собственно домоуправитель — заведующий хозяйственной частью при дворе патриарха.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЧУДЕ,
бывшем в Печерском монастыре

Два знатных киевских мужа — Иоанн и Сергий жили между собою в большой дружбе. Как-то раз пришли они в созданную Богом Печерскую церковь[1] и увидели, что чудотворная икона Пресвятой Богородицы сияет светом ярче солнца. Перед этой святыней они заключили братский союз. Прошло много лет. Иоанн смертельно заболел. Он призвал печерского игумена блаженного Никона[2] и при нем раздал свое имущество нищим; ту же часть, которую он оставлял пятилетнему сыну своему Захарии — тысячу гривен[3] серебра и сто гривен золота, — он отдал на хранение Сергию; ему же, как другу и верному брату, Иоанн поручил смотреть за сыном Захарией, прося его передать этому сыну серебро и золото, когда он вырастет. Устроив это, Иоанн вскоре скончался. Когда Захарии исполнилось пятнадцать лет, он хотел взять у Сергия свое серебро и золото. Соблазняемый диаволом, Сергий, думая разбогатеть, замыслил погибель души и тела. Он так ответил юноше:

— Твой отец все имущество отдал Богу, у Него проси ты серебро и золото; он должен тебе дать, если окажет милость. Я же ни отцу твоему, ни тебе не должен ни одной монеты. Это все наделал твой отец, по своему безумию раздав имущество в милостыню, а тебя оставив нищим и убогим.

Услышав это, юноша стал плакать о деньгах, которых он лишился. После этого он обратился к Сергию с такой просьбой:

— Если ты мне дашь половину моего наследства, то у тебя останется другая.

---

[1] Разумеется церковь, выстроенная в память Успения Пресвятой Богородицы первыми иноками Печерской обители (в Киеве).

[2] Память святого Никона, игумена печерского, празднуется 23 марта.

[3] Слово «гривна» производят обыкновенно от санскритского griva — шея, потому что гривна обозначала первоначально золотую или серебряную цепь, употреблявшуюся для ношения на шее в качестве украшения (см. Быт. 41, 42; Притч. 1, 9; Сир. 6, 25). Но впоследствии этим именем стали обозначать золотые и серебряные монеты, имевшие в разное время различную ценность.

Сергий же грубо укорял его отца и его самого. Тогда Захария просил третью часть, потом десятую и, когда увидел, что он лишен всего, сказал Сергию:

— Если ты ничего себе не взял, то приходи и поклянись мне в том в Печерской церкви перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, пред которой заключил ты братский союз с моим отцом.

Сергий не отказался, пошел в церковь и, став перед иконой Пресвятой Богородицы, поклялся в том, что он не брал ни тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота. Когда же он хотел облобызать икону, то не мог приблизиться к ней. Потом, при выходе из дверей, он вдруг закричал:

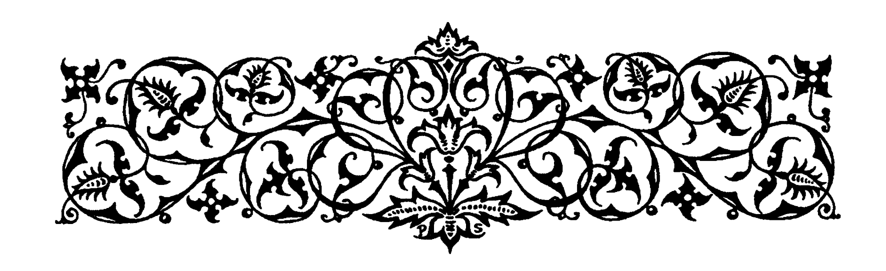
— Преподобные Антоний и Феодосий![1] Не допустите этому злому Ангелу погубить меня, но умолите Пресвятую Богородицу, чтобы отогнала Она от меня многих бесов, во власти коих я нахожусь. Пусть возьмут в моей комнате серебро и золото, запечатанное в сосуде!

Всеми овладел страх, и с тех пор никому уже не позволяли клясться перед иконой Пресвятой Богородицы. Посланные взяли запечатанный сосуд и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота: так Господь, воздатель милостивым, вдвое увеличил деньги. Все деньги Захария отдал в полное распоряжение игумена Иоанна; сам же постригся в монахи и окончил жизнь в святом Печерском монастыре.

На эти деньги была построена церковь во имя Иоанна Предтечи, вблизи главной Печерской церкви. Церковь эта поставлена в память вельможи Иоанна и сына его Захарии, которым принадлежали деньги, и во славу Христа Бога и Пресвятой Богородицы Девы, еще более прославляемой на этом месте, от коего да не отступит никогда чудесная Ее благодать. Аминь.

---

[1] *Преподобные Антоний* и *Феодосий* — основатели знаменитой Киево-Печерской обители. Святой Антоний, уроженец города Любеча, первоначально подвизался на Афоне, но в 1051 году пришел в Киев. Любя уединение, он поселился в одной киевской пещере, где ранее подвизался священник села Берестова Иларион. Благочестивая жизнь святого Антония привлекла к нему многих последователей, в числе которых одним из первых и был святой Феодосий, выбранный в 1062 году в игумены этой славной обители. Святой Антоний скончался в 1073 году (память его празднуется 10 июля), а святой Феодосий — в 1074 году (память его — 3 мая).

День двадцать пятый

СЛОВО НА БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Когда наступила полнота времени и приближалось время избавления рода человеческого чрез Божественное вочеловечение, долженствовало, чтобы нашлась такая чистая, непорочная и святая дева, которая бы достойна была воплотить бесплотного Бога и послужить делу нашего спасения. И такая Дева нашлась: Дева — чистейшая всякой чистоты, пренепорочнейшая несравненно более всякого разумного создания, святейшая всякой святыни, Пречистая и преблагословенная Дева Мария, отрасль святых, праведных Богоотцев Иоакима и Анны, плод родительских молитв и пощений, дочь от рода царского и архиерейского. Нашлась на месте святом, в церкви Соломоновой, Она — долженствовавшая Сама быть одушевленною Церковью Божией. Внутри храма, в святилище, именовавшемся Святое Святых, нашлась Та, Которая имела родить *всех святых святейшее Слово* (из Акафиста Пресвятой Богородице). Там, с высоты славы Царствия Своего, призрел Господь на смирение рабы Своей и избрал Ее, предызбранную из всех родов, в Матерь Своему Предвечному Слову.

Из достоверных повествований святых мы узнаем, что еще до архангельского благовещения Ей было таинственно предвозвещено воплощение от Нее Бога-Слова. Живя в храме около двенадцати лет, Пречистая Дева упражнялась не только в непрестанной богомыс-

ленной молитве и повседневном рукоделии, но и в чтении книг Божественных, поучаясь в законе Господнем день и ночь. Святой Епифаний[1] и Амвросий[2] пишут о Ней, что Она отличалась необыкновенным умом, любила учиться и прилежала к чтению Божественного Писания. Церковный историк Георгий Кедрин[3] повествует о Ней, что еще при жизни Своих родителей Она хорошо изучила еврейские книги. Часто читая, в пророчестве Исаии слова: *се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил* (Ис. 7, 14), что значит: с нами Бог[4], Она воспламенялась горячею любовью не только к имеющему прийти ожидаемому Мессии, но и к оной Деве, Которая предназначена зачать и родить Его. При этом Она размышляла и о том, сколь велико достоинство соделаться Материю Еммануила[5], Сына Божия, и сколь неизреченно это таинство, чтобы Дева была Матерью. Ведая из пророчеств, что время пришествия Мессии приблизилось, что скипетр уже взят от Иуды и седмицы Данииловы оканчивались, Она полагала, что должна уже родиться на свет Та, предвозвещенная Исаиею, Дева, и часто из глубины сердца воздыхала и молилась в Себе, дабы Бог сподобил Ее видеть сию Деву и, если бы было возможно, быть у Нее хотя бы последнею рабою.

Однажды, когда по обыкновению Своему Она стояла на полунощной молитве и возносила к Богу таковые пламенные желания, внезапно свыше воссиял на Нее необыкновенный свет и облистал Ее. Из средины этого света раздался голос, говорящий Ей:

— Ты родишь Сына Моего!

---

[1] *Святой Епифаний*, епископ Кипрский, известнейший церковный писатель IV века. Его творения посвящены главным образом обличению современных ему ересей. Память святого Епифания празднуется 12 мая.

[2] *Святой Амвросий* Медиоланский (или Миланский), в Италии, — знаменитейший отец Западной Церкви и христианский писатель IV века. Из его сочинений особенно замечательно «De officiis clericorum» («О должностях священнослужителей»). Скончался святой Амвросий в 397 году. Память его празднуется 7 декабря.

[3] *Георгий Кедрин* — византийский писатель конца XI и начала XII века. Из его трудов особенно известен «Σύνοψις ἱςτοριῶν». Это сочинение обнимает собою историю еврейского и римского народов и Византии, но не имеет особенно крупных достоинств, так как представляет по местам пересказ других исторических сочинений, особенно хроники Иоанна Скилицы и Георгия Синкелла.

[4] Это пояснение приводится у святого евангелиста Матфея (1, 23).

[5] *Еммануил* — имя, усвояемое Иисусу Христу у прор. Исаии (7, 14). По переводу с еврейского, оно означает: «с нами Бог».

Невозможно выразить словами ту радость, коею преисполнилась Пресвятая Дева, и того чувства, с коим Она поклонилась до земли, воздавая Богу Творцу Своему Свою благодарность. Так *призрел* Господь *на смирение рабы Своей* (Лк. 1, 48). Та, Которая, из любви к Богу, желала послужить чистой Матери Мессии, сподобилась Сама быть Ему Матерью и Госпожою всякого создания. Это откровение было Ей на двенадцатом году Ее жизни, за два года до Ее обручения, и этой тайны Она никому не открывала до самого вознесения Господня. После этого откровения Ей стало известно, что в Ее девической утробе имеет быть таинство зачатия, и Она ждала времени, когда должно было совершиться событие этого таинства.

Когда, по свидетельству святого Евода[1], исполнилось одиннадцать лет пребывания Пресвятой Девы в храме Соломоновом и наступил двенадцатый год, а по свидетельству Георгия Кедрина, Ей исполнилось четырнадцать лет от роду, архиерей и священники стали приказывать Ей, чтобы Она, по обычаю законному, переселясь из храма в дом, подобно другим девицам Ее лет, вышла замуж. Но Она им отвечала, что Она еще от пелен отдана родителями единому лишь Богу, и Ему обещала сохранить навсегда Свое девство, а потому и невозможно Ей сочетаться с человеком смертным, и ничто в свете не принудит Ее вступить в брак, так как Она посвятила девство Своему бессмертному Богу.

Архиереи удивились новости этого обета, ибо не было еще на земле ни одной девицы, обещавшей Богу навсегда сохранить свое девство, и Она явилась в мире первою в этом отношении. Они стали советоваться между собою, как им поступить. Они не хотели, чтобы Она продолжала жить при храме, не хотели даже пускать Ее более в храм Господень за внутреннюю завесу, но в то же время не смели обручить мужу деву, обещавшуюся Богу, и недоумевали, как богоугодно устроить Ее безбрачную, девическую жизнь так, чтобы не прогневать Бога. Они почитали за великий грех и то, и другое: и принуждать к браку деву, обещавшую Богу вечное девство, и держать во Святая Святых деву, достигшую совершенного возраста. Святой Григорий Нисский[2] говорит об этом так: «Пока Она была еще в юных летах,

---

[1] *Святой Евод* — апостол из семидесяти.

[2] *Святой Григорий, епископ Нисский*, брат святого Василия Великого — знаменитый церковный учитель IV века. Из его сочинений замечательны следующие:

иереи соблюдали Ее, подобно тому, как Самуила во храме; но когда Она достигла совершенного возраста, то они советовались между собою: что им далее с Нею делать, чтобы не прогневать Бога». Церковный историк Никифор Каллист[1] повествует о том же следующее:

«Когда святая Дева пришла в возраст, священники составили между собою совет, как Ее устроить, чтобы им не оказаться оскорбителями Ее святого тела, опасаясь, что совершат грех святотатства, если выдадут замуж и подчинят закону супружества Ту, Которая раз навсегда принадлежала лишь одному Богу; в то же время они говорили, что не подобает девице, достигшей такого возраста, пребывать во святилище, что этого закон не допускает, и это недостойно и не приличествует святыне. И вот, приступив к Кивоту Завета и сотворив усердную молитву, они, как повествует блаженный Иероним[2], получили ответ от Господа, чтобы искали такого достойного мужа, коему бы могла быть вверена Дева под видом и образом супружества для хранения непорочного девства. Относительно же того, как найти такого мужа, совет Господень был таков: из дома и племени Давидова избрать безбрачных мужей и положить их жезл в алтаре — чей жезл процветет, тому святая Дева и должна быть вверена. В то самое время наступил праздник Освящения храма, установленный Маккавеями[3];

Шестоднев, где он решает высокие вопросы о творении мира и человека, оставленные святым Василием Великим (в его «Шестодневе») без ответа по их недоступности для народа. *Катехизис*, содержащий наставления о том, как надобно действовать при обращении язычников и иудеев и при опровержении лжеучения еретиков; *12 слов против Евномия* и многие похвальные слова святым. Память его — 10 января.

[1] *Никифор Каллист* — церковный историк XIV века, монах Софийского монастыря в Константинополе. Замечательный, но не вызывающий доверия историков, труд его — «*Церковная история*» (в восемнадцати книгах), доведенная до кончины Византийского императора Фоки (611 г.). Скончался Каллист в 1350 году.

[2] *Блаженный Иероним* — один из замечательнейших учителей Западной Церкви (330–419 гг.). Труды его касались всех областей богословского знания. Самый замечательный его труд — латинский перевод Священного Писания, известный под именем Вульгаты.

[3] *Маккавеи* (от евр. makkabi — *молот*) — первоначально прозвание одного Иуды Маккавея, распространенное потом на всех вообще защитников и исповедников веры во время гонений Антиоха Епифана. Особенно знамениты семь братьев Маккавеев: Авим, Антонин, Гурий, Елеазар, Евсевон, Алим, Маркелл и мать их Соломония, подвергнутые многим мучениям за отказ вкусить идоложертвенного мяса. Память их празднуется 1 августа.

начало праздника было 25 ноября, а отдание 3 декабря. И собралось тогда в храме из окрестных городов множество народа; пришли на праздник мужи и из рода Давидова, родственники Девы Марии. Георгий Кедрин повествует, что святитель, великий Захария, отец Предтечи Господня, собрав двенадцать безбрачных мужей из племени Давидова, между коими находился и святой Иосиф, муж праведный и уже преклонных лет, взял жезлы их и положил на ночь во святом алтаре, говоря: «Господи Боже, яви мужа, достойного обручиться с Девою!» Наутро, когда священники вместе с двенадцатью теми мужами вошли в храм, жезл Иосифа был найден расцветшим, и на нем, как о том свидетельствует Иероним, сидела слетевшая свыше голубица. Тогда все познали благоизволение Божие, чтобы Дева была вручена на сохранение Иосифу. Некоторые думают, что и Пресвятой Деве, всячески избегавшей обручения и весьма заботившейся о чистоте Своего девства, как бы не было причинено Ей какое-либо оскорбление, было также особенное откровение, чтобы Она не усомнилась идти к родственнику Своему и обручнику Иосифу, мужу праведному, богоугодному и святому, не для плотского супружеского соединения, но на устроенное вышним промыслом соблюдение и хранение Ее девства. По совершении обручения, святой Иосиф взял Пречистую Деву из рук первосвященника из храма Господня для чистого и непорочного сожития, не повреждающего цвета девства. И был святой Иосиф только мнимым Ее мужем, а в действительности целомудренным хранителем Ее девства и служителем Ее девического жития, исполненного великой святыни».

Живя в доме своего обрученника, Пречистая Дева не изменила прежнего образа жизни, какой Она имела во Святая Святых. Ни в чем ином Она не упражнялась, как только в богомысленной молитве, в чтении Божественных книг и в обычном женском рукоделье. Дом Иосифа был для Нее как бы молитвенным храмом, из коего Она никуда не выходила, но всегда пребывала в нем в уединении, посте и молчании, беседуя только с Своими домашними, то есть с дочерями Иосифа.

Георгий Кедрин повествует о Ней: «Мария в доме Своего обручника пребывала в посте и избегала выходить в народ, проводя время с двумя дочерями Иосифа; с ними только иногда разговаривала, когда это было необходимо, и то кратко».

По свидетельству святого Евода, после четырехмесячного пребывания Ее в доме Иосифа наступил час воплощения Бога-Слова, час от веков вожделенный для всего мира, в который началось наше спасение. И послал Бог единого из небесных духов, наиболее близко предстоящих у престола Его, Архангела Гавриила, с извещением о таинстве, сокровенном от века и неведомом самим Ангелам, — благовестить Пречистой Деве дивное зачатие Сына Божия, превосходящее всякое разумение и естество человеческое. Об этомм благовестим святой Лука в Евангелии так пишет: *в месяц шестой послан был Ангел Гавриил от Бога* (Лк. 1, 26). То был шестой месяц после зачатия святого Иоанна Предтечи, и тот же Ангел, который благовестил Захарии зачатие Иоанна, послан был благовестить Пречистой Деве о зачатии Христа; в шестой же месяц он послан был для того, чтобы шестимесячный Предтеча во чреве Матери взыгрался от радости, ощутив пришествие Матери Господней.

Послан был Ангел Гавриил в город Галилейский, называемый Назарет (Лк. 1,·26). Галилея тогда была страной языческой, хотя отчасти была населена и израильтянами, почему и в Писании говорится о ней: *Галилея языческая* (Ис. 9, 1). У израильтян же она считалась последнею областью и была презираема, потому что была заселена грешными и неверующими жителями; поэтому-то иудеи, уничижая ее, говорили: *разве из Галилеи Христос придет?* (Ин. 7, 41); *Рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк* (Ин. 7, 52). Поэтому и Назарет, город галилейский, считался у них самым ничтожным, самым убогим и последним городом, так что они говорили: *из Назарета может ли быть что доброе?* (Ин. 1, 46).

Но обратим внимание на Божие благоволение. Где Он восхотел иметь Пречистую Матерь Свою? Не в стране Иудейской, не в святом и великом граде Иерусалиме, но в считавшейся грешной Галилее, в убогом Назарете, чтобы, с одной стороны, показать, что Он пришел на землю ради грешных: *Я пришел*, — говорил Он, — *призвать не праведников, а грешников к покаянию* (Лк. 5, 32), и из неверных язычников создать Себе Церковь верную; с другой стороны — дабы явно было, что Он милостиво взирает на смиренных, отверженных и уничиженных, а не гордых и знатных. Ибо когда Бог-Слово восхотел сойти с небес к грешникам, то с высоты славы Своей взирал, где было более грешников, и в Иудее увидел Он иерусалимлян,

считавших себя праведниками и оправдывавших себя пред людьми, а галилеян — всеми презираемых и считавшихся грешными более всех других. Итак, миновав мнимо Святую Иудею, Господь сошел в мнимо грешную Галилею, миновав и Иерусалим, этот великий, почитаемый и славный город; Он сошел в Назарет, городок убогий и презираемый, избирая для Себя в этом мире последнее место и смиряясь даже до образа раба и грешника.

Умален был Назарет, но какой великой благодати он сподобился! Все прочие большие города израильские, до неба вознесшиеся, не могли этого удостоиться. В убогом Назарете — высшая всех святых Ангелов Дева, чрево Которой невместимый Христос-Бог пространнее небес сотворил. Сюда Архангел Гавриил посылается, здесь Дух Святой осеняет, здесь Бог-Слово воплощается; ибо где смирение, там и слава Божия воссияет. Города гордые не угодны были Христу, а смиренные приятны Ему. В бесславном городе Назарете Христос зачался, а в славном городе Иерусалиме Его распяли. В малом Вифлееме Он рождается, в великом Иерусалиме Его предали на смерть. В смиренных Господь является, а гордые гонят Его от себя.

Святой Андрей Критский[1] о ниспослании Архангела к Пречистой Деве говорит так: «Единому из первейших Своих Ангелов Бог повелевает возвестить тайну и, мановением Своего величия, как бы так вещает: „Гавриил! Иди в Назарет, город Галилейский: в нем живет Отроковица Дева Мария, обрученная мужу, по имени Иосифу“. „Иди, — говорит Господь, — в Назарет“. Ради чего же? Ради того, что Всевышний приемлет вожделеннейшую красоту девства, как благовоннейшую розу из страны тернистой. „Иди в Назарет“, чтобы исполнилось пророчество: *он Назореем наречется* (Мф. 2, 23). Кто же наречется Назореем? Тот, Кого Нафанаил назовет впоследствии Сыном Божиим и Царем Израилевым. Посылается Гавриил, которому и прежде повелеваемо было возвещать Божественные тайны, как об этом ясно сказано в книге пророка Даниила. „Иди в Назарет, город Галилейский“ говорит Бог Гавриилу, и, придя туда, благовести Деве

---

[1] *Святой Андрей, архиепископ Критский*, жил в конце VII — начале VIII века. Он — замечателен как проповедник и церковный песнописец. Самое замечательное его произведение — Великий покаянный канон, читаемый на 1-й неделе и в четверток 5-й недели Великого поста. Скончался святой Андрей в 712 году. Память его празднуется 4 июля.

радость, которую некогда утратила Ева. Берегись, чтобы не смутить Ее; ибо это приветствие твое — знак радости, а не печали, утешения, а не смущения. И может ли быть для человеческого рода радость высшая той, что естество человеческое соединится с естеством Божиим и, по причине этого соединения в Едином Лице, соделается единым с Богом! Может ли что быть изумительнее, как видеть Бога, смирившего Себя до того, чтобы быть носимым в утробе женской? О, поразительное чудо! Бог, Которому небо — престол, а земля — подножие ног (ср.: Мф. 5, 34–36), Бог, Которого не вмещают небеса, Который Един со Отцом разделяет престол вечности, — вмещается в девической утробе! Может ли что быть удивительнее, как видеть Бога во образе человеческом, не разлучающегося в то же время и с Своим Божеством, и естество человеческое видеть соединенным с естеством своего Создателя, дабы Бог явился совершенным и всецелым человеком?»

«Гавриил, — продолжает святой Андрей Критский, — выслушав Божественное вещание и приняв повеление, подтвержденное мановением Божиим, но превышающее силы его, находился между страхом и радостью. Не сознавая себя достойным к исполнению Божественного повеления, но не дерзая и ослушаться его, он, повинуясь гласу Божию, отлетел к Деве и, достигнув Назарета, остановился при входе в дом Иосифа. Недоумевая и размышляя сам в себе, он как бы так рассуждал: „Как приступить к исполнению повеления Божия! Войти ли сразу поспешно? Но тогда я могу возмутить спокойствие Девы. Войти ли медленнее? Но тогда Дева, ощутив мое присутствие, восхочет скрыться. Постучаться ли в дверь? Но это несвойственно Ангелам: ибо для бесплотных нет ничего запертого и возбраняющего вход. Отворить ли дверь? Но я могу войти и чрез затворенные двери. Назвать ли Деву по имени? Но этим могу испугать Ее. Войду лучше тихо и буду приветствовать Ее с кротостью, как и повелел мне Пославший меня. Но что я начну говорить Деве? Возвещу ли Ей прежде всего радость, или скажу, что Сам Бог имеет вместиться в Ней, что Дух Святой найдет на Нее, и сила Вышнего осенит Ее! Возвещу Ей прежде всего радость, а там поведаю и таинство чудесное. Приступлю к Ней и радостно воспою приветствие: «Радуйся! Веселись! Утешайся!» Эти слова будут самым приличным началом моей беседы с Девою. Она тогда уже не испугается, и помыслы

не смутят Ее. Поэтому начну свое благовестие так: прежде всего принесу Ей весть радости и веселия, таковыми словами дóлжно приветствовать Ее, как Царицу: ибо это есть событие радости, время веселья, царство мира, совет Божий о спасении, начало утешения"».

Видите ли, с каким благоговением приходит Архангел к Богоотроковице, со сколь великим трепетным почтением приготовляется приступить к Владычице всего мира, как предварительно размышляет о тех, исполненных радости, словах благовещения, с коими должен обратиться к Ней. Достойно при этом обратить свое благоговейное внимание и на то, что он нашел Ее не вне дома и горницы своей, не на улицах городских посреди народа и мирских бесед, не суетящуюся дома в житейских попечениях, но упражняющуюся в безмолвии, молитве и чтении книг, как ею ясно показывает и иконное изображение Благовещения, представляя Деву Марию с положенною пред Нею и раскрытою книгою, в доказательство непрестанного упражнения Ее в чтении Божественных книг и богомыслии. В то самое время, когда явился к Деве небесный благовестник, Она, как полагают богомудрые отцы Церкви, имела в уме слова пророка Исаии: *се, Дева во чреве зачнет* (Ис. 7, 14), и размышляла, каким образом и когда будет то странное и необычное для девического естества зачатие и рождение. Еще ранее этого времени Она, как выше ужо было сказано по Георгию Кедрину, была извещена Божиим откровением, что не иная какая дева, но Она Сама послужит совершению таинства и родит желаемого Мессию. От этого извещения горела Она любовью серафимскою к Богу и Творцу Своему и молила Его милосердие, да исполнит Он скорее совершение Божественного обетования Своего и пророчества Исаии, и с пламенным желанием говорила Себе: «Когда же настанет для Меня оное вожделенное время, и Создатель Мой, благоизволив принять от Меня плоть человеческую, сойдет с небес и вселится в Меня? Когда достигну того благословенного блаженства, чтобы соделаться Матерью Бога Моего! А до того времени, когда не достигну этого, слезы мои будут мне пищею день и ночь. Для ожидающих столь вожделенного и короткое время кажется слишком длинным».

Когда Пречистая Дева так размышляла и, в тайне сердца Своего, возносила с пламенною, горячею любовью к Господу богомыс-

ленную молитву, вдруг тихо предстал пред Нею благовестник Архангел Гавриил. Тот же святой учитель, Андрей Критский, так об этом пишет:

«Архангел Гавриил вошел в дом и, приступив к внутреннему покою, в котором Дева обитала, тихо приблизился к дверям и, проникнув внутрь, кротким голосом начал с Нею беседовать. „Радуйся, — сказал он, — Благодатная, Господь с Тобою! Сущий прежде Тебя — ныне с Тобою и скоро из Тебя произойдет; Сущий прежде всей вечности — ныне будет под временем". О безмерное человеколюбие (восклицает святой Андрей)! О неисповедимое милосердие! Архангел не только благовествует радость, но радость обитания Творца в Деве. Ибо слова его „Господь с Тобою!" явно показывают присутствие Царя, хотя и принявшего от Нее плоть человеческую, но тем нимало не отступившего от свойственной Ему славы! Радуйся, обрадованная, Господь с Тобою! Радуйся, всечестное орудие мира, коим горестный приговор, осудивший мир на проклятие, применяется на радостный призыв к блаженству! Радуйся, воистину Благословенная! Радуйся, Дева превосходнейшая! Радуйся, прекрасный храм небесной славы! Радуйся, освященная палата Царя! Радуйся, чертог, в коем Христос обручился и сочетался с человечеством! Благословенна Ты в женах, Ты, Которую Исаия провидел пророческими очами и наименовал Пророчицей, Девою, книгою запечатленною! Благословенна воистину Ты, нареченная Иезекиилем денницею и дверью затворенною, чрез Которую прошел Единый Бог! Благословенна воистину Ты, Единая, Которую муж желаний, Даниил, видел, как гору, и Которую чудный Аввакум назвал горою приосенненою, а царственный прародитель Твой, Давид, пророчески воспел горою Божиею, горою тучною, горою умащенною, горою, в коей благоволил вселиться Бог. Благословенна Ты в женах, Ты, Которую Захария, зритель Божественных Тайн, провидел, как превосходный светильник золотой, украшенный семью лампадами, означавшими семь даров Духа Святого. Воистину благоговейна Ты, вмещающая в Себе как бы рай и сад эдемский — Христа, Который, по Своему неизреченному всемогуществу, произойдя из Твоей утробы, как источник воды живой, напоил четырьмя евангельскими струями все лицо земли?»

Услышав такое приветствие Ангела, Дева смутилась от слов его и размышляла: «Что бы это было за приветствие?» Она смутилась, но

не испугалась, потому что такое посещение не было совсем новым, нечаянным и внезапным. Появление Ангела не могло испугать Ее, ибо для Нее обычно было дружественное общение с Ангелами еще во время пребывания во Святая Святых, где, по свидетельству святого Германа[1], ежедневно принимала Она пищу из рук Ангела. Но Она от удивления смутилась потому, что Ангел прежде никогда не приходил к Ней в столь великой небесной славе, со столь радостным лицом и с такими преисполненными радости словами. Смутилась Она новостью всего этого, особенно слов Ангела, что он приходит с необычным приветствием, говоря: *Благословенна ты в женах!* (Лк. 1, 28), чрез то полагая Ее, Деву, в числе жен. Она смутилась, как целомудренная, но не устрашилась, как мужественная, и, как одаренная духом благоразумия и мудрости, размышляла Сама с Собою: «Что бы это было за приветствие? Что хочет сказать Мне Ангел этим приветствием? Не введет ли Меня опять в храм Господень, или не принес ли он Мне с неба какую-либо новую пищу? Или не возвестит ли он новой тайны от Бога? Не научит ли он Меня, так много размышляющую и не могущую понять, как *Дева во чреве зачнет и родит сына* (Ис. 7, 14)? Что же будет из этого приветствия?»

Тогда Ангел сказал Ей:

— Не бойся, Мария! Не сомневайся более о предреченной Исаией Деве. Ты — Та Самая Дева, Которая обрела такую благодать, чтобы бессеменно зачать Еммануила и родить Его неизреченно, как Он Сам то ведает. Ты обрела благодать Божию премногими Твоими добродетелями, особенно же тремя высочайшими: Ты обрела благодать глубоким Твоим смирением, ибо смиренным дает Свою благодать Бог, глаголющий: *На кого Я призрю: на смиренного и молчаливого* (Ис. 66, 2). Ты обрела благодать девственною чистотою Твоею; ибо Бог, как чистейший по естеству Своему, желает родиться от Пречистой и нетленной Девы; Ты обрела благодать у Бога Твоею пламенною любовью к Нему, ибо Господь сказал: *Любящих Меня Я люблю, и ищущие Меня найдут благодать* (Притч. 8, 17). А поскольку Ты возлюбила и взыскала Его всем сердцем, то поэтому и обрела благодать у Него, и родишь Сына, не простого смертного, но Сына Божествен-

---

[1] *Святой Герман*, патриарх Константинопольский, жил в конце VII — начале VIII века. В своей деятельности он заявил себя ревностным защитником иконопочитания. Скончался в 740 году. Память его празднуется 12 мая.

ного, Сына Вышнего, Бога от Бога, прежде веков от Отца без матери рожденного, от Тебя же, Девы-Матери, без Отца произойти имеющего. Его имя будет чудное и неизреченное: Ты наречешь имя Ему — Иисус, что значит Спаситель, ибо Он спасет весь мир и воцарится, без сравнения, преславнее праотца Давида и всех прежде бывших царей из дома Иакова. Но Царство Его будет не временное, а вечное, нескончаемое в бесконечные веки.

— *Как будет это*, — вопросила Мария Ангела, — *когда Я мужа не знаю?*

Пречистая Дева верила словам Ангела, ибо по благодати Божией, которой Она была исполнена, знала о том, что Она родит Благовествуемого, о чем получила извещение во время пребывания в храме от Самого Бога; но Ей неизвестно только было: как это сбудется, каким образом Дева, не познавшая мужа, может родить? Потому Она и спросила Ангела: «Как будет это?»

Рассуждая об этом, святой Григорий Нисский, от лица Ее, так говорит к Ангелу: «О Ангел! Поведай Мне образ самого рождения — и ты обрящешь сердце Мое готовым к совершению Божественного благоизволения: ибо я желаю Себе такового плода, но без нарушения девства».

Святой Амвросий о том же рассуждает так: «Хорошо вопросила Она Ангела: *Как будет это?* (Лк. 1, 34). Ибо Она, хотя и прежде читала, что Дева зачнет, но не знала о том, каким образом это сбудется. Она действительно читала пророческое слово: *Се, дева зачнет*, — но как зачнет, — об этом только ныне возвещает Ей Ангел во время благовещения.

И вот Ангел открывает Деве и самый образ зачатия, что зачатие это будет не по естеству человеческому и обычному порядку, но сверхъестественно, «идеже бо хощет Бог, побеждается естества чин»[1], что зачатие это будет по действию Святого Духа: *Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя* (Лк. 1, 35). От Него приимешь во чреве Твоем, и Он совершит в Тебе недоведомое зачатие. Тот, Кто из бездушной земли мог создать Адама, не тем ли паче возможет от живой Девы произвести Живого Младенца? Если Богу возможно было из кости Адамовой создать жену, не тем ли более Он может сотворить человека

[1] Из догматика 7 гласа.

во утробе девической? Вседействующий Дух Святой соделает то, что в Твоей, Пресвятая Дева, пречистой утробе, от Твоей плоти, таинственно устроится плоть бесплотному Сыну Божию. Чрез Тебя, дверь, чистотою запечатленную и девством хранимую, пройдет Господь, как луч солнечный проходит чрез стекло и кристалл, освящая и просвещая Тебя Божественною Своею славою; так что Ты будешь истинной Матерью Божиею, родившей совершенного Бога и совершенного человека, и нетленною Девою как до рождества, так пребывающей ею и в рождестве и по рождестве: это соделает в Тебе, наитием Святого Духа, сила Всевышнего. А что это истинно, в удостоверение этого — да послужит тебе знамением то, что вот и родственница Твоя Елисавета, от юности бывшая бесплодной и уже состарившаяся, зачала сына, ибо так угодно Богу, Который и из невозможного творит возможное. Ибо между людей кажется невозможным как то, чтобы нетленная Дева зачала и родила без мужа, так и то, чтобы зачала и родила бесплодная и состарившаяся женщина; но у всемогущего Творца все возможно, ибо *у Бога не останется бессильным никакое слово* (Лк. 1, 37); по Его мановению и бесплодная старица зачала, и Ты, Дева, зачнешь.

Услышав от Ангела это благовестие, Пречистая преклонилась пред волею Господа Своего и с глубочайшим смирением отвечала от исполненного любви к Богу сердца Своего: *Я — раба Господня, да будет Мне по слову Твоему* (Лк. 1, 38). И в то же мгновение, действием Святого Духа, совершилось во святой утробе Ее несказанное зачатие, без услаждения плотского, но не без восторга духовного. Тогда девическое сердце Ее особенно сильно растаявало Божественным желанием, и пламенем любви серафимской горел дух Ее, и весь ум Ее, как бы находясь вне себя, погружался в Боге, неизреченно услаждаясь благостью Его. В этом наслаждении Ее духа всесовершенным Боголюбием и ума — Боговидением и зачался Сын Божий, и *слово стало плотью и вселилось в нас* (Ин. 1, 14) вочеловечением.

Ангел, совершив, по повелению Божию, свое благовестие и трепетно, благоговейным поклонением почтив Воплощающегося во утробе девической и Деву, воплощающую в Себе Бога, отошел от Нее к престолу Господа — Саваофа, славя таинство вочеловечения Божия, со всеми небесными силами, в неисповедимой радости вовеки. Аминь.

День двадцать шестой

СОБОР
СВЯТОГО АРХАНГЕЛА
ГАВРИИЛА[1]

На другой день после Благовещения Пречистой Девы Богородицы Церковь издавна постановила, иерусалимским уставом и уставом великой обители святого Саввы, праздновать собор святого Архангела Гавриила, особым днем и песнопением почитая этого радостного благовестника. И поистине, особого чествования достоин тот, кто послужил таинству нашего спасения, принес Пренепорочной Деве весть о воплощении Бога-Слова в пречистой утробе Ее. Если заслуженный посол и земного царя, принесший в какой-нибудь город царское милостивое слово, принят бывает всеми гражданами того города с особенною честью, то тем более до́лжно почитать особым празднованием пречестнейшего посла небесного Царя, величайшего князя ангельского, пришедшего ко всему роду человеческому с премногомилостивейшим словом, возвещающим вечное наше спасение. И как велик этот посланник, который сам прежде открыл достоинство свое святому Захарии: *Я Гавриил, предстоящий перед Богом* (Лк. 1, 19), то есть стоящий ближе других Ангелов к престолу Божию. Как в земном царстве приближеннейший к царю сановник, более осведомленный о тайнах царских, несравненно выше других сановников, более удаленных от царя, — подобно этому

[1] День празднования в честь Архангела Гавриила назван днем *«собора»* потому, что христиане в этот день *собираются вместе* славить священными песнями святого Архангела Гавриила.

и в Царстве небесном святые Ангелы, ближе предстоящие пред Богом, яснее созерцающие тайны Божии, сияют бóльшею честью и славою, чем другие Ангелы низших чинов.

Священное Писание повествует, что пред неприступною славою Божиею всегда предстоят семь Ангелов высочайшего чина, начальствующих князей ангельских. В книге Товита пишется, что спутник юного Товии возвестил о себе, что он один из семи святых Ангелов, предстоящих пред Богом. И святой Иоанн Богослов в книге Откровения своего воспоминает о этих семи начальствующих Ангелах, говоря: *Благодать вам и мир от Того, Который есть и был и идет, и от семи духов, находящихся пред престолом Его* (Откр. 1, 4). В числе этих семи считается и Гавриил, вторым по числу, а после Михаила первым. Все они по именам исчисляются так: Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Селафиил, Иегудиил, Варахиил.

Если же кто спросит: почему Бог не послал к Пречистой Деве первейшего по чину из своих Ангелов — Михаила, но второго за ним — Гавриила, — тому да будет известно, что сии семь высших Ангелов все равны по своему достоинству, и Михаил есть первый между ними только по числу. Каждый из них имеет свое особенное служение. Михаил — победитель супостатов; Гавриил — вестник тайн Божиих; Рафаил — врач недугов человеческих; Уриил, будучи сиянием огня божественного, есть просветитель потемненных; Селафиил — молитвенник, всегда молящийся Богу о людях и людей возбуждающий к молитве; Иегудиил — прославляет Бога: его служение в том, чтобы укреплять людей, трудящихся в чем-либо ради славы Божией, и ходатайствовать о воздаянии за их подвиги; Варахиил — раздаятель благословений Божиих и ходатай, испрашивающий нам Божии благодеяния.

Итак, Михаил не был послан с благовестием к Пресвятой Деве потому, что его служение другого рода: держать всегда обнаженный меч, ополчаться против врагов и прогонять их. Послан же Гавриил, потому что то свойственно его служению — извещать таинства Божии. Он возвещал святому пророку Даниилу об освобождении людей Божиих из плена Вавилонского и о времени пришествия Мессии; он же возвестил святому Захарии о рождении Иоанна Предтечи от матери неплодной. Он и святого пророка Моисея наставлял в пустыне при написании книги Бытия, передавая ему откровения Бо-

жии о первых родах и летах, начиная от создания мира. Благочестивое предание свидетельствует, что он благовестил святым праведным Иоакиму и Анне о зачатии Пречистой Богородицы и был Пренепорочной Отроковице Ангелом хранителем от самого зачатия и рождения Ее, и пищу Ей приносил во Святое Святых; он же поэтому благовестил Ей и о зачатии Сына Божия. Кроме этого, Гавриил был послан с благовестием и потому, что в самом его имени заключен предмет благовествования. Имя Гавриил значит — «крепость Божия», также «муж — Бог». Итак, самым именем своим благовестник означает, что Бог крепкий, Владыка во утробе Девы соделывается совершенным человеком (мужем), то есть является совершенным Богом и совершенным человеком, — совершенным не по возрасту телесному, а по крепости и разуму. Другие младенцы, зачатые в утробах матерей, ничего не разумеют, и нет в них никакой крепости, — напротив, Младенец, зачатый в Девической утробе Преблагословенной Марии, с самого мгновения зачатия Своего обладал разумом неисповедным и крепостью непобедимою, и потому и в малом теле был мужем совершенным. Это провидя, пророк говорит: *И приступил я к пророчице, и она зачала и родила сына. И сказал мне Господь: нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз* (то есть: скоро плени́, внезапно расхи́ти), *ибо прежде нежели дитя будет уметь выговаривать: отец мой, мать моя*, — примет *богатства Дамаска и добычи Самарийские* (Ис. 8, 3–4). Это значит, что Младенец, еще не могущий говорить, будет уже иметь великую силу и крепость побеждать врагов Своих. Прообразованием этого служило самое имя Гавриила, которое значит: *Муж — Бог, Крепкий Бог.* И этот Бог в самое время его благовещения, наитием Святого Духа, зачался в нетленной девственной утробе. Святой Прокл[1], патриарх Цареградский, так об этом рассуждает:

«Самое имя Ангела чудесно по своему значению, ибо благовестивший Деве Марии называется Гавриилом. Этим именем он предвозвещал и преобразовал Богочеловека, имеющего прийти в мир. Гавриил значит: *Муж Крепкий*, или *Муж — Бог*, происходит от слова *Гавир*, что значит: *крепкий*, или *Бог*, а в совокупности обоих речений это слово означает: Муж — Бог. Издревле еще предвозвестил это Иеремия, говоря: *Господь сотворит на земле нечто новое: жена*

[1] *Святой Прокл*, патриарх Цареградский, жил в V веке и прославился как защитник Православия против несторианства.

спасет мужа (Иер. 31, 22). Итак, высок весьма этот посланник Божий и по значению своего имени, и по роду своего служения, а еще более по той тайне, от века сокровенной и Ангелам недоведомой, которую ему первому открыл Бог и которую он принес Пречистой Деве. И чем величественнее была эта тайна вочеловечения Божия, чем выше она других тайн, чрез Гавриила же открытых прежде святым пророкам, тем большей чести с того времени сподобился он в сонме самих Ангелов, почитаемый ими как ближайший зритель внутреннейших и безвестнейших тайн Божиих».

Церковные учители, особенно Дионисий Ареопагит[1], согласно говорят о тех семи высших Ангелах, что они всегда неотступно предстоят Богу. Другие Ангелы посылаются на различные служения, а эти, как приближеннейшие к Богу, всегда пребывают у престола Божия. Для возвещения высочайших тайн Божиих и для явления большей силы Божией, и они также посылаются, как говорит святой апостол Павел: *Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение?* (Евр. 1, 14). Но какое же явление силы Божией больше и какая тайна выше, как не тайна воплощения Христова, недоведомого, непостижимого, несказанного? Итак, для возвещения такой великой тайны подобало быть посланным и Ангелу великому, неотступному предстоятелю престола Божия, ближайшему зрителю тайн Божиих, каковым и был святой Гавриил.

Достойно внимания и то, к какому из девяти чинов ангельских в трех иерархиях принадлежит святой Гавриил. Некоторые думают, что он находится в третьей, низшей иерархии, и есть чиноначальник среднего чина между началами и Ангелами, то есть архангельского, определенного на возвещение великих дел Божиих. Так думают частью потому, что он называется Архангелом, частью потому, что, как говорит святой Дионисий, посылаются на служение не высшие Ангелы, предстоящие близ престола Божия, но только низшие Ангелы, на то приставленные. Но достовернее то мнение, что святой Гавриил принадлежит к самому высочайшему чину серафимскому и не посылается в ме-

---

[1] *Дионисий Ареопагит* — знатный афинянин, член афинского ареопага, обращенный в христианство проповедью святого апостола Павла. Из сочинений Дионисия Ареопагита особенно замечательны: («Περὶ τῆς οὐρανίας ἱεραρχίας») и («Περὶ τῆς ἐκκλησιατικῆνς ἱεραρχίας») «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии».

нее важных действиях воли Божией, но посылается для возвещения только величайших тайн Божиих, какова была тайна воплощения Божия, и Архангелом он называется от того радостного благовестия, которое принес Пречистой Деве, и коим он исполнил радости не только Ее, но и всякое создание, не только дольнее (земное), но и горнее (небесное), как об этом воспевает святой Дамаскин[1]: едино бо торжество обоим возсия, егда безплотный радость тебе принесе[2]. А что святой Гавриил должен быть причтен к серафимскому чину, — узнаем из того, что никакой другой чин не восходит ближе серафимов к престолу неприступной славы Божией, по неложному свидетельству святого Дионисия. По особому Божию распоряжению всякий чин ангельский имеет свое место: иные чины ближе, другие далее, а серафимский чин всех ближе к Богу, как говорит об этом Исаия: *Видел Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, вокруг него стояли Серафимы, у каждого из них по шести крыл* (Ис. 6, 1–2).

А как святой Гавриил есть один из семи ближайших Ангелов, предстоящих Богу, то он и должен быть чина серафимского, второй между Серафимами. Согласно с этим, святой Андрей Критский называет его одним из числа первейших Ангелов, говоря: «Одному из первейших Ангелов Бог повелевает возвестить таинство. Если же он был из первейших, то, конечно, из семи духов, всегда предстоящих Богу; и если из семи духов, то из серафимов. Ибо кто из Ангелов выше Серафимов? Кто ближе их к престолу Божию? Итак, Гавриил есть Серафим, высший в сем чине».

Открывается это еще и из того, что для великого дела Божия надлежало и послать великого Ангела. А так как воплощение Слова было величайшим из дел Божиих, то и послан был для возвещения его высший из Ангелов, святой Гавриил, как пишет об этом святой Григорий Двоеслов[3]:

---

[1] *Святой Иоанн Дамаскин* — замечательнейший христианский песнописец и богослов VIII века. Память его совершается святой Церковью 4 декабря.

[2] Седален 3 гласа.

[3] *Святой Григорий Двоеслов*, папа Римский, жил в VI веке. Самое замечательное из его сочинений — («Regula pastoralis») «Правило пастырское», трактующее о том, каков должен быть пастырь и как он должен исполнять свои обязанности. Наименование «Двоеслов» усвоено ему за его сочинение «Беседы, или диалоги о жизни италийских отцов», где рассказ ведется как бы двумя лицами.

«Для исполнения этого великого служения надлежало явиться и высочайшему из Ангелов, ибо он возвещает несравненно высшее всех. Если некогда для прельщения Евы пришел главный князь тьмы, то надлежало также и к Пречистой Деве явиться для благовещения верховному князю небесного света, к пламенеющей серафимскою любовью к Богу Марии надлежало и быть посланным Серафиму».

Итак, будем усердно чтить Гавриила, как начальнейшего князя в ликах ангельских, как одного из ближайших к Богу семи Серафимов, как всемирного Архангела, возвестившего всему миру спасение; будем чтить его благоговейным поклонением и молитвенным пением, радостно совершая его память и воздавая ему благодарение за столь великие благодеяния его роду человеческому, какие он прежде и ныне оказывает, непрестанно моля о нас воплотившегося Бога. Молитвами святого Архангела Гавриила да получим мы все оставление грехов!

О семи упомянутых здесь высших Ангелах должно заметить, что только имена четырех из них означены в Священном Писании. Так, в книге Данииловой пишется, что святой Михаил помогает евреям, тогда еще благочестивым чтителям Бога (см.: Дан. 10, 13); в послании апостола Иуды говорится, что он, споря о теле Моисея с диаволом, сказал ему: *Да запретит тебе Господь* (Иуд. 1, 9); Иоанн же Богослов в своем откровении пишет, что он сражался со змием (то есть диаволом) (Откр. 12, 7); о святом Гаврииле известно также из книги Данииловой, что он открывал пророку, в будущем, сокровеннейшие тайны Божии (см.: Дан. 8, 16), и в Евангелии святого Луки сказано, что Гавриил благовествовал Захарии о зачатии Предтечи Господня, а Пречистой Деве Марии — о воплощении Бога-Слова (см.: Лк. 1). О святом Рафаиле упоминается в книге Товита, где сказано, что он защищал молодого Товию от нечаянных напастей в пути, отогнал беса от девицы Сарры и возвратил зрение Товиту (см.: Тов. 12, 15). О святом Урииле пишется в третьей книге Ездры, что он предлагал Ездре взвесить тяжесть огня (см.: 3 Езд. 4, 5).

О прочих же трех Ангелах, хотя поименно и не упомянуто в Священном Писании, однако, по разумению некоторых богомысленных толковников Божественного Писания, можно думать, что

Салафиил есть Ангел, явившийся Агари в пустыне, когда она в глубокой скорби молилась; он сказал ей: *Услышал Бог голос отрока* (Быт. 21, 17) и смиренную твою молитву». Имя Иегудиила усвоют тому Ангелу, которого Господь обещал послать израильтянам в пустыне, чтобы он довел их до обетованной земли, воздавая тем награду хранящим заповеди Божии во славу Господа (см.: Исх. 23, 22–23). О Варахииле думают, что он был в числе тех трех Ангелов, которые явились Аврааму у дуба Мамврийского, благословили Сарру разрешением ее утробы от неплодства и дарованием сына Исаака и прообразовали Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа (см.: Быт. 18).

Эти святые, высшие семь Ангелов, из коих Михаил есть первый, а Гавриил второй, издревле были, по благочестивому разумению святой Церкви, изображаемы на иконах и почитаемы созиданием во имя их храмов. Об этом церковная история повествует следующее.

Нечестивый император Диоклетиан[1], жестокий гонитель христианства, строя для себя в древнем Риме каменные термы[2], повелел взять множество христиан и посылал их на ту работу, под строгою и немилосердною стражею, которая мучила и удручала святых. Там можно было видеть по несколько тысяч святых страдальцев, кои работали, обливаясь потом и кровью, и множество их там было погублено мечом и различными казнями за Христа. Таким образом, посредством этого тяжкого труда создалось здание столь огромное и прекрасное, как бы царские палаты. Когда же, по прошествии многих лет, эллинское нечестие вместе с царями своими погибло, а христианство, со вступлением на престол царей христианских, восторжествовало по всей вселенной, — тогда верующие, жившие в Риме, взирая на прекрасные термы Диоклетиановы, вспомнили, что это здание построено руками христиан, и, очистив его от скверн языческих, обратили его в храм христианский во имя семи главных небесных духов, Архангелов и архистратигов ангель-

---

[1] *Диоклетиан*, Римский император, царствовал с 284 по 305 год и управлял восточною половиною Римской империи, западною же половиною управлял друг его Максимиан.

[2] *Термы* (θέρμαι) — общественные бани, которые в Риме устраивались с особенным великолепием. При банях были места и для гимнастических упражнений.

ских сил: Михаила, Гавриила, Рафаила, Уриила, Селафиила, Иегудиила и Варахиила.

Риму стали подражать и другие города, как то: Неаполь в Кампании[1] и Палермо в Сицилии[2], где также созданы были каменные церкви во имя этих семи начальствующих Ангелов. Лица их изображены были на досках иконописью и мозаичной работой на стенах церковных, и каждый из них отличаем был от прочих особенными чертами, таинственно изображавшими их невидимое служение. Изображения Ангелов были там следующие. Святой Михаил изображен был попирающим ногами Люцифера[3] и держащим в левой руке зеленую финиковую ветвь, а в правой — копье, на верху коей — белая хоругвь с вытканным на ней красным крестом[4]. Святой Гавриил изображен был держащим в правой руке фонарь с зажженною внутри свечою, а в левой — каменное зерцало из зеленого ясписа, по местам с красными крапинами[5]. Святой Рафаил изображен держащим в левой руке, немного поднятой, сосуд с врачебными средствами, правой же — ведущим отрока Товию, несущего пойманную в реке Тигре рыбу[6]. Святой Уриил изображен держащим против груди, в правой руке, обнаженный меч, а в левой, опущенной вниз, — пламень огненный[7]. Святой Селафиил изображен с лицом и очами, склоненными вниз, и с руками, прижатыми к груди, как то бывает у человека, умиленно молящегося. Святой Иегудиил изображен держащим в правой руке золотой венец, а в левой — бич из трех черных

---

[1] *Кампания* — провинция в Южной Италии. Эта провинция замечательна тем, что здесь впервые были отлиты колокола для церковного употребления, почему они и называются в церковном Уставе «кампанами» (по имени провинции).

[2] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря.

[3] *Люцифер* (Lucifer) — «светоносец», денница, утренняя звезда. В переносном смысле это название усвояется первому падшему ангелу — диаволу.

[4] Белая хоругвь, украшающая копье святого Архангела Михаила, обозначает его святость и чистоту, а крест знаменует, что бесплотные силы ведут борьбу с царством мрака и тьмы во имя Креста и имени Христовых.

[5] Зерцало обозначает, что святой Архангел Гавриил есть вестник судеб Божиих о спасении рода человеческого, фонарь же со свечою знаменует, что судьбы Божии бывают сокрыты до времени исполнения их и по самом исполнении постигаются только теми, кто неуклонно смотрит в зерцало слова Божия и своей совести.

[6] *Святой Рафаил*, по верованию Церкви, испрашивает у Бога помощь и исцеление всем страждущим.

[7] Это знаменует особенно сильную ревность по Боге этого Архангела.

веревок с тремя концами[1]. Святой Варахиил изображен несущим на груди своей на одежде белые розы[2].

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ИРИНЕЯ**, епископа Сирмийского

В царствование нечестивых римских царей Диоклетиана и Максимиана[3], во время воздвигнутого ими на христиан жестокого гонения, верующие, подъемля на себя различные подвиги, с усердием принимали налагаемые на них за Христа мучителями страдания, взирая на вечное воздаяние. В это время в Сирмии[4], городе Паннонии[5], епископом был муж молодых лет, но совершенный в православной вере и в законе Господнем. Имя ему было — Ириней. Ради любви ко Христу, претерпевая множество гонений, он за исповедание Христово сподобился получить заслуженный венец победы.

Захваченный в Сирмии воинами, Ириней был приведен в Паннонию к игемону[6] Пробу. Обратившись к нему, Проб сказал:

— Повинуясь законам царским, принеси жертву богам нашим.

Святой епископ Ириней отвечал:

— Тот, кто приносит жертву ложным богам, а не Единому истинному Богу, истребится из среды людей своих.

Игемон снова сказал:

---

[1] Этим знаменуется награда от Бога благочестивым и святым людям и наказание грешникам.

[2] *Святой Варахиил* является как бы предвестником блаженства и нескончаемого мира в Царствии небесном.

[3] В 284 году Римская империя разделилась на восточную и западную: первой управлял Диоклетиан, а второю — друг его Максимиан; царствовали с 284 по 305 год.

[4] *Сирмий* — древний город в Нижней Паннонии, на Саве. Ныне существуют его значительные развалины у Митровицы.

[5] *Паннония* — одна из значительных южнодунайских областей Римской империи.

[6] *Игемон* — ἡγεμών — областной правитель, начальник.

— Всемилостивейшие цари всем повелели: или принести жертву богам, или быть подверженными мучениям.

— Мне заповедано, — отвечал святой, — скорее принять тягчайшие мучения, нежели, отвергшись истинного Бога, принести жертву бесам.

Игемон еще раз повторил:

— Или принеси жертвы богам, или немедленно повелю мучить тебя.

— Я возрадуюсь, — отвечал святой, — если ты сделаешь это со мной, ибо тогда и я буду причастником страданий Господа моего.

Тогда игемон тотчас же повелел воинам предать святого мучениям. Во время жестоких мучений игемон спросил его:

— Что скажешь, Ириней, — принесешь ли теперь жертву богам?

Святой на это отвечал:

— Я приношу жертву добрым исповеданием Богу моему, Которому всегда и приносил.

Пришли родители святого и все его домашние и, увидев, что его беспощадно мучат, обнимая ноги его, умоляли пожалеть молодость свою и повиноваться царским повелениям. С одной стороны, рыдали его отец и мать, с другой — все ближние, друзья и родственники громко плакали о нем, и все в один голос восклицали:

— Пожалей, Ириней, цветущую красоту твоей молодости.

Но святой, объятый высшим желанием к Богу и имея пред своим духовным взором Его заповедь, всем отвечал:

— Слова Господа моего Иисуса Христа таковы: *Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим небесным* (Мф. 10, 33). Итак, знайте, возлюбленные, что ни мольбами вашими, ни царскими угрозами и никаким другим образом вы не в состоянии будете отвратить меня от Бога и от закона Его: я всей мыслью стремлюсь к надежде горнего[1] звания.

---

[1] *Горний* — вышний, небесный (Иез. 41, 7; Кол. 3, 3).

Проб, снова призвав к себе блаженного Иринея, убеждал его, говоря:

— Тронься хотя слезами скорбящих о тебе, и оставь свое безумие, и, щадя юность свою, принеси жертву богам.

На это святой отвечал:

— Я пощажу себя навеки, если не принесу такой жертвы.

Тогда игемон повелел отвести Иринея в темницу, пока он решит, как с ним поступить.

Между тем святой, находясь в темнице в продолжение многих дней, от тяжести темничного заключения постигнут был различными болезнями. Но вот однажды в полночь областеначальник Проб приказал опять привести его к себе и сказал ему:

— Довольно с тебя уже и этих мучений, коим ты был в продолжение долгого времени подвергаем. Приступи лучше и принеси жертву богам нашим.

— Если ты решил, что делать со мной, — отвечал святой Ириней, — то делай скорее, не отлагая. Знай, что я остаюсь при том же исповедании имени Христова, при котором я до сих пор был; я и ныне есмь и пребуду до конца твердым и неизменным.

Тогда игемон, в гневе, повелел в продолжение долгого времени бить его палками. Он же среди мучений взывал:

— Я имею Бога, Которого от самых юных лет научился чтить: Ему я поклоняюсь, Ему и жертву приношу; но рукотворенным богам поклоняться не могу.

— Удовольствуйся уже и теми мучениями, — говорил ему Проб, — кои подъял на себя; не желай смерти.

Святой отвечал:

— Я и не умру, ибо мне принадлежит жизнь, и мук, кои ты причиняешь мне ради имени Господа моего Иисуса Христа, я не чувствую. Я скажу тебе даже гораздо более: чрез них надеюсь я получить не смерть, но жизнь вечную.

— Имеешь ли ты жену? — спросил Проб.

Святой отвечал, что не имеет. Тогда Проб еще спросил:

— Имеешь ли ты родителей?

— Не имею, — отвечал святой.

Проб снова спросил:

— Имеешь ли ты сыновей или дочерей?

Святой и на это отвечал, что не имеет.

— Кто же, — спросил Проб, — были те, кои рыдали и плакали о тебе на суде?

Святой Ириней отвечал:

— Я исполняю заповеди Господа моего Иисуса Христа, Который сказал: «если кто не отвержется родителей своих и не отречется от всего своего имения, *не может быть Моим учеником»* (Лк. 14, 26), *и кто любит отца или мать, сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37). Итак, кто воистину любит Бога и на Него одного уповает, тот презирает земную суету, и никого не исповедует отцом своим, кроме Бога.

— Но я слышал, — сказал Проб, — что ты имеешь сыновей: итак, хотя ради любви к ним принеси жертву богам, чтобы они не погубили в лице твоем отца.

Святой Ириней отвечал:

— Сыновья мои имеют отцом Бога, Которого и я имею отцом и поклоняюсь Ему, ибо Он может и их, и меня спасти. Поэтому мы на Него истинно и совершенно уповаем, и вручили Ему души наши для того, чтобы не погибнуть. Твори же то, что повелено тебе твоими царями.

— Пощади себя и родителей своих, — убеждал Проб, — принеси жертву богам и подчинись царским повелениям, иначе я посредством различных мучений предам тебя гибели.

— Я уже сказал тебе, — сказал Ириней, — чтобы ты делал со мной, что хочешь, ибо ты хорошо знаешь, что я никогда не принесу жертвы твоим скверным богам. И вот смотри, сколь великое терпение дал мне Господь мой Иисус Христос против твоих и диавольских козней, чрез каковые он уготовал мучения святым Божиим.

— Вот, я произнесу тебе смертный приговор, если ты не принесешь жертвы богам, — сказал Проб.

Святой Ириней отвечал:

— Этим ты сделаешь мне приятное, ибо смертный приговор приведет меня к вечному блаженству.

Тогда Проб изрек святому следующий смертный приговор:

— Иринея, не повинующегося указам царским, повелеваю бросить в реку.

Святой Ириней сказал на это:

— А я ожидал от тебя многообразных и жесточайших мучений, дабы ты познал, как христиане, ради веры в Бога, привыкли презирать смерть. Но так как ты совсем не приговорил меня к ним, то я радуюсь, что хотя этот приговор ты изрек мне.

Игемон, раздраженный таким дерзновением блаженного мужа, повелел усечь мечом главу его, и потом тело его бросить в реку. Святой же, как бы получая другой венец победный, услышав на это такой ответ, благодарил Бога, говоря:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе, за то, что Ты даровал мне такое непреоборимое терпение в исповедании святого Твоего имени, чтобы мне сподобиться быть причастником вечной Твоей славы.

Когда он еще говорил это, его повели на мост, называвшийся «Артемис», построенный в честь скверной богини их Артемиды[1], с которого он долженствовал быть сброшенным. Там, сняв с себя одежды свои и воздев руки к небу, святой Ириней с умилением молился, говоря:

— Господи Иисусе Христе, изволивший пострадать для спасения мира! Да отверзутся небеса Твои для принятия души верного раба Твоего Иринея, который, ради имени Твоего святого, взят на страдание из Православной Сирмийской Церкви. Не отрекаюсь от принятия смерти. Но умоляю, Господи, Твое неизреченное милосердие, чтобы Ты сохранил и соблюл народ Твоей Церкви Сирмийской от всяких прилучающихся бед и зол, и от врагов видимых и невидимых, и благоизволил утвердить его в вере Твоей святой.

По совершении молитвы святой был усечен мечом во главу и сброшен в реку, называвшуюся Савой. Святой Ириней, епископ Сирмийский, был замучен 26 марта, во время управления Паннонией областеначальника Проба, в царствование же над нами Господа нашего Иисуса Христа, Которому — слава во веки веков. Аминь.

[1] *Артемида* — иначе *Диана* — богиня, олицетворявшая собою луну и считавшаяся покровительницею лесов и охоты.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАЛХА

Преподобный Малх в юности своей был земледельцем села Маронийского, отстоявшего за тридцать стадий[1] от Антиохии Сирийской[2]. Он был один сын у родителей своих, и потому они, желая, чтобы он, как их отрасль, был наследником их рода, принуждали его к браку. Но на все их понуждения он отвечал одно:

— Я более желаю быть иноком, нежели мирянином.

Как только ни принуждали Малха к женитьбе — отец посредством различных угроз, мать посредством ласковых увещаний — он не послушался своих родителей и, наконец, тайно бежал, покидая для Бога дом, родителей и женитьбу. Он направился в пустынную местность, находившуюся между Иммой и Вирией. Там он нашел монастырь, иноки которого вели богоугодную жизнь. Предав себя их наставлениям, Малх остался жить там и стал совершенствоваться в иноческих подвигах, трудами и постничеством умерщвляя в себе плотские страсти.

Спустя много лет пришла ему мысль: пойти в свое отечество, чтобы утешить мать свою, которая в это время овдовела, ибо он услы-

---

[1] *Стадий* — мера расстояния, колеблющаяся между семидесяти тремя и восьмидесятью восемью саженями.

[2] *Антиохия Сирийская* — один из древних и богатейших городов Сирии, столичный ее город; лежит при реке Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра; основана за триста лет до Рождества Христова Селевком Никатором и названа по имени Антиоха, отца его. Для христианской Церкви Антиохия имеет особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства и как мать христианских Церквей из язычников. Знаменитая Церковь Антиохийская насаждена первоначально святыми апостолами Павлом и Варнавою, а впоследствии утверждена еще и апостолом Петром. В Антиохии было немало замечательных соборов пастырей Церкви во время еретических (арианских и несторианских) распрей. Антиохийская Церковь издревле пользовалась особенными преимуществами, наравне с церквами Александрийскою, Иерусалимскою, Константинопольскою и Римскою; епископы ее имели титул и преимущество патриарха. В настоящее время Антиохия находится под турецким владычеством и представляет собою небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до десяти тысяч жителей.

шал, что отец его умер, и он думал продать свое наследственное имение и раздать вырученные за него деньги: частью — нищим, частью — на монастыри, и немногое оставить на свои нужды.

Узнав о таковом намерении Малха, игумен начал выговаривать ему, убеждая, что это — диавольское искушение и коварство исконного врага рода человеческого, искусно скрытое под образом как будто доброго дела.

— Это, — говорил он, — будет то же самое, о чем Писание говорит: *Пес возвращается на свою блевотину* (2 Пет. 2, 22). Подобным образом многие монахи были прельщены, ибо диавол никогда явно ни с кем не ведет борьбы.

В доказательство игумен приводил Малху различные повести из книг, начиная с Адама и Евы, соблазненных диаволом надеждою получения божеского достоинства и за то лишенных рая. Когда же игумен оказался не в состоянии убедить его, то припал к его коленам, умоляя не оставлять своей духовной дружины, чтобы не погубить ему самому себя, да не озирается назад *возложивший руку свою на плуг* (Лк. 9, 62). Однако Малх нисколько не послушал игумена и ушел из монастыря.

Прощаясь с Малхом, игумен провожал его со слезами, точно умершего на погребение.

— Вижу, чадо, — таково было последнее слово игумена к Малху, — что ты подпал власти сатаны. О причине твоего разлучения с нами я более спрашивать уже не буду и оправданий твоих не принимаю. Овца, вышедшая за ограду, тотчас же становится пищею волков[1].

Таким образом, они расстались, и Малх пошел в путь свой.

Недалеко от той пустыни лежал большой общенародный путь из Вирии в Эдес[2]; на том пути на путников часто нападали сарацины[3]. Поэтому путники, предпринимая путешествие, собирались вместе в одну толпу, на случай нападения сарацин, чтобы иметь возможность сопротивляться им и избежать плена; Малх также присоединился к

---

[1] См. притчу Господа о добром пастыре: Ин. 10, 1–5.

[2] *Эдесса* — город Месопотамии, в 10 милях от левого берега реки Евфрат.

[3] *Сарацины* — жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а затем христианские писатели перенесли это название на всех арабов и мусульман вообще.

такой толпе путников, достигавшей числом до семидесяти человек, среди коих было и несколько женщин. Когда они шли вместе той дорогой, вдруг внезапно, к их ужасу, явилось множество полунагих измаильтян, вооруженных как бы на битву. Окружив путников, они перехватали их всех до одного, вместе с Малхом, и отвели в плен. Тогда Малх понял суету прежнего своего намерения и обольщение вражеское и каялся, что не послушался увещания игумена, отделился от духовной общины и присоединился к обществу мирскому, и вместе с прочими попал в плен иноплеменникам. Но раскаяние его было уже несвоевременно: желая прежде наследовать родительское имущество, он теперь сам стал собственностью сарацин. Когда пленники были разделены между варварами, инок Малх достался вместе с некоею женщиною одному арабу, который, посадив их обоих на верблюде, быстро отправился с ними в путь. Так как верблюд шел очень быстро, то Малх с женщиной той, сидя на нем, крепко держались друга за друга, чтобы не упасть, и так продолжали свое путешествие; пищей же их в пути было недоваренное мясо и верблюжье молоко.

Совершив продолжительный путь чрез Аравийскую пустыню и перейдя чрез одну большую реку, сарацины возвратились в свою страну. Господин Малха привел своих пленников к жене своей и велел им, согласно обычаю сарацинскому, поклониться его жене и детям. Малх должен был преклонить вместе с пленницей главу свою и поклонился своей госпоже, а та приставила Малха к домашней работе: носить воду, выметать сор и исполнять прочие, самые тяжелые работы. Так работал Малх за преслушание отца своего — игумена, изменив совсем вид инока, ходя, по обычаю той страны, нагим и, по причине солнечного зноя, прикрывая одеждой лишь те части тела, кои необходимо прикрывать. Потом ему повелено было пасти овец в пустыне, и здесь Малх имел одну лишь ту отраду и утешение в своих бедствиях, что редко видел своих господ и соработников и, в уединении, находясь с овцами, вспоминал святого Иакова (см.: Быт. 30, 36) и Моисея (см.: Исх. 3, 1), также некогда пасших стада в пустыне. Питался он сыром и молоком и, пася овец, усердно молился, воспевая псалмы, коим научился в монастыре, и в том находил в плену своем утешение, благодаря Бога, что то монашеское житие, которое он погубил в своем отечестве, он снова обрел теперь в пустыне. Но коварство диавола на всяком месте столь

изощренно, что нельзя себе и представить: ибо и там, при таковом житии, Малх был найден своим злокозненным врагом.

Сарацин, видя, что раб его Малх во всем служит ему усердно и верно и что скот его все приумножается, размышлял, какую бы дать ему награду за верную службу, и порешил дать Малху в супружество ту самую плененную женщину, которая была привезена вместе с ним на одном верблюде. Призвав Малха, он стал говорить ему о ней, чтобы он взял ее себе в супружество. Но Малх противился и говорил, что он — христианин, а по закону христианскому нельзя вступать в брак с женой, муж которой жив, ибо муж той женщины был отведен в плен другим сарацином. Тогда сарацин пришел в ярость и, извлекши меч, хотел умертвить Малха, и если бы тот не поспешил в знак своего согласия обнять шею той женщины, то господин его на том же месте пролил бы его кровь.

Когда наступила ночь, монах взял с собою ту женщину в свою пещеру. О том, что происходило там между ними, сам блаженный Малх впоследствии рассказывал следующее:

— Вместо радости объяла меня скорбь, и вместо утешения — тоска. Мы гнушались друг другом и ничего не смели друг другу сказать. Тогда я совершенно познал всю тяготу моего плена и начал скорбеть о моем иночестве, столь неожиданно погубляемом. Для того ли я дошел, окаянный? — говорил я, рыдая. — До того ли грехи мои привели меня, чтобы мне уже в старости погубить девство мое и стать мужем чужой жены? Какую пользу принесло мне, что я и дом, и родителей, и женитьбу — все оставил в юности ради Бога, если я сделаю ныне то, что презрел с самого начала? Не за то ли я теперь терплю все это, что, живя некогда в монастыре, я пожелал снова возвратиться на свою родину? Что же мы сотворим, о душа моя? Погибнем ли или победим? Дождемся ли благодеющей руки Божией или убьем себя своим мечом? Возврати внутрь себя меч твой, душа! Нам надлежит бояться более твоей смерти, нежели смерти тела; ибо и для целомудренного девства есть свое мученичество. Поэтому пусть я буду лучше лежать здесь в этой пустыне как мученик, мертвым, без погребения, и сам буду для себя мучителем и мучеником!

С этими словами я поднялся от земли, извлек из ножен меч, который блестел в темноте, и, обратив его острым концом к груди, сказал женщине:

— Живи себе, жена! И лучше пусть я буду для тебя мертвым мучеником, нежели живым мужем.

Она же упала к моим ногам, восклицая ко мне:

— Господом нашим Иисусом Христом и этим тяжким часом заклинаю тебя и умоляю не проливать крови своей ради моей жизни. Если хочешь умереть, то прежде на меня обрати меч и вонзи его в меня и, убив сначала меня, убивай потом себя, чтобы таким образом нам соединиться друг с другом; ибо я уже решила в душе, хотя бы и муж мой был возвращен мне, сохранить до самой кончины своей чистоту, которой я научилась в этом плену, и я желаю лучше умереть, чем нарушить ее. Не потому ли ты хочешь умереть, чтобы не совокупляться со мной? Но и я желала бы умереть, если бы ты захотел этого. Итак, пусть я буду для тебя супругой целомудрия и между нами да будет общение духовное, а не телесное, так чтобы господа наши считали тебя моим мужем, Христос же будет знать, что ты мне — духовный брат. Тогда господа наши будут доверять нам, думая, что мы пребываем в плотском супружестве, если увидят между нами любовь.

— Я ужаснулся, — говорил святой Малх, — и удивился такому целомудрию этой женщины, и возлюбил ее, и мы заключили условие пребывать вместе в целомудрии. Но я никогда при этом не смотрел на ее тело, даже не касался ее рукою, боясь в совместной, согласной жизни с ней погубить девство мое, которое я соблюл в самом начале восставшей на меня, со стороны плоти, лютой брани (доселе слова блаженного Малха).

В таковом духовном супружестве преподобный Малх прожил с тою целомудренною женщиною продолжительное время. Они приобрели благорасположение своих господ, так что у них не было и никакой мысли о бегстве. Иногда Малх по целому месяцу не был в доме своего господина, как верный и усердный пастух его стада в пустыне.

Однажды, спустя уже много времени после своего пленения, преподобный Малх находился один в пустыне и, никого не видя, кроме неба и земли, начал в своем уединении вспоминать свое прежнее совместное пребывание в монастыре с монахами, и особенно отца своего игумена, которым он был научен Божественному Писанию и иноческому житию. И стал он размышлять о словах его, коими он

был увещаем не отлучаться из обители. Вспоминая и размышляя об этом, Малх заметил пред собою множество муравьев. Двигаясь на небольшом тесном пространстве, они носили на себе тяжести более самих себя: одни носили семена, другие — землю изнутри муравейников, устрояя себе некоторую защиту от дождя, третьи, заготовляя себе на зиму пищу, раздробляли своими жалами зерна, иные выносили трупы своих мертвецов. И что всего удивительнее — при столь великом множестве муравьев, они, выползая наружу и вползая в муравейники, не мешали один другому, не задерживали и не теснили друг друга; напротив, если замечали, что какой-либо из них несет слишком большую тяжесть, тотчас же другие помогали ему. Смотря на то, Малх вспомнил слова Соломона: ***пойди к муравью, ленивец, и посмотри на действия его... он собирает во время жатвы пищу свою*** (Притч. 6, 6–8). Притом ему пришло на мысль, что жизнь его в монастыре подобна муравейнику, где все вместе работают и никто ничего своего собственного не имеет, но все общее, и начал сильно скорбеть о своем пленении, с сердечными воздыханиями, желая увидеть монастырь свой и жить в своей прежней келии. Когда он возвратился в имение господина своего и шел к своей хижине, его встретила жена и, увидав его с печальным и смущенным лицом, спросила:

— Отчего ты так печален?

Малх рассказал ей о своих помышлениях. Она же стала уговаривать его бежать и при этом просила, чтобы он не оставлял ее, но взял бы с собою и отдал бы после в какой-нибудь женский монастырь. После долгого совещания о том, они начали приготовляться к бегству, перешептываясь друг с другом и колеблясь мыслями между чувствами надежды и страха.

В стаде, которое пас Малх, были два больших козла. Убив их, он сделал из кож их два меха и приготовил в путь сушеное мясо, и однажды, поздно вечером, вместе с сестрою, возложив надежду на Бога, они вышли из дому и быстро пошли. Достигнув большой реки, отстоявшей от жилища сарацина на девять стадий, они надули меха, крепко завязав, сели на меха и поплыли по реке, управляя ногами, как веслами, и переплыли на другую сторону; мясо же, которое взяли в путь, намокнув в воде, потонуло, и осталось его только очень немного, так что с трудом могло хватить им на три дня. Удовлетворив достаточно жажду водою из реки, чтобы не жаждать в предлежа-

щем бегстве, они пустились в путь, быстро поспешая, более ночью, нежели днем, частью из страха сарацин, частью же из-за солнечного зноя, весьма сильно там палящего; но иногда они шли и днем, хотя и были опаляемы зноем, и часто озирались назад, боясь, чтобы не погнался за ними господин их.

На третий день, когда Малх и названная жена его на пути обернулись назад, то увидели издали двух сарацин, которые быстро гнались за ними на двух верблюдах, и тотчас же поняли, что это господин их гонится за ними по следам, оставленным ими на песке, и пришли в великий страх, и помертвели, ожидая, что они будут убиты сарацином. В это время, по промышлению Божию, они заметили направо от себя глубокую пещеру и вбежали в нее и стали налево при входе, но не входя в глубь самой пещеры, потому что боялись, избегнув смерти, снова подвергнуться ей, ибо в таких пещерах обыкновенно обитали дикие звери, или змеи, скорпионы и другие ядовитые гады. Итак, боясь смерти с обеих сторон: и от гонящегося за ними господина и от скрывающихся в пещере, они стояли в страхе, как бы уже умершие; но при этом они помышляли и то: «Если Бог поможет нам, бедным, то мы избавимся от смерти, а если Бог не снизойдет к нам, грешным, то пещера эта будет нам гробом».

Между тем сарацин с рабом своим достиг пещеры. Связав верблюдов одного с другим, он остановился перед входом в пещеру с обнаженным мечом, раба же своего послал вывести Малха и его спутницу из пещеры, потому что сам хотел умертвить их. Когда раб вошел в пещеру на расстояние трех или четырех лактей[1], то прошел мимо их, ибо вошедшему в тень от солнечного света невозможно было увидеть близстоявших, и они увидели раба того в спину. Раб же громко восклицал с сильными угрозами:

— Выходите, злодеи, выходите, чтобы быть убитыми! Чего вы медлите? Выходите, господин ожидает вас.

В то время, как он восклицал это, внезапно из глубины пещеры выбежала львица, схватила его за горло и, умертвив, повлекла в свое логовище. О преблагий Господи! Сколь велик промысл Твой о рабах Твоих и сколь скора помощь Твоя в крайнем бедствии! Заметили то Малх и его жена, и были они в великой радости вместо боязни от-

[1] *Лакоть* — локоть, мера от локтя до конца среднего пальца. Библейский лакоть колеблется между десятью с половиной и тринадцатью вершками.

того, что видели одного врага своего погибшим, ибо не знали про другого, угрожавшего им пред входом в пещеру. Сарацин, видя, что раб замедлил в пещере, и не слыша более его голоса, думал, что двое сопротивляются ему одному и, будучи не в состоянии от ярости более ждать, устремился в пещеру, как стоял, с обнаженным мечом, свирепо рыкая от злобы, как зверь. Но львица, услышав его голос, выбежала навстречу ему и, когда он достиг беглецов, бросилась на него и умертвила его, волоча мимо их в свое логовище.

Видя таковую чудесную и нечаянную Божию помощь и заступление, преподобный Малх с блаженною тою женщиной возблагодарили Бога за Его превеликое милосердие. Но и после этого радостного обстоятельства страх не оставлял их, ибо они думали, что львица умертвит и их; однако они желали лучше погибнуть от зверя, нежели впасть в руки бесчеловечных людей. Львица же, взяв в зубы своего детеныша, вышла из пещеры. Малх с названною женою своей долго молча стояли, но, увидав, что львица не возвращается, вышли из пещеры, когда день уже склонялся к закату. Увидев стоявших вблизи пещеры верблюдов с запасом пищи и воды, они стали есть и пить; потом, насытившись и подкрепившись, сели на верблюдов и радостно отправились в путь, благодаря Бога. По прошествии десяти дней они миновали ту пустыню и приблизились к полкам грекоримским. Они рассказали все относительно себя начальнику полка, а тот отослал их к месопотамскому воеводе Савину. Воевода, купив у них верблюдов и радушно напутствовав их, отослал в их отечество.

Возвратившись на родину, Малх отдал блаженную женщину ту и свою сестру духовную в женский монастырь, а сам возвратился в свою обитель, из которой некогда ушел. Игумена и наставника своего духовного он уже не застал в живых. Тогда он поведал братии все случившееся с ним и поселился в монастыре безысходно, увещевая прочих иноков никогда не ослушиваться игумена и из монастыря не выходить. Богоугодно прожив остальное время своей жизни, Малх преставился ко Господу, оставив по себе образец целомудрия, чтобы последующие поколения ведали, что девственная чистота не побеждается ни мечом, ни пустынею, ни зверями; ибо предавший себя Христу, может умереть телом, но духом побежден быть не может, укрепляемый Самим Христом Богом, Которому слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ
ДВАДЦАТИ ШЕСТИ МУЧЕНИКОВ ГОТСКИХ[1]

Эти святые мученики пострадали при готском царе Унгерихе в царствование римских императоров Юлиана, Валентиниана и Грациана[2]. В то время, когда они, будучи христианами, совершали богослужение и прославляли Бога в храмах своих, Унгерих послал своих слуг, которые по его повелению подожгли храмы и сожгли всех, находившихся в них, числом триста восемь человек. После этого, если встречали христианина, несшего во храм приношение, то, схватив, его, подвергали допросу, и если он исповедовал свою веру во Христа, то его тут же бросали в огонь, и, таким образом, вместо приношений приносились Христу тела христиан. Эти тела святых мучеников собирала супруга другого готского царя, по имени Алла, готка по происхождению и правоверная христианка[3]. Передав правление своему сыну[4] и взяв с собою пресвитеров, она переходила с места на место, пока не поселилась вместе с дочерью своей Дуклидой в стране Сирской[5]. После этого она призвала к себе сына своего и, когда тот пришел, она возвратилась с ним в Готию, а мощи святых отдала дочери своей, которая в царствование Валентиана и Феодосия пришла в Кизик[6] и отдала часть мощей в этом городе на освящение храма. Возвратившись в Готию, святая Алла была побита камнями вместе с Агафоном и, таким образом, приняла мученическую кончину, а Дуклида мирно скончалась, спустя несколько лет после смерти своей матери.

---

[1] Готская страна простиралась от нижней Вислы до Черного моря. Готы жили главным образом по реке Дунаю в нынешней Румынии. Впоследствии они расселились почти по всей Европе.

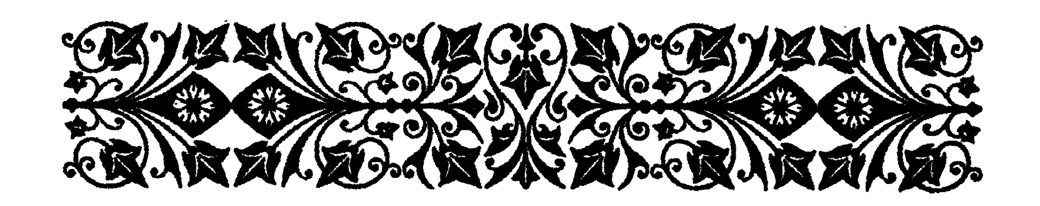
[2] *Юлиан* царствовал с 361 по 363 год, *Валентиниан* — с 364 по 375 год, а *Грациан* — с 375 по 383 год, так что царствование этих трех императоров обнимает период времени около 20 лет.

[3] Среди готов в значительной степени была распространена арианская ересь.

[4] Сын святой Аллы носил имя Аримерия.

[5] *Сирская страна*, или *Сирия*, расположена была в Азии, на севере от Палестины. Предполагают, что Сирской страной здесь называется страна римская, вероятно, нынешняя Румыния.

[6] Под этим названием известен город в северной Мизии, в Малой Азии, но так же называлась местность в нынешнем Крыму, где было готское княжество.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ВАСИЛИЯ НОВОГО

В десятый год царствования благочестивых царей греческих, Льва Мудрого[1] и брата его Александра[2], сыновей императора Василия Македонянина[3], некие магистриане[4], возвращаясь из Асийской страны[5], куда они были посланы по царскому повелению, и проходя мимо одной пустынной горы, увидели ходившего по ней человека, покрытого худым рубищем и видом весьма необычайного и даже страшного, потому что он вырос в пустыне, вдали от людей. Удивившись странному зраку его, магистриане погнались за ним и схватили его; потом, думая, что это лазутчик (между тем как, на самом деле, это был блаженный Василий, о житии которого мы повествуем), они связали этого дивного мужа и повели за собою в царствующий град — Константинополь.

Представ пред царями, магистриане поведали им о схваченном в пути человеке. Тогда царь Лев, увидев святого, повелел подвергнуть его допросу и поручил некоему патрицию[6] Самону, агаря-

---

[1] *Император Лев VI Мудрый* занимал византийский престол с 886 по 911 год.

[2] *Император Александр* был соправителем Льва Мудрого, царствовал с 866 по 912 год.

[3] *Василий I Македонянин* был византийским императором с 867 по 886 год.

[4] *Магистриане* — придворные должностные лица, занимавшие важнейшие должности при царском дворе. По положению своему они стояли выше патрициев.

[5] *Асийскою* страною, или *Асией*, назывался теперешний Малоазийский полуостров.

[6] Титул *патрициев* принадлежал первоначально лишь детям сенаторов, которые назывались отцами, по-латыни patres. Потом это название стало прилагаться ко всем лицам благородного римского происхождения. Но император Константин Великий сделал титул патриция личным достоинством, которое даровалось высшим чиновникам, но не переходило по наследству.

нину[1] по происхождению, расследовать: кто он, откуда и как ему имя.

Самон ввел человека Божия в свой дом. Затем, воссев на судилище, окруженный советниками, с подобающим его сану величием, он повелел представить ему блаженного Василия. Представ пред патрицием, святой не воздал ему чести и поклонения. Патриций же спросил его:

— Кто ты, и откуда, и как тебе имя?

Но блаженный *ответа не дал ему* (Ин. 19, 9)[2] и молча стоял, кроткими очами смотря на судью своего.

Тогда Самон снова спросил его:

— Возвести нам, откуда ты?

На это святой ответствовал:

— Лучше ты сам скажи, кто ты и откуда?

И сказал ему Самон:

— Спрашиваем мы тебя, и ты должен отвечать нам. А кто я, о том тебе не следует вопрошать. Впрочем, если ты так уже хочешь узнать обо мне, кто я такой, то я скажу тебе. Я — Самон, патриций и старейшина кувикулариев[3] ныне царствующих самодержцев. Теперь скажи ты мне: кто ты и откуда и чем занимаешься?

Блаженный ответил:

— Я — один из пришлецов и странников, обитающих на земле.

— Итак, правильно говорят о тебе, что ты лазутчик, пришедший для осмотра греческой земли? — спросил святого Самон.

На это преподобный ничего не ответил ему.

И многие из присутствовавших на допросе понуждали его к ответу, говоря:

— Кто ты?

Но святой и им не отвечал ничего.

Тогда Самон повелел принести железные прутья, сухие воловьи жилы и другие, наводящие ужас, орудия пытки; и все это для устра-

---

[1] *Агарянами* назывались аравийские бедуины, разбойничье племя, кочующее по Аравии. Так они назывались оттого, что, по еврейскому преданию, они были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой.

[2] Выражение взято из Евангелия от Иоанна, где оно относится к Господу Иисусу, Который не дал ответа Пилату на его вопрос: «Откуда Ты?»

[3] *Кувикуларий* — спальник, постельник при дворе царском, один из важных придворных чинов.

шения святого разложили пред ним, в надежде, что он устрашится мук и расскажет о себе. Но преподобный, увидев все эти страшные орудия, не обмолвился ни единым словом. Тогда патриций повелел разложить блаженного Василия на земле и бить ею воловьими жилами, вопрошая:

— Кто ты?

Испытывая жестокие удары, преподобный не нарушил своего молчания и терпеливо сносил все мучения. А истязатели били его до тех пор, пока им не показалось, что он должен скоро умереть; поэтому, взяв святого, как бревно, не могущее двигаться, они понесли его и ввергли в темницу.

На другой день патриций Самон — этот зверь неукротимый, — воссев на судилище, повелел снова привести к себе узника. Посланные за блаженным Василием нашли его вполне здравым и невредимым, стоящим в ожидании их вне темницы, хотя двери темницы оставались запертыми. Удивленные, они стали спрашивать святого:

— Поведай нам, как ты вышел из темницы, двери которой накрепко заперты.

Но блаженный ответа не дал и молча пошел за ними, чтобы предстать пред лицо патриция.

Тогда некоторые из посланных за святым Василием пошли вперед и рассказали обо всем случившемся Самону: как нашли они блаженного вне темницы, хотя затворы ее были целы. Самон и все бывшие с ним удивились, услышав рассказ их, и не поверили им. Некоторые же говорили про святого, что он волхв и сотворил такое чудо силою волшебства. Между тем блаженный предстал пред патрицием Самоном, и Самон снова начал допрашивать его настойчиво и долго, всячески понуждая его сказать, кто он и откуда. Но преподобный продолжал хранить молчание и не давал патрицию ответа. Сильно разгневался на святого Самон и повелел снова растянуть его на земле и нещадно бить палками, доколе он не расскажет о себе и своем про-

исхождении. И били они святого долго, так что сломали шесть жезлов, но не могли вынудить у него признания: блаженный Василий доблестно претерпевал все мучения, не нарушая своего молчания ни единым словом, так что все дивились неизреченному терпению и молчанию его. Патриций же Самон произнес при этом:

— Знаю, что этот соглядатай надеется впоследствии величаться и говорить: молчанием победил их. Но я готов поклясться жизнью самодержцев наших, что не попущу ему хвалиться и надругаться над нами.

Сказав это, Самон повелел снова отвести преподобного в темницу и в течение всей последующей недели бить его, налагая каждый день триста ударов плетьми и триста палками. Блаженный же Василий терпеливо сносил все мучения, скрывая втайне доблестные подвиги свои и не желая рассказывать другим о своей подвижнической жизни. Ибо от юности он стал иноком и поселился в пустыне, в которой скитался много лет, проводя в суровых пустыннических подвигах жизнь свою, питаясь только злаками и кореньями, ходя постоянно босым и покрываясь худым рубищем. О такой добродетельной и полной подвигов жизни святой не хотел никому рассказывать, и потому-то на все вопросы патриция Самона об образе жизни его отвечал молчанием, памятуя повеление небесного Владыки, сказавшего: *Пусть левая рука не знает, что делает правая* (Мф. 6, 3). Ибо всякий, кто обнаруживает пред людьми добрые дела свои, приемлет на земле мзду свою в похвале от людей, а вечной и небесной славы лишается; кто же желает достигнуть вечной награды, тот должен утаивать от людей свою добродетель, и если, не оцененный людьми, он подвергнется от них поруганиям и даже истязаниям, то и в таком случае он должен молча и терпеливо сносить злобу людскую; тогда он воистину заслужит наименование мученика. Все это ведал преподобный Василий и, желая получить славу не у людей, но у Бога, терпеливо переносил причиняемые ему жестокие страдания, не желая выдавать своей тайны. По прошествии недели, в течение коей святой ежедневно был подвергаем ударам, патриций Самон, видя, что блаженный остается непоколебимым и не открывает своего имени и происхождения, снова воссел на судилище и повелел привести к себе преподобного. И когда тот предстал пред ним, Самон гневно посмотрел на него и сказал:

— Нечестивейший из людей, доколе ты будешь таиться от нас? Скажешь ли ты мне, кто ты и откуда?

В ответ на это святой сказал:

— Нечестивейшими подобает называть тех, кто, подобно тебе, творит втайне содомские дела[1].

При таком обличении от преподобного Самон смутился, испытывая великий стыд и срам пред всеми бывшими там; затем, возгоревшись неукротимою яростью и гневом на святого, повелел принести ремни, скрутить преподобному руки сзади, веревками крепко обвязать ребра его, притянуть к ним правую ногу святого и в одном крытом помещении повесить его на перекладине вниз головою. Двери же помещения того он запер и запечатал своим собственным перстнем и оставил преподобного висеть, пока не назовет своего имени и происхождения. Все бывшие там в душе сожалели о блаженном Василии и роптали на Самона, называя его окаянным и порицая его за причиняемые им мучения ни в чем не повинному человеку Божию.

Три дня и три ночи висел на перекладине святой Василий. На четвертый день нечестивый мучитель Самон отворил двери храмины, в которой находился мученик, и, придя к нему, увидел, что лицо его спокойно и светло, как будто он не испытывал никаких мук. Удивленный патриций спросил блаженного:

— Что же ты не говоришь мне: кто ты и откуда? Разве страдания не вразумили тебя?

Преподобный и на этот раз ничего не ответил ему. Тогда мучитель повелел снять его и освободить от ремней и веревок, которыми он был связан. Будучи разрешен от всех пут, святой, благодатью Христовой, мгновенно исцелился от всех ран и повреждений своих и стал совершенно здоровым. Все видевшие это преславное чудо удивлялись и недоумевали. Нечестивый же Самон, также пораженный случившимся, в ослеплении воскликнул:

— Не говорил ли я, что человек этот волхв и волшебник? Ведь он, несмотря на все мучения, какие достойно воспринял от нас, остался здравым и невредимым. Но все-таки я скоро разрушу вол-

---

[1] *Содомские дела* — различные противоестественные пороки. Называются они содомскими от известного г. Содома (сожженного и истребленного небесным огнем), потому что в этом городе были особенно распространены эти пороки.

шебную силу его: призовите ко мне надсмотрщика за зверями. И когда тот пришел, Самон сказал ему:

— Выбери самого свирепого льва и сегодня не давай ему обычной пищи, чтобы завтра утром он был голоден; тогда увидим мы, одолеет ли свирепого зверя этот волшебник.

На другой день утром множество народа собралось к назначенному зрелищу. И вот выпустили огромного и свирепого льва, громко рычащего от голода; привели туда и блаженного Василия и бросили ко льву на съедение. Но дикий зверь, увидев святого, затрепетал; затем, подойдя к нему, покорно лег у его ног и лежал, как незлобивый агнец, так что все дивились и в ужасе взывали:

— Господи, помилуй!

Преподобный же, наклонившись к лежавшему у ног его льву, погладил его правою рукою, а потом, взяв его за ухо, вывел вон, громко возглашая:

— Вот агнец ваш, вот агнец!

Нечестивый иноплеменник Самон не был, однако, вразумлен этим дивным чудом и не захотел признать, что мучимый им человек есть святой угодник Божий. Продолжая упорствовать в своей ярости против блаженного и истощив все средства, дабы вынудить у него признание, Самон повелел слугам своим ночью потопить его в море. Те так и сделали. В третью стражу ночи они посадили мученика в ладью и, отплыв от берега, ввергли его в море, а сами возвратились назад. Но Бог, хранящий святых Своих, не попустил блаженному погибнуть в пучине морской. Когда только его ввергли в море, тотчас же два морские дельфина[1], по изволению Божию, подхватили преподобного на свои хребты и вынесли на берег, называемый Евдом, предместье Константинополя, где и посадили его на суше. При этом руки и ноги святого разрешились от пут, которыми они были связаны, и он беспрепятственно поднялся на ноги и пошел к городу. Но так как Золотые ворота города[2], к которым подошел святой, были еще не отворены, то он присел около них, намереваясь немного отдохнуть.

---

[1] *Дельфины* — морские животные из семейства млекопитающих. Они держатся обыкновенно стаями и часто следуют за кораблями. В древности дельфин был одним из самых любимых животных; о нем сложилось много поэтических сказаний и поверий, он часто изображался в скульптуре.

[2] *Золотыми воротами* назывались главные ворота города.

В это время подошел к Золотым воротам один человек, по имени Иоанн, одержимый лихорадкою; стеная и трясясь от болезни, он сел близ святого Василия. Блаженный сжалился над ним, возложил на него руки и, помолившись Господу, исцелил его. Почувствовав себя исцеленным, человек тот пал к ногам преподобного и начал молить его, чтобы он пошел с ним в дом его. Святой Василий с радостью исполнил его просьбу, хотя исцеленный был из самых бедных и незначительных граждан Константинополя.

У Иоанна была жена, по имени Елена. Вместе с нею он с любовью принял преподобного в дом свой; когда же настало время обеда, они предложили ему трапезу, и все ели с весельем. За трапезой Иоанн рассказал жене своей, как исцелил его блаженный призыванием имени Христова, и она сильно возрадовалась о таком госте. Ибо она была христолюбива и страннолюбива и проводила жизнь свою в страхе Божием; потому-то она и радовалась, что сподобилась принять в дом свой угодника Божия.

Иоанн и Елена начали умолять святого, чтобы он сказал им, кто он и откуда. Но святой ответил:

— Кто я и откуда, об этом пока не следует говорить. После вы узнаете об этом, а теперь отпустите меня помолиться в монастырь Нерукотворенной иконы Пресвятой Богородицы, изобразившейся сама собой.

Сказав это, он встал и, в сопровождении Иоанна, отправился в монастырь Пресвятой Богородицы на молитву; по окончании же молитвы, уступая настойчивым просьбам Иоанна, святой возвратился в дом его. Тут Иоанн и подруга его снова начали умолять блаженного, неотступно досаждая ему, чтобы он поведал им о себе. Тогда святой Василий сказал:

— Я — тот, кого патриций Самон ввергнул в глубину морскую. Господь мой Иисус Христос, Которому я служу от юности, извлек меня из глубины Ему Одному ведомым образом и сохранил невредимым.

При этом блаженный поведал, что он нарекается Василием, и по порядку рассказал обо всем, что претерпел он от нечестивого и жестокого мучителя Самона.

Слушая рассказ блаженного Василия, Иоанн и Елена удивлялись и вместе с тем припоминали о святом все, что им известно было

раньше; ибо слух о том, как мучил преподобного Самон и как он не мог сделать ему никакого зла, прошел по всему городу. Затем они стали умолять преподобного, чтобы он остался жить у них в доме, — и эта просьба была угодна блаженному Василию. Иоанн и Елена приготовили ему особую келию для молитвы и в ней поставили светильник; и здесь святой стал воссылать Богу свои обычные моления.

Кто может рассказать нам об этих молитвенных подвигах преподобного, о том, сколько слез он пролил в своих молениях к небесному Владыке? Кто мог сосчитать все его коленопреклонения? Кто поведает нам о его всенощных бдениях, ибо он постоянно проводил ночи без сна? Кто изобразит нам добродетельную и полную подвигов жизнь его? Подобно столпу непоколебимому, преподобный был неуклонен в добродетели, никогда не гневался, кроток был, как Моисей[1] или Давид[2], тих и скромен, как Иаков[3], и милостив более Авраама[4]. Ибо Авраам раздавал милостыню от многих богатств своих, а блаженный Василий благодетельствовал нищим от своего убожества, переносимого ради Господа Бога, и все, что приносили ему христолюбцы, тотчас же раздавал неимущим.

Во время обитания преподобного Василия у названного выше христолюбца Иоанна к нему начали, по прошествии немногого времени, приходить люди: одни — ища душевной пользы, другие же приносили к нему недужных, чтобы он исцелил их. Преподобный, возлагая на больных руки свои и творя молитву, исцелял больных благодатью Христовой. С течением времени имя святого сделалось славно во всем царствующем граде, и многие приходили к нему не только из простого народа, но и от именитых граждан и вельмож.

---

[1] Разумеется вождь израильского народа, выведший его из Египта, пророк и Боговидец Моисей. Священное Писание прямо называет его кротчайшим из всех людей на земле (Чис. 12, 3).

[2] Здесь разумеется царь и пророк Давид, кротость которого проявлялась неоднократно, особенно же во время преследований от Саула, а также во время восстания сына его Авессалома. При последнем случае Давид кротко и незлобиво сносил направленные против него ругательства некоего человека, по имени Самея.

[3] *Иаков* — патриарх израильского народа. Скромность его особенно проявилась в отношении к Лавану, от которого он переносил всевозможные обиды себе, будучи часто обманываем им, — отчасти в отношениях к брату Исаву, которого, возвращаясь от Лавана, он с почтением встретил, как старшего.

[4] *Авраам* — патриарх и родоначальник еврейского народа.

Наряду с даром чудотворения, святой имел также дар прозрения и провидел тайные дела всех приходящих к нему, как добрые, так и злые. Обличая наедине грешников, он многих наставил к покаянию. Предвидел преподобный и будущее и пророчески предсказывал о нем, что ясно будет видно из дальнейшего повествования.

В 911 году скончался Византийский император Лев Мудрый, а следом за ним, в 912 году, умер и брат его, император Александр; по смерти их царство наследовал сын Льва, Константин, называемый Багрянородным[1], вместе с матерью своею Зоей. Так как новый царь, при своем вступлении на престол, был еще малолетним отроком, то охрана царства и управление им были поручены Цареградскому патриарху Николаю[2] и куропалату[3] Иоанну, прозванному Горида. Они-то и являлись действительными правителями царства до тех пор, пока юный царь не достигнет совершеннолетия.

Между тем на страну греческую напали варвары; захватывая область за областью, они подошли уже близко к Константинополю и опустошали земли вокруг него. И не находилось никого, кто бы мог собрать войско, вступить в битву с угрожающими столице варварами и остановить их опустошительное нашествие. Все царство греческое пришло в великое смятение; народ же начал громко роптать на патриарха Николая, обвиняя его, что он недостаточно радеет о пользе вверенного ему царства. Тогда патриарх, посоветовавшись со всеми вельможами, написал письмо к восточному воеводе Константину Дуке, призывая его прийти в Царьград и разделить скипетр с молодым царем, чтобы в то время, когда Константин Багрянородный будет, как малолетний, воспитываться в царских палатах, Константин Дука, как муж сильный и храбрый в бранях, ополчался бы против врагов империи. Ибо муж тот воистину был весьма храбрым и непобедимым воином, которого страшно боялись все сражавшиеся с ним иноплеменники. По неоднократному свидетельству их, они часто видели огонь, исходящий от оружия Дуки и от ноздрей коня его, —

---

[1] *Император Константин VII Порфирородный* (иначе *Багрянородный*) занимал византийский престол с 912 по 959 год.

[2] *Патриарх Николай I* занимал Константинопольскую патриаршую кафедру два раза: первый раз — с 895 по 906 год, второй раз — с 911 по 925 год.

[3] *Куропалат* — начальник дворцовой стражи. Это был довольно видный сановник при дворе византийских императоров.

огонь, который, устремляясь на них, опалял и прогонял их, так что невозможно было устоять против этого полководца, которому споборал Сам Бог. Сам Константин Дука тоже не таил благодати Божией, дарованной ему, и рассказывал про себя следующее:

— Однажды в моей юности, — говорил он, — когда я спал, предстала предо мной некая пресветлая Жена, одетая в царскую багряницу; при ней был огненный конь, а на коне находилось тоже огненное оружие. И убеждала меня Жена вооружиться тем огненным оружием и сесть на коня. Я сначала боялся и не хотел исполнить Ее просьбу, но потом послушался. И когда я сделал то, к чему Она побуждала меня, тогда Она сказала: «Пусть чувствуют пред тобой страх и трепет все враги Божии, и да растают яко воск от лица твоего хулители Сына Моего». Сказав это, светлая Жена отошла от меня.

Так рассказывал о себе муж тот, к которому патриарх отправил послание, призывая его на царство. Когда пришло к нему это патриаршее послание, он всячески стал отказываться от предлагаемой ему чести, считая себя недостойным такой высокой власти. Но от патриарха и от синклита[1] пришло к нему другое послание, призывающее его на царство. Тогда Константин Дука отписал к ним:

«Не должно мне равняться с господином моим и помазанником Божиим, царем, хотя он и юн по возрасту. При том же боюсь я, нет ли в предложении вашем чего-нибудь коварного и не желаете ли вы погубить меня».

Получив от него это письмо, патриарх и все вельможи отправили к нему третье послание, и в нем каждый из них написал особо от себя присягу, в которой клялся древом честного животворящего Креста Господня, что без всякой лести и лукавства, но искренне и от сердца призывают его к соцарствованию с юным царем. Тогда, поверив клятве их, Константин Дука отправился со всеми домашними своими в Царьград и был со славою встречен вельможами и всеми жителями города. Было раннее утро, когда воевода пришел в город, — только что поднялось и воссияло солнце, и вдруг явилось недоброе знамение, предвозвещающее Константину Дуке смерть от руки убийцы: при полном солнечном сиянии стал капать небольшой дождь, и капли от дождя, падающие на землю, имели кровавый вид.

---

[1] *Синклитом* назывался весь состав правительства, состоящего из гражданских и воинских чинов.

Между тем патриарх Николай и советники его, узнав о торжественной встрече, какую устроил славному воеводе Константину Дуке весь константинопольский народ, переменили свое первоначальное намерение и затворили пред ним ворота дворца царского, не желая допустить его к царю и его матери. Тогда Константин Дука поставил свой шатер на площади пред ипподромом[1], и сюда стали ежедневно приходить многие вельможи и граждане, поклоняясь славному воеводе, как своему царю и повелителю.

При этом некоторые из преданных новому императору вельмож, знавшие блаженного Василия и питавшие к нему великую любовь, по одному приходили к нему и вопрошали:

— Чем кончится возникшее дело?

Святой с плачем возвестил их, что не пройдет и трех месяцев, как кровавая смерть постигнет и вновь избранного на царство императора Константина Дуку и всех приверженцев его. Возвещая такой исход дела, блаженный горько и неутешно рыдал до изнеможения. После такого ответа со стороны святого вопрошавшие его вельможи затворились в домах своих и безвыходно оставались в них, со страхом ожидая предсказанного конца.

К святому же Василию опять пришли, с намерением узнать будущее, двое вельмож. Это были два единоутробные брата, оба носившие сан протоспафария[2]. Придя к блаженному, они спросили его:

— Что будет потом с нами, если мы сделаемся сторонниками новоизбранного царя и станем приходить к нему на ипподром?

— Не ходите туда, чада! — со слезами ответствовал им святой. — Если вы присоединитесь к нему, то один из вас будет убит, усеченный мечом, а у другого отрежут нос и уши, и он на всю жизнь свою останется посмешищем для всех видящих его.

Но братья пренебрегли предсказанием святого: пошли на ипподром и присоединились к вновь призванному царю.

По прошествии двух месяцев Константин Дука, увидя, что он обольщен и поруган патриархом и всем синклитом, стал совещаться с приверженцами своими, как бы добиться престола царского, на

[1] *Ипподром* — конское ристалище, место, где состязались в конских скачках и в беге на колесницах.

[2] *Протоспафарий* — важный придворный чин. Он же являлся начальником над отрядом спафариев, то есть придворных мечников.

который он был призван. При этом добродетельный воевода не захотел употреблять в дело насилие. Как храбрый полководец, которому было привержено все войско и множество народа, он мог бы силою сокрушить все затворы и взойти на престол царский, или же мог обложить со своим войском стены города и не пропускать в него никаких съедобных припасов, чем заставил бы патриарха и весь синклит против воли признать себя царем и открыть доступ к царскому престолу. Но, будучи мужем благочестивым и богобоязненным, Константин не захотел, чтобы из-за него претерпел кто-нибудь бедствия голода, а также не желал добиваться трона кровавым путем. Поэтому, возлагая все упование свое на Бога и продолжая еще верить клятве патриарха и вельмож, он повелел своим приверженцам, выломав только одни ворота, мирно и без всякого оружия отправиться вместе с ним в царские палаты. Благочестивый воевода говорил при этом:

— Если нас примут кротко, то значит, мы хорошо делаем, достигая своей цели без кровопролития и насилия. Если же нападут на нас и убьют, то они дадут за нас ответ пред Богом, так как сами они усиленными просьбами и клятвою прельстили нас, хотя мы и не добивались предложенного мне достоинства.

Сказав это, Константин Дука заставил приверженцев своих поклясться, что ни один из них не дерзнет вынуть меч из ножен или натянуть стрелу на луке против нападающих на них, «чтобы не пролилась из-за меня, — добавлял он, — ни единая капля христианской крови». Приверженцы Константина с клятвою обещались повиноваться этому повелению своего вождя и, выломав медные ворота дворца царского (так как иначе нельзя было проникнуть во двор его), мирно, без всякого оружия, пошли к царским палатам под предводительством благочестивого мужа этого Константина Дуки, который также был безоружен.

В то время, как они, безоружные, шли, направляясь к палатам царским, нарочито поставленные патриархом стрельцы вдруг напали на них и, выпустив множество стрел, многих ранили. Одним из первых пострадал сам доблестный воевода Константин Дука, который шел впереди: он получил тяжелую рану в ребро пониже правой руки. Застонав от раны, Дука упал на землю. При виде этого, собранные в большом количестве дворцовые оруженосцы устремились

с обнаженными мечами на входящих мирно и начали сечь их, как стебли растений. Таким образом они убили Константина Дуку, сына его и многих других. Тех же, которые обратились в бегство, они схватили живыми и тотчас же казнили всех различным образом: одних рассекали пополам, других повесили на деревья пред городскими воротами, а у иных отрезали носы и уши и подрезали жилы. Так погибли тогда с Константином Лукою до трех тысяч неповинных ни в чем мужей. Вместе с другими пострадали также и те два брата протоспафарии, которые приходили за советом к блаженному Василию, и притом так именно, как предсказал преподобный: один из них был усечен мечом, а у другого были отрезаны нос и уши.

Окончив кровопролитие, воины отсекли головы у убиенного Дуки и сына его и отнесли их к патриарху Николаю и его советникам. Патриарх щедро одарил убивших Константина и повелел носить на копье по всему городу главу убиенного, на поругание ей, а тела всех других пострадавших с ним выбросить в море.

Такое беззаконное кровопролитие совершилось тогда в Константинополе. И осквернился город пролитием крови неповинноубиенных мужей, которая, как кровь Авеля[1], вопияла к Богу от земли. Ибо не от меча иноплеменных врагов, но от руки единоверных и единомысленных соплеменников, бывших друзей и братьев, погиб, сделавшись жертвою коварства, сильный воевода Константин Дука, нареченный царем, — этот прославившийся своею храбростью воин, угодный Богу и любимый народом.

Но, поруганный и осмеянный сильными мира сего, Константин Дука прославлен Богом: праведная душа его, а равно и души всех пострадавших с ним, были унесены Ангелами в небесные обители и вселены на лоне Авраама. Об этом явно свидетельствует следующее чудесное знамение: пока тела повешенных сподвижников Константина висели на деревьях, по ночам видимы были звезды, сходившие на них и ярко сиявшие над головами их до самого солнечного восхода. Этим знамением явлено было, что все они пострадали неповинно и что души их, в награду за мученичество, водворены в селениях святых.

Все это пересказали мы, чтобы представить пример пророческого предвидения преподобного отца нашего блаженного Василия; ибо

---

[1] *Авель* — второй сын Адама, коварно убитый Каином.

все, что предвозвестил он, то и сбылось. Расскажем и о других событиях, при совершении коих обнаружился этот дар предвидения, свойственный преподобному.

В соправители юному царю Константину Багрянородному избран был патриций Роман[1], которого и венчали на царство. Когда император Константин пришел в возраст, Роман дал ему в супружество дочь свою Елену. Помимо Константина у Романа был другой зять, некто Саронит, саном патриций, человек гордый и властолюбивый, величающийся богатством своим и знатностью своего рода. Он затаил в сердце своем лукавое намерение — погубить царя Константина и восхитить скипетр царский.

Близ палат Саронита находился дом названного выше христолюбца Иоанна, у которого обитал преподобный Василий. Провидя прозорливыми очами лукавое помышление Саронита, преподобный сказал, как бы разговаривая сам с собою:

— Василий! Обрати внимание на этого окаянного нечестивца, который в сердце своем замышляет богопротивное. Но вот я пойду и обличу его: может быть, он покается и оставит свое безумное намерение.

И вот, когда однажды Саронит с обычною пышностью выехал на коне из дому, направляясь к царскому дворцу, святой стал на дороге и громко начал возглашать, обращаясь к патрицию:

— Зачем ты замыслил в сердце своем злое дело против помазанника Божия? Тебе нет доли в жребии царском. Итак, не трудись напрасно, чтобы не прогневался на тебя Господь и не отнял у тебя даже патрицианское достоинство, которое ты имеешь.

Слыша такое обличение от святого, Саронит распалился против него великою яростью. Устремившись на блаженного, он начал бить его по голове бичом, который держал в руках, и в то же время поносил его всевозможными ругательствами. Потом, нанеся ему немало ран и надругавшись над ним, он оставил преподобного и стал продолжать свой путь.

Блаженный Василий терпеливо перенес все ругательства и раны, а на другой день снова встретил Саронита, когда тот отправлялся во дворец, и такими же словами, как и прошлый раз, обличал его. Са-

[1] Разумеется *Роман I*, царствовавший совместно с Константином VII с 919 по 944 год.

ронит в гневе повелел слугам своим схватить святого, отвести к нему в дом и задержать его, пока сам он не возвратится из дворца. Затем, возвратившись, он приказал принести прутья от терновника и представить к нему преподобного Василия.

Когда блаженного привели к нему, Саронит сказал:

— Отвечай мне, безумный старец, какой бес научил тебя дерзко встречать меня и говорить мне такие неподобные хульные речи? Или ты не знаешь, что я — зять царя и первый из всех вельмож царских? Или тебе неизвестно, что богатство мое так же неисчетно, как песок на берегу морском? Ведь я имею громадное множество рабов, имений, сел и стад различного скота, а также бесчисленное количество золота и серебра. Кроме того, я удостоился великой славы и чести, какие даны мне от Бога и от царей наших. Как же дерзнул ты, будучи худородным и нищим, предстать предо мной, в виду всего народа, с такими укоризнами и обличениями? Отвечай мне, пока я не предал тебя смерти.

Блаженный, в ответ на такие слова, произнес:

— Неужели ты думаешь, что твое лукавое и злое намерение, которое ты таишь в сердце твоем, останется в тайне? Нет, — Сам Бог открыл мне, что ты замыслил посягнуть на жизнь царя и сделаться похитителем царской власти. Оставь это нечестивое намерение и перестань злоумышлять против помазанника Господня. От лица Бога говорю тебе: если ты не откажешься от своего злого умысла, сильно прогневается на тебя Господь и вскоре сотрет с лица земли память о тебе.

Сильно разгневался от таких слов безумный Саронит, так что лицо его изменилось и пожелтело. Пылая гневом, он приказал слугам растянуть преподобного на земле и прутьями терновника беспощадно бить его.

— Бейте его сильнее, — говорил он, — бейте, пока не выйдет из него бес лжепророчества.

И они били его. Святой же был как дерево немое и бесчувственное: испытывая жестокие удары, он не только не стенал, но даже не произнес ни одного слова, даже и телом не двигался, так что, кроме звуков от ударов по телу палками, не слышно было ничего более.

Когда мучили святого, ворота дома Саронитова были отворены. Мимо же ворот в это время проходила благочестивая Елена, супруга

Иоаннова. Заглянув в ворота, она увидела, как истязали блаженного Василия. Быстро войдя в дом тот, она прикрыла собою тело святого и с горькими слезами стала громко возглашать:

— Бейте меня, грешную, а этого светильника Божия, моего пастыря и отца духовного, пощадите; убейте меня вместо него, его же отпустите.

Тогда Саронит, подобный жестоким нравом своим лютому зверю, сказал яростно слугам:

— Бейте и ее, так как она сама того желает; думаю, что она бесчестная и прелюбодейная сожительница этого нечестивца.

Исполняя приказание, слуги стали бить благочестивую жену, и били ее до тех пор, пока им не показалось, что она стала бездыханной. Тогда беззаконный Саронит повелел слугам, схватив ее за ноги, выбросить на улицу, как пса мертвого. А блаженного Василия он приказал, связав, повесить и дать ему пятьсот ударов воловьими жилами. Претерпевая жестокие удары, блаженный Василий, при помощи Божией, доблестно сносил их. Слуги же, окончив истязание, заключили его в узы.

Наступила ночь, и, когда Саронит спал, было ему во сне видение, предвозвещающее этому жестокому и злокозненному патрицию близкую кончину. Увидел он во сне высокий и ветвистый дуб, на вершине которого свил себе гнездо ворон. Хищная птица сидела в гнезде своем и крыльями прикрывала птенцов своих. Но вот подошли к дубу два человека с секирами, желая срубить его. При этом один из них сказал другому, указывая на верхушку дерева:

— Тут сидит ворон, который своим криком не дает царю уснуть спокойно.

Другой ответил:

— К тому же он причинил много зла возлюбленному угоднику Божию, блаженному Василию.

Сказав это, они начали рубить дерево. Когда оно упало на землю, подошли люди, одетые в ветхие рубища, которые начали отсекать у дерева ветви и бросать их в огонь. Среди них Саронит увидел и преподобного Василия: стоя около срубленного дерева, он говорил:

— ***Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь*** (Мф. 3, 10).

Затем, обернувшись к Сарониту, преподобный сказал:

— Не говорил ли я тебе, чтобы ты отказался от злого намерения твоего, так как в противном случае ты упадешь и с той высоты, на которой находишься?

Пробудившись от сна, Саронит почувствовал себя больным; когда же он размыслил о видении, бывшем во сне, то напал на него великий страх. В ужасе он встал и тотчас же послал слуг с повелением разрешить святого Василия от уз и отпустить его на свободу. Освобожденный из заключения, блаженный воротился на место своего обитания, в дом Иоаннов. Увидев преподобного, Иоанн возрадовался; когда же благочестивый муж узрел раны, причиненные святому жестоким истязанием, он заплакал. Также и все любящие блаженного Василия, услышав о его возвращении, стекались в дом Иоанна, радовались его приходу и плакали, видя язвы на теле его. Супруга же Иоанна, блаженная Елена, вскоре скончалась от ран, причиненных ей биением. Но и беззаконный Саронит также не восстал с одра болезни своей: по прошествии нескольких дней он умер, так что исполнилось над ним предсказание блаженного Василия и сбылся сон, виденный самим Саронитом.

По прошествии некоторого времени благочестивый муж Иоанн, который служил преподобному Василию, в мире отошел ко Господу, и преподобный остался один жить в доме почившего. Каждый день приходили к нему в большом количестве различные люди, принося или приводя с собою своих недужных. Блаженный исцелял их своею молитвою пред Богом. Стекалось к нему и множество нищих, так как преподобный раздавал им все, приносимое ему христолюбцами, и ничего не оставлял у себя до другого дня.

В это время один благочестивый и боголюбивый гражданин Константин, прозванный Варваром[1], упросил преподобного перейти к нему и обитать в его доме, и устроил для него уединенную келию. В ней он приготовил для блаженного постель, стол, седалище и светильник, подобно тому как это сделала некогда сонамитянка[2] для пророка Елисея (см.: 4 Цар. 4, 10)[3]. Затем поручил некоей добродетель-

---

[1] *Варвар* — значит чужестранец.

[2] *Сонамитянка* — жительница города Сонам, в колене Иссахаровом, на юго-западе от Назарета и Фавора. Ныне это местечко называется Солам, или Сулем.

[3] *Елисей* — пророк царства Израильского, любимый ученик пророка Илии и преемник его пророческого дара.

ной старице Феодоре, давно овдовевшей и много лет проводившей жизнь в богоугодном целомудрии, прислуживать человеку Божию. Блаженная старица, живя в горнице, находившейся недалеко от келии преподобного, усердно прислуживала ему, как Ангелу Божию. Если кто-нибудь приходил, желая видеть святого Василия и беседовать с ним, Феодора извещала о нем преподобного, а тот приходил из своей келии в ее горницу и здесь принимал приходившего. Таким образом, он принимал всех в этой горнице, исцеляя больных, утешая скорбящих и подавая милостыню нуждающимся, — и в таких занятиях проходил у преподобного день. К вечеру же он уходил в свою келию и там совершал обычные моления Богу.

Слава о богоугодной жизни блаженного Василия и о дивных делах его распространялась все далее и далее, и его почитали не только миряне, но также многие из духовных: иноки, иереи и святители нередко посещали святого и получали от него помощь душе и телу. Князья же и вельможи призывали его в дома свои, прося посетить недужных и помолиться о них. И когда блаженный приходил куда-нибудь к больным, то сейчас же с молитвою возлагал на них руки и исцелял их; бесов же прогонял единым словом. Заботился он и об исправлении нравов, наставляя многих в добродетели, и не только поучая людей сладкими, как мед, речами, но иногда и грозно обличал грешников; ибо все ему было открыто от Всевидящего Бога.

Однажды, призванный в царские палаты, преподобный Василий, беседуя уединенно ото всех с царем Романом, обличил его в корыстолюбии, а также в преступной связи со многими женщинами, — и царь не только не прогневался на него, но кротко принял это обличение и обещал исправить жизнь свою.

Точно так же блаженный обратил на путь покаяния одну знатнейшую патрицианку Анастасию, обличив ее в некоторых грехах, втайне соделанных ею, и предсказал кончину ее.

Он же возвестил царице Елене, супруге царя Константина Багрянородного, что она родит сначала дочь, а потом сына, который, придя в возраст, воцарится, — что и исполнилось. Царица повелела дать ему золота, но преподобный не хотел даже прикоснуться к нему. Тогда царица стала заклинать его Святою Троицею, чтобы он взял, сколько хочет. Уступая настойчивым просьбам ее, преподобный взял

три златницы[1] и отдал их прислуживавшей ему старице Феодоре, которая также находилась там.

При виде этого, некоторые из предстоявших царице сказали святому:

— Дай, отче, побольше златниц старице той.

Святой ответил им на это:

— Дети, мы не хотим иметь в большом количестве терния, ибо оно колет наши руки.

Тогда царица сказала преподобному:

— Поистине Единого Бога возлюбил ты от всего сердца, честный отец, и чужд суетных благ мира этого. Но не забывай нас и поминай в богоугодных твоих молитвах.

Сказав это, она отпустила блаженного с миром.

В это время к преподобному Василию пришел один мирянин, по имени Григорий, который сделался учеником святого и очевидцем многих чудес его и который впоследствии написал пространное житие его. Этот Григорий, когда пришел к блаженному в первый раз, был сильно поражен и приведен в смущение дивным даром прозрения, каким обладал преподобный, ибо, никогда не видав раньше Григория, святой муж, прямо по приходе его, назвал его по имени, а потом рассказал ему обо всем, что тот помышлял в себе. Вообще преподобный имел весьма изобильный дар прозорливости и провидел не только тайные дела людей, но даже и самые сокровенные помышления сердца человеческого. В жизни святого было немало случаев, когда такой дар его обнаруживался пред всеми; но пересказать все эти случаи нам не хватило бы ни времени, ни места, а потому мы ограничиваемся только некоторыми примерами.

Один пресвитер, придя к святому, принес ему в дар яблоки и, оставшись у него обедать, старался припомнить, сколько медниц[2] он издержал на яблоки. Но святой сказал ему:

— Что ты так задумался, брат, припоминая о том, сколько издержал на плоды? Не трудись даром и спроси у меня: ты заплатил за яблоки десять медниц.

Слыша это, пресвитер ужаснулся, удивляясь прозорливости старца и благословляя Бога, пославшего людям такого великого угодника.

[1] *Златница* — золотая монета, червонец.

[2] *Медница* — мелкая медная монета.

Некий знакомый святому виноторговец, когда пошатнулись дела его, пришел к преподобному и просил посетить его в доме, чтобы там помолиться вместе с ним и своею молитвою ниспослать на его дом благословение Божие. Когда блаженный пришел к нему, виноторговец созвал к обеду множество нищих. По окончании обеда он ввел святого в корчемницу, чтобы он благословил сосуды с вином. Благословляя сосуды, преподобный подошел к одному из них, вмещающему в себе около пятнадцати мер вина, и сказал виноторговцу:

— Вот, я благословил именем Христовым все сосуды, кроме этого, — этот же надо разбить.

Но виноторговец стал умолять преподобного не делать этого.

— Не разбивай, отче, — говорил он, — но благослови и этот сосуд; ибо, если ты сокрушишь его, то оскудеют запасы мои, и я сделаюсь нищим, так как я много задолжал различным заимодавцам.

Святой ответил ему:

— Все это известно мне; но все-таки я намерен сокрушить сосуд этот, чтобы избавить тебя от великой беды. Для этого я и пришел сюда.

Тогда виноторговец сказал святому:

— Лучше разбей голову мою, но не этот сосуд.

Но святой, взяв находившееся тут же полено, стал разбивать сосуд. Когда он распался, вино в большом количестве пролилось на пол. Видя это, виноторговец сильно опечалился, а стоявшие вместе с ним начали негодовать на святого и про себя хулили его.

Преподобный, провидя духом их помышления и хулы, взял трость, находившуюся там, вложил ее в разбитый сосуд, на дне которого оставалось немного вина, и извлек оттуда упившуюся вином мертвую змею, длиною в три локтя[1]. Затем, обратившись к присутствовавшим, он сказал:

— Зачем вы хулите меня в сердцах ваших, дети? Как будто я совершил что-нибудь дурное! Видите ли эту змею: сколько народу могло бы отравиться ядом ее, и в какую бы беду попал тогда хозяин? Разве вы того хотите? И не хорошо ли я сделал, разбив этот сосуд.

Сказав это, святой бросил змею на землю; виноторговец же припал к ногам блаженного и начал просить у него прощения. Блажен-

---

[1] *Локоть*, или *лакоть*, — мера длины, равная десяти с половиной вершкам. Три локтя равнялись почти двум аршинам.

ный простил его и преподал ему благословение. И молитвами святого Василия дом виноторговца был благословен у Господа и во всем получил изобилие.

Одна жена, именем Феодотия, принесла к преподобному своего больного четырехлетнего сына и начала просить святого помолиться о здравии его. Все дети ее, едва достигая четырехлетнего возраста, умирали; поэтому она боялась, что умрет и это ее дитя, уже заболевшее. Когда она рассказывала так о своем горе преподобному, принесенный отрок начал плакать и просить хлеба. Преподобный, взяв ломоть хлеба, дал его отроку и, ласково улыбнувшись, сказал:

— Как тебя звать? Не Лев ли?

Потом, обернувшись к матери, он произнес:

— Ради твоего благочестия и особенно в награду за любовь к Пресвятой Богородице, проявившуюся в частых молениях твоих пред иконою Ее – Одигитрией[1], Господь сохранит этого сына твоего здравым и невредимым. Придя в возраст, он доставит тебе немало радостей, ибо будет добронравным, мудрым, честным и даже славным между людьми. Получив хорошее воспитание и наставленный в книжной премудрости, он сделается иноком, а потом клириком, и Господь будет хранить его. Другие же дети твои, которых ты родишь, умрут, подобно первым.

Тогда женщина та, поклонившись святому, ушла, и все, что предрек ей святой, исполнилось.

Некоторый человек, хорошо известный преподобному, пришел с просьбою напутствовать его благословением, так как он отправлялся на Восток[2] с поручением от своего господина. Преподобный, внимательно посмотрев на лицо его и предвидя, что случится с ним в пути, сказал:

— Страшна и опасна река Хелидон, но все же она укротится по молитвам грешного раба Божия Василия.

Этих слов блаженного никто не понял. Человек же тот отправился в путь. И вот, когда он находился в восточных странах, ему пресекла

---

[1] *Одигитрия* — значит Путеводительница. Так называлась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, находящаяся во Влахернском храме. В 1046 году эта икона была перенесена в Россию и была поставлена в городе Смоленске. Отсюда она стала называться Смоленской иконой Богоматери.

[2] Востоком, или Восточными странами, назывались обыкновенно Сирия, Палестина, Аравия и Персия, в отличие от Европейского Запада.

путь одна река, которой он не знал, так как никогда не бывал в странах тех. Река эта имела в ширину около двадцати саженей, но при этом течение ее было столь быстрое, что только птица могла лететь так же быстро. Человек тот остановился на берегу и взорами стал искать мели, чтобы, сидя на коне, переправиться по ней на другой берег. Вдруг волна захлестнула его и, подхватив вместе с конем, увлекла на средину реки; течение понесло их к морю, и человеку тому уже грозила неминуемая гибель. В страхе он возопил ко Господу:

— Господи Боже! Молитвами преподобного отца нашего Василия, помоги мне грешному.

Едва он сказал это, тотчас же увидел святого Василия, который, укротив бурное волнение, взял под уздцы коня, вывел его на противоположный берег и стал невидим.

Избавившись от потопления, человек тот возблагодарил Бога и угодника Его Василия; потом, придя в близлежащее селение и остановившись на ночлег, спросил о названии реки той. И ему рассказали, что она называется Хелидон, то есть ласточка, так как по быстроте своего течения может равняться полету ласточки. Река эта очень опасна и уже погубила многих, не знающих, как переправляться чрез нее. Тогда вспомнил человек тот слова преподобного Василия, сказанные ему, когда он пришел к нему за благословением, и, обратившись с молитвою к Богу, воскликнул:

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Одного прошу у Тебя, Владыка мой, сподоби меня паки узреть угодника Твоего и поклониться честным его067 сединам.

Возвратившись с путешествия, он пришел к преподобному и припал к ногам его, воздавая ему должную благодарность; потом он поведал блаженному, как Бог проявил на нем милость Свою, по его святым молитвам.

Вышеупомянутый мирянин Григорий за свою добродетель был весьма угоден святому Василию, так как он проводил жизнь свою в девстве, целомудрии и постничестве. Он часто приходил к преподобному и, поучаясь от богомудрых бесед его, сподобился назваться учеником его. При этом он имел особенную любовь и веру к святому первомученику Стефану[1], часто ходил в его храм и со всяким благолепием украшал его. От скончавшихся родителей своих он

---

[1] Память его празднуется Церковью 27 декабря.

получил в наследство дом в Константинополе и много имений. Среди этих имений был у него виноградник во Фракии[1], недалеко от города Рандиста. Намереваясь во время собирания плодов отправиться туда, он пришел к преподобному учителю своему и принял от него благословение; затем вошел в церковь первомученика Стефана и, помолившись пред иконою его с коленопреклонением, сказал:

— Вот, предстоит мне далекий путь по земле и по морю. Поэтому молю тебя, святой первомучениче Стефане, — в этом пути сохрани меня от всякого зла, и как я послужил по силе моей святому храму твоему, так и ты, по данной тебе от Бога благодати, буди мне во всякой нужде покровитель, помощник и промыслитель.

Так помолившись первомученику Стефану, Григорий отправился в путь. Остановившись на ночь в одной гостинице, он нашел пояс, ценою в две златницы, который потеряла дочь хозяина гостиницы. Когда же хозяин и его домашние стали искать пояс и спрашивать о нем гостей, Григорий, по бесовскому наущению, утаил пояс, рассуждая:

— Потерявшие пояс — богатые люди; поэтому лучше будет, если я продам его и вырученные деньги раздам нищим.

Снова отправившись в путь, Григорий потерял свой пояс, ценою также в две златницы, и дорожный мешок, в котором было четыре златницы и немало пенязей[2]; скорбя о потере, он заснул и в сонном видении увидел преподобного Василия, который, указывая на разбитый горшок, сказал:

— Видишь ли этот разбитый и никуда не годный горшок?

— Вижу, господин мой, — отвечал Григорий.

— Если кто украдет даже это, — сказал блаженный, — тот наказан будет вчетверо, и отнимутся от укравшего блага нынешнего или будущего века. Если укравший будет богат, то от богатств его отнимется вчетверо более против украденного, а если беден, то вчетверо большее наказание он примет в будущей жизни.

Григорий сказал на это:

---

[1] *Фракия* — область в Византийской империи, в северо-восточной части Балканского полуострова. В настоящее время Фракия, под именем Романии, или Румелии, составляет провинцию Европейской Турции.

[2] *Пензь* — серебряная монета.

— Отче, я никогда ничего не крал.

Святой ответил:

— Ты утаил у себя найденный тобой пояс дочери хозяина гостиницы, а говоришь, что ничего не крал.

Григорий возразил ему:

— Я, отче, не украл пояс, но нашел его.

Но святой сказал:

— Знай, чадо, что если кто найдет что-либо потерянное другим и не возвратит ему, когда тот будет искать потерянное и спрашивать о нем, тот осудится как вор. Итак, тебе подобало возвратить потерянное. Но так как ты утаил чужое, то и у тебя отнято более, чем вчетверо против утаенного. Мало того, тебе надлежит остерегаться, как бы не пострадать и более.

Пробудившись от сна, Григорий был в великой печали: частью — от раскаяния в своем грехе, частью — от ожидания новой, неизвестной беды, от которой предостерегал его преподобный. Печальным прибыл он в свое фракийское имение. Здесь, во время собирания плодов, он пережил искушение более сильное, чем первое, бывшее на пути.

Один из наемников, работавших в винограднике Григория, по имени Александр, сочетался законным браком с некоею юной отроковицей Мелетинией, которая отличалась злонравием и была, сверх того, любодейкой и волшебницей. Она имела столь неудержимую страсть к прелюбодейству, что вскоре же после брака своего с Александром соблазнила к беззаконному сожитию с собой почти всех мужей из окрестных селений. При этом никто не мог обличить ее в ее беззаконии; ибо если она услышит, что кто-нибудь говорит про нее худое, тотчас волхвованием наводила на того лютую болезнь. Так она поступила, между прочим, с мужем своим, который сначала, при виде ее беззаконий, часто бил ее: вызванными волшебною силою недугами она столь утомила и обессилила его, что он не мог отогнать даже мухи от себя. Поэтому он не мог сопротивляться ей, когда она, прогневавшись на него, била его палкою или веревкою и прогоняла из дому; до того он обессилен был болезнями, наведенными на него волшебством Мелетинии. О матери этой волшебницы рассказывают, что она своими волхвованиями удерживала полет птиц, останавливала течение реки и творила много иного зла, о котором

не пересказать человеку. Дочерью такой-то злой волшебницы и была Мелетиния, во всем подобная матери своей и даже превосходящая ее своими беззакониями, так как она предалась безмерному прелюбодейству. Многих мужей она соблазнила к греховной связи с собою; если же кто говорил к обличению ее хоть одно слово, тот делался расслабленным в течение двух или трех месяцев; а если кто ударял ее, тот умирал, едва выжив после того два дня.

Увидев Григория, который был юн и отличался красотою, беззаконная волшебница прельстилась им и задумала соблазнить его к скверному сожитию с нею. Ежедневно без всякого стыда следуя за ним, куда бы он ни пошел, и вызывающе держась перед ним, она при содействии бесовской силы внушала ему по отношению к себе нечистые мысли, а по ночам насылала на него сны и в сонных видениях являлась пред ним в бесстыдном виде, возбуждая в нем нечистую похоть. Григорий был в великом смущении, постоянно обуреваемый волнениями плотского вожделения, ибо в то время, как блудница видимо прельщала его на грех своими любодейными действиями, бес невидимо разжигал в нем огонь похоти. И если бы святой первомученик Стефан и блаженный Василий своими молитвами не помогли ему, то прошло бы еще немного времени, и он подчинился бы власти греха, и вселилась бы во ад душа его. Таким образом, с помощью святых угодников Божиих, молившихся о нем, он боролся с блудным помыслом своим днем и ночью, иногда изнемогал в этой борьбе, но потом снова укреплялся и твердо сопротивлялся нечистому желанию, не соглашаясь осквернить девственное тело свое, не познавшее женщины с самых юных лет. Многократно он порывался с бесчестием отогнать от себя бесстыдную блудницу, но боязнь сделаться жертвою ее волшебной силы, при посредстве коей она насылала болезни, удерживала его. И вспоминал он тогда слова преподобного Василия, сказанные ему во время сонного видения:

— Остерегайся, чтобы тебе не пострадать более.

Предупреждение это вполне оправдалось теперь. Ибо что может быть тяжелее для целомудренного мужа, чем опасность потерять свое девство? Желая сохранить целомудрие и соглашаясь лучше умереть тысячью смертей, чем погубить девство, Григорий решился, наконец, на смелое дело: он устремился гневно на Мелетинию и пал-

кою, а также поносными словами, отогнал бесстыдную блудницу от себя, восклицая:

— О бесстыдная дочь Веельзевула![1] Если ты посмеешь еще подступать ко мне, то я разрублю на части скверное тело твое.

С тех пор блудница оставила Григория, а с нею вместе перестали беспокоить его и блудные помыслы. Но при этом он впал в другую беду. Бесчестная волшебница Мелетиния, мстя Григорию за свое посрамление, навела на него жестокую болезнь, от которой он непременно умер бы, если бы святой первомученик Стефан и преподобный Василий не явились к нему и не исцелили бы его. Об этом сам Григорий рассказывает следующее:

«В один воскресный день, наступивший вскоре после описанных происшествий, я (говорил Григорий) пошел к часовне во имя святого великомученика Георгия[2], находившейся посреди виноградника. Стояло жаркое утро, и я, совершив молитву, немного почил при часовне. И вот во сне вижу, что надвинулось черное, смердящее облако, которое упало на меня и показалось мне очень тяжелым и чрезвычайно холодным; из облака был слышен голос: «Прими, что приготовила для тебя Мелетиния». Затем это облако вошло в меня. Проснувшись, я увидел, что одержим лютою болезнью, и познал, что она наведена на меня означенною выше волшебницею Мелетинией за то, что я противился ее нечистому желанию. С трудом поднялся я, пошел к дому, не имея сил удержаться от стонов, и лег на одре моем. День ото дня болезнь моя становилась тяжелее, и уже приближалась кончина моя. Внутренности мои все были воспалены жестоким огнем, который пожирал тело мое, как пожирает сухой тростник. Не имея сил переносить жар, я вставал и бегал, становился под сень деревьев, ища прохлады, и устремлялся к реке, чтобы в холодных струях ее остудить бывший во мне пламень. Неоднократно помышлял я утопиться и часто восклицал:

— О горе, горе! Если таков огонь гееннский, то лучше бы человеку не родиться.

---

[1] *Веельзевул* — то же, что и Сатана или князь бесовский (см.: Мф. 10, 25; 12, 24, 27; Мк. 3, 22; Лк. 2, 15, 18–19). Название это заимствовано евреями от Веельзевула, финикийского божества.

[2] Память святого великомученика Георгия празднуется 23 апреля.

Не мог я узнавать людей или с кем-либо беседовать, и ночь казалась мне продолжительнее сорока лет.

Когда я совершенно изнемог от болезни, мне показалось, что я лежу в болоте, середина которого была весьма глубока, а края — на востоке и западе — возвышались. Находясь на западной стороне болота, я начал понемногу спускаться в бездонную пропасть. В страхе вспомнил я о своих молитвах к первомученику Стефану и, тяжко вздохнув, сказал:

— Святой первомучениче! Так ли ты услышал меня, когда я молился тебе в твоем храме, выходя из Царьграда? Вот я нисхожу в пропасть, и ты более не увидишь меня, — и не могу я больше служить тебе, как служил доселе, ибо я приблизился ко вратам смерти.

Тут я посмотрел на восточный конец трясины и там увидел как бы иной мир, который невозможно описать человеческими словами; оттуда шел ко мне святой первомученик Стефан в багряном стихаре и ласково говорил мне:

— Что нужно тебе, возлюбленный, и отчего ты страждешь? Ты сетуешь на меня; но я не был здесь, так как посещал храмы, созданные в честь меня, рассеянные по вселенной; теперь же я пришел сюда и помогу тебе. Но запомни отныне, как беззаконные волхвы могут вредить людям, по Божиему попущению.

Тогда я спросил святого:

— Что означает лежащая предо мной пропасть и возвышающиеся края ее?

Святой ответил:

— Западный конец пропасти, на котором ты находишься, означает близость смерти, пропасть же, которую ты видишь пред собой, — это область смерти, чрез которую умирающие проходят с великим трудом, пока не достигнут восточной страны; дойдя туда, они находят тропинку, ведущую в иной, загробный мир.

Услышав это, я снова спросил святого:

— Итак, господин мой, я уже умираю?

— Чего иного ты можешь ожидать, будучи приведен сюда? — ответил мне он.

Тогда, вздохнув из глубины сердечной, я с плачем сказал:

— Нет, господин мой, да не будет со мной того, ибо я еще не приготовился к смерти.

После таких слов моих святой взял меня за руку, провел чрез пропасть, поставил меня на восточной стороне трясины, на высоком месте, и сказал:

— Вот, ты изведен из пропасти смертной.

Тотчас же я увидел себя ходящим в некотором дворе, дивном по красоте своей.

Но так как от тяжкой болезни я с трудом ходил, то святой первомученик, от которого исходило весьма приятное благоухание, подставил мне свои плечи и сказал:

— Обойми меня сзади обеими руками, я поддержу тебя, и мы вместе пойдем далее.

Когда мы так переходили двор, увидел я большие, белые как снег, каменные сосуды, вмещающие в себя по сто, по двести и по триста мер; они были полны и запечатаны. Я спросил святого:

— Чей этот двор? Кому принадлежат эти сосуды и что в них находится?

Святой ответил:

— Все это принадлежит преподобному Василию, духовному отцу твоему. В сосудах же находится духовный елей, данный ему от Бога. Помазуя им приходящих к нему грешников, он очищает их от скверн их и соделывает их чадами Божиими, ибо он воспринял подвиг апостольства и многие души избавил от власти сатанинской.

И снова спросил я святого:

— Куда же мы идем, господин мой?

— К преподобному Василию, — ответил он.

Когда мы не кончили еще беседу, преподобный отец мой Василий вышел из одного дивного чертога к нам навстречу. Святой первомученик обратился к нему со словами:

— Как же ты, отче Василие, оставил Григория, возлюбленное чадо твое, в самое тяжелое для него время? И если бы я не явился помочь ему, он умер бы.

Преподобный ответил:

— Я видел, что с ним находишься ты, блаженный первомучениче, и потому не шел к нему. Теперь же, если это будет угодно Господу, сотворим ему более великую милость, чем какая проявилась на нем прежде.

После таких слов святые пошли вместе, а за ними последовал и я. Так мы дошли до одного весьма мрачного места и увидели там змея, весьма большого и страшного. И сказал преподобный Василий:

— Этот змей едва не уморил чада моего Григория.

Сказав это, он взял большой камень, бросил его в змея и убил его. После того мы оказались в Царьграде около храма святого первомученика и услышали раздававшиеся внутри храма весьма приятные голоса юношей, прославляющих Господа. Тогда первомученик Стефан сказал мне:

— Вот, ты, благодатью Христовою, стал здрав: войди же теперь в церковь и воспой благодарственную песнь Владыке всех — Богу, явившему тебе великую милость.

Поклонившись защитникам своим, святому первомученику Стефану и преподобному Василию, я вошел в церковь, воспевая:

— *Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться?* (Пс. 26, 1). И далее весь псалом до конца.

Тогда те прекраснейшие юноши, увидев меня, возрадовались и стали говорить мне:

— Прииди, возлюбленный наш, прими участие в веселии нашем.

После этих слов видение прекратилось, и я, придя в себя, с удивлением почувствовал себя здоровым. Приняв немного пищи, я подкрепился сном, потом встал и начал ходить. По прошествии же немногого времени, поправившись совершенно, я сел на корабль и отправился в Царьград, рассказав всем о случившемся со мной, как я, молитвами святых Стефана и Василия, избавился от смерти.

Этим оканчивается повествование о себе Григория.

Почти одновременно с описанными событиями блаженная Феодора, которая прислуживала преподобному Василию, приняв иноческий чин, преставилась ко Господу. Все почитатели преподобного, узнав об этом, опечалились, так как блаженная жена была пред святым старцем ходатаицей за всех приходящих к нему. Она всех с любовью принимала, всех утешала своими кроткими речами, была милостива, христолюбива и целомудренна, а также исполнена духовной премудрости. Григорий возымел сильное желание узнать, где находится, по преставлении своем, Феодора, на десной или на ле-

вой стороне[1], с праведниками или с грешниками, и сподобилась ли она получить от Бога милость или какую-нибудь отраду за свою усердную службу старцу. Помышляя об этом, он часто молил преподобного Василия, прося его поведать о душе почившей Феодоры, ибо Григорий веровал, что святому угоднику Божию открыто все о почившей. Досаждаемый частыми просьбами, святой старец, не желая отказом опечалить своего духовного сына, помолился к Господу, прося Его открыть Григорию в видении о том, что стало с душою Феодоры, по преставлении ее.

В следовавшую затем ночь Григорий в сонном видении сподобился увидеть блаженную Феодору в светлой обители, которая была уготована Богом преподобному Василию. В этой-то обители, небесною славою озаренной и неизреченных благ исполненной, блаженная Феодора, молитвами угодника Божия, и была водворена. Таким образом, кому она усердно и трудолюбиво служила в этом Мире, в обители того сподобилась пребывать в жизни вечной, по его святым молитвам. Увидев ее, Григорий возрадовался и насладился продолжительною беседою с нею, как будто бы он говорил с нею наяву.

Григорий спросил Феодору, как она разлучилась от тела, как претерпела смертные страдания, что видела по своей кончине и как миновала воздушных духов[2].

Она же начала передавать ему следующее:

— Чадо Григорий! О страшной вещи спрашиваешь ты меня, о которой даже ужасно и вспоминать. Видела я лица, которые никогда не видала ни раньше, ни после, слышала речения, которых никогда не слыхала до того. И что я расскажу тебе? Тогда предо мной предстало все то лютое и греховное из дел моих, о чем я позабыла было, но, молитвами и помощью отца нашего, преподобного Василия, все это не было вменено мне и не удержало меня от входа в эту обитель. И что я скажу тебе, чадо, о болезни телесной, о жесточайших страданиях, которые претерпевают умирающие? Подобно тому, как если

[1] *Десная*, или *правая*, сторона, — означала вообще почетное положение. В Евангелии (Мф. 25, 32–46) положение по правую сторону от вечного Судии усваивается праведникам, а по левую сторону — грешникам. Таким образом, положение на десной, или на левой, стороне означает или оправдание, или осуждение.

[2] Разумеются нечистые духи, стоящие при воздушных мытарствах. О мытарствах см. ниже.

кто-нибудь брошенный в сильный пламень, горя, как бы истаевает и обращается в пепел, так и болезнь смертная разрушает человека. Воистину люта смерть для подобных мне грешников, ибо истину говорю тебе, что и я была делательницею грешных дел, праведных же дел своих я совершенно не помню.

Когда я приблизилась к концу жизни моей и настал час разлучения души от тела, увидела я множество эфиопов[1], стоявших вокруг одра моего; лица их были черные, как сажа и смола, очи горели как угли огненные, и весь вид их был столь же страшен, как вид огненной геенны. И начали они производить шум и смятение: одни ревели, как скоты и звери, другие лаяли, как псы, некоторые выли, как волки; при этом все они, с яростью смотря на меня, грозили мне, набрасывались на меня, скрежеща зубами, и хотели тут же поглотить меня. Приготовляли они и хартии[2] как бы в ожидании судьи некоего, имеющего прийти туда, и развертывали свитки[3], на которых были написаны все злые дела мои. И была убогая душа моя в великом страхе и трепете. Тогда претерпевала я не только муки смертные, происходившие от разлучения души с телом, но также жесточайшие страдания от видения тех страшных эфиопов и грозной ярости их, и это было для меня как бы другою смертью, более тяжкою и лютою. Я старалась отвращать взор мой от видения то в одну сторону, то в другую, чтобы не видеть мне страшных эфиопов, ни слышать голосов их, — но никак не могла избавиться от них, — ибо везде было их бесчисленное множество, и не было никого, кто бы помог мне.

Уже изнемогая совершенно от таких страданий, я вдруг узрела двух светоносных Ангелов Божиих, которые явились ко мне в образе прекрасных юношей, красоты коих описать невозможно. Лица их были светлее солнца, очи ласково взирали на меня, волосы на

---

[1] *Эфиопами* назывался первоначально народ, обитавший на юго-востоке от Египта в стране, соответствовавшей теперешней Абиссинии, и отличавшийся черным цветом кожи. Впоследствии христианские писатели стали называть эфиопами мрачных духов злобы, которые часто изображались на памятниках церковного искусства в виде черных людей.

[2] *Хартия* — бумага, листок.

[3] *Свитком* обыкновенно назывался тонкий сверток исписанного с обеих сторон длинного пергаментного листка; при чтении он постепенно развертывался, а потом свертывался по-прежнему.

головах были белы как снег, вокруг голов разливалось златовидное сияние, одежда у них блистала как молния и была на груди крестообразно опоясана золотыми поясами. Приблизившись к одру моему, они стали направо от меня, тихо беседуя друг с другом. При виде их я возрадовалась и смотрела на них с умилением сердечным. Черные же эфиопы, увидев их, содрогнулись и отступили подальше. И вот один светоносный юноша гневно сказал им:

— О бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем вы всегда поспешаете преждевременно к умирающим и своим бесстыдным шумом устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но теперь прекратите свою радость, так как здесь вы не приобретете ничего. Вам нет какой-либо части в этой душе, потому что с нею Божие милосердие.

При таких словах светлого юноши эфиопы тотчас же взволновались и начали с криками показывать написания злых дел моих, соделанных от юности.

— Как так мы не имеем в ней части? А эти грехи чьи? Не она ли соделала это и это?

Так говоря, они стояли в ожидании смерти.

И вот пришла смерть, рыкая как лев; вид ее был очень страшен, она имела некоторое подобие человека, но тела совсем не имела и была составлена из одних только обнаженных костей человеческих. С собою она несла различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, косы, серпы, железные рога, пилы, секиры, тесла[1] и иные орудия неизвестные. Увидев все это, смиренная душа моя затрепетала от страха; святые же Ангелы сказали смерти:

— Что медлишь? Разреши душу сию от уз плотских, скоро и тихо разреши, ибо она не имеет много греховных тяжестей.

Тотчас же смерть приступила ко мне, взяв секиру, отсекла сперва ноги мои, потом руки, затем при посредстве другого орудия все остальные части моего тела разрушила и члены от составов отделила. И не имела я ни рук, ни ног, и все тело мое омертвело. Смерть же взяла и отсекла голову мою, так что я не могла повернуть головою, и она была мне чужою. После всего смерть сделала раствор в чаше и, приподнеся его к моим устам, напоила меня. И столь горек был раствор тот, что душа моя, не имея сил стерпеть горечи, содрог-

[1] *Тесло* — плотническое орудие, род топора и струга.

нулась и вышла из тела, как бы насильно оторванная от него. Святые Ангелы тотчас же приняли ее на руки свои. Взглянув назад, я увидела тело мое, лежащее бездушным, бесчувственным и недвижным. Сняв его, как снимают одежду, я смотрела на него с безмерным удивлением[1]. В это время бесы, явившиеся в образе эфиопов, обступили Ангелов, державших меня, и начали вопить, показывая написания грехов моих:

— Множество грехов имеет душа эта, — поэтому пусть даст она ответ пред нами.

Святые Ангелы начали тогда отыскивать в жизни моей добрые дела и, с помощью Господа Бога, благодатью Коего я творила добро, обрели их. Они приводили на память все, что только я творила доброго, — когда давала милостыню убогим, когда накормила алчущего, или напоила жаждущего, или одела нагого, или приводила в дом странника и упокоивала его, или служила святым, — когда я посещала больного или заключенного в темницу и помогала им; они припоминали, когда я с усердием приходила в церковь и с умилением и сердечным сокрушением молилась там, слушая со вниманием пение и чтение церковных молитв и песнопений, когда приносила в церковь фимиам и свечи или иное какое-нибудь приношение, или вливала деревянное масло в лампады, чтобы они теплились пред иконами, и с благоговением лобызала самые честные иконы: они приводили на память, когда я воздержанно проводила время и когда по средам и пятницам и во все святые посты постилась, и сколько творила поклонов и простаивала нощных бдений; они указывали на то, как я сокрушенно стенала о грехах своих и плакала иногда о них по целым ночам, как исповедовала грехи свои Богу и с сокрушением каялась в них пред духовным отцом своим, удовлетворяя своим сокрушением и сердечным раскаянием правде Божией; они припоминали все, что я творила доброго ближним моим, как я на враждующих против меня не гневалась, как терпеливо сносила всякую досаду и укоризну себе, не помнила зла и воздавала за зло добром, как я при нападках людей на меня смирялась, как я болела

---

[1] Представленное здесь описание смерти очень образно и чувственно и, конечно, не должно быть понимаемо в буквальном смысле. Здесь чувственное и грубообразное нужно понимать, насколько возможно для нашего ума, в таинственном и духовном смысле.

сердцем и скорбела о чужой беде, как подавала кому-нибудь руку помощи или споспешествовала кому-либо в добром деле, или отвращала его от зла; припоминали они, что я отвращала очи свои от суеты, удерживала язык свой от клятвы, лжи, клеветы и всяких суетных слов; все это и все другие малейшие добрые дела мои святые Ангелы собирали, готовясь положить их на весы против моих злых дел. Эфиопы же, видя это, скрежетали на меня зубами, желая похитить меня из рук ангельских и низвести на самое дно ада.

В это время неожиданно явился там преподобный отец наш Василий и сказал святым Ангелам:

— Властелины мои, эта душа много послужила мне, угождая моей старости: я молился Богу о даровании мне ее, и Господь ниспослал мне эту душу.

Сказав это, он вынул из-под одежды своей мешок, чем-то наполненный (думаю, что в нем было одно чистое золото), и дал его святым Ангелам, сказав при этом:

— Когда вы будете проходить воздушные мытарства[1] и лукавые

---

[1] *Мытарства* — нечто вроде застав, или таможен, которые встречают на своем пути души умерших людей, возносясь к престолу небесного Судии. При них стоят духи злобы и взимают со всякой души, повинной в известном грехе, своего рода пошлину, или выкуп, состоящий в предоставлении им на вид противоположного этому греху доброго дела. Названия *мытарства* и *мытари* заимствованы из истории еврейской. Мытарями у евреев назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей. Они обыкновенно брали на откуп собирание этих пошлин и употребляли всевозможные меры, не пренебрегая даже истязаниями, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Мытари стояли при особых таможнях, или заставах, собирая с провозимых товаров пошлины. Заставы эти назывались *мытницами*, *мытарствами*. Христианские писатели это название перенесли и на места воздушных истязаний, при которых восходящие к престолу небесного Судии души задерживаются злыми духами, старающимися уличить их во всевозможных грехах и чрез это низвести во ад. Сущность учения о мытарствах заключается в слове святого Кирилла Александрийского († в 444 г.) о *исходе души*, помещаемом обыкновенно в Следованной Псалтири.

«При разлучении души нашей с телом, — говорится здесь, — предстанут пред нами, с одной стороны, воинства и силы небесные, с другой — власти тьмы, воздушные мытареначальники, обличители наших дел. Узрев их, душа содрогнется, вострепещет и в смятении и ужасе будет искать себе защиты у Ангелов Божиих; но и будучи принята Ангелами и под кровом их протекая воздушное пространство и возносясь на высоту, она встретит различные мытарства, которые будут преграждать ей путь в Царствие, будут останавливать и

духи начнут истязать душу эту, вы искупите ее этим от долгов ее. Благодатью Божию я богат и много собрал сокровищ трудами и потом своим, — и вот я дарю мешок душе, послужившей мне.

удерживать ее стремление к оному. На каждом из этих мытарств востребуется отчет в особенных грехах... Каждая страсть, всякий грех будут иметь своих мытарей и истязателей. При том будут присутствовать и Божественные силы, и сонм нечистых духов и как первые будут представлять добродетели души, так последние — обличать ее грехи. И если за благочестивую и богоугодную жизнь свою она окажется достойною награды, то ее восприимут ангелы, и тогда она уже небоязненно потечет к Царствию. Напротив, если окажется, что она проводит жизнь в нерадении и невоздержании, то услышит оный страшный глас: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господней* (Ис. 26, 10), тогда оставят ее Ангелы Божии и возьмут страшные демоны, и душа, связанная неразрешимыми узами, низвергается в темницы адские».

Отсюда видно, что мытарства представляют собою неизбежный путь, наполненный всякого рода заставами и таможнями, по которым совершают свой переход от временной жизни к вечному жребию все человеческие души, как добрые, так и злые. Во время этого перехода каждая душа, в присутствии ангелов и демонов, без сомнения, пред оком всевидящего Судии, постепенно и подробно испытывается во всех ее делах, добрых и злых; следствием же этого подробного отчета бывает то, что добрые души оправдываются на всех мытарствах и возносятся ангелами прямо в райские обители, а души грешные, задержанные на том или другом мытарстве и обвиненные в нечестии, влекутся по приговору невидимого Судии демонами в их мрачные обители. Таким образом, мытарства суть не что иное, как *частный суд*, который совершает над человеческими душами невидимо Сам Господь при посредстве Ангелов, допуская к тому и *клеветников братии нашея* (Откр. 12, 10) — злых духов, — суд, на котором припоминаются душе и беспристрастно оцениваются все ее дела и после которого определяется ей известная участь. Суд этот называется *частным* в отличие от всеобщего, который будет совершен над всеми людьми при кончине мира, когда Сын Человеческий снова приидет на землю во славе Своей.

В житии преподобного Василия Нового изображены все подробности этого частного суда при мытарствах. Читая все эти подробности, до́лжно помнить, однако, что как вообще в изображении предметов мира духовного для нас, облеченных плотию, неизбежны черты более или менее чувственные, так, в частности, неизбежно допущены они и в подробном учении о мытарствах, которые проходит человеческая душа по разлучении с телом. А потому надобно твердо помнить наставление, какое сделал Ангел преподобному Макарию Александрийскому († в 391 г.), начиная говорить ему о мытарствах: «Земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных». Надобно представлять мытарства не в смысле грубом, чувственном, а, сколько для нас возможно, духовном, и не привязываться к частностям, которые у разных писателей и в разных сказаниях самой Церкви, при единстве основной мысли о мытарствах, представляются различными.

После этих слов он отошел. Лукавые же бесы, видя это, пришли в недоумение, а затем, огласив воздух плачем, скрылись.

Между тем угодник Божий Василий снова пришел и принес с собою много сосудов чистого елея и мира многоценного; открывая сосуды один за другим, он возливал елей и миро на меня, так что я исполнилась духовного благоухания и вместе с тем изменилась и стала светлым существом.

Преподобный же Василий снова сказал святым Ангелам:

— Владыки мои, после того как совершите все необходимое для души этой, введите ее в уготованную мне от Господа обитель, и пусть она пребывает там.

Сказав это, святой стал невидим; Ангелы же взяли меня и понесли по воздуху на восток[1].

Когда мы поднимались от земли к высоте небесной, нас встретили сначала воздушные духи *первого* мытарства, на котором судят за *грехи языка* — за всякое слово праздное, бранное, бесчинное, скверное. Тут мы остановились, и бесы вынесли к нам свитки, на которых были написаны все легкомысленные слова, сказанные мной от юности, — все, что я говорила неразумного и скверного, особенно же кощунствованные и смехотворные речи, которые я допускала произносить в юности, как это бывает у многих. Предстали предо мной там все мирские бесстыдные песни, которые я пела когда-то, все бесчинные восклицания мои, все мои легкомысленные речи, и бесы обличали меня всем тем, указывая времена, места и лица, когда, где и с кем я предавалась суетным беседам и прогневляла словами моими Бога, не вменяя себе того в грех и не исповедоваясь в том пред отцом духовным. Видя все это, я молчала, как безгласная, потому что не имела что-либо сказать лукавым духам: они обличали меня вполне справедливо, и я удивлялась, как они ничего не забыли; ибо много лет прошло с тех пор, как все эти грехи были соделаны мной, и я давно забыла о них и никогда не помышляла о содеянном в уме своем; они же приводили все слова мои, как будто они были только что произнесены мной, все подробно и до тонкостей припо-

[1] Восток представляется в Священном Писании страною света, символом Царствия Христа, Который называется *Востоком свыше*, тогда как запад является синонимом царства тьмы и мрака, царства сатаны.

миная, как оно и было в действительности. И когда я со стыдом молчала, в то же время трепеща от страха, святые Ангелы в противовес тем грехам моим представили нечто из моих добрых дел, содеянных в последние годы жизни моей, а так как они не могли перевесить тяжести грехов моих, то недостаток восполнили из того, что было даровано преподобным отцом моим Василием. Так они искупили меня и понесли выше.

Тут мы приблизились к *другому* мытарству, называемому мытарством *лжи*, на которой истязуются всякое ложное слово, особенно клятвопреступления, призывания имени Божия всуе, лжесвидетельства, нарушение обетов, данных Богу, неполное исповедание грехов и тому подобное. Духи этого мытарства весьма яры и свирепы, — они испытывали меня весьма настойчиво, не упуская ни одной подробности. И была я обличена от них в двух грехах: именно в том, что иногда в некоторых малых вещах допускала себе лгать, не вменяя того во грех, а также и в том, что многократно, стыдясь грехов своих, приносила духовному отцу своему неполную исповедь. Что же касается клятвопреступления и лжесвидетельства, то этих грехов, благодатию Христовою, не нашлось у меня. Все же бесы торжествовали по поводу найденных во мне грехов лжи и уже хотели меня похитить из рук ведших меня Ангелов, но те, положив нечто из моих добрых дел против грехов тех, а недостающее восполнив из дарованного преподобным Василием, выкупили меня и беспрепятственно понесли выше.

После того достигли мы *третьего* мытарства, которое называется мытарством *осуждения* и *клеветы*. Удержанная там, я увидела, сколь тяжек грех оклеветать кого-либо, обесславить, похулить, а также надсмеяться над чужими пороками, забывая о своих. Всех, кто предается власти этого греха, жестоко истязают злые духи, как своего рода антихристов, предвосхитивших власть Христа, имеющего прийти судить людей, и сотворивших себя судьями ближних своих, в то время как сами они более достойны осуждения. Но во мне, благодатью Христовою, немного могли найти что-либо из таких грехов, ибо я строго блюла себя во все дни жизни моей, заботясь о том, чтобы ни осудить, ни оклеветать кого-либо, ни посмеяться над кем, ни похулить кого; и если иногда приходилось мне слышать, как кто-

нибудь осуждал другого, то я мало внимала осуждающему, и если прибавляла что от себя в этом разговоре, то только такое, что не могло послужить ближнему в вящшую обиду, да и тогда тотчас же останавливалась, зазирая себя за это немногое. Однако и такие провинности были истязателями поставлены во грех мне. Но святые Ангелы искупили меня дарованным от святого Василия и стали подниматься со мной выше.

И дошли мы до *четвертого* мытарства, называемого мытарством *чревоугодия*. Злые духи этого мытарства тотчас же выбежали к нам навстречу, радуясь, как будто приобрели что-либо. Они были весьма отвратительны видом своим, изображая собою всю мерзость чревоугодия и пьянства; при этом одни из них держали блюда и сковороды с яствами, другие же — чаши и кружки с питьем, — и я увидела, что пища та и питье были подобны смердящему гною и нечистым испражнениям. Бесы же, держащие то и другое, имели вид пресыщенных и пьяных; они скакали с различными гудками и делали все то, что обычно творят пьяницы и пирующие, ругаясь над душами приводимых к ним грешников. Преградив нам путь и обойдя нас, как псы, они тотчас же выставили на вид все мои прошлые грехи чревоугодия, когда я предавалась излишеству в пище и питии и ела чрез силу и без всякой нужды, когда я, как свинья, приступала утром к еде без молитвы и крестного знамения, или же когда постом садилась за стол раньше, чем это дозволяли правила церковного Устава. Представили они также чаши и сосуды, на коих я упивалась, предаваясь пьянству, и даже указывали число выпитых чаш, говоря:

— Столько чаш испила она на таком-то пиру и с такими-то людьми; в другое же время и в другом месте столькими-то чашами упилась она до беспамятства; сверх того она столько-то раз пировала при звуке свирелей и других музыкальных орудий, предаваясь пляске и песням, и после таких пиров ее с трудом приводили домой; так она изнемогала от безмерного пьянства.

Представляя все такие и подобные им чревоугодия, бесы торжествовали и радовались, как будто уже имели меня в своих руках, и уже готовились схватить меня и низвести на дно ада. Я же трепетала, видя себя обличаемой ими и не имея что ответить им. Но святые Ангелы, взяв немало от дарованного преподобным Василием,

положили за меня выкуп. Бесы, увидев это, пришли в смятение и возопили:

— Горе нам, ибо погиб труд наш, погибла надежда наша.

С этими словами они стали бросать в воздух хартии, в которых были написаны мои грехи. Я же, видя это, веселилась и беспрепятственно шла оттуда.

Поднимаясь со мной выше, Ангелы стали так беседовать друг с другом:

— Поистине великую помощь имеет душа эта от угодника Божия Василия: если бы его труды и молитвы не помогали ей, великую нужду претерпела бы она, переходя чрез воздушные мытарства.

Тогда, возымев дерзновение, я сказала святым Ангелам:

— Владыки мои, думаю я, что никто из живущих на земле не знает, что бывает здесь и что ожидает грешную душу после ее смерти.

Святые Ангелы ответили мне:

— Разве не свидетельствуют о всем, что здесь бывает, Божественные Писания, постоянно читаемые в святых церквах устами священнослужителей? Но пристрастившиеся к земной суете пренебрегают всем этим, поставляя всю сладость жизни во вседневном объедении и пьянстве: каждый день они едят без меры и упиваются, отложив страх Божий; и имея у себя чрево вместо Бога, они совершенно не помышляют о будущей жизни и не помнят слова Божия, которое говорит: *Горе вам, пресыщенные ныне, ибо* будете голодны. *Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете* (Лк. 6, 25). Они маловерно думают, что все, что говорится в Божественном Писании, суть басни, и пренебрегают написанным, *пируя с тимпанами*[1], подобно евангельскому богачу, *и каждый день пиршествовали блистательно* (Лк. 16, 19). Впрочем, те из них, которые милосердны к бедным, благодетельствуют нищим и убогим и помогают требующим помощи, те получают от Бога прощение грехов своих и беспрепятственно проходят мытарства, ради своей милости, ибо Священное Писание говорит: *милостыня от смерти избавляет* (Тов. 4, 10). Таким образом, творящие милостыню получают жизнь вечную; тем же, кто не старается милосердием очистить грехи свои, невозможно избег-

[1] То есть при звуке тимпанов и хорового пения. *Тимпан* — музыкальное орудие, в которое ударяют палочкой, нечто вроде литавров и ручных бубнов.

нуть этих испытаний, и их похищают мрачные мытари, которых ты видела; подвергая эти души жестоким мучениям, они низводят их в самые преисподние места ада и держат там в узах до страшного суда Христова. Тебе также трудно было бы избегнуть этой участи, если бы ты не получила искупления от дарованного тебе преподобным Василием.

Так беседуя, мы достигли *пятого* мытарства, называемого мытарством *лености*, в котором испытываются все дни и часы, проводимые в праздности, и истязаются тунеядцы, живущие чужим трудом, сами же ничего не делающие, а также наемники, получающие вознаграждение за дело, которое как следует не исполняют. В этом же мытарстве подвергаются истязаниям и те, которые не воздают хвалу Богу и ленятся в праздничные и воскресные дни ходить к утрене, к литургии и к иным службам Божиим. Испытуется там также уныние и небрежение о душе своей, и всякое проявление того и другого строго взыскивается, так что весьма многие люди мирского и духовного чина низвергаются с этого мытарства в пропасть. На этом мытарстве и я подвергнута была многим испытаниям, и невозможно мне было бы быть свободной от долгов его, если бы скудость моя не была исполнена дарованным от преподобного Василия, чем я была искуплена и чрез это получила свободу.

После того шли мы *мытарством татьбы*. На нем мы также были остановлены, но, дав там немногое, скоро миновали его, ибо не нашлось на мне никакого греха татьбы, кроме совершенного мной небольшого проступка в детстве по неразумию.

Оттуда мы пришли *к мытарству сребролюбия* и *скупости*, но и то скоро миновали. Ибо, при содействии Господа Бога, я не радела о многом стяжании и не была сребролюбивой, но довольствовалась тем, что посылал мне Господь, не была я также и скупой, но, что имела, усердно подавала нуждающимся.

Поднимаясь выше, встретили мы *мытарство лихвы*, где испытываются всевозможные лихоимцы и грабители, а также все дающие серебро свое в лихву и приобретающие богатства беззаконными средствами. Злые духи этого мытарства, усердно исследовав все обо мне, ничего не нашли, в чем бы я была повинна, и от ярости скрежетали на меня зубами своими. Мы же пошли выше, благодаря Господа Бога.

После того мы достигли *мытарства неправды*, на котором подвергаются истязаниям все неправедные судьи, берущие мзду и оправдывающие виновных, невинных же осуждающие. Там же истязуются: удержание платы наемным рабочим, всякая неправильность в весах у торговцев и взыскивается всякая неправда. Но мы, благодатью Христовою, прошли то мытарство без особых препятствий, мало что дав мытарям.

Также благополучно миновали мы следовавшее затем *мытарство зависти*, ничего не дав там, потому что я никому не завидовала. На этом мытарстве испытывали также грехи вражды и ненависти, но я, благодатью Христовою, и в этих грехах оказалась неповинною. Видя это, бесы пришли в ярость и скрежетали на меня, но я не боялась их и с радостью поднималась выше.

Подобным же образом прошла я и *мытарство гордости*, где надменногордые духи взыскивают грехи тщеславия, самомнения и величания. Там прилежно истязуется и то, не оказывал ли кто непочтения и неповиновения родителям, или старейшинам, получившим власть от Бога, а также прочие грехи гордости и самомнения. Там мы положили очень немногое из дарованного преподобным Василием, и я сделалась свободною.

Тогда достигли мы *мытарства гнева и ярости*, но и там, хотя и свирепы были воздушные истязатели, однако немного от нас получили, и мы пошли дальше, радуясь о Господе Боге, спасающем мою грешную душу молитвами преподобного отца моего святого Василия.

После того дошли мы до *мытарства злобы*, на котором немилосердно истязуются держащие злобу на ближнего и воздающие злом за зло и затем низводятся злобными духами в тартар[1]. Но милосердие Божие и там помогло мне; ибо я не держала злобы ни на кого, не помнила зла по поводу содеянных мне неприятностей, но имела ко всем враждующим ко мне незлобие и по силе моей проявляла любовь к ним, побеждая благим злое. Таким образом, никакого греха

[1] *Тартар* — неизмеримая пропасть, бездна адская. Это слово заимствовано из греч. сочинений, в которых под тартаром разумеется подземная, солнцем никогда не освещаемая и не согреваемая пропасть, где свирепствует холод. У христианских писателей этим словом обозначается место нестерпимого холода, куда будут посланы души грешных людей.

злобы не нашли на мне на этом мытарстве, так что бесы от ярости рыдали, видя, что душа моя свободно отходит от них; мы же стали подниматься дальше, радуясь о Господе.

Восходя выше и выше, я спросила ведших меня святых Ангелов:

— Умоляю вас, владыки мои, скажите мне: откуда известно страшным воздушным властям о каждом злом деле всех людей, живущих в мире, как, например, о моих злых делах, и притом не только о тех, которые явно сотворены, но даже и о тех, которые содеяны тайно!

И сказали мне святые Ангелы:

— Всякий христианин от святого крещения приемлет от Бога данного ему Ангела хранителя, который, невидимо храня человека, днем и ночью наставляет его на всякое благое дело во все время жизни его до самого смертного часа и записывает все добрые дела его, в течение всей жизни творимые, чтобы в награду за них человек мог получить от Бога милость и вечное воздаяние в небесном Царствии. Точно так же и князь тьмы, желающий привлечь человеческий род к своей погибели, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, постоянно следуя за человеком, следит за всеми злыми делами его, творимыми от юности, своими кознями соблазняет его на преступные деяния и записывает все, что человек сотворил злое. Затем, отходя к мытарствам, этот лукавый дух вписывает каждый грех в соответственное ему мытарство, почему и осведомлены воздушные мытари о всех грехах, творимых людьми. И вот когда душа какого-либо человека разлучится от тела и станет отходить к Создателю Своему в небесные селения, то лукавые духи, стоящие при мытарствах, преграждают ей путь, показывая все записанные грехи ее. И если в ней найдется более добрых дел, чем грехов, то бесы не будут в силах удержать ее. Если же в ней более отыщется грехов, нежели добрых дел, то бесы на время удерживают ее и заключают как бы в темнице, где, по попущению Божию, и мучают ее, пока душа та восприимет искупление от мук их, по молитвам Церкви и чрез милостыню, творимую в память ее ближними ее. Если же какая-либо душа окажется столь грешна и мерзостна пред Богом, что у нее не будет никакой надежды на спасение и будет ожидать ее вечная погибель, то такую душу бесы тотчас же низвергают в бездну, в которой уготовано место вечных мучений и для них самих, и в

этой бездне держат ее до второго пришествия Господня, после коего она должна мучиться вечно в геенне огненной[1] вместе с телом. Нужно еще и то заметить, что этим путем восходят и такие истязания принимают только те, кто просвещены верою и святым крещением. Неверные же язычники, сарацины[2] и все вообще иноверцы этим путем не идут. Еще будучи живы телом, они душою уже мертвы, погребены во аде; потому, когда они умирают, бесы тотчас же, без великого испытания, берут души их, как по праву принадлежащие им, и низводят в пропасти ада.

Когда Ангелы все это возвещали мне, мы вошли в *мытарство убийства*, в котором испытывается не только разбой, но и всякая рана, всякий удар, нанесенный куда-либо, по плечам или по главе, а также всякие заушения или толчки, сделанные во гневе. Все это на мытарстве том тщательно испытывается и на весы полагается; но мы благополучно миновали его, немного положив для выкупа.

Также миновали мы и *мытарство чарований*, отравлений наговорными травами и призываний бесов с целью волшебства. Духи этого мытарства были подобны четвероногим гадам, скорпионам[3], змеям, ехиднам[4] и жабам, и зрак их был весьма страшен и мерзок. Но там, благодатию Христовою, не нашлось на мне никакого греха, и мы тотчас прошли мытарство, ничего не дав злым мытарям. В ярости они кричали на меня и говорили:

---

[1] *Геенна огненная* — место вечных мучений (Мф. 10, 28; Ин. 3, 6). Это название произошло от еврейских слов, которые означают — долину Енном, близ Иерусалима, где в честь Молоха были сожигаемы дети (4 Цар. 16, 3–4). После отменения Иосиею этого ужасного жертвоприношения (4 Цар. 23, 10), в долину Енном свалились трупы казненных злодеев, падаль и всякая нечистота, и все это предавалось огню. Поэтому и встречаем выражение — *геенна огненная* (см.: Мф. 5, 22, 29, 30; 18, 9; Мк. 9, 47).

[2] *Сарацинами* называлось первоначально кочующее разбойничье племя аравийских бедуинов, а затем христианские писатели перенесли это название на всех арабов и мусульман вообще.

[3] *Скорпионы* — вредные ядовитые животные из семейства паукообразных; водятся в жарких странах Африки, Индии, Персии и др. Раны, наносимые их ужалением, производят ужаснейшие мучения и часто бывают смертельны.

[4] *Ехидна* — ядовитая змея. Уязвление ею очень опасно и в большинстве случаев оканчивается скорою и неизбежною смертью. В Священном Писании и в других священных книгах змеи вообще служат образом того, что, по природе своей, причиняет вред и погибель (Еккл. 10, 11; Притч. 23, 31–33; Мф. 7, 10).

— Вот, ты придешь на мытарство блуда. Посмотрим, как ты избегнешь его?

Когда же мы поднимались выше, то я спросила ведших меня святых Ангелов:

— Владыки мои, все ли христиане проходят эти мытарства, и нельзя ли человеку пройти их без всякого истязания и страшных мучений?

Святые Ангелы ответили мне:

— Для душ верных иного пути, возводящего к небу, нет, и все грядут этим путем, но не все подвергаются таким истязаниям, каким подвергалась ты, но только подобные тебе грешники, которые несовершенную исповедь грехов своих совершали пред духовным отцом, стыдясь беззаконных дел своих и утаивая многие из них. Если же кто искренно и по правде, не утаивая ничего, исповедует все дела свои и с сердечным сокрушением кается во всех соделанных им прегрешениях, то грехи такого человека, по милосердию Божию, невидимо изглаждаются, и когда душа его грядет по мытарствам, воздушные истязатели, разогнув свои книги, не находят в них никаких рукописаний ее грехов и не могут сделать ей никакого зла, так что душа та беспрепятственно и в веселии восходит к престолу благодати. И ты, если бы сотворила совершенную исповедь и покаялась бы во всех грехах твоих, не претерпела бы таких грозных истязаний на мытарствах. Но теперь тебе помогло то, что ты давно уже перестала творить смертные грехи и добродетельно проводила последние годы жизни твоей, особенно же помогли тебе молитвы преподобного отца твоего Василия, которому ты долго и усердно служила.

Так беседуя, дошли мы до *мытарства блуда*, на котором истязуется всякое любодеяние, всякая блудная мысль и мечтание, а также страстные прикосновения и любострастные осязания. Князь этого мытарства восседал на престоле своем, облаченный в одежду скверную и смрадную, окропленную кровавою пеною, и множество бесов предстояло ему. Видев меня, дошедшею до них, они много дивились, а затем, вынеся написания блудных дел моих, обличали меня, указывая, с кем, когда и где я грешила во время юности моей. И не имела я ничего, чтобы возразить им, и от страха трепетала, исполнившись стыда. Тогда Ангелы сказали бесам:

— Но ведь она уже много лет не творила блудных дел и постнически, в чистоте и воздержании, прожила все последние годы своей жизни.

Бесы ответили им:

— Знаем, что она давно уже отстала от блудного греха, но все же она принадлежит нам, потому что не совершенно и не вполне искренно каялась пред своим духовным отцом в содеянных раньше грехах, многое утаивая от него; а потому или оставьте ее нам, или выкупите ее добрыми делами.

Ангелы положили им многое от добрых дел моих и еще больше от дарования преподобного Василия, и, едва избавившись от лютой беды, я была унесена оттуда.

После того мы достигли *мытарства прелюбодеяния*, в котором истязуются грехи живущих в супружестве и не соблюдающих супружеской верности, но оскверняющих свое ложе, а также всевозможные похищения девственниц с целью растления их и всякие блудодейственные насилия. Здесь же истязуются падения и тех, кто посвятил себе Богу и дал обет соблюдать жизнь свою в чистоте и девстве, но потом не сдержал этого обета. На этом мытарстве и я была обличена как прелюбодеица и не имела ничего, чтобы сказать в свое оправдание, так что немилосердные истязатели, скверные и нечистые духи уже намеревались похитить меня из рук ангельских и низвести на дно ада. Но святые Ангелы вступили в спор с ними и представили все последующие труды мои и подвиги; и таким образом искупили меня всеми оставшимися добрыми делами моими, которые положили там все до последнего, оставив вместе с тем и весьма многое из дарованного преподобным Василием. Все это они возложили на весы против моих беззаконий и, взяв меня, понесли далее.

Тут мы приблизились к *мытарству содомских грехов*, на котором истязуют противоестественные грехи мужчин и женщин, мужеложство и скотоложство, кровосмешение и иные тайные грехи, о которых стыдно и вспоминать. Князь этого мытарства имел весьма скверный и безобразный вид и весь был покрыт смрадным гноем; слуги его во всем были подобны ему: смрад их был весьма нестерпимый, вид мерзкий и страшный, ярость и лютость чрезмерная. Увидев нас, они поспешно вышли навстречу и обступили нас, но не

найдя во мне, по милости Божией, ничего, за что бы могли привлечь к суду своему, со стыдом отбежали; мы же с радостью пошли далее.

Поднимаясь выше, Ангелы сказали мне:

— Вот, ты, Феодора, видела страшные и мерзкие мытарства блудных дел. Знай, что немногие души проходят эти мытарства беспрепятственно, так как мир во зле лежит (см.: 1 Ин. 5, 19), люди же весьма слабы и от юности пристрастны к любодейным грехам. Мало, очень мало людей, умерщвляющих свои плотские похоти, и поэтому редко кто эти мытарства проходит свободно и беспрепятственно; напротив, весьма много таких людей, которые, дойдя до этого мытарства, здесь погибают, ибо истязатели блудных дел похищают пристрастных к любодеянию людей и низвергают во ад, подвергая их жесточайшим мукам. Князи блудных мытарств даже похваляются, говоря: «Мы одни более всех других мытарей воздушных пополняем число низвергнутых на дно ада, которые таким образом как бы вступают в родство с нами, подвергаясь одинаковой с нами участи». Поэтому, Феодора, ты возблагодари Бога за то, что, молитвами преподобного отца твоего Василия, миновала эти мытарства и больше не испытаешь какого-либо зла и не будешь знать страха.

Между тем мы подошли к *мытарству ересей*, где истязуются неправые мудрования о вере, отступления от православного исповедания веры, неверие, сомнения в истинах богооткровенного учения, хулы на святыню и тому подобные грехи. Это мытарство я миновала без всякого испытания и была уже недалеко от врат в небесное Царствие.

Наконец, встретили нас злобные духи последнего мытарства, называемого *мытарством жестокосердия*. Истязатели этого мытарства весьма жестоки и люты, но особенно лют князь их, имеющий весьма унылый и скорбный вид, дышащий огнем ярости и немилосердия. На мытарстве том без всякой милости испытываются души немилосердных. И если кто-нибудь, хотя и совершит многие подвиги, будет постоянно соблюдать посты и усердно молиться, а также сохранит неоскверненною чистоту свою, но при этом окажется немилостивым и затворит сердце свое для ближнего, тот низвергается оттуда в ад и заключается в бездне, и таким образом сам остается лишенным

милости[1]. Но мы и это мытарство, благодатью Христовою, миновали без особых препятствий, благодаря молитвам преподобного Василия, даровавшего нам от своих добрых дел многое для моего искупления.

Так миновав все страшные мытарства, мы с радостью великою приблизились к самым вратам небесного Царствия. Были эти врата подобны светлому кристаллу, и от них исходило неизреченное сияние; у врат стояли световидные юноши, которые, видя меня несомою руками ангельскими, исполнились веселия, радуясь, что я избавилась воздушных мытарств, и с любовью встретив нас, ввели чрез врата, внутрь небесного Царствия. И что я там видела и слышала, о чадо Григорие, — продолжала блаженная Феодора, — о том невозможно рассказать подробно! Видела я, что *око человеческое не видело, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человека* (1 Кор. 2, 9). Наконец, предстала я пред престолом Божественной славы, окруженным Серафимами, Херувимами и множеством небесных воинов, неизреченными песнями всегда славящих Господа. Тут я, упав, поклонилась невидимому и неведомому Богу. И воспели небесные силы сладкозвучную песнь, прославляя Божественное милосердие, которое не могут препобедить никакие грехи человеческие. От престола же славы Божией в это время раздался глас, повелевающий ведшим меня святым Ангелам показать мне все райские обители святых и все мучения грешников и потом водворить меня в обитель преподобного Василия. И водили меня святые Ангелы всюду, так что я видела множество прекрасных селений и обителей, исполненных славы и благодати, — обителей, которые были уготованы любящим Бога. Видела я там обители апостольские, пророческие, мученические, преподобнические и другие, особые для каждого чина святых. Каждая обитель была неизреченной красоты, широтой и длиной равнялась, сказала бы я, Царьграду, но при этом отличалась несравненно большей красотой, имея много светлых палат нерукотворных. Всюду в обителях тех раздавался глас радости и веселия духовного и видны были лики веселящихся праведников, которые, видя меня, радовались о моем спасении, с любовью встречали меня и лобызали, восхваляя Господа, избавившего меня от сетей вражиих. Окончив

[1] Указание на слова апостола Иакова: *суд без милости не сотворившему милости* (Иак. 2, 13).

обхождение райских обителей, я низведена была в преисподние земли[1] и видела страшные и нестерпимые муки, во аде грешникам уготованные. Показывая их, святые Ангелы говорили мне:

— Смотри, Феодора, сколь жестоких мук избавил тебя Господь, молитвами святого угодника Своего Василия.

Обходя пропасти ада, я слышала и видела там плач, вопль и горькое рыдание пребывающих в тех муках. Одни из них вопияли: «О, горе нам»; другие воздыхали: «Увы, как тяжко нам!»; третьи проклинали день рождения своего.

После всего ведшие меня Ангелы привели меня в обитель преподобного Василия, которую ты видишь, и водворили меня здесь, сказав:

— Ныне преподобный Василий память о тебе творит.

И поняла я, что пришла в это место успокоения в сороковой день по разлучении моем от тела[2].

Все это преподобная Феодора поведала Григорию в сонном видении и показала ему красоту обители, в которой она находилась, и все духовные богатства ее, собранные многими трудами, и потом блаженного отца Василия.

Здесь окончилось видение. По окончании его Григорий воспрянул от сна и много размышлял, удивляясь виденному и слышанному от блаженной Феодоры. Поутру же он пошел к преподобному Василию, чтобы получить от него обычное благословение. Преподобный спросил его:

— Чадо Григорий, где ты был в эту ночь?

Он же, как будто ничего не ведая, ответил:

— Спал, отче, на постели моей.

Старец сказал на это:

— Знаю, что телом ты почивал на постели, духом же ты был в ином месте. Или ты забыл, что открыл тебе Бог этою ночью в сон-

---

[1] *Преисподний* — нижний, низменный, подземный. Под *преисподними земли* разумеются пропасти ада, которые представляются подземными, в противоположность небесным обителям Рая.

[2] В 40-й день по разлучении души от тела, по учению Церкви, оканчивается хождение души по мытарствам и произносится временный суд над нею, после которого она водворяется или на месте веселия, или на месте мучения, где и пребывает до времени второго пришествия Господня на землю и окончательного суда Сына Божия над людьми.

ном видении? Вот ты получил, что так сильно желал: видел Феодору, слышал о переходе ее в будущую жизнь от нее самой и был в обители моей, которая, по благодати Христовой, уготована мне ради малых трудов моих. Таким образом, ты созерцал все, что желал знать.

Услышав такие слова, Григорий познал, что сон его был не ложным мечтанием, но действительным откровением от Бога, исходатайствованным молитвами преподобного; тогда, возблагодарив Бога, он поклонился духовному отцу своему, после чего получил от него приличное случаю наставление.

Тот же Григорий в другое время впал попущением Божиим в некое сомнение о вере. Прилежно читая книги Ветхого Завета, он возымел помышление в уме своем, что евреи право веруют, и пребывал в этом помысле довольно долго. Уразумев духом, что Григорий впал в искушение, прозорливый старец обличил его и, после многого увещания, снова испросил ему откровение от Бога. И вот Григорий опять увидел дивное видение, в котором пред его духовными очами предстал образ совершения страшного суда Божия. Увидел он вечного Судью, на престоле сидящего, праведников, одесную Судии стоящих, и грешников, находящихся ошуюю и судимых по делам их. Были там и иудеи, и язычники, причем Григорий увидел иудеев, осужденных вместе с язычниками и низвергнутых в геенну. Вместе с осуждением грешников Григорий узрел и прославление праведников, и все это описал впоследствии весьма пространно. Это описание можно найти в Великой Четьи-Минее[1], где подробно изображена жизнь блаженного отца нашего Василия и все видения ученика его Григория; нам же надлежит окончить свое повествование, предложенное в сокращенном виде.

Среди трудов и подвигов продолжительной жизни, исполненной чудотворений и пророчеств, преподобный отец наш Василий приблизился ко времени своего отшествия на небо. Кончина его наступила в преклонных летах. Ибо в Царьград он был приведен

---

[1] Имеются в виду Минеи-Четьи всероссийского митрополита Макария (1543–1564 гг.). Называются они Великими, потому что представляют собою полное собрание всевозможных статей исторического и нравоучительного содержания, приноровленных ко дням праздничным и памяти святых. Минея-Четья святого Димитрия Ростовского во многих местах представляет собою сокращение повествования, предложенного в Макарьевских Великих Четьи-Минеях.

уже тогда, когда ему было немало лет, да и в Царьграде он прожил около пятидесяти лет, — так что всего он прожил около ста лет, по истечении коих и пришел в вечную жизнь, где *лета* его *не кончатся* (Евр. 1, 12)[1]. Кончину свою преподобный Василий удостоился предвидеть и предсказал о ней возлюбленному ученику своему Григорию. Это было при таких обстоятельствах.

Григорий имел обычай на всю святую Четыредесятницу затворяться в доме своем и безвыходно находиться в нем, пребывая в посте и молитвах, полагая множество поклонов и проводя все ночи без сна. И вот однажды, ввиду приближения Четыредесятницы, Григорий пришел к преподобному принять от него, по обычаю, благословение на предлежащий постнический подвиг в затворе. Преподобный, наставив его в продолжительной беседе о душе и подав ему свое благословение, напоследок сказал:

— Иди, чадо, с миром в дом твой; меня же телесными очами более не увидишь в жизни этой.

И обняв Григория, преподобный с любовью облобызал его.

Григорий, припав к ногам святого, омочил их слезами своими, плача и рыдая по поводу своего разлучения с ним; затем пошел к себе и, по своему обыкновению, затворился на весь пост. Преподобный же Василий в седмицу средопостную[2], 25 марта, в самый день Благовещения Пресвятой Богородицы, предал святую душу свою в руки Божии[3]; а честное тело его было погребено в монастыре святых мучеников Флора и Лавра[4].

После того было видение одному благочестивому мужу, жившему в Царьграде. Он увидел дом великий и прекрасный, у которого врата были украшены золотом и драгоценными камнями, а над ними находилась надпись, гласившая: «Обитель и вечный покой блаженного Василия Нового». Прочитав эту надпись, муж тот стал удивляться красоте здания. Тогда из него вышел прекрасный юноша и сказал благочестивому цареградцу:

---

[1] Выражение заимствовано из Псалтири (101, 28) и послания апостола Павла к Евреям, хотя там эти слова относятся к Богу и говорят о Его вечности.

[2] Средопостной седмицей называется в церковном Уставе средняя (четвертая) неделя Великого поста; эта же седмица называется и *Крестопоклонной*.

[3] Святой Василий Новый преставился в царствование Константина Порфирородного близ половины X века.

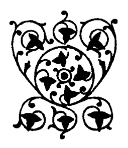
[4] Память их совершается в 18-й день августа месяца.

— Чему ты так удивляешься! Вот ты увидишь нечто, еще более дивное.

С этими словами он отверз врата здания, и глазам удивленного мужа предстали палаты весьма высокие и прекрасные, красота коих превосходит все, что только можно вообразить. В одной из палат он увидел преподобного Василия, сидящего среди великой славы на царском престоле и окруженного многими светлыми мужами и юношами. Видны были там и сады прекрасные, преисполненные всем, что только может радовать и веселить сердце человеческое. При этом был слышан глас, исходящий изнутри: «Такое воздаяние приемлют по преставлении все возлюбившие Бога и усердно послужившие Ему».

Это видение муж тот поведал многим, и все слышавшие прославляли Бога, почитая память угодника Божия преподобного отца нашего Василия Нового.

Да сподобимся же участи любящих Бога и мы, по молитвам святого Василия, благодати Господа нашего Иисуса Христа, Коему со Отцом и Святым Духом, честь и слава вовеки. Аминь.

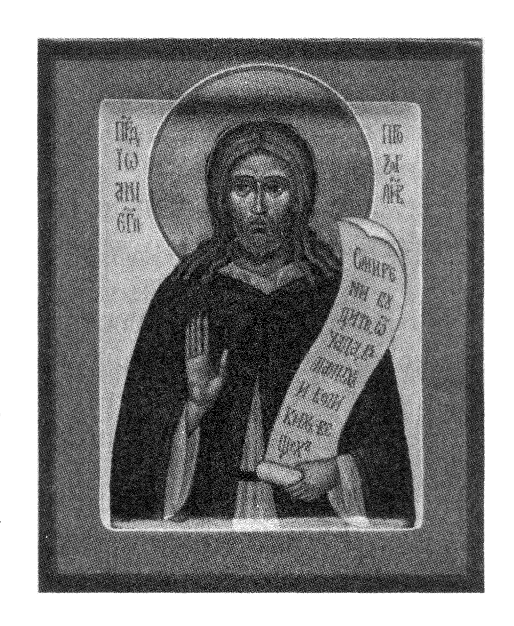
День двадцать седьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ПРОЗОРЛИВОГО,
пустынника и затворника Египетского

В египетском городе Ликополе[1] жил некоторый муж, по имени Иоанн, с юных лет занимавшийся плотничеством. Когда Иоанну исполнилось двадцать пять лет, он решил отречься от мира; после этого пятнадцать лет он подвизался в иноческих трудах в различных монастырях; потом, ища уединенного места для подвигов пустынного жития, он ушел на гору, называвшуюся Волчею и находившуюся недалеко от Ликополя. Здесь он выстроил себе три келии с одною кровлею, расположенных одна около другой, и затворился в них для подвигов поста и молитвы, причем в одной келии он молился, в другой занимался рукоделием, третья же служила ему для пищи и для сна. В таком уединении святой пробыл пятьдесят лет, до самого конца жизни своей, никогда не выходя из келии, но принимая пищу и беседуя с приходившими к нему людьми чрез оконце.

---

[1] *Ликополь* — один из древнейших городов Среднего Египта. Собственно именем Ликополя в древности, как и теперь, было *Сиут*. Сиут был священным городом древних египтян. Египетские божества Анубис и Вепуат — покровители этого города — изображались здесь с головами шакалов; благодаря этому обстоятельству греки и стали называть этот город Ликополем (греч. λύκος — волк, шакал). В древности Сиут был важным политическим и торговым центром (город этот был расположен на левом берегу реки Нила). Христианство проникло сюда в III веке. В настоящее время Сиут — один из оживленнейших городов Египта с населением до тридцати тысяч человек.

Когда истекло тридцать лет пребывания святого Иоанна в этом затворе, он сподобился от Господа получить дар пророческий. Святой предсказал очень многое императору Феодосию[1] — именно, что он победит гонителя христиан Максима и завладеет Галлиею[2], что он победит также гонителя христиан Евгения и потом окончит жизнь свою и передаст царствование своим сыновьям. Благодаря такой прозорливости святого, о нем всюду распространялась слава, как о святом муже, и сам император Феодосий почитал его за пророка.

При начале пустыннических подвигов Иоанна, пришел к нему некоторый воевода, который спросил святого, победит ли он эфиопов, пришедших к городу Этоне[3]. Преподобный Иоанн повелел ему небоязненно идти на эфиопов и сказал, что он победит их и будет награжден за это почестями от царя. Все случилось так, как предсказал святой Иоанн. После этого происшествия царь узнал о святом и всегда, когда отправлялся в поход на врагов, просил у святого молитв и предсказания об успехе похода.

Святой Иоанн имел великую благодать прорицания, как это сообщали отцы, подвизавшиеся вместе с ним (замечает Палладий[4], описатель жития преподобного); святая, преисполненная добродетелей жизнь этих отцов уверяет нас в истине слов их. Вот несколько примеров дивной прозорливости святого.

---

[1] *Феодосий Великий*, император Римский, царствовал с 379 по 395 год.

[2] *Галлия* — нынешняя Франция — страна, ограниченная Средиземным морем, Пиринеями, Атлантическим океаном, рекою Рейном и Альпами.

[3] Город *Сиена* находился невдалеке от Ликополя и был расположен на восточном берегу Нила. Город этот был замечателен в древности как местонахождение громадных залежей гранита. В настоящее время Этона носит имя *Ассуана* или *Асвана* и имеет четыре тысячи жителей.

[4] *Палладий*, современник Иоанна Прозорливого, оставил нам описание жизни многих подвижников в своем сочинении: «Πρός Λαῦσον ἱστορία» — «Лавсаик».

Один трибун[1], придя ко святому, просил у него позволения прийти к нему жене его, очень хотевшей его видеть. Святой же Иоанн не давал ему согласия на это, не желая ни видеть женщин, ни быть видимым женщинами, так как и с мужчинами беседовал лишь через оконце. Но когда трибун долго и неотступно просил святого об этом, то святой, видя веру его жены, обещая явить себя ей в сонном видении и сказал трибуну:

— В эту же ночь я явлюсь ей, чтобы она не упрашивала меня более показаться ее телесным очам.

Трибун передал жене своей слова преподобного.

Действительно, жена трибуна увидела ночью во сне святого, который подошел к ней и сказал:

— *Что мне и тебе, жено?* (Ин. 2, 4). Для чего ты хотела видеть лицо мое? Разве я пророк? Разве я святой человек? Я человек грешный, подобострастный всем прочим людям. Но я умолил Бога, чтобы было по вере твоей и по вере твоего мужа.

Сказав это, святой отошел от женщины той.

Когда жена трибуна проснулась, то передала мужу слова, которые сказал ей во сне святой, и описала мужу лицо святого и его одежду и потом просила мужа поблагодарить святого за милость, оказанную ей. Когда же муж той женщины пришел к келии преподобного, то не успел он еще сказать святому и одного слова, как этот последний сказал ему:

— Вот, я исполнил твою просьбу и явился во сне жене твоей, дабы она не упрашивала меня более показаться ее телесным очам.

В другой раз некоторый военачальник, имевший жену беременную, которой приближалось время родить, пришел к святому Иоанну и просил его помолиться о нем и жене его. Случилось, что в то самое время, когда военачальник пришел к святому, жена его была в больших муках по случаю родов и уже приближалась к смерти. Преподобный же Иоанн сказал человеку тому:

— Если бы ты знал милость Бога, дарующего тебе сына, то ты прославил бы Бога, но мать младенца находится недалеко от смерти. Отойдя от меня, ты найдешь младенца уже семидневного[2]. На-

---

[1] *Трибун* — военачальник, собственно начальник над трибой (tribus) — группой или отделением римского войска.

[2] Очевидно, было семь дней пути от места жительства военачальника до обители преподобного Иоанна.

зови его Иоанном и, когда ему исполнится семь лет, пошли его в пустыню к монахам для подвигов.

Такие и подобные предсказания давал святой Иоанн многим людям, приходившим к нему из далеких мест. Точно так же преподобный предсказывал многое, имеющее совершиться в будущем, и своим согражданам, жителям города Ликополя, постоянно приходившим к нему ради душевной пользы своей. Он открывал им как то, что должно было совершиться в будущем, так и то, что было кем-либо сделано тайно от других. Преподобный Иоанн предсказывал, например, о разливе реки Нила[1], о годах плодородных; точно так же святой предсказывал и имеющие совершиться казни Божии и обличал тех, которые навлекали на страну своими грехами гнев Божий.

Хотя святой Иоанн и не творил сам лично исцелений, но подавал больным освященный елей, помазуясь которым они исцелялись от болезней своих. Так, например, жена одного римского сенатора, потерявшая зрение и имевшая бельмы на глазах своих, просила мужа своего, чтобы он привел ее к преподобному для исцеления. Но муж сказал ей, что к святому Иоанну не приходила еще ни одна женщина и что женщины вообще не могут видеть святого Иоанна. Однако женщина та упрашивала мужа хотя бы только передать святому ее просьбу помолиться о ней Богу. Муж исполнил просьбу жены своей. После этого святой Иоанн послал к женщине той немного елея освященного, которым три раза в день она помазывала глаза свои. На третий день после этого женщина та прозрела и прославила Бога.

В Нитрийской пустыне[2] было семь пустынножителей; я (повествует описатель жития святого Иоанна — Палладий) и ученики Евагрия, Алвиана и Аммона[3]. Все они пожелали узнать подробнее о добродетельной жизни святого Иоанна, причем Евагрий сказал:

— Я пойду первый и узнаю от кого-либо о жизни святого Иоанна. Но если и ничего не узнаю о нем, то не пойду далее горы Ликопольской.

---

[1] Река Нил периодически разливалась и затопляла собою Египет, что было очень важно для египтян, занимавшихся земледелием, так как разливы реки служили главным, если не исключительным, источником орошения почвы.

[2] Эта пустыня находилась в Нижнем Египте.

[3] См. житие преподобного Аммона 4 октября.

Услышав это, — повествует Палладий, — я отдохнул один день, а на другой, ничего никому не сказав, положившись на Бога, пошел в Фиваиду[1]. Когда я дошел до горы и келии Иоанновой, то ученики его сказали мне, что от воскресенья и до субботы преподобный не принимает для беседы никого из приходящих. Поэтому мне пришлось дожидаться субботы. В субботу же во втором часу дня я отправился к келии святого и нашел его сидящим у окна и беседующим с приходившими к нему людьми. Сказав мне приветствие, преподобный спросил меня через одного из своих учеников:

— Откуда и зачем ты пришел? Мне кажется, что ты из монастыря Евагрия.

Во время нашей беседы пришел к преподобному военачальник той страны, по имени Алимпий; Иоанн прервал беседу со мной, и я отошел несколько от него, чтобы не препятствовать беседе его с военачальником. Вследствие того, что преподобный беседовал с военачальником довольно продолжительное время, я оскорбился и стал в мыслях осуждать честного старца, который, презрев меня, оказывал честь военачальнику. Дойдя до крайней степени нетерпения, я уже собирался, не простившись, отойти от преподобного. Но святой Иоанн, уразумев помышления мои, подозвал к себе своего ученика, по имени Феодора, и сказал ему:

— Поди и скажи брату тому, чтобы он не гневался, потому что я сейчас отпущу воеводу и буду с ним беседовать.

Когда эти слова были переданы мне, я весьма удивился тому, что преподобный Иоанн узнал мои мысли и убедился в том, что это был муж святой и прозорливый.

Когда военачальник отошел от Иоанна, святой позвал меня и сказал мне:

— Для чего ты разгневался на меня? Разве ты нашел во мне что-либо оскорбительное для тебя? Для чего ты подумал обо мне то, чего и в помысле не должно иметь ни мне, ни тебе? Разве ты не читал, что сказано в святом Писании: *не здоровые имеют нужду во враче, но больные* (Мф. 9, 12)? Тебя я могу найти всегда, когда захочу; и ты меня найдешь всегда, когда захочешь; да если бы я тебя и не утешил, то тебя утешили бы другие братия и отцы: военачальник же, отдавшись мирским заботам и находясь во власти диавола, только на небольшое время пришел в познание истины и, подобно рабу, спасающе-

[1] *Фиваида* находилась в Среднем Египте.

муся от жестокого господина, пришел ко мне, спасаясь от диавола, дабы получить от меня пользу для души своей. С моей стороны было бы несправедливо, не обратив внимания на него, продолжать беседовать с тобой, так как ты всегда сам заботишься о спасении своем.

Выслушав это, я (повествует Палладий) окончательно убедился, что это был муж святой, и начал просить его помолиться обо мне. Он же, ласково беседуя со мной и своею правою рукою касаясь слегка моей левой щеки, сказал мне:

— Многие скорби ожидают тебя впереди и трудную брань уже ты перенес, борясь с своим желанием оставить пустыню; ты не исполнил этого желания, несмотря на то, что диавол выставлял тебе благовидный предлог для оставления пустыни, напоминая тебе о любви к тебе отца и брата. Я тебе возвещу радостную весть: и отец и брат твой оба здравствуют и отреклись от мира; отец твой проживет еще семь лет. И ты, вооружившись мужеством, продолжай подвизаться в пустыне и не думай возвращаться отсюда в свое отечество, так как написано: *Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62).

Слушая слова святого и укрепившись ими к подвигам, я (говорит Палладий) возблагодарил Бога за то, что Он при посредстве святого мужа этого раскрыл мне козни диавола и помог мне победить их. В другой раз преподобный, ласково беседуя со мной, спросил меня:

— Хочешь быть епископом?

Я же отвечал ему:

— Нет, потому что я уже епископ.

Святой же спросил меня:

— В каком же городе ты епископ?

Я отвечал ему:

— Я надзираю[1] за кухней, трапезой, палатками, кадками; пробую, например, вино, и если оно кислое, то прохожу мимо него, если же сладкое, то пью его; смотрю также в котлы с пищею, и если где недостает соли или других приправ, то я добавляю к пище эти приправы и потом поедаю пищу, сделавшуюся от приправы вкусною. Так же поступаю и в других случаях, везде выбирая для себя самое лучшее. Вот это мое епископство, на которое поставило меня сластолюбие.

[1] Надзираю — по-греч. ἐπισκοπέω, и отсюда слово «епископ» (ἐπίσκοπος), то есть наблюдатель, блюститель.

Преподобный, улыбнувшись, сказал мне:

— Перестань шутить, потому что ты действительно будешь епископом и должен будешь перенести многие труды и скорби; если ты хочешь избежать этих трудов и скорбей, то ты не уходи из пустыни, потому что здесь, в пустыне, тебя никто не может поставить епископом.

Оставив преподобного, я (повествует Палладий) отправился в свою пустыню на место своего постоянного жительства и рассказал всей братии о честном и святом муже, преподобном Иоанне. Но я, грешный, потом забыл слова, сказанные святым Иоанном относительно меня: спустя три года после этого я заболел желудком и отправился, по совету братии, в Александрию[1], ко врачам. Но так как болезнь моя не проходила, а развивалась все более, то александрийские врачи советовали мне идти в Палестину, так как там теплый и здоровый климат. Отправившись в Палестину, я пробыл там немного и, несколько поправившись от болезни своей, пошел оттуда в Вифинию[2] и здесь, уже не помню каким образом — человеческой ли волей или Божиим изволением, — Бог знает как, был сподоблен сана епископского. После этого я впал в печаль, так как сан этот был сверх моей силы. Тогда я вспомнил пророчество преподобного Иоанна о мне, но в это время преподобный уже скончался. Я вспомнил тогда, что сказал мне преподобный, увещевая меня остаться в пустыне:

— Сорок лет я пребываю в этой келии и за все это время я не видел ни лица женского, ни какой-либо монеты, ни кого-либо ядущим или пьющим; равным образом и меня никто не видал ядущим или пьющим.

После той беседы со святым Иоанном, когда я возвратился (повествует Палладий) на свое обычное место и когда я рассказал братиям и отцам все, что видел и слышал у святого, все мы, числом семь, спустя два месяца после того отправились к преподобному.

---

[1] *Александрия* — знаменитейший в древности в торговом и просветительном смысле египетский город, расположенный на берегу Средиземного моря. В истории христианской Церкви Александрия известна как место религиозных споров и родина многих еретиков. В настоящее время Александрия носит турецкое наименование «Искандеры» и представляет собою довольно крупный торговый и административный центр.

[2] *Вифиния* — малоазийская область.

Когда мы пришли к обители преподобного Иоанна, он принял нас ласково, приветствуя с улыбкою на лице каждого из нас в отдельности. Тотчас же как пришли, мы начали упрашивать святого помолиться о нас, как это в обычае у подвижников египетских. Но он спросил нас:

— Нет ли среди вас клирика?

Мы все сказали ему:

— Нет никого.

Посмотрев внимательно на каждого из нас, святой узнал среди нас одного утаившегося клирика, так как один из нас был диаконом, и никто из нас не знал, что он был диаконом, кроме одного брата; но тот клирик, из смирения утаивший свой сан, и знавшему его сан брату запретил говорить о нем, что он диакон, потому что, стремясь уподобиться святым подвижникам, брат тот считал себя недостойным носить и имя христианина. Преподобный Иоанн, указав рукою на этого брата, сказал:

— Этот диакон.

Но когда этот брат отрицался от того, что он имеет сан диакона, святой Иоанн, простер руку свою из оконца, через которое беседовал с нами, взял брата диакона за правую руку, облобызал ее и сказал ему:

— Не отвергай благодати Божией. Не лги, брат, сокрыв дар Божий, потому что ложь должна быть чужда христианам; нельзя похвалить ее и в тебе, — велика ли она будет или мала, потому что, как говорит Спаситель, ложь от диавола: диавол ложь есть и отец лжи (см.: Ин. 8, 44).

Диакон, обличенный преподобным, молчал, слушая со вниманием наставления святого.

Когда же мы все совершили молитву (рассказывает Палладий), один из братьев, страдавший лихорадкою, просил преподобного Иоанна исцелить его. Преподобный сказал брату тому, что болезнь эта полезна для души его, но все-таки повелел помазать того брата освященным елеем, желая уврачевать не столько болезнь его, сколько маловерие. Вскоре после этого брат тот стал совершенно здоровым.

Сподобились мы видеть преподобного Иоанна (повествует Палладий) и тогда, когда ему исполнилось девяносто лет; тело его было столь истощено подвигами поста, что у него не росла даже борода, он

ничего не вкушал, кроме плодов древесных, и то по захождении солнца; с юных лет привыкнув к постничеству, он в старости никогда не вкушал ни хлеба, ни какой другой приготовленной на огне пищи.

Когда он предложил нам сесть, мы возблагодарили Бога, сподобившего нас видеть преподобного и беседовать с ним. Он же, приняв нас как возлюбленных чад своих, сказал нам, с улыбкою на лице:

— Откуда вы пришли, чада? Из какой страны вы пришли ко мне, человеку грешному и смиренному?

Мы же, назвав место нашей родины и указав постоянное наше местопребывание в Нитрийской пустыне, сказали, что пришли из Иерусалима именно для того, чтобы видеть ради душевной пользы святого, о котором много слыхали от других.

Блаженный же Иоанн сказал нам:

— Любезные чада! Что чудесное надеялись вы видеть, когда предпринимали столь трудный путь! Какая вам польза будет оттого, что вы увидите человека грешного, смиренного, который не имеет ничего достойного удивления. Есть достойные удивления и восхваления святые пророки и апостолы, писания которых читаются в церквах; им удивляться и им подражать следует, но не мне. Я весьма удивился, видя ваше усердие, которое побудило вас прийти к нам ради душевной пользы издалека, пренебрегая опасностями столь трудного пути. Мы же, по своей лености, не выходим даже и из келий своих. Однако же помните, что, если бы дело ваше и было достойно похвалы и одобрения, вы сами не должны считать себя людьми, сделавшими что-либо благое и достохвальное; подражайте по мере сил ваших добродетельной жизни отцов, и если исполните все (что, впрочем, едва ли часто бывает), то на себя не уповайте и собою не хвалитесь. Есть много таких людей, которые, достигнув совершенства в добродетели и возгордившись, ниспали с высоты в пропасть. Тщательно наблюдайте: усердны ли ваши молитвы, не нарушена ли чистота сердца вашего, не занят ли ум ваш посторонними мыслями во время молитвы; наблюдайте, всею ли душою своею вы отверглись от мира, не ходите ли наблюдать за чужими добродетелями, тщеславясь в то же время своими собственными добродетелями, заботитесь ли о том, чтобы представить собою добрый пример прочим людям; смотрите, не возомните себя праведными, не возгордитесь каким-либо своим добрым делом; смотрите, чтобы во время молитвы вам не приходили в голову мысли о вещах мирских,

потому что нет ничего безрассуднее, как устами беседовать с Богом, мыслию же быть далеко от Него. Это часто случается с теми, которые не столько отрекаются от мира, сколько заботятся о том, чтобы угодить миру. Человек, помышляющий о многих вещах, предается попечениям о мирском и тленном; но, предаваясь попечению о мирском, человек не может уже духовными очами своими видеть Бога. Человеку, всегда помышляющему о Боге, должны быть чужды мысли о всем мирском и суетном, согласно тому, как написано в святом Писании: *Остановитесь и познайте, что Я Бог* (Пс. 45, 11). Тому же человеку, который достиг некоторого познания Бога (полного познания Бога никто не может достигнуть), открываются тайны Божии, и он видит будущее, как настоящее, и, подобно святым, творит чудеса и получает по молитве своей все, чего ни попросит от Бога.

Это и многое другое говорил преподобный Иоанн пришедшим к нему братиям, утешая и наставляя их, как отец детей. Потом он предложил им несколько рассказов о людях, возгордившихся и возмечтавших о себе; между прочим он предложил им следующую повесть:

«Некоторый инок подвизался во внешней пустыне[1] в пещере, питаясь трудами рук своих, непрестанно молясь Богу и преуспевая в добродетелях. Сознавая себя человеком, проводящим жизнь чистую и добродетельную, инок тот возгордился, стал считать себя человеком праведным и святым и думал сам о себе, что он никогда уже более не впадет в грех. По Божию попущению, к иноку тому пришел однажды поздно вечером демон, принявший на себя вид красивой женщины, как бы заблудившейся в пустыне; мнимая женщина та, найдя двери пещеры открытыми, вошла в нее и, пав к ногам инока, умоляла его пустить ее в пещеру, указывая на то, что уже настала ночь. Инок, сжалившись над женщиною тою, пустил ее в свою пещеру, не боясь соблазна, так как сильно надеялся на свои силы. Инок спросил пришедшую, откуда она идет и каким образом заблудилась в пустыне. Демон же, приняв образ жены, много беседовал с иноком, вызывая его на грех. Инок, слушавший со вниманием, уже начал склоняться ко греху; после многих любодейственных разговоров и взаимного смеха, инок все более и более смущался мыслями; пламя любодеяния разжигалось в нем все более и более и он уже хо-

[1] Пустыня египетских отшельников делилась на две части: на внутреннюю и внешнюю. Первая была более удалена в глубь страны, тогда как последняя лежала ближе к реке Нилу.

тел совершить беззаконие, как вдруг жена та, громко закричав, исчезла как тень из рук его и стала невидима; тотчас после этого в воздухе был слышен голос многих бесов, смеявшихся над иноком и укорявших его такими словами:

— Возносящий себя будет низвержен; ты до небес вознес себя, и потому теперь низвержен до ада.

Видя себя осмеянным, инок тот впал в отчаяние и, оставив свою келию и пустыню, возвратился в мир: до такого падения низвело его высокое мнение о себе».

Поучая же покаянию и рассуждая о том, что, подобно тому как бесы доводят нас до отчаяния и погибели, так и мы можем побеждать их, так что они уже не в состоянии будут одолеть нас, — преподобный Иоанн предложил такой рассказ:

«В одном городе жил юноша, сотворивший много самых тяжелых грехов, но потом юноша этот, под влиянием страха Божия, раскаялся. Для того, чтобы оплакать свою прежнюю греховную жизнь, он отправился на кладбище и здесь пал на землю, не смея ни призывать Бога, ни молиться по причине множества грехов своих. Потом юноша вошел во гроб и заключил себя здесь, рыдая и сокрушаясь о грехах своих. Когда юноша пробыл во гробу семь дней, бесы, прежде увлекавшие его ко греху, пришли к нему и громко вопияли:

— Горе тебе, скверный, нечестивый, пресытившийся блудодеянием, так неожиданно для нас ставший теперь добродетельным человеком и нашим врагом! Чего доброго ты ожидаешь для себя после того, как ты преисполнился скверн наших? Почему ты не встаешь из гроба и не отправляешься вместе с нами на обычные дела твои, ведь тебя с нетерпением ждут блудники и пьяницы! Почему ты не идешь удовлетворить своей похоти, так как тебе теперь нечего уже надеяться на спасение? Теперь ты наш, потому что ты творил всякое греховное дело, и напрасно ты хочешь спастись от нас: ты не избавишься теперь уже от рук наших!

Юноша тот ничего не отвечал бесам, не желая и слушать их, но все время плакал о грехах своих. Бесы долгое время говорили эти и подобные им слова юноше, увлекая его ко греху; но когда увидели, что он их не страшится и не думает бежать с кладбища, начали сильно бить его и хотели уже было совсем умертвить его, если бы это было попущено им от Бога. Потом бесы ушли от юноши, оста-

вив его едва живым. Он же, пролежав долгое время на земле как мертвый, как только пришел в чувство, снова начал плакать и рыдать о грехах своих. Когда родственники его, искавшие его по всем местам, нашли его на кладбище, то умоляли его возвратиться домой; но он не хотел и слушать их, говоря, что согласен лучше умереть, нежели возвратиться к прежней жизни.

На следующую ночь к юноше снова приступили бесы, говоря то же самое, что и в первый раз, и снова истязуя его; потом бесы отошли от юноши. И в третью ночь бесы сделали попытку победить непобедимого, но, отчаявшись в успехе, бежали от него, будучи гонимы его терпением; при этом во время бегства своего бесы взывали:

— Победил, победил, победил ты нас!

Таким образом покаяние, соединенное со смирением, и терпение, соединенное с мужеством, привело бесов в отчаяние и они уже не могли сделать юноше никакого зла.

Юноша тот остальное время жизни своей провел в подвигах добродетели и явил собою многим грешникам, отчаивающимся в спасении своем, образец истинного покаяния».

Рассуждая же о высокомудрствовании, низводящем человека в бездну погибели и лишающем его благодати Божией, и смиренномудрии, возносящем человека к Богу, преподобный Иоанн предложил такой рассказ:

«Был один монах, живший во внутренней пустыне, в добродетели проведший многие годы своей жизни, но в старости подвергшийся искушению, по коварству демонов, и едва не погибший по причине своего высокомудрствования. Инок тот подвизался в великом безмолвии, проводя все дни и ночи в молитвах, пении псалмов и богомыслии. За свою добродетельную жизнь он удостоился даже видений Божественных, причем одни из них имел в бодрственном состоянии, а другие во сне (впрочем, сон его был очень непродолжителен и тонок, так что его едва можно и назвать сном). Инок этот столь усердно стремился к жизни бестелесной, что нисколько не заботился о пище для тела, так что не обрабатывал земли и не возращал садовых деревьев; всецело надеясь на Бога, он с тех пор, как поселился в пустыне, никогда не имел заботы о том, как и чем питать свое тело. Оставив все привязанности земные, он горел желанием приблизиться к Богу, с нетерпением ожидая отшествия от тленного мира этого.

Постоянно помышляя о вещах невидимых и небесных, инок тот проводил многое время добродетельную жизнь, причем тело его никогда не изнемогало от его подвижнического жития и душа его никогда не была смущаема трудностью подвигов. Его жизнь расположилась как бы в некоей удобной середине между плотским и бесплотным бытием; инок тот был как бы ни вполне бесплотным, ни вполне плотяным человеком.

За свою добродетельную жизнь инок тот был награжден от Бога тем, что ему приносился хлеб невидимою рукою: входя в свою пещеру, он находил у себя на столе чистый хлеб в количестве, достаточном для двух или трех дней. Когда инок тот чувствовал потребность в подкреплении себя пищею, то, помолившись Богу, он вкушал хлеба того, а затем песнопением насыщал свою душу, постоянно пребывая в молитве и богомыслии, совершенствуясь день ото дня и предаваясь всецело упованию благ будущих. И уже он стал помышлять о возмездии своем и вознаграждении от Бога за свою добродетельную жизнь, причем представлял это возмездие, как бы имеющимся в его руках, но это-то и было причиною его падения.

Ему пришла в голову мысль, что он достойнее других пред Богом и более всех других людей имеет права на получение от Бога благодати и благ небесных; в то же время он помышлял в себе, что он ни в каком случае уж не может впасть в грех и оставить столь высокую добродетельную жизнь.

Когда инок так помышлял о себе, в нем зародилось вскоре сначала незначительное уныние, потом начала развиваться леность, и уже вскоре вполне развились в нем уныние и леность, он начал вставать от сна и петь псалмы с каждым днем все позднее и позднее, молитвы его становились с каждым днем короче. Помысл его говорил ему: немного отдохнуть необходимо, и он соизволял помыслу своему и смущался сердцем; сделав усилие, он побеждал леность и смущение помыслов, но потом снова предавался прежнему смущению и лености.

После обычных молитв, войдя однажды в пещеру, он по-прежнему нашел на столе невидимо посылаемый ему от Бога хлеб, но уже не столь чистый, как ранее. Подкрепив тело свое хлебом, инок тот не отверг от себя нечистых мыслей, не сознал того, что он вредит ими своей душе, и не постарался найти уврачевания этой своей первой

язвы, считая пустяком привычку содержать греховные мысли и услаждаться ими.

На другой день после обычных молитв и псалмопений, вечером, придя в свою пещеру для того, чтобы подкрепиться здесь пищею, он по-прежнему нашел хлеб, но уже грязный и нечистый, чему он много удивлялся и о чем много скорбел; однако, взяв хлеб, он вкусил его и подкрепил им свои силы.

Когда наступила третья ночь, к одному злу он прибавил еще и другое: нечистые мысли смущали его все более и более, и он был настолько смущен похотью любодеяния, что представлял себя лежащим около женщины.

Когда окончилась ночь, утром инок тот совершил свое обычное молитвенное правило, уже сильно смущаясь нечистыми мыслями. Вечером же он вошел в келию для того, чтобы вкусить хлеба, но нашел его не только нечистым, но и как бы изглоданным мышами и псами, так как только остатки хлеба валялись по полу. Тогда инок вздохнул и прослезился, но не настолько сокрушился в сердце своем, сколько нужно было бы для препобеждения нечистых мыслей и похоти прелюбодеяния. Подняв валявшиеся на полу крупицы хлеба, он вкусил небольшую часть их; не насытившись ими, лег спать. Тотчас голова его наполнилась множеством нечистых и суетных мыслей, влекших его из пустыни в мирскую жизнь; вместе с тем в нем сильно возгорелась похоть плотская, и он уже не мог более бороться с собою.

По попущению Бога (соизволившего так на время для отвращения инока от высокоумия), инок тот встал с постели и ночью отправился в пустыню, надеясь где-нибудь встретить какое-либо мирское селение.

Когда наступил день и солнце стало палить невыносимо, старец тот утомился от пути, так как был уже немолод, а между тем путь, намеченный им, был далек еще до конца. Поэтому он смотрел по сторонам, нет ли где монастыря, в котором он мог бы отдохнуть. Случилось, что, по усмотрению Божию, на пути его встретился некоторый монастырь. Когда старец вошел в него, то братия монастыря того весьма ласково и с честью приняли его как бы какого великого подвижника, умыли ему лицо и омыли ноги и, сотворив молитву, предложили ему вкусить ради любви что-либо из предложенного ему. Когда старец несколько подкрепился, братия стали просить его сказать им слово

наставления о том, каким образом они могут избавляться от козней диавола и как можно препобеждать нечистые помыслы.

Старец начал их учить, наставляя их, как отец детей, и увещевая их быть твердыми и мужественными в подвигах, так как не по долгом времени они будут успокоены от трудов своих в обителях Христовых; много и другое говорил старец инокам, поучая их быть твердыми в подвигах постничества.

Когда же старец окончил свою беседу и лег отдохнуть на некоторое время в месте уединенном, он стал размышлять о том, почему он других поучает, а о себе самом не заботится нисколько, другим предлагает беседу для пользы душевной, а себя соблазняет, других наставляет на путь спасения, а сам отдаляется все более и более от спасения и увлекается к погибели.

Размышляя так, старец сознал себя побежденным нечистыми помыслами, после чего снова возвратился в пустыню, уже не тихо шествуя, но как бы бежа к прежнему месту своего обитания, плача о падении своем и говоря: *Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы в ад душа моя* (Пс. 93, 17). И сбылось на иноке том сказанное премудрым: *брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок, укрепляется же якоже основáнное царство* (слав. Притч. 18, 19).

С тех пор инок тот совершенно исправился и очистился от греха своего; затворившись в пещере своей, он пал на землю, посыпая главу свою землею, плача и рыдая многие дни, и не вставал старец тот до тех пор, пока не был извещен Ангелом о том, что Бог принял его покаяние. Но несмотря на то, что покаяние старца было принято, он уже не получал более хлеба, посылаемого раньше Богом, и должен был питаться от трудов рук своих. Так высокоумие смиряет человека!»

Когда преподобный Иоанн окончил рассказ этот, то он сказал братиям, пришедшим к нему:

— Будьте всегда смиренными, чада, как в великих, так и в малых вещах, потому что это первая заповедь Спасителя, говорящего: *блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие небесное* (Мф. 5, 3); быть «нищим духом» и значит быть смиренным; не прельщайтесь бесами, увлекающими вас ко греху помыслами и привидениями. Кто бы к вам ни пришел, брат ли, друг ли, женщина ли, муж или учитель, мать или сестра, прежде всего поднимите руки ваши для молитвы, — если это было привидение от демонов, то оно исчезнет из

глаз ваших. Если кто-либо будет хвалить вас, демон или человек, не слушайте того и не превозноситесь умом своим, потому что и меня часто ночью искушали бесы, не давая мне ни молиться спокойно, ни уснуть, представляя глазам моим разного рода привидения в течение всей ночи; с наступлением же утра бесы кланялись с бранью пред мной до земли, говоря мне:

— Прости нас, авва[1], за то, что мы утруждали тебя всю ночь!

Но я говорил им:

— Отойдите от меня, делатели беззакония! Не искушайте раба Божия!

Поэтому, чада, любите безмолвие, пребывая всегда в богомыслии и моля всегда Бога о том, чтобы Он даровал вам ум чистый, свободный от греховных помыслов. Достоин похвалы, конечно, и тот подвижник, который, живя в мире, упражняется в добродетели, оказывая странноприимство или подавая милостыню, или помогая в трудах другим, или пребывая постоянно без гнева; такой человек достоин похвалы, потому что пребывает в добродетели, исполняет заповеди Господни, не оставляя и земных дел. Но лучше этого и достоин большей похвалы будет тот, кто, пребывая постоянно в богомыслии, от вещественного восходит к невещественному, предоставляя вещественное попечению и заботе других, сам же стремясь к небесному, постоянно предстоя пред Богом, отрешившись от всего мирского и уже не привязываясь снова к миру попечениями о земном: такой человек близок к Богу, Которого он прославляет непрестанно в молитвах и псалмопениях своих. Я знаю одного человека, подвизавшегося в пустыне, который в течение десяти лет совершенно не вкушал пищи земной, но Ангел Божий через два дня на третий приносил ему небесную пищу, и это было ему и пищею, и питием (преподобный Иоанн, по-видимому, говорил о каком-либо другом подвижнике, но это был он сам). Знаю также, — говорил он, — и то, что человеку тому диаволы представили однажды в привидении полки Ангелов, колесницу огненную и многих оруженосцев как бы некоего царя, который сказал ему:

— О человек! Ты праведно и добродетельно провел жизнь свою: теперь поклонись мне, и я вознесу тебя, как Илию[2].

---

[1] *Авва* — отец, учитель, наставник.

[2] *Илия* — знаменитейший израильский пророк, живший и действовавший во дни нечестивого царя Ахава и жены его Иезавели. За свою подвижническую жизнь он был взят живым на небо. См. житие его под 20 июля.

Но монах тот сказал сам в себе:

— Все дни жизни своей я поклонялся Царю моему, Иисусу Христу. Если бы это был Он, то не стал бы требовать от меня поклонения.

Потом монах тот сказал диаволу:

— Я имею Владыку и Царя своего Бога, Которому всегда поклоняюсь; ты же не царь мой.

Тотчас после этого бесы исчезли.

Такими и подобными этим наставлениями и рассказами преподобный Иоанн поучал всех, являя всем образец равноангельской жизни своим собственным примером. Поэтому Иоанн весьма много способствовал душевному спасению многих людей.

Угодив Богу своею святою жизнью, преподобный Иоанн приблизился к кончине своей. На девятидесятом году жизни своей он повелел ученикам своим не приходить к нему в течение трех дней. Когда же братия пришли к преподобному по истечении трех дней, то нашли его коленопреклоненным, стоящим как бы на молитве, душою же отошедшим ко Господу[1] для того, чтобы предстать вместе с прочими святыми престолу Бога Отца, и Сына, и Святого Духа, в Троице славимого, которому воссылается слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
МАТРОНЫ СОЛУНСКОЙ

Святая Матрона была рабыней одной иудеянки, по имени Павтила, жены солунского[2] воеводы. С юности она была просвещена христианской верой. Госпожа ее принуждала ее к отступничеству и обращению в свое языческое зловерие, и так как она не повиновалась, то госпожа сильно мучила ее. Святая часто принимала

---

[1] Кончина преподобного Иоанна последовала в конце IV века.

[2] *Солунь* (иначе *Фессалоники*) — столица одной из областей Македонии. В настоящее время она называется *Салоники* и находится в Европейской Турции на северном берегу Фессалоникийского залива. В Солуне святой апостол Павел проповедовал Евангелие; для жителей означенной области и города тем же святым апостолом были написаны два послания.

от нее многие раны; но с усердием претерпевала все ради Христа и тайно от госпожи своей ходила в церковь.

Однажды Павтила, узнав, что Матрона была в церкви христианской, сказала ей:

— Почему ты не пошла в нашу синагогу, но ходила в церковь христианскую?

Блаженная Матрона с дерзновением отвечала:

— Потому что в христианской Церкви присутствует Бог, от синагоги же иудейской Он отступил. Потому я и хожу не в синагогу, но в церковь.

Тогда Павтила пришла еще в больший гнев, без пощады била святую Матрону и, связав, заключила ее в темной каморке. Но наутро святая была найдена силой Божией разрешенной от уз и славословящей Христа. И снова госпожа била ее жесткими жилами едва не до смерти; потом связала ее еще крепче, снова заключила ее в той каморке и запечатала двери, чтобы никто не мог войти к ней и доставить ей какое-либо облегчение.

В таковом заключении святая, укрепляемая Богом, пребывала без пищи и питья четыре дня. После этого Павтила, сняв печати и отворив двери, нашла Матрону опять разрешенной от уз и стоящей на молитве. Тогда, придя в страшную ярость, она беспощадно стала бить Матрону толстыми палками и, когда святая уже едва дышала, заключила ее в том же помещении, где святая и скончалась, предав дух свой Богу. Тело святой Матроны жестокосердая женщина сбросила вниз; жилище же ее было высоко.

Христиане, подняв многострадальное тело святой мученицы Матроны, с честью погребли его. Впоследствии Александр, епископ Солунский, создал церковь во имя святой, где и положил честные ее мощи[1]. Мучительницу же Павтилу вскоре постиг заслуженный ею суд Божий. На том самом месте, где она свергла вниз с высокой

[1] Мощи святой Матроны известны были в VI и VII веках при императоре Маврикии и от них совершились чудеса.

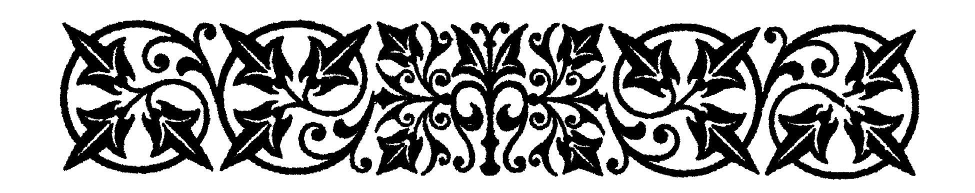
стены тело святой Матроны, она сама потом, случайно поскользнувшись, упала и, разбившись, бедственно извергла окаянную свою душу из тела[1].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
МАНУИЛА и ФЕОДОСИЯ

Святые мученики Мануил и Феодосий были родом из стран восточных. Видя, как язычники ежедневно предают смерти христиан, они, сговорившись между собою, решились умереть за Христа, чтобы унаследовать Царство небесное. Приняв такое решение, они отправились к правителю своей страны и на пути многих спрашивали, зачем он предает смерти христиан, а когда предстали пред правителем, то смело исповедали Христа, назвав себя христианами. Такою своею смелостью и мужеством они привели в изумление не только бывших при правителе, но и его самого. Правитель велел взять их и заключить в темницу, причем темничному стражу было приказано строго охранять их. По прошествии нескольких дней правитель повелел привести святых из темницы к себе и стал убеждать их отречься от Христа и принести жертву идолам, но они и слушать его не хотели, а, напротив, сами старались отклонить его от почитания идолов. Тогда он повелел сперва повесить их на дерево и строгать по ребрам, потом приказал снять их с дерева и положить на отточенные трезубцы и, наконец, после всех этих мучений дал повеление отсечь им головы. Так и скончались святые мученики, предав праведные души свои в руки Господа.

[1] Пострадала святая Матрона в III или IV веке.

День двадцать восьмой

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ЕВСТРАТИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Святой Евстратий показал себя мужественным воином Христовым, ратовавшим под знамением Креста как именем своим, так и жизнью своею. Он явился подражателем Самого избранного Воеводы своего — Иисуса Христа и, приняв то же страдание, от тех же людей и в то же время, мог бы воистину похвалиться, сказав: *я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем* (Гал. 6, 17).

Этот доблестный воин Христов, Евстратий, был родом из Киева. Он пожелал *облечься во всеоружие Божие* (Еф. 6, 11), что принадлежит иноческому образу. Зная, что *никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтоб угодить военачальннку* (2 Тим. 2, 4), он раздал имение свое нищим, причем часть оставил родным, чтобы они раздали после него. Итак, обнищав после богатства, он стал иноком Печерского монастыря. И начал он богоугодно подвизаться под знамением Принявшего ради нас уничижение Воеводы-Христа, побеждая мечом духовным, то есть силою молитвы и гладом великого воздержания, не только плоть свою, но и врагов невидимых, смиряя их и порабощая своею кротостью и послушанием. Святой Евстратий помышлял о том, как подвигоположник его, Сам Иисус Христос, усердно молился, постился сорок дней, смирил Себя послушанием; потому и он вооружил себя теми же добродетелями. Но зная прежде всего, что человек был побежден первым грехом чрез невоздержание, святой преуспевал в воздержании и великом пощении, и потому назван был постником.

Когда же, попущением Божиим, напал на русскую землю со множеством половцев злочестивый Боняк[1] и пленил ее, тогда и блаженный Евстратий, при вторжении поганых в Печерский монастырь, где многие были посечены их мечами, был захвачен вместе с другими в плен и продан в греческую землю, в город Корсунь[2] одному еврею, вместе с другими христианами — тридцатью монастырскими рабочими и двадцатью киевлянами.

Богопротивный еврей начал принуждать пленников своих отречься от Христа и угрожал противящимся уморить их голодом в оковах. Но мужественный инок Евстратий, молясь, укреплял и поучал всех и наставлял такими словами:

— Братие! Кто из вас крестился и уверовал во Христа, пусть тот не изменяет обету, данному при крещении. Христос возродил нас водою и духом, искупил нас от клятвы закона Своею кровью и сделал нас наследниками Своего Царствия. Если живем — будем жить для Господа; если умрем — умрем в Господе и временною смертью обрящем вечную жизнь. Будем подражать тому, кто сказал: *Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение* (Флп. 1, 21).

Укрепляемые словами преподобного, пленники предпочли лучше умереть от недостатка временной пищи и питья, нежели отречься Христа, Который есть пища и питие вечной жизни.

Итак, через некоторое время, истощившись от голода и жажды, все пятьдесят человек умерли: одни — чрез три дня, другие — чрез четыре, некоторые — чрез семь, более же крепкие — чрез десять. Только один Евстратий остался жив; томимый голодом уже четырнадцать дней, он все-таки оставался жив и невредим, ибо от юности привык к посту. Нечестивый еврей, видя, что черноризец был причиною пропажи его денег, заплаченных за пленных, которых он надеялся перевести в свое зловерие, задумал отомстить ему.

Приближался тогда день Воскресения Христова. Жидовин начал праздновать свою пасху и ругался над святым Евстратием так же, как отцы его над Самим Господом нашим Иисусом Христом. И как

---

[1] *Боняк* — хан (или князь) половецкий, живший в конце XI — начале XII века, прозванный нашими летописями «хищником» за свои частые нападения на Киевскую Русь. *Половцы* — хищническое племя, жившее к югу от Киева и промышлявшее грабежом и разбоями.

[2] *Корсунь* — нынешний Херсонес Таврический.

в древности евреи распяли Христа, так и этот праведник был пригвожден ко кресту окаянным жидовином и друзьями его.

Евстратий, будучи распят, благодарил Бога за то, что Он сподобил его жить без пищи и питья уже пятнадцатый день.

Жидовин и прочие его друзья поносили распятого и говорили ему:

— Безумный! Вкуси ныне законной пасхи, чтобы остаться тебе живым и избегнуть проклятия. Ибо Моисей[1] передал нам закон, который принял от Бога, и сказал в книгах своих: *проклят всякий, повешенный на дереве* (Втор. 21, 23).

Преподобный отвечал на это:

— Великой благодати сподобил меня ныне Господь. Он даровал мне милость пострадать за имя Его на кресте по образу Его страданий. Надеюсь, что и мне скажет Он, как некогда разбойнику: *Ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 43). Не нужна мне пасха ваша, не боюсь я клятвы, ибо *Пасха наша, Христос, заклан за нас* (1 Кор. 5, 7), Который уничтожил положенное на нас за преступление закона проклятие и даровал нам жизнь вечную древом Крестным, на котором был пригвожден, будучи жизнью всех, как пророчествовал о том и Моисей: *и будет жизнь твоя висеть пред тобой* (Втор. 28, 66). О празднике же Пасхи Давид[2] говорит: *Этот день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!* (Пс. 117, 24). Но ты, распяв меня, и все прочие твои единомышленники, восплачете и возрыдаете, ибо постигнет вас отомщение за кровь мою и кровь других, купленных вами христиан. Ненавидит Господь субботы ваши и преложит праздники ваши в сетование, и уже приблизилось время убиения начальника вашего беззакония.

Услышав это, жидовин распалился гневом, схватил копье и пронзил пригвожденного[3]. И видна была тогда огненная колесница и огненные кони, которые понесли на небо душу ликующего мученика, и был слышен голос, говоривший: «Вот доблестный гражданин небесного града!»

---

[1] *Моисей* — знаменитый вождь и законодатель народа еврейского, священный бытописатель, живший в конце XVI — начале XV века до Рождества Христова. Им написаны первые пять книг Священного Писания.

[2] *Давид* — царь израильский, живший в XI веке до Рождества Христова, и вместе с тем пророк и псалмопевец. Им написана священная книга «Псалтирь».

[3] Кончина святого мученика последовала в 1097 году.

Тело святого мученика жидовин, сняв со креста, ввергнул в море, где совершилось после этого много чудес. Верные прилежно искали там святых мощей, но не нашли их. По промышлению Божию они были обретены в пещере, где и доныне почивают нетленно.

Предсказание же святого страдальца о том, что кровь его будет отомщена, исполнилось немедленно после его страдания. Ибо в тот день пришло повеление от царя Греческого изгнать из области его всех евреев, отняв у них имущество, а старейшин их избить за мучение христиан. Одним из первых был убит, по пророчеству блаженного Евстратия, епарх[1], возбудивший евреев против христиан. А произошло это таким образом. Крестился один богатый и славный еврей, и потому царь, желая отличить его, через несколько дней сделал его епархом; он же, получив этот сан, втайне сделался отступником от Христа и Его веры и дал разрешение евреям по всему пространству Греческого царства покупать христиан и обращать их в рабов. Когда этот нечестивый епарх был обличен в злой своей хитрости, царь повелел умертвить его, а также и всех евреев, живших в земле Греческой. И в то время, когда избивали евреев, живущих в греческом городе Корсуни, того нечестивого еврея, которым был убит преподобный Евстратий, повесили на дереве, и так *обратилась болезнь его на главу его* (Пс. 7, 17), и он разделил участь Иуды.

Прочие же евреи, видя страшные чудеса по кончине преподобного, уверовали во Христа и приняли крещение. А поработивший их Христу и по смерти своей добрый воин Его и победоносец святой Евстратий сподобился с бессмертным воинством небесным воспевать победную песнь и царствовать с Самим победителем смерти Христом, с Которым он воинствовал, прославляя Его и благодаря с Безначальным Его Отцом и животворящим Духом в бесконечные веки. Аминь.

[1] *Епарх* — начальник области.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ИОНЫ и ВАРАХИСИЯ

Эти святые мученики были родом из Персии и жили в царствование персидского царя Сапора[1] в одном селении, носившем название Ясы. Однажды, оставив место своего жительства, они отправились в город Варавох и, найдя там святых мучеников Запифана, Лазаря, Маруфана, Нарсина, Илию, Марина, Авива, Сивенфина и Савву, которые были заключены в темницу, стали укреплять их, убеждая оставаться твердыми в христианской вере и в исповедании ее и не изменять ей даже в том случае, если бы пришлось и умереть за нее. Поэтому они были схвачены и приведены к трем князьям: Масдрафу, Сирофу и Мармисию — и претерпели от них многочисленные муки и истязания за то, что не захотели поклониться солнцу, огню и воде[2].

Сперва подвержен был мучениям святой Иона. Его связали тем особым способом, какой был в обычае у персов. Обыкновенно того, кого надо было подвергнуть мучениям, персы клали на землю и привязывали руки и ноги его к одному куску дерева, почему привязанный был неподвижен, как камень, и его можно было бить с обеих сторон, так как, будучи крепко привязан к дереву, он не мог уклоняться от ударов. Связав таким образом святого Иону, мучители долго били его с двух сторон толстыми палками, потом, привязав к телу его веревку, стали волочить его по льду замерзшего озера, заставляя его страдать от холода, и, наконец, на всю ночь оставили его связанным на месте мучения. После этого отрезали ему пальцы на руках и ногах, содрали с головы кожу, отрезали ему язык и бросили в котел, наполненный кипящею смолою. Но так как святой мученик вышел из котла невредимым, то его сдавили тисками, отчего раздробились кости его. После всего этого перепилили его пополам и бросили в глубокую яму, где он и скончался.

Варахисию же по повелению князей наложили под руки раскаленные оковы и вслед за тем стали лить ему на веки, в ноздри, уши и рот

[1] *Персидский царь Сапор II*, известный под именем великого, царствовал с 310 по 331 год и был жестоким гонителем христиан.

[2] Почитая солнце, как образ своего верховного бога Мифры, персы чтили также огонь и воду, как стихии чистые, приносящие всему живому добро.

расплавленное олово и, наконец, привязав к ногам его веревку, повесили в темнице. После таких истязаний сняли со святого Варахисия одежду и, связав, стали влачить его по колючим растениям, искололи его затем заостренными палками, положили в вертящееся колесо, чем растерзали все тело его, и, наконец, влили ему в рот кипящую смолу, отчего святой мученик предал Богу дух свой. Тела святых Ионы и Варахисия вместе с телами вышеназванных святых мучеников были погребены одним благочестивым мужем, по имени Авдисотом. Святые мученики Иона и Варахисий скончались 28-го, а прочие 27 марта[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИЛАРИОНА НОВОГО[2]

Преподобный Иларион от юности возложил на себя иго иноческого жития: последуя распятому Христу, он нес крест свой, побеждая страсти плотские воздержанием; уйдя в затвор и много лет пробыв в безмолвии, он, просветившись бесстрастием, превзошел добродетельною жизнью всех монахов, за что сподобился пресвитерского сана и впоследствии был игуменом монастыря, называемого Пеликит, находящегося в Азии, близ Геллеспонта[3]. Преподобный Иларион совершил много дивных чудес. Словом своим он отгонял от нив и виноградников животных, вредящих растениям; молитвою остановил сильный град и низвел на землю дождь во время засухи; подобно пророку Елисею[4], разделил реку, исцелил су-

---

[1] Блаженная кончина святых мучеников Ионы и Варахисия падает на время между 327 и 331 годом.

[2] Вспоминаемый ныне исповедник Христов Иларион называется «новым» в отличие от Илариона Далматского, также исповедника, пострадавшего при императоре Византийском Льве V Армянине (812–830 гг.). Память этого последнего Илариона празднуется 6 июня.

[3] *Геллеспонт* — древнее название Дарданелльского пролива, соединяющего Мраморное и Эгейское моря.

[4] *Елисей* — пророк израильский, ученик и преемник в пророческом служении пророка Илии. Он исполнял свое пророческое служение в течение шестидесяти пяти лет, при царях израильских: Ахаве, Охозии, Иораме, Ииуе, Иоахазе и Иоасе. Память его празднуется 14 июня.

хорукого, даровал зрение слепому, избавлял от увечья хромых, изгонял бесов и наполнил множеством рыбы сети рыбаков при неудачном лове.

Преподобный Иосиф Песнописец[1] в тропаре 8-й песни канона, написанного им в честь святого, сообщает, что святой Иларион претерпел от мучителей за почитание честной иконы Спасителя гонения и оскорбления, за что и называет его мучеником. По одним известиям преподобный Иларион жил в царствование Льва Армянина, ругавшегося святым иконам, другие же считают временем его жизни царствование Льва Исаврянина и сына его Копронима[2], бывших задолго до Льва Армянина, что кажется, более справедливо. За святые же иконы он пострадал в то время, когда в Великий Четверток воевода Копронима Лахондракон неожиданно напал с воинами на Пеликитский монастырь: во время Божественной службы он дерзко вошел в церковь, а затем в алтарь, приказал прекратить пение и поверг на землю святые и животворящие Тайны Христовы; потом, схватив, он заковал в железные цепи сорок двух избранных иноков; из остальной же братии одним нанес раны, терзая их тело, других же опалил, сначала обмазав им бороды и лица смолою, третьим обрезал носы; и, наконец, зажег монастырь с церковью. А избранных отцов, святых в числе сорока двух, он послал в заточение на окраину ефесской области, и там, затворив их в одной старой бане, предал насильственной смерти. Полагают, что в это время пострадал и преподобный Иларион, как старший по сану игумена среди помянутых отцов[3].

---

[1] *Преподобный Иосиф Песнописец* жил в IX веке. Им составлено около трехсот канонов, но большая часть их не дошла до нас. Память его празднуется 4 апреля.

[2] *Лев III Исаврянин* царствовал с 717-го по 741 год, а сын его *Константин V Копроним* — с 741-го по 775 год.

[3] Кончина святого Илариона последовала около 754 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
СТЕФАНА ИСПОВЕДНИКА

Преподобный Стефан, исповедник Христов, жил при царе Льве Армянине[1]. С детства возлюбив постническое житие и украсив себя добродетельною жизнью, он был впоследствии игуменом Триглийского монастыря[2], приняв сан игумена вследствие усиленных просьб братии; учением своим он увещевал многих богоугодно и в чистоте проводить жизнь. Но вот нечестивый царь Лев Армянин воздвиг лютое гонение на христиан, уничтожая святые иконы. Тогда он призвал преподобного Стефана и начал принуждать его изменить православной вере, отказаться от поклонения святым иконам и собственноручно подписать свое отречение от Православия.

Преподобный же не только отказался сделать это, но укорял царя за его нечестие. За свою твердость в Православии преподобный Стефан принял многие муки и темничные узы; потом был сослан в заточение, и здесь, дойдя до крайнего истощения от страданий и болезней, преподобный Стефан отошел ко Христу Богу[3], ради Которого претерпел многие муки и принял смерть.

ПОВЕСТЬ
О ТАКСИОТЕ ВОИНЕ

В Карфагене[4] жил один муж, по имени Таксиот, воин, проводивший жизнь свою в великих грехах. Однажды город Карфаген постигла заразная болезнь, от которой умирало много людей; Так-

---

[1] *Лев V Армянин* — император Византийский, царствовал с 813 по 820 год.

[2] *Триглийский монастырь* находился в окрестностях Константинополя.

[3] Кончина святого Стефана последовала после 815 года (в том году он был сослан в заточение).

[4] *Карфаген* — знаменитая в древности колония финикиян, находившаяся на севере Африки. Своего высшего расцвета древний Карфаген достиг во II веке до Рождества Христова, но на развалинах древнего Карфагена, при первых римских императорах, возник новый Карфаген, который существовал довольно продолжительное время.

сиот пришел в страх, обратился к Богу и покаялся в грехах своих. Оставив город, он с женою своею удалился в одно селение, где и пребывал, проводя время в богомыслии.

Спустя некоторое время, по действу диавола, он впал в грех прелюбодеяния с женой земледельца, жившего с ним в соседстве; но по прошествии нескольких дней, по совершении греха того, он был ужален змеею и умер.

На расстоянии одного поприща[1] от того места стоял монастырь; жена Таксиота отправилась в этот монастырь и упросила монахов прийти взять тело умершего и похоронить в церкви: и похоронили его в третий час дня. Когда же наступил девятый час, из могилы послышался громкий крик: «Помилуйте, помилуйте меня!» Подойдя к могиле и слыша крик погребенного, монахи тотчас разрыли ее и нашли Таксиота живым; в ужасе они удивлялись и спрашивали его, желая узнать, что с ним случилось и как он ожил? Но тот от сильного плача и рыдания не мог ничего рассказать им и только просил отвести его к епископу Тарасию; и он был отведен к нему.

Епископ три дня упрашивал его рассказать ему, что он видел там, но только на четвертый день погребенный стал разговаривать.

С великими слезами он рассказал следующее:

— Когда я умирал, увидел некоторых эфиопов, стоящих предо мной; вид их был очень страшен, и душа моя смутилась. Потом увидел я двух юношей очень красивых; душа моя устремилась к ним, и тотчас, как бы возлетая от земли, мы стали подниматься к небу, встречая на пути мытарства[2], удерживающие душу всякого человека и каждое истязующее ее об особом грехе: одно — обо лжи, другое — о зависти, третье — о гордости; так каждый грех в воздухе имеет своих испытателей. И вот увидел я в ковчеге, держимом Ангелами, все мои добрые дела, которые Ангелы сравнили с моими злыми делами. Так мы миновали эти мытарства. Когда же мы, приближаясь к вратах небесным, пришли на мытарство блуда, стражи задержали меня там и начали показывать все мои блудные плотские дела, совершенные мной с детства моего до смерти, и Ангелы, ведущие меня, сказали мне: «Все телесные грехи, которые содеял ты, нахо-

[1] *Поприще* — мера расстояния: равнялась приблизительно шестистам девяноста саженям.

[2] О мытарствах см. выше в житии святого Василия Нового, под 26 марта.

дясь в городе, простил тебе Бог, так как ты покаялся в них». Но противные духи сказали мне: «Но когда ты ушел из города, ты на поле соблудил с женой земледельца твоего». Услышав это, Ангелы не нашли доброго дела, которое можно было бы противопоставить греху тому, и, оставив меня, ушли. Тогда злые духи, взяв меня, начали бить и свели затем вниз; земля расступилась, и я, будучи веден узкими входами чрез тесные и смрадные скважины, сошел до самой глубины темниц адовых, где во тьме вечной заключены души грешников, где нет жизни людям, а одна вечная мука, неутешный плач и несказанный скрежет зубов. Там всегда раздается отчаянный крик: «Горе, горе нам! Увы, увы!» И невозможно передать всех тамошних страданий, нельзя пересказать всех мук и болезней, которые я видел. Стонут из глубины души, и никто о них не милосердствует; плачут, и нет утешающего; молят, и нет внимающего им и избавляющего их. И я был заключен в тех мрачных, полных ужасной скорби местах, и плакал я и горько рыдал от третьего часа до девятого. Потом увидел я малый свет и пришедших туда двух Ангелов; я прилежно стал умолять их о том, чтобы они извели меня из того бедственного места для раскаяния пред Богом.

Ангелы сказали мне:

— Напрасно ты молишься: никто не исходит отсюда, пока не настанет время всеобщего воскресения.

Но так как я продолжал усиленно просить и умолять их и обещался раскаяться в грехах, то один Ангел сказал другому:

— Поручаешься ли за него в том, что он покается, И притом от всего сердца, как обещается?

Другой сказал:

— Поручаюсь!

Потом он подал ему руку. Тогда вывели меня оттуда на землю и привели к гробу, где лежало тело мое, и сказали мне:

— Войди в то, с чем ты разлучился.

И вот я увидел, что душа моя светится как бисер, а мертвое тело — как грязь черно и издает зловоние, и потому я не хотел войти в него. Ангелы сказали мне:

— Невозможно тебе покаяться без тела, которым совершал грехи.

Но я умолял их о том, чтобы мне не входить в тело.

— Войди, — сказали Ангелы, — а иначе мы опять отведем туда, откуда взяли.

Тогда я вошел, ожил и начал кричать: «Помилуйте меня!»

Святитель Тарасий сказал ему тогда:

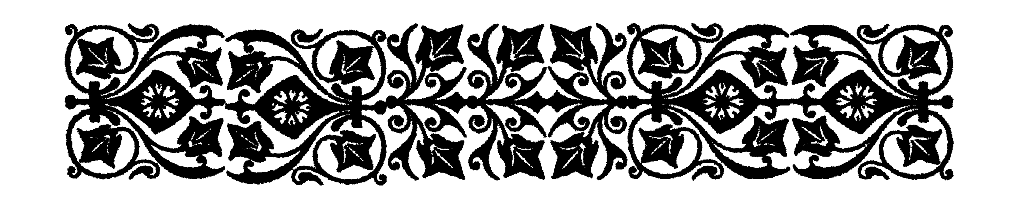
— Вкуси пищи.

Он же не хотел вкушать, но ходя от церкви до церкви, падал ниц и со слезами и глубоким воздыханием исповедовал грехи свои и говорил всем:

— Горе грешникам: их ожидает вечная мука; горе не приносящим покаяния, пока имеют время; горе осквернителям тела своего!

По воскрешении своем Таксиот прожил сорок дней и очистил себя покаянием; за три дня он провидел свою кончину и отошел к Милосердому и Человеколюбивому Богу, низводящему во ад и всем спасение подающему, Которому слава вовеки. Аминь.

День двадцать девятый

СТРАДАНИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАРКА,
епископа Арефусийского

О страдании преподобного Марка, епископа Арефусийского[1], святой Григорий Нисский[2] в своем первом слове на богомерзского отступника Юлиана[3] пишет так:

«Кто не знает, что случилось с чудным Марком арефусийским? И повествованием, посвященным его памяти, кто его не вспомнит? Он в царствование Константина Великого[4], пользуясь дарованными тогда христианам правами, разрушил одно языческое капище и многих людей из языческого заблуждения наставил на правый путь спасения как назидательною беседою, так и примером непорочной жизни. Арефусиане-язычники издавна ненавидели его; когда же пала христианская власть и начало возрастать и разгораться языческое нечестие, он не избежал в то трудное время рук мучителей. Так народная толпа, если и сдерживает до времени свои гнев и пожелания подобно тому, как огонь таится в печи, или река удерживается плотиной, но в известное время она все-таки обнаружит свою неукротимую ярость, — это ей свойственно так же, как огню разгораться и реке стремительно прорывать плотину.

---

[1] *Арефусия*, или *Аретуза*, — город в Сирии.

[2] Святой *Григорий*, епископ Нисский, брат святого Василия Великого, знаменитый отец и учитель Церкви IV века. Из его сочинений особенно замечательны следующие: «Двенадцать слов против Евномия», «Шестоднев», «Беседы на Екклезиаст», «Беседы на Песнь Песней» и др.

[3] Император *Юлиан Отступник* управлял Римскою империею с 316 по 363 год.

[4] Святой *Константин Великий* царствовал с 324 по 337 год.

Святой Марк, видя, что народ восстал против него и замышляет что-то недоброе, решился тотчас бежать не столько из-за страха, сколько из послушания заповеди Господней, которою повелевается перебегать из города в город, уступая место гонителям. А христианам, хотя бы мужественным и твердым в терпении, должно не только заботиться о своем спасении, но жалеть также и гонителей, чтобы они не увеличивали себе погибель враждебной злобой, которою они исполнены. Но когда добродетельный Марк увидел, что из-за него злые мучители многих забирают, предают мучениям и разным пыткам, а другие, видя это, болеют душою, он не стерпел, чтобы из-за его бегства и самосохранения страдали другие; приняв доброе и мудрое намерение, он возвратился из бегства, добровольно предался народу и ополчился на брань против ярости мучителей. Какого только не было там зверства! Каких только мук не изобреталось! Когда каждый из мучителей старался к множеству различных мучений прибавить свой, особо придуманный род мучения, то ничем они так не раздражались, как мужественным терпением святого; они особенно были озлоблены, считая его возвращение не столько проявлением мужества в муках, сколько презрением и бесчестием по отношению к ним.

Святителя-старца, принявшего добровольный подвиг мученичества, вели чрез город, где он пользовался особенным уважением от всех, кроме гонителей и мучителей, за свои почтенные годы, а главное — за свою добродетельную жизнь. Его сопровождали многие, без различия возраста и чина; все одинаково подвергали оскорблениям: тут были мужчины и женщины, молодые и старые, были также городские власти и люди именитые; у всех было одно стремление: как бы превзойти друг друга яростью и зверством; все без исключения почитали за что-то великое предать как можно большим мучениям и победить непоколебимого старца-подвижника, противостоящего всему городу.

Святого посадили в болото; при этом он, кроме мучений, терпел бесчестные поругания: его по очереди дети терзали за волоса и прочие части тела; потом он был повешен на позорном месте, причем колебавшееся тело доблестного страдальца резали ножами и прокалывали острою тростью, и при этом, достойном слез, зрелище громко смеялись и играли. Какими-то особыми орудиями его голени сжимали до костей; очень тонкими и чрезвычайно крепкими льняными нитками обрезывали ему уши. Потом, намазав его медом и жиром, посадили его в корзину и подняли в полдень во время страшной солнечной жары на высоту, где его жалили пчелы и осы. И чем более от солнечного жара таял жир и мед на блаженном (не могу назвать его страстным) теле святого, тем более страдал он от укусов ос и пчел.

Святой Марк, будучи стар годами, показал себя в своем страдальческом подвиге полным сил; он не изменял светлости лица своего, а испытывал от тех мучений даже некоторое наслаждение и порицал мучителей.

О нем повествуется еще следующее, достойное памяти: видя себя поднятым на высоту, а мучителей стоящих внизу под ним, святой Марк в это время чувствовал себя так далеко от мучителей, что не замечал боли, как будто другой кто, а не он, терпел страдания, которые при этом считал для себя славою, а не бесчестием.

Такое зрелище не привело ли бы в умиление того, в ком была бы хоть капля милосердия и человеколюбия?! Но это было невозможно вследствие угрозы мучениями и гнева царя, вменявшего городам и игемонам мучения по отношению к христианам в обязанность; впрочем, многие, не зная скрытой в царе злобы и его коварства, думали о нем иначе.

Все мучения святой Марк претерпел за то, что разрушил языческое капище, за которое он не отдал мучителям ни одной златницы; ясно, что он страдал ради своего благочестия. Когда арефусияне требовали, чтобы он или сполна заплатил за разоренное капище назначенную ими довольно значительную цену, или опять построил бы его вновь, святой Марк противился более из благочестия, нежели потому, что не имел возможности удовлетворить язычников. Преодолевая их своим терпением и мало-помалу убавляя назначенную ими цену, он довел их до того, что они требовали с него не-

много денег, которые легко можно было бы уплатить. Итак, с обеих сторон шло прение: мучители старались принудить святого, а он оставался непреклонен, то есть они хотели, чтобы святой все-таки заплатил сколько-нибудь деньгами, а он не хотел им дать ни одного пенязя[1] (хотя было много таких людей, из которых одни, по милосердию своему, а другие, тронутые его твердым и непобедимым терпением, готовы были внести за него большие деньги); отсюда ясно, что он принял мученический подвиг не из сребролюбия, но за благоверие. Святой Марк был из числа скрывших царя Юлиана — еще юного отрока, — когда истреблялся безнравственный и нечестивый род этого императора. И думают, что справедливо за этот свой поступок святой Марк претерпел такие жестокие страдания; он был достоин даже больших мучений, потому что, правда по неведению, избавил от смерти столь великое зло для всей вселенной.

Повествуется также, что епарх[2] Арефусийский, хотя был нечестивый и язычник, однако не мог вынести зрелища различных страданий святого Марка и смело сказал царю:

— Царь! Не стыдно ли нам пред всеми христианами, что не могли мы победить даже одного старца? Хотя и победа-то над ним не была бы славна и честна, а уж самим нам отойти от него побежденными — это прямо великий срам!

Так мужество христиан постыжало тщеславных епархов и царей.

А мучение арефусиян было таково, что мала бы была лютость Эхета[3] и Фаларида[4], если бы сравнить ее с их лютостью; они своею злобою превосходили даже самого изобретателя злобы и их наустителя диавола».

Вот повествование святого Григория Нисского о святом Марке.

Феодорит[5] же повествует, что арефусияне, видя несокрушимую крепость дивного старца, святого Марка, сделались кроткими, удив-

---

[1] *Пенязь* — мелкая медная монета.

[2] *Епарх* — начальник области.

[3] *Эхет* — древний эпирский царь, отличавшийся особенною злобою, ослепивший свою единственную дочь Метопу.

[4] *Фаларид* — тиран Агригента (дорийской колонии, находившейся на юге острова Сицилии), живший в VI веке до Рождества Христова. Он отличался необыкновенною жестокостью и крайне сурово обращался со своими подчиненными.

[5] *Блаженный Феодорит* — учитель Церкви, живший в V веке.

ляясь его великому терпению; они выпустили его на свободу. Потом, послушав его поучения, обратились к святой вере и все сделались христианами.

О святом же Кирилле диаконе тот же Феодорит повествует так:

— Кто может без слез воспомянуть злобу, содеянную в Финикии язычниками? Ибо в городе Илиополе, сопредельном Ливану, те богомерзские идолопоклонники, вспомнив о диаконе Кирилле, который в царствование Константина, разжегшись ревностью, уничтожил многие, почитаемые в городе идолы, его не только убили, но, рассекши чрево, начали в ярости зубами кусать его внутренности. Но это не утаилось от всеведущего Бога, и они приняли за свою злобу достойное наказание. Те, которые дерзнули делать то, что выше сказано, прежде всего лишились своих зубов: все до одного они выпали; потом они потеряли языки свои: они загноились, сгнили и выпали изо рта. Наконец они ослепли; такими наказаниями воочию подтверждалась сила истинного благочестия.

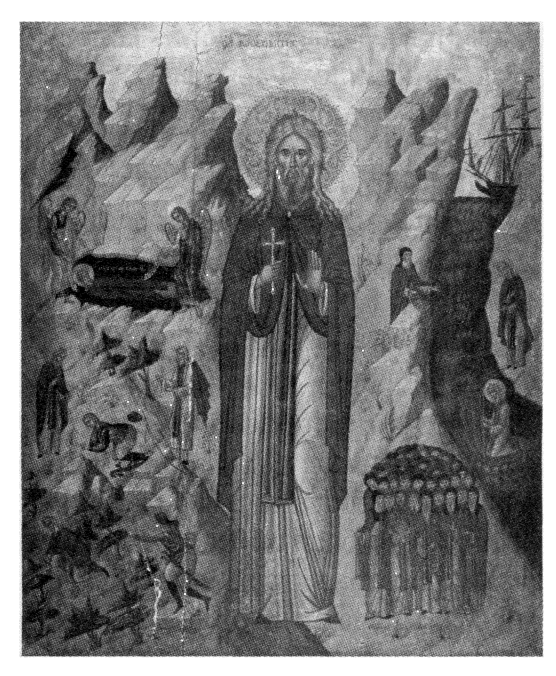
В Аскалоне и Газе, городах палестинских, сначала у мужей, облеченных в священный сан, потом у жен и дев, посвященных Богу, мучители, рассекли чрево, насыпали в них ячменя и бросили на съедение свиньям; так бесчеловечно издевались мучители. За то святым мученикам уготовались победные венцы в Царствии Христовом, а мучителям — вечная во аде мука, которая ожидает их, как праведное возмездие от истинного Бога нашего Иисуса Христа, Ему же слава вовеки. Аминь[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ПУСТЫННИКА

Жила некогда одна богатая, весьма красивая и богобоязненная жена, по имени Иулиания[2]. В молодых годах она потеряла мужа и осталась вдовою с двумя малолетними детьми, Иоанном и Фимистиею. После того, как было объявлено повеление предавать

[1] Кончина святых Марка и Кирилла последовала в половине IV века.

[2] *Иулиания* проживала в Африке и, вероятно, в Египте.

смерти христиан[1], она, взяв с собою Иоанна, пришедшего уже в отроческий возраст, укрывалась с ним в одном нежилом помещении и воспитывала его в наставлении Господнем (см.: Еф 6, 4), постоянно обучая его чтению книг и молитве. Отрок, оставляя мать, приходил иногда в ближнюю иноческую обитель и, наедине тайно помолившись там, снова возвращался назад, так как в то время все христиане из опасения язычников скрывались. Когда он по обычаю пришел однажды в обитель, то его встретил тут один благочестивый человек и дал ему совет ходить для молитвенных подвигов лучше в пустынные места, нежели, совершая их в обители, быть всегда в опасности отдать себя во власть мучителей. Приняв этот совет, отрок сказал своей матери:

— Госпожа мать моя, один благочестивый человек пригласил меня прийти к нему, и я думаю, что это произошло больше всего по молитвам твоим.

Иулиания отпустила своего сына, думая, что он скоро же вернется назад. Но Иоанн, простившись с матерью и сестрою, пошел в пустыню к одному египетскому пустыннику, некоему Фармуфию, и, приняв от него молитвенное напутствие, отправился в глубину пустыни. Здесь он нашел пустой колодец, наполненный змеями, скорпионами и гадами, и, помолившись, бросился в него. Колодец имел в глубину двадцать локтей[2], но Ангел Господень поддержал Иоанна, и он остался невредим. Став на дне колодца, он с крестообразно простертыми руками без сна, пищи и питья провел сорок дней в мо-

[1] Принимая во внимание, что преподобный Иоанн жил в IV веке, надо думать, что это повеление дано было Диоклетианом, который в 303 году открыл повсеместное в империи гонение на христиан.

[2] *Локоть* равнялся десяти с половиной вершкам.

литве, и все гады вышли из колодца. После этого Ангел, всегда приносивший пищу Фармуфию, принес хлеб и для Иоанна и при этом сказал преподобному:

— Вот, этот хлеб послал тебе Господь, чтобы ты снес его к колодцу авве[1] Иоанну.

Сам же Ангел не хотел носить ему хлеба, чтобы он, будучи в юном возрасте, от этого не возгордился. Фармуфий отправился к Иоанну и отдал ему хлеб. Преподобный, приняв хлеб и возблагодарив Бога, стал есть его. С этих пор в течение долгого времени он ежедневно получал пищу от Фармуфия и прославлял за это Господа. Между тем диавол, не перенося богоугодных подвигов преподобного Иоанна, принял однажды вид одного из бывших слуг его и, придя к Фармуфию, обольстил его, и тот привел его к колодцу, где подвизался преподобный. Но когда бес сказал Иоанну нечто неподобающее, то Иоанн вывел из заблуждения Фармуфия, и посрамив беса, отогнал его от себя. После этого диавол, собрав множество бесов, велел им принять вид матери и сестры Иоанна, родственников и соседей его, его слуг, служанок и знакомых, и все они пришли к колодцу, со слезами умоляя его показаться им, так как они будто бы желают его видеть, но преподобный, совершая в это время на дне колодца свою обычную молитву, сказал им: «Отойдите от меня», и все бесы стали невидимы.

Прожив в колодце десять лет, совершив всякие иноческие подвиги и доблестно угодив Господу, преподобный Иоанн отошел в вечные обители. Для его погребения по наставлению Ангела пришел некий инок, в течение тридцати лет подвизавшийся в пустыне, по имени Хрисихий. Три дня он просил преподобного выйти из колодца, причем силою Божией заклинал его ничего не утаить из жития своего, но рассказать все по порядку, ибо так угодно Богу. И совершилось дивное чудо, приводящее в изумление всякий слух и взор: земля на дне колодца сама собою поднялась на двадцать локтей, и преподобные сошлись вместе. В силу заклинания инока Хрисихия Иоанн ничего не скрыл, но все поведал о себе Хрисихию, и последний благодарил его за это братским целованием. После этого преподобный Иоанн сам приготовил себя к погребению и снова отошел ко Господу. Тогда Хрисихий покрыл тело его своею мантиею,

[1] *Авва* — значит отец.

так что она легла концами своими на края колодца, и, отпев обычные псалмы, посадил на месте погребения финик. Немедленно же финик дал корни, вырос до высоты большого дуба, расцвел и покрылся множеством плодов. Видя это, инок Хрисихий вознес благодарение Богу, сказав про себя:

— Слава Тебе, Владыка, ибо Ты Сам открываешь любящих Тебя и делаешь их наследниками Царствия Твоего.

И в то время, когда он молился и размышлял об этом, Ангел немедленно же восхитил его и отнес на место, где он пребывал. После этого, призвав одного благочестивого мужа, Хрисихий попросил его записать все, что видел и слышал[1].

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ЕВСТАФИЯ ИСПОВЕДНИКА,
епископа Вифинийского[2]

Святой отец наш и исповедник Евстафий, отрекшись от благ мира сего, как от тяжкого бремени, и с усердием исполняя заповеди Божии, предался иноческой жизни. Впоследствии времени, нося на плечах своих это иго Христово и заботясь о спасении души своей, он стал священником. В этом сане он испытал много духовных радостей, за что непрестанно благодарил Господа. Имея великую веру в Бога и нелицемерную ко всем любовь, он был смиренным, кротким и милостивым наставником и ревностным совершителем добрых дел. Избранный затем по суду Божию епископом Вифинийским, он много лет управлял церковью, согласно с учением и преданием Божественных апостолов. Когда во всех церквах Божиих возникли волнения по поводу иконоборческой ереси, то он, наставив себя в Божественном Писании, мечом слова своего пора-

[1] Преподобный Иоанн жил и подвизался в IV веке.

[2] *Вифиния* — римская провинция в северо-западной части Малой Азии. Преподобный Евстафий занимал епископскую кафедру в городе Кие (ныне Цомплек), расположенном в глубине одного из заливов Мраморного моря.

жал всех, угрожавших церквам Божиим. Поэтому некоторые из поборников ереси донесли на него царствовавшему тогда нечестивому императору, и как описать все то, что претерпел преподобный за почитание и поклонение святым и всечестным иконам? Его подвергали угрозам, оплеванию, побоям, темничным заключениям, тревогам, смятениям и избиению палками. Исколов, наконец, заостренными палками, его лишили кафедры и сослали в изгнание. Прожив в изгнании много лет, преподобный Евстафий среди оскорблений, озлоблений, лишений, в голоде, жажде и наготе, благодаря Бога, отошел в вечные обители.

День тридцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА[1]

Преподобный Иоанн Лествичник подвизался на горе Синае, столь известной по ветхозаветным сказаниям (см.: Исх. 19, 20, 24 и 34; Лев. 7; Чис. 10, 33; Пс. 67, 8).

Священная гора Синай служила убежищем для христианских подвижников с половины III века, укрывавшихся здесь от гонений; других сюда уводили в плен сарацины. В IV веке, когда гонения на христиан кончились, иночество здесь утвердилось окончательно. Отшельников привлекали сюда и священные воспоминания о великих ветхозаветных событиях, явленных здесь, и пустынность Синая. Путешественники говорят, что они не встречали места более пустынного, чем Синайский полуостров. Даже дикие звери не остаются здесь долго жить, а, зайдя сюда случайно из пустыни Аравийской, спешат удалиться в места, оживленные присутствием животных. В окрестностях горы Синая находились особенно пустынные места, которые были весьма удобны для уединенного подвижничества, и в одном из них (Фола) много лет подвизался Иоанн Лествичник. До вступления на престол Юстиниана I, подвижники синай-

---

[1] Жизнь преподобного Иоанна Лествичника описана, немного спустя после его смерти, современником и другом его — иноком Раифской обители Даниилом. Обитель Раифская находилась на берегу Суэцкого залива на расстоянии двух дней пути от Синая. Повествование Даниила дополняет другой инок, неизвестный по имени, бывший учеником самого Иоанна Лествичника, оставивший несколько отрывочных сведений из жития своего духовного наставника.

ские не имели монастыря, — у них были только одна крепкая башня и близ нее небольшой храм, построенные равноапостольной Еленою. В 557 году, при императоре Юстиниане, по просьбе иноков, здесь был воздвигнут монастырь.

Святой Иоанн пришел на Синай в шестнадцать лет, привлеченный сюда славой иноческого жития синайских пустынников. О месте происхождения Иоанна не знали даже его современники-жизнеописатели[1]. Инок Даниил прямо говорит: «Какой город и страна возрастили и воспитали этого доблественного подвижника до его подвижничества, точно и достоверно сказать не могу». И дальше продолжает: «А какой город ныне имеет обитателем и питает нетленной пищей этого всечудного мужа, — то мне не вовсе неизвестно. Ибо и он пребывает ныне в том городе, о котором говорит доброгласный певец — святой апостол Павел: *Наше жительство — на небесах*» (Флп. 3, 20). Там он пребывает, насыщаясь невещественным чувством неисчерпаемых благ, приняв достойное воздаяние за подвиги и награду за свои труды, унаследовав небесное Царство с теми, которых нога стоит уже

[1] Существует мнение, что Иоанн Лествичник был сыном Ксенофонта и Марии, память которых празднуется святой Церковью 26 января. В Четьих-Минеях (26 января) повествуется, что у богатых и знатных константинопольских вельмож Ксенофонта и Марии было два сына: Иоанн и Аркадий. Родители пожелали дать им образование. Тогда славилось училище в сирийском городе Вирите (нынешнем Бейруте), туда они и отправили своих детей. Однажды родители вызвали своих сыновей к себе по случаю опасной болезни отца. Когда они отправлялись обратно в училище, — а путь их был Средиземным морем, — внезапно поднялась на море сильная буря и разбила корабль, на котором они были. Но оба брата не погибли, — они спаслись от потопления на корабельных досках и волнами морскими были подброшены к берегу Палестины. Случилось, однако, так, что тот и другой из них пристали к разным местам берега, так что они не знали о судьбе друг друга. После чудесного спасения оба брата, увидав в постигшем их бедствии призвание свыше к иноческой жизни, поступили в разные палестинские монастыри, причем Аркадий переменил имя на Георгия. По прошествии довольно значительного времени оба брата встретились друг с другом и притом в присутствии отца и матери, после чего приняли монашество и последние. Одного из сыновей Ксенофонта и Марии — Иоанна и признают за одно лицо с Иоанном Лествичником. В пользу этого мнения говорит, во-первых, то обстоятельство, что, по свидетельству одного из жизнеописателей, у Иоанна Лествичника действительно был брат, называемый Георгий; во-вторых, говорит и высокое образование преподобного, предполагающее в нем знатное происхождение, а главным образом — из его «Лествицы», изобличающей в Иоанне глубокое знание Священного Писания, святоотеческих творений и даже еретических писаний.

на правоте (слав. Пс. 25, 12). А как Иоанн, ради этого невещественного блаженства, трудился в вещественном теле, об этом, — продолжает Даниил, — я расскажу со всею ясностью».

«Блаженный Иоанн, когда ему минуло шестнадцать лет возраста телесного, — совершенством же ума он и тогда уже уподоблялся тысячелетнему, — предал себя Великому Архиерею — Богу, как непорочную и добровольную жертву. Тело свое вознес он на Синайскую гору, а душу — на гору небесную; видимо восшед на гору, он приблизился к небесной высоте, умом созерцая Бога невидимого. Устранившись мира, он с самого начала возлюбил украшенную смирением кротость, как начальницу «мысленных отроковиц»[1], как учительницу добродетелей. Он отсек вольность и гордыню и, восприяв на себя благолепное смиренномудрие, при самом вступлении в иноческую жизнь внимательным рассмотрением отгнал от себя этого обманщика — самоугодие и самоуверенность. Подклонив свою выю, он вверился искусному духовному наставнику[2], желая под его руководством безбедно прейти опасную пучину страстей. Отрешившись от мирского жития, Иоанн стал вести себя между иноками, как малолетний, не умеющий говорить отрок, как будто душа его не имела ни своего разума, ни своей воли, но совершенно лишена была естественных ей свойств. А что всего удивительнее — при обширной своей учености Иоанн оставался смиренным иноком, возлюбив небесную простоту, и не превозносился своим любомудрием, смиряя себя для Бога.

Наставником и руководителем преподобного Иоанна — как говорит о том Синхрон[3] — был авва Мартирий. Когда на двадцатом

---

[1] То есть добрых наклонностей — по изъяснению Илии Критского.

[2] То есть авве Мартирию, как видно из последующего за этим сказания неизвестного синайского монаха.

[3] *Синхрон* — инок Синайской обители, современник Иоанна Лествичника, он оставил после себя «Сказания о святых мужах синайских».

году его жизни Мартирий постриг Иоанна в иноческий образ, то авва Стратигий[1] в этот день предсказал о нем, что он будет великим светилом вселенной — что потом и сбылось.

Однажды авва Мартирий, с учеником своим Иоанном, пришел к великому Анастасию Синаиту[2]; увидев их, Анастасий сказал авве Мартирию:

— Скажи мне, Мартирий, откуда у тебя ученик этот, и кто постриг его в иночество?

— Раб он твой, отче, и я постриг его, — отвечал Мартирий.

И сказал Анастасий с удивлением:

— О авва Мартирий! Ты постриг игумена Синайской горы.

В другое время, также взяв с собою этого Иоанна, наставник его авва Мартирий пошел к великому старцу Иоанну Савваиту[3], который жил тогда в пустыне Гуддийской. Как скоро увидел их старец, встал, налил воды, умыл ноги Иоанну и облобызал руку его; авве же Мартирию не умыл ног. Когда после этого ученик старца Савваита Стефан спросил старца:

— Почему ты так сделал, отче? Не учителю, но ученику умыл ноги и руку того целовал?

На это старец ответил:

— Поверь мне, чадо, что я не знал, кто этот юный инок; принимал же я игумена Синайского, и игумену умыл ноги.

Таковы были пророчества святых синайских отцов о преподобном Иоанне, когда он еще был юным иноком, и они потом сбылись в свое время.

В продолжение девятнадцати лет преподобный Иоанн совершал подвиг своего спасения в послушании своему духовному отцу, после чего принужден был оставить этот спасительный путь, так как духовный отец его отошел в загробную жизнь. Предпослав его как бы ходатаем и заступником за себя к небесному Царю, — как пишет о

---

[1] Присутствовавший при обряде пострижения.

[2] *Святой Анастасий* — игумен Синайской горы (после Иоанна Лествичника), оставил после себя много сочинений, между прочим и «Жития некоторых синайских отцов»; память святого Анастасия празднуется 20 апреля.

[3] Этот преподобный Иоанн, пробыв десять лет епископом, тайно от всех поступил в обитель святого Саввы Освященного послушником (оттуда и его название «Савваит»). Он жил в царствование Анастасия в VI веке. Память его празднуется 30 марта, также 3 и 7 декабря.

том инок Даниил, — Иоанн ушел на поприще безмолвия, вооружившись молитвами своего наставника, как оружием сильным на разрушение твердынь (см.: 2 Кор. 10, 4). Для своего уединенного подвижничества Иоанн избрал одно весьма пустынное место, называемое Фола, которое находилось в восьми верстах от храма. Оставлял он свое уединение только по праздникам, в которые отправлялся в храм на богослужение. В пустыне своей преподобный провел сорок лет[1] в трудах, горя Божественною любовью, непрестанно распаляемый ее огнем. Но кто в состоянии передать словами или описать подробно подвиги преподобного Иоанна, которые он там проходил тайно? Впрочем, как от малых вещей познаются великие, так и по некоторым начаткам его дел узнаем богатое добродетелями житие этого преподобного.

Вкушал он все, что не возбранено иноческим обетом, но вкушал в крайне малой мере. И вкушением всего премудро сокрушал он кичливость, ибо он все ел, чтобы ум не превозносился постничеством, а малостью вкушаемого смирял госпожу и мать сластолюбивых страстей, то есть объедение, самою скудостью трапезы взывая ей: *Умолкни, перестань* (Мк. 4, 39). Пустынножитием же и удалением от сопребывания с людьми преподобный угашал пламень пищи плотской, так что наконец он покрылся пеплом и совершенно угас. Сребролюбия, которое святой апостол Павел называет идолопоклонством (см.: Еф. 5, 5), этот доблестный подвижник мужественно избегал, раздавая милостыню и отказывая себе в самом необходимом. Праздность и леность, которая расслабляет и умерщвляет душу, он возбуждал к бодрости и труду, как бы жалом, памятью смертною. Сети и узы всякого пристрастия и всяких чувственных похотей он разрешал, связав себя невещественными узами печали и слез; а раздражительность еще прежде умерщвлена была в нем послушанием. Редко посещая кого-либо, а еще реже говоря что-либо, он этим самым умертвил, подобную паутине, пиявицу — тщеславие. Что же скажу, — продолжает инок Даниил, — о его победе над гордостью? Что скажу о великой чистоте сердца, начало которой положил этот новый Веселиил[2] послушанием и которую довершил Господь, Царь

[1] От начала иночества своего.

[2] *Веселиил* — сын Урии, сына Ора, из рода и потомства Иуды, — художник во дни Моисея, исполненный Духа Божия, мудрости, разумения, ведения и всякого

небесного Иерусалима, посетив его присутствием Своим, ибо без Его присутствия не могут быть низложены диавол и его полчище. Но где помещу в венке этом, — продолжает Даниил, — который сплетаем преподобному Иоанну из похвальных слов, источник слез его, какой видим не у многих. И доныне известно сокровенное место, где источались слезы эти: это весьма тесная пещера в некотором уединении и подгории, находившаяся в таком расстоянии от келии Иоанна и от других келий, какого было достаточно, чтобы не быть услышану людьми и заградить путь тщеславию. Эта келия, в которую часто приходил Иоанн, сделалась близкою к небу от воплей, рыданий и призываний Бога, подобные которым можно услышать разве у тех, кого режут ножами или жгут раскаленным железом или лишают очей[1]. Спал он в такой мере, чтобы только чрезмерным бодрствованием не погубить ума. Перед сном долго молился и писал книги, — как, например, составил книгу, нареченную «Лествицей», от которой и сам впоследствии прозван был Лествичником. Писание книг служило для Иоанна средством к прогнанию уныния. Да и вся жизнь его была непрестанная молитва и беспримерная любовь к Богу; ибо днем и ночью созерцая Его как в зеркале, в чистоте и непорочности, не хотел или, точнее сказать, не мог он насытиться этим созерцанием.

Некоторый инок, по имени Моисей, ревнуя добродетельному житию преподобного Иоанна, умолял принять его к себе учеником, чтобы научиться у него истинному любомудрию. В подкрепление своей просьбы, Моисей просил ходатайствовать о нем и некоторых честных старцев; и они умолили преподобного Иоанна принять Моисея к себе в ученики. Однажды преподобный Иоанн велел Моисею с одного места наносить земли для удобрения гряд под овощи. Мои-

---

искусства (Исх. 31, 1–5; 30, 30–35). Ему вместе с Аголиавом, из колена Данова, поручено было, по повелению Бога, устроение Скинии со всеми ее принадлежностями (Исх. 31, 2; 35, 30). Таким образом, как ветхозаветный Веселиил искусно устроил Скинию, так «сей новый Веселиил», то есть преподобный Иоанн Лествичник, — искусно устроил свою душевную Скинию.

[1] Эти святые слезы производили в душе Иоанна чудные последствия, как это видно из его собственных слов; в одном месте своей «Лествицы» он говорит: «Как огонь сожигает и уничтожает хворост, так чистая слеза омывает все нечистоты наружные и внутренние».

сей, придя на указанное место, усердно исполнял приказанное. В полдень же, когда настала сильная жара, Моисей, утомившись, лег отдохнуть под один огромный камень и заснул. Но Господь, Которому не угодно, чтобы рабы Его подвергались в чем-либо скорби, по Своему благоутробию сохранил Моисея от внезапной смерти, святого же Иоанна избавил от печали. В то время преподобный Иоанн находился в своей келии, — и вот на него нападает легкая дремота: во сне он видит некоего благолепного мужа, который с упреком сказал Иоанну:

— Вот, ты, Иоанн, спокойно спишь здесь, а между тем Моисей находится в опасности.

Преподобный тотчас встал и начал усердно молиться за своего ученика. Когда затем настал вечер и ученик возвратился с своей работы, то Иоанн спросил его:

— Не случилось ли с тобой чего-либо неблагоприятного или неожиданного?

Тот ответил:

— Когда я в полдень спал под одним большим камнем, то он внезапно упал и задавил бы и меня, если бы я не отбежал поспешно от того места, так как в это самое мгновение мне представилось, что ты, отче, зовешь меня.

Смиренномудрый Иоанн прославил благого Бога за это чудесное спасение ученика от смерти, но о видении своем ничего не сказал Моисею.

Преподобный Иоанн был образцом добродетели для всех и врачом невидимых болезней. Однажды некоторый брат, по имени Исаакий, был сильно угнетаем блудным бесом. Находясь в глубокой печали, брат тот поспешил прибегнуть к великому Иоанну и с горьким плачем и рыданием поведал ему о своей борьбе.

Иоанн на это сказал Исаакию:

— Станем, друг, оба на молитву!

И еще не кончили они своей молитвы и страждущий брат лежал еще, уткнувшись лицом в землю, как уже Бог совершил по желанию угодника Своего, ибо блудный бес отбежал от Исаакия, прогоняемый как бы бичом, молитвами святого Иоанна. Так исполнились слова псалма Давидова: *желание боящихся Его Он исполняет, и мо-*

литву их услышит (Пс. 144, 19). А болевший, видя себя здоровым и совершенно освободившимся от страсти, весьма удивился, причем благодарил и Бога, прославившего раба Своего Иоанна, прославляющего своими чудесами Господа.

Некоторые из недоброжелателей Иоанна, движимые завистью, называли Иоанна пустословом и лжецом. Он же, образумив их, самым делом всем доказал, что все может (не только словом, но и молчанием пользовать) *в укрепляющем* всех *Иисусе Христе* (Флп. 4, 13). И он соблюдал молчание в продолжение целого года, не сказав ни одного слова, так что порицатели его обратились в просителей: ибо они познали, что не следует заграждать присно текущий источник пользы, и, придя к нему, умоляли его опять отверзть свои богоглаголивые уста. Иоанн, не любя прекословить, повиновался им и снова начал держаться прежнего своего правила.

Потом все, дивясь его преуспеянию во всем, как некоего нововявленного Моисея, силой возвели Иоанна в должность начальника обители, поставив, таким образом, этот светильник на начальственном свещнике. Приняв игуменство Синайской горы, хотя и против своего желания, Иоанн духом приблизился к горе Божией, воспринял непостижимости Божии и приблизился к Богу чрез восхождение ума и получил Богоначертанный закон; отверз уста свои для принятия слова Божия; привлек к себе дух (см.: Пс. 118, 131) и из благого сокровища сердца своего (см.: Мф. 12, 35) излил благие слова спасения.

Итак, после сорокалетних иноческих подвигов Иоанн, будучи семидесяти пяти лет от рождения своего, избран был игуменом горы Синайской. «И не обманулись добрые ценители, поставив этот светильник на начальственном свещнике», — замечает инок Даниил. Господу угодно было это избрание, чтó и открылось особым чудесным событием. Один из жизнеописателей, неизвестный по имени, рассказывает, что немного спустя после поставления Иоанна в игумены, пришло к ним в обитель около шестиста странников. Когда все странники с синайской братией сели за стол, явился неизвестный распорядитель, одетый в белую тунику, подобную еврейской, и повелительно раздавал приказания служащим при столе. Когда же гости разошлись и сели за трапезу служители, чудного распорядителя уже не было видно. Недоумевающим инокам преподобный Иоанн сказал:

— Перестаньте искать: то святой пророк и законодавец Моисей[1] послужил в этом, ему принадлежащем, месте.

В одно лето в странах палестинских было бездождие и великая засуха. Окрестные жители пришли к преподобному Иоанну, прося его помолиться Богу о ниспослании дождя. И как только помолился преподобный Иоанн, тотчас пошел обильный дождь и, напоив иссохшую землю, сделал ее плодоносной.

И вот преподобный Иоанн приблизился к концу временного сего жития, благочестно наставив всю братию Синайской обители — этих своих духовных израильтян. В одном только не сделался Иоанн подобным Моисею, ибо преподобный Иоанн вошел душою в горний Иерусалим, тогда как Моисей не достиг телом дольнего Иерусалима[2].

Когда же этот новый Моисей, преподобнейший игумен Иоанн, отходил ко Господу, тогда брат его, авва Георгий[3], стоял перед ним, проливая слезы и говоря:

— Вот, оставляешь ты меня и отходишь. А я молился, чтобы ты меня предпослал; потому что без тебя, господин мой, не станет и сил моих пасти твою святую дружину: и вот, напротив того, я предпосылаю тебя.

И сказал на это святой авва Иоанн:

— Не печалься и не тужи: если обрету дерзновение у Господа, то не допущу и года скончать тебе после меня.

Это и сбылось. Ибо в десятый месяц по преставлении блаженного Иоанна, и авва Георгий, брат его, отошел ко Господу, предстоять Ему вместе с братом своим преподобным Иоанном во славе святых, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа вовеки. Аминь[4].

Святой обителью Синая преподобный Иоанн управлял недолго, не более четырех лет. Но кратковременное управление его Синаем ознаменовалось весьма важным обстоятельством: к этому именно

[1] Память святого пророка Моисея празднуется 4 сентября.

[2] То есть Моисею не дано было Господом войти в «землю Обетованную», пред смертью своей он только посмотрел на нее с горы Нево (Втор. 34, 4–5).

[3] Которого он поставил игуменом Синайской обители еще при жизни своей, сам возлюбив безмолвие.

[4] Преподобный Иоанн преставился восьмидесяти лет от рождения своего в конце VI — начале VII столетия.

времени относится написание им столь известного и столь замечательного творения, называемого *«Лествицей»*[1], от которой и сам Иоанн получил название *Лествичника*.

Повод написания «Лествицы» был следующий[2]. В расстоянии двух дней пути от Синая находился Раифский монастырь, расположенный в весьма живописном заливе Черного моря. В то время, когда Синайскою обителью управлял преподобный Иоанн Лествичник, игуменом Раифской обители был также святой Иоанн[3]. Много наслышавшись о духовных дарованиях игумена синайского, о его глубокой мудрости в деле управления вверенных ему для спасения душ, игумен Раифский написал Лествичнику послание[4], в котором от своего имени и от лица всех иноков его обители просил его написать для них руководство в духовно-нравственной подвижнической жизни. «Зная твое о Господе во всем беспрекословное и всеми добродетелями украшенное послушание, — писал святой Иоанн Раифский Иоанну Лествичнику, — мы, маломощные, обращаясь к тебе, как к общему всех отцу, как к старейшему пред всеми и подвижничеством, и силою ума, и как к превосходному учителю, этим нашим посланием умоляем высоту добродетелей твоих... не откажись неленостно о Господе в наше спасение явственно начертать, что потребно и прилично монашескому житию, как истинно великий вождь всех избравших тоже ангельское житие, не почитая сказанного нами за какую-либо угодливость или лесть. Ибо известно тебе, священная подлинно глава, что лесть нам чужда и что повторяем только утверждаемое всеми. Потому и уверяем себя о Господе, что скоро получим и облобызаем ожидаемые нами досточестные начертания на скрижалях, в истинное руководство для последующих неуклонно, и как бы лестница стоит на земле (см.: Быт. 28, 12), кото-

[1] Слово *Лествица* в переводе на русский язык значит — лестница.

[2] Цель написания «Лествицы» — научить, что достижение спасения требует со стороны человека труда, самоотвержения и усиленных подвигов. Лествица заключает в себе тридцать степеней или подвигов: во-первых, очищения греховной нечистоты, искоренения пороков и страстей в ветхом человеке; во-вторых, восстановления в человеке образа Божия. К ним присоединяется еще несколько степеней приготовительных или начальных подвигов.

[3] Святой *Иоанн*, игумен *Раифский*, современник Иоанна Лествичника, воспоминается Церковью в субботу Сырную.

[4] Оно приложено к изданию «Лествицы».

рая желающих возводит до небесных врат целыми и невредимыми, так что невозбранно минуют они и духов злобы, и миродержителей тьмы, и князей воздушных. Ибо если Иаков, пастырь бессловесных овец, видел такое странное видение в лествице (см.: Быт. 28, 12), то не тем ли паче предстоятель словесных овец покажет всем не только видение, но и на самом деле и в самой истине непогрешительное восхождение к Богу? Возмогай о Господе, досточестнейший отец!»

Преподобный Иоанн имел настолько скромное о себе мнение, что это послание Раифского игумена смутило его. Преподобный ответил ему также посланием[1]:

«Получил я, — писал Лествичник, — ко мне, бедному и нищему добродетелями, посланное тобой почтенное твое писание, лучше же сказать — предписание и повеление, превышающее силы мои; и я скажу, что если бы не было страха и великой опасности свергнуть с себя иго послушания — этой матери всех добродетелей, то не отважился бы я неразумно на дело, превышающее силы мои. Тебе, чудный отец, надлежало спрашивать об этом и учиться сему у тех, которые хорошо знают это дело; а я состою еще в чине учащихся. Но поелику богоносные отцы наши и истинного ведения таинники поставляют послушание в том, чтобы в делах, превышающих наши силы, несомненно покоряться повелевающим, то смиренно решаюсь на то, что выше меня; со страхом и усердием приступаю к исполнению святого твоего повеления; тебе же, началовождь и чиноначальник учителей, предоставляю украсить, уяснить это очертание и, как исполнителю скрижалей духовного закона, восполнить недостаточное. Ради тебя приступаю к делу сему, умоляя всех читателей, если, кто увидит в труде моем что-либо полезное, плод этого с благодарностью вменить превосходному нашему начальнику, а мне испросить у Бога воздаяние за одно исполнение труда, потому что и Бог вознаграждает не за множество даров и трудов, а за многое усердие.

По этому-то поводу и явилось творение преподобного Иоанна, называемое «Лествицею».

Сочинение преподобного Иоанна названо «Лествицею» потому, что святой Иоанн Раифский желал получить именно такое руководство в духовной жизни, которое представляло бы как бы *лествицу утверждену*, которая желающих возводит до небесных врат целыми

[1] Оно также приложено к изданию «Лествицы».

и невредимыми, так и по мысли самого ее составителя. «По мере скудного ведения, какое дано мне, — пишет святой Иоанн, — соорудил я лествицу восхождения. После этого пусть каждый смотрит сам, на какой он стал ступени»[1]. В предисловии к «Лествице» смысл этого названия объясняется так: «стремящимся к тому, чтобы имена их были написаны в книге жизни, настоящая книга показывает наилучший путь их течению. Ибо шествуя этим путем, найдем, что книга эта непогрешительно, как бы за руку, ведет следующих ей и несомненно представляет утверждену лестницу от земного во святая, и показывает на вершине ее утверждающегося Бога... Подлинно, весьма превосходно рассудил устроивший нам восхождение равночисленное Господню возрасту по плоти; ибо в образе тридцати лет Господня совершеннолетия, знаменательно соорудил лествицу из 30 степеней, по которой, достигнув Господня возраста[2], окажемся праведными и безопасными от падения». Таким образом творение преподобного Иоанна названо «Лествицею» потому, что оно имеет целью представить путь постепенного восхождения к нравственному совершенству и есть верное и надежное руководство в духовной жизни для ревнующих о благочестии и спасении своей души.

«Лествица», хотя и написана собственно для иноков и потому всегда была настольною книгою для иноков, живущих в общежитии, и отцы иноческой жизни, между прочим, Феодор Студит, Иосиф Волоколамский и другие, ссылались в своих наставлениях на «Лествицу», как на лучшую книгу, — тем не менее в ней может найти спасительное руководство и христианин, живущий в мире. Первою ступенью лествицы поставляется отречение от земных пристрастий, а на самой высоте ее указывается союз трех добродетелей — веры, надежды и любви.

Чтобы ознакомиться с наставлениями Иоанна Лествичника, выслушаем наставление его о тщеславии[3].

«Тщеславие выказывается при каждой добродетели. Когда, например, храню пост — тщеславлюсь, и когда, скрывая пост от дру-

---

[1] Слово 27-е, 30-е.

[2] То есть святой Иоанн Лествичник полагает 30 ступеней самосовершенствования, сообразно тридцати годам жизни Спасителя до выступления Его на общественное служение.

[3] Слово (или степень) 22-е.

гих, разрешаю на пищу, опять тщеславлюсь, — благоразумием. Одевшись в светлую одежду, побеждаюсь тщеславием, и переодевшись в худую, тщеславлюсь. Говорить ли стану? Попадаю во власть тщеславия. Молчать ли захочу? Опять предаюсь ему. Куда ни поверни это терние, оно все станет спицами кверху. Тщеславный есть идолопоклонник, хоть и носит имя христианина. Он думает, что чтит Бога, а на деле более старается угодить людям, чем Богу... Ублажающие нас прельщают нас, — говорит пророк (см.: слав. Ис. 3, 12). Люди высокого духа сносят обиду благодушно и охотно; а слушать похвалы и не ощущать никакой приятности могут только святые и непорочные... Когда услышишь, что ближний или друг твой бранит тебя заочно или и в глаза, тогда покажи любовь, похвалив его... Не тот показывает смирение, кто сам себя бранит (как быть несносным самому себе?) — но, кто, обесчещенный другим, не уменьшает своей любви к нему... Кто превозносится природными дарованиями — тонким умом, высокою образованностью, чтением своим, приятным произношением и другими подобными качествами, которые легко приобретаются, тот никогда не достигнет сверхъестественных благ. Ибо кто в малом неверен, тот и во многом будет неверен и тщеславен (см.: Лк. 16, 10). Часто случается, что Сам Бог смиряет тщеславных, насылая неожиданное бесчестие... Если молитва не истребит тщеславного помысла, приведем на мысль исход души из этой жизни. Если и это не поможет, устрашим его позором страшного суда. *Возносящийся смирится* (Лк. 14, 11) даже здесь, прежде будущего века. Когда хвалители, или, лучше сказать, обольстители наши, начнут хвалить нас, немедленно приведем себе на память множество беззаконий своих и найдем, что недостойны мы того, что о нас говорят, или что для нас делают[1]».

---

[1] По изображению «Лествицы» христианское совершенствование начинается отвержением «мира» и борьбою со страстями. От рассеивающих удовольствий и чувственных наслаждений «дух» обращается к покаянию и печали, пребывая в постоянном памятовании смерти. Спасительная печаль смягчает сердце подвижника силою слез, освобождает его от себялюбия и снимает с него греховные наросты. Таким путем покаявшийся достигает состояния «молчания», когда он находит слова только для молитвы, песнопений и выражения «любви». Дух и душа освобождаются от уз грубой чувственности, утончаются, получая действительную способность к общению с миром духовным, небесным, Божественным. Блаженное «смирение» ведет по стезям последования Христу и отверзает дверь в небесное

Вообще «Лествица» святого Иоанна отличается глубокой духовной опытностью, с которой соединено глубокое знание Священного Писания. Редкую мысль высказывает Лествичник без того, чтобы не осветить ее прямым или косвенным указанием на святое Писание. Сочинение Иоанна написано языком простым, но чистым и живым, — в немногих словах выражает многое, и потому полно силы[1]. Потому-то «Лествица» святого Иоанна и была всегда настольною книгою для иноков, живущих в общежитии[2].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА
ИОАДА

Святой пророк Иоад происходил из Самарии. После того, как он обличил Иеровоама[3] за постановление в царстве Израильском тельцов, которым сам же приносил жертвы, его растерзал лев, отчего он и умер. Произошло это так. Господь повелел Иоаду пойти к Иеровоаму и обличить его, причем не есть там хлеба и не пить вина, и немедленно же возвратиться назад. Пророк нашел Иеровоама приносящим жертву идолам и, обратившись к нему, сказал:

— Так говорит Господь: вот родится в доме Иудином сын, имя ему Иосия, и заколет на жертвеннике священников этих высот[4].

Царство. Победивший «страсти» получает высшую способность «различения», которая помогает человеку замечать и распознавать в себе и других злые и добрые движения, подавлять первые и развивать вторые. В высшем состоянии богоподобного бесстрастия и спокойствия подвижник вступает уже на земле в прославленное состояние и созерцает, как бы в зеркале, райские блага.

[1] Это последнее свойство «Лествицы», так же как опытная глубина мыслей, были причиною того, что на «Лествицу» писали объяснения Иоанн — Раифский игумен, Илия Критский — митрополит VIII века и другие.

[2] В виде прибавления к «Лествице» преподобный Иоанн написал другое небольшое сочинение «К пастырю»; здесь он рисует идеал настоятеля монастыря, который, по изображению Иоанна, должен быть пастырем, кормчим, врачом, учителем и образцом для подчиненных.

[3] *Иеровоам* — первый, после разделения царства Еврейского, царь израильский. Он ввел в царстве своем идолопоклонство и принуждал к нему своих подданных.

[4] У восточных народов жертвенники для принесения жертв идолам обычно

Иеровоам протянул руку, чтобы схватили пророка, но рука его стала сухою. Тогда царь умолил пророка сделать его руку здоровою, как прежде. После этого, возвращаясь назад, Иоад был соблазнен одним лжепророком, по имени Емве, и ел с ним. За такое непослушание Господь попустил льву умертвить его, но не есть его тела. Умерщвленный Иоад был погребен вблизи жилища пророка, соблазнившего его[1].

В тот же день **память преподобного отца нашего Зосимы**, епископа Сиракузского.

В тот же день **память святой Еввулы**, матери святого Пантелеимона, жившей в III веке и скончавшейся ранее мучений своего сына (до 305 года).

ПОВЕСТЬ ОБ ИНОКЕ,

НИКОГО НЕ ОСУДИВШЕМ

В тот же день преставился ко Господу инок, никого не осудивший. Преподобный Анастасий Синаит[2] повествует о нем следующее.

Некоторый инок, живя в монастыре, проводил беспечно дни свои, не заботясь о спасении своем, но предаваясь всю жизнь праздности. Дожив до преклонных лет, он приближался уже к смерти. Когда же он заболел тяжким недугом и был уже при последнем издыхании, то нисколько не боялся смерти, но приготовлялся разлучиться от тела с весельем, хваля и прославляя Бога. Окружавшие его братия и игумен того монастыря сказали ему:

— Мы видели, что ты, брат, в праздности проводил жизнь свою.

устраивались на местах возвышенных.

[1] О пророке Иоаде повествуется в 13-й главе 3 книги Царств.

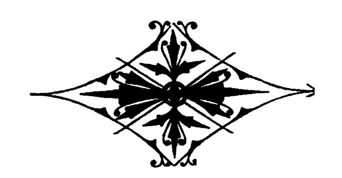
[2] *Преподобный Анастасий Синаит* — игумен Синайской горы, подвизался в VII веке. Кончина его последовала в 686 году. Память его празднуется 20 апреля.

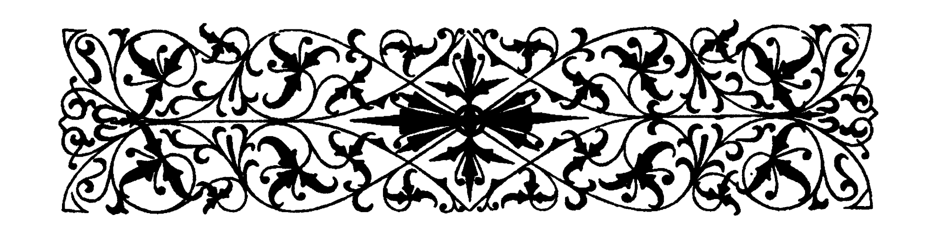
Почему же в этот страшный час смерти ты так беспечален и радостен? Укрепляемый силою Божией, встань и объясни нам это, чтобы и мы прославили Бога.

Брат, приподнявшись немного с постели, сказал им:

— Это правда, честные отцы, что я беспечно проводил жизнь свою. Вот, сейчас Ангелы Божии принесли ко мне и прочитали предо мной рукописание, на котором были отмечены все дурные дела мои. Прочитав рукописание, Ангелы спросили меня: «Знаешь ли ты это?» Я отвечал: «Да, знаю». Но так как я отрекся от мира, принял пострижение в иноческий чин, никого никогда не осуждал и ни на кого никогда не гневался, то я молю Бога, чтобы на мне исполнились слова Христа, Который сказал: *Не судите, да не судимы будете; если будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш небесный* (Мф. 7, 1; 6, 14). И как только я сказал это, тотчас святые Ангелы разорвали рукописание грехов моих. Поэтому-то я с радостью и весельем отхожу к Богу.

Сказав это, брат тот с миром предал душу свою Господу.

День тридцать первый

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ИПАТИЯ ЧУДОТВОРЦА,
епископа Гангрского

Святой великий угодник Божий Ипатий, епископ города Гангры, в Пафлагонии[1], был один из триста восемнадцати святых отцов, участвовавших на I Вселенском соборе, собранном в царствование Константина Великого[2] в городе Никее[3]. Здесь он с прочими святыми отцами, исполненный Святого Духа и одушевленный ревностью к Православию, изобличил Ария в ереси и предал его анафеме.

Святой Ипатий имел от Бога великий дар чудотворения; он исцелял различные недуги и изгонял бесов. В одном селении он претворил текущий с гор источник горькой воды в сладкий; а в другом месте, по его молитве, потек из земли источник теплой воды, имеющий целебные свойства. Однажды в темную ночь он ходил возле реки, и вот из воды появлялись огни, указывавшие ему дорогу, чтобы он не сбился с нее и не попал в реку. Он умертвил также страшного змея. При Констанции[4], воцарившемся по смерти брата своего Константина[5], к царскому дворцу неизвестно откуда приполз очень

---

[1] *Пафлагония* — малоазийская область.

[2] *Святой Константин* царствовал с 324 по 337 год.

[3] Собор этот происходил в 325 году и был созван для обличения пресвитера александрийского Ария, нечестиво учившего, что Сын Божий не равен Богу Отцу и есть Его творение.

[4] *Император Констанций* царствовал с 337 по 361 год.

[5] *Константин II*, старший сын Константина Великого, царствовал с 337 по 340 год.

большой змей. Окружив царскую сокровищницу, где лежало много золота и другого богатства, он положил голову при входе в эту комнату и никому не давал войти в нее. Царь Констанций пришел от этого в ужас и послал сказать святителю Божию Ипатию, чтобы он пришел в Царьград, ибо имя святого было славно благодаря чудесам, совершаемым им благодатию Христовою. Царь с честью встретил святого, поклонился ему до земли и просил его своею молитвою прогнать от царской сокровищницы змея, которого не могла изгнать никакая сила человеческая, — так как даже многие духовные лица, вооружившись молитвой, пытались изгнать его, но без всякого успеха; некоторые же из них при этом даже пострадали.

Святой же сказал на это царю:

— Царь! Если наша молитва и будет бессильна, то не тщетна будет твоя вера пред Богом.

Затем, пав на землю, он молился довольно долго. Потом, поднявшись, Ипатий сказал царю:

— Среди конского ристалища[1], где находится статуя твоего отца, вели поставить печь и накалить ее как можно сильнее, в ожидании когда я приду туда.

Тотчас же приготовили и разожгли печь; тогда святой Ипатий, взяв святительский жезл, подошел к царскому дворцу, открыл ворота сокровищницы и долго бил жезлом змея. Народ и царь, объятые страхом и трепетом, смотрели издалека, и, видя, что змей не уползает (а день уже склонялся к вечеру), все думали, что змей умертвил святого, как это случилось ранее с некоторыми иереями. Святитель же Ипатий, подняв очи к небу и призвав на помощь Господа, вложил в пасть змею жезл со словами:

---

[1] Место состязания в конском беге.

— Во имя Господа моего Иисуса Христа следуй за мной.

Змей, взявшись зубами за жезл, точно связанный пленник, последовал за святым. И действительно, его связал Божиею силою великий чудотворец.

Потом святой Ипатий отошел от царской сокровищницы, обошел все конское ристалище и торговую площадь, водя змея. Народ, видя змея, держащегося за край жезла и влекомого святым, ужасался и удивлялся. А змей был весьма страшен, длина его равнялась шестидесяти локтям[1]. Приблизившись к огненной печи, горящей великим пламенем, святой сказал змею:

— Во имя Христа, Которого я, недостойный, проповедую, повелеваю тебе войти в средину того огня!

Тогда страшный змей тот, перегнувшись, бросился стремительно в огненную печь, посредине которой и сгорел. Все, смотревшие на это с ужасом, прославляли Бога за то, что Он при их жизни явил миру такого светильника и чудотворца, святого Ипатия.

Тогда царь воздал великое благодарение Богу и угоднику Его, святому Ипатию, которого почитал, как отца своего. Он повелел на доске сделать изображение лица его и поставил это изображение в своей царской сокровищнице на прогнание бесов; а святого, наградив дарами и любезно облобызав, отпустил в дом его.

Когда святой возвращался на свой святительский престол, злые люди, последователи учения Новата[2], будучи разжигаемы великою завистью на святителя Божия, устроили ему засаду на пути в узком проходе, на краю горной пропасти и на берегу болота, вооружившись мечами и кольями. Как только он подошел к тому месту, они напали на него внезапно, устремившись, подобно диким зверям, и, сильно изранив его, сбросили с высокого берега в болотную топь. Святой, оставшись едва живым, простер руки немного кверху и,

---

[1] *Локоть* — мера длины; он равнялся десяти–двенадцати нашим вершкам.

[2] *Новат* — пресвитер Карфагенской Церкви, живший в III веке и известный как основатель церковного раскола. Сущность этого раскола состоит в следующем: когда в 248 году в Карфагене был избран епископом святой Киприан, пять пресвитеров, среди которых особенно выделялся Новат, недовольные этим избранием, отделились от Киприана, причем Новат, без ведома и воли епископа, поставил в диакона Фелициссима, человека богатого и влиятельного. Раскол тот в Церковной истории известен под именем «раскола Новата и Фелициссима». Раскольники, отделившиеся от Церкви, были осуждены на Карфагенском соборе 251 года.

возведя очи на небо, как некогда святой первомученик Стефан[1], молился за убийц своих, говоря: *Господи! Не вмени им греха этого* (Деян. 7, 60). И когда он так молился, одна злая женщина, держащаяся Ариевой ереси, взяв увесистый камень, ударила им святого сильно по голове и убила его. Святая душа Ипатия, тотчас отрешившись от тела, отошла ко Господу[2]. Убийцы, взяв тело святого, скрыли его в находящейся близ того места пещере и ушли.

Но их за пролитие неповинной крови не замедлило постигнуть Божие наказание. Так, прежде всего, на женщину ту и на том же месте напал дух нечистый и мучил ее. Она непрестанно била себя в грудь тем самым камнем; потом и все те мучители сделались бесноватыми и сильно страдали.

После того земледелец некий, которому принадлежала та пещера (где он хранил солому), ничего не зная о совершенном неправедном убийстве, пришел взять оттуда солому для скота своего и, слыша голоса поющих Ангелов, удивлялся и пришел в ужас. И когда он, начав брать солому, нашел мертвое тело, покрытое все ранами, при этом еще более ужаснулся; узнав же в мертвом своего святого епископа Ипатия, он побежал к своим односельчанам, и они скоро рассказали обо всем этом в городе. Жители города Гангр, тотчас собравшись, пришли с великим плачем на то место и, взяв честное тело святого отца и пастыря своего, погребли его с великою честью. Женщина же убийца следовала за телом святого, несомого к погребению, и на пути била себя тем самым камнем, которым убила Божия архиерея и исповедала во всеуслышание грех свой.

Когда тело святого было погребено, та женщина исцелилась от беснования; исцелились также и все другие, бывшие ранее бесноватыми, сообщники убийства святого, при гробе святого, который и по смерти благодетельствовал врагам своим, по незлобию своему. Много и других чудес и исцелений совершилось там над людьми, с верою приходящими ко гробу святого Ипатия, по его молитвам к Богу.

[1] Святой архидиакон и первомученик Стефан пострадал около 34 года. Память его празднуется 27 декабря.

[2] Кончина святого мученика последовала около 326 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИПАТИЯ,
в Руфинах[1]

Этот преподобный родился во Фригии[2]. Будучи восемнадцати лет от роду, он был однажды избит своим отцом и, бежав от него, пришел во Фракию[3]. Поступив в один из бывших монастырей, он предался подвигам монашеской жизни и вскоре стал известен своими добродетелями. Он никогда не пил вина и, вступив однажды в борьбу с плотскою страстью, провел в посте пятьдесят дней, совсем не прикасаясь ни к пище, ни к питью. Когда узнал об этом настоятель монастыря, то во время вечери в присутствии братии сам, своею рукою, подал Ипатию сосуд вина и с ним хлеб, после чего он немедленно же освободился от томившей его страсти и возблагодарил Господа и своего наставника. Отправившись, спустя некоторое время, по совету своего духовного отца в Константинополь, чтобы оказать помощь одному человеку, подвергшемуся искушению плоти, он помог и своему отцу, пришедшему сюда. Отправив затем отца своего в его отечество, Ипатий с двумя иноками пошел в Халкидон и поселился в обители Руфина, которая имела в это время странный и некрасивый вид: она была совершенно пустынна и наводила на всех страх. Этот Руфин, будучи мирянином[4], построил некогда прекрасную обитель и поселил в ней египетских иноков, которые и подвизались в ней, прославляя Бога. Но когда Руфин умер, то жившие в его обители иноки разошлись каждый в свою страну, и обитель после этого стала необитаемою. Она заросла колючими растениями, которые свились в непроходимые кустарники и сделали ее безобразною, а затем вошли и поселились в ней нечистые духи, отчего она и стала домом, внушавшим всем страх, так что никто не хотел проходить мимо ее. Найдя обитель в таком виде, преподобный

---

[1] *Руфины* — обитель в предместье Халкидона, находившегося в малоазийской римской провинции, на берегу Босфора.

[2] *Фригия* — римская провинция в Малой Азии.

[3] *Фракия* — область на Балканском полуострове, ныне Румелия.

[4] Полагают, что Руфин был одним из вельмож при дворе Константина Великого.

Ипатий изгнал из нее бесов и, очистив ее от безобразивших ее кустарников, привел в прежний благолепный вид, после чего поселился в ней вместе с пришедшими с ним двумя иноками. Сам он стал делать власяницы[1], а бывшие с ним иноки, один занялся посевом, а другой — устройством сада. Спустя несколько лет после этого Ипатий отправился во Фракию и поселился в том монастыре, где подвизался раньше, но иноки обители Руфина вскоре пришли в этот монастырь и просили его быть их игуменом. Преподобный согласился, и с этого времени стал совершать великие подвиги. Многие из иноков, подражая ему, достигли высокого совершенства в богоугодной жизни. За свои подвиги божественный Ипатий удостоился получить от Бога дар чудотворений и совершил множество чудесных исцелений. Так, он врачевал бесноватых, слепых, иссохших, страждущих водяною болезнью и жен кровоточивых. Немалое число неплодных жен он сделал способными к деторождению, а другим женам, имевшим сухие и неспособные к кормлению груди, возвратил молоко. Много раз молитвою он пополнял воду, хлеб и другую пищу, умножая их в нужное время, и прогонял всякие недуги от людей и домашнего скота. Пищею преподобному служило вареное зерно, овощи и небольшое количество хлеба, да и эту скудную пищу он принимал только поздним вечером, причем для поддержания старческих сил своих вкушал немного вина. Прожил преподобный восемьдесят лет, так что волосы на голове и бороде его стали белы, как снег, и в такой глубокой старости и по виду и по делам своим он остался таким же почтенным, как и прежде. Сорок лет он провел в звании священноначальника иноков, возвеличил священство и, послав ко Господу сперва восемьдесят учеников своих, вскоре после них и сам мирно скончался, прославляя Господа[2].

---

[1] *Власяница* — одежда из жестких волос какого-нибудь животного, обычное одеяние восточных монахов, которые носили его прямо на теле.

[2] Преподобный Ипатий скончался около 446 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО АПОЛЛОНИЯ

Святой отец наш Аполлоний, будучи пятнадцати лет от роду, отрекся от мира и, предавшись иноческой жизни, поселился во внутренней пустыне[1], где и прожил в одной горе сорок лет. Приобретя с детства навык к добродетельной жизни, он совершил великие подвиги и за это удостоился такой благодати, что однажды услышал голос Божий, сказавший ему:

— Аполлоний, иди теперь в места населенные, ибо надлежит тебе родить для Меня избранных людей.

После этого он немедленно же отправился в ближнюю пустыню и, найдя там в нижней части горы небольшую пещеру, поселился в ней. Тут он занимался тем, что, преклонив колена, в течение целых дней молился Богу. Питался же он тою пищею, которую посылал ему Бог и которую получал от Ангела, приходившего к нему в пустыню. Пустыня эта была расположена вблизи населенных мест, и, посещая по внушению Святого Духа эти места, преподобный собрал около себя большое общество иноков, числом около пятисот человек, и наставил их в различных подвигах иноческой жизни. Так, вместе с ними он принимал пищу только по воскресным дням, а во все прочие дни не вкушал ничего: ни хлеба, ни сочива[2], ни другого чего-либо, что приготовляется на огне, но питался одними только дикорастущими злаками. Преподобный Аполлоний ввел в своей обители такое правило, что иноки, подвизавшиеся с ним, не прежде вкушали пищу, как причастившись сперва святых Христовых Тайн. Обычно это совершалось ежедневно в девятом часу утра, а потом иноки садились за трапезу, во время которой каждый день слушали поучения. Остальное время дня все они проводили в полезных занятиях и тем изгоняли из помыслов своих лукавые внушения диавола. Наставив многих иноков в такой жизни и дожив до глубокой старости, святой Аполлоний переселился к Богу для вечной жизни.

---

[1] Под внутренней пустыней разумеется пустыня Фиваидская, расположенная в Африке, в Нижнем Египте, на восточном берегу реки Нил.

[2] *Сочиво* — вареные зерна пшеницы, риса или других злаков.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АВДЫ и ВЕНИАМИНА

Святой священномученик Авда жил в царствование императора Феодосия Младшего[1] и был епископом в Персии. Он разрушил храм огнепоклонников[2] и за это был схвачен и приведен к царю[3]. Царь сперва кротко велел ему восстановить разрушенный храм, но когда он ответил, что сделать этого не может, то послал воинов разрушить все христианские храмы. После этого гонители стали преследовать христиан и, не разбирая возраста, различными способами стали предавать их смерти. Первым из них после разнообразных мучений был усечен мечом священномученик Авда, а спустя тридцать дней после этого были казнены смертью и другие святые мученики и между ними святой диакон Вениамин[4]. Ему мучители воткнули сперва под ногти пальцев на руках и на ногах заостренные спицы и потом посадили его на кол, от чего он и предал дух свой в руки Господа[5].

---

[1] *Феодосий II Младший* царствовал в восточной половине Римской империи с 408 по 450 год.

[2] Персы почитали верховным богом Мифру, или солнце. Они поклонялись также огню и строили своим божествам храмы, в которых и поклонялись огню и солнцу.

[3] Упоминаемый здесь царь был Издегерд I, царствовавший с 401 по 420 год. Начатое им гонение особенно сильным было при его преемнике Варане V (420–438 гг.).

[4] По месяцеслову Василия, священномученик Вениамин мученически скончался не через три месяца, а спустя три года после святого Авды.

[5] Святой мученик Авда скончался в 418 или в 421 году, а святой Вениамин — спустя три года, следовательно, в 421 или в 424 году, оба — в городе Сузе, древнейшем персидском городе, бывшем столицею Сузианы и резиденцией сперва еламских, а потом персидских царей.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОНЫ,
митрополита Киевского и всея России

Святой Иона был родом из города Галича, который находится около Казанской земли[1]. Он родился от благочестивого отца, по имени Феодора, и в двенадцатилетнем возрасте в одном из монастырей Галичской земли облекся во иноческий образ; затем он пришел в город Москву, в Симонов монастырь[2], где долго трудился в монастырских послушаниях.

В то время в Москве митрополитом был Фотий[3]. Придя однажды в Симонов монастырь, Фотий отслужил там молебен в церкви Пресвятой Богородицы и, преподав благословение архимандриту с братией, пожелал видеть также монастырских послушников и благословить их. Он зашел в пекарню и увидел там блаженного Иону, уснувшего после усиленных трудов; правая рука его была согнута так, как будто он благословлял ею; Фотий не велел будить его, но, благословив спящего, предсказал бывшим с ним, что этот монах будет святителем в странах Российских и наставит многих на путь спасения.

Пророчество святителя Божия впоследствии исполнилось. Через несколько лет, по Божию изволению, по избранию Освященного собора и желанию царя, блаженный Иона был поставлен епископом города Рязани и Мурома, где он обратил к Богу и крестил многих неверных[4].

---

[1] *Святой Иона* родился в древней галичской области, близ города Солигалича нынешней Костромской губернии.

[2] *Симонов монастырь*, на левом берегу реки Москвы, основан в 1370 году во дни великого князя Димитрия Донского учеником и племянником преподобного Сергия Радонежского Феодором, по благословению митрополита Алексия. Название свое монастырь получил от места, которое, по имени владельца своего, прозывалось Симоново.

[3] Был митрополитом с 1408-го по 1431 год.

[4] В пределах обширной епархии святого Ионы, обнимавшей некоторые части нынешних епархий Тамбовской и Воронежской, находились целые селения донских племен: мордвы, мещеры, муромы, державшихся идолопоклонства; из этих неверных святой Иона и привел многих к истинному Богу.

Когда преставился ко Господу блаженный митрополит Фотий, великий князь Василий Васильевич[1] созвал архиепископов и епископов Российской земли и весь Освященный собор и повелел им избрать достойного мужа на великий престол Российской митрополии; по согласию и желанию всех был избран тогда Иона, епископ Рязанский[2]: все знали его за мужа добродетельного и святого.

Он отправился с посланием великого князя в Царьград к царю Иоанну Палеологу[3] и к святейшему патриарху Иосифу[4] принять поставление на митрополию. Но еще до прибытия Ионы в Царьград зломудренный Исидор, из Фессалоник родом[5], уже принял посвя-

---

[1] С 1425-го по 1434 год.

[2] Святой Иона был избран, вероятно, не позднее конца 1432 года; известна одна грамота Ионы, «нареченного в святейшую митрополью русскую» от 11 марта 1433 года.

[3] *Иоанн VI Палеолог* царствовал с 1425-го по 1448 год. В самом начале царствования признал себя вассалом султана Мурада II и отдал туркам несколько городов по берегу Черного моря, чем, однако, не предотвратил попытки (в 1432 г.) со стороны турок овладеть Константинополем, окончившейся, впрочем, неудачей. Надеясь найти защиту от турок на Западе, Иоанн VI делает решительный шаг к сближению с ним; в этих целях он соглашается приехать в Италию, где папа Евгений IV решил созвать собор по вопросу о соединении церквей. Сначала в Ферраре, потом во Флоренции вырабатывались условия унии (1439 г.), которая была принята присутствовавшими на соборе, за исключением некоторых епископов, греками, причем последние признали справедливым учение Католической церкви об исхождении Святого Духа и от Сына (filioque), о главенстве папы, о совершении Евхаристии на пресном хлебе. Но неудовольствие жителей Константинополя свело ни к чему заключенную в Италии унию.

[4] *Иосиф II* — раньше митрополит Ефесский — избран в патриархи Константинопольские в 1466 году; вместе с императором он стремился к соединению церквей, присутствовал на Флорентийском соборе (см. предыдущ. примеч.) и умер в Италии в 1439 году.

[5] *Исидор* — последний митрополит русский из греков; происходил из Фессалоник. По посвящении Константинопольским патриархом (см. о нем предыдущ. замеч.) в митрополиты Киевские Исидор прибыл в Москву весною 1437 года. Здесь он убедил великого князя Василия Васильевича Темного отпустить его в Италию на Ферраро-Флорентийский собор. 8 сентября 1437 года Исидор выехал из Москвы в сопровождении Авраамия, епископа Суздальского, и около ста духовных и светских лиц. В 1438 году Исидор прибыл в Италию в Феррару, где заседал собор, вскоре перенесенный в Флоренцию. На соборе Исидор заявил себя ревностным сторонником унии, за что был сделан папою кардиналом с именем апостольского легата для всех северных земель. Отправляясь в Россию, он на пути

щение на митрополию Российскую и был отпущен из Царьграда в Россию.

По отъезде его, прибыл в Царьград и святой Иона и вручил царю и патриарху послания великого князя. Прочитав их, они весьма сожалели о том, что поспешили поставить Исидора, которого уже отпустили в Россию, и сказали святому Ионе:

— Что мы можем теперь сделать тебе? Ты опоздал своим приходом к нам; мы уже поставили на Российскую митрополию Исидора и не можем изменить этого: Исидор уже теперь митрополит Российский. Возвратись на свою кафедру и жди, что устроит Бог о Исидоре. Когда он умрет или по какому-либо случаю его станут заменять, тогда, по благословению от Константинопольского патриаршего престола, ты будешь поставлен митрополитом Киева и всея России.

Итак, они отпустили святого Иону домой.

Исидор же сначала прибыл в Киев; потом он отправился в Москву весною, и прожив там всю рабочую пору до осени, отправился на запад, на Флорентийский собор, как бы для утверждения православной веры. Пробыв там три года, он возвратился в Киев отступником от Восточной церкви, но не был принят там; тогда он

еще из Венгрии разослал грамоты в епархии литовские, русские и ливонские, где извещал о соединении церквей. На Волыни Исидор поставил епископа Даниила, согласившегося на унию; в Киеве князь Александр дал Исидору, как «отцу своему митрополиту», грамоту на всю свою отчину, хотя Киевская летопись утверждает, что Исидора изгнали из Киева. Весною 1441 года Исидор прибыл в Москву, привезя с собою дружественное послание папы великому князю Василию. На первой же литургии в Успенском соборе Исидор вместо Константинопольского патриарха помянул папу Евгения, а по окончании богослужения диакон с амвона прочел постановление Флорентийского собора. Великий князь Василий тут же в храме стал изобличать Исидора; затем посадил его под стражу в Чудовом монастыре, созвал собор, который признал постановления Флорентийского собора противными древнему православному учению. Осенью того же 1441 года Исидор бежал в Тверь, но великий князь Тверской посадил его под стражу. Из Твери Исидор убежал в Новгород литовский, а отсюда — в Рим. При осаде турками Константинополя Исидор находился в стенах города, предлагая императору Константину помощь папы, если греческое духовенство примет постановления Флорентийского собора. По взятии Константинополя Исидор попал в плен туркам, но ушел из неволи в Рим; он умер здесь в 1462 году, нося звание Константинопольского патриарха.

отправился в Москву, чтобы распространять свое отступническое учение.

Великий же князь Василий Васильевич, узнав о его отступничестве, созвал для рассмотрения этого архиереев и весь духовный чин Российской митрополии. Сошедшись и рассмотрев святые правила, они увидели, что Исидор принес с Флорентийского собора чуждое и противное Православию учение, и не захотели его иметь своим митрополитом. А великий князь повелел ему жить в одном монастыре, пока не донесет об этом в Царьград святейшему патриарху.

Исидор, видя, что его отпадение раскрыто, устыдился и, не дожидаясь ничего, тайно бежал в Рим, где был принят и обласкан папой.

А на Российскую митрополию был избран опять святой Иона[1]. По благословению святейшего патриарха Цареградского Григория Мелиссины[2] он был посвящен своими архиереями в Москве в соборной церкви. Итак, он был первый митрополит, посвященный архиереями российскими, по благословению от апостольского константинопольского престола.

Вступив на престол Российской митрополии, святой Иона еще более усилил свои подвиги, прилагая труды к трудам и, главное, заботясь о том, чтобы повсюду утвердить благочестие; одушевленный этою целью, он непрестанно поучал пасомых, посылая послания; как истинный пастырь, он утверждал православную веру, что особенно ясно видно из его посланий[3]; вообще он имел великую заботу о том, чтобы соблюсти невредимою врученную ему Богом паству.

Святой Иона сподобился получить от Бога дар чудотворения: исцелять недуги и предсказывать будущее.

Так, молитвою своею, он воздвиг от одра болезни дочь великого князя, бывшую при смерти. Видя это чудо, один неверный, по на-

---

[1] Поставление святого Ионы на кафедру Русской митрополии было приговорено Великим собором из епископов, архимандритов, игуменов и из всего священства. Самое поставление совершено 15 декабря 1448 года, о чем 2-я Софийская летопись говорит: «Совершается приношение Божественной службы и возлагается на плечо его (то есть святого Ионы) честный омофор и посох великий митрополичий дается в руки его, и тако с благобоязнеством совершает и благословляет народ».

[2] Занимал патриаршую кафедру в Константинополе с 1445-го по 1450 год.

[3] До настоящего времени известны следующие учительные грамоты святого Ионы: две на Вятку, две в Новгород и одна в Псков.

ущению диавольскому, стал говорить святому, что великая княжна исцелилась от болезни не по его молитве, а что болезнь прошла сама по себе. Тогда блаженный Иона, призвав человека того, поучал его не хулить благодати Святого Духа и говорил ему:

— Сын мой! Не сомневайся ни в чем, ибо *невозможное людям возможно Богу* (Лк. 18, 27); Бог даровал жизнь отроковице по вере, а, главное, — надежде ее державных родителей.

Но тот не поверил святому и начал произносить еще более хульные слова.

Тогда святой Иона сказал ему:

— Пусть свяжется язык твой, пусть заградятся хульные уста твои; вместо той девицы, бывшей при смерти, умрешь ты!

И тотчас богохульник упал на землю безгласным: отнялся язык его, он только поводил глазами и чрез некоторое время испустил дух свой за то, что осмелился хулить дар Святого Духа, находящийся в том великом святителе.

У святого митрополита был один инок, по имени Пимен, заведовавший погребом, которому поручено было поить приходящих немощных нищих.

Однажды пришла к нему убогая вдова и просила его дать ей немного меду, вследствие ее болезни. Но инок тот со злобою сказал ей:

— Уйди, теперь еще не время давать пить.

Вдова ушла со скорбью.

Узнав о том, святитель Божий призвал Пимена и сказал ему:

— Брат! Не знаешь, какую оскорбил ты вдову; она — угодница Божия; за это Бог наказывает тебя смертью; пойди, покайся в грехах своих, так как настало время тебе умереть.

И повелел святой Иона духовнику своему постричь Пимена в схиму, и в самый день пострижения он скончался, по слову святителя Божия.

В другой раз святой дал одному из послушников своих много денег для раздачи бедным; но тот часть денег раздал, а часть утаил себе.

Случилось, что однажды пришла к святому бедная вдова с жалобою на послушника и говорила:

— Святитель Божий! Твой послушник ничего не дал мне из завещанных тобой денег.

Святитель, призвав послушника, спросил его:

— Зачем ты оскорбил эту вдову и не дал ей ничего?

Он отвечал:

— Я дал ей много, но она бесстыдно просит большего.

Вдова же отрицала то и настойчиво утверждала, что не получала от него ничего.

Послушник воскликнул с гневом:

— Уходи! Ты умрешь, потому что лжешь!

Тогда святой сказал ему:

— Не будет так: вдова эта говорит правду, а ты крадешь и лжешь; она будет жива, а ты умрешь.

Тотчас же послушник заболел горячкою и умер.

Один боярин, по имени Василий, а по прозванию Кутуз, не имел веры в чудотворную силу святого Ионы, никогда не приходил к нему и не хотел принимать от него благословения. Однажды он заболел сильною зубною болью, от который очень страдал и не мог никак излечиться. Случилось боярину тому, у которого болели зубы, быть в соборной церкви, когда в ней совершал Божественную литургию святитель Божий Иона; по окончании литургии святой, подозвав к себе того боярина, благословил его, дал ему просфору и, преподав ему назидание от Божественного Писания, внезапно ударил рукою своею ему по щеке так, что многим был слышен звук удара.

Василий сильно закричал:

— Ой, больно мне: ты выбил мне последние зубы!

И тотчас больной почувствовал облегчение и зубная боль его прошла. Он отправился домой радуясь, благодаря Бога и похваляя угодника Его святителя Иону.

В 1451 году за грехи предков наших, по попущению Божию, произошло нашествие безбожных агарян на Русскую землю. Один ордынский князь со множеством татар неожиданно подступил к Москве, пожег окрестности ее и начал со всех сторон теснить самый город.

Блаженный митрополит Иона со всем клиром своим пошел с крестным ходом и с пением молебных песен по стенам города, со многими слезами вознося горячую молитву к Богу о граде и людях.

Увидав одного престарелого старца, инока Чудова монастыря, по имени Антония, который отличался добродетельным житием и которого он знал, святой Иона обратился к нему с такими словами:

— Сын и брат мой Антоний! Помолись милостивому Богу и Пречистой Богородице об избавлении города и всех православных христиан от безбожных агарян.

Антоний сказал ему:

— Великий святитель! Благодарим Бога и Пречистую Его Матерь, крепкую и скорую помощницу нашу: услышала Она молитвы твои и умолила Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, да спасен будет ради тебя город этот и все православные христиане. Враги агаряне скоро будут побеждены и прогнаны невидимою силою; только мне одному суждено от Господа быть убитому до смерти врагами.

Едва старец сказал это, вдруг прострелила его пущенная татарами стрела, от которой он вскоре умер, после чего он с честью был погребен митрополитом Ионою со всем собором.

Когда же наступил праздник положения ризы Пресвятой Богородицы, 2 июля, произошло смятение у татар: внезапно напал на них страх и ужас, и они обратились в бегство, будучи гонимы от города невидимою силою.

Святой митрополит Иона повелел как можно скорее соорудить на своем дворе церковь положения ризы Пресвятой Богородицы, в память избавления по Ее молитвам от агарян, ибо в тот день они сняли осаду с города.

Потом, по прошествии многих лет, достигнув до глубокой старости, святой Иона пред честною своею кончиною сподобился следующего откровения о ней от Бога.

Церковный сторож соборной церкви, по имени Максим, ходя в одну ночь, по долгу службы своей, вокруг церкви, нашел ее отпертой и увидел, что в ней горят свечи и поют священники. Он очень испугался и побежал сказать о том ключарю, иерею Иакову.

Тот поспешно отправился, но нашел церковь запертою, как и была, но изнутри был виден свет. Он отпер двери, вошел в храм и не нашел там никого, но свечи горели. Он устрашился и услыхал голос из алтаря, говорящий:

— Иаков! Пойди, скажи рабу моему, митрополиту Ионе, так как он просит у меня ради своего душевного спасения болезни телесной, — я услышал его просьбу: пошлю ему на ногу язву, от которой он умрет; пусть, ввиду скорого преставления, не медлит окончить дела, возлагаемые обязанностью архипастыря.

Услышав тот голос, Иаков исполнился страха и ужаса, недоумевал и никому не рассказал своего видения, даже святителю Ионе.

Утром, на рассвете дня, святой Иона, призвав к себе Иакова, спросил его:

— Где ты был ночью, Иаков? Что ты видел и слышал? Почему ты не возвестил мне того, что было тебе открыто обо мне?

Иаков устрашился, упал к ногам святителя и сказал:

— Владыка, прости меня! Я не смел сказать тебе об этом, но я вижу, что тебе открыл об этом Святой Дух.

Святитель сказал:

— Бог да простит тебе, сын мой; но скажу тебе, что Бог отнимет у тебя супругу твою. Пойди же позаботься поскорее о душе ее, чтобы скончаться ей в покаянии.

До этого времени жена ключаря была совершенно здорова. Когда же он возвратился домой, то нашел ее уже больною, а чрез три дня она умерла, исполнив, как подобает, свой христианский долг покаянием и причащением святых Христовых Тайн.

Недолго пожил после того и сам великий святитель Иона. Исполненный благодати Святого Духа и добрых дел и совершив *святыню в страхе Божием* (2 Кор. 7, 1), он в преклонных летах сподобился блаженной кончины. Святитель заболел язвою на ноге и, ослабев телом, не ослабел духом, продолжая и в болезни посещать Церковь Божию.

Готовясь предать святую душу свою в руки Божии, он благословил великого князя, его потомство и весь народ и, с молитвою на устах, отошел ко Господу в 1464 году, 31 марта[1]; он пас Церковь Божию двенадцать с половиной лет.

---

[1] 1-я Софийская летопись так говорит о преставлении святого Ионы: «В лето 6969, месяца марта в 31, преставися преосвященный Иона, митрополит Киевский и всея Руси; бе же тогда зрети лице его не яко же бе обычай мертвым, но яко спящу показуяся за великое и преславное его житие, яко же слышахом о нем, еже от юности, якоже древнии святые отцы».

Через несколько лет по смерти святого Ионы скончался и великий князь Василий Васильевич; ему наследовал сын его великий князь Иоанн Васильевич, самодержец земли Российской[1]. По изволению Божию и по благословению преосвященного митрополита Геронтия[2], он пожелал построить новую соборную церковь (которая существует и теперь) вместо прежней ветхой.

Взяв честные мощи святителя и чудотворца Петра митрополита[3], перенесли их на время в другую церковь.

И вот, когда разобрана была старая церковь[4] и стали копать рвы для закладки фундамента новой великой церкви, найдены были мощи прочих митрополитов: Феогноста[5], Киприана[6], Фотия, а также и святого чудотворца Ионы.

Когда во время обретения этих честных мощей стали совершать соборные панихиды, был принесен туда один семилетний отрок, по имени Симеон, расслабленный со дня рождения своего. Он был сын священника Петра, служившего при храме святого Иоанна Лествичника, что в колокольне. Соборный пресвитер Алексий, подняв на руки того расслабленного отрока, поставил в ногах у раки святителя Ионы и, держа его, велел ему молиться.

Отрок, поддерживаемый тем иереем, молясь, крикнул громко:

— Дождь идет!

День был ведренный, на небе не было видно ни одного облака: тотчас тот отрок сделался здоровым и уже без посторонней помощи пошел сам домой.

Все дивились этому чуду и прославляли Бога и его угодника святого Иону.

Когда окончена была постройка соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы в 1479 году, она была торжественно освящена и в нее перенесены были честные мощи святых митрополитов: во-первых, — святого чудотворца Петра, потом — Феогноста, Киприана, Фотия и этого угодника Христова, Ионы. А так как мощи его оказа-

---

[1] С 1462-го по 1505 год.

[2] С 1473-го по 1489 год.

[3] С 1308-го по 1326 год.

[4] Это было в 1472 году.

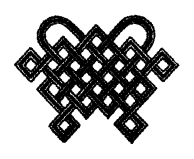
[5] С 1328-го по 1353 год.

[6] *Святой Киприан* занимал кафедру Русской митрополии двукратно, с перерывами, в первый раз: с 1381-го по 1382 год; во второй раз: с 1390-го по 1406 год.

лись целыми и нетленными, то их положили в раку и поставили открыто в соборной церкви, как они почивают и теперь и сподобляют многих верующих, приходящих к ним с молитвою, просимой благодати[1].

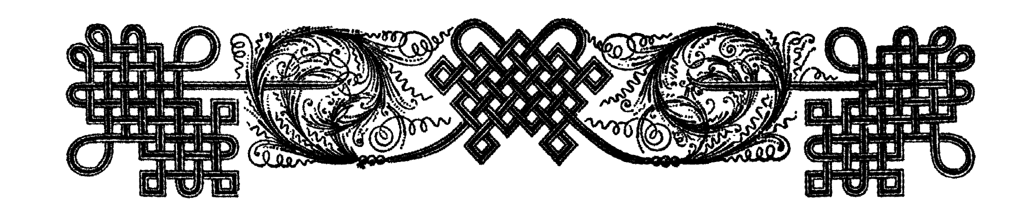
Один человек, по имени Иоанн, будучи немым и не могущим ничего говорить, пришел однажды к раке святого и приложился к честным его мощам, поцеловав его святую руку. Неизвестно, как ему, Божиим смотрением, показалось, что святитель протянул руку свою, схватил его за язык и крепко держал. Он начал громко кричать. Священники и народ, бывшие тогда в церкви, поспешили к нему на крик и недоумевали, почему кричит немой. Увидав, что святой выпустил из рук язык, и перестав кричать, Иоанн начал тотчас ясно говорить и рассказывать всем о том, как чудесно разрешился от немоты язык его. Все, бывшие там, пришли в ужас от того дивного чуда и, прославляя дела Божии, величали и великого чудотворца святителя Иону.

Много и других чудес происходило и ныне происходит от честных мощей святого митрополита Московского Ионы всем, приходящим к ним с верою, во славу Христа, Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] По обретении мощей, великий князь Иван Васильевич с митрополитом Филиппом поручили известному творцу канонов и житий Пахомию Сербину написать *канон на обретение мощей* и установили ему *местное празднование* в соборе. Торжественное *общецерковное празднование* памяти святого Ионы было установлено при митрополите Макарии в 1547 году.

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО
ИОСИФА ПРЕКРАСНОГО

Прекрасный и душой и телом блаженный Иосиф[1] был сыном ветхозаветного патриарха Иакова, внуком Исаака и правнуком Авраама[2]. Он родился от второй жены Иакова Рахили, которая была

---

[1] *Иосиф* с евр. — приумножить, приложить.

[2] *Авраам* (с евр. «отец множества») — библейский патриарх, родоначальник избранного народа еврейского, призванный Господом для сохранения истинной веры. История его жизни излагается в Быт. 11, 26; 25, 10; к этому священному повествованию находим незначительные дополнения у Филона, Иосифа Флавия и других иудейских писателей. *Исаак* (с евр. «смех», — Быт. 21, 5–6) — библейский патриарх, сын престарелых Авраама и Сарры, носитель всех данных им обетований. Когда Исааку было двадцать пять лет, Авраам получил от Господа повеление принести его в жертву, и он с кротостью повиновался отцу; жертвенный нож, уже занесенный над ним рукою отца, был отклонен Ангелом. Женою Исаака была Ревекка, внучка его месопотамского дяди Нахора, от нее он имел двух сыновей: Исава и Иакова. Исаак умер ста восьмидесяти лет. История его жизни излагается в кн. Быт. 17, 19; 35, 29. *Иаков* (с евр. «запинатель») — второй сын Исаака и Ревекки, родился в Лахай-Рои вместе с Исавом, когда Исааку было пятьдесят девять лет, а Аврааму — сто пятьдесят девять. История его жизни изложена во второй половине книги Бытия (с 25-й по 50 гл.). За кротость он пользовался преимущественным расположением своей матери и при ее содействии получил от Исаака благословение, предназначавшееся только первородному. На семьдесят восьмом году своей жизни Иаков, избегая мести брата, отправился в Месопотамию к дяде своему Лавану. На пути в эту сторону, во время сна у Лузы, ему явился Господь и обещал рождение в его потомстве Искупителя. В Месопотамии Иаков женился на двух дочерях своего дяди, от которых имел двенадцать сыновей и дочь Дину. По возвращении из Месопотамии он проживал в Палестине, держась со своими стадами становищ Авраама и Исаака. Жизнь свою Иаков окончил в Египте, куда переселился к сыну своему Иосифу. От его сыновей произошло двенадцать колен народа израильского; судьбу их он пророчески предсказал в своем

неплодной до тех пор, пока Бог не услышал ее и не открыл ее чрева для рождения детей. Первым Рахиль родила отрока Иосифа, который у Иакова был одиннадцатым сыном. Вторым сыном Рахили был Вениамин, двенадцатый сын Израиля. По рождении Вениамина Рахиль умерла и была погребена[1] в Ефрафе, то есть в Вифлееме[2]. Сыновья Рахили, Иосиф и Вениа-

---

предсмертном благословении сыновей. Иаков умер ста сорока семи лет; тело его, по завещанию, было перенесено в землю Обетованную.

[1] Иаков похоронил Рахиль на дороге в Ефрафу, то есть Вифлеем, и поставил над ее гробом памятник (Быт. 35, 19). Гробница Рахили была хорошо известна и спустя многие столетия после (1 Цар. 10, 2). Местные иудеи и магометяне и доселе относятся к гробнице Рахили с большим благоговением. Арабы собираются сюда для торжественных молитв во время бездождия. Замужние женщины берут отсюда куски камня и носят их во время беременности. Память о самой Рахили сохранялась в ее потомстве в последующие времена. Жители и старейшины Вифлеема, благословляя супружество Вооза с Руфью, желали ему такого же счастья от Бога, какое принесла Израилю Рахиль (Руф. 4, 11). Пророк Иеремия, изображая бедствия пленения иудеев, представляет Рахиль, как праматерь израильтян, осиротевшей и безутешно плачущей о своих сынах, ибо их не стало (31, 15). Евангелист Матфей в этом печальном, описанном пророком событии, видит указание на другое, не менее печальное — избиение Иродом вифлеемских младенцев: дети вифлеемские принадлежали к потомству Рахили, и она, как мать их, безутешно плачет, потому что их нет (Мф. 2, 18).

[2] *Вифлеем* — город Палестины: в Ветхом Завете известен как родина величайшего иудейского царя Давида, и в Новом — как родина Иисуса Христа. Он находится в двух часах пути к югу от Иерусалима и лежит на двух холмах, склоны которых изобилуют виноградниками, а у подошвы тянутся хорошо обрабатываемые хлебные поля. От этого плодородия, вероятно, происходит и само название «Вифлеем» (с евр. «дом хлеба»). В древности он назывался Ефрафа (Мих. 5, 2) (с евр. «приносить плоды»). Со времени рождения Христа Спасителя Вифлеем сделался священным местом для всех христиан. До занятия Палестины османами (XV в.) Вифлеем не раз был совсем разрушаем, а к этому времени пришел в полный упадок, от которого оправился только с начала XIX столетия. Теперь это небольшой городок с населением до шести тысяч жителей арабов, наполовину православных, наполовину католиков, — носящий название Бейт-Лахм («дом мяса»). На месте вертепа — или пещеры, где родился Господь Иисус Христос, находится

мин, были очень дороги Иакову, потому что Бог послал их ему на склоне его дней, и притом они напоминали ему возлюбленную его супругу Рахиль, смерть которой очень огорчила его. Иаков так сильно любил ее, что ради нее в течение четырнадцати лет работал у тестя своего Лавана. К тому же, оба сына Рахили были добронравными, целомудренными и достойными любви, в особенности же блаженный Иосиф, в котором с юных лет поселилась благодать Святого Духа. Когда Иосифу исполнилось семнадцать лет, он стал пасти стада своего отца вместе с братьями, рожденными от других матерей. Видя греховные дела своих братьев, Иосиф гнушался принимать в них участие. Напротив, любя своих братьев и желая спасти их души, Иосиф о некоторых их беззакониях доводил до сведения отца своего Иакова, чтобы тот отечески наказал их и, таким образом, отвлек от своего дома гнев Божий. Иаков, видя в Иосифе такой разум, соединенный с целомудрием и страхом перед Богом, полюбил его еще более и сшил ему разноцветную одежду. Братья же сильно возненавидели Иосифа: одни — за то, что он не принимал участия в их греховных делах и давал знать о них отцу; другие — за то, что отец любил его больше, чем их. Они не могли дружелюбно разговаривать с Иосифом, взводили на него злые обвинения и клеветали отцу. Однако Иаков, хорошо зная невинность Иосифа, не верил им.

В то время Святой Дух, живший в Иосифе, в сновидениях начал открывать ему, как пророку, все, что касалось будущей его жизни. Ничего не скрывая, Иосиф рассказывал об этом отцу и братьям.

— Выслушайте, — сказал он однажды, — сон, который я видел. Мне снилось, что посреди поля мы вяжем снопы; мой сноп встал прямо, ваши же снопы, стоящие кругом, поклонились моему снопу.

На это братья сказали ему:

— Неужели ты будешь царствовать над нами и владеть нами?

храм; пещера находится под его алтарем; стены и пол ее отделаны мрамором. Местом рождения считается углубление в пещере, освещаемое пятью серебряными лампадами. В пол вделана серебряная звезда с латинской надписью: Hic de Virgine Maria Jesus Ghristus natus est — здесь от Девы Марии родился Иисус Христос. В шагах трех от этого места находится впадина, признаваемая местом нахождения яслей, в которые положен был Христос. К северо-западу от пещеры тянется узкий подземный проход, с престолами и часовнями, а также пещерой, где погребен блаженный Иероним († 420 г.).

И стали они еще более ненавидеть его за такой сон. Потом Иосиф увидел другой сон и тоже рассказал его отцу и братьям.

— Я видел, — сказал он, — как солнце, месяц и одиннадцать звезд поклонились мне.

Услышав это, отец побранил Иосифа со словами:

— Что означает этот сон? Неужели я и мать твоя (мачеха Лия) с твоими братьями придем и поклонимся тебе до земли?

Отец побранил его для виду. Этим он хотел спасти сына от еще большего гнева его братьев. В действительности же сон этот глубоко запал в душу Иакова. Он думал про себя: «Что это может быть? Мне кажется, что Господь на этом добродетельном отроке хочет удивить всех своею милостью».

И в душе он радовался этому. Братья же еще сильнее возненавидели Иосифа и задумали причинить ему зло.

Как-то раз, когда братья пасли овец в Сихеме[1], Иосиф с отцом находился в долине Хеврона. Чадолюбивый отец, заботясь о сыновьях, бывших в Сихеме, сказал возлюбленному сыну своему Иосифу:

— Пойди, дитя, к твоим братьям, посмотри, здоровы ли они и целы ли стада, и поскорее возвратись ко мне.

Исполняя приказание, Иосиф отправился к братьям, чтобы передать им приветствие отца; а Вениамин, будучи еще малым отроком, остался с отцом. Иосиф блуждал по сихемской пустыне и никак не мог найти своих братьев. Он уж стал беспокоиться о судьбе их, как встретился ему какой-то человек, который спросил его:

---

[1] *Сихем* — древний город земли Обетованной; лежит в Самарии, на горе Ефремовой, в восемнадцати часах от Иерусалима, в шестнадцати — от Назарета, в долине Гаризим и Гевал, изобиловавшей абрикосами, персиками, гранатами, сливами, розами и миртами. Когда Авраам пришел сюда в первый раз, здесь была лишь Дубрава Море (Быт. 12, 6); когда же Иаков возвратился из Месопотамии, место это называлось уже городом Сихема (Быт. 33, 18–19). У Эммора, отца Сихема, Иаков купил часть поля, раскинул здесь шатер свой, поставил жертвенник и призвал имя Господа Бога Израилева (Быт. 33, 19–20). Это была единственная собственность Иакова в земле обетования. Поблизости, вероятно, был и колодезь Иаковлев, о котором упоминается в Новом Завете (Ин. 4, 5–6). Сюда был послан Иаковом Иосиф к своим братьям и около этих мест продан был ими измаильтянам. Участок около Сихема Иаков перед своею смертью подарил Иосифу, который здесь был похоронен (Нав. 24, 32). В настоящее время Сихем, или Наблус, служит местопребыванием самарян.

— Чего ищешь, юноша?

Он отвечал:

— Я ищу своих братьев; скажи мне, если знаешь, где они пасут стада?

Тогда этот человек сказал ему:

— Они ушли отсюда, ибо я слышал, как они говорили: «Пойдем в Дофаим!»[1]

И он показал Иосифу путь. Иосиф пошел вслед за своими братьями и нашел их в Дофаиме. Когда он издалека увидел их, то сильно им обрадовался, потому что любил их. Те тоже увидели его издалека, и не успел он приблизиться к ним, как они уж разъярились на него, как дикие звери, и стали советоваться о том, как бы убить его. Они сказали друг другу:

— Вот, идет тот сновидец. Давайте теперь убьем его и сбросим в ров. После же скажем, что зверь съел его. Посмотрим тогда, как сбудутся его сны.

Самый старший брат, Рувим, слышал это и, желая спасти Иосифа от убийственных рук братьев, сказал им:

— Не убивайте его, не проливайте крови брата вашего: лучше бросьте его в тот ров, который находится в пустыне. Пусть умрет он там в одиночестве, но вы не налагайте на него рук своих!

Этим Рувим думал спасти невинного юношу от смерти. Он хотел тайно вытащить его изо рва и отпустить к отцу.

Кроткий, как овца, Иосиф ничего не знал о злобе своих братьев. Он подошел к ним и дружески поцеловал их, приветствуя от имени отца. Братья же, как звери, накинулись на него и стащили бывшую на нем разноцветную одежду. Они скрежетали на него зубами, как бы желая съесть его живым. Они били Иосифа кулаками и причиняли ему всякие обиды. В этой злобе братья казались ему свирепыми и беспощадными. Иосиф уж не надеялся на то, чтобы кто-нибудь заступился за него. Поэтому он возвысил голос и со слезами и рыданьями начал умолять братьев о пощаде:

---

[1] *Дофаим* — город близ горы Фавор и долины Ездрилонской; здесь шла дорога из Галаада в Египет, по которой тянулись караваны с разными товарами (Быт. 37, 25). Ныне это имя удерживает один зеленый холм на юго-восточной стороне великой равнины, с источником у подошвы горы, на север от Самарии.

— За что вы гневаетесь? Я прошу вас несколько освободить меня и выслушать мою просьбу. Братья! Вы сами знаете, что отец каждый день плачет о кончине моей матери. Неужели же вы решитесь нанести ему новую рану, когда старая еще не зажила. Я умоляю вас, не разлучайте меня с отцом, иначе с горя он сойдет в могилу. Я заклинаю вас Богом отцов наших, Авраама, Исаака и Иакова (см.: Мк. 12, 26), — Богом, Который повелел Аврааму уйти из земли и дома отца своего и поселиться в земле Обетованной (см.: Быт. 12, 1–3), — Богом, Который обещал сделать потомство Авраама таким же бесчисленным, как звезды на небе (см.: Быт. 15, 5) или песок на берегу моря (см.: Быт. 28, 14). Я заклинаю вас Вышним Богом, даровавшим Аврааму силу воли при жертвоприношении сына его Исаака и пославшим агнца для заклания его вместо сына (см.: Быт. 23, 1–19). Я заклинаю вас Святым Богом, Который благословил отца нашего Иакова устами Исаака (см.: Быт. 27, 27–29), отца его, и Который не покидал Иакова и в Харране, что в Месопотамии (см.: Быт. 28, 10–19)[1], откуда вышел Авраам: здесь Бог избавил Иакова от несчастия! Всем этим я заклинаю вас и прошу не разлучать меня с Иаковом, как смерть разлучила его с Рахилью. Иначе Иаков будет плакать обо мне так же, как плачет о Рахили, и закроются глаза его, не дождавшись моего возвращения. Сжальтесь надо мной и отпустите меня к отцу!

---

[1] *Месопотамия* — то есть Междуречье, древний Сеннаар (Быт. 10, 10), место рождения и жительства Авраама до выхода в землю Харран (Быт. 11, 28; Деян. 7, 2), так называется пространство, лежащее между реками Тигром и Евфратом, ограниченное на юге Персидским заливом, на севере — горами Армении. В более тесном смысле Месопотамией называется северная часть этой области, т. н. Эль-Джезир, тогда как южная часть известна под именем Вавилонии, нынешняя Ирак-Араби, то есть древняя Вавилония. В эпоху римлян страна разделялась на две части, Озроена на западе, перешедшая к Риму в 217 году по Рождестве Христовом, с главным городом Эдессой, и Мигдония на востоке с главным городом Низибидой, завоеванной в 115 году римским императором Траяном. Начало христианства в Месопотамии положено спутником апостола Фомы Иудой, или Фаддеем, по преданию одним из 70-ти учеников Господа Иисуса Христа. В окрестностях Низибиды родился святой Ефрем Сирин (III—IV вв.); епископ Низийский Фома Варсума был ревностным поборником несторианской ереси, учившей, что превечно рожденное от Отца Слово Божие только обитало в человеке Иисусе, пребывая с ним в особом нравственном соединении. В XI веке при нападении сельджуков Месопотамия склонилась к упадку и теперь принадлежит Турции. Жители — арабы, курды, армяне, сирийцы.

Так Иосиф умолял братьев Богом отцов своих. Жестокие же братья нисколько не смилостивились над ним и, не боясь Бога, повлекли Иосифа в ров. Он, припадая к их ногам, плакал и говорил:

— Братья! Простите меня!

Но они бросили его в ров. Этот ров когда-то был глубоким и темным колодцем, который впоследствии высох. Сидя в этом рву, Иосиф плакал горькими слезами и призывал к себе отца:

— Посмотри, отец, что сталось с твоим сыном! Меня, как мертвого, бросили в ров. Ты ждешь моего возвращения, а я, как разбойник, лежу теперь во рву. Ты сам, отец, сказал мне: «Иди, посмотри братьев твоих и стада и поскорей возвратись ко мне». Братья же обошлись со мной, как свирепые волки, и с гневом разлучили меня с тобой. Добрый отец! Ты не можешь уже видеть меня и слышать мой голос, я же не могу быть утешением твоей старости. Я не увижу больше твоих седин, ибо меня погребли и, притом, хуже, чем мертвеца. Плачь, отец, о твоем ребенке, как твой ребенок плачет о тебе, отце своем! Ведь меня разлучили с тобой в таких молодых летах! Кто бы мне дал голубку, владеющую человеческою речью, чтобы она полетела и рассказала тебе о моем горе? Нет у меня больше слез, и от стонов я потерял уже голос. Нет ничего, что могло бы помочь моему горю! О земля, земля, возопившая к Богу Святому за Авеля праведного, неправедно убитого, как повествуется изначала от наших прадедов, что и земля возопила за кровь праведнаго (см.: Быт. 4, 10)! Обратись же теперь за меня к отцу моему Иакову, расскажи ему все, что сделали со мной мои братья!

Так Иосиф до изнеможения рыдал во рву, и некому было его утешить.

А жестокие братья, бросив Иосифа в ров, с радостью стали есть и пить. Они так весело и торжественно возлежали, как будто победили неприятеля или захватили город. Во время этого веселья они заметили приближающихся к ним измаильтянских купцов[1], едущих из Галаада в Египет. С купцами шли верблюды, несшие на себе фимиам, ладан и другие ароматы. Тогда Иуда, четвертый сын Иакова, сказал своим братьям:

— Что пользы, если мы убьем брата и скроем его кровь? Лучше продать его этим измаильтянам, пусть они заведут его подальше.

---

[1] *Измаильтяне* — потомки Измаила, сына Авраамова от Агари (Быт. 16, 2).

Иосиф умрет в чужой стране, и мы не будем убийцами нашего единокровного брата.

Остальные братья согласились с Иудой. Они пошли и вытащили Иосифа изо рва. Прошедшие мимо измаильтяне дали за Иосифа тридцать золотых монет. Во время этой продажи Рувима не было: он куда-то уходил. По возвращении, Рувим пошел ко рву, но не нашел там Иосифа. Тогда он разодрал на себе одежды, возвратился к братьям и сказал:

— Во рву нет отрока! Куда я денусь? Как я перенесу рыдания по нем отца нашего?

Рувиму жалко было Иосифа.

Купцы, взявшие Иосифа, дошли в своем пути до того места в Ефрафе, где находилась могила Рахили: здесь она умерла, когда Иаков возвращался из Месопотамии. Как только Иосиф увидел могилу матери своей Рахили, он тотчас же подбежал и припал к ней. Затем громко и с горькими слезами он проговорил:

— Рахиль, мать моя! Встань из земли и посмотри на Иосифа, которого ты любила! Посмотри, что сталось со мной: вот иноплеменники уводят меня в Египет. К ним в рабство продали меня братья, и притом продали нагим, как злодея. Иаков не знает того, что меня продали. Открой мне гроб свой, мать моя, и прими меня к себе! Пусть гроб твой будет одним смертным ложем для нас обоих! О Рахиль! Возьми сына своего, чтобы на чужой стороне он не ждал уже смерти. Рахиль, возьми меня к себе! Разлука моя с Иаковом была так же неожиданна, как и разлука с тобой, мать моя. Пусть дойдут до слуха твоего рыдания и терзания моего сердца, чтобы ты взяла меня в гроб свой. Я не могу уже больше плакать: нет слез, и душа моя изнемогла от плача и рыданий. О Рахиль, Рахиль! Неужели ты не услышишь просьбы сына твоего Иосифа? Твоего сына силою уводят от тебя, а ты не хочешь удержать его. Я призывал Иакова — он не услышал моего голоса. Теперь я призываю тебя, и ты не хочешь услышать меня. Пусть умру я здесь над гробом твоим, но не пойду, как злодей, в чужую землю!

Когда измаильтяне, купившие Иосифа, увидели, как он припал к могиле, они сказали друг другу:

— Этот юноша при помощи колдовства хочет убежать от нас. Давайте свяжем его покрепче, чтобы он не причинил нам какой-нибудь неприятности!

Подойдя к нему, они злобно проговорили:

— Встань, довольно колдовать, а не то мы убьем тебя на этой могиле. Мы не хотим терять деньги, заплаченные за тебя!

Когда же Иосиф встал, то измаильтяне увидели, что все лицо его опухло от горьких слез. И каждый из них участливо начал расспрашивать его:

— Отчего ты так горько заплакал, как увидел эту могилу? Не бойся и скажи нам, кто ты такой и за что тебя продали? Пастухи, которые продали тебя, сказали нам: «Смотрите за ним, чтобы дорогой он не убежал от вас; если же убежит, то это не наша вина: мы предупредили вас». Скажи же нам правду: чей ты раб? Тех ли пастухов или кого-нибудь другого? И объясни, почему ты с такой любовью припал к этой могиле? Мы твои господа, потому что мы купили тебя. Как раб, ты все расскажи нам. Если же что-нибудь от нас утаишь, то кому же другому ты можешь поведать свое горе? Ведь ты раб наш? Те пастухи сказали нам, что ты можешь убежать от нас, — это беспокоит нас. Успокойся же и откровенно скажи нам, кто ты такой! Ты нам кажешься господином, и мы хотим видеть в тебе не раба, а нашего любимого брата. Твоя прекрасная внешность и твой склад ума показывают нам, что ты достоин предстать пред царем и пользоваться почетом наряду с другими вельможами. Все твои совершенства говорят, что ты достигнешь большой власти. Будь же нам другом и там, куда мы приведем тебя. Кто может не полюбить такого умного, благородного и прекрасного юношу?!

Вздохнув, Иосиф отвечал им:

— Хотя меня и продали вам, но я не был ни рабом, ни вором, ни чародеем и вообще не совершил никакого преступления. Я — любимый сын отца моего, и был любимым сыном матери, когда она была еще жива. Те пастухи — мои братья. К ним послал отец справиться об их здоровье. Они долго не возвращались с гор, оттого чадолюбивый отец, беспокоясь, послал меня проведать их. Они же схватили меня и продали вам в рабство. Братья мои не могли смотреть без за-

висти на любовь ко мне отца моего, и это было причиной того, что они разлучили меня с ним. Находящийся же здесь гроб есть гроб моей матери. Когда отец мой Иаков переселялся из Харрана на то место, где он жил раньше, то моя мать умерла здесь и была погребена в этой могиле.

Услышав это, измаильтяне с сочувствием сказали:

— Не бойся, юноша! Великий почет ожидает тебя в Египте. Твоя внешность служит доказательством твоего благородства. Ты не печалься, напротив, будь доволен, что ты далеко теперь от твоих завистливых братьев, которые без причины ненавидели тебя.

Братья же Иосифа, когда продали его, привели козла, закололи его и вымарали кровью одежду Иосифа, которую и послали отцу Иакову с такими словами:

— Эту одежду мы нашли лежащей в горах и признали в ней одежду нашего брата Иосифа, что всех нас опечалило. Мы не нашли самого Иосифа и послали к тебе его разноцветную одежду. Посмотри, твоего ли она сына или нет. Мы все признали, что это одежда Иосифа.

Узнав одежду своего сына, Иаков с плачем и горьким рыданием сказал:

— Это — одежда моего сына, хищный зверь съел его!

И разодрал Иаков свои одежды. Надев на себя рубище, он с рыданиями произнес:

— Зачем не я был съеден вместо тебя, сын мой?! Зачем не меня встретил тот зверь, чтобы насытиться мной, а тебя оставить в целости? Зачем не меня растерзал тот зверь? О, зачем же не я был его пищей? Горе мне, горе! Мое сердце сильно скорбит по Иосифу! Горе мне, горе мне! Где убит мой сын, чтобы я мог пойти и растерзать свои седины над красотой его? Я не хочу больше жить без Иосифа! Дитя! Я — виновник твоей смерти! Я убил тебя, послав в пустыню проведать братьев твоих и стада! О дитя! Я буду плакать и горевать до тех пор, пока не сойду в преисподнюю! Вместо мертвого тела твоего я со слезами кладу перед собой одежду твою. Но она приводит меня в уныние еще по другой причине. Вся она цела, и я думаю, что не зверь съел тело твое, а человеческие руки схватили и убили тебя. Если бы тебя действительно съел зверь, как говорили

братья твои, то платье твое было бы разодрано на части, потому что зверь не станет раньше стаскивать одежду, а уж потом поедать тело. Если же он сперва стащил платье, а уж после съел тебя, то платье не было бы замарано кровью. На этом платье нет следов ни от когтей, ни от зубов, — откуда же тогда кровь на нем? Если бы в пустыне были одни только звери и не было разбойников, я горевал бы о том, что тебя съели звери, и не мог бы предполагать того, что разбойники убили тебя. Я унываю об Иосифе, и его одежда приводит меня еще в другое, не меньшее уныние. Итак, у меня два несчастия: с плачем я буду думать о том, каким образом была снята его одежда, и о том, каким образом было убито или съедено его тело? Я умру, Иосиф, мой свет и подпора, и одежда твоя пусть сойдет в преисподнюю вместе со мной. Без тебя, Иосиф, я не хочу видеть этот свет!

И много дней Иаков оплакивал Иосифа. Все сыновья и дочери Иакова собрались вместе утешать его, но он не хотел утешиться и сказал:

— С печалью я сойду в преисподнюю к сыну моему!

Тем временем измаильтяне поспешно вели Иосифа в Египет[1], надеясь получить за его красоту много золота от какого-либо вельможи. Когда они шли по египетскому городу, их встретил царедворец фараона[2] Пентефрий. Он увидел Иосифа и обратился к измаильтянам с такими словами:

— Купцы, скажите мне, откуда у вас этот юноша? Он нисколько не похож на вас, потому что среди вас, измаильтян, нельзя найти такого красивого юношу.

Они ему отвечали:

— Этот отрок очень умен и принадлежит к знатному роду.

---

[1] *Египет* — одно из первых по времени государств земного шара, еще в глубокой древности достигшее сравнительно высокой степени культуры и гражданственности. Он занимает узкую береговую полосу Африки по обеим сторонам реки Нила; прежде Египет непосредственно сливался с северо-западным углом Аравийского полуострова, так что жители Азии и Африки находились в самых живых сношениях между собою. Географическая близость Египта с Сирией и Палестиной, его выдающееся плодородие и объясняют его важное значение в истории древнего Востока.

[2] *Фараон* есть общее имя древних царей египетских и в переводе с египетского значит царь.

Пентефрий охотно купил у них Иосифа и заплатил столько, сколько им было угодно. Царедворец ввел его в свой дом и всячески старался узнать его прежнюю жизнь. Потомок праведных Авраама, Исаака и Иакова жил у Пентефрия в добродетели и большой кротости, и Господь был с ним. Иосиф вел честную и непорочную жизнь. По лицу и словам его было видно, что он целомудрен и боится Бога: он никогда не забывал всевидящего Бога отцов своих, Который избавил его от смерти во рву и от ненавистных братьев. Иосиф горевал только об отце своем Иакове. Живя у Пентефрия, Иосиф снискал к себе его благоволение и понравился ему. Пентефрий, видя, что с Иосифом находится Господь, Который успешно устраивает все в его руках, поставил его начальником над всем домом и отдал в его руки все имущество: имения, села, рабов и домашнее хозяйство. Сам Пентефрий при Иосифе не знал ни о чем, кроме той пищи, которую ел за своим столом: он ясно видел, что Иосиф честен и что имущество в руках его растет все больше и больше. Ради Иосифа Бог благословил дом египтянина. Все рабы и рабыни были очень довольны Иосифом, потому что при нем им жилось хорошо и вполне безбедно, во всяком довольстве.

Иосиф имел хорошую внешность и красивое лицо. Супруга Пентефрия была поражена красотой его, и сердце ее загорелось к нему сатанинскою любовью. Она всячески старалась соблазнить невинного Иосифа и сильно желала побыть с ним. Чтобы прельстить Иосифа, жена Пентефрия прибегала ко многим хитростям: каждый час переменяла одежды, умывала и намазывала лицо и навешивала на шею ожерелья. Кроме того, она обольщала праведную душу Иосифа разными телодвижениями, мерзким смехом и прелюбодейными словами. Но всеми этими хитростями она губила только себя. Иосиф не смотрел на ее украшения и не думал грешить с ней. Мысль о Боге и страх перед Ним защищали его от всяких искушений. Когда же жена Пентефрия увидела, что все ее украшения не действуют, она еще больше воспылала огнем прелюбодеяния и не знала, чем бы ей еще подействовать на целомудренного юношу. После она еще раз задумала совратить его на грех своими бесстыдными словами; змеиный яд, находящийся в ней, открыл ее уста, и она сказала Иосифу:

— Побудь со мной и ничего не бойся; напротив, будь посмелей со мной, чтобы я могла насладиться твоей красотой, а ты моей добротой. Ты никого не бойся, потому что все слуги подчинены нам и ты владеешь всем домом; никто не войдет к нам и не узнает ни о наших разговорах, ни о наших отношениях. Если ты потому не соглашаешься на мои предложения, что боишься мужа, то я могу отравить его.

Невинный же юноша продолжал сохранять себя от порока. Его тело и душа были непобедимы. Иосиф не погиб в этой буре. Боясь Бога, он отверг все предложения госпожи своей. Оставаясь целомудренным, он ответил ей так:

— Госпожа моя, я не могу согрешить с тобой, ибо боюсь Бога. Мой господин поручил мне все, как домашнее, так и сельское хозяйство, и нет ничего, на что не простиралась бы моя власть, разве только кроме тебя, госпожа моя. Грешно же мне отвергать такую любовь господина моего и заниматься в дому его столь недостойными делами, этим я прогневаю Бога, Которому известны все человеческие тайны.

Вот такими и им подобными словами Иосиф наставлял госпожу свою. Змея же эта ничего не хотела слушать и еще больше возбуждалась сладострастием. Желая принудить Иосифа ко греху, она искала только на то удобный час и случай. Иосиф, видя, как госпожа хочет прельстить его, часто обращался с молитвой к Богу отцов своих, говоря:

— Бог отцов моих, Авраама, Исаака и Иакова, избавь меня от этого несчастия! Ты Сам видишь, Господи, как эта сумасшедшая женщина незаметно хочет погубить меня своим злодеянием. Ты, Владыка, избавил меня от убийственных рук моих братьев. Теперь избавь меня от этого хищного зверя, иначе я буду отчужден от отцов моих, которые так сильно возлюбили Тебя, Господи.

В молитве Иосиф обращался также и к Иакову:

— Отец мой Иаков, помолись усердно за меня Богу! Помолись за меня, потому что враг хочет разлучить меня с Богом. Греховная смерть от женщины еще ужаснее смерти от рук братьев. Та смерть хотела уничтожить тело мое, эта же душу мою хочет разлучить с Богом. Отец! Благодаря твоим молитвам к Богу я избавился от смерти во рву. Теперь еще помолись пред Вышним об избавлении меня от

греховного рва, куда толкает меня эта женщина, не имеющая ни стыда, ни страха перед Богом. Когда я пришел к моим братьям, они зверски поступили со мной и, как свирепые волки, разлучили меня с тобой. Здесь же меня встретил еще более свирепый зверь. Помолись же, преподобный, за меня, сына твоего Иосифа, чтоб мне не умереть душою перед Богом нашим.

Иосиф оставался непобедимым, а госпожа его продолжала искать удобного случая, чтобы привлечь его к себе. Случилось в один день, что Иосиф по какому-то делу вошел в дом. Никого из домашних в нем не было. Вдруг Иосифа схватила госпожа и повлекла на постель. Обнажившись, она стала принуждать его к прелюбодеянию. Целомудренный и святой юноша, видя ее наглость, отвернулся от наготы ее и, вырвавшись силою, выбежал вон. Верхняя одежда его осталась в руках госпожи. Так Иосиф порвал все сети диавола. Орел, когда увидит охотника, взлетает еще выше. Так поступил и Иосиф. Он убежал от женщины, потому что не хотел, чтобы ее сети вовлекли его во грех. Жена же Пентефрия, видя, что Иосиф избежал ее рук, сильно испугалась; ею овладел великий страх. К тому же, ей стало стыдно. Она стала придумывать, как бы получше оклеветать юношу, чтобы муж рассердился на него и из ревности убил его. Она подумала:

«Лучше будет, если Иосиф умрет. Его смерть облегчит меня. Я не могу видеть такой красоты без того, чтобы не насладиться ею. Меня же он только презирает».

После того она громко призвала рабов и рабынь и сказала им:

— Посмотрите, что сделал со мной этот раб еврей! Мой муж дал ему власть над всем домом, он же самым бесстыдным образом захотел изнасиловать меня. Ему мало владеть домом, он пожелал и меня отнять от мужа моего. Он пришел ко мне и сказал: «Ложись со мной», — на это я, как вы сами слышали, громко закричала. Иосиф испугался этого крика и убежал вон, оставив одежду свою у меня.

Все слушающие удивлялись происшедшему, потому что никто из них не ожидал, чтобы Иосиф был настолько наглым. Когда Пентефрий явился из царских палат, супруга его взяла Иосифову одежду и показала ему. Затем, как целомудренная, она начала жаловаться на Иосифа и сказала:

— Ты привел этого еврея для того, чтобы он надругался над нами. Неужели ты научил его так оскорбить и обидеть меня? Он нашел в доме меня одну и хотел изнасиловать меня. Если бы я не закричала, а домашние не подоспели на мой крик, то он совершил бы насилие, ибо я, слабая, не могла бы вырваться из рук его, более сильного. Когда он услышал, что я закричала и что на мой крик бегут домашние, он убежал из дому, оставив у меня свою одежду.

Пентефрий тотчас же поверил этим ложным словам и сильно разгневался на Иосифа. Он приказал сковать Иосифа и отправить в тюрьму. Пентефрий забыл про то благоустроение в домашнем и сельском хозяйстве, которое Бог послал ради Иосифа. Не проверив слов жены своей, Пентефрий осудил невинного Иосифа. Бог же Авраама, Исаака и Иакова, испытывающий сердца людей, не покидал Иосифа и не оставлял его своею милостью: Иосиф снискал благоволение начальника тюрьмы и жил как на воле. Господь Бог не оставляет боящихся Его. И жил Иосиф у начальника тюрьмы так же, как и у Пентефрия. Видя Иосифа во всем себе верным, начальник сделал его смотрителем над всей тюрьмой.

Как-то раз после этого два царедворца фараона египетского, главный хлебодар и главный виночерпий, провинились перед своим господином. Фараон разгневался и посадил их в ту же тюрьму, куда был посажен и Иосиф. Прошло несколько дней, как они жили в тюрьме. Иосиф во всем помогал им, потому что они были честными людьми. Вот однажды каждому из них в одну и ту же ночь приснился сон, предзнаменовавший близкое будущее. Иосиф по обычаю пришел к ним поутру и нашел их смущенными и печальными. Он спросил их:

— Отчего сегодня у вас печальные лица?

Они сказали ему:

— В эту ночь каждый из нас видел сон, и мы потому печальны, что некому истолковать их.

Тогда Иосиф сказал им:

— Один Бог, как Всеведущий, может, если захочет, открыть значение сна людям, боящимся Его. Расскажите каждый свой сон. Бог откроет вам через меня их значение.

Главный виночерпий рассказал ему такой сон:

— Я видел пред собою виноградник, а в нем виноградную лозу. На лозе выросли три молодые ветви, которые дали зрелые ягоды. У меня в руках была чаша фараона. Я взял и подал ее в руки фараона.

На это Иосиф ответил ему:

— Вот что значит твой сон: три ветви — это три дня. Через три дня фараон вспомнит о тебе, смилуется над тобой и, освободив отсюда, снова назначит тебя на прежнюю должность. Тогда, как и прежде, ты подашь чашу фараону. Вспомни же обо мне, господин мой, когда тебе будет хорошо, и окажи мне благодеяние. Я прошу упомянуть про меня фараону и освободить меня отсюда. Ведь меня украли из земли Еврейской. В вашей же стороне я тоже не совершал никакого преступления, и если меня посадили в тюрьму, то только по злобе.

Когда главный хлебодар увидел, что Иосиф так хорошо истолковал сон его другу, он сказал Иосифу:

— Я также видел сон: мне снилось, что на голове у меня находятся три корзинки со всякой пищей. Прилетали птицы и клевали пищу с головы моей.

Иосиф ответил ему:

— Вот что значит твой сон: три корзины — это три дня. Через три дня фараон снимет с тебя голову и повесит тебя на дереве; и птицы будут клевать тело твое.

На третий день, день своего рождения, фараон устроил пир для всех вельмож своих и слуг. На этом пиру он вспомнил про главного виночерпия и главного хлебодара и приказал привести их обоих. Расследовав их дело, фараон велел главного хлебодара повесить, а главного виночерпия возвратить на прежнюю почетную должность. Этот же виночерпий совершенно забыл про Иосифа и не упомянул о нем фараону.

Два года спустя фараону приснился удивительный сон. Он видел, будто стоит у реки, и вот из нее вышли семь сытых коров, хороших на вид и тучных телом. Эти коровы стали пастись на речном берегу. После них из реки вышли семь других коров, худых на вид и тощих телом. Они стали пастись подле первых. Вдруг эти семь худых коров пожрали семь других тучных. Несмотря на это, они не

насытились и остались такими же худыми, какими и были. На этом фараон проснулся. Уснув снова, он увидел другой сон: на одном стебле поднялись семь полных и хороших колосьев; после них выросли семь других колосьев, тощих и иссушенных ветром. Эти тощие колосья пожрали семь полных. Сон ужасно смутил проснувшегося фараона. Он призвал всех волхвов и мудрецов Египта и рассказал им сон. Ни один из них не мог растолковать этого сна: разве могут служащие бесам волхвы понять непостижимые тайны небесного Бога? Этим фараон был сильно опечален. Тогда главный виночерпий вспомнил об Иосифе, растолковавшем ему сон в тюрьме, и сказал фараону:

— Теперь только, господин мой, я вспомнил о своем грехе. Когда ты разгневался на нас, рабов твоих, и посадил меня и главного хлебодара в тюрьму, так каждый из нас в одну ночь увидел сон, касающийся его будущей жизни. Там же жил с нами молодой еврей, раб Пентефрия. Ему мы рассказали наши сны, и он истолковал их. Как он сказал, так и сбылось: меня ты, царь, помиловал и назначил на прежнюю должность, его же приказал предать смерти.

Услышав это, фараон обрадовался и приказал поспешно привести Иосифа из тюрьмы. Его остригли и переменили ему одежду, потому что, как узник, он очень оброс и одет был в рубища. Иосиф предстал пред фараоном и его вельможами. Фараон сказал ему:

— Я слышал, что ты весьма мудр и смышлен и умеешь толковать сны. Я видел сон, который никто не может объяснить мне. Объясни же ты его.

Иосиф отвечал:

— Вышний Бог может, если захочет, открыть людям непостижимые тайны. Без Бога невозможно узнать ни о каком благом предзнаменовании.

Тогда фараон при всех вельможах начал рассказывать Иосифу свой сон о тучных и худых коровах, о полных и тощих колосьях, о том, как худые пожрали тучных и тощие полных, о чем уже сказано выше. Иосиф, преисполненный пророческого духа, стал толковать сон и предсказывать будущее, как в течение семи лет будет богатство и изобилие плодов по всей Египетской земле, на что указывают семь сытых коров и семь полных колосьев. По истечении

этих лет, будет сильный голод, на что указывают худые коровы, съевшие тучных, и семь тощих колосьев, которые пожрали полных и не насытились. Про прежнее изобилие везде забудется, и голод истощит всю землю. Земного плодородия не будет и в помине вследствие голода, который наступит через семь лет, — и этот голод будет очень тяжел. А что это сбудется непременно, видно из того, что Бог одно и то же открыл тебе, царь, в двух снах: о коровах и колосьях. Теперь прими совет убогого раба твоего: выбери мудрого и разумного человека и поставь его начальником над всей Египетской землей. В течение этих наступающих семи плодородных лет нужно собирать пятую часть всех произведений Египетской земли. Пшеницу и всякий хлеб нужно складывать в царские кладовые. Точно так же и по всем городам пусть собирают и хранят хлеб, чтобы запасти пищу на семь лет голода, иначе весь Египет погибнет от него.

Фараон и его вельможи удивились пророческим словам Иосифа и мудрому совету его. И сказал фараон своим вельможам:

— Можем ли мы найти такого, как он, человека, в котором был бы Дух Божий?

Потом фараон обратился к Иосифу:

— Так как все это Бог открыл тебе, то нет человека более разумного и мудрого, чем ты. В моем дворце и во всем моем царстве ты будешь первым после меня. Твоих приказаний будет слушаться вся Египетская земля. Разве только престолом я буду выше тебя.

Фараон снял с руки перстень и надел его на руку Иосифа. Потом он надел на Иосифа багряную одежду и повесил на шею его золотую цепь. При этом он сказал:

— Сегодня я назначаю тебя вторым царем всего Египта. Без тебя я не подниму руки своей, и никто во всей Египетской земле не осмелится что-либо сделать без твоего приказания.

Фараон дал Иосифу египетское имя Псонфомфаних, то есть «Спаситель мира». По приказанию фараона Иосифа посадили на вторую из царских колесниц и повезли по городу, а глашатаи кричали, что над Египтом поставлен второй царь. Все царские вельможи шли, окружая колесницу, и воздавали второму царю такие же почести, как и самому фараону.

О замечательная перемена, происшедшая в один час с праведным юношей, благодаря покровительству Бога, Который знает, как возвысить и прославить, чтобы посадить его с царями и вельможами! О праведный суд Твой, Боже! Так, Господи, Ты очистил от клеветы невинного Иосифа. Так успокоил Ты оскорбленного этого праведника и еще на этом свете воздал ему столь славную награду за чистоту его и терпение! Тем более воздашь Ты в будущей жизни святым угодникам Твоим!

Когда вельможа Пентефрий, тот самый, который посадил в тюрьму Иосифа, узнал про чудесный случай, как Иосиф с великой славой воссел на колесницу фараона, он страшно испугался. Со страхом и трепетом он пришел домой и сказал жене своей:

— О жена, ты не знаешь, какое невероятное событие произошло в Египте! Для нас оно очень страшно! Наш раб Иосиф теперь стал господином не только над нами, но и над всей Египетской землей. Прославляемый всеми, он восседает теперь на колеснице фараона. От страха и трепета я не мог показаться ему на глаза и незаметно ушел от вельмож.

Узнав об этом, жена Пентефрия сказала своему мужу:

— Ничего не бойся. Теперь я признаюсь тебе в своем грехе. Я безумно любила Иосифа. Все время я прихорашивалась и прельщала его, чтобы иметь возможность побыть с ним и насладиться красотой его. Но я не могла достигнуть этого. Ввиду того, что он не соглашался на мои предложения, я силою заставляла его лечь со мной. Целомудренный же Иосиф убежал от меня и оставил одежду свою, которую я и показала тебе. Я наклеветала на него, будто он хотел изнасиловать меня. Таким образом, выходит, что через меня он достиг царской власти и такой большой славы. Ведь если бы я не любила Иосифа и он жил не в тюрьме, а у нас дома, то его добродетель и мудрость оставались бы под спудом и не были бы прославлены. Он должен быть доволен мной за то, что я явилась виновницей такой славы его и почета. Не будем же бояться этого праведного и преподобного Иосифа. Он никому не рассказал о случившемся между нами и, наверное, по своему незлобию, простит нас. Пойдем и вместе с другими вельможами поклонимся ему.

Они пошли и в смущении поклонились Иосифу. Тот нисколько не озлобился на них и никому не рассказал о том, что было между ними.

Фараон женил Иосифа на Асенефе, дочери Пентефрия, но не того Пентефрия, у которого работал Иосиф, а другого: тот был царедворцем, этот же — жрецом в городе Илиополе[1], то есть Солнечном городе. Иосифу было тридцать лет, когда он начал царствовать в Египте. Согласно его пророчеству, земля в течение семи лет действительно приносила обильный урожай. В это время Иосиф проходил по всему Египту, собирал пшеницу и всякие земные плоды и складывал их по городам. Он скопил пшеницы так же много, как песку морского, так что потом не мог даже вымерить ее, ибо ее было без числа. Еще до наступления семи лет голода, у Иосифа от Асенефы родились два сына, первый по имени Манассия, второй — Ефрем. Но вот прошли семь лет изобилия, и наступили семь лет голода. День ото дня голод усиливался во всей стране. Во всей Египетской земле нигде не стало хлеба, кроме царских хлебных запасов. Весь Египет почувствовал голод. Народ начал просить у фараона хлеба. Фараон отсылал их к Иосифу. Последний открыл царские житницы и стал продавать хлеб всем египтянам. И из всех стран приходили в Египет покупать хлеб у Иосифа, ибо голод захватил всю землю.

Великий голод достиг также земли Ханаанской, где жил Иаков. Старец и сыновья его стали изнемогать от голода. Узнав о том, что в Египте есть много хлеба, Иаков сказал сыновьям своим:

— Что вы не позаботитесь? Вот я слышал, что в Египте продается много пшеницы. Идите туда и купите там немного хлеба, чтобы вам не умереть с голоду.

Десять братьев Иосифа отправились в Египет. Самый младший брат, Вениамин, остался с отцом, потому что Иаков не пустил его в дорогу с братьями, Иаков сказал:

---

[1] *Илиополь* — один из самых древних и знаменитых городов на юге Нижнего Египта. Здесь существовала жреческая школа, здесь получили начало одно из важнейших священных произведений египтян «Книга мертвых» и другие священные тексты. Находившийся здесь Храм Солнца был предметом забот всех фараонов. Развалины Илиополя находятся близ деревни Матарийе (к северу от Каира).

— Еще случится с ним дорогой такая же беда, как и с его братом Иосифом!

Сыны Израилевы пришли в Египет. Вместе с ними явилось много других пришельцев с той же целью — купить пшеницы, которую продавал всем Иосиф, князь Египетской земли. Братья подошли к Иосифу и поклонились ему до земли. Когда Иосиф увидел братьев своих, он тотчас же узнал их. Он сурово, как бы гневаясь, спросил их:

— Откуда вы пришли?

Они отвечали:

— Мы пришли из земли Ханаанской[1] купить хлеба.

Иосиф вспомнил свои сны и увидел, что они начинают сбываться. Поэтому он прославлял Бога в сердце своем. Потом, как бы сердясь, он снова сказал им:

— Вы — шпионы, соглядатаи. Вы пришли высмотреть пути этой страны?

Они же сказали:

— Нет, господин. Мы, рабы твои, люди честные и пришли купить пищи. Все мы — дети одного человека и вовсе не шпионы и не соглядатаи.

Иосиф сердитым голосом сказал им на это:

— Нет, вы пришли высмотреть пути этой страны.

Братья сильно испугались и в доказательство своей невинности стали говорить о доме своем и об отце.

— В Ханаанской земле у нас есть праведный отец. Раньше нас было двенадцать братьев, а теперь стало одиннадцать. Здесь нас десять человек. Один из наших братьев, съеденный зверями, умер в пустыне. Отец до сих пор плачет о нем, потому что очень любил его. Другой брат, самый младший, остался дома утешать отца.

Иосиф сказал им на это:

— Вот, я правду говорил, что вы — шпионы и соглядатаи, ибо вы сами же себя выдаете. Клянусь жизнью фараона, что вы не уйдете

---

[1] Под землею Ханаанской разумеются обширные земли, лежащие на западе Азии по восточному побережью Средиземного моря, — в частности, земля по ту сторону Иордана, то есть Финикия, и земля филистимлян; при этом от земли Ханаанской отличается страна Заиорданская. В новейшее время под землею Ханаанскою разумеется обыкновенно вся Обетованная земля — все земли, занимаемые израильтянами по обе стороны Иордана.

отсюда, пока не придет сюда младший брат ваш. Пошлите одного из вас привести брата вашего, вы же будете задержаны. Тогда откроется, правду ли вы говорите или нет. Если вы не приведете сюда младшего брата, то вы действительно — шпионы и соглядатаи.

Так Иосиф сказал им и отдал их под стражу на три дня. На третий день он привел их к себе и сказал:

— Только из-за боязни Бога я не прибегаю к жестоким пыткам. Если вы действительно люди честные, а не шпионы и соглядатаи, и хотите остаться в живых, то вы должны сделать вот что. Один из вас пусть останется здесь в тюрьме. Остальные отправляйтесь домой и захватите купленную пшеницу отцу вашему; младшего же брата вашего, о котором вы говорите, приведите оттуда ко мне. Тогда оправдаются ваши слова. Если вы на это не согласитесь, то будете умерщвлены.

Они согласились на это и сказали друг другу по-еврейски:

— Мы заслужили эту напасть. Мы наказываемся за грех против брата нашего, потому что оставили без внимания страдание души его, когда он умолял нас. Мы не слушали его. За то и постигло нас это горе.

Старейший брат Рувим сказал им:

— Не говорил ли я вам тогда: не обижайте отрока? Вы не послушали меня. Теперь кровь его взыскивается с нас.

Беседуя меж собою, братья не знали, что Иосиф понимает их речь. Иосиф же отошел от них и прослезился. Потом, подойдя к ним, он приказал взять из среды их Симеона и связать его перед ними. Этот Симеон больше всех ненавидел Иосифа и больше всех показал свою злобу, когда Иосифа бросали в ров и продавали измаильтянам. Связанного Симеона Иосиф приказал посадить в тюрьму. Относительно прочих братьев он сделал распоряжение наполнить мешки их хлебом, тайно возвратить серебро в мешок каждого и дать им запасов на дорогу.

После этого Иосиф отпустил своих братьев. Те положили хлеб на ослов своих и отправились в путь к земле Ханаанской. Как-то раз они остановились на отдых. Один из братьев, желая дать корм своему ослу, открыл мешок и в отверстие его увидел свое серебро. Он сказал братьям:

— Мне возвратили серебро, оно нашлось в мешке моем. Братья были смущены этим и сказали друг другу:

— Что это Бог сотворил нам?!

Приехав к отцу, они рассказали ему о всем случившемся с ними в Египте. Высыпая пшеницу из мешка своего, каждый брат находил в нем и свое серебро. Это еще больше испугало их.

Выслушав сыновей, отец печально сказал им.

— Вы лишили меня детей. Иосифа нет, Симеона нет; неужели вы хотите взять от меня и голову.

Рувим сказал отцу:

— Убей обоих сыновей моих, если я не приведу его к тебе. Отпусти его на мои руки.

Иаков отвечал:

— Сын мой не пойдет с вами, потому что брат его умер, и он остался у меня один. Я боюсь, что на пути, когда он уйдет от меня, случится с ним такое же несчастье, как и с братом его Иосифом. Тогда вы сведете старость мою с печалью в могилу.

Голод в Ханаанской земле продолжал свирепствовать. Когда весь купленный в Египте хлеб был съеден, Иаков сказал сыновьям своим:

— Пойдите опять в Египет, купите там немного хлеба, чтобы нам не умереть с голоду.

На это Иуда сказал ему:

— Господин той земли решительно объявил нам: «Не показывайтесь мне на лицо, если младшего брата вашего не будет с вами». Если пустишь с нами Вениамина, то мы пойдем в Египет и купим тебе хлеба. Если же не пустишь, то не пойдем. Тот господин сказал нам: «Вы не увидите меня, если младший брат ваш не придет с вами».

Иаков сказал:

— Зачем вы причинили мне зло, сказав египетскому господину, что имеете еще брата?

Сыновья отвечали ему:

— Тот господин спрашивал нас о нашем роде: «Жив ли еще отец ваш? Есть ли у вас брат?» Мы ответили ему на все вопросы. Могли ли мы знать, что он скажет: «Приведите брата вашего!»

Потом Иуда снова обратился к отцу своему:

— Отпусти отрока со мной, пусть пойдет он с нами. Тогда и ты, и мы, и весь род наш не умрем, но останемся живы. Я беру отрока на свое попечение, и из моих рук ты потребуешь его. Если я не приведу его к тебе и не поставлю его пред лицом твоим, то навсегда останусь виновным пред тобой. Если бы мы не промешкались из-за Вениамина, то уж дважды бы могли привезти хлеба из Египта.

Иаков сказал сыновьям:

— Если так, то делайте, как хотите. Возьмите с собой плодов нашей земли, как то: бальзаму, меду, фимиаму, ладану, фисташков и других орехов и отнесите в дар египетскому господину. Кроме того, возьмите с собой двойное количество серебра, чтобы возвратить то, которое нашли вы в мешках своих. Возьмите с собой Вениамина и отправляйтесь в путь. Пусть всемогущий Бог даст вам возможность снискать благоволение того человека, чтобы он отпустил и Симеона и Вениамина. Я же, пока вы не возвратитесь, буду считать себя бездетным.

Сыновья Иакова взяли с тобой дары, двойное количество серебра и Вениамина и пошли в Египет. Они предстали пред Иосифом. Когда Иосиф увидел с ними Вениамина, он сказал начальнику дома своего:

— Введи этих людей в дом. Потом заколи что-нибудь из скота и приготовь обед. В полдень я буду есть вместе с ними.

Начальник исполнил приказание Иосифа и ввел братьев его в дом. Когда их ввели в дом Иосифа, они сказали друг другу:

— Нас ввели сюда из-за серебра, которое возвратили нам в мешки наши, чтобы оклеветать нас и захватить в рабство.

И сказали они начальнику дома:

— Господин, послушай нас, мы умоляем тебя. Мы приходили уж сюда покупать пшеницу. Случилось так, что, когда мы пришли на стоянку и открыли наши мешки, серебро каждого нашлось в мешке его. Мы не знаем, кто положил его туда. Теперь мы принесли двойное количество серебра, чтобы одну половину возвратить, как найденное в мешке, а другую заплатить за пшеницу.

Начальник дома сказал им:

— Будьте спокойны, не бойтесь. Это сокровище послал вам Бог ваш и Бог отца вашего.

Затем начальник привел к ним Симеона и принес воды, чтобы они омыли свои ноги; ослам их он дал корму. Братья приготовили дары и ждали прихода Иосифа, ибо слышали, что у него сготовлен для них обед. Когда Иосиф пришел в дом, братья поклонились ему до земли и поднесли привезенные из дому дары. Иосиф спросил их:

— Здоровы ли вы и здоров ли старец отец ваш, о котором вы говорили, жив ли еще он?

Они отвечали:

— Здоров раб твой, отец, жив еще.

На это Иосиф сказал:

— Человек тот благословен от Бога.

Братья снова поклонились ему. Подняв глаза, Иосиф увидел единоутробного брата своего Вениамина и спросил:

— Это тот самый ваш брат, о котором вы говорили мне?

Они отвечали:

— Да, господин.

Иосиф сказал Вениамину:

— Да будет милость Божия на тебе, сын мой!

При этом он взволновался и готов был заплакать. Поэтому он вышел во внутреннюю комнату и там заплакал; вспоминая об отце своем Иакове, Иосиф проговорил:

— Добрый отец, счастливы те, кто постоянно живет с тобой! Все мое царство недостойно тебя, любезного Богу! Мне захотелось спросить Вениамина, помнишь ли ты меня и любишь ли так, как я люблю тебя. Поэтому я заставил братьев моих привести с собой и Вениамина. Я не верил словам их, что отец мой здоров и брат жив. Я думал, что из зависти они погубили и этого (младшего) сына твоего возлюбленного — Вениамина. Так как он единоутробный брат мой, то братья возненавидели его так же, как и меня. Я знаю, отец, что ты сильно скорбишь о нас. Я умножил печаль твою. Мне понятна эта печаль: никого из нас не осталось с тобой. О отец! Не довольно ли с тебя и одного горя, которое говорило обо мне. Теперь к нему прибавилось еще другое. Я — причина всех твоих страданий, потому что приказал привести сюда Вениамина. Этот мой поступок бессердечен. Так поступить заставил меня слух о тебе.

Мне хотелось узнать, действительно ли жив ты, мой добрый отец. О, если б кто дал мне возможность снова увидеть ангельский твой образ!

Так Иосиф тихо плакал в своей комнате. Затем он умыл лицо, чтобы не было заметно, что он плакал, и, удерживая себя от слез, вышел к братьям. Он приказал подавать обед себе, евреям и египтянам, каждым отдельно, ибо египтяне не могли есть вместе с евреями: всякий пастух овец вызывал в египтянах чувство отвращения. Перед самым обедом Иосиф велел братьям садиться по старшинству, кто раньше рожден. При этом он стал называть их по именам, как бы гадая имеющейся в руках его серебряной чашей. Он взял чашу в левую руку и, ударяя пальцем правой, извлекал звук. Ударив в первый раз, он громко сказал стоящим перед ним:

— Самому старшему брату имя Рувим, пусть сядет он первым!

Ударив вторично, Иосиф сказал:

— После него родился Симеон.

И тоже велел сесть. Ударив снова, он приказал сесть третьему, и, называя дальше каждого по имени, он приказывал ему садиться по его возрасту. Этим чудом Иосиф нагнал на всех такой страх, что все подумали: «Этот человек действительно все знает».

Желая уменьшить их страх, Иосиф поспешил послать им со стола своего кушанья, причем Вениамину послал в пять раз больше, чем другим. Все ели, пили и вполне насытились.

Иосиф приказал начальнику своего дома наполнить бесплатно пшеницей мешок каждого брата, причем в мешок Вениамина тайно вложить ту чашу, которою он, Иосиф, гадал, после же всего этого отпустить их.

Утром братья радостно вышли из города. Они были еще недалеко, как их нагнал начальник Иосифова дома. Он угрожающе стал бранить их и называть ворами и недостойными оказанной чести, заплатившими за добро злом и укравшими чашу египетского господина, из которой тот пьет и с помощью коей гадает. Братья сказали:

— Если мы вторично принесли серебро, найденное у нас в мешках, то могли ли мы украсть чашу господина твоего? У кого из рабов

твоих найдется чаша, тому смерть, и мы будем рабами господину нашему.

Начальник изъявил согласие:

— Пусть будет так, как вы говорите. Положите на землю мешки ваши, — я поищу.

Они поспешно стащили с ослов мешки свои. Начальник искал чашу, начиная со старшего и кончая младшим, и неожиданно для всех чаша нашлась в мешке Вениамина. Увидев это, братья разорвали на себе одежды. Каждый из них с угрозой поносил и Вениамина, и Рахиль:

— Иосиф хотел царствовать над нами и по заслугам был съеден зверями. С другой стороны, ты задумал украсть царскую чашу и привел это в исполнение. Не вы ли сыновья Рахили, которая похитила отцовские идолы и не призналась в этом, сказав: «Я ничего не украла».

Вениамин зарыдал и в слезах проговорил:

— Сам Бог отца моего, взявший, как было Ему угодно, из живых Рахиль и узнавший причину смерти брата моего, Бог, Который утешает Иакова, горюющего о Рахили и детях ее, и Который видит теперь всех нас и познает сердца наши, — Сам Он знает, что я не воровал чаши, как говорите вы, и даже не думал об этом. Клянусь тем, что не увижу седин Иакова и не услышу голоса Его; клянусь всем этим, что я не украл чаши! Горе мне! Горе мне, Рахиль! Что стало с твоими детьми! Иосиф, как говорят, съеден зверями, а я оказался вором на чужой стороне, и меня оставят здесь в рабство. Иосиф не нашел себе помощи в пустыне, когда звери поедали его; так и я, мать моя, тщетно обращаюсь к братьям своим, и никто не верит мне, сыну твоему!

Не зная, что ответить начальнику, братья взяли Вениамина и возвратились в город. Они пришли к Иосифу и пали пред ним на землю. Иосиф сердито сказал им:

— Так-то вы отплачиваете за мое благодеяние? Разве затем я почтил вас, чтобы вы украли чашу мою, которой я гадаю? Не правду ли я говорил, что вы не честные люди, а шпионы и соглядатаи?

Иуда сказал на это:

— Мы не знаем, что отвечать нашему господину, что говорить, чем оправдываться. Бог открыл грехи наши и за то наказывает нас.

Поэтому все мы, господин наш, будем рабами твоими — и мы, и тот, у кого нашлась чаша.

Иосиф отвечал:

— Нет, я не поступлю так, как говоришь ты, ибо боюсь Бога. Тот юноша, у которого нашлась чаша, останется рабом, а вы в целости идите к отцу своему.

Иуда же, подойдя к Иосифу, припал к ногам его и стал просить:

— Господин, не прогневайся на меня, если я скажу тебе. Господин, ты спрашивал рабов твоих: «Есть ли у вас отец или брат?» Мы ответили: «У отца было два сына, которых он любил больше нас. Одного из них разорвал в горах зверь, и отец до сих пор плачет о нем; другого же сына отец постоянно держит при себе, и этот сын служит утешением ему в старости». По твоему приказанию, господин, мы привели к тебе младшего брата нашего. Теперь мы неожиданно провинились пред тобой. Я умоляю тебя, владыка, оставить меня рабом вместо отрока, чтобы только он мог возвратиться к отцу. Ведь я взял его на свои поруки. Поэтому я не могу возвратиться домой. Я не хочу видеть горькой смерти отца нашего, который тотчас же умрет от безмерной печали, как только не увидит меж нас младшего сына своего.

Иосиф слышал эти жалостные слова и видел, что все стоят пред ним в смущении и страхе. Он также видел, как Вениамин в разодранной одежде и с плачем припадал к ногам стоящих тут братьев, умоляя их, чтобы они просили за него Иосифа отпустить его вместе с ними. При виде всего этого Иосиф взволновался и не мог больше сдержать себя. Всем египтянам он приказал удалиться. Когда все вышли и остались одни только братья, Иосиф заплакал и на еврейском языке сказал им:

— Я — Иосиф, брат ваш. Жив ли еще отец мой?

Но братья не могли отвечать на слова Иосифа, ибо испугались его. Иосиф же сказал им:

— Я — Иосиф, брат ваш, которого продали вы в Египет. Я не был съеден зверями, как сказали вы отцу, но был продан вами измаильтянам. Я хватал тогда всех вас за ноги и умолял вас, но никто не помиловал меня. Теперь, братья мои, вы не печальтесь, не бойтесь и не тужите; наоборот, вы должны радоваться, что я царствую.

Подобно тому, как раньше вы сказали отцу, что я съеден в горах, теперь идите и с радостью скажите ему: «Жив сын твой Иосиф. Он сидит на царском престоле и держит в руках скипетр Египетского царства».

Когда Иосиф говорил это, братья, от страха и трепета, стояли перед ним, как мертвые, и думали о том, как много сделали ему зла. Иосиф снова сказал им:

— Теперь не бойтесь того, что продали меня. Бог послал меня сюда пред вами для сохранения вашей жизни, для того, чтобы я прокормил вас во время голода. Теперь второй голодный год на земле. Осталось еще пять лет, в которые не будут ни пахать, ни сеять, ни жать. Не вы послали меня сюда, а Бог, Который сделал меня отцом фараону, господином над всем домом его и князем всей Египетской земли. Идите же скорей к отцу моему, расскажите ему все обо мне. Передайте ему также о славе моей и скорее приведите его сюда со всем домом. Здесь все вы будете сыты.

После этих слов Иосиф пал на шею Вениамина и плакал от радости. Вениамин тоже плакал, обняв шею Иосифа. Потом Иосиф подошел к братьям и также стал целовать их. Он не сердился на них и, как незлобивый, по-прежнему любил их. До фараона и его приближенных дошел слух, что пришли к Иосифу братья его. Фараон приказал Иосифу перевезти весь род свой в Египет, обещая дать самую лучшую землю. Иосиф одарил братьев богатыми подарками, золотом, серебром и красными одеждами, дал им колесницы, коней и ослов, на коих они могли бы со всем домом переправиться в Египет, и снарядил их, при всем этом, путевым запасом. Кроме того, Иосиф послал дорогие подарки и отцу своему и радостно отпустил к нему братьев, сказав им:

— Не ссорьтесь по дороге, но мирно идите скорей к отцу и скажите ему: «Сын твой Иосиф просил нас передать тебе следующее: Бог сделал меня господином над этой Египетской землей; поэтому радуйся, отец, и приди сюда, чтобы я мог видеть ангельское лицо твое».

Они быстро пошли, достигли Ханаанской земли, рассказали отцу своему про Иосифа и передали ему слова его. Услышав имя Иосифа, Иаков вздохнул, прослезился и с печалью сказал:

— Зачем вы смущаете душу мою? Не затем ли, чтобы я снова вспомнил о красоте милого сына моего Иосифа? Зачем вы хотите снова зажечь угашенную печаль души моей?

Иаков не верил словам их. Тогда подошел к нему Вениамин, поцеловал колена его и сказал:

— Эти слова суть истинная правда.

Причем показал отцу подарки и письма, присланные Иосифом. Иаков поверил этому и удивился. Дух его ожил. Он сказал:

— Я счастлив, жив еще сын мой Иосиф, и, прежде чем умирать, я пойду и посмотрю на него.

Иаков радостно и поспешно отправился в Египет к сыну своему Иосифу. Когда Иосиф услышал о приближении Иакова, запряг царскую колесницу и выехал встречать отца. Иаков увидел едущего Иосифа и, несмотря на свою старость, слез с колесницы и пошел пешком навстречу ему. Иосиф тоже слез с колесницы и также отправился пешком, как сам, так и все вельможи его. Когда Иосиф приблизился к отцу своему, он опустил на землю имеющийся в руках его царский жезл, как бы не желая держать его. Потом, делая вид, что он преклоняется пред этим жезлом, он поклонился таким образом отцу своему Иакову и подал ему жезл. Это он сделал для того, чтобы египтяне не обиделись, что, будучи в царской багрянице, он поклонился Израилю. Иаков первым подошел к Иосифу, обнял шею его и долго рыдал на ней. Иосиф тоже плакал, обнимая и целуя седины отца. И сказал Иаков Иосифу:

— Теперь я могу умереть, ибо увидел тебя, дитя мое.

Со всевозможными почестями Иосиф ввел Иакова в царственный египетский город и представил его фараону. Иаков благословил фараона. Последний спросил его:

— Сколько тебе лет?

Иаков отвечал:

— Мне сто тридцать лет. Эти лета мои малы и несчастны и не достигли тех, сколько прожили отцы мои.

Фараон велел Иосифу поселить отца его и братьев на лучшей земле. Прожив в Египетской стране семнадцать лет, Иаков умер и присоединился к отцам своим. Иосиф припал к лицу отца, горько плакал о нем и целовал его.

Умирая, Иаков завещал Иосифу не хоронить его в Египте, а снести останки его в землю Ханаанскую и положить в гробнице отцов. Поэтому Иосиф сказал вельможам фараона:

— Если вы ко мне благоволите, то ступайте и передайте фараону, что отец мой заклинал меня похоронить его в могиле, которую выкопал он в земле Ханаанской. Теперь я хотел бы пойти похоронить отца моего и возвратиться обратно.

Фараон разрешил это. Иосиф отправился в дорогу. С ним отправились все отроки фараона, старейшины дома его, все старейшины Египетской земли, весь дом Иосифа, братья его и весь дом отца его, так что народу было очень много. Они пришли к месту Атад, которое находится по другую сторону реки Иордана. Семь дней они горько рыдали здесь по Иакове и погребли его в двойной пещере, приобретенной Авраамом для устройства гробниц. Похоронив отца, Иосиф с братьями своими и со всеми, ходившими с ним, возвратился в Египет.

После погребения отца братья сказали друг другу:

— Что, если Иосиф вспомнит нашу злобу и отплатит нам за все зло, которое причинили мы ему?

Они пришли к Иосифу и сказали:

— Отец твой пред смертью завещал тебе: «Прости вину и грех братьев твоих, прости им, что они коварно поступили с тобой». Теперь мы сами просим тебя простить нас за зло, сделанное тебе.

Иосиф плакал, когда говорили ему это. Братья же снова сказали ему:

— Мы — рабы твои, владыка.

Иосиф ответил им:

— Не бойтесь, братья, ибо я боюсь Бога. Вы замышляли против меня зло, но Бог обратил его в добро. Итак, не бойтесь. Я буду кормить вас и ваши семейства.

Эти слова Иосифа были очень приятны сердцу братьев его, и они успокоились. Так Иосиф, братья его и весь дом отца его поселились в Египте. Иосиф прожил сто десять лет. Он видел детей не только у Ефрема, но и у Махира, сына Манассии. Пред смертью Иосиф сказал братьям своим:

— Я умираю. Но когда Бог посетит вас и выведет из земли этой

в землю, которую обещал отцам нашим Аврааму, Исааку и Иакову, тогда вынесите с собой отсюда кости мои.

Иосиф умер ста десяти лет. Его положили в раку в Египте.

В заключение же всего мы прославляем изображенного Иосифом Господа нашего Иисуса Христа[1], со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

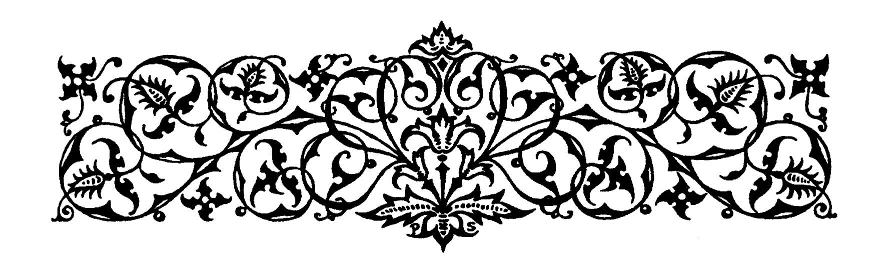

---

[1] Некоторые черты из жизни праведного Иосифа имеют, по учению Церкви и святых отцов, прообразовательное значение, то есть они предуказывают на некоторые моменты в жизни Иисуса Христа — как в Его уничижении, так и прославлении.

Как Иосиф, первенец Рахили, любимый Иаковом более всех сынов (Быт. 37, 3), так и Господь Иисус Христос *первенец* Девы Марии (Мф. 1, 25) и *возлюбленный* Сын Божий. Как Господь, — говорит святой Ефрем Сирин, — послан к нам спасти всех нас, так и отрок Иосиф с отеческого Иаковлева лона послан был к своим братьям; и как жестокие Иосифовы братья, когда увидели приближающегося Иосифа, начали замышлять против него лукавство, хотя нес он им мир от отца, так и жестокосердые всегда иудеи, увидев Спасителя, говорили: действительно *сей есть наследник*, убьем Его и наше будет все (Мк. 12, 7). Иосиф по зависти братьев продается иноплеменникам, и Христос продается Иудой за *тридесять сребреников* (Мф. 28, 15) и затем *зависти ради* (Мф. 27, 18) предается язычникам (Мф. 20, 19). Иосиф после победы над греховными предложениями жены Пентефрия заключается в темницу, и Господь, взяв на Себя весь грех мира, полагается во гробе. В темнице Иосиф возвещает узникам — одному помилование, а другому осуждение, и Господь, вися на кресте, возвестил одному из двух распятых с Ним разбойников спасение, а потом *и сущим в темнице духовом сошед проповеда* (1 Пет. 3, 19); по выходе из темницы Иосиф поставляется над всем египетским царством, получает новое имя, великие почести и спасает от голода не только Египет, но и окрестные страны, и Господу Иисусу Христу, по восстании из гроба, *дадеся всякая власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 18) и *о имени Его всяко колено поклоняется небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповедует, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2, 10–11). Поэтому, почитая праведного Иосифа, как «подобие воистину Христово» (служба в Нед. Ваий, малое повеч.), святая Церковь и постановила воспоминать его при начале Страстной седмицы — в Великий Понедельник.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НАЧАЛО ВРЕМЕН

Первый из числа всех месяцев есть месяц март[1]. У евреев он назывался до пленения вавилонского[2] *первым месяцем* (Исх. 40, 2; Лев. 23, 5; Чис. 9, 1; 28, 16; 2 Пар. 29, 3; Иез. 45, 18)[3], а после пленения — Нисаном[4]. Именно об этом месяце сказал Господь Моисею[5] и Аарону[6] во время пребывания евреев в Египте[7]: *месяц сей*

---

[1] Наименование месяца *март* — римского происхождения. Март у римлян был первым месяцем юлианского (то есть введенного Юлием Цезарем в 46 году до Рождества Христова) года и был назван так в честь бога войны Марса, считавшегося отцом Ромула — основателя Рима и первого его царя.

[2] Пленением вавилонским называется тот период истории народа иудейского, когда иудеи, потеряв свою политическую самостоятельность, были уведены в плен вавилонянами. Пребывание иудеев в плену продолжалось семьдесят лет (с 605 по 536 год до Рождества Христова).

[3] Этот месяц носил еще наименование *Авива* — то есть месяца колосьев (Исх. 13, 4; — см. по русскому переводу Библии).

[4] *Нисан* — месяц цветов.

[5] *Моисей* — знаменитый вождь и законодатель народа еврейского и вместе с тем священный писатель, живший в конце XVI — начале XV века до Рождества Христова. Им написаны первые пять книг Священного Писания Ветхого Завета: «Бытие», «Исход», «Левит», «Числ» и «Второзаконие» («Пятокнижие Моисеево»). Житие его см. 4 сентября.

[6] *Аарон* — брат и сподвижник пророка Моисея, бывший первым первосвященником народа Божия. Память его празднуется святой Церковью в Неделю святых праотец (между 11 и 17 декабря).

[7] *Египет* — страна, занимавшая северо-восточную часть Африки. Современное наименование этой страны — греческого происхождения (Αἴγυπτος) и, вероятно, было заимствовано греками от имени одного из действующих лиц греческой мифологии Египта (Αἴγυπτος) — сына Бела и брата Даная, овладевшего, по

да будет у вас началом месяцев, первым да будет он у вас между месяцами года (Исх. 12, 2). В этот месяц Господь создал видимый мир и владыку его — первого человека — Адама, для которого Он насадил рай на востоке. Сюда Господь ввел Адама, повелев ему господствовать над всей землей — зверями, скотами, гадами, рыбами, плавающими в морях, и птицами, летающими под небесами.

В этом месяце Господь заповедал израильтянам в Египте праздновать Пасху и вывел их отсюда Своей крепкой рукой, осушив перед ними море и потопив в нем гнавшегося за израильтянами фараона со всем его воинством.

В этот месяц снишел на землю и Сам Единородный Сын Божий, Слово Отчее Вечнопребывающее, Которое, будучи Богом, вселилось в утробу Непорочной Отроковицы, Пресвятой Девы Марии во время наития на Нее Духа Святого при благовестии Архангела.

В этот месяц была принесена за нас в жертву наша Пасха — Христос, Который, будучи погребен, как человек смертный, воскрес со славою, как Бог Бессмертный, и извел с Собою из ада, как некогда Израиля из Египта, Адама и с ним всех праотцев и вообще всех праведных людей, потопив князя адова в Чермном море[1] Своих кровавых страданий.

Итак, в этот месяц воссиял нам свет спасения; в этот месяц древний Адам с Евой был обновлен и получил новый рай, превосходящий рай древний; в этот месяц был побежден ад, отверзлось небо, уничтожена смерть, была дарована жизнь, упразднено тление, взамен которого наше бренное естество облеклось в нетление; в этот месяц род человеческий освободился от рабства греху и получил свободу и наследие Царствия небесного.

Потому-то этот месяц, — в который при начале времени был создан свет видимый, при конце же времен воссиял свет невидимый — святой веры, — есть начало всех месяцев и всякого времени, по счету

сказаниям греческой мифологии, этой страной. — Евреи переселились в Египет при Иосифе, сыне Иакова, и пробыли здесь четыреста тридцать лет, размножившись в это время до двух миллионов.

[1] *Чермное*, или *Красное, море* представляет собой большой залив Индийского океана, отделяющий Аравию от Египта и Абиссинии. Через это море чудесно перешли евреи при выходе из Египта (Исх. 14).

первый месяц. От первого числа этого месяца начинается исчисление кругов солнечнаго[1] и луннаго[2], вруцелета[3], високоса[4], равно-

[1] *Кругом солнечным*, или *кругом солнца*, называется период в двадцать восемь лет, по прошествии которого дни недели приходятся постоянно на одни и те же числа. Так, например, если в 1906 году 1 марта падает на среду, 2-е на четверг и так далее, то то же самое будет в 1934, 1962, 1990 годах и так далее. Объясняется это из следующего: простой год содержит в себе пятьдесят две седмицы и один день, а високосный год (см. ниже, примеч. 3) — пятьдесят две седмицы и два дня; вследствие этого дни седмицы в отношении к числам месяцев каждый год переменяются. Если бы все годы были простые, то каждый седмичный день приходился бы постоянно на одно и то же число месяца через каждые семь лет. Но так как високосный год имеет один лишний день против простого года, то сверх семи простых лет дóлжно пройти еще семи високосным годам для того, чтобы этот избыточный день мог составить седмицу или, что то же, обойти все дни седмичные. Итак, чтобы все дни седмицы возвратились на старые числа месяцев, дóлжно пройти семи простым годам и семи годам високосным; високосные же годы бывают через три года на четвертый; следовательно, для того, чтобы все дни седмицы возвратились на старые числа, дóлжно пройти семи простым годам, повторенным трижды, и семи високосным годам, что и составляет двадцать восемь лет. Из сказанного должно быть ясно, что «круг солнца» не имеет никакого отношения к движению солнца.

[2] *Кругом луны* называется период в девятнадцать лет, по истечении которого фазы луны приходятся постоянно в одни и те же числа. Так, например, в 1893 году новолуние падало на 10 марта; следовательно, оно будет опять 10 марта в 1912, 1931, 1950 годах и так далее. Объясняется это из того, что через каждые девятнадцать лет уничтожается разница между принятым нами юлианским годом и лунным годом (юлианский год длиннее лунного на десять дней, двадцать один час, одиннадцать минут и двадцать четыре секунды).

[3] *Вруцелетом* в пасхалии называется буква, которой соответствуют в данном году воскресные дни. Всех «вруцелетних» букв семь и заимствованы они из славянского алфавита; эти буквы суть: а, в, г, д, є, ѕ, з; и все они последовательно обозначают семь целых чисел и соответствуют тому или другому дню седмицы, причем буква а должна соответствовать первому воскресенью первого года творения. При расположении вруцелетних букв, за первый месяц творения принимается месяц март и счет дней ведется с пятницы, как дня сотворения Адама; первым воскресным днем первого года должен быть, следовательно, третий день или третье число марта, которое означается буквой а. Это и будет вруцелето первого года.

[4] *Високос* — испорченное латинское bissextilis — дважды шестой. Так назван был первоначально 46 год до Рождества Христова, потому что Юлий Цезарь, делая реформу современного ему календаря, прибавил в этом году после 6 марта второе 6-е число. *Високосом*, или *Високосным годом*, у нас называется год, содержащий в себе не триста шестьдесят пять, а триста шестьдесят шесть суток. Високосные годы повторяются через каждые три простых года.

денствия[1] и вообще с этого месяца начинается течение дней каждого нового года. Поэтому с этого именно месяца, а не с сентября, следовало бы начинать и летосчисление[2]. Сентябрь самым своим наименованием показывает, что он не первый по счету месяц, но седьмой[3] от марта, а март — первый месяц от сотворения мира.

Начало счисления индиктов[4] с сентября месяца было положено Августом[5], императором Римским, в двенадцатый год его царствования за тридцать лет до Рождества Христова. Это случилось потому, что император этот, как и все язычники, не ведавшие Единого истинного Бога, Создателя всякой твари, не знал ничего ни о начале мира, ни о первом человеке — Адаме и не вел летосчисления от создания мира, потому что предполагал, что мир не создан во времени, но существует от века, не имея начала своего бытия. Обыкновенно язычники вели счисление времени от тех или других славных, по их мнению, событий: одни вели летосчисление от основания некоторых царств и монархий, как, например, ассирийской, мидийской, персидской; другие вели счисление времени от установления некоего греческого празднества, называвшегося Олимпи-

---

[1] *Равноденствием* называется тот момент в движении солнца, когда оно пересекает экватор, вследствие чего в это время день бывает равен ночи. В году бывает два равноденствия: весеннее (8 марта), когда солнце переходит из южного полушария в северное, в осеннее (10 сентября), когда оно переходит из северного полушария в южное.

[2] В России первоначально первым месяцем гражданского года считался месяц март, но в 1343 году у нас было постановлено считать начальным месяцем года месяц сентябрь, по примеру Александрийской Церкви. В конце же 1699 года Петр Великий предписал начинать новый год вместе с другими европейскими народами — с января.

[3] Наименование месяца сентября, так же как и марта, заимствовано нами от римлян. Римляне же дали ему такое название потому, что он был седьмым месяцем (September — от septem — семь) от первого, то есть марта.

[4] *Индиктом* назывался у римлян пятнадцатилетний период сбора податей, разделявшийся на три срока по пяти лет в каждом. От индикта следует отличать *индиктион* — великий пасхальный круг в пятьсот тридцать два года. По истечении каждых пятисот тридцати двух лет все времена церковные, месяцы, дни и числа праздников, а также и фазы луны следуют в том же порядке, как и в предшествовавший период.

[5] *Октавиан Август* — Римский император, царствовал с 43 года до Рождества Христова по 14 год по Рождестве Христовом.

адами[1]. Это празднество встречалось и проводилось язычниками с большим торжеством, причем во время олимпиад устраивались зрелища и конские состязания. Празднество это установлено греками в древности; римляне же вели свое летосчисление от времени основания Рима[2]; другие народы вели свое летосчисление от других событий.

Когда императором Римским сделался Август, то он ввел свое новое летосчисление, назвав его индиктом; следовательно, индикты не ведут свое начало от сотворения мира, так как до императора Августа совершенно не было никаких индиктов.

Но современные индикты, начинающиеся с сентября месяца, ведут свое начало не от Августа, а от первого христианского царя святого Константина Великого[3]. Этот последний, победив гонителя христиан Максенция[4] и освободив от его тиранства Римскую империю, даровал христианам свободу вероисповедания и ввел свои, новые индикты, которые были одобрены отцами Первого Вселенского собора[5] и были приняты как начало свободы христианской. Итак, настоящие индикты ведут свое начало не от Августа, а от Константина.

Следует различать годы от бытия мира, исчисляющиеся с месяца марта, и годы от начала индикта, исчисляющиеся с месяца сентября и получившие начало свое от императора Константина. В месяце сентябре, как месяце по счету седьмом от марта, благодарственно воспоминается, что Бог, сотворив мир, имеющий начало свое с месяца марта, почил от дел Своих; поэтому и в Ветхом Завете Бог по-

---

[1] *Олимпиадами* (ὀλυμπιάς) — у греков называлась собственно единица времени, равнявшаяся четырем годам и составлявшая промежуток между празднованием Олимпийских игр (игры же эти получили свое название от горы Олимпии — места, где они происходили). Древние греки вели летосчисление свое по этим олимпиадам, причем основанием, или началом, летосчисления была первая Олимпиада, падавшая на 776 год до Рождества Христова.

[2] Годом основания Рима считался 753 год до Рождества Христова.

[3] Император римский *святой Константин Великий* царствовал с 306 по 337 год (но как единовластитель — с 324 по 337 год). Житие его см. 21 мая.

[4] *Максенций* управлял Римской империей совместно с Константином с 307 по 312 год.

[5] Первый Вселенский собор происходил в 325 году в городе Никее и был созван для обличения лжеучения александрийского пресвитера Ария, нечестиво учившего, что Сын Божий не равен Богу Отцу и есть Его творение.

велел праздновать седьмой год как время общего отдыха и покоя (см.: Лев. 25, 3–5).

Правда, в Ветхом Завете новый год иногда начинался с сентября месяца (а не с марта), согласно повелению Божию; но с сентября велось счисление не годам от сотворения мира, но годам праздника общего отдыха и покоя, повторявшегося каждые пятьдесят лет, как об этом повествуется в 25-й главе книги Левит[1]. У евреев велось, начинавшееся с сентября месяца, исчисление годов покоя, повторявшихся через каждые пятьдесят лет, и совершенно независимо от этого велось также счисление лет, протекших от начала мира; это последнее счисление начиналось с марта месяца, а не с сентября.

И ныне святая Церковь под осенением новозаветной благодати в сентябре месяце совершает воспоминание сотворения мира, получившего начало свое в марте месяце; в сентябре также получили свое начало индикты императора Константина, который положил ими начало обновления человечества, дарованного им от Бога свободой христианской. Что в сентябре месяце, седьмом от марта, положено начало обновления нашего, это видно и из того, что Сам Творец мира, почивший от дел Своих в день седьмой, обновляя Свое создание, пришел в седьмом от марта месяце (сентябре) в синагогу иудейскую и прочел здесь написанное о Себе пророчество — именно, что *Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное* (Лк. 4, 18–19)[2], время для чего наступило тогда, когда исполнилась полнота лет бытия мира, созданного в первом месяце — марте. Индикты, введенные христианскими царями и начинавшиеся с сентября месяца, только напоминают нам о начале лет со времени сотворения мира; самым же началом тех лет был месяц март.

---

[1] *Книга Левит* — одна из пяти книг, написанных пророком Моисеем (см. примеч. выше). Здесь содержатся постановления обрядово-богослужебного характера.

[2] Пророчество это находится в книге пророка Исаии, гл. 61, ст. 1–2.

ВХОД ГОСПОДЕНЬ
В ИЕРУСАЛИМ

Наступали последние дни земной жизни Господа. Приближалось время, когда Единородный Сын Божий, пришедший в мир ради спасения грешных людей, будет предан позорной и мучительной казни — распятию на кресте, как один из преступников.

Но прежде совершения этого великого и спасительного для нас таинства, Господь благоволил явить в последний раз Славу Свою как обещанный пророками народу еврейскому Мессия[1], как Царь не только неба, но и земли.

Незадолго пред этим Господь сотворил одно из величайших чудес Своих: воскресил из мертвых Лазаря, — уже четыре дня лежавшего во гробе. Весть о небывалом чуде, совершенном в Вифании[2], обле-

---

[1] *Мессия* (евр. Masiah) — помазанник. Это имя присваивалось первоначально вообще всем лицам, избранным Богом на служение Себе. В таком смысле помазанниками назывались цари, пророки и первосвященники. Но в собственном смысле это наименование принадлежит Иисусу Христу, совместившему в Своем Лице троякое служение — царя, пророка и первосвященника. Ему в высшей степени принадлежат и святость первосвященника, который непричастен злу и имеет священство непреходящее (Евр. 7–10), и ведение пророка, просветившего мир высоким евангельским учением; и власть и могущество царя, обладающего всеми силами неба и земли и все направляющего к высоким целям спасения людей (Мф. 28, 18). В ветхозаветных пророческих предсказаниях духовное царствование Мессии представляется иногда под образом царствования земного царя. Пророки употребляли образный язык для того, чтобы быть более понятными иудеям.

[2] *Вифания* — небольшое селение, находившееся в трех или четырех верстах от Иерусалима. В настоящее время на месте древней Вифании находится небольшое

тела всю окрестность иерусалимскую. Всем хотелось видеть великого Чудотворца и воскрешенного Им Лазаря. Как бы отвечая на желания народа, Господь вознамерился идти в Иерусалим.

Узнав об этом, весь народ пришел в движение; многие, из нетерпения скорее видеть великого Чудотворца, вышли из города навстречу Спасителю.

Господь с учениками уже приближался к Иерусалиму. Когда Он пришел в селение Виффагию[1], находящееся неподалеку от горы Елеонской[2], то, призвав двух учеников Своих, сказал им:

— Пойдите в селение, лежащее напротив. Придя в него, вы найдете ослицу привязанную и молодого осла с ней. Отвязав его, приведите ко Мне. Если же кто скажет вам что-нибудь, ответьте, что так повелел Господь.

Ученики пошли и исполнили все, что сказал Господь.

Приведя молодого осла, они накинули на него свои одежды, и Господь сел поверх них[3].

Когда же бесчисленные толпы народа, так страстно жаждавшие видеть Господа, увидали наконец Его, то радостно воскликнули:

мусульманское селение *Эль-Азариех.* Благочестивым паломникам обыкновенно показывают здесь место гробницы Лазаря и развалины дома, где жил Лазарь со своими сестрами.

[1] *Виффагия* — небольшое селение на юго-западной стороне горы Елеонской, примыкающее с запада к Вифании. Окрестности Виффагии в древности славились обилием фиговых деревьев, отчего селение и получило свое название (Виффагия — место фиг, или смокв). В настоящее время не осталось никаких следов от евангельской Виффагии.

[2] *Елеонская гора* (гора маслин, масличная) — одна из красивейших палестинских гор, лежащая на восток от Иерусалима и отделяющаяся от него долиной Кедронской. Свое название эта гора получила от оливковых, или масличных, деревьев, в изообилии росших по склонам ее. В настоящее время гора эта называется *Донебелль-Эль-Тур.* В 90-х годах прошлого столетия на одном из склонов горы Елеонской был выстроен православный храм в честь святой Марии Магдалины.

[3] Осел на Востоке в древности употреблялся преимущественно для сельскохозяйственных работ (Быт. 49, 11; 1 Цар. 25, 18) и считался животным домашним. Напротив того, мул или конь обычно употреблялся в древности для военных целей (Иер. 17, 25). Господь намеренно пользовался ослом, а не мулом при вшествии в Иерусалим, потому что входил в Иерусалим как кроткий Царь мира.

— Осанна[1] Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!

Всеобщий восторг усиливался по мере приближения Господа к Иерусалиму. Вот торжественная, медленно шествующая процессия подошла к последней возвышенности, с которой нужно было спускаться вниз до самого Иерусалима. Иерусалим представлял отсюда красивое зрелище: прямо перед глазами возвышался величественный храм Иерусалимский со своими мраморными колоннами ослепительной белизны и с золотым куполом, который отражал тысячью молний горячие лучи южного солнца. Но вот рядом с храмом красовалась огромная башня крепости Антониевой[2], господствуя над высотой храма и как бы наглядно выражая то унижение, которое переносил народ иудейский под игом римским. Тут же открывалась взору претория Пилата, куда скоро поведут на неправедный суд Величайшего Праведника. Дворцы первосвященников казались взору несколько отдаленными от храма, как бы в знак духовного отдаления их обитателей от Бога отцов своих. Дворцы же Давида[3] и Соломона[4] обратились теперь в развалины, едва приметные среди множества других новых зданий.

Среди всех этих впечатлений, из которых каждое приводило на память сердцу еврея и когда-то бывшую древнюю славу, и настоящее унижение отечества, взоры всех и каждого как-то невольно обращались к Иисусу из Назарета[5], Который теперь, шествуя на осляти,

---

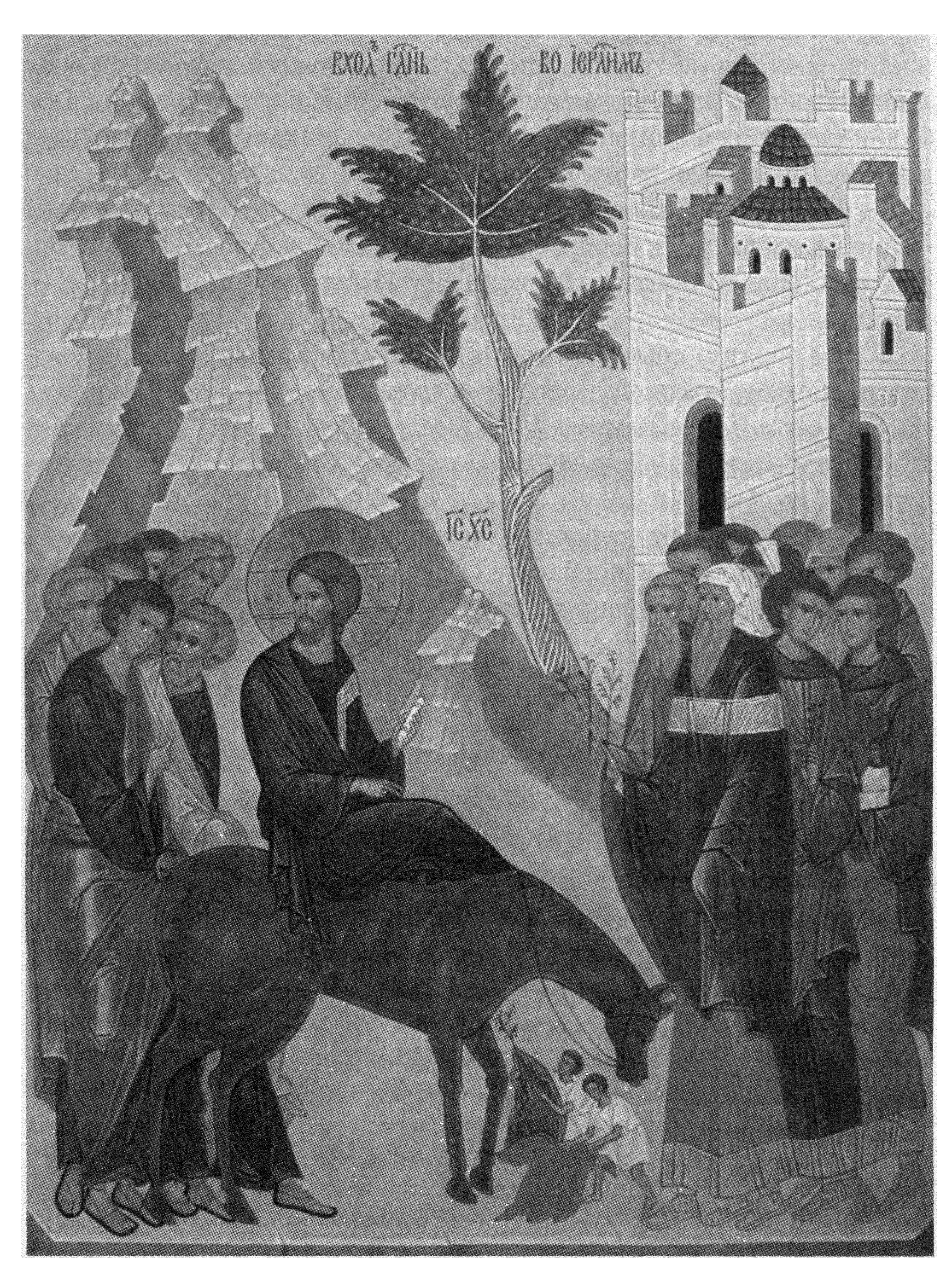
[1] *Осанна* — слово сирское, значащее «спаси» или «даруй спасение».

[2] *Марк Антоний* — триу́мвир, консул римский, правивший с 44 по 31 год до Рождества Христова.

[3] *Давид* — царь израильский и вместе с тем пророк и Псалмопевец, живший в XI веке до Рождества Христова. Им написана священная книга «Псалтирь», содержащая сто пятьдесят псалмов, или священных песней, характера хвалебного, просительного и благодарственного. Житие его см. 26 декабря.

[4] *Соломон* — царь израильский и богодухновенный писатель, жил в начале XI — конце X века до Рождества Христова. Им написаны четыре священных книги: «Екклезиаст», «Притчи», «Песнь Песней» и книга «Премудрости».

[5] *Назарет* — небольшой город в Галилее, в колене Завулоновом, лежавший к юго-западу от Капернаума и к западу от Тивериадского моря. Назарет приобрел себе всемирную известность как место, где жил праведный Иосиф, обручник Пресвятой Девы Марии, как место Благовещения Архангелом Гавриилом Пресвятой Деве о рождении от Нее Сына Божия, и особенно как место, где протекло все детство, отрочество и последующая жизнь Господа до

Вход Господень в Иерусалим

как бы нес Иерусалиму его прежнее святое величие. В радостном восторге, взирая на Иисуса, многие снимали с себя верхние одежды и постилали их по пути шествия; другие срезали ветви тут же в изобилии растущих финиковых пальм[1] и устилали ими путь; иные держали их в руках или торжественно потрясали ими в воздухе.

— Осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних! — беспрестанно слышалось со всех сторон. Так с торжеством и ликованием встретил Иерусалим своего Царя — Мессию.

Таким образом сбылось то, что предсказано было еще в древности пророком Захарией[2]: *ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9, 9).

Но несмотря на эту радость и ликование народа, глубокая скорбь была в душе Господа. Скорбел же Он о том, что народ иудейский не хотел узнать часа посещения своего. Он знал, что тот самый народ, который сегодня встретил Его с таким торжеством и ликованием, взывая Ему: «Осанна, Сын Давидов!» — через несколько дней будет неистово вопить: «Распни, распни Его!» — Он предвидел скорую погибель Иерусалима и его обитателей. Его святым взорам ясно представилось теперь, как рушатся стены этого славного города, как сотни тысяч ликующих теперь иудеев погибают от меча неприятель-

---

самого выступления Его на открытое служение проповеди Евангелия. На месте древнего Назарета находится теперь местечко с именем *Нозрани*. Паломникам обыкновенно показывают здесь место Благовещения, занятое латинским монастырем. Из других достопримечательностей Назарета показывают место плотницкой мастерской Иосифа Обручника, развалины синагоги, в которой Господь читал пророчество Исаии о Себе и другие места.

[1] *Финиковая пальма* — одно из красивейших палестинских вечнозеленых растений. Ствол пальмы поднимается очень высоко в воздух, но только вершина ее бывает увенчана ветвями. Ветви пальмы употреблялись евреями во многих случаях как знак торжества или победы. Так, например, в праздник кущей евреи имели обыкновение держать пальмовые ветви в своих руках (Лев. 23, 40).

[2] *Захария* — пророк израильский, один из числа двенадцати, так называемых «малых пророков», живший в VI веке до Рождества Христова. Ему принадлежит книга пророчеств, носящая его имя и написанная им около 520 года до Рождества Христова. Житие его см. 8 февраля.

ского, и весь Израиль, как пыль, развеваемая ветром, рассеивается по всему лицу земному.

Уже совсем приблизившись к Иерусалиму и взглянув на него еще раз, Господь восплакал и сказал:

— О, если бы хотя бы в сей день ты узнал, что́ служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих!.. Вот придут дни, когда враги твои окружат тебя, окопают тебя со всех сторон и стеснят отовсюду; побьют детей твоих и разорят тебя, так что не оставят в тебе камня на камне, — и все это сделают за то, что ты не узнал времени посещения твоего!

Торжественный путь Господа окончился около храма. Вслед за тем Господь отправился в храм для преподания учения народу. Заметив здесь торговцев и меновщиков, обративших дом Божий в дом торговли, Господь изгнал их из храма и грозно заметил им:

— Дом Мой есть дом молитвы. Вы же сделали его вертепом разбойников!

Бывшие в храме и около храма увечные, хромые и слепые приступили к Господу, и Он исцелил всех их.

Юные дети, окружавшие Господа в храме, увидев такие чудеса, не могли остаться безмолвными, но в общем со всеми радостном чувстве восклицали:

— Осанна Сыну Давидову!

Книжники[1] и фарисеи[2], эти суровые блюстители обрядовой законности, с мрачным умом и холодным сердцем, которым незнакома была безыскусственная радость простых душ, и на этот раз омрачили торжество. Они подошли к Господу и с укором сказали Ему:

— Слышишь, что они говорят?

Господь же ответил им:

— Что же в том вы находите удивительного? Разве вы не читали в Писании: *из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу* (Пс. 8, 3).

---

[1] *Книжник* (γραμματεύς) — народный учитель (или законоучитель).

[2] *Фарисеи* (с евр. peruschim — «отделенные») — одна из сект иудейских, появившаяся во II или III веке до Рождества Христова. Фарисеи были ревнителями Закона Моисеева, причем главное внимание в Законе обращали не на его дух, не на его общее содержание, а на его внешность. Помимо обрядовых предписаний Закона они исполняли еще массу ими самими же измышленных мелочных предписаний, доходивших часто до скрупулезности.

Оставив их, Господь отправился в Вифанию, где и провел ночь.

Так совершился торжественный вход Господень в Иерусалим. Это событие имело глубокопоучительный смысл и значение как для самих современников Господа, так и для нас — христиан, несмотря на то, что нас отделяют целых два тысячелетия от того момента, когда славный Царь Израилев с торжеством вступил в Иерусалим.

Для современников Господа вход Господень был поучителен потому, что Господь явил Себя при вшествии в Иерусалим как Мессия, как славный Царь Израилев.

До сих пор Господь не выступал еще вполне открыто. Он проповедовал и учил постоянно, по всякому поводу и при каждом удобном случае, но проповедовал и учил, по-видимому, как один из многих, как раввин, как народный законоучитель.

Правда, многие из слушателей Господа чувствовали, что учение Его какое-то особенное, не похожее на учение книжников и фарисеев, учение святое, возвышенное, и подчиняли сердца свои этому учению. Притом же и многочисленные чудеса, творимые Господом так многократно, говорили сердцу всех последователей Его, что Иисус из Назарета не простой человек, а великий Чудотворец, Сын Божий. Но все-таки многим еще нужно было открытое всенародное засвидетельствование того, что Иисус из Назарета истинно Сын Божий, истинно обетованный Мессия.

Такое-то засвидетельствование и было предложено всем при вшествии Господа в Иерусалим, когда тысячи народа восклицали:

— Осанна Сыну Давидову!

Заявив себя Царем Израилевым, Господь вместе с тем указал и на существенную особенность Своего Царства — его духовный характер.

Се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий (Зах. 9, 9), сказал древний пророк. И действительно, вшествие Господа в Иерусалим при всей величественности своей было преисполнено кротости и смирения.

Господь вступает в Иерусалим не на колеснице, и копьеносцы не сопровождают Его. Он благоволил воссесть на осля, покрытого небогатыми одеждами учеников. Нужен ли нам еще больший урок

смирения, когда мы видим, что *Царь царствующих и Господь господствующих* (Тим. 6, 15), сидящий *на херувимах* (Пс. 98, 1), восседает ныне на жребяти, во исполнение древнего пророчества?

Царь Израилев идет в Иерусалим не для того, чтобы воцариться на престоле земном и земными же благами обогатить народ. Нет, это грядет Царь *кроткий* и *спасающий* (Зах. 9, 9), этот Царь несет с Собою спасение духовное и мир вечный.

Таким образом, объявив Себя Царем Израилевым, Господь вместе с тем предупредительно показал иудеям, что царство Его *не от мира сего* (Ин. 18, 36) и что, следовательно, все мечтания иудеев о чувственном царстве земном должны быть оставлены.

Не менее поучителен для нас и вход Господень в Иерусалим по своему символическому (прообразовательному) значению.

Святой Епифаний Кипрский[1] указывает следующее символическое значение вшествия Господня в Иерусалим:

«Кого означает осленок? — спрашивает он. — Необузданный языческий народ, на которого никто не садился, то есть ни закон, ни страх, ни Ангел, ни пророк, ни Писание, но только Единый Бог — Слово, Который в Вифлееме возлежал в одних яслях с бессловесными, дабы, освободив нас от бессловесия, научить Боговедению. Что означает отрешение осленка? — Освобождение от идолослужения и прекращение идольских жертвоприношений... В ознаменование чего дети постилали одежду? — В ознаменование совлечения ветхого человека, обнажения и опустошения синагоги. Кого означали песнословившие дети? — Без сомнения, верный народ Церкви, поколение Христово. Что знаменовало схождение Господа с горы Елеонской? — Ничто другое, как сошествие Бога Слова с небес к нам. На кого предуказывают ветви масличного дерева? — На милосердые души; дорога же знаменует тот путь, на котором приобретаются добродетельные деяния, совлекающие нас ветхого человека. Что знаменуют финиковые ветви? — Чистые души праведников, ко-

---

[1] *Святой Епифаний Кипрский* — учитель Церкви, живший в III столетии. Из его сочинений особенно замечательны: *«Анкорат»* (Ἀγκυρωτός от ἄγκυρα — якорь), в котором раскрывается православное учение о Пресвятой Троице и другие догматы христианства, и *«Панарий»* (πανάριον — ящик с лекарствами), в котором описываются и опровергаются двадцать ересей дохристианских и восемьдесят христианских. Житие его см. 12 мая.

торые, как финики, процветают и, как кедры в Ливане[1], умножаются насажденные в дому Господнем; также они знаменуют победу над диаволом и адом и свободу от власти их, которую доставит Победитель Христос. Кого означали предшествовавшие? — Праведных пророков, а позади шедшие — апостолов и язычников, уверовавших после них; град же знаменовал вышний Иерусалим, а святилище — Царство небесное, из которого Христос изгнал иудеев как недостойных».

Вот и теперь, почти две тысячи лет спустя после того, как совершилось вшествие Господа в Иерусалим, мы, христиане, с зеленеющими ветвями верб (ваиями) и со свечами предстоим в церквах Господу и в радостном чувстве «Победителю смерти»[2] взываем:

— Осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне!

Но ваии для нас так же, как и для древних евреев, не простое украшение, не простая принадлежность торжества, но знамение победы Иисуса Христа над смертью и царством тьмы. Свечи же, держимые нами в руках вместе с ваиями, знаменуют для нас немерцающий свет блаженного воскресения нашего в жизни вечной.

Так поучительно и знаменательно как для современников Христовых, так и для нас, событие вшествия Господа в Иерусалим на осляти[3].

---

[1] *Ливан* и *Антиливан* — две горные цепи на севере Палестины, славившиеся в древности богатыми кедровыми лесами.

[2] См. тропарь праздника.

[3] Праздник Входа Господня в Иерусалим (падающий на воскресенье перед Пасхой) называется у нас также неделей Ваий, или Цветоносной, — от обычая стоять в церквах в этот праздник с ваиями в руках. Им заканчивается шестая — и последняя — седмица святой Четыредесятницы, а со следующего понедельника начинается уже Страстная неделя, или неделя страстей Господних. Воспоминание, чествование и поклонение страстям Господним начинается собственно от четверга Страстной седмицы, Богослужением же понедельника, вторника и среды святая Церковь только приуготовляет еще нас к достойному чествованию страстей Господних. Так, в понедельник евангельским повествованием о бесплодной смоковнице наглядно изображается нам вся бесполезность лицемерия, ханжества и вообще исполнения только обрядовой стороны Закона, а повествованием о страшном суде указывается на возмездие, какое получат праведники и грешники за дела свои. Богослужение вторника притчей о десяти девах и о талантах руководствует верующих к духовному бодрствованию, так приличному особенно во дни страданий Господних. Богослу-

На другой день Господь из Вифании, где провел ночь, снова отправился в Иерусалим. По дороге Он взалкал и, увидя издали смоковницу, подошел к ней, чтобы напитаться плодами ее. Смоковница же была бесплодна; на ней не было ничего, кроме листьев. Тогда Господь, обратившись к смоковнице, сказал:

— Да не будет же впредь от тебя плода вовек.

И тотчас смоковница засохла.

Увидев это, ученики удивились и сказали Господу:

— Как это могло случиться, чтобы смоковница сразу засохла?

Господь сказал им в ответ на это:

— Если вы будете иметь веру, твердую и непоколебимую, чуждую всяких сомнений, то сделаете не только то, что я сделал со смоковницей, но и много более: если вы горе этой скажете: «Сдвинься со своего места и ввергнись в море», — то слово ваше исполнится. Если вера ваша будет тверда, то все, что ни попросите вы в молитве, — получите.

Затем опять, по обыкновению Своему, Господь отправился в храм, где учил народ. Первосвященники и старейшины народа, из зависти к Господу, подошли к Нему и спросили Его:

— Какою властью Ты это делаешь? Кто дал Тебе такую власть?

Господь же сказал им в ответ:

— Спрошу и я вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какою властью Я делаю это. Скажите мне: крещение Иоанново откуда было — с небес или от людей?

Первосвященники и старейшины рассуждали сами с собою так: «Если ответим — с небес, то Он скажет нам: почему же вы не поверили ему? А если скажем — от людей, то мы возбудим против себя народ, потому что он почитает Иоанна Крестителя за пророка».

И сказали:

— Мы не знаем.

В ответ на это Господь сказал им:

— И я вам не скажу, какой властью Я это делаю.

Затем Господь стал обличать неверие и жестокосердие первосвященников, книжников и фарисеев и сказал им:

жение среды, повествуя о жене, помазавшей Господа миром и тем уготовавшей Его на погребение, уже ясно предуказывает на окончание земной деятельности Господа и близость часа Его спасительных для нас страданий.

— Истинно говорю вам, что мытари и грешники впереди вас идут в Царствие Божие. Вот, пришел к вам Иоанн (Креститель), проводивший жизнь праведную. Он возвестил вам, что скоро придет Мессия Избавитель, Он призывал вас к покаянию, — но вы не послушали его. Мытари же и грешники послушали его и поверили ему. Вы видели это, но и видев, не раскаялись, а остались при своем неверии и жестокосердии.

После того Господь предложил им такую притчу:

«Некоторый домохозяин имел виноградник. Он внимательно ухаживал за ним и обрабатывал его: обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню. Затем, передав его на руки виноградарей, домохозяин тот отлучился в другую страну.

Когда приблизилось время собирания плодов, хозяин виноградника послал слуг своих к виноградарям, чтобы взять у них плоды виноградника.

Но виноградари не только не дали плодов посланным, но, схватив посланных, одних из них сильно прибили, а других совершенно убили.

Тогда владелец виноградника послал к виноградарям еще большее число слуг. Но и с ними было поступлено так же.

Наконец, хозяин виноградника послал к виноградарям сына своего, сказав сам себе: «Быть может, они устыдятся сына моего».

Но виноградари, увидев сына хозяина виноградника, сказали:

— Это наследник. Пойдем, убьем его и завладеем всем наследством его.

И, схватив его, вывели его из виноградника и убили».

Сказав притчу эту, Господь обратился к книжникам и фарисеям с вопросом:

— Что же сделает хозяин виноградника с этими жестокосердыми виноградарями?

Они сказали ему:

— Этих злых виноградарей Он предаст злой смерти; виноградник же отдаст другим виноградарям, которые будут собирать плоды виноградника во время свое.

Тогда Господь сказал им:

— Да, верно вы сказали. Вот, точно таким образом будет по-

ступлено и с вами: от вас отнимется Царствие Божие и будет дано другому народу, который будет приносить плоды этого Царствия.

Услышав это, первосвященники, книжники и фарисеи поняли, что этой притчей Господь обличал их за их неверие Его проповеди и их жестокосердие. Не вынеся обличений, они уже хотели было схватить Господа, чтобы вести Его к судиям, но побоялись сейчас сделать это, не желая раздражать народ, почитавший Господа за великого пророка.

Не смея взять Господа силой, фарисеи отошли от Него и стали совещаться, как бы уловить Господа на словах. С этою целью они подослали к Господу своих учеников вместе с иродианами[1], которые сказали Господу:

— Учитель! Мы знаем, что Ты — человек справедливый и учишь истинно пути Божию, не заботясь об угождении людям. Скажи нам: следует ли платить подать кесарю или нет?

Но Господь, зная лукавство их, сказал им:

— Для чего искушаете вы Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которой платится подать.

Они принесли Ему динарий.

Господь спросил их, указывая на монету:

— Чье это изображение и надпись?

Ему сказали:

— Это изображение и надпись кесаревы.

Тогда Господь сказал:

— Отдавайте же кесарево кесареви, а Божие — Богови.

Услышав это, законники не знали, что возразить Господу, и отошли от Него.

В тот же день подошли к Господу саддукеи[2], отрицающие воскресение мертвых, и сказали Господу:

---

[1] *Иродиане* — политическая секта (партия) времен Иисуса Христа. В состав ее входили лица, поставившие задачей своей деятельности борьбу с Римом. Для этой цели иродиане вступили в тайный союз с Иродом Антипой, желавшим отнять у римского прокуратора Иудею и Самарию и подчинить их себе.

[2] *Саддукеи* — религиозная секта времен Иисуса Христа, отрицавшая предания и воскресение мертвых. Основателем ее был раввин Саддок, по имени которого секта и называлась.

— Учитель! Моисей (см.: Втор. 25, 5) сказал, что если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семя брату своему[1]. Было у нас семь братьев. Первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему. То же самое было и со всеми остальными братьями. Потом умерла и жена их. В воскресение же мертвых чьею будет она женой?

Господь сказал им в ответ:

— Вы жестоко заблуждаетесь, так как не знаете ни Писания, ни силы Божией. В воскресении не женятся и не выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах. О том же, что будет воскресение мертвых, разве вы не читали сказанного в Писании Богом: *Я — Бог Авраама, Исаака и Иакова* (Исх. 3, 6). Бог же не есть Бог мертвых, но живых.

После этого саддукеи со стыдом отступили от Господа.

Один законник, искушая Господа, обратился к Нему с вопросом:

— Учитель! Какая наибольшая заповедь в Законе?

Господь ответил ему:

— *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* (Мф. 22, 37). Это первая и наибольшая заповедь. Другая же, подобная ей, читается так: *возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 39). На этих двух заповедях зиждется весь Закон и пророки.

Когда опять собрались фарисеи и книжники, Господь спросил их:

— Что вы думаете о Христе? Чей Он Сын?

Они отвечали:

— Он — Сын Давидов.

Господь опять спросил их:

— Как же Давид называет Его Господом, когда говорит: *сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих* (Пс. 109, 1). Итак, если сам Давид называет Его Господом, то как же Он сын ему?

---

[1] *Моисей* — знаменитый вождь и законодатель народа еврейского, живший в XVI веке до Рождества Христова. Им написаны первые пять книг Библии («Бытие», «Исход», «Левит», «Числ» и «Второзаконие»). Житие его см. 4 сентября.

Но на эти слова Господа книжники и фарисеи не нашли возможным что-либо ответить и оставили Господа.

Приближались дни крестных страданий Господа. Желая подготовить учеников Своих к Своему отшествию из мира этого и приучить к постоянному бодрствованию над собой, Господь предложил им однажды следующую притчу:

— Царство небесное, — сказал Он, — подобно десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них было пять мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собой масла. Мудрые же вместе со светильниками взяли масло в сосудах. Так как жених замедлил, то все они задремали и уснули. Вдруг в полночь раздался крик:

— Жених идет, выходите навстречу ему!

Мудрые девы встали и приготовили свои светильники; неразумные же сказали мудрым:

— Дайте нам масла из светильников ваших, потому что светильники наши гаснут.

Но мудрые девы отвечали им:

— Чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите у них масла.

Но в то время, когда неразумные девы пошли покупать масло, пришел жених. Мудрые девы вошли с ним на брак, и двери чертога брачного затворились. Спустя некоторое время приходят и прочие девы и говорят:

— Господин! Отвори нам.

Но он сказал им в ответ:

— Я не знаю вас!

Итак, — заключил Господь притчу эту, — бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий».

Другую подобную же притчу предложил Господь ученикам Своим:

«Сын Человеческий, — говорил Господь, — во второе пришествие Свое поступит как человек, который, отправляясь в дальнюю страну, призвал к себе своих рабов и поручил им имение свое. Одному из рабов он дал пять талантов, другому два, иному один — каждому соответственно его силе и способностям, и отправился из страны той.

Получивший пять талантов употребил их в дело и приобрел на них пять других талантов. Точно так же поступил и получивший два таланта, приобретший еще два таланта.

Получивший же один талант не пустил его в оборот, а закопал в землю.

Спустя довольно продолжительное время приходит господин рабов тех и требует от них отчета.

Получивший пять талантов подошел к нему и сказал:

— Господин! Ты дал мне пять талантов. Вот другие пять талантов, которые я приобрел на них.

Господин его ответил ему:

— Хорошо, добрый и верный раб! Ты был верен мне в малом. Теперь я над многим тебя поставлю. Войди в радость господина твоего!

Подобно этому поступил и второй раб. И этого похвалил господин его.

Потом подходит третий раб, получивший всего один талант, и говорит:

— Господин! Я знал, что ты человек жестокий, потому что жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись тебя, я скрыл талант свой в земле. Теперь я возвращаю его тебе.

Господин же отвечал ему:

— Лукавый и ленивый раб! Если ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал, то не должен ли был ты отдать серебро мое торгующим, чтобы я, придя, получил бы свое с прибылью? Пусть будет взят от тебя этот талант и отдан тому, кто имеет десять талантов, ибо всякому имеющему дастся еще, а у не имеющего отнимется и то, что он имеет. Негодный раб пусть будет выброшен во тьму кромешную: там будет плач и скрежет зубов».

Окончив притчу, Господь возгласил во всеуслышание:

— Кто имеет уши слышать, да слышит.

Напомнив Своим слушателям об обязанности постоянно бодрствовать духом, дабы не впасть во грех, и деятельно употреблять данные Богом силы и способности, дабы не быть безответными на страшном суде Божием, Господь далее изобразил и самый этот суд.

«Когда придет Сын Человеческий, — говорил Он, — и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет Он на престоле Славы Своей. Пред Ним

соберутся все народы. Отделив одних от других, подобно тому как пастырь отделяет овец от козлов, Он поставит овец по правую сторону, а козлов по левую и скажет первым:

— Приидите, благословенные Отца Моего! Наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал Я, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.

Праведники же скажут Ему в ответ:

— Господи! Когда мы видели Тебя алчущим и накормили? Или жаждущим и напоили? Когда мы видели Тебя странником и приняли? Или нагим и одели? Когда мы видели Тебя больным или в темнице и пришли к Тебе?

Но Судия скажет им в ответ:

— Истинно говорю вам: так, как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то вы сделали это Мне.

Тем же, которые по левую сторону, Он скажет:

— Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его! Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; был болен и в темнице, и не посетили Меня.

Тогда и они скажут в ответ:

— Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?

Но Господь скажет им в ответ:

— Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого и одному из братьев Моих меньших, то не сделали и Мне. И идут они, — заключил Господь, — в муку вечную, праведники же — в жизнь вечную».

Затем Господь обратился к ученикам Своим и сказал им:

— Знайте, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие.

В это время уже собрались тайно первосвященники, книжники и старейшины народа и решили взять Господа хитростью и убить Его, назначив время для этого перед праздником, чтобы не возмутить народа, который стекался в Иерусалим на праздник Пасхи в весьма большом количестве со всех концов Палестины.

На следующий день Господь отправился в Вифанию, в дом Симона прокаженного.

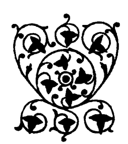
Здесь подошла к Господу одна женщина — грешница с алавастровым сосудом мира драгоценного и возлила это миро на главу Господа.

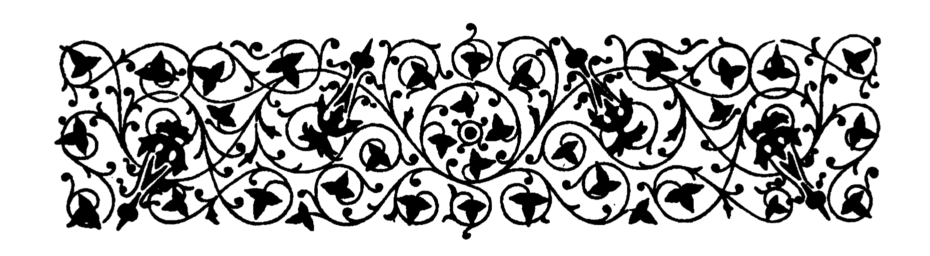
Увидев это, некоторые из учеников сказали:

— Для чего такая большая трата денег? Можно было бы это миро продать и вырученные деньги отдать нищим.

Но Господь сказал им:

— Зачем вы смущаете женщину? Она доброе дело сделала для Меня, ибо нищих вы всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете. Возлив миро на тело Мое, она приготовила Меня к погребению. Истинно говорю вам: везде, где будет проповедано Евангелие, сказано будет и о том, что сделала эта женщина.

СТРАСТИ ХРИСТОВЫ

Фарисеи, священники, книжники и старейшины давно уже ненавидели Иисуса за постоянные обличения. Он раскрывал перед народом их лицемерие, их ханжество, их нравственное ничтожество.

Последняя огненная речь Его, направленная против них, довела их ненависть до последнего предела[1]. Они не могли бороться с Иисусом открыто, вступая с Ним в спор перед народом, ибо Он всегда побеждал их Своим божественным словом. Но они не могли также терпеть долее Его проповедь: она могла отнять у них власть, уважение народа, имущественную обеспеченность. Во дворце Каиафы был собран совет, на котором порешили избавиться от Иисуса, убив Его. От истины хотели спастись преступлением! Однако они боялись народа: Иисус был любим народом, и Его насильственная смерть могла вызвать возмущение против убийц. Поэтому было решено привести замысел в исполнение тайно, хитростью. Неожиданная помощь пришла, откуда всего менее можно было ожидать ее: один из учеников Иисуса согласился Его предать. Это был Иуда. Он согласился указать им, когда и где будет возможно найти Иисуса одного, в отсутствие народа, и схватить Его, не опасаясь народного негодования[2].

Иуда один среди всех апостолов был иудей. Все остальные были галилеяне. Это конечно ставило его до известной степени в обособ-

---

[1] Здесь разумеется грозная обличительная речь Господа против книжников и фарисеев, в которой изобличены главнейшие заблуждения фарисеев, как относительно их учения, так и относительно их жизни. Речь эта изложена у евангелиста Матфея (23, 1–39) и кратко у Марка (20, 45–47).

[2] О предании Господа Иудой см.: Мф. 26, 47–56; Мк. 14, 43– 52; Лк. 22, 47–53; Ин. 18, 3–12.

ленное положение, отчуждало от остальных учеников. Характером он был, по-видимому, замкнут, скрытен и суров. Его называли «Иуда из Кериофа», очевидно по месту рождения: он происходил родом из небольшого иудейского городка[1]. Но при этом на еврейском языке получалась своеобразная игра слов. «Из Кериофа», вместе с тем означало — «человек злой»; и это прозвище было тем более заметно, что среди учеников Христа был еще другой Иуда, которому дано было соучениками прозвище *Леввей*, то есть человек добрый, «душа-человек». Такие прозвища, прибавлявшиеся к имени, были в обычае у иудеев и часто остроумно и тонко характеризовали своего носителя.

Все это дает повод думать, что Иуда не пользовался расположением остальных учеников и держался несколько в стороне. Особенно не любили его сыновья Зеведеевы — Иоанн и Иаков. Это прямо видно из того, с каким негодованием всегда о нем упоминает святой Иоанн. Последний был любимым учеником Христа, и это должно было возбуждать жгучую ревность в замкнутой и самолюбивой душе Иуды. Все свои мысли и чувства этот человек вынашивал один, ни с кем не делясь; а это придавало всем его переживаниям особую глубину и остроту.

Как большинство иудеев, он в глубине души любил блеск, пышность, власть, но умел переносить лишения и страдать ради господства и первенства в будущем. Отчасти его любовь к власти и первенству была удовлетворена, когда Христос поручил ему хранить казну первой христианской общины. Но в будущем он рассчитывал, конечно, на большее. Он помнил слова своего Учителя: «последние будут первыми», и строил на них себялюбивые надежды; пускай теперь они скитаются бездомные и непризнанные, зато потом они получат первые места в грядущем царстве Мессии. Как истинный иудей, он был полон мессианских надежд. Он считал свой народ избранным и предназначенным к царству. Пускай теперь он страдает под римским игом и находится в положении рабов, зато скоро явится Мессия, предсказанный пророками, свергнет иго язычников и сядет на престоле вечной славы, и эта немеркнущая слава Его будет славой всего избранного израильского народа.

[1] *Город Кериоф (*или *Кариот) —* нынешний Куриут — находился на северной границе колена Иудина.

Иуда поверил, что Иисус — именно такой Мессия. Он ведь изгонял бесов, останавливал бушующее море, творил чудесные исцеления; Он предсказывал грядущее царство. Несомненно, в этом царстве лучшие, первые места достанутся Его ученикам, разделявшим с Ним все лишения, прошедшим вместе с Ним весь тернистый путь от безвестности к славе и власти. Ради этого блеска и господства в будущем, ради того, чтобы быть одним из первых учеников Мессии и вместе с ним вести израильский народ к могуществу, ради этого стоило переносить в настоящем тягостное смирение и тяжелую долю бездомных странников.

Иуда был действительно корыстолюбец, каким его обыкновенно называют, но скорее в нравственном смысле этого слова. Существует не только корыстолюбие мелкое, пошлое, обыденножитейское, которое побуждает к накоплению ради житейского довольства и сытости, существует еще корыстолюбие нравственное, корыстолюбие сильных, но духовно жадных натур: оно может вести к воздержанию, к трудам, даже к добродетельной жизни, к подвигам, — но все это ради будущих наград и почестей. Именно в таком смысле Иуда был глубоко корыстолюбив: он действовал ради будущей награды, когда шел за Христом, и это казалось ему вполне естественным, совпадало со всеми его верованиями.

Трудно предположить душу мелкого торгаша[1] или закоренелого злодея в том, кого Иисус избрал в число ближайших учеников Своих, кто делил с Ним жизнь, кто странствовал за Ним по городам и селам, кто отказался ради Него от связи с родиною и семьей. Если бы он был предан мелкому житейскому корыстолюбию, то уже давно покинул бы Иисуса и нашел бы себе более выгодное занятие, чем нищенская скитальческая жизнь: если бы он был закоренелым

[1] Евангелист Матфей указывает на сребреники, как на главную причину предательской измены Иуды (Мф. 26, 14–16). Согласно с этим и святая Церковь учит, что Иуда пал, «сребролюбием недуговав». Евангелисты Марк (14, 10–11) и Лука (22, 3–6) не говорят, что Иуда сам наперед потребовал денежной награды; прямою и непосредственною целью его тайного появления пред священниками было предать Иисуса; деньги же предложены Иуде после уговора о предании Господа, и Искариот только согласился их взять. Точно так же ни Марк, ни Лука не указывают, сколько сребреников получил Иуда, но говорят вообще о денежной награде. Что касается мотивов измены Иуды, то святой Лука (как и Иоанн 13, 2) прямо и выразительно указывает на сатану, который вошел в Иуду.

злодеем, то не раскаялся бы после своего преступления и не возвратил бы деньги. Самоубийство Иуды обнаруживает в нем глубокое потрясение совести и отчаяние полного безверия, а таких состояний не переживают обыденномелкие или безнадежно преступные люди.

Какие же причины могли побудить Иуду совершить предательство?

Самое это предательство и все поведение, каким оно сопровождалось, обнаруживают в Иуде непоколебимую ненависть к Христу. Он действовал без всякого сожаления, быстро и уверенно. Кроткие слова Христа нисколько не поколебали его решения. Он вел себя дерзко по отношению к Учителю, когда Мария помазала Его ноги драгоценным составом: он старался уличить Его в противоречии; не менее дерзко спросил он Его о предательстве на Тайной вечере: «Не я ли, Равви?» Наконец, он предал Его с холодным презрением и злой насмешкой.

Все это не оставляет сомнения, что Иуда потерял всякое уважение и любовь к своему Учителю; полное разочарование и ненависть сменили прежние чувства. Потерять уважение и любовь он мог, конечно, только потеряв веру в Него. Только полная потеря веры в Христа, как Мессию, дает нам возможность понять поступок Иуды, как раньше эта же вера объясняла, почему он последовал за Ним.

С некоторых пор Иуда стал замечать, что деяния Христа совершенно не соответствуют его мессианским надеждам. Слишком кротки были Его поучения; слишком мало Он заботился о предстоящем воцарении и о свержении римского ига. Наконец, сюда присоединились Его грустные предсказания, совершенно несовместные с представлением о царствующем Мессии. Чудеса, которые Он совершал, были по большей части исцеления, а для приобретения власти над народом нужны были более яркие знамения, которые показали бы всем, что Он истинный Мессия. Раз возникшее сомнение разрослось и быстро перешло в полное неверие. Вся жизнь Иисуса и все Его слова при более внимательном рассмотрении доказывали Иуде, что Он совершенно не тот Мессия, Которого он хотел видеть в Нем. И это было верно, ибо царство Христа есть царство «не от

мира сего», а Иуда желал и ждал именно мирского царства. Тогда его Учитель представился ему лжепророком, лжемессией, и он возненавидел Его. Он считал себя обманутым и решил мстить. Как иудей, он был мстителен и не прощал.

Лжепророки подлежали смерти, и он решил предать Иисуса. Он знал, что иудейские священники ненавидят Иисуса, и думал, что правда на их стороне. Приближавшийся праздник Пасхи пробудил в нем религиозное чувство. Он почувствовал свое единство с еврейским народом и испугался, не изменник ли он. Если он теперь предаст Иисуса, думал Иуда, то этим отомстит Ему за обман и, отдав Его по закону в руки священников, как лжепророка, тем самым снимет с себя вину и вернется в лоно иудейства. Ведь если Христос не Мессия, то вполне правы те, которые преследуют Его. Такие мысли привели Иуду к врагам Христа и заставили его действовать с ними заодно. Иудеи обрадовались и дали ему денег. Он принял это как справедливую награду; он чувствовал себя и их вполне правыми. Они дали ему ничтожную сумму в тридцать сиклей (на наши деньги рублей двадцать), обычную цену раба[1].

В четверг утром ученики спросили Иисуса:

— Где желаешь Ты, чтобы приготовили Тебе пасху?[2]

---

[1] *Сумма в тридцать сребреников* в Ветхом Завете назначалась за раба, убитого волом (Исх. 20, 32); у пророка Захарии тридцать сребреников упоминаются в качестве презренной и ничтожной суммы, которою неблагодарный народ израильский оценивает попечение о нем Иеговы (Зах. 11, 12–13); у пророка Осии этою суммою определяется цена распутной женщины (Ос. 14, 2); у раввинов она является ценою каждого раба без различия пола и возраста. Вообще оценка в тридцать сребреников в глазах еврея времен Христа служила символом ничтожества и выражала презрение к тому, кто ею оценивался: это цена грошовая, рабская. Синедрион хотел, вероятно, назначением этой суммы выразить пренебрежение ко Христу, как человеку, который стоит не более любого раба.

[2] *Пасха* — главный и торжественный праздник евреев. Он установлен был в память чудесного избавления евреев из рабства египетского, название свое получил от прохождения (пасах — прошел) мимо домов еврейских Ангела, погубившего в последнюю ночь пребывания евреев в Египте всех первенцев египетских (Исх. 12). В соединении с праздником опресноков, который начинался на второй день Пасхи, он праздновался восемь дней, с вечера 14-го по 21-е число месяца Нисана (конец нашего марта и начало апреля). В десятый день этого месяца отцы семейств должны были избрать по агнцу однолетнему, без порока, который должен быть заклан в четырнадцатый день, во дворе святилища, по надлежащем при-

Он же послал Петра и Иоанна в Иерусалим и дал им таинственное поручение: при входе в городские ворота они встретят человека, несущего сосуд с водою; за ним должны они и последовать и, обратившись к хозяину того дома, куда войдет этот человек, доверить ему намерение Учителя есть у него пасху вместе с учениками.

Все это было исполнено. Апостолам была предоставлена верхняя горница со столом и местами для возлежания. Кому принадлежал тот дом — неизвестно. Некоторые указывают, что Иосифу Аримафейскому, а иные — Иоанну Марку. Вечером Иисус с учениками пришел из Вифании в предназначенное для вечери место[1].

На Востоке за трапезою обыкновенно возлежали на подушках вокруг невысокого стола из ярко расписанного дерева. Почетным считалось место посередине стола. Его занял Иисус. Апостолам казалось вполне естественным, что их Учитель занимает первое место, но далее невольно возникал вопрос: кому возлежать рядом с Ним, кто из них ближе к Учителю, кто больше? Между учениками Иисуса уже раньше происходили подобные споры о первенстве; быть может, теперь такой спор послужил поводом к тому поступку Христа, который навеки сохранится в Его учении, как живая притча, как подвиг любви и смирения.

Учитель омыл ноги Своим ученикам (Ин. 13, 1–20)[2]. Он совершил

готовлении, и потом испечен. Приготовленного агнца ели всего, не оставляя ни костей, ни жил и т. п. с пресным хлебом и горькими травами. Вкушение пасхи начиналось вечером 14-го числа Нисана, по захождении солнца. Обычай, однако, позволял вкушать пасху, особенно пришедшим из Галилеи, и ранее. Господь воспользовался этим обычаем, и вечеря Его была в четверг 13-го Нисана, за сутки до назначенного времени. Это потому, что Он, как истинный пасхальный агнец, должен был быть принесен в жертву на кресте в законный день пасхальной вечери. Пасху должно было совершать в Иерусалиме, и так как ни апостолы, ни Христос не имели собственного дома, то апостолы и спросили Иисуса, в каком доме и у кого именно приготовить вечерю. Таинственное поручение давало ученикам понять, что предстоит вечеря необыкновенно торжественная и знаменательная.

[1] О *Тайной вечери* см.: Мф. 26, 17–20; Мк. 14, 12–17; Лк. 22, 7–18.

[2] Обыкновенной обувью древних восточных народов были сандалии — род подошв из толстой (чаще козьей) кожи, или из пальмовых листьев. Сандалии привязывались ремнями и предохраняли ноги от солнечного зноя, до того раскаляющего песок, что путешествие босыми ногами невозможно. Поэтому умовение ног на Востоке составляет необходимость, освежающее средство; оно считалось и считается первой обязанностью гостеприимства. Обычай этот встречается в глубокой древно-

то, что обыкновенно возлагалось на последнего раба, как обязанность тягостная и презренная. Он смывал грязь и отирал ноги полотенцем. Симон Петр смутился:

— Господи, Тебе ли умывать мои ноги?

Иисус ответил ему кротко:

— Что Я делаю теперь, ты не знаешь, а уразумеешь после.

Но порывистый, пламенный ученик не мог допустить, чтобы Сын Божий, царь Израильский, Тот, Который владеет глаголами вечной жизни, умывал ноги ученика Своего, как раб; он видел в этом унижение.

— Не умоешь ног моих вовеки! — воскликнул он.

— Если не умою тебя, не имеешь части со Мною, — отвечал Иисус.

Тогда Петр говорит:

— Господи, не только ноги мои, но и руки и голову!

Настолько ему казалось ужасным «не иметь части» с Тем, Кому он предан был всею душою. Но Иисус отвечал:

— Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; вы чисты, но не все.

Эти последние слова святой Иоанн истолковывает, как намек на Иуду: «Он знал предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты».

Затем Иисус Сам в немногих словах истолковал апостолам значение Своего поступка:

— Вы называете меня Учителем и Господом, и правильно говорите; ибо Я — точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу.

Всякий поступок, всякое слово Христа можно рассматривать с двух сторон: с одной стороны — это исторический факт, событие, происшедшее в Иудее в царствование Ирода и засвидетельствованное евангелистами, с другой стороны — это вечный символ, сохраняющийся в христианской Церкви, которая все более и более раскрывает его смысл; с этой точки зрения Его слова и поступки — это

сти. Авраам, увидя около своей палатки трех путников, пригласил их к себе и предложил прежде всего: «да принесется вода, и омоются ноги ваши» (Быт. 18, 4. См. также: Быт. 19, 2; 24, 32; 43, 24). Несоблюдение этого обычая считалось признаком невнимания и невежества. Умовение ног возлагалось на обязанность прислуги.

цепь бессмертных мыслей и образов, раскрывающих нам путь, истину и жизнь.

Омовение ног, совершенное Им на вечере, показало, что такое *Учитель* в духе Христовом. Это не гордый вождь, ведущий за собою во имя свое, не первосвященник, вокруг Которого толпятся покорные слуги, нет, — это смиренный слуга своих учеников, не ищущий первенства на земле, пышности или поклонения. Он очищает своих учеников от земного праха, от грязи греховной, которая пристает к ногам их, ибо они ходят в мире, а он «весь во зле лежит». Этой грязи, этого греха не должен бояться тот, кто должен омывать души людей; он не должен боязливо отвращать взор из страха увидеть нечистоту и коснуться ее. Христос не избегал грешников; они были ближе Ему, чем самодовольные праведники.

В числе тех, кому Иисус омыл ноги, был Иуда. Он не поколебался в своем замысле. Быть может, ожесточение его даже возросло. Иуда не проникал в кроткий дух учения Христова и теперь еще более утвердился в своем убеждении, что Христос не есть истинный Мессия. Истинный Мессия, думал он, не стал бы унижаться, исполняя обязанности раба, он не стал бы омывать ноги ученикам, но величественно и гордо, как царь, повел бы их на блестящий подвиг освобождения иудейского народа. И ненависть Иуды к Учителю возросла. Его решение окончательно окрепло.

Такое настроение ученика конечно не могло укрыться от проницательного взора Учителя; Иисус «возмутился духом» и сказал:

— Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

Ученики были глубоко потрясены этими словами. Совесть заговорила в каждом. Каждый вспомнил те минуты, когда слабела его вера, когда просыпалось себялюбие, гордость, недоверие.

— Не я ли, Господи? — говорили они в смущении.

Они были исполнены раскаяния и строгости к себе и далеки от осуждения. Никто не спросил Иисуса: «Не он ли, Господи?», указывая на кого-либо из товарищей своих.

Петр, желая поскорее узнать, чтобы предупредить измену, сделал знак Иоанну, который возлежал рядом с Иисусом, и тот тихо спросил Учителя:

— Господи, кто это?

Иисус отвечал:

Тайная вечеря

— Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам.

И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову, Искариоту.

Такой поступок не возбудил внимания, так как согласовался с обычаем[1].

Затем Иисус сказал во всеуслышание следующие слова:

— Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предастся, лучше бы этому человеку не родиться.

И эти потрясающие слова не разрушили замысла Иуды. Он лицемерно и дерзко спросил Христа вместе с другими: «Не я ли, Равви?» — и получил определенный ответ: «Ты сказал!», то есть «Да!» Иуда не мог более присутствовать, тем более что Иисус добавил:

— Что делаешь, делай скорее!

Ему оставалось только уйти. Решение созрело окончательно. Иуда вышел. Была уже ночь.

Христос взял хлеб, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал:[2]

— Приимите, ядите; сие есть Тело Мое.

И взяв чашу, и благодарив, подал им, и сказал:

— Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов[3]. Сие творите в Мое воспоминание. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода этого виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего.

---

[1] В продолжение пасхальной вечери глава семейства иногда раздавал возлежащим куски хлеба, обмакивая их в блюде с жидким кушаньем, чем символически обозначались блага земли Обетованной, текущей медом и млеком. Этот обычай означал иногда особое благоволение главы дома к тому, кому подавался такой кусок. Господь воспользовался этим обычаем для указания предателя. По отношению к Иуде это был последний на этой вечери зов любви Господней к предателю, последнее призвание его к покаянию.

[2] Об установлении Евхаристии см.: Мф. 26, 26–29; Мк. 14, 22–25; Лк. 22, 19–20; 1 Кор. 2, 23–25.

[3] Страдания и смерть Единородного Сына Своего Бог Отец принял как жертву умилостивительную за грехи всего рода человеческого, которые поэтому и прощаются всем верующим во Христа, и по этой вере причащающимся пречистого Тела и Крови Его (см.: Ин. 1, 29; Еф. 5, 2; Евр. 7, 27; 1 Ин. 2, 2; 4, 10; Рим. 8, 32; 2 Кор. 5, 15).

Так установил Христос главное христианское таинство причащения.

Затем Он обратился к ученикам с прощальными словами, которые сохранены для нас евангелистом Иоанном (см.: Ин. 13, 31; 14, 31; 15 и 16; Мф. 26, 30–35; Мк 14, 26–31; Лк. 22, 31–32).

Иисус знал, что Иуда ушел с целью выполнить свой предательский замысел; он предчувствовал близость страдальческого конца и понимал, что настает минута, когда исполнение воли Отца приведет к мучениям и смерти; Сын Человеческий не отступит и искупительным подвигом Своим прославит Отца.

Он сказал:

— Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его.

— Детки, — продолжал он, с любовью глядя на учеников Своих, — не долго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я иудеям, что куда Я иду, вы не можете прийти, так и вам говорю теперь.

Как отец при последней разлуке с детьми, Он дает им последнее завещание. Он напоминает им то главное, чему учил Он на земле, внушает ту всепобеждающую силу, которая притягивает сердца:

— Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. Потому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою[1].

Ученики чувствовали, что Учитель прощается с ними, и были смущены и опечалены. Иисус понимал это и потому сказал:

— Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте.

---

[1] Заповедь о любви, данная Христом, была настолько *нова*, насколько были *новы побудительные основания любви*, мера требуемой любви и *образец ее.* В Ветхом Завете заповедано было любить ближнего как *самого себя*; следовательно, там мерою и нормою любви *к ближнему* служила любовь *к самому себе.* Заповедь эта заключена была в определенные границы, относилась только к единоплеменникам и допускала существование права возмездия. Спаситель нормою любви определяет *Свою собственную любовь*; а Его любовь к людям была такого рода, что состояла не только в исполнении долга справедливости, но *в самоотвержении*, в готовности на все жертвы за других, следовательно — любовью более к ближним, чем к самому себе; любовь Его была всеобщая, обнимавшая собою всех людей, даже врагов.

Вера должна спасти и укрепить их в предстоящих испытаниях. Когда Он будет с Отцом на небесах, они останутся здесь, на земле, и будут по Его примеру творить волю Отца.

— В доме Отца Моего, — говорит он, — обителей много.

Весь мир, видимый и невидимый — есть «дом Отца», где должна царствовать воля Его «на небеси и на земли». Он оставляет их на земле, и Сам «идет приготовить место им». Место уже готово от века, поэтому «приготовление места» имеет здесь значение *указания пути* в вечные обители Отца, пути, утерянного человечеством.

— Когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я.

Из дальнейших слов этой беседы ясно, что Иисус говорит здесь о духовном пришествии Своем к ученикам, о ниспослании на них Духа Святого, Который поведет их по пути Истины в обители вечной жизни.

— А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете, — прибавляет Иисус, говоря о всем учении Своем, преподанном апостолам.

Но Фома желает более точного и определенного указания:

— Господи, не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?

Иисус отвечает:

— Я есмь путь, истина и жизнь! Никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его.

В этих словах Христа сразу открывается смысл всего предыдущего, Его слов о «приготовлении места», о «пути». Теперь он говорит вполне ясно: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Если бы не было Сына, то нельзя было бы познать истинный путь, нельзя было бы достигнуть обителей вечной жизни. Но теперь путь указан и обители открыты: «Я есмь путь, истина и жизнь».

Отныне ученики «знают Отца».

Но Филипп говорит:

— Господи! Покажи нам Отца, и довольно для нас.

Он просит знамения, хочет блестящего богоявления, чуда, чтобы тотчас уверовать принудительно. Он высказывает в этих словах вечные сомнения человеческого чувственного рассудка, который ищет Бога в пространстве, и, обозревая небо и землю, говорит: «Где Он?»

С упреком отвечает Иисус:

— Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня, видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца. Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам.

Христос напоминает здесь, что Бог Отец невидим, как дух; но Сын Божий, воплощение Бога в человеке, видим и обнаруживает Свою Божественность в тех «глаголах вечной жизни», которые преподал ученикам, и в делах, которые творил. Эти слова и дела исходят от Отца и указуют путь к Нему. В этом и состоит единственно возможный для человека способ созерцать Бога: «видевший Меня — видел Отца».

— Истинно, истинно говорю вам, — продолжает Иисус, — верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду.

Верующий сотворит такие дела не в силу превосходства перед Христом, а потому, что Христос совершит подвиг искупления рода человеческого, соединится с Отцом и ниспошлет Святого Духа, силою Которого будет творить еще большие дела через Своих учеников.

— Если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне.

Здесь Христос дает Своим последователям утешительную надежду на исполнение их просьб, обращенных к Богу. Не всех, конечно: нельзя просить о том, что противно духу учения Христова. Он говорит о тех просьбах, которые могут быть произнесены «во имя Христа», которые ведут к торжеству правды и добра, к тому, чтобы «Отец прославился в Сыне».

— Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди, — продолжает Он, — и Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его, а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет.

Христос обещает ученикам, что взамен Его временного, телесного пребывания с ними, они исполнятся Духом Истины, Который дает им вечное утешение. Если они будут веровать в Сына, любить

Его и исполнять Его заповеди, то навеки пребудет с ними Дух истины, Который даст им бодрость и силу.

Этот Дух пребывает и действует внутри верных. Мир, то есть греховный человеческий род, еще не исполнившийся Духом истины, не может как-либо сразу увидеть Его и воспринять извне; он, этот род, должен пойти тем же путем, какой указан и апостолам в словах: «Я есмь путь, истина и жизнь». В апостолах уже пребывает Дух истины, ибо они знают учение Христа и следуют ему, но мир остается чуждым этому Духу и не принимает его пока.

Далее говорит Иисус:

— Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и Мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня; ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам.

Здесь говорится не о втором пришествии Христа, как Судии, и не о временном явлении Его ученикам по воскресении; здесь говорится о вечном присутствии Христа в Его Церкви, в обществе верующих. Поэтому и сказано «не оставлю вас сиротами». Для мира покажется, что Он умер, исчез, но для них, для Церкви Его, он будет жить и даст им жизнь вечную.

Духом Божиим исполнится Церковь, и тогда станут понятны слова Его: «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас».

Один из учеников Христа, Иуда (не Искариот), спрашивает:

— Господи, что это Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?

Он представляет себе Иисуса как Мессию, Который должен блестящим чудом явить Себя миру.

Иисус отвечает и разъясняет, о каком явлении Своем верующим Он говорил и при каких условиях оно возможно:

— Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к Нему, и обитель у Него сотворим.

Вот в каком смысле сказал Он раньше «явлюсь ему (то есть верующему) Сам».

— Не любящий Меня не соблюдает слов Моих: слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца. Это сказал Я вам, находясь с вами. Утешитель же, Дух Святой, Которого по-

шлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам.

Прощаясь с учениками, Христос обещает им мир душевный, тот мир, который Он Сам обретал, исполняя волю Отца:

— Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам.

Последними словами Иисус указывает, что этот мир, это ясное спокойствие духа есть нечто совершенно отличное от того благосостояния, от того спокойствия, которым довольствуется мир. Последнее состоит в беззаботном наслаждении благами земными, которое лишь усыпляет совесть, но не спасает ее от мучительных вопросов и разлада. Мир, который Он дает, есть мир внутренний, примирение души с Богом, не нарушимое никакими внешними опасностями. Предвидя тот ужас и смятение, какое охватит учеников, когда они увидят страдания и смерть Его, Он предупреждает их:

— Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказал вам: иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу, ибо Отец Мой более Меня. И вот Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется.

Христос хочет поддержать веру учеников тем, что предсказывает им ожидающие Его события.

Упоминая, что Отец «более Его», он говорит о Себе, как о Сыне Человеческом, говорит о Своем человеческом начале, и в отношении к последнему признает первенство Отца.

— Уже немного Мне говорить с вами, ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего[1]. Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца, и, как заповедал Мне Отец, так и творю: встаньте, пойдем отсюда.

Иисус предрекает им, что князь мира, князь греха уже приближается в лице человеческих слуг своих, чтобы взять Спасителя и предать Его смерти. Но эта сила — для Него лишь внешняя, она не может воздействовать на Его волю, как действует на волю людей по-

---

[1] Диавол — князь мира сего в силу греховности, в которую погружен мир; Христос безгрешен, и потому князь мира сего не имеет в Нем ничего, над чем бы он в Нем мог господствовать. Это изречение Христа служит, между прочим, как доказательством безгрешности Его, так и полной свободы, с какой отдает Он жизнь Свою за жизнь мира (Ин. 10, 18).

средством страха или искушения: «князь мира в Нем не имеет ничего». Он зовет учеников вместе с Ним идти навстречу опасности, доказывая этим, что Он не хочет уклониться от исполнения воли Отца.

В дальнейшей беседе Христос дает ученикам символ, образ необычайной красоты и глубины, немногими чертами сразу выясняющий тайну отношений между Богом, Богочеловеком и Церковью. Он изображает наглядно уже раньше выраженную мысль: «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас».

— Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не может делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

В самых подробных толкованиях трудно полнее и точнее выразить отношение Христа к верующим в Него, чем это сделано здесь. Этот божественно простой образ допускает беспредельное развитие и расширение заложенных в него мыслей. И вместе с тем никакие рассуждения не исчерпают вполне его содержания, подобно тому, как никакие исследования естествоиспытателей не разложат до конца на составные части живое существо растения.

Христос дает жизнь верующим, дает им пышный расцвет мыслей и плоды дел, подобно тому, как лоза дает жизнь ветвям. Плоды — это добрые дела верующих во Христа. «Без Меня не можете делать ничего», — говорит Он. Как плоды несут изобилие и радость, и дают живительное вино, так и дела верующих несут в Мир счастье и довольство, дают ближним пищу духовную и телесную.

Но не все ветви лозы живут. Есть и мертвые, сухие; это те, в которых не проникает сок жизни, питающий растение; они утеряли связь с живым целым и должны отсохнуть.

Точно так же и в обществе верующих, в Церкви, есть члены, только внешним образом связанные с ней, только по имени, — те,

которые не проникнуты живым духом Христовым. Они не принесут добрых плодов, а просуществуют краткий срок, засохнут и сгорят.

Творца мира Иисус называет виноградарем. Он будет прославлен пышным расцветом лозы и обильными плодами.

— Если пребудете во Мне, — говорит Он, — и слова Мои в вас пребудут, то чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками.

Далее Иисус точнее объясняет им, что значит Его выражение «пребудьте во Мне». Раньше он сравнивал это пребывание в Нем с пребыванием ветвей на лозе. Теперь Он говорит определеннее:

— Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего, и пребываю в Его любви. Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна.

Таким образом, «пребывание во Христе», необходимое для верующего, если он хочет жизни божественной, есть пребывание в христианской любви. Человек, исполненный любви, бывает радостным. Та любовь, которой учил Христос и какою Он любил Своих учеников, есть любовь Божественная и дает «радость совершенную», которая не омрачается ничем и не отнимается.

Подойдя к основному началу Своего учения, Христос останавливается на нем подробнее и говорит еще раз:

— Эта есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы — друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего. Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал; дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам. Сие заповедаю вам, да любите друг друга.

Проникновенные и нежные слова эти глубоко западают в душу человеческую. Идеал любви дается здесь Христом: «положить душу свою за други своя». Именно душу, а не тело только отдать на служение ближним; отдать все свои духовные дарования, все силы ума,

чувства и воли. Так поступил Сам Христос в Своей земной жизни. Если ученики Его желают достойно называться друзьями Его, то сделают то же самое: положат душу свою за Него. Так и поступили Его апостолы. Называя их друзьями, а не рабами, Он, однако, объясняет, что это не есть отношение равного к равному, как бывает в обыкновенной дружбе, Он говорит:

— Не вы Меня избрали, а Я вас избрал, и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод.

Он предвидел, что Его посланники встретят на пути своем ненависть и гонения, и предупреждал их:

— Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое: а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают пославшего Меня.

Если бы апостолы были «от мира», были бы людьми мирскими, то защищали бы мирские интересы и мир считал бы их своими; но так как Христос взял их «от мира», удалил от того зла, которым полон мир, то теперь, придя в мир для проповеди, они уже не будут защищать интересы мирские, а будут, напротив, осуждать и обличать, призывая к покаянию, и этим вызовут ненависть неверующих, точно так же, как вызвал ее Христос.

«Раб не больше господина своего», а поэтому они не должны рассчитывать на более легкий путь, чем тот, по которому шел Господь.

Далее Иисус говорит о той ненависти, которая возгорается в сердцах неверующих, видящих дела Христовы и слышащих Его учение:

— Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха: а теперь не имеют извинения в грехе своем. Ненавидящий Меня — ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно (см.: слав. Пс. 68, 5).

Откуда эта ненависть у тех, которые видят высоту Христова учения и чистоту Его дел и, однако, восстают на Него со всею силою

злобы? Она проистекает из того, что, сознавая в глубине души истинность Его учения, они принять его, однако, не могут; не могут потому, что должны тогда отказаться от всей своей прежней жизни, от всех благ земных, которыми дорожат. Желая поэтому спокойно наслаждаться существующим, они ожесточенно преследуют это учение, разрушающее их спокойствие. О таких именно Он говорит: «И видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего». Они «не имеют извинения во грехе своем». Они возненавидели «и Отца», ибо ненависть к Сыну есть ненависть к Отцу: земная жизнь Иисуса Христа представляла совершенное исполнение человеком воли Божественной, поэтому, кто ненавидел Его деятельность — ненавидел волю Божию, волю Отца.

Но и эта ненависть будет разоблачена в своем корне и побеждена христианскою любовью, которая покорит мир, тем Духом Святым, Утешителем, Которого Христос обещал Своим ученикам; Он будет свидетельствовать об истине, Он будет одушевлять жизнь и проповедь тех, которые были человеческими свидетелями деятельности Иисуса Христа.

— Когда же придет Утешитель, — говорит Он, — Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне. А также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною.

Зная, что эта проповедь Его учения навлечет на апостолов гонения, Он еще раз предупреждает их и предсказывает им будущее, говоря:

— Это сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились. Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня. Но Я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что Я сказывал вам о том; не говорил же этого вам сначала, потому что был с вами.

Когда Он был с учениками Сам и начинал посвящать их в Свое учение, предсказание о бедствиях могло испугать их, еще не укрепившихся в вере. Теперь же, покидая их, давая им последнее наставление, Он считает необходимым выяснить, какой тяжелый путь предстоит им, чтобы «не соблазнились», убоявшись бедствий.

Он продолжал:

— А теперь иду к пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше.

По этим словам можно предполагать, что ученики в глубокой тоске, молча внимали словам Учителя, стараясь разгадать их таинственный смысл. Они понимали только одно: предстоит разлука с Ним. Два раза они решались обратиться к Нему с вопросом, и Он отвечал не совсем для них понятно, как им казалось — «притчами». Теперь они уже не решались спрашивать, ожидая, что Он Сам разъяснит все. Иисус же видел их глубокую скорбь и снова стал утешать их:

— Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам. И Он, придя, обличит мир о грехе, и о правде, и о суде. О грехе — что не веруют в Меня; о правде — что Я иду к Отцу Моему и уже не увидите Меня; о суде же — что князь мира сего осужден[1].

Он говорит, что божественный подвиг искупления, Его крестная смерть необходима именно для них и для всего рода людского. Возвратившись в лоно Отца, Он пошлет им Утешителя, Духа Святого, Который даст им возможность раскрыть миру христианские истины и победить зло мирское.

И сами они, исполнившись Духом Святым, Духом Истины, проникнут глубже в тайны Его учения, которое теперь еще не вполне для них ясно.

---

[1] Три предмета обличения — *грех, правда* и *суд* — обнимают собою всю сущность Христовой истины и разнообразные уклонения от нее. Святой Дух обличит мир проповедию апостолов о тяжком грехе неверия в Спасителя Господа Иисуса Христа и в совершенное Им дело искупления, вследствие чего одни покаются и обратятся ко Христу (Деян. 2, 41), а другие ожесточатся еще более (5, 33). Он обличит также и *о правде*, засвидетельствовав устами проповедников Евангелия, что Христом явилась *правда Божия* (Рим. 3, 22) и верующие получают оправдание туне, в силу искупительных заслуг Того, Коего *предложи Бог очищение верою в крови Его, в явление правды Его* (Рим. 3, 24–25). Тогда-то мир восчувствует неправду, оказанную Святейшему Праведнику (1 Пет. 3, 18), отверженному и умерщвленному им, но путем страданий и смерти вошедшему в предвечную славу (Ин. 17, 5). Святой Дух обличит мир и *о суде*, возвестив чрез апостолов, что власть духа тьмы, разрушенная крестом Христовым, не простирается более на искупленных (Кол. 2, 14–15) и что князь мира сего, то есть диавол, действием суда Божия, как предрекал Сам Господь, изгнан (Ин. 12, 31), и, как зрел Тайновидец, низвержен в бездну и заключен (Откр. 20, 3).

— Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое: потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам.

Истина — одна; и эту истину Отец открыл Сыну, а Сын — ученикам Своим; поэтому Дух истины будет возвещать им не новое какое-либо учение, а ту же самую Истину Христову, и таким образом будет прославлять Христа.

— Вскоре вы не увидите Меня, — говорит Он, — и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу.

Эти слова возбудили в учениках недоумение, и они спрашивали друг друга, что это значит.

Иисус сказал:

— О том ли спрашиваете вы один другого, что Я сказал вам: вскоре не увидите Меня, и вскоре опять увидите Меня!

Он разъясняет им далее Свои слова. Скоро они перестанут видеть Его телесными очами. Он не будет уже находиться с ними, как человек среди людей. Он оставляет мир и идет к Отцу. Но Он пошлет им Духа Святого, и тогда просветленным духовным оком они снова увидят Христа, и уже не будут разлучаться с Ним; Он вечно будет пребывать в Своей Церкви.

В следующих образных и проникновенных словах Христос раскрывает эти мысли:

— Исти́нно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас.

Далее Христос еще яснее говорит им о том времени, когда они исполнятся Духа Святого и когда Христос будет духовно пребывать с ними и со всеми верующими. Они будут обладать Истиной Христовой, так что не нужно уже будет им спрашивать Его, и Отец небесный исполнит их моления, когда будут просить во имя Сына.

Об этом времени Он говорит:

— И в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна. Доселе Я говорил вам притчами, но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце. В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас: ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу.

В последних словах Христос с полной ясностью выражает Свою основную мысль о предстоящем возвращении к Отцу, которую Он развивал и раньше.

Теперь ученики чувствуют полное удовлетворение: они поняли Учителя, они всецело верят Ему:

— Вот, теперь Ты прямо говоришь и притчи не говоришь никакой. Теперь видим, что Ты знаешь все и не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя. Поэтому веруем, что Ты от Бога исшел.

Иисус отвечал им:

— Теперь веруете? Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною.

После этого предсказания Христос заканчивает беседу и в нескольких словах с необыкновенной силой и глубиною выражает основную мысль всей прощальной речи Своей, даже больше — всего учения Своего, всей Своей земной проповеди. Эти слова вели на подвиги Его апостолов, всех борцов и мучеников Церкви; они навеки сохранятся в сердцах верующих и дадут им спокойное непобедимое мужество. Вот эти бессмертные слова:

— Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир.

Так заключает Христос Свое последнее завещание на земле, данное ученикам и всем верующим. Затем Он обращается с молитвою к Отцу. Эта молитва, называемая «первосвященнической», сохранена для нас святым Иоанном (см.: Ин. 17). В ней Господь, как первый священник на земле, как первый пастырь, душу Свою положивший за людей, молится за Своих учеников и за Свою будущую Церковь.

По ходу мысли молитва распадается на три части. В первой Христос говорит о Себе и Своем отношении к Отцу; во второй Он молится за учеников; в третьей молится за всех верующих, за всю Свою Церковь.

Он говорит:

— Отче! Пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя! Так как Ты дал ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, дает Он жизнь вечную. Эта же есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня, Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира.

В этих словах Христос говорит о тайнах воплощения и искуплении, о прославлении Отца через Сына. Прежде бытия мира Сын наслаждался Божественной славой у Отца, в полном единении с Ним: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Но когда был создан мир и человек, когда греховный род людской, соблазненный диаволом, отступил от воли Отца и вкусил смерть, тогда Сын воплотился в человека, отверг искушения диавола, исполнил всецело волю Отца и победил смерть. Иисус Христос прославил Бога Отца на земле, вернул человечество к исполнению воли Единого истинного Бога и, таким образом, дал всей плоти жизнь вечную, указав ей путь спасения от смерти и греха. Это и есть то дело, которое Отец поручил Ему исполнить, дело, достойное той славы, какую Он имел от века у Отца.

Далее Христос молится об учениках Своих, которые созиждут Церковь Его. Обращаясь к Отцу, Он так говорит о Своих апостолах:

— Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть. Ибо слова, которые Ты дал Мне, я передал им, и они приняли, и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня.

— Я о них молю, не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. И все Мое Твое и Твое Мое; и Я прославился в них.

Как видно из дальнейшего, эта молитва прежде всего просит о том, чтобы ученики сохранены были на пути истины и добра, на ко-

торый они уже вступили; но мир еще не вступил на этот путь, поэтому о нем и не говорит здесь Христос: «не о всем мире молю»; эти слова не значат, что Спаситель не хочет вовсе молиться о всем остальном мире; Он пришел для всех людей и в той же молитве дальше просит о всем мире, говоря:

— Да уверует мир, что Ты послал Меня.

Но для самого мира, для спасения его важно, чтобы прежде всего Отец сохранил на истинном пути первых учеников Христа, которые понесут Его учение во все концы земли.

— Я уже не в мире, — продолжает Он, — но они в мире, а Я к Тебе иду. Отче Святой! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. Когда Я был с ними в Мире, Я соблюдал их во имя Твое; тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание.

«Соблюдать во имя Божие» — значит сохранять на истинном пути веры и доброй жизни.

— Ныне же к Тебе иду и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную.

В этих словах Христос объясняет, почему Он произнес всю молитву вслух перед учениками: они будут помнить, как Сам Он обращался с молитвою за них к Отцу, как говорил перед лицом Божиим, что передал им все, что получил от Отца, и сердца их исполнятся радостью непреходящею. Точно так же и сердца всех верующих, за которых Он молился далее.

— Я передал им слово Твое, — продолжает Христос, — и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира. Освяти их истиною Твоею; Слово Твое есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною!

Он посылает Своих учеников в мир, для проповеди истины Христовой, точно так же, как Отец послал Его в мир возвестить людям истину. За них Он приносит Себя в жертву, посвящает Себя на подвиг божественный, чтобы и они душу свою полагали за Него.

Далее Христос молится уже не только о первых учениках Своих, но и о всех верующих, о всей Церкви Своей.

— Не о них же только молю, — говорит Он, — но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино: как Ты, отче, во Мне, и Я в Тебе; так и они да будут в Нас едино, — да уверует Мир, что Ты послал Меня.

Христос просит Отца о полном единении всех верующих, такое единение показало бы миру божественность того учения, которое ведет к согласию и миру среди людей.

— И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них и Ты во Мне; да будут совершенны во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня.

Христос просит Отца, чтобы единая Церковь Его сияла божественною славой, тою же славой, какою озарен по воле Отца Сам Богочеловек. Тогда мир познает, что Бог любит верующих в Него и прославляет их.

— Отче! Которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира. Отче праведный! И мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них.

Такими словами Христос закончил Свою молитву.

Он и ученики Его вышли из комнаты. Весенняя луна озаряла иерусалимские улицы. Было тихо и безлюдно. Они прошли через городские ворота и направились к Гефсимании, которая отстояла от городских стен почти на три четверти версты. Последние слова Иисуса заронили в сердца учеников предчувствие чего-то значительного и страшного: никогда Он не говорил еще с ними так.

Дорогою Он сказал им:

— Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы.

Но ученики клялись ему в верности. Особенно горячо уверял Петр:

— Хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя!

В ответ на эти слова Иисус сказал:

— Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня!

Так дошли они до Гефсимании. Христос часто бывал здесь. Это был густой сад, поросший старыми раскидистыми оливковыми деревьями, от которых получал свое название[1]. Луна просвечивала сквозь узоры сплетенных ветвей и озаряла небольшие поляны. Под вековыми стволами оставалась таинственная тень.

Усталость охватила учеников. Иисус оставил их отдыхать и, взяв с Собою любимейших — Петра, Иакова и Иоанна, пошел с ними в глубину сада. Он хотел, чтобы эти, самые близкие Ему на земле, бодрствовали вместе с Ним в этот тревожный томительный час; бодрствовали, понимая вечный сокровенный смысл совершающегося. Сам Он желал обратиться с молитвою к Отцу (Моление о чаше в Мф. 26, 36–46; Мк. 14, 32–42; Лк. 22, 40–46; Ин. 18, 1–2).

Он сказал:

— Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте.

И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час этот. И говорил:

— Авва, Отче! Все возможно Тебе: пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты[2].

Когда Он возвратился к ученикам, то нашел их спящими. И Петр спал, тот самый, который клялся, что умрет за Него. Так немощен человек: лишь минутами пробуждается в нем сила духа, и тогда он чувствует себя способным на подвиги, но затем святой огонь потухает и человек погружается в житейский сон, когда дух молчит, а плоть беззаботно отдыхает. Не знает он, когда, в какой час более всего надлежит бодрствовать, когда нужен подвиг духовный; лишь потом, когда уже нельзя поправить, нельзя совершить подвига, по-

---

[1] *Гефсимания* значит масличное точило, жом для выжимания масла; вероятно, потому такое имя дано, что сад был оливковый и здесь приготовлялись оливки и оливковое масло.

[2] Образ чаши, наполненной вином, нередко употребляется в Священном Писании для обозначения бедствий и страданий, доводящих несчастного до крайнего изнеможения (Пс. 74, 9; Ис. 51, 17, 22). Сам Господь еще прежде — в беседе с сынами Зеведеевыми — под этим же образом указывал на страдания, предстоящие Ему и ученикам (Мф. 20, 22, 23; Мк. 10, 38–39). *Гефсиманская чаша* — это чаша всех беззаконий, нами содеянных, и всех казней, нам уготованных, которая потопила бы весь мир, если бы Он не восприял, удержал, иссушил ее; все потоки человеческих беззаконий сливались для Иисуса в единую чашу скорби и страдания.

нимает он глубину всего происходившего и находит спасение лишь в одном — в раскаянии.

Иисус обратился к Петру с укоризненными словами:

— Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение. Дух бодр; плоть же немощна.

Еще отойдя в другой раз, молился, говоря:

— Отче Мой, если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя.

Как понимать эту молитву Христа? *Скорбь* и *тоску* Его, о которых говорят евангелисты? Его слова: да минует Меня чаша сия? Не было ли это страхом смерти, страхом страданий?

Христос действительно обладал вполне человеческой природой; Его страдания были не призрачны. Его человеческая природа могла чувствовать невольное отвращение к смерти. Но, признавая Христа человеком, мы должны помнить, что Он вместе с тем *Богочеловек*, полное воплощение Бога в человеке, а поэтому не может обладать человеческой природой худшей, или слабейшей, чем какою обладали лучшие люди, герои или святые. Если апостолы и святые мученики христианские не боялись смерти и страданий и радостно встречали их, то как мог бояться этого Сам Богочеловек? Но не нужно даже быть героем или святым, чтобы не бояться смерти. Всякая сильная страсть способна заглушить страх смерти.

Ясно, таким образом, что о какой-либо *боязни* здесь не может быть речи. Однако Христос страдал и скорбел смертельно. Скорбь — удел человека, а не Бога. Страдало несомненно Его человеческое начало, но не телесное, а духовное: тосковала Его человеческая душа. Он так и сказал:

— Душа Моя скорбит смертельно.

Какова же была эта скорбь, если она не была страхом смерти?

Перед Его духовным взором ясно предстало близкое будущее: несправедливое поругание и унижение. Ничего не может быть невыносимее для человека на земле, как безвинные страдания праведника. Иов возроптал на Бога, ибо не знал, за что страдает. Христос знал, что будет страдать именно за то, что есть в Нем великого, святого, ибо дети тьмы захотят потушить божественный свет. Тот город, тот народ, которому Он принес заповедь любви, завтра будет пылать

ненавистью к Нему, требовать Его смерти. Те, кого Он учил, совершат величайшее преступление и покроют себя кровью Его. Собственный ученик предаст Его. «Рассеются овцы стада», ибо поражен будет пастырь. Эти немногие, верные Ему, будут гонимы так же, как и Он.

Может ли душа человеческая, хотя бы она была душою Богочеловека, не тосковать и не скорбеть, представляя себе эти образы близкого будущего? Христос ведь жил и чувствовал, как все люди: Он не был призраком человека.

Желать всего предстоящего, *желать* унижения и оплевания за правду — не могла человеческая природа Христа; она могла лишь покориться, подчиниться Его Божественной природе, склониться перед волею Отца. Так и было:

— Отче Мой! — сказал Он. — Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя.

В этих словах, дважды повторенных, выразилась полная победа Божественного начала над человеческим, и подчинение последнего первому. Такой полной победы мог достигнуть только Богочеловек. Своим решением Он дал ученикам вечный пример: исполнять волю Отца, хотя бы предстояло за то испить чашу земных страданий.

Когда Иисус в третий раз подошел к ученикам, полный сил духовных и божественно спокойный, Он застал их опять спящими и сказал:

— Вы все еще спите и почиваете; вот, приблизился час, и Сын Человеческий предастся в руки грешников. Встаньте, пойдем: вот приблизился предающий Меня.

Между стволами деревьев замелькали огни фонарей; раздалось бряцание оружия. Это Иуда вел толпу первосвященнических слуг и воинов, чтобы захватить Иисуса. Иуда шел впереди. Он отделился от толпы и подошел к Иисусу и ученикам Его. Он условился указать посредством поцелуя, кто из этой небольшой группы людей — Сам Учитель. Приблизившись, он поцеловал Иисуса и произнес слова приветствия:

— Радуйся, Учитель!

— Иуда, — сказал Христос, — целованием ли предаешь Сына Человеческого?

Толпа, вооруженная кольями и мечами, стояла невдалеке. Очевидно опасались, что Христа будут защищать Его последователи, или ученики; и о самой личности Христа были распространены чудесные рассказы, наполнявшие сердца пришедших таинственным страхом и нерешимостью. Ученики, находившиеся здесь вместе с Иисусом, были в смятении и нерешимости.

— Господи, — сказал Петр, — не ударить ли нам мечом?

Но Иисус выступил вперед, сделал несколько шагов и подошел вплотную к вооруженной толпе.

— Кого ищете? — спросил Он.

— Иисуса Назорея, — отвечали они.

— Это Я!

Непоколебимая сила духа звучала в этих словах, произнесенных безоружным человеком. Он стоял, не опуская взора, озаренный светом луны и отблесками фонарей.

И отступили они назад, и пали на землю в смятении.

Снова спросил Иисус: кого ищете? — вполне спокойно и кротко, как бы ободряя пришедших взять Его. Ответ был тот же:

— Иисуса Назорея.

— Я сказал вам, что это Я, — отвечал Иисус. — Итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут, — сказал Он, указывая на апостолов.

Понемногу панический страх толпы прошел; Иисус был безоружен и сам отдавался в руки пришедших взять Его. Его окружили. Пылкое сердце Петра вскипело негодованием, он забыл все и, рискуя жизнью, бросился вперед с мечом и отсек ухо рабу первосвященника[1]. Но Христос остановил его порыв:

— Вложи меч в ножны, — сказал Он, — неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец? Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более нежели двенадцать легионов Ангелов?

---

[1] Ученики Господа не носили с собою мечей, какие носили путешественники в Палестине для защиты от нападавших разбойников и зверей. Господь, посылая их на проповедь в Палестину, не позволял им брать мечей, удостоверяя их чрез это самое в безопасности их (Мф. 10, 10). Но после вечери, когда Он объявил им, что теперь нужно было бы даже продать одежду и купить меч, у них действительно оказались два меча или ножа, которые они, как видно, и взяли с собою, и одним из них пылкий Петр вздумал было защищать своего Учителя.

Воины и служители связали Иисуса. Его, безоружного, окружила эта густая толпа с мечами и кольями.

Он сказал:

— Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук: но теперь ваше время и власть тьмы.

Тогда ученики, видя, что всякое сопротивление бесполезно и что Иисуса уводят, все бежали.

Иисуса повели к первосвященническому дворцу. Там жили главные руководители всего этого заговора: первосвященник Каиафа, и тесть его, бывший первосвященник Анна. Это был чужеземец, вывезенный Иродом Великим из Александрии. Он был любим правительством и ненавидим народом. Талмуд называет семейство Анны «ехидной породой». Это семейство занималось весьма успешно торговлею под портиками храма; там продавались различные предметы для жертвоприношений по очень значительным ценам. Вмешательство Иисуса значительно подорвало это торговое предприятие, которому народ и без того не мог сочувствовать.

Первый допрос Иисуса был произведен именно этим Анною (см.: Мф. 26, 57, 59–68; Мк. 14, 53, 55–65; Лк. 22, 54, 63–65; Ин. 18, 13; 14, 19–24). Гибель Иисуса была предрешена, а поэтому все допросы велись явно пристрастно.

Анна спросил Иисуса об учениках Его и об Его учении, желая найти какое-либо обвинение в противозаконном и тайном учении.

Иисус отвечал:

— Я говорил явно миру, Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда иудеи сходятся, а тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня, спроси слышавших, что Я говорил им; вот они знают, что Я говорил.

Тогда один из слуг ударил Иисуса по щеке, воскликнув в лицемерном негодовании:

— Так отвечаешь Ты первосвященнику?

Иисус отвечал ему:

— Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?

Анна, не сумев найти никаких определенных обвинений, послал Иисуса к зятю, Каиафе, который жил в том же дворце. Каиафа был

тогда первосвященником. Он получил это звание с соизволения Римского императора и не был любим народом.

У него должен был состояться суд иудейских священников над Иисусом.

Иосиф Флавий говорит, что во времена владычества римлян у иудеев не было в сущности уже настоящего законного синедриона, или верховного судилища, а только особые неполноправные собрания. Такое собрание, состоявшее, как говорит евангелист, из священников, книжников и старейшин и называвшее себя синедрионом, было созвано Каиафой, чтобы судить Иисуса. Ввели Иисуса. Выслушали обвинителей, свидетельствовавших против Него. Но, очевидно, показания их были так противоречивы и неясны, что никакого определенного обвинения нельзя было на них построить. Суд же этот, на котором председательствовал Каиафа, желал непременно постановить смертный приговор.

Наконец выступили обвинители, приписавшие Иисусу такие слова:

— Разрушу храм сей рукотворенный и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный.

Такое обвинение было ближе к действительности, чем все другие; оно представляло искажение слов, действительно сказанных Иисусом[1].

Иисус стоял перед судьями и на все обвинения отвечал молчанием. Однако приговорить к смерти невозможно было и на основании последнего лжесвидетельства. Оно не представляло собой никакой определенной вины: слова «разрушу храм сей» казались непонятными; нельзя же было истолковать их буквально. Судьи не знали, как поступить. Каиафа выходил из себя. Он вскочил и крикнул:

— Что Ты ничего не отвечаешь?

Иисус продолжал молчать. Тогда первосвященник решился на крайнее средство. Он подошел к Иисусу и в нетерпеливом возбуждении воскликнул:

— Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?

---

[1] Свидетели указывают на слова Иисуса Христа, сказанные Им в Иерусалиме. Но слова эти переиначены, в них вложен другой смысл (Ин. 2, 19). Он говорил *не разрушу*, а *разрушите*, и притом говорил не о храме, а о собственном теле; не говорил Он: *создам*, а — *воздвигну*.

Удивительно странно звучали эти слова в устах первосвященника по отношению к связанному преступнику. Если ответ Христа подавался присутствовавшим богохульством, то как могли они не признать самый вопрос более чем неуместным?

Христос не мог более молчать. Все грядущие века, все поколения человечества должны были услышать и сохранить Его слова:

— Я, — сказал Он, — и вы узрите Сына Человеческого сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных (см.: Пс. 109, 1; Дан. 7, 13—14).

Каиафа разорвал на себе одежды.

— Он богохульствует, на что еще нам свидетелей? Вот теперь вы слышали богохульство Его: как вам кажется?

— Повинен смерти! — отвечали они.

Так окончился суд над Иисусом (см.: Мф. 27, 1; Мк. 15, 1; Лк. 22, 66–71). Его повели через двор в место временного заключения, где Он был отдан под стражу впредь до наступления дня.

На дворе были разведены костры, вокруг которых грелись служители первосвященника, воины и рабы. На Востоке перед рассветом бывает довольно холодно.

В то время, как Иисуса допрашивали и судили, здесь происходило следующее. Двум апостолам, Петру и Иоанну, удалось проникнуть во двор первосвященнический. Вместе с другими Петр стоял и грелся у костра. Придверница, подозрительно оглядев этого незнакомого человека, спросила:

— И Ты был с Иисусом Галилеянином?

Петр растерялся среди этих чужих и враждебно настроенных людей и в смущении ответил отрицательно.

Однако его узнали по галилейскому наречию[1] и продолжали приставать к нему с расспросами.

Раз отказавшись, он не решился уже признать себя учеником Иисуса и продолжал уверять, что не знает Его.

В это самое время Иисуса вели через двор. Он услыхал знакомый голос Петра, отрекавшегося от своего Учителя, и, обернувшись, взглянул на него.

---

[1] Галилеяне, к которым принадлежал по происхождению апостол Петр, отличались от иудеев, особенно иерусалимских, не совсем чистым произношением некоторых слов (Суд. 12, 6).

И почувствовал Петр всю потрясающую боль и тоску этого молчаливого взора. Сердце разрывалось от жгучего стыда и раскаяния; горько рыдая, он вышел из первосвященнического дворца и услышал, как пропел петух.

Много тяжких мук совести принесло Петру его отречение. Уже состарившийся апостол, любимый и уважаемый христианами, никогда не мог забыть этой ночи. Он часто плакал, и глаза его, как говорит предание, всегда были красны от слез.

Иисус был передан в руки грубых и озлобленных рабов и воинов. Они подвергли Его всяческому поруганию: плевали ему в лицо, били Его.

Когда наступил день, первосвященники и старейшины распорядились отправить Иисуса к Понтию Пилату, римскому прокуратору[1]. Дело в том, что синедрион не имел права приводить в исполнение смертных приговоров. Поэтому врагам Иисуса теперь предстояла новая задача: добиться его осуждения от римского прокуратора. Понтий Пилат был истинным римским правителем; он был жесток и надменен. Подобно всем римлянам он считал свой народ избранным, предназначенным господствовать над миром, а остальные расы презирал. Так относился он и к иудеям. Он ненавидел их фанатизм и чувствовал их постоянную неприязнь к победителям. Управление провинцией давалось, обыкновенно, как милость или награда. На это смотрели, как на средство разбогатеть, как на доходное место; очень редко правители проявляли способности к искусному управлению. Целым рядом жестоких поступков Пилат восстановил против себя иудейское население и получил выговор от императора. От иудеев постоянно можно было ожидать восстания. Поэтому в дан-

[1] *Понтий*, по прозванию *Пилат*, был шестым правителем (прокуратор или игемон) Иудеи, получил власть от императора Тиверия в 26 году по Рождестве Христовом Он был человек гордый, надменный и жестокий, но вместе малодушный и трусливый, ненавидел иудеев и был ненавидим ими. После десятилетнего управления он вызван был к суду в Рим (в 36 г.) и потом заточен в Виенне, в южной Галлии, где кончил жизнь самоубийством. Прокураторы обыкновенно жили в Кесарии (Деян. 23, 23; 24, 27; 25, 1), но на праздник Пасхи, когда в Иерусалим собиралось много иудеев, они переселялись сюда для ближайшего наблюдения за порядком и предупреждения народных волнений. Здесь они помещались в пышном дворце, воздвигнутом Иродом недалеко от храма и слывшем в народе под именем претории Иродовой (Деян. 23, 35).

ный момент Пилат не мог действовать особенно резко наперекор фанатичным священникам.

Пилат занимал в Иерусалиме роскошный дворец из белого мрамора. Это здание было выстроено Иродом и называлось «Иродовой Преторией». Сюда привели Иисуса. За осужденным следовала толпа священников и старейшин, всех тех, которые добивались смерти Иисуса; вероятно, сам первосвященник Каиафа тоже был здесь (см.: Мф. 27, 2, 11–14; Мк. 15, 1–5; Лк. 23, 1–6; Ин. 18, 28–38).

Все они не пожелали войти во дворец римлянина, в жилище язычника, чтобы не оскверниться и ни сделать себя недостойными есть пасху. Этого требовал их обрядовый закон.

Когда Пилату доложили об этом, он принужден был уступить суеверию, которое презирал, и выйти к ним на открытый портик дворца. С презрением глядя на эту толпу мрачных фанатиков, он спросил, указывая на связанного Иисуса:

— В чем обвиняете вы Человека этого?

Такой вопрос был неприятен иудейским иерархам. Они рассчитывали на простое утверждение их приговора и исполнение казни. Теперь приходилось вести новый процесс обвинения.

Они попытались избегнуть этого и сказали:

— Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе!

Однако Пилат вовсе не желал быть простым исполнителем чужого приговора, тем более приговора фанатиков, которых презирал и не считал способными постановить справедливое решение. Он отвечал гордо:

— Возьмите Его вы и по закону вашему судите Его.

Пилат, как римлянин, обладал чувством права и этими словами сказал: «Нельзя требовать осуждения, если не указываешь вины; я не знаю обстоятельств дела и не буду судить его».

Тогда толпа стала беспорядочно и сбивчиво обвинять Иисуса. Жаловаться язычнику-римлянину на богохульство, совершенное Иисусом, было бы бесполезно. Они начали обвинять Его в развращении народа, в запрещении платить подати, в том, наконец, что Он называл Себя «царем Иудейским».

Только на последнее обратил внимание Пилат, но не стал беседовать с этой толпой крикливых изуверов, а вошел в атриум и обратился к Самому Иисусу, Который был введен туда. Он спросил Его:

— Ты — царь Иудейский?

Иисус сказал:

— От себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе обо Мне?

— Разве я иудей? — отвечал Пилат. — Твой народ и первосвященники предали Тебя мне, что Ты сделал?

Тогда Иисус ответил на первый его вопрос о царстве:

— Царство Мое не от мира сего: если бы от мира сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан иудеям; но ныне царство Мое не отсюда.

Пилат сказал:

— Итак, Ты царь!

— Ты говоришь, что Я царь, — отвечал Иисус, — Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

— Что есть истина? — спросил Пилат насмешливо и, не дождавшись ответа, пошел к иудеям.

Он не придавал значения туманным рассуждениям философов об истине и предпочитал беззаботно пользоваться благами жизни. Теперь ему было совершенно ясно, что этот человек — возвышенный мечтатель, не представляющий никакой государственной опасности и ничего, по-видимому, преступного не сделавший.

Выйдя к толпе, Пилат сказал:

— Я никакой вины не нахожу в Нем.

Обвинители все более и более выходили из себя. Они начали кричать, что Иисус возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до этого места.

Услышав про Галилею, Пилат спросил:

— Разве Он Галилеянин?

И получил утвердительный ответ. Тогда ему пришла в голову неожиданная мысль: Галилеей управлял Ирод Антипа[1]; ему, следова-

---

[1] Галилейский правитель Ирод Антипа, вполне неожиданно принявший участие в деле Иисуса, соединяя хитрость лисицы (Лк. 13, 32) с легкомыслием и чувственностью (Мф. 14, 3, 6, 7), всегда готов был жертвовать своими убеждениями желаниям развращенного сердца (Мк. 6, 20, 27). В течение долголетнего правления Галилеей и заиорданскою областью Переей он сделал много худого (Лк. 3, 19), запятнал себя убийством Крестителя Господня Иоанна (Мф. 14, 10; Мк. 6, 27) и, впоследствии лишенный власти, скончался в далекой ссылке.

тельно, надлежало разрешать это дело. Если он пошлет Иисуса к Ироду, то, с одной стороны, избавится от несправедливого и следовательно нежелательного приговора, а с другой — изъявит уважение галилейскому тетрарху признанием его власти: отношения их были натянуты и теперь представлялся случай их поправить.

Так и было сделано (см.: Лк. 23, 7–12). Ирод на праздник Пасхи был в Иерусалиме. Он очень обрадовался увидеть Иисуса, о Котором давно уже слышал. Он ожидал, что Иисус покажет ему Свою способность творить чудеса. Он о многом спрашивал у Иисуса, но не получил никакого ответа. Между тем толпа изуверов изливала свои обвинения. Тогда Ирод, раздраженный невниманием Иисуса к его царским словам, надругался над Ним, одел Его в светлую одежду и послал обратно к Пилату. Смертного приговора, однако, этот жестокий человек не решился произвести.

Таким образом снова предстал Иисус перед Пилатом (см.: Мф. 27, 15–26; Мк. 15, 6–19; Лк. 23, 13–25; Ин. 18, 39–40; 19, 1–16).

Последний вышел к собравшимся иудеям и весьма решительно сказал им:

— Вы привели ко мне Человека этого, как развращающего народ, и вот я при вас исследовал и не нашел Человека этого виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его, и Ирод также, ибо я посылал Его к нему, и ничего не найдено в Нем, достойного смерти.

Однако, видя все возрастающее негодование и ярость обвинителей, Пилат понял, что дело серьезно и что легко вызвать открытое восстание среди этих изуверов. Но спасти Иисуса он все-таки хотел. Упрямство, самолюбие, отвращение к безумствовавшей толпе обвинителей и некоторое чувство справедливости и уважения к стойкости и храбрости узника побуждали его это сделать. Сюда присоединилась еще просьба его жены, Клавдии Прокулы, которая видела вещий сон и просила освободить этого праведника. Римляне были суеверны и верили снам[1].

---

[1] По преданию, *Клавдия Прокула* была расположена к вере иудейской и благочестива. Потом она стала христианкой. Она могла слышать многое о Христе, как великом Учителе, Чудотворце и Мессии, а сновидение, в котором она даже страдала за Него, было ближайшим поводом ходатайствовать о Нем пред мужем, в опасении, как бы за осуждение невинного Праведника Понтий не подвергся Божию наказанию.

Пилат предложил иудеям отпустить Иисуса не как невинного, а как помилованного преступника, согласно обычаю прощать одного из действительных злодеев в честь праздника Пасхи[1]. Но и это ни помогло. Народ кричал:

— Смерть Ему! А отпусти нам Варавву.

— Что же вы хотите, чтобы я сделал с тем, кого вы называете царем Иудейским?

— Распни, распни Его! — раздались бешеные крики.

Пилат упорствовал:

— Какое же зло сделал вам Он? Я ничего достойного смерти не нашел в Нем. Итак, наказав Его, отпущу.

Это была последняя попытка, последняя уступка. Он хотел удовлетворить непонятный ему гнев толпы жестоким истязанием Иисуса, но от смерти Его освободил. Он велел воинам бить Иисуса. Те отвели Его внутрь двора и подвергли поруганию и пыткам: одели в багряницу, положили на голову венец из терна, били и плевали в Него[2].

В таком виде, измученного и окровавленного, Пилат вывел Его к толпе, желая этим зрелищем удовлетворить ее жестокость. Но человеческая жестокость, особенно жестокость толпы, раз вспыхнувшая, возрастает при виде чужих страданий. Иисус был спокоен и величествен. Лицо Его отражало следы мучений, но взор горел решимостью.

Римляне ценили стойкость и железную силу духа. Пилат с невольным изумлением смотрел на Иисуса. Если бы Он умолял о пощаде и унижался, природная жестокость тотчас проявилась бы в правителе, вызванная презрением. Теперь же он чувствовал к Нему почти уважение.

---

[1] Начало обычая освобождения в праздник Пасхи, по желанию народа, одного из узников (Мф. 27, 15) неизвестно, и о нем нигде, кроме этого места, в Евангелии не упоминается. Вероятно, он введен римлянами для приобретения себе популярности между иудеями; подобные милости несколько льстили народному самолюбию и могли отчасти примирять народ с игом чужеземцев. *Варавва*, называвшийся также Иисусом, был убийца и разбойник.

[2] *Багряница* — обыкновенный военный плащ красного цвета. Это была широкая верхняя одежда без рукавов, которая накидывалась через плечо и застегивалась так, что правая рука оставалась свободной. Такие плащи носили цари и императоры и высшие военные чины. Цари носили скипетр, как символ власти. Господу, в насмешку над Ним, как над царем, дали простую палку (*трость* — Мф. 27, 29), а вместо богатого венца надели венец из колючего терна.

— Се — Человек! — воскликнул он, с отвращением глядя на безумствовавшую толпу, из которой ни один не проявил бы подобной высоты духа.

— Распни, распни Его! — вопили иудеи.

— Возьмите Его вы и распните, — резко сказал Пилат, — ибо я не нахожу в Нем вины.

Оставалось одно: прямо высказать причину осуждения Христа.

— Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал себя Сыном Божиим!

Это было нечто совсем новое. Раньше иудеи не приводили такого обвинения. Пилат был обеспокоен. Римляне в те времена не были религиозны, но были весьма суеверны. Боги по их верованиям могли иметь детей среди смертных на земле. Такие дети богов, герои или полубоги обладали таинственной, чудесной силой, и посягать на их жизнь для простого смертного было опасно.

Пилат снова велел ввести Иисуса в залу дворца и, посмотрев на Него внимательно, спросил:

— Откуда Ты?

Иисус не отвечал ничего.

— Мне ли не отвечаешь?! — воскликнул Пилат, — не знаешь разве, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?

На это Иисус сказал:

— Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе.

Пилат задумался... Слова эти были глубоко верны и сказаны с таким величием, что заставляли гнуться его надменную душу. Он смутно чувствовал здесь что-то таинственное и необычное. В невинности Иисуса он был уверен.

Снова вышел Пилат к толпе и стал защищать Иисуса.

Иудейские священники и старейшины поняли, что их замысел погибает. И они прибегли к позорному лицемерию: заявили о своей верности кесарю, которого ненавидели, и проявили неожиданную заботливость к охранению его власти, которую постоянно мечтали свергнуть.

— Если отпустишь Его, — кричали они, — Ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю!

Пилату намекнули на возможность доноса, на возможность выставить его изменником перед Римом. Сразу поколебалась его искренняя решимость спасти Иисуса. Он снова стал трусливым временщиком, трепещущим за свою власть. Несмотря на явную опасность, он попытался еще сопротивляться.

— Царя ли вашего распну? — спросил он, но голос его уже потерял прежнюю властную надменность и стал нерешительным.

— Нет у нас царя, кроме кесаря! — завопили иудеи в диком исступлении, забывая народную гордость и ненависть к римскому игу.

В этих словах заключалась явная измена заветным надеждам «избранного народа». Каждый честный иудей пришел бы в негодование от этого возгласа.

Когда вопрос был так поставлен, Пилат не мог далее сопротивляться: здесь требовалось уже самопожертвование. Отпустив Иисуса, он оставил бы на свободе в римской области какого-то «царя, кроме кесаря». Это было бы изменой императору. Он был принужден согласиться на распятие.

Но суеверный страх его был силен. Он решился внешним обрядом снять с себя вину. Это была чисто языческая точка зрения. Он умыл руки перед иудеями и сказал[1]:

— Неповинен я в крови Праведника этого, смотрите вы!

Толпа воскликнула в ответ:

— Кровь Его на нас и на детях наших![2]

Иисуса повели на казнь.

В этот же день совершилось событие, о котором так повествует евангелист Матфей (см.: Мф. 27, 3–10):

---

[1] У евреев был закон умывать руки в доказательство того, что умывающий невинен в пролитии крови найденного убитым человека (Втор. 21, 6; ср.: Пс. 25, 6).

[2] Кровь Праведника, которую иудеи призывали на себя, пала на них, на детей их, на все потомство их, она пала и на всех участников страшного события. Каиафа лишен был в следующем году первосвященства. Сын Анны умер от руки мятежников. Кровь иудеев лилась рекою во время войны и разрушения Иерусалима. Они кричали Пилату: «Распни, распни!» Римляне их самих тысячами распинали вокруг города. Они дали предателю тридцать сребреников и сами были продаваемы победителями в рабство еще за меньшую цену. Они выбрали для себя Варавву — и не стало для них Мессии; потеряв свое отечество и свою самостоятельность, они влачат свое существование среди иноплеменных народов.

«Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря:

— Согрешил я, предав кровь невинную.

Они же сказали ему:

— Что нам до того? Смотри сам.

И бросив сребреники в храме, он вышел; пошел и удавился».

Как мог совершиться в Иуде такой страшный перелом? Что произошло в его душе? Как пришел он к сознанию своей вины и к самоубийству? Некоторое указание дают его слова: согрешил я, предав кровь невинную, — значит, раньше он не думал, что это — кровь невинная, — и считал Иисуса виновным. Когда же изменилось его отношение? Евангелие говорит: когда он увидел, что Иисус осужден. Следовательно, суд над Иисусом и приговор этого суда произвели в нем тот нравственный перелом, который привел его к самоубийству. Вероятно, Иуда присутствовал на этом суде и мог видеть Иисуса и Его обвинителей. Прежде всего ему бросились в глаза крайнее пристрастие судей, их растерянное искание улик, их лицемерие; показания лжесвидетелей были явно нелепы или недобросовестны: приговор был произнесен поспешно и необоснованно. Жизнь и учение Иисуса вовсе не были представлены на суде, как бы то следовало. Наконец не был соблюден прямой закон, по которому казнь приводилась в исполнение лишь спустя сорок дней после произнесения приговора; это давало возможность недовольным обжаловать приговор, выступив в защиту обвиненного. Иуду, конечно, поразило такое неуважение к закону со стороны законников и хранителей народной веры и обычаев. Они предстали ему в новом свете; он усомнился в их честной преданности закону, в их святости.

С другой стороны, Христос держал Себя достойно и величественно. Он не оправдывался и не искал спасения. Это не могло не произвести глубокого впечатления на изменившего ученика. Если Он и не Мессия, думал Иуда, то, во всяком случае, человек высокой нравственности и огромной силы духа. Особенно Он казался величественным по сравнению со своими судьями.

Но решающее действие на совесть Иуды имел суд у Пилата. Здесь он увидел, что посторонний, незаинтересованный человек, язычник — безусловно признал праведность Иисуса и почувствовал ре-

шительное отвращение к Его обвинителям. Эти последние вели себя совершенно несовместно с достоинством высших иерархов народа.

Особенно поражен был Иуда тем, какое обвинение они выставили перед Пилатом, как главное, посредством которого им удалось добиться осуждения Иисуса. Они обвиняли Его в том, что Он сделал себя царем Иудейским, а всякий делающий себя царем — противник кесарю и как таковой должен быть казнен. Прежде всего Иуда понимал, что это обвинение совершенно ложно: он потому ведь и покинул Иисуса, потому-то и усомнился в Нем, что Тот медлил объявить Себя царем и даже прямо уклонился от этого. Он видел также, что это обвинение явно недобросовестно со стороны обвинителей: они сами знали хорошо, что Иисус никогда не стремился стать народным вождем или царем земным. Но главное — все это обвинение совершенно недопустимо в устах истинных иудеев. Обвинять Иудея в том, что он «противник кесарю» — нелепо, ибо всякий истинный иудей должен быть таковым. Если бы Христос действительно объявил себя царем Иудейским и противником кесаря, то все истинные иудеи должны бы встать на защиту Его, а не отдавать Его в руки римлян. Поэтому строить такое обвинение — значит лицемерить и изменять коренным верованиям народа. Полное ничтожество свое эти первосвященники, книжники и старейшины разоблачили перед Иудой, когда закричали: «Нет у нас царя, кроме кесаря!» Это уже была открытая измена мессианским надеждам; полное попрание всего, что было дорого сердцу иудея. Теперь Иуда увидел, что это не духовные вожди иудейства, хранители народной веры, а трусливые ставленники римского правительства, трепещущие за свое положение. Он подумал: быть может, истинного Мессию они предали бы точно так, как теперь предают этого кроткого праведника. Иуда не мог уверовать в Христа теперь, так как он не мог себе представить поругание и смерть истинного Мессии, но он не мог больше верить и в правоту иудейских священников; он ощущал полную потерю веры: те, которых он считал хранителями истины, оказались изменниками народу, лицемерными лжецами.

Тогда совесть заговорила в нем; его поступок представился ему в ином свете: он совершил обыкновенное предательство расположенного к нему Учителя. Встали мучительные воспоминания о светлых днях совместной жизни, о кротости Учителя, о святых делах Его.

И теперь на суде Он не отступил, не убоялся; Он стал еще спокойнее и тверже.

Иуда понял, что предал на смерть совершенно невинного человека. Он пошел к первосвященникам и прямо высказал им свой взгляд на дело. Быть может, он еще надеялся, что они оправдаются пред ним, успокоят его растерзанную совесть, но они ответили: «Что нам до того! Смотри сам». Трудно придумать более бездушный ответ. Иуда понял, с кем имеет дело. Теперь ему уже не к кому было обратиться на земле. В душе не оставалось никакой веры, никакой надежды. Он безвозвратно погиб.

Казнь Иисуса последовала тотчас после произнесения приговора. Ее приводили в исполнение римские воины. Они сорвали с Иисуса багряницу, одели его в прежние одежды и повели к месту казни, возложив на плечи крест (см.: Мф. 27, 31–32; Мк. 15, 20–21; Лк. 23, 26–32; Ин. 19, 16–17).

Два разбойника должны были подвергнуться казни одновременно с Иисусом. Их вели вместе с ним; отряд воинов под командою сотника сопровождал осужденных. Шествие двигалось по улицам Иерусалима. В городе было очень людно, но народ, равнодушный и суетливый, был всецело погружен в свои мелкие заботы; все спешили оканчивать приготовления к предстоящей Пасхе.

Иисус, страшно утомленный, едва мог двигаться с тяжелым крестом на плечах. Ночь и утро, проведенные в непрерывных допросах, пытки и оскорбления, которым Он был подвергнут, окончательно подорвали Его силы. При выходе из городских ворот, когда стало очевидным, что Иисус не сможет донести креста до места казни, воины, не желавшие, конечно, нести за Ним позорное орудие, задержали первого попавшегося иудея, возвращавшегося с полевых работ, и заставили его нести крест за Иисусом. Евангелист сообщает, что это был некто Симон Киринеянин[1].

Многие останавливались, с любопытством глядя на процессию; иные присоединялись и шли следом. В конце концов образовалась значительная толпа, в которой было много женщин; они «плакали и рыдали об Иисусе». Несомненно, многие из тех, которые теперь

---

[1] *Киринея*, или *Кирена*, — город в африканской Ливии, на запад от Египта, населенный в то время во множестве евреями. Симон был отец известных потом в христианской Церкви Александра и Руфа (Мк. 15, 21; Рим. 16, 13).

провожали Его на казнь, знали Его, слушали Его поучения в храме и сочувствовали Ему; но были и такие, которые осыпали Его насмешками и шли для того, чтобы насытить свою жестокость предстоящим зрелищем. Среди последних были иудейские священники и старейшины, добивавшиеся так страстно Его осуждения.

Видя плачущих женщин, Иисус сказал:

— Дщери Иерусалимские, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших; ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие. Тогда начнут говорить горам: падите на нас, и холмам: покройте нас. Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим — что будет?

Эти слова были пророческими. Многие из тех, кто теперь шел за Иисусом, и большинство их детей дожили до страшной картины полного разрушения роскошного города. Улицы были залиты кровью, жители бежали в ужасе, римляне тысячами распинали взрослых детей за стенами города.

Наконец осужденных привели к месту казни, называвшемуся Голгофой. Трудно теперь точно указать это место, найти его под развалинами десять раз осажденного и десять раз разоренного города. Известно только, что тогда оно находилось за городскими воротами[1].

Кресты были положены на землю (см.: Мф. 27, 33–56; Мк. 15, 22–41; Лк. 23, 33–49; Ин. 19, 18–30). Присужденные к казни раздеты и пригвождены к перекладинам. Во время этих ужасных пыток Иисус произнес такие слова:

— Отче, прости им, ибо не знают, что делают![2]

---

[1] *Голгофа* — лобное место — небольшой холм вне городских стен к северо-западу; назывался так или потому, что имел вид черепа, или потому, что на нем было много черепов и костей казненных там. По церковному преданию, на этом самом месте был погребен Адам.

[2] Это — *первое* из семи слов Господа со креста. Он просит у Отца Своего прощения всем Своим врагам, всему человечеству, во искупление которого Он распинается. Римские солдаты, язычники с Пилатом во главе, действительно не знали, что распинаемый ими есть Спаситель мира — Сын Божий. Иудеи, особенно начальники их, имели все средства знать, что Иисус есть Мессия, но они не веровали в Него и были ослеплены до такой степени, что не думали, что распинают Мессию. Вот почему апостол Петр в речи своей к иудеям говорил им прямо, что они и начальники их распяли Господа по неведению (Деян. 3, 17), и апостол Павел говорит, что если бы они знали, то не распяли бы Господа славы (1 Кор. 2, 8). Неведение, однако, не оправдывает их преступления, ибо они имели средства знать.

Затем кресты были приподняты и установлены в заранее приготовленные ямы[1]. Крест Иисуса стоял посередине и возвышался над двумя другими. Над Его головой была прибита доска, намазанная белым гипсом; на ней была сделана черными буквами надпись на трех языках — латинском, греческом и иудейском:

— Царь Иудейский.

Это была смертельная обида, нанесенная Пилатом иудейским иерархам, язвительная и унижающая насмешка над гордостью покоренного народа. Священники бесились от злобы. Они послали к Пилату:

— Не пиши, — просили они, — царь Иудейский, но что Он говорил: «Я — царь Иудейский».

Теперь Пилат доставил себе полное удовольствие поступить наперекор ненавистным изуверам, которые принудили его к нежеланному решению. Он отвечал с презрением:

— Что я написал, то написал.

И не сказав ни слова больше и не выслушав их дальнейших просьб, повернулся к ним спиной и ушел в свой дворец. Теперь, когда он распял «Царя Иудейского», он уже не боялся никаких доносов кесарю.

Иисус пробыл на кресте приблизительно шесть часов. Стража из римских воинов охраняла распятых от возможного похищения с

---

[1] Жертвоприношение Голгофское совершено на кресте, по толкованию св. отцов, для того, чтобы явить миру *широту и долготу и глубину и высоту* любви Христовой (Еф. 3, 18). Все, что совершилось на древе крестном, было «врачеванием нашей немощи, возвращающим ветхого Адама туда, откуда он ниспал, и приводящим к древу жизни, от которого удалил нас плод древа познания, безвременно и неблагоразумно вкушенный. Для этого древо за древо, руки за руку, руки мужественно простертые за руку невоздержно простертую, руки пригвожденные за руку своевольную, руки совокупляющие воедино концы мира за руку извергшую Адама. Для этого вознесение на крест за падение, желчь за вкушение, терновый венец за худое владычество, смерть за смерть, тьма для света, погребение за возвращение в землю» (Григорий Богослов). Таким образом «как грех вошел в мир посредством плода древесного, так и спасение — посредством древа крестного» (Афанасий Великий). Высотою креста апостол означает пренебесное, глубиной — преисподней, а долготой и широтой — пределы того, что находится среди оных. Святой Василий Великий видит в четверочастном составе креста указание на четыре страны света и говорит, что предпочтена крестная смерть для того, чтобы все части мира приведены были ко спасению частями креста.

крестов. Жестокая толпа зрителей оскорбляла Иисуса, издеваясь над мучениями Его. Священники и старейшины говорили:

— Других спасал, а Себя Самого не может спасти. Если Он царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него[1].

Один из разбойников тоже злословил Его, говоря:

— Если Ты Христос, спаси Себя и нас.

Другой же, как говорит евангелист, унимал своего товарища и говорил:

— Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал.

И сказал Иисусу:

— Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое.

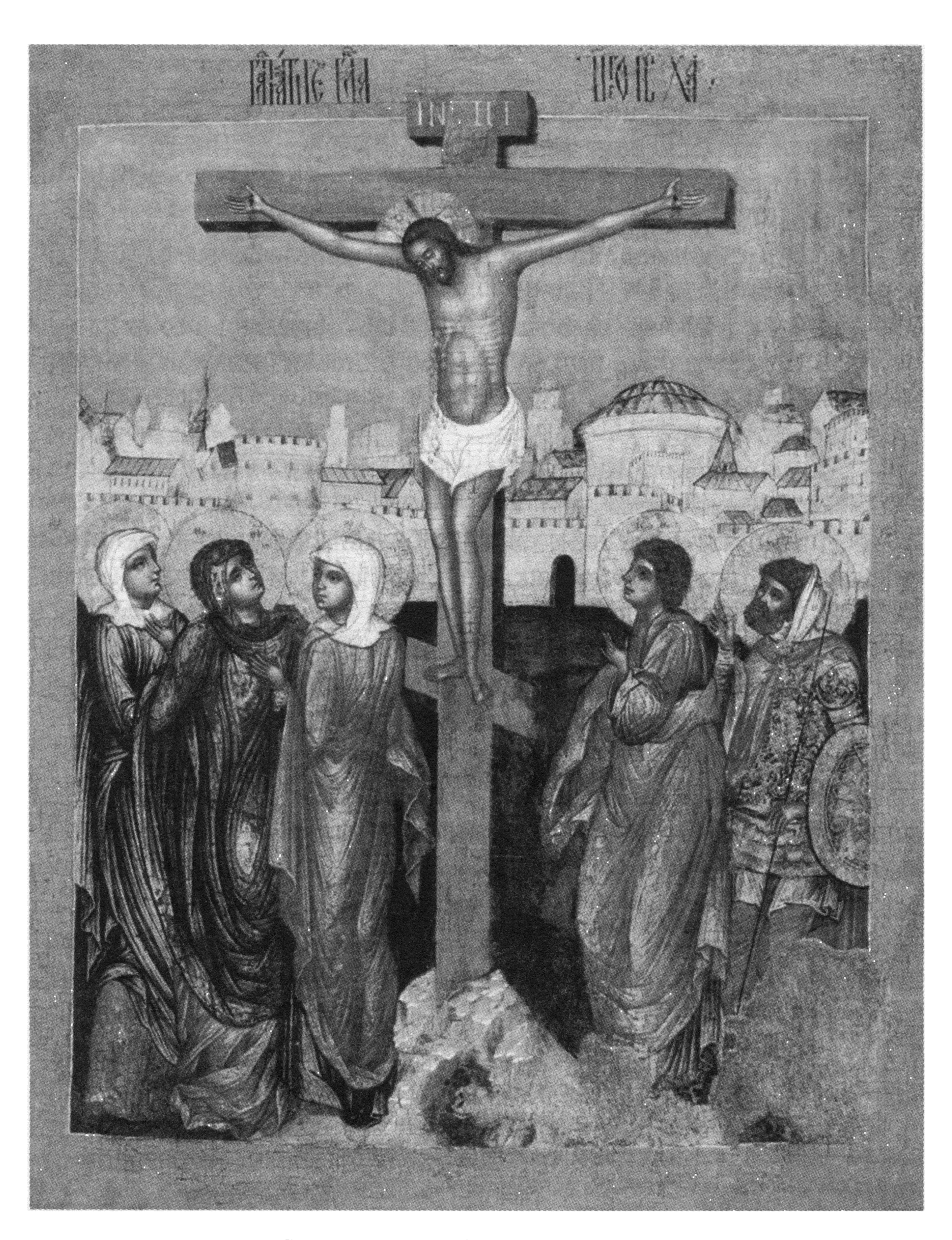
И сказал ему Иисус:

— Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю[2].

Здесь же, около креста, как передает евангелист Иоанн, находились: Мария, Мать Иисуса, сестра Матери Его — Мария Клеопова и Мария Магдалина.

[1] Божественный Искупитель знал, что Он должен испить чашу страданий до дна (Мф. 20, 22), — ту чашу, которую подавал Ему Отец и Он Сам добровольно принял (Мф. 26, 42; Ин. 10, 17–18). Многократно Он предсказывал о Своих страданиях и крестной смерти (Мф. 16, 21; 17, 12, 22, 23; 20, 18–19; 26, 2; Мк. 8, 31; 9, 12, 31; 10, 33; Лк. 9, 22, 44; 13, 33; 17, 25; 21, 15–16; 24, 7), указывал частнейшие обстоятельства предстоящей кончины Своей: предательство Иуды (Мф. 26, 21–25; Мк. 14, 18–21; Лк. 22, 21; Ин. 6, 70; 13, 18, 21, 26); отречение Петра (Мф. 26, 34; Мк. 14, 30; Лк. 22, 34; Ин. 13, 38), бегство учеников (Мф. 26, 31; Ин. 16, 32), смерть на кресте (Ин. 3, 14; 8, 28; 12, 32, 33), погребение (Мф. 26, 12; Мк. 14, 8; Ин. 12, 7), говорил, что Он идет *по реченному* (Лк. 22, 22), *якоже есть писано о Нем* (Мф. 26, 24; Мк. 14, 21), и *ведый вся грядущая нань* (Ин. 18, 4) еще накануне предвозвестил ученикам о скором отшествии Своем (14, 19; 16, 5; 16, 28; 17, 13). Мог ли сойти со креста Сын Человеческий, Который собственно и пришел *на час сей* (Ин. 12, 27), чтобы дать душу Свою во избавление за многих (Мф. 20, 28; Мк. 10, 45).

[2] *Второе* слово со креста. Господь обещает покаявшемуся разбойнику, на кресте исповедавшему Его Царем, блаженство вместе с Собою в царстве праведников, избранных Божиих. Христос предрекает, что разбойник умрет в этот же самый день, а не будет мучаться на кресте, как то бывало с распятыми, что и действительно случилось, так как его смерть была ускорена (Ин. 19, 32). Слово «рай» означает собственно сад, наполненный тенистыми и прекрасными деревьями и цветами. В жарких странах Востока во время солнечного зноя сад был местом истинного наслаждения и успокоения, а потому рай стал образом места блаженства праведников в мире загробном (2 Кор. 12, 4).

Распятие Господа Иисуса Христа

Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей:

— Жено, се сын твой!

Потом говорит ученику:

— Се матерь твоя![1]

И с этого времени ученик этот взял Ее к себе. Этот ученик был сам святой Иоанн, повествующий нам об этом.

Над городом сгущалась тьма[2].

Страдания Иисуса достигали последнего предела. Около девятого часа, — как говорит евангелист Матвей, — возопил Иисус громким голосом:

— Или, или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты Меня оставил?[3]

Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили:

— Илию зовет Он[4].

---

[1] Это — *третье* слово со Креста. Не видно было Пресвятой Девы ни при славном преображении Сына Ее на Фаворе, ни при торжественном входе в Иерусалим, ни при других чудных событиях земной жизни Его, когда дивились учению (Ин. 7, 46) и делам Его (6, 14), но теперь она стала как бы на страже у Креста Его. Во всей поразительной силе Она чувствовала теперь в душе Своей оружие, предсказанное праведным старцем Симеоном (Лк. 2, 35), страдала так, как никто никогда не страдал на земле, кроме Самого Распятого. Бездна Ее страданий не обуревала и не потопляла Ее. Пресвятая Дева — Богоматерь была та *Жена*, о Которой возвещено было еще в раю (Быт. 3, 15), теперь, когда Семя Ее искупительным жертвоприношением разрушало *дела диавола* (1 Ин. 3, 8), где и находиться Ей, как не при Кресте Сына Своего? Он преподает Ей последнее утешение и дает завещание, чтобы Матерь и возлюбленный ученик Его не разлучались. В лице Иоанна Господь усыновил благодатно милосердной Своей Матери всех верующих в Него, *родившихся от Бога* (Ин. 1, 13) *водою и Духом* (3, 5), тех, кому Он дал власть быть чадами Божиими (Ин. 1, 12) и кого не стыдился называть братьями Своими (Евр. 2, 11).

[2] Тьма была от шестого часа до девятого (по нашему счислению от двенадцати до трех часов пополудни). Это было чудесное затмение, в продолжение которого видны были даже звезды. О нем свидетельствует римский астроном Флегонт.

[3] Это — *четвертое* слово со Креста. Мы были оставлены Богом, как чада гнева (Еф. 2, 8), *согрешившие* в своем прародителе (Рим. 5, 12) и за нас наш Ходатай был оставлен Отцом Своим, «дабы нам не быть оставленными Богом, оставлен для искупления нас от грехов и вечной смерти, оставлен для показания величайшей любви к роду человеческому, оставлен для доказательства правосудия и милосердия Божия» (св. Киприан Карфагенский).

[4] Это была новая насмешка. Пред пришествием Мессии иудеи ожидали пришествия пророка Илии и теперь насмехались, что вот оставленный Богом, рас-

Конец быстро приближался. Страшная жажда начала томить Иисуса.

— Жажду![1] — воскликнул Он, и кто-то подал Ему губку, напитанную уксусом.

Настала последняя минута.

— Совершилось! — сказал Иисус.

Затем, собрав остаток сил, воскликнул:

— Отче, в руки Твои предаю дух Мой![2]

пятый, но все еще считающий Себя Мессиею, зовет Илию, чтобы он помог Ему теперь (Мф. 27, 49).

[1] Это — *пятое* слово с Креста. Весь в ранах и язвах, измученный, окровавленный, осмеянный, поруганный и, по пророческому слову, ни во что вмененный (Ис. 53, 2–3), Богочеловек дошел до крайней степени изнеможения: *крепость Его,* как предсказывал Давид, *изсше, яко скудель, и язык прильпе гортани* (слав. Пс. 21, 16); жгучая боль разливалась по всем членам и появилась томительная жажда, как предвестница близкой смерти. Готовясь положить жизнь Свою за падшего человека (Ин. 10, 15), Он в первый и последний раз, с креста Своего, просит у этого человека малого вознаграждения — глоток питья. Люди поспешили исполнить то, что задолго было предвозвещено Давидом: *даша в снедь Мою желчь и в жажду Мою напоиша Мя оцта* (слав. Пс. 68, 22). Уксус (слав. оцет), смешанный с желчью, — одуряющий и притупляющий чувство напиток, который давали пить распятым, чтобы несколько уменьшить мучительность страданий. Римляне называли его усыпительным. Христос хотел испить чашу гнева Божия вполне, не уменьшая силы страданий, и потому, попробовав напиток, не стал его пить (Мф. 27, 32). Его жажда была не простая телесная потребность: Богочеловек жаждал нашего спасения, жаждал исполнить волю Отца небесного и *совершить дело Его* (Ин. 4, 34); жаждал до дна испить чашу скорбей и страданий за грешных людей, которой устрашалось Его человечество в саду Гефсиманском; жаждал искупить нас от греха и проклятия, разрушить державу смерти и ада; Он жаждал, чтобы ни одна черта из того, что о Нем предсказано в Священном Писании, не осталась неисполненною (Ин. 19, 28).

[2] Это — *шестое* и *седьмое* слово со Креста. Крестное жертвоприношение окончено. Предвечное определение Триипостасного Божества о спасении рода человеческого исполнено. Правда Божия удовлетворена. Гнев и осуждение отменены. Пророчества сбылись, преобразования осуществились, обеты, данные патриархам, выполнены, кровь пролита до последней капли, синагога упразднена, церковь основана. Спаситель изрек: *совершишася*! и, возвысив тон, воскликнул: *Отче, в руце Твои предаю дух Мой!* Это были последние слова на кресте Того, Кто, *Себе умалив, послушлив был даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 3, 7–8). «Так умерло тело и произошло его разрешение, а Бог-Слово непреложно был и в теле, и в душе, и в Себе Самом, Сын в лоне Отчем, в показание Своей неизменяемости» (Афанасий Великий). Смерть Господа сопровождалась чудесными знамения-

Римский сотник, присутствовавший при последних минутах Иисуса, сказал:

— Воистину Человек сей был Сын Божий!

Наступил вечер (см.: Мф. 27, 57–61; Мк. 15, 42–47; Лк. 23, 50–56; Ин 19, 31–42). Иудеи боялись осквернить субботу оставлением тел на кресте и просили Пилата снять умерших. Тот дал разрешение.

Евангелист Иоанн передает следующую подробность:

— Итак, пришли воины, и у первого перебили голени и у другого, распятого с Ним; но придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голеней; но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода[1].

Из дальнейшего видно, почему это обстоятельство обратило на себя внимание евангелиста: он видел в нем исполнение пророчества. Он добавляет к сказанному: это произошло, да сбудется Писание: *кость Его да не сокрушится* (Исх. 12, 46). Также и в другом месте Писание говорит: *воззрят на Того, Которого пронзили* (Зах. 12, 10).

Иисус был погребен богатыми и влиятельными иудеями, сочувствовавшими Его учению, — Иосифом из Аримафеи и Никодимом[2].

ми: 1) В храме *раздралась* надвое *завеса*, сверху донизу. Эта завеса отделяла часть храма, называемое Святое, от другой, называемой Святое Святых (Исх. 26, 31–33). Святая Святых было образом неба, и раздрание завесы, скрывавшей его, было символом того, что смертью Христовою открыт всем вход в него, куда первосвященник Иисус вошел как Предтеча (Евр. 6, 19; 9, 6; 10, 19). 2) *Землетрясение* — знак гнева Божия на тех, кои предали смерти возлюбленного Сына Его. От этого землетрясения 3) *камни* (скалы гор) *рассеялись* и 4) *гробы*, которые делались в каменных скалах в виде пещер, отверзлись. 5) *Многие тела усопших* по воскресении Господа *востали* и явились многим в городе (Мф. 27, 51–53).

[1] Рана, нанесенная Спасителю, была глубокая, так что, по воскресении, Господь, для уверения Фомы, предлагал ему *вложить руку в Свои ребра* (Ин. 20, 27). «Не без значения и не случайно истекла кровь и вода, ибо из них составлена Церковь; это знают посвященные в таинства: водою они возрождаются, а кровью и плотью питаются» (Иоанн Златоуст). Это чудное событие не может быть объяснено каким-либо естественным образом и должно быть отнесено к силе и действию Божия всемогущества. Повествующий об этом св. еванг. Иоанн — самовидец того, что происходило на Голгофе, — усиленно удостоверяет, что свидетельство его истинно (Ин. 19, 35).

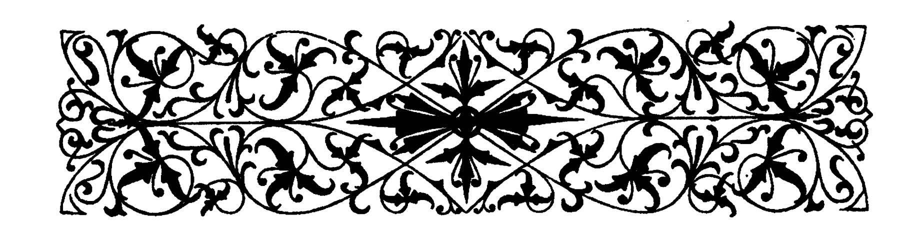
[2] *Аримафея* — место рождения пророка Самуила, вероятно тоже, что Рама — небольшой городок в колене Вениаминовом (Мф. 2, 18). *Иосиф* был член синедриона (Мк. 15, 13) — человек благочестивый, тайный ученик Иисуса (Ин. 14, 38). В беззаконном суде синедриона над Господом Иосиф, по свидетельству святого

Пилат отдал Иосифу, по его просьбе, тело Иисуса, и тот похоронил Его в своем саду, в новой каменной гробнице, вероятно предназначавшейся для самого владельца. Никодим же принес для похорон, по восточному обычаю, ценный душистый состав из смирны и алое для умащения тела умершего[1].

Луки, не участвовал (Лк. 23, 51). *Никодим* принадлежал к секте фарисеев, был также членом синедриона (Ин. 3, 1), имел с Христом продолжительную ночную беседу о пути ко спасению (Ин. 3, 1–2) и затем небоязненно произнес в защиту Его слово правды (Ин. 7, 51).

[1] Описанные события, предварившие шествие Спасителя на вольную страсть, и самые страдания Христовы воспоминаются на богослужении *Великого четверга и Великой пятницы*. В апостольском чтении четверга (1 Кор. 2, 23–32) изображены как установление таинства Евхаристии, так и цель его и достойное приготовление. Евангелие (Мф. 26, 1–20; Ин. 13, 3–17; Мф. 26, 21–39; Лк. 22, 43–45; Мф. 26, 40–75; 27, 1–2) повествует об обстоятельствах, предшествовавших, сопровождавших и последовавших за Тайной Вечерей. В своих песнопениях Церковь глубоко соскорбит и сострадает Спасителю и благоговейно преклоняется пред Его долготерпением. На литургии торжественная Херувимская песнь заменяется трогательною песнию *«Вечери Твоея тайныя»*, обличающей Иуду и подражающей исповеданию благоразумного разбойника. В кафедральных соборах совершается, по особому чину, *умовение ног* архиереем 12-ти избранным священнослужителям. Все богослужение Великой пятницы посвящено благоговейному воспоминанию страданий Спасителя. *Утреня* этого дня есть *последование святых и спасительных страстей Господа нашего Иисуса Христа*. На ней читаются *двенадцать Евангелий*, которые верующие слушают с возжженными свечами, в знак пламенной любви к Страдавшему Господу и подобно евангельским девам, исшедшим в сретение Жениха. Так как совершение литургии есть образ Голгофского жертвоприношения, то в самый день воспоминания этого всемирного события литургия не совершается. Исключение допускается только для праздника Благовещения, если он случится в Великую пятницу. Вместо литургии совершаются *царские часы*: 1, 3, 6, и 9-й — вместе, на них не только воспроизводится история совершившихся в этот день евангельских событий, но на сопоставления ветхозаветных пророчеств (псалмы и паремии) и новозаветных священных чтений (Апостол и Евангелие) подробно раскрывается догмат христианский о нашем искуплении крестною смертью Спасителя. *В конце Вечерни*, в воспоминание снятия со креста пречистого тела Господа, священнослужители износят из алтаря *плащаницу* (образ положения Иисуса Христа во гроб). За вечерней следует малое повечерие, на котором читается умилительный *канон* «о распятии Господни и на плач Пресвятой Богородицы». В нем между прочим так изображается скорбь Богоматери:

«Се свет Мой сладкий, надежда и живот Мой благий, Бог Мой угасе на кресте. Помышляю, Владыко, яко ктому сладкаго Твоего не услышу гласа, ни добро́ты лица Твоего узрю, якоже прежде, раба Твоя, ибо зашел еси, Сыне Мой, от очию Моею. Ныне Моего чаяния, радости и веселия, Сына Моего и Господа,

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам. А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподния места земли? Нисшедший Он же есть и вышедший превыше всех небес, дабы наполнить все.

(Еф. 4, 8–10).

Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна.

(1 Кор. 15, 17).

Настала «великая и благословенная суббота»: Единородный Сын Божий, смиривший Себя до крестной смерти (см.: Флп. 2, 8) и предавший дух Свой в руки Отца (см.: Лк. 23, 46) «субботствовав плотью, почил от всех дел Своих»[1]. Недавно видели Его уничиженным, а ныне покой Его — честь.

Но не было покоя в Иерусалиме: одних его лишала злоба, а других — тяжелая, гнетущая скорбь.

Враги не переставали преследовать распятую Истину даже во гробе, «куда низвели ее неправды человеческие и правый суд Божий»; руки, убившие Спасителя, утвердили гроб Его печатью; ожесточенная ненависть и неверие оградили целость ее стражею (см.: Мф. 27, 62–66).

лишена бых, увы Мне, болезную сердцем. Мертва Тя зря, Человеколюбче, оживившаго мертвыя и содержаща вся, уязвляюся люте утробою, хотела бых с Тобою умрети, не терплю бо без дыхания мертва Тя видети. Избавляяй болезни, ныне приими Мя с Собою, Сыне Мой и Боже, не остави Мене едину, уже бо жити не терплю, не видящи Тебе, сладкаго Моего света». Богочеловек, умерший и погребенный телом, но Божеством все наполняющий, внимал воплям и стенаниям Своей Пречистой Матери и таинственно вещал Ее сердцу: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Егоже во чреве без семене зачала еси Сына, востану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Бог, верою и любовью Тя величающия».

[1] Служба вел. суббот., утр. кан., п. 4, троп. 1, стихиры на *хвалитех*, 2 слава.

А в это время ученики Господа с Пречистою Его Матерью предавались великой скорби. Все апостолы, кроме возлюбленного ученика (см.: Ин. 19, 26), оставили своего Учителя, и теперь они от других узнают о последних днях Его жизни, — как Он терпел поругания, как страдал, как взывал среди ужасных крестных мучений к Отцу Своему: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (см.: Мф. 27, 46). Эти рассказы раздирали их душу тоскливыми недоумениями: «Кто же был Он? Мы видели Его дивные, говорившие о Божественном всемогуществе, чудеса, слышали Его, исполненное неведомой силой и неизъяснимой любовью, слово, — и вот Его победили враги, и даже Бог, Которого Он называл Своим Отцом, Его оставил! Он умер позорною смертью на кресте, а мы надеялись, было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля (см.: Лк. 24, 1). Горько плакал апостол Петр, отрекшийся от Того, Кого обещал любить до смерти (см.: Мк. 14, 27, 29–31; 66–72). Но несравненно более горькие слезы проливала Матерь Господа: душу Ее прошло острое оружие (см.: Лк. 2, 35) и из переполненного скорбью сердца вырывались неутешные сетования: «Где, Сын и Бог Мой, благовещение, сказанное Мне Гавриилом? Он называл Тебя Царем, Сыном и Богом вышним, и теперь Я вижу Тебя, сладкий Мой свет, обнаженным и изъязвленным мертвецом». «Вот свет Мой, надежда, жизнь и Бог Мой угас на кресте. Отныне радость никогда не прикоснется ко Мне, — зашли во гроб Моя радость и свет; но не оставлю Его... — здесь же умру и погребусь с Ним!» Внимая воплям и стенаниям Своей Матери, Богочеловек таинственно вещал Ее сердцу из гроба: «О, как утаилась от Тебя бездна щедрот?! ибо хотя спасти Мою тварь, Я изволил умереть, но, как Бог неба и земли, Я воскресну и Тебя возвеличу»[1].

Так одни с тоскою, а другие с злорадством взирали на молчаливый, запечатанный и окруженный стражею гроб Искупителя. Но от мира сокрыто было, что происходило в это время за дверями живоносного гроба. Здесь покоилось только Пречистое Тело Господа; обоженною душей Своею Он сошел в бездну (см.: Рим. 10, 7); в самую твердыню исконного человекоубийцы (см.: Ин. 8, 44), где от века томились души земнородных, лишенных за грех прародительский райского блаженства. *Христос*, — говорит святой апостол Петр, — *чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за*

---

[1] Служба велик. пятка, повеч., канон., п. 7, троп. 1; п. 3, и ныне; п. 5, троп. 1; кан. п. 9, слава.

неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожил духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал (1 Пет. 3, 18—19). «Обоженная душа Христова нисходит в ад для того, чтобы как живущим на земле воссияло Солнце правды, так и для сидящих под землею во тьме и сени смертной воссиял свет, — чтобы как находящимся на земле, так и сущим во аде, Христос благовествовал мир, пленным освобождение, слепым прозрение, и для уверовавших был виновником вечного спасения, а для неверующих обличителем в неверии» (св. Иоанн Дамаскин).

Настал день Христов (см.: Ин. 8, 56) для тех, которые издалека, отделенные тысячелетиями и веками, только провидели его в тени прообразов и пророчеств. И вот с проповедью Евангелия (св. Климент Александрийский) и отпущения грехов (св. Ириней) сходит Господь во ад. С восторгом неизъяснимой радости встретил Господа Иисуса сонм праотцов и пророков. Здесь, за мрачными затворами «унылого ада» (св. Григорий Богослов) Спаситель «видит Адама, обливающегося слезами; видит Авеля, покрытого кровью, как багряницею; видит Ноя, украшенного праведностью; видит Сима и Иафета, украшенных почтительностью к отцу; видит Авраама, увенчанного всякими добродетелями; видит Лота, подвизавшегося в гостеприимстве; видит Исаака, цветущего постоянством; видит Иакова, сидящего терпением; видит Иова, подобного борцу, уготовавшемуся за ратоборство; видит Финееса, вооруженного копьем; видит Моисея, посвященного Божиими перстами. Приходит к Навину, и он окружен воинством; подходит к Самуилу, и он блистает помазанием царей; идет к Давиду, и он погребен со псалтирью; приступает к Елисею, и он облечен в милоть. Исаия с радостью показывает главу, отделенную у него пилою. Иона славится спасением ниневитян. Иеремия умащен тиною из рва. Светозарны очи Иезекиилевы от страшных видений. На ногах Даниииловых свежи еще лобзания львов. Тела бывших в печи искрятся огнем. Дружина Маккавеев окружена орудиями мучений. Глава Крестителева сияет усекновением. Видит и святых жен, которые ни в чем не уступили мужам: видит Сарру, сияющую Авраамскою верою; видит Ревекку, процветающую благотворным напоением из водоноса; видит Рахиль, в браке сияющую целомудрием; видит матерь противоборных мучителю оплотов, остененную семью сынами; видит всякого праведника, взирает на всякого пророка — и проповедует: „Се Аз!“» (св. Ефрем Сирин).

Ад «вострепетал при встрече»[1] со вторым Адамом (см.: 1 Кор. 15, 45, 47–48), язвы Которого являли всемогущество, «и погиб от грозного взора»[2]. Сокрушились «вечные вереи» ада[3]. Кончилось владычество смерти и диавола (см.: Евр. 2, 14): Святой и Истинный, имеющий ключ Давидов (см.: Откр. 3, 7), открыв для верующих, заключенные грехами прародителей, двери рая и в сопровождении сонма искупленных вошел в самое небо (см.: Евр. 9, 24). «Искуплены все праведные, которых поглотила смерть и после этого каждый из праведников сказал: „Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа? (см.: 1 Кор. 15, 55). Нас искупил Победодавец“» (св. Кирилл Иерусалимский).

Прошло двое суток со дня смерти Господа Иисуса на Голгофе... Сильнее зашевелилось чувство беспокойной злобы в душах богоубийц, твердо помнивших предсказание Спасителя о воскресении в третий день (см.: Мф. 27, 63); в душах же учеников Христовых заря его зажигала луч смутной надежды на явление силы Божественного всемогущества над их умершим и погребенным Учителем (см.: Лк. 24, 24). Но равнодушно, чуждые злобы и надежд, стояли воины на страже у гроба, где была погребена Надежда всей твари (см.: Рим. 8, 19).

В безмолвии глубокого утра, среди общего покоя природы, воссияла Истина от земли (см.: Пс. 84, 12), Богочеловек воскрес «из запечатанного гроба» (св. Исидор Пелусиот), когда на нем «лежали печати и камень» (св. Иоанн Златоуст). Не было свидетелей того величайшего, еще не виданного миром, чуда, — они и не были нужны: вся последующая история Церкви Христовой — непрекаемый и немолчный свидетель истины Воскресения.

Воины, охранявшие гроб, были очевидцами событий, уже последовавших за Воскресением Господа, которое Ему угодно было облечь священною тайною. Спокойно стояли они под сенью оливковых деревьев, внимательно всматриваясь в окружавшую их предутреннюю мглу. Вдруг они почувствовали, что земля заколебалась и подобно молнии, рассекая воздух, заблистал необычайный свет — то Ангел Божий, сошедший с неба, преступил ко гробу, отвалив от него камень, и сел на нем (см.: Мф. 28, 2–3). Так «печать, положенная неверием на холодном гробе Господа, растаяла от огня Божества, в нем таившегося; тяжелый камень соблазна, покрывавший его, упал

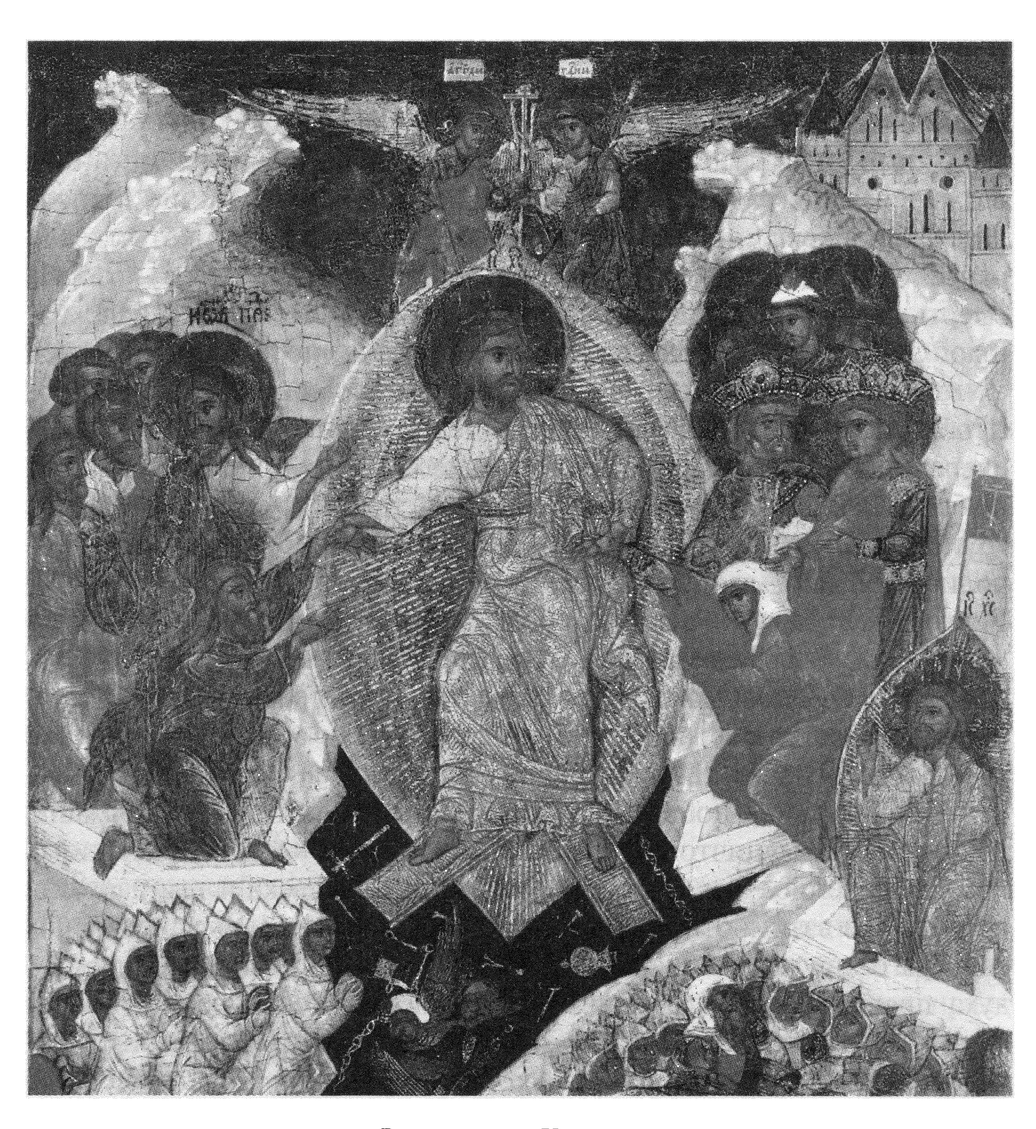
[1] Служба вел. субб., утр., кан., п. 4, троп. 3.
[2] Служба вел. субб., утр., кан., п. 4, троп. 3.
[3] Служба св. Пасхи, утр. кан., п. 6, ирмос.

и только поразил иудейскую жестоковыйность и эллинское высокоумие» (митрополит Московский Филарет). Светом своего явления ангел привел в ужас воинов: от страха они пришли в трепет и стали как мертвые (см.: Мф. 28, 4). Земная стража у гроба воскресшего Господа окончилась, уступив место небесной, — светоносным вестникам всерадостного воскресения.

Христос воскрес! — и для всего мироздания начались истинная весна, светлое, радостное утро новой жизни. Воскресение Господа Иисуса — первая действительная победа жизни над смертью, если ранее они и были, то — неполные, временные, после которых смерть снова утверждала свое действительное владычество над жизнью. Со смертью боролась природа, вызывая, по заповеди Божией (см.: Быт. 1, 22), на место угаснувших жизней новые. Но для чего? Чтобы они опять исчезли, сменились другими, которые, в свою очередь, заменятся третьими и так далее. Жизнь природы, поэтому, не более как пестрый, яркий покров на непрестанно разлагающемся трупе, сотканный из множества мимолетных смертных жизней. Боролись со смертью и герои человеческой мысли, великие мудрецы Востока и Запада, но они не победили ее: их уделом, как и всех других людей, была смерть, после которой они не воскресли. Бессильны пред смертью были и люди великой нравственной мощи, например, ветхозаветные праведники: наравне со злодеями смерть сводила их в мрачный шеол, или преисподнюю.

Окончательная победа над смертью и не могла быть одержана, доколе не был уничтожен источник ее в мире — грех, внесший в него раздвоение. Грех связал страстями дух человека и тем нарушил правильное взаимоотношение между ним и телом: последнее из послушного орудия для деятельности богоподобного человеческого духа превратилось, благодаря греху, в неодолимое препятствие на пути к нравственному совершенству. Борьба с грехом без Христа невозможна для человека, она только приводит его к сознанию своего бессилия, исторгая из души его скорбный вопль: *бедный я человек! Кто избавит меня от этого тела смерти?* (Рим. 7, 24).

И вот, в побежденный грехом и неразрывно связанной с ним смертью (см.: 1 Кор. 15, 56) мир, когда пришла полнота времени (см.: Гал. 4, 4), явился для его спасения Богочеловек Иисус Христос, всецело осуществивший в Своей жизни волю Божию. Вся земная жизнь Его была свободный и произвольный подвиг самоуничиже-

Воскресение Христово

ния, предпринятый для совершения порученного Ему Отцом дела (см.: Ин. 17, 4). Подвигоположник нашего спасения был подобно нам искушен во всем, кроме греха (см.: Евр. 4, 15). Поэтому смерть, как и князь ее, не имели в Нем для себя ничего (см.: Ин. 14, 30); Он победил их. Они были бессильны пред беспредельной нравственно-свобо́дной духовной силой во Христе, и Господь Иисус воскрес как дух, навеки воплощенный, соединивший с полнотою внутреннего душевного существа и все положительные стороны бытия телесного без его внешних ограничений. Смерть не имела власти не только над духом, но и над телом Христовым, — плоть его не видела истления (см.: Пс. 15, 10; Деян. 2, 31). «Душою Бога разрушена держава смерти, совершено и благовествовано душам воскресение из ада, а телом Христовым в бездействие приведено тление и явлено из гроба нетление» (св. Афанасий Александрийский). Как Сын Человеческий, послушный Своему Отцу до крестной смерти, Господь Иисус Христос воскрес славою Отца (см.: Рим. 6, 4), действием Его всемогущества (см.: Деян. 2, 24; 4, 15; Рим. 8, 11; 2 Кор. 13, 4), и как Сын Божий, превечное Слово, Сам возвратил обо́женную душу Свою в прославленное тело (см.: Ин. 10, 17–18).

Воскресение, венчая жизнь Господа Иисуса, как Богочеловека, венчает и подвиг Его, как Мессии — Спасителя мира.

Оно переродило апостолов, превратив боязливых рыбарей в самоотверженных проповедников Христовых, пронесших слово благовестия, по заповеди Учителя, от Иерусалима до края земли (см.: Деян. 1, 8). При взятии Господа в саду Гефсиманском посланными от первосвященников и старейшин народа, ученики разбежались; как овцы без пастыря (см.: Мк. 14, 27) они рассеялись в отчаянии и ужасе, и даже камень веры — святой апостол Петр (см.: Мф. 16, 18) поколебался «от ничего не значащего слова рабыни, как лист от ветра» (митрополит Московский Филарет). Они ожидали, что Мессия видимо откроет Свое славное царство Израильское на земле. Но крест разрушил эти надежды, разбил их теократические мечты. В глазах учеников Христовых, как и всех людей того времени, крест был самым ужасным и позорным из всего, что мог только испытать человек в своей жизни; он был знаком столь страшного проклятия, что Сам Учитель их тосковал и скорбел перед ним до кровавого пота. Голгофа с ее мучениями затмила в душах апостолов веру во Христа как Мессию, оставив им веру в Него как пророка, Который был сильный

в деле и слове пред Богом и всем народом (см.: Лк. 24, 19). Но воскрес Христос, — и крест засиял в их очах светом неувядаемой славы; язвы явили Божественное всемогущество и гроб стал колыбелью неразрушимой веры, что смерть побеждена, что есть жизнь вечная. С проповедью о Христе распятом и воскресшем выходят они в мир, терпя гонения и лишения. Как поистине тернист был путь благовестников Христовых в мире, описывает апостол языков: «Я, — говорит он, — был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской. Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников. В трудах и в изнурении, часто в бдении, голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе» (см.: 2 Кор. 11, 23–27). Что же поддерживало их при таких испытаниях, превращая самые скорби в радость, поношение в честь (см.: Деян. 5, 10–41)? Они жили верою, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит чрез Иисуса и (см.: 1 Кор. 4, 14) их. И силою этой веры они победили мир, привели к подножию креста тех, которым слово о кресте (см.: 1 Кор. 1, 18) казалось соблазном и безумием (см.: 1 Кор. 1, 23).

Они поняли, что только в воскресшем Христе могут найти удовлетворение глубочайшим запросам человеческого духа. Люди изнурены грехом и алчут правды, — но Христос и *был предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего* (Рим. 4, 25). Люди томятся под безотрадным игом закона и жаждут благодатной свободы, — умертвив своею смертью порождение закона — грех (см.: Рим. 7, 9) и победив Его Своим воскресением (см.: 1 Кор. 15, 25), Господь Иисус Христос открыл Своим последователям путь к истинной свободе (см.: Ин. 8, 36) и заменил тяжелое, невыносимое иго сурового закона благим и легким бременем Своего учения (см.: Мф. 11, 30). Люди страшатся смерти, но *Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших* (1 Кор. 15, 20). Своим воскресением Господь Иисус Христос открывает для человека двери столь желанного бессмертия. Для него теперь уже не может быть страшна смерть, если он верует во Христа, усвояет верою Его праведность, Его вечную жизнь, Его дух (см.: Рим. 8, 9–11; Гал. 6, 8), если он живет во Христе, то и жить будет с Ним (см.: Ин. 14, 19), сохраняя не только душу, но и тело. Христос в воскресении Своем приобрел про-

славление Своему человечеству, а вместе с тем приобрел надежду прославления и нашему всеродному человечеству. Туда, где от века пребывал Он и пребывает как Бог, Он вошел, как Богочеловек с душою и телом. В воскресении Богочеловека имеем поэтому нелож-ное свидетельство, что и мы воскреснем и притом с телом непременно. Не будем спрашивать, как это произойдет. Если Господь Иисус веру Свою, в самом лице Его низринутую во гроб и низведенную в ад, воскресил, возвел, воцарил, то не можем сомневаться, что и нашу веру в воскресение чрез Него Он оправдает. Иначе христиане были бы несчастнейшими из людей на земле (см.: 1 Кор. 15,19). Христианин — временный гость, странник и пришлец на земле, которого неизбежно сопровождает злоба и ненависть со стороны большинства окружающих. Страдания так же неизбежны в его жизни, как и в жизни Спасителя (см.: 1 Пет. 2, 21). Но Христос воскрес и через это основал нашу надежду глубже настоящего мира и воздвиг ее выше земли: *если Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас* (Рим. 8, 11)[1].

Не один человек обременен грехом и жаждет бессмертия: смутно и неясное тяготение к избавлению от зла и стремление к бессмертию заложено и во всю природу; она, сведенная с настоящего пути развития грехопадением человека, страдает и томится (см.: Рим. 8, 20–22), ожидая того великого дня, когда *последний враг истребится — смерть* (1Кор. 15, 26), когда воскресший Сын Человеческий *и Сам покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем* (1 Кор. 15, 28). Тогда наступит царство славы, доступ в которое Христос со славой открыл всему миру.

---

[1] Пребывание Христа телом во гробе, сошествие душою во ад, пребывание на престоле со Отцом и Духом Церковь воспоминает в Великую субботу. Проливая слезы любви и благодарности к Положившему жизнь Свою за друзей и врагов Своих, телом почившему во гробе, Церковь призывает всех и все к святейшему и драгоценнейшему гробу — чаянию всех языков, созывает к нему и небо и землю, и ангелов и человеков, окружает его святым облаком древних свидетелей, за тысячелетия его провидевших, и собором новозаветных провозвестников, здесь, пред Распятым, как бы дающих отчет в своей всемирной проповеди об искупительных Его кресте, смерти и воскресении. Все богослужение Великой субботы представляет чудное сочетание самых противоположных чувствований — скорби и отрады, горя и радости, слез и светлого ликования. *На утрени* совершается *погребальное пение* над Божественным Мертвецом. Оно состоит из пророчески

предызображающей страдальческую жизнь Спасителя на земле 17-й кафизмы (сто восемнадцатый псалом), именуемой «непорочны» и разделенной на три статьи (или стояния). К каждому стиху кафизмы прибавляются краткие песнопения, или «похвалы», умершему и погребенному Господу. В предвестие имеющего восстать из гроба Невечернего Света верующие стоят с возжженными свечами. После великого славословия совершается *шествие с плащаницею* вокруг храма, живо и наглядно переносящее наши мысли и чувства к тому времени, когда Иосиф и Никодим, забыв всякий страх пред сонмищем иудейским, с заботливой любовью, с несокрушимой преданностью воздавали последнюю честь Распятому, Его Пречистое Тело «плащаницею чистою обвив» и «во гробе нове» положив. *Литургия* (Василия Великого) является завершением страстных служений и непосредственным предпразднеством, или предначатием, Пасхи. После малого входа читаются *15 паремий*, в которых собраны почти все главные пророчества и прообразы, относящиеся к лицу Иисуса Христа, увенчавшему великое дело искупления преславным Своим воскресением. После чтения Апостола, при пении «Воскресни, Боже» меняются темные одежды престола и священнослужителей на светлые, и диакон, наподобие светлого Ангела, первого свидетеля и вестника воскресения Христова, возвещает это всерадостное Евангельское благовествование. От Ангела первую весть о воскресении услышали святые жены-мироносицы. Подобно им, встретившим воскресшего Господа вне Иерусалима, совершаем и мы *крестный ход пред пасхальной утреней* вокруг храма. В начале канона и каждой его песни священник с крестом и свечами совершает каждение всей церкви, в знаменование неоднократных явлений Господа по воскресении. Радостное пасхальное приветствие напоминает нам то состояние апостолов (Лк. 24, 14, 34), в котором они, когда внезапно пронеслась весть о воскресении Христовом, с радостным восторгом спрашивали один у другого: «Христос воскресе!» и отвечали один другому: «Воистину воскресе». Взаимное *лобзание* есть выражение любви и примирения друг с другом, в память всеобщего прощения и примирения нашего с Богом, смертью и воскресением Иисуса Христа. *Красное яйцо* служит символом воскресения Христова и нашего возрождения в жизнь будущую. Как из яйца, из-под мертвой скорлупы, рождается жизнь, которая была совершенно сокрыта, так и Христос, лежавший во гробе, как мертвец, восстал из этого жилища смерти и тления. Как из яйца рождается живое существо и начинает жить полною жизнью, когда освобождается от скорлупы, заключающей в себе его зародыш, так при втором пришествии Христа на землю, и мы, отбросив все тленное здесь, где имеем уже зародыш и начало вечного бытия, силою воскресения Христова, возродимся и воскреснем для другой жизни. Окрашенное красною краской яйцо напоминает нам о том, что наша новая жизнь приобретена пречистой Кровью Иисуса Христа. Обычай взаимного обмена яиц обязан своим началом св. Марии Магдалине, которая, представ императору Тиверию, поднесла ему красное яйцо с приветствием «Христос воскресе». *Все пасхальное богослужение* и церковные обряды особенно торжественны, проникнуты одним чувством радости и являют верующему все, что в христианстве есть таинственного, высокого и спасительного для души, светлого, отрадного и утешительного для сердца.

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.

